Михаил Лост

ИСКУШЕНИЕ

мистический роман

© Авторские права защищены

Оглавление:

ИСКУШЕНИЕ..... 3
– 1 –..... 3
– 2 –..... 33
– 3 –..... 68
– 4 –..... 122
– 5 –..... 163
– 6 –..... 203
– 7 –..... 246
– 8 –..... 288
– 9 –..... 330
– 10 –..... 373
– 11 –..... 418
– 12 –..... 464
– 13 –..... 498

ИСКУШЕНИЕ

История не знает сослагательного наклонения.
Что сделано, то сделано?

– 1 –

Острая боль в левом плече пронзила тело наискось, словно молнией, и закончилась в правой икре, едва не сведя ее судорогой. Очевидным образом сказывались полученные травмы и нараставшая с каждой минутой усталость. Едва не упав, Эрих опустился на колено и машинально схватился за мышцу, норовившую вот-вот выйти из повиновения. Падать было нельзя. Боль в плече вызвал метко пущенный камень, а он прилетел отнюдь не самостоятельно. Прилетел в тот момент, когда Эрих, укрывшийся за стволом раскидистого дерева, уже имел основания надеяться, что оторвался от преследователей. Их возбужденные крики отдалялись в сторону, и он мысленно переводил дух, позволив вздымавшейся груди дышать более шумно. Фигура, возникшая на гребне стены, положила конец его надеждам и едва не вывела из строя. Нападавший громко заорал лишь тогда, когда Эрих каким-то чудом увернулся от второго увесистого камня, глухо ударившего о древесный ствол. Заорал, привлекая внимание сообщников. Завопил лишь теперь, когда ему не удалось поразить жертву наверняка, отчего до поры он и хранил молчание, тщательно взвешивая на ладони грубый, но эффективный метательный снаряд. Парой дюймов левее — и лежать бы сейчас Эриху с пробитой головой. Собственно, потому и нельзя было падать. Интонация криков преследователей немедленно изменилась. Откликнувшись на зов сообщника те стали быстро приближаться, о чем свидетельствовал нараставший топот бегущих ног. Справившись с накатившей судорогой в уставшей, ушибленной мышце Эрих сделал из-за дерева рывок и зайцем понесся вниз по улице, петляя между встречными препятствиями. Припаркованная машина, которую он неловко обогнул на повороте, истерично разразилась надсадными звуками сигнализации. Владелец наверняка сейчас выглянет в окно и вызовет полицию, да что толку. К тому времени, как та прибудет от Эриха останется кровавое месиво. Мысленно проклиная верещавшую колымагу, Эрих что есть мочи удирал, стараясь не оставаться на линии прямой видимости. Хотя какой смысл ее проклинать? Преследователь, столь мастерски швырявшийся камнями, не отставал, сев, что называется, "на хвост", и продолжал орать, указывая сообщникам направление погони. Таким образом, и без

потревоженной машины те прекрасно знали кто и где. Требовалось срочно оторваться, пока Эрих окончательно не выбился из сил. А их оставалось все меньше. Преследователи же, распаленные жаром погони, казалось, лишь набирались энергии, черпая ее в вожделении грядущей расправы. Вероятно, Эриху с самого начала следовало бежать куда-нибудь в людное место, да где его сыщешь в этот час на далекой и пустынной в эту пору окраине Берлина. Кроме того, преследователи отнюдь не остановятся, если он забежит в магазин или на заправку. Ворвутся следом и устроят погром, откровенно не стесняясь ни камер наблюдения, ни возможных свидетелей. Между прочим, не в первый раз. Эта публика была Эриху слишком хорошо известна, чтобы он не строил насчет нее каких-либо иллюзий. Тем не менее, он раз за разом продолжал с ней связываться, прямо-таки испытывая судьбу, причем без особого положительного эффекта. Зачем? Вопрос принципа. Принципа, который сейчас грозил ему самыми печальными последствиями.

Эрих начинал дышать как вытащенная из воды рыба. Преследователь же чувствовал себя явно лучше, постепенно настигая свою жертву. Эрих бежал не оглядываясь, но на крутых поворотах периферическим зрением видел его фигуру, мелькавшую в свете отдельно стоящих фонарей. Самое время было нырнуть в какое-нибудь убежище — перевести дух, а затем, когда настырная гончая пронесется мимо, тихонько убраться куда-нибудь подальше. Как назло, ничего подходящего не попадалось. Либо же мозг, находившийся в чрезвычайном нервном возбуждении, утратил способность мыслить адекватно и взвешенно оценивать эффективность встречавшихся укрытий. И Эрих просто бежал. Бежал в надежде оторваться от преследователя и исчезнуть в лабиринте улочек. Нырнуть в спасительный полумрак вдали от настигающего гулкого топота и забиться в какую-нибудь щель. Хоть в собачью будку, если подвернется. Меж тем расстояние от охотника до добычи продолжало уверенно сокращаться.

В какой-то момент, казалось, страстное желание беглеца осуществилось. Преследователь неожиданно отстал. Производимый им шум, столь чутко различаемый взбудораженным сознанием Эриха, затих. Лишь далекие крики преследователей да тревожные возгласы редких случайных прохожих все еще доносились откуда-то позади. Неужели выдохся? Хорошо бы! Подбодренный этой мыслью Эрих даже заметно припустил вперед, отдавая оставшиеся силы новому рывку, сулившему долгожданное спасение. Ну, не совсем вперед. Улица плавно изгибалась, предоставляя в распоряжение беглеца лишь короткие тупиковые ответвления.

Эрих, припоминая в уме куда его вообще несет, рассчитывал добраться до конца этого длинного изгиба. Там, у перекрестка, начинался обширный густой сквер, фактически переходивший в парк. Там он почти наверняка скроется, оставив позади мостовые и предательски светившие фонари. В парке у преследователей не будет никаких шансов настичь свою жертву. Чтобы досконально обыскать его затемно у них уйдет масса времени, за которое Эрих выбежит в любом его конце и исчезнет где-нибудь в малоэтажном пригороде. Окрыленный сознанием этого обстоятельства, беглец припустил еще быстрее, и вот уже впереди показался долгожданный перекресток. Стена, обрамлявшая улицу, заканчивалась. За ней, освещенный отблесками безразличного ко всему светофора, виднелся заветный переход на сторону сквера. Ряды аккуратных домиков, видневшихся за стеной, Эриха уже не интересовали. Он и прежде не искал там убежища, поскольку хозяева, даже если и захотят среди ночи пустить к себе в дом незнакомца, могут не успеть открыть ему дверь. Теперь же лучшим укрытием являлся парк. И до него оставались считанные ярды. Глаза Эриха впились в ближайшие кусты и деревья, обрамлявшие мягко освещенную дорожку, уводившую вглубь желанной тени. Под ноги он давно не смотрел. Те сами несли его как на крыльях, машинально перескакивая через любые препятствия. И вдруг подвели на ровном месте совершенно непредвиденным образом. Когда стена кончилась, Эрих, уже мысленно углубившийся в сквер, неожиданно споткнулся. Ловко подставленная подножка ласточкой отправила его на мостовую.

Грохнувшись со всего маху на брусчатку, беглец рисковал переломать себе кости. Как минимум, разбить лицо. Вовремя подставленные руки позволили избежать наихудшего развития событий. Успев сгруппироваться, Эрих кубарем прокатился по серым камням и вскочил на ноги, отделавшись парой болезненных ушибов. И тут же получил удар в скулу. Преследователь, подставивший жертве ногу, не терял времени даром. Он отстал не просто так. Сообразив, куда бежит его добыча, он метнулся в сторону, срезая путь. И в тот самый момент, когда Эрих считал свое спасение делом решенным, напал на него из-за угла, куда поспел гораздо раньше.

В голове у беглеца зашумело, однако он не утратил над собой контроль. Второй удар не достиг цели, а Эрих, извернувшись, сумел ткнуть противника в грудь. Тому это явно не понравилось. Поперхнувшись торжествующим воплем, подзывавшим далеко отставших приятелей, он качнулся и отступил на шаг назад. Но тут же вновь ринулся в атаку. Все что оставалось Эриху — это всту-

пить в навязанную ему схватку. К сожалению, быстро выяснилось, что преимущество явно не на его стороне. Во-первых, враг был заметно крупнее, и его размеры происходили отнюдь не ввиду избыточной полноты. Во-вторых, он устал заметно меньше беглеца, что сквозило в каждом его движении. И это преимущество серьезно усиливало превосходство в физической форме. В-третьих, этот тип был неплохо подкован по части драк. Эрих, конечно, тоже, учитывая его регулярные стычки с оппонентами, но на сей раз ему попался серьезный соперник, которого он не факт что победил бы и полностью готовый к поединку. Не прошло и минуты как стало понятно, что перспективы у беглеца незавидные. Враг, распаленный грядущей расправой, оголтело наседал, невзирая на ответные удары. И наносил их больше, чем получал, причем наносил куда чувствительнее. Эрих, сообразив, что открытый бой он откровенно проигрывает, сделал то единственное, что ему оставалось — навязал противнику ближний. Накрепко сцепившись, двое молодых людей грянулись на мостовую и принялись по ней кататься, стараясь достать друг друга жестокими пинками. С грохотом отлетело в сторону полосатое заграждение — какие бы работы здесь не проводились, их явно не закончили, раз перекрыли зону подобными украшениями. Ни Эриху, ни его врагу не было ни малейшего дела до потревоженных конструкций. Пока те с треском падали кто куда, они пытались нанести своему оппоненту как можно больше чувствительных ударов. Это было не так просто сделать в полулежащем положении, но оба старались как могли. В какой-то момент у Эриха потемнело в глазах. Локоть противника ткнул его в солнечное сплетение. Ткнул вскользь, иначе тут бы схватке и конец, но беглец едва не проиграл бой, лишь отчаянным усилием воли вцепившись во врага как клещ. Тот, однако, ненадолго сбавил напор. Эрих заехал ему в пах. Заехал, опять же, не со всей силы, но этого хватило, чтобы дать беглецу небольшую передышку. Некоторое время противники громко пыхтели, больше сжимая друг друга в объятиях, нежели производя активные действия. Преследователь уже не вопил во всю глотку, полностью поглощенный поединком. Впрочем, это мало что меняло, так как его прежние крики слишком хорошо обозначили местонахождение жертвы. Насилу пришедший в себя Эрих сообразил, что ни к чему хорошему текущая тактика тоже не приведет. Пока он тут кувыркается с врагом на мостовой, его дружки с каждой секундой все ближе к месту схватки. Со всеми вытекающими. Следовало любой ценой выиграть хотя бы пару секунд и рвануть в спасительный полумрак сквера. Меж тем преследователя — крепкого мускулистого детину лет под тридцать — тоже посетила эта нехитрая мысль. Он вдруг

перестал пытаться нанести беглецу как можно больше повреждений. Эрих всем телом почувствовал, что враг меняет положение. Его руки и ноги стали смещаться таким образом, чтобы не бить оппонента, а схватить его и удерживать, не давая вырваться. Еще мгновение и… Эрих, решив не выяснять, удастся ли врагу осуществить свое намерение, воспользовался его ненадолго ослабшей хваткой. Ударив преследователя локтем куда придется, беглец нечеловеческим усилием вырвался и откатился в сторону. Затем пружиной вскочил на ноги и… Тут же получил сильнейший удар в нос. Кровь хлынула рекой, в глазах потемнело, в голове помутилось. Враг налетел ястребом, вскочив с тем же проворством, что и его жертва. Зашатавшись, Эрих сделал два неверных шага назад. Ничего не видя кроме каких-то мутных пятен и слыша один лишь протяжный звон, он стал легкой добычей даже для хлипкого подростка. С торжествующим воплем враг ринулся к нему, рассчитывая окончательно сокрушить свою добычу; обрушить кулаки на потерявшее ориентацию тело, превращая его в фарш. И вдруг этот вопль прервался. Только что он звучал прямо перед лицом ничего не видящего Эриха, и в какую-то секунду будто сник к мостовой. Послышался странный сочный звук, словно кто-то ударил молотком по куску сырого мяса. Затем все стихло. Тряся головой, беглец некоторое время закрывался руками, все еще ожидая нападения разъяренного противника. Когда же в голове чуть прояснилось, а глаза вновь различили окружающее пространство, он неожиданно понял, что защищаться не от кого. Враг бесследно исчез, отчего Эриха до сих пор и не превратили в груду бессознательной плоти. Эрих, уж на что плохо соображал после удара в нос, и то осознал всю неестественность сложившейся ситуации. Чудес не бывает. Враг не мог просто взять и испариться, равно как ни с того ни с сего оставить свою жертву в покое. Отирая кровь с лица, Эрих покрутил головой, выискивая, куда подевался мускулистый детина. Затем опустил глаза к мостовой. Его взору представился открытый люк с характерными брызгами крови на ободе. Должно быть, отступая назад, Эрих каким-то чудом не угодил в зияющий провал. Его противнику, так же не заметившему опасность, повезло куда меньше. В памяти у Эриха возник тихий металлический скрежет. Возможно ли, что шагая назад невзвидя света, он каким-то образом своротил люк? Вряд ли. Тяжеленная крышка была сдвинута явно раньше. То-то это место оградили полосатыми конструкциями. Как максимум, он просто потревожил ее, наступив на металл, что и вызвало означенный звук. Приблизившись к дыре в мостовой, Эрих глянул вниз. Его враг был там. Скрючился в неестественной позе, свалившись в вертикальный

колодец и застряв там. Похоже, при падении он ударился головой о металлический обод колодца, чем и объяснялись обильные брызги крови. Преследователь не шевелился. Эрих не знал, жив тот был или мертв. Выяснять это не оставалось ни времени, ни желания. Неподалеку слышался нараставший шум. То поспешали приятели угодившего в колодец врага. Также возможно, что какие-то случайные люди — хозяева соседних домов или припозднившиеся прохожие — стали свидетелями разыгравшейся драмы. А это автоматически превращало весьма вероятное прибытие полиции из спасения в серьезную проблему. Неизвестно что было хуже — попасться в руки своим преследователям или угодить за решетку по обвинению в убийстве той или иной степени. Взяв себя в руки, Эрих попятился, круто развернулся через плечо и что есть духу рванул в сквер. Крайне вовремя. Не успел он скрыться за ближайшей растительностью, как из-за угла объявились многочисленные преследователи.

У беглеца хватило ума не пересекать освещенное пространство, а укрыться в зарослях. Сквер ведь не покрывала сплошная мгла, и вблизи от улицы он был достаточно хорошо освещен. Настолько, что до желанного полумрака оставалось ярдов так сто довольно открытого пространства, где бегущий человек окажется как на ладони даже для не самого бдительного наблюдателя. Его можно было пересечь, но осторожно, короткими перебежками из одного укрытия в другое, чтобы не привлекать к себе внимания. Таким образом, Эрих, приникнувший к земле, старательно пачкал траву каплями своей крови и заодно слышал все доносившиеся с улицы реплики. Сперва преследователи на все голоса соображали куда им теперь направиться. Этот оживленный диспут быстро прервался, когда они узрели свороченные заграждения, окружавшие область с открытым люком. Пятна крови выглядели слишком красноречиво чтобы оставить их без внимания. Ввиду этого обстоятельства вскоре послышались громкие крики, в которых одновременно звучали гнев и скорбь. Преследователи обнаружили своего товарища. Теперь они орали кто во что горазд. Нецензурные выражения перемешивались с угрозами жесточайшей мести. Наиболее горячие головы желали немедленно настичь беглеца и разорвать его в клочья. Более здравомыслящие либо же человеколюбивые вовсю обсуждали как помочь своему упавшему в люк приятелю. Если ему вообще еще можно было помочь. В результате возникла заминка, ввиду которой никто тут же и не бросился обшаривать сквер — наиболее очевидное местонахождение Эриха. А тот, продолжая слышать разъяренные проклятия в свой адрес, продолжал ползти на карачках в направлении спасительного по-

лумрака. К сожалению, преследователи недолго оставались в нерешительности и наконец-то скоординировались. Пока часть из них, безуспешно пытаясь докричаться до упавшего товарища, собралась вызволить его из люка, другая ринулась на поиски. Эрих услышал хруст ломавшихся веток. Преследователи проникли в сквер. Ну, теперь пан или пропал! Пара-тройка минут — и его обнаружат. Значит, ему остается последний рывок в темноту. Преуспеет — спасен. Догонят — и на этом все. Присев за высоким деревом, Эрих сгруппировался, готовясь к самому отчаянному забегу в своей жизни. Сердце колотилось так, будто норовило разорваться еще до того, как колесо фортуны повернется в ту или иную сторону.

Откуда-то донесся нарастающий вой сирен. Полиция, то ли вызванная кем-то из местных жителей, то ли в свою очередь следовавшая по пятам ночной погони, быстро приближалась к перекрестку возле сквера. Преследователи в очередной раз разразились громкими криками. Теперь в них звучали растерянность и досада. Продолжать погоню, равно как и вызволять товарища, в присутствии служителей закона представлялось не самой удачной идеей. Свидание с людьми в форме в намерения группы молодых и не очень людей явно не входило. Совещание не затянулось. Несколько коротких реплик — и вся компания, насчитывавшая десятка два человек, бросилась врассыпную. Похоже, возле открытого люка остался лишь кто-то один — скорее всего, родственник упавшего, исходя из доносившихся до Эриха слов. Ведь ему предстояло объясняться с полицией, а на это требовалось определенное самопожертвование. Остальные ринулись кто куда. В основном в сквер, чтобы уйти за деревьями. Это едва не погубило Эриха, поскольку двое преследователей гулко пробежали буквально в паре ярдов от него, миновав то самое дерево, за которым он схоронился. Обернись они хоть на мгновение, и их глаза тот час узрели бы скрючившуюся фигуру беглеца. Тогда всклокотавшая ярость почти наверняка решила бы дело в пользу скорой расправы, невзирая на приближавшуюся полицию. Обошлось. Вся компания, так и не заметив Эриха, благополучно разбежалась, за исключением того одного у люка. Эрих так же не собирался попадаться служителям закона. Уловив момент, он стремглав пересек освещенное пространство и скрылся в долгожданном полумраке.

Возвращаться домой в том виде, в каком он сейчас находился, беглец счел невозможным. Одежда порвана и залита кровью. Разбитое лицо, судя по всему, выглядит так, что им только прохожих пугать. Это предположение подтвердилось, когда в глубине парка Эрих нашел уличное зеркало и при рассеянном свете оди-

нокого фонаря узрел себя в нем во всей красе. В столь поздний час небольшой парковый комплекс, предназначенный для отдыха и досуга, был совершенно пуст, поэтому беглец без помех воспользовался его услугами. М-да-а-а. Видок хоть куда! Отчаянные попытки хоть как-то привести себя в порядок у ближайшего крана с водой особого успеха не принесли. Такое и в пруду не отстираешь! Кровь с лица Эрих кое-как смыл, явив звездному небу ссадины и кровоподтеки, а вот оттирание одежды представлялось занятием совершенно бестолковым. К тому же разорванной так, что иной бездомный сейчас выглядел куда приличнее. Бормоча под нос ругательства, Эрих пригорюнился, соображая, что ему следует предпринять. А соображать следовало живее, поскольку близился рассвет, и если уж возвращаться в город, то как можно скорее. Иначе сидеть ему в парке до следующей ночи, рискуя попасться на глаза отдыхающим, и как следствие очутиться в руках полиции. После всего пережитого, включая серьезные побои, голова у Эриха соображала плохо. Именно поэтому небо успела тронуть бледная полоска далекого рассвета, прежде чем беглец пришел к единственно подходящему сейчас решению. Ополоснув напоследок разбитый нос и синяки на скулах, горевшие болезненным жаром, он снова скрылся в темноте.

* * *

Невысокий, в летах, сухонький мужчина привык вставать спозаранку, хотя и ложился он также довольно поздно. Старики мало спят. Кой толк попусту ворочаться в постели, если можно употребить отпущенное время с большей пользой. Время, которого с каждым прожитым годом остается все меньше. В столь ранний час старик был один. Пройдя в притвор старинной кирхи, он как раз собирался надеть свое традиционное облачение, но отложил его в сторонку, задумавшись над открытой книгой. Облокотившись о стол с разложенными на нем бумагами, старик неторопливо водил пальцем по пожелтевшим страницам. Водил отнюдь не потому, что это облегчало ему чтение. Просто старику нравилось прикосновение к бумаге. Настоящей бумаге с запечатленными на ней буквами. В эпоху высоких технологий, когда многие люди все чаще предпочитали виртуальный текст реальному, он относился к своей библиотеке с еще большим трепетом. Этих людей, однако, старик не осуждал, и в первую очередь своих прихожан. Лишь увещевал их отказаться от телефонов и иже с ними хотя бы на время посещения кирхи. Как правило, это удавалось, хотя не обходилось и без неловких моментов.

Задумчиво шевеля седыми бровями — такими же седыми, как короткие, но все еще густые волосы на голове, — и изредка оглаживая гладко выбритое морщинистое лицо, старик зачитался так, что забыл про лежавшую рядом сутану. Впрочем, он мог позволить себе не спешить. Кирха была закрыта, а первые прихожане появятся не раньше восьми утра. Стрелки же на старинных настенных часах показывали без четверти семь, поэтому старик спокойно и неторопливо перелистывал страницы книги, обдумывая какие-то свои мысли. За окном постепенно светало — с востока катился летний рассвет, отчего тени, отбрасываемые зажженным канделябром, потихоньку бледнели. Кирха, разумеется, была оснащена электричеством, однако старик предпочитал обходиться свечами. Свечи он покупал за свой счет — негоже удовлетворять собственные прихоти пользуясь и без того небогатым церковным бюджетом. Со свечами ему было как-то... умиротвореннее. Электрические лампы словно разрушали сокрытые в книгах таинства. Срывали налет старины и нивелировали все духовные помыслы, обедняя их и делая такими же бледными, как те тени, что сейчас исчезали в наступлении зари. Старик был никоим образом не против прогресса. Скорее наоборот — он всячески его приветствовал, но — в разумных пределах, и уж точно не за счет забвения прошлого и всего, что оно хранило. А хранило оно много. Старик изучал его почти всю свою жизнь и прекрасно понимал — за те немногие годы, что еще остались на его долю, он не успеет вникнуть даже в малую толику. Ибо чем больше мы узнаем, тем больше понимаем, насколько мизерны наши познания. Полностью погруженный в свои мысли, старик, тем не менее, не ушел от реальности. Именно поэтому он отчетливо расслышал тихий звук, донесшийся откуда-то из кирхи. Несмотря на преклонные годы, старик сохранил отличный слух, в отличие от изрядно пошатнувшегося зрения. Оторвав взор от гравюры, изображавшей какую-то жутковатую сцену, он глянул в направлении двери, выходившей из притвора. Тихий шум повторился, на сей раз став явно ближе. Кажется, это откуда-то из нефа. Положив на страницы закладку в виде расшитой полоски ткани, старик обогнул стол и двинулся в направлении этого шума, в природе которого он уже не сомневался. Это был звук чьих-то крадущихся шагов. Старик не боялся. Чего ему в его-то годы бояться, да еще во вверенной ему кирхе? Чему быть, того не миновать. Уж он-то слишком хорошо это знает. Бесшумно поднявшись на три ступеньки, старик толкнул ладонью дверь, отделявшую притвор от поперечного нефа, и нос к носу столкнулся с каким-то человеком. От неожиданности последний отпрянул, сделав резкий шаг назад. Отпрянул и старик, но не от

испуга, а от вида того, кого он узрел подле дверного проема. Ибо вид этот производил весьма глубокое впечатление.
— Эрих, ты что, попал под поезд? — осведомился старик, оглядев незваного гостя с головы до пят.
Тот, к кому были обращены эти слова, испустил облегченный вздох. Страх, промелькнувший было на его распухшем лице, тут же сменился выражением стыда.
— Вроде того, пастор, — сипло отозвался он, силясь сохранить душевное равновесие. — Долгая история.
— Надеюсь, она стоит того, чтобы ты спозаранку вламывался в кирху через окно, будто какой-нибудь воришка, — усмехнулся старик.
— Простите, пастор. Я лишь искал место, где смогу привести себя в порядок. Я оказался неподалеку и знал, что это окно у вас всегда открыто, — еще больше застыдился молодой человек, то одной, то другой рукой стараясь прятать разбитую физиономию.
— Да уж, привести себя в порядок тебе сейчас уж точно не помешает, — покачал головой старик.
Подвинувшись в сторону, он сделал приглашающий жест рукой. Эрих — тот самый ночной беглец, что еле удрал от своих разъяренных преследователей, — не заставил себя упрашивать и живо проскользнул в притвор. Закрыв дверь, старик перво-наперво стал оказывать своему утреннему гостю всяческую помощь, справедливо рассудив, что с вопросами можно и повременить.

Через полчаса Эрих обрел человеческий вид. Возможно не самый блестящий, но все же достаточный для того, чтобы добраться до дома не становясь объектом внимания каждого встречного. Порванную, окровавленную одежду молодого человека старик без обиняков выбросил. Взамен он выдал ему простой наряд, обыкновенно предназначавшийся для уборочных работ по кирхе и прилегавшей к ней территории. Наряд потертый, но вполне сносный, и уж точно не выдававший в своем владельце недобитую жертву вовремя сломавшейся мясорубки. Обработав синяки и ссадины гостя медицинскими средствами из различных склянок, старик ловко наложил компрессы на распухшие скулы, велев Эриху придерживать их руками. Жар в поврежденных тканях сразу же пошел на убыль. Молодой человек, подчиняясь каждому велению пастора, молча терпел все манипуляции, даже если они причиняли значительную боль. Он стерпел даже тогда, когда старик заправским движением опытного хирурга выправил ему сломанный нос, воспользовавшись для этого специальным приспособлением. Боль едва не ослепила Эриха, но он посчитал недостойным орать в присутствии пастора, искренне и без вопросов помогаю-

щего ему в столь щекотливой ситуации. Умелые действия старика его не удивляли. В далекой молодости тот работал медбратом и умел облегчать не только духовные страдания людей, но и телесные. Пластырями, бинтами, мазями и прочими средствами первой помощи старик оперировал не хуже святой воды и "Отче наш". Сломанные носы, как выяснилось, также с завидной легкостью выпрямлялись его сухими старческими руками. Этими же руками пастор старательно ощупал кости пациента, выясняя, не имеется ли у того переломов. В довершение ко всему он влил в гостя кружку какой-то необычной на вкус настойки, пахнувшей целым набором душистых трав. От нее по телу Эриха тут же разлилось приятное тепло, а синяки и ссадины стали беспокоить его намного меньше. Оглядев плоды своих трудов, старик удовлетворенно кивнул. Нежданному визитеру заметно полегчало. Не считая пары пластырей и компрессов, выглядел он вполне приемлемо. Нос, конечно, все еще производил неважное впечатление, поэтому пастор, соорудив еще один компресс, велел держать его на переносице. Поскольку рук у Эриха было, как и у всех, только две, старик, недолго думая, наложил ему на голову мудреную повязку, прижимавшую компрессы на скулах. В этих бинтах молодой человек начал смахивать на мумию, но в таком виде его на улицу никто и не выгонял. Окончательно удовлетворенный проделанной работой, пастор уселся напротив гостя на простой деревянный стул, знававший лучшие годы.

— А теперь рассказывай, — спокойно велел он, ни на мгновение не повысив голос.

В общих чертах старик уже понимал, о чем именно зайдет речь. Просто без конкретики. Ведь утренний гость был ему давно и хорошо знаком. А именно последние двенадцать лет, которые минули с тех пор, как четырнадцатилетний Эрих Сторм впервые переступил порог кирхи. Трудный подросток — так обычно именуют тех, к кому причисляли и Эриха. Рано оставшись без супруга, его мать Хельга, урожденная Краузе, еле справлялась с упрямым и своенравным сыном. Когда начались неприятности с полицией, она совсем было отчаялась, чувствуя, что теряет единственного ребенка. Кто знает, как повернулось бы дело, если бы на их жизненном пути не повстречался пастор Фридрих Берг. Повстречался совершенно случайно. Однажды он привел Эриха домой. Спокойно, без крика и скандала. Эрих вел себя на удивление послушно и даже не пытался дерзить, проявляя свой обычный вздорный нрав. Познакомились они на курсах управления гневом, которые Эриха обязала посещать служба опеки. Пастор Берг курсы не вел. Он был приглашенным гостем. Что же касалось Эриха,

тот в первое же занятие развязал драку с одним из старших юношей. Эриху, с его-то послужным списком, пришлось бы туго, кабы за него неожиданно не вступился этот невысокий старик в черной сутане. Пастор видел, что парнишку спровоцировали. Да, пусть тот отреагировал излишне жестко и эмоционально, но все-таки это была провокация. За Эриха никто никогда не заступался. Несказанно удивленный подобным оборотом дела, он беспрекословно последовал за стариком, когда тот заявил, что лично проводит юного забияку домой. Психолог, ведущий занятие, был только рад спровадить паршивую овцу, переложив ответственность на служителя церкви.

Обычно молчаливый и замкнутый Эрих и сам не заметил, как разговорился с пастором, даже и не думавшим читать ему нотации. Неторопливая пешая прогулка до родного порога, растянувшаяся на целый час, показалась подростку несколькими мгновениями. Возможно, сыграл свою роль резкий контраст между безразличием системы и подлинной человечностью старика, явно поднаторевшего в общении с самыми разными людьми. Либо же Эрих изначально не был озлобленным волчонком, каким его уже вовсю рисовали полицейские и социальные работники. Вероятно, к нему лишь требовалось подобрать ключик, а не грубую отмычку штампованного подхода окружающего социума. Как бы там ни было, Хельга была поражена, узрев на пороге сына оживленно болтающего с пастором. С пастором, которого он никак не хотел отпускать, словно стоит тому уйти — и все вернется на круги своя. Не исключено, что в представлении подростка действительность именно так и выглядела.

Через день Эрих явился в кирху к старику, о которой успел узнать в день знакомства. Явился и сообщил, что на те занятия больше не пойдет, чем бы там ему ни грозили. Озабоченный пастор Берг не настаивал, увещевая мальчишку вернуться в лоно социальной службы. Вместо этого он похлопотал, и Эриха без особых проволочек передали на его попечение. Таким образом, вместо социальных мероприятий подростку отныне предписывалось посещать кирху пастора Берга под ответственность последнего, что Эрих и стал делать без всякого принуждения. И продолжил даже тогда, когда в этом отпала всякая законная необходимость.

Сказать, что пастор заменил подростку отца, было бы абсолютно неверно. Скорее он стал ему добрым покровителем и наставником. У Хельги словно гора с плеч свалилась, когда поведение сына резко пошло на лад, а неприятности с законом сначала снизились до редких и вполне безобидных инцидентов, а затем и вовсе остались в прошлом. Меньше всего на свете она беспокои-

лась за юношу, когда тот отправлялся в гости к пастору, помогавшему не только добрым советом, но и по части образования. Больше всего Эриху нравилось когда старик рассказывал что-нибудь из истории, в которой у него имелись поистине громадные познания. Благодаря занятиям с пастором, выкраивавшим время на перевоспитанного сорванца, по этому предмету Эрих всегда получал высший балл. Равно как и по многим другим.

Время шло, и однажды сорванец вырос. К несказанной гордости пастора, просвещенный им Эрих стал антифашистом. И все бы хорошо, кабы однажды эта, казалось бы, достойная стезя не начала его заводить куда-то совсем не туда. В это утро, когда разукрашенный молодой человек влез в окно кирхи, пастор Берг и без его объяснений догадался, что Эрих в очередной раз сцепился с неонацистами. Акции протеста, демонстрации и пикеты он уже давно считал недостаточными и постепенно переходил от слов к отнюдь не мирному действию. Последнее время такое случалось все чаще, однако до сих пор столкновения носили менее экстремальный характер. Слушая рассказ Эриха, старик не перебивал и лишь покачивал головой. А тому действительно было что рассказать. При желании молодой человек мог бы утаить от пастора некоторые подробности, но старик был единственным близким человеком, которому Эрих изливал все как на духу. Теперь уже единственным близким человеком. Хельга, мать Эриха, скончалась два года назад.

На сей раз молодой человек явно зарвался. С некоторых пор он вел наблюдение за крупной группировкой неонацистов, то и дело досаждая им различными способами. Обычно в одиночку, поскольку большинство знакомых, разделявших его взгляды, наотрез отказывались от выходивших за рамки закона акций. С теми же немногими, кто был согласен на иные меры, Эрих не желал связываться сам, либо не считая их подходящей компанией, либо находя не слишком адекватными. С ними дальше групповых потасовок дело не заходило. Эрих боролся за идею, считая силовые акции лишь инструментом. Он сторонился тех, кому, похоже, в принципе нравилось применять силу. Поэтому он и стал одиночкой. Не единственным, надо сказать, одиночкой, ибо были и другие такие как Эрих, однако действовал он всегда самостоятельно. В одиночку он действовал и минувшей ночью, когда ситуация неожиданно вышла из-под контроля.

Изначально Эрих не планировал какой-либо серьезной акции, тем паче того, что в результате получилось. Все вышло случайно. Старинный трехэтажный особняк с двумя пристройками, расположенный на окраине Берлина, с недавних пор стал объектом его

пристального внимания. Там частенько собирались его недруги, регулярно устраивая свои идеологические шабаши и обсуждая различные мероприятия. С некоторыми из них он сталкивался лично, принимая участие в потасовках. Их профили, периодически появлявшиеся в щелях между неплотно задернутыми шторами, Эрих узнавал безошибочно. Именно благодаря своеобразному знакомству с означенными личностями он и вычислил это логово, под крышей которого нашли приют ненавистные Эриху единомышленники. Заняв наблюдательный пост в тени высокого, аккуратно подстриженного кустарника, он оглядывал дом и внимательно вслушивался в доносившуюся речь. Четкого плана у Эриха не имелось. Он просто искал любую возможность доставить враждебной группировке как можно больше неприятностей. Каких — он пока не отдавал себе отчет. Лишь смотрел и слушал, мотая на ус и запоминая каждую деталь. Эрих не впервой наведывался к этому дому и заметил, что его посещает отнюдь не только молодежь, а порой очень даже солидные и внешне респектабельные люди. Данное наблюдение лишь подстегнуло его интерес, распаленный желанием выяснить об этих личностях побольше. То-то выйдет скандал, если окажется, что они занимают какие-нибудь видные места в государственных или коммерческих структурах. Вооружившись фотоаппаратом, позволявшим вести съемку в условиях низкой освещенности, Эрих старался запечатлевать любую мелочь. Он составлял целую коллекцию лиц, попадавшихся в объектив, для дальнейшей идентификации и анализа.

Похоже, этой ночью в доме проходило какое-то особое мероприятие. До сих пор Эрих ни разу не замечал внутри столь бурной активности. На дорожке у гаража и на улице вдоль дома стояло более десятка машин, а гул голосов был громче, чем обычно. Используя увеличение фотоаппарата, Эрих внимательно следил за всем, что виднелось через щели в шторах. Собравшаяся в доме компания находилась в повышенном возбуждении. Эрих старался разобрать доносившиеся до него слова. Кажется, бывалые неонацисты намеревались пополнить свои ряды новичками, приглашенными как раз для этой цели. Реплики, то и дело звучавшие все звонче, заставляли Эриха бледнеть и сжимать кулаки. Их содержание приводило антифашиста в ярость. Разумные мысли, вертевшиеся вокруг идеи установить где-нибудь возле дома скрытую камеру наблюдения, сменялись откровенно импульсивным порывом запустить в освещенную гостиную кирпичом, а лучше бы светошумовой гранатой. На радость тамошним обитателям. Заслышав, как голоса вдруг стихают, Эрих было решил, что вся компания надумала расходиться. Однако прошло с четверть часа, а из

дома так никто и не объявился. Обдумав сей очевидный факт, Эрих пришел к выводу, что сборище куда-то переместилось. Тогда переместился и сам Эрих. Тенью скользя по саду, он обогнул особняк и узрел залитую светом одноэтажную пристройку. До сих пор он ни разу не видел ее столь хорошо освещенной. Судя по всему, хозяева и гости находились там в полном составе. Во всяком случае, об этом свидетельствовали множественные отбрасываемые ими тени. Голоса притихли. Эрих, как ни напрягал слух, не мог ничего разобрать. Похоже, теперь негромко говорил кто-то один, а остальные внимательно слушали, изредка задавая вопросы и отпуская комментарии. Заинтригованный, Эрих даже подошел поближе. Пока что ему не удавалось увидеть убранство означенной пристройки, довольно внушительной по площади и всегда плотно завешанной тяжелыми шторами. Интересно, что же там такое, что привлекало столь пристальное внимание целой толпы неонацистов? Ответ пришел гораздо быстрее, чем смел надеяться сам Эрих. Народу в помещение набилось много. Кто-то из посетителей задел бордовую занавесь, превращавшую пристройку в некий театр теней. То ли перебрал спиртного и неловко ухватился за нее в попытке устоять на ногах, то ли та только и ждала последнего толчка, лишь на поверхностный взгляд выглядя надежно и незыблемо. Как бы там ни было, немалая часть карниза с шумом рухнула на пол, увлекаемая к полу толстыми увесистыми шторами. Сразу три широких окна, ничем более не заслоняемые, озарили ночную тьму потоками света. Эрих, едва не оказавшись в эпицентре этого зарева, поспешил юркнуть за кусты и успел это сделать до того, как его заметили оторопело повернувшиеся люди.

Наскоро вернуть карниз на место им не удалось. Душевно обругав упрямую конструкцию, не желавшую возвращаться на прежнее место без помощи слесаря, они вернулись к прежнему занятию. В конце концов, не прерывать же мероприятие из-за маленькой технической неувязки, самой по себе ничем собравшимся не грозившей. Тот голос, что звучал почти в гордом одиночестве, возобновил свою речь, похожую на лекцию. Эрих, высунувшись из кустов, навел объектив фотоаппарата на окна пристройки. Эти окна, расположенные близко от пола, находились всего в ярде с небольшим от земли, отчего оптическое увеличение показало внутреннее убранство помещения как на ладони. Всмотревшись в открывшееся зрелище, Эрих онемел. Руки его задрожали. На несколько минут он даже позабыл, что следует делать снимки. Раздувая ноздри и дыша сквозь стиснутые зубы, он лишь водил объективом туда-сюда, разглядывая содержимое пристройки округлившимися глазами.

То был настоящий пантеон нацизма. Эдакий домашний музей, набитый различными реликвиями ярко выраженной идеологии. Храм, убранство которого благоговейно созерцали неофиты и не без удовольствия разглядывали действительные члены неонацистской группировки. Флаги Третьего рейха и портреты его видных деятелей, эмблемы дивизий СС, взятые в рамочку плакаты и листовки, ордена и медали, мундиры в стеклянных шкафах, заботливо собранные до последней мелочи… На столах, прикрытых прозрачными защитными куполами, во множестве лежали вроде бы самые обыкновенные вещи. Элементарная логика немедленно подсказала Эриху, что эти вещи, должно быть, принадлежали вполне конкретным людям, перед кем благоговела эта ненавистная компания, и кого лично Эрих предпочел бы увидеть в камере пожизненного заключения. А лучше на ближайшем дереве.

Эриха затрясло. Не в силах совладать с обуявшей его яростью, он опустил руки с фотоаппаратом и прикрыл глаза, слыша, как гудит в висках кровь, перекачиваемая бешено бьющимся сердцем. До сих пор он этих неонацистов просто ненавидел. Теперь он ненавидел их смертельно. Доселе дальше драк с идеологическими оппонентами дело не заходило, и тяжелого членовредительства Эрих не желал. Теперь он с удовольствием раскроил бы эти стриженые головы увесистой битой или железным прутом. Еще с полчаса назад Эрих вполне бы ограничился светошумовой гранатой в окна гостиной. Теперь он желал отправить туда целую связку гранат. Боевых. Наконец-то вспомнив, зачем ему фотоаппарат, молодой человек сделал несколько снимков, стараясь запечатлеть как можно больше деталей из внутреннего убранства пристройки. Затем, не выдержав душевного напряжения, резким движением убрал технику в сумку, чуть не своротив объектив, и удалился прочь. Прочь от пристройки, но отнюдь не от особняка.

Импульсивная идея выскочила из ниоткуда и прочно поселилась в голове, вытеснив оттуда все разумные соображения. На какое-то время объятый яростью Эрих утратил способность мыслить рационально. Он лихорадочно искал подходящий способ немедленно выплеснуть свой гнев на ненавистных ему людей. И нашел. Нет, он не ринулся в дом, круша все на своем пути, чтобы завязать неравный и заведомо проигрышный бой с целой толпой врагов. Вместо этого он объявился подле припаркованных машин, слабо озаренных светом фонарей. Достав из кармана баллончик с краской, славившейся тем, что ее поди отмой, Эрих, дрожавший от нездорового возбуждения, тут же приступил к делу. Работы было много, и вскоре она полностью поглотила разъяренного антифашиста, забывшего про все на свете.

Глазам возникшей у гаража троицы представилась картина маслом. Выйдя в теплую летнюю ночь освежиться и покурить, она получила совсем не то впечатление, на которое рассчитывала. Первым застыл столбом мужчина лет за сорок. За ним как вкопанные остановились и его молодые спутники — парень и девушка. Припаркованные машины были щедро разрисованы свастикой и прочей нацистской символикой, обильно снабженной общеизвестными лозунгами Третьего рейха. Все колеса были спущены, а на капоте каждого автомобиля кто-то заботливо нацарапал характерного орла. Все трое ненадолго потеряли дар речи, выпученными глазами созерцая открывшееся их взорам зрелище. Из столбняка их вывело движение какой-то фигуры, усердно трудившейся над предпоследней по счету машиной, стоявшей на улице. Со свистом выдохнув воздух, старший мужчина по-бычьи наклонил голову и вихрем понесся к пойманному с поличным вредителю.

Эрих, полностью поглощенный своим занятием, услышал приближавшегося человека лишь тогда, когда тот оказался совсем рядом. Вернувшись к реальности, он бросил взгляд в направлении раздававшегося шума и мгновенно осознал происходящее. Мозг незамедлительно пронзил сигнал большой опасности, доселе успешно игнорируемой в клубах тумана мщения. Пронзил, разумеется, слишком поздно, однако все же включил защитные рефлексы. Бросив практически опустошенный баллончик, Эрих перемахнул через капот машины и таким крайне своевременным маневром избежал неминуемой атаки подбегавшего на всех парах мужчины. Тому с разбегу было просто невозможно немедленно поспеть за Эрихом, поэтому нападавший на всех парах проскочил дальше и затормозил, разворачиваясь всем корпусом. Эрих решил не дожидаться, пока разъяренный мужчина обогнет разукрашенную машину и сведет с ним близкое знакомство. Сообразив, что пора ретироваться, он бросился бежать в противоположную от противника сторону. И тут же налетел на того парня, что вышел к гаражу вместе со старшим товарищем. Парень объявился как раз вовремя. Он выглядел довольно щуплым и не представлял реальной угрозы, но и такой комплекции оказалось достаточно, чтобы наткнувшийся на него Эрих потерял равновесие и вместе с ним грохнулся на асфальт. Падение немедленно отдалось в колене болезненной вспышкой. Парень что-то кричал, хватаясь за злоумышленника, и всячески старался его удержать. Эрих, однако, был куда сильнее физически, да и тренированнее. Он без труда вскочил на ноги, отшвырнув противника. Кажется, тот знатно ударился головой, и его ретивость сразу пошла на убыль. Увы, этой короткой заминки оказалось достаточно, чтобы к месту падения

подоспел куда более серьезный неприятель. Эрих прямо-таки затылком почувствовал направленный на него удар и пригнулся, закрываясь локтем. Мужчина промазал, однако в следующее мгновение налетел на Эриха всем телом и схватил его за одежду. Эрих, уже делавший рывок прочь, крутанулся на месте, удерживаемый крепкой рукой. В следующую секунду он ощутил сильную боль в плече. Вероятно, враг целился куда-то еще, но попал куда пришлось. Эрих в долгу не остался. Стараясь высвободиться, он пустил в ход кулаки. Завязалась потасовка. Мужчина был гораздо крупнее, да и весил немало. Эрих же изрядно поднаторел в схватках с недругами, плюс тренировки в спортзале сказывались самым непосредственным образом. Профессиональным бойцом молодой человек не стал, зато драться умел неплохо, находясь в отличной физической форме. Схватись противники один на один — и Эрих наверняка вышел бы победителем. К сожалению, такой роскоши в распоряжении попавшегося с поличным антифашиста не было. Пропустив несколько чувствительных ударов, он как раз поразил врага в солнечное сплетение, отчего тот согнулся в три погибели, как со стороны особняка донесся гомон голосов. Девушка, оставшаяся у гаража, сбегала в дом и подняла тревогу. Бросив короткий взгляд, Эрих убедился, что к нему несется более дюжины людей. Оставив в покое временно вышедшего из строя мужчину, он вновь собрался дать деру и тут получил увесистый пинок в правую икру. Пришедший в себя парень, подбодренный приближавшимися товарищами, вскочил и принялся махать ногами. Его ботинки на толстой кожаной подошве были снабжены металлическими накладками, что сделало удар гораздо чувствительнее. Эрих ощутил, как ниже колена распространяется сильная боль. На мгновение его обуял новый приступ злости. Без труда отмахнувшись от неловких атак сопляка, Эрих от души заехал ему в физиономию. Всплеснув руками, парень снова грохнулся на асфальт. А толпа его приятелей была уже совсем близко. Их крики, распаленные зрелищем разукрашенных автомобилей, ничего хорошего ночному художнику не сулили. Чуя, что дело пахнет керосином, Эрих во весь дух припустил по улице.

Надежда, что ему удастся быстро и без труда скрыться от преследователей, развеялась быстрее, чем сформировалась. Не успел Эрих пробежать и сотню ярдов, как в его спину врезался увесистый камень. Ребра тотчас заныли, а боль сверкнула в мозгу яркой вспышкой. Не первая причем боль. Ушиб на ноге от пинка юнца сразу же дал себя знать, едва Эрих бросился наутек. Подкованный ботинок постарался на славу, и каждое движение пострадавшей мышцы сопровождалось крайне неприглядными ощуще-

ниями. Ныли и синяки, полученные во время драки с крупным мужчиной. Новый удар, однако, затмевал все прочие. Швыряться камнями и прочими твердыми предметами эта компания еще как умела, чего неоднократно и делала во время своих акций. Для этого у активной группы неонацистов даже имелись специальные спортивные рогатки, позволявшие вести прицельный и эффективный обстрел. Всего четверть минуты — и чья либо витрина, окно или машина попадали под настоящий град метательных снарядов, наносивших пусть и небольшой, зато крайне наглядный ущерб. Полиция списывала такие дела на рядовое хулиганство и не слишком утруждала себя поимкой вандалов. Меж тем объекты нападений выбирались отнюдь не произвольно, а сами такие нападения случались все чаще. Эриху доводилось иметь дело с означенным явлением, но на своей шкуре он испытал его впервые. Не успел беглец и охнуть, как второй камень не менее болезненно стукнул в бедро. Одновременно с этим третий вонзился примерно туда, куда был получен пинок подкованным ботинком. До Эриха дошло, что дальнейший бег по прямой закончится для него быстро и плачевно. Стараясь не снижать скорости, он начал перемещаться зигзагами. Это немедленно спасло его от попадания следующих метательных снарядов, со свистом пролетавших мимо. Враги по большей части стреляли по ногам, рассчитывая вывести беглеца из строя. Вовремя спохватившийся Эрих ловко уворачивался, практически нивелируя их старания. Лишь только один камень еще разок угодил ему в поясницу, причинив немалую, но все же терпимую боль. Испуганной ланью Эрих набрал скорость и скрылся за ближайшим поворотом.

Разрыв между ним и неприятелем образовался из-за этого самого обстрела. Сделав ставку на поражение цели камнями, враги автоматически не могли ее преследовать, рискуя попасть по своим. Цель, однако, покинула зону поражения, невзирая на все усилия стрелков. Разразившись злобными криками, компания из особняка ринулась в погоню. Неизвестно как развивалась бы ситуация, если бы она сделала это сразу. Эрих получил немалую фору, позволившую ему вырваться довольно далеко вперед. К сожалению, он заплатил за нее несколькими серьезными ушибами, немедленно начавшими осложнять ему отступление. Эрих был в хорошей физической форме и отлично бегал. Однако это относилось и к его недругам. Во всякой случае, к некоторой их части. Менее тренированные неонацисты быстро стали отставать. Вперед вырвались наиболее спортивные преследователи, уподобившись стае бегущих за добычей гончих.

На помощь Эрих не звал. В столь поздний час ему попросту

никто не успеет прийти на выручку, и группа неонацистов, имевшая все основания выплеснуть на него свою злобу, успеет расправиться с жертвой в кратчайшие сроки. Не раскрывая рта, Эрих лишь бежал что было мочи, рассчитывая скрыться в безлюдном квартале. Окраина Берлина, расположенная вдали от оживленных районов, вполне этому способствовала. Он слышал гомон голосов где-то позади, и начинал понимать, что вляпался в крайне скверную историю. Поддавшись импульсивному желанию, он утратил связь с реальностью и теперь имел немалые шансы столкнуться с весьма печальными последствиями. Дело даже не в том, что не стоило вот так сразу кидаться разукрашивать автомобили неонацистов. Надо было хотя бы держать ухо востро и поглядывать по сторонам. Чай не в студии, чтобы самозабвенно заниматься изысканными художествами! Заметь Эрих опасность вовремя — и сейчас он был бы уже далеко и без единого ушиба. Теперь же он удирал во все лопатки с целой оравой недругов на хвосте, и каждый шаг отдавался во всем теле нарастающей болью. Больше всего беспокоила пострадавшая нога, из-за которой Эрих изначально бежал не так быстро, как мог. И болезненные ощущения в ней все больше давали себя знать. Стремительный бег, выжимавший из мышц возможный максимум, отнюдь не способствовал улучшению ситуации. В какой-то момент Эрих уловил в ноге подозрительные ощущения — предвестник вероятной судороги. Это вселяло огромную тревогу, ибо в таком случае беглец, утратив подвижность, станет легкой добычей для преследователей. Увы, поделать он ничего не мог. Любая остановка грозила совершенно очевидным исходом. Озабоченный этой мыслью, Эрих даже не успел как следует испугаться, как с разбегу налетел на выруливщую из-за угла машину. Крутанувшись через капот, он приземлился на четвереньки и тут же услышал звуки распахивающихся дверей. Быстрый взгляд на пассажиров автомобиля — и тут же стало ясно, что появились они здесь отнюдь не случайно. Два молодых человека, выбравшись из транспортного средства, ринулись к потерявшему скорость Эриху. Ринулись отнюдь не для того, чтобы оказать ему помощь. Ведь это был тот самый последний автомобиль, который антифашист так и не успел хорошенько разукрасить. Нетрудно было догадаться, кто являлся его пассажирами.

Стычка сразу с двумя противниками в принципе не предвещала ничего хорошего. Особенно когда по пятам следовала погоня. У Эриха были считанные мгновения на принятие верного решения. Враги ринулись к нему сразу с двух сторон и уже протягивали руки, намереваясь вцепиться в добычу. Подскочив будто подброшенный пружиной, Эрих взлетел на капот машины. Перesko-

чив на ее крышу, он одним прыжком перемахнул через ближайшую металлическую изгородь, отделявшую улицу от частных владений. Гулко приземлившись на землю, он тут же распрямился и с треском ринулся через кусты, стараясь игнорировать боль в ушибленных ступнях. Враги, упустившие добычу прямо-таки из пасти, отваливши челюсти проследили за Эрихом взглядом. Затем устремились к изгороди и попытались взять ее штурмом. Вышло у них так себе. Вроде бы не слишком высокая преграда с первого наскока оказалась непреодолимой. Сообразив, что драгоценное время уходит, а жертва с каждой секундой убегает все дальше, один из преследователей решил повторить маневр беглеца. Вскочив на капот, он взбежал на крышу машины и сделал скачок в направлении изгороди. Не убился он лишь каким-то чудом. Нога в армейском ботинке поскользнулась на гладкой крыше автомобиля. Новоявленный нацист не перепрыгнул через изгородь, а упал прямо на нее. Будь торчавшие там пики почаще и поострее — висеть бы ему нанизанным на железо. К счастью для него, все закончилось иначе. Мешком свалившись на мостовую, он принялся орать от боли в разодранном боку. Его товарищ после секундного замешательства ринулся к нему на помощь. Пострадавший нацист, хоть и корчился от боли, велел ему преследовать беглеца, пока тот не ушел. Велел настолько громко и яростно, что спутник немедленно подчинился. Решив не повторять печальный опыт своего напарника, он развернулся и припустил вдоль ограды, изрыгая забористые проклятья. Куда там! Эриха уже нигде не было видно.

Не прошло и десяти секунд, как к автомобилю прибыли наиболее шустрые преследователи из основной группы. Быстро уяснив что произошло, они рассредоточились по округе, надеясь наткнуться на ускользавшую добычу. Так один из них и обнаружил Эриха, когда тот, спрятавшись за деревом, переводил дух, не в силах продолжать стремительное бегство.

Когда молодой человек закончил повествовать о своих ночных похождениях, близилось время открывать кирху.

— М-да-а-а-а, — протянул пастор, укоризненно покачивая головой.

— Я поддался порыву. Но жалею только об этом, а не о том, что вообще сделал, — буркнул Эрих, готовясь услышать отповедь.

— Ты поддался гневу. Он и заводит тебя на кривую дорожку, — негромко отозвался старик. — Гнев — это очень плохо. Это не просто заповедь, о которой знают, но всерьез не задумываются. Он заставляет действовать импульсивно и необдуманно. Совершать дурные поступки, которые в ином другом случае человек бы не совершил. Он затмевает разум и пожирает все светлое, что есть в

людях. Кого-то он подводит сразу. Кого-то — лишь спустя долгие годы. Если не научиться подавлять в себе его проявления, он рано или поздно сделает свое злое дело.
— То есть мне надо было просто оставить этих милейших людей в покое как ни в чем не бывало? — возмущенно осведомился Эрих.
— Ты прекрасно понимаешь, что я отнюдь не это сейчас имел в виду, — заметил пастор. — Как антифашист, ты имеешь полное моральное право противостоять подобным личностям и бороться с ними. Другое дело — какие методы ты для этого используешь. Я искренне одобрил твой жизненный выбор, воспитав в тебе неприятие всего, что связано с их идеологией. Увы, все реже могу сказать то же самое о твоих собственных действиях.
— Я никого не убил. И даже не покалечил, — хмуро заметил молодой человек.
— Ты говоришь так, будто за одно это тебе уже следует выразить благодарность, — нахмурился старик. — Все начинается с малого. Когда ты начал вступать в потасовки с этими людьми, я не придавал им особого значения. Молодые люди вообще часто дерутся — такова природа. Но ты решил пойти дальше, и вот это все больше меня беспокоит.
— Разукрашенные машины послужат им хорошим уроком! — процедил Эрих. — Кесарю — кесарево. Нацист? Вот и катайся в машине со свастикой.
— Это вряд ли, — еще сильнее нахмурился пастор. — Неужели ты и впрямь полагаешь, что твоя хулиганская выходка заставит хоть кого-то из них сменить взгляды? Скорее, она лишь разозлит их и спровоцирует на какие-нибудь ответные меры. И пострадавшие из-за предпринятых ими действий, между прочим, окажутся исключительно на твоей совести.
— Что же я, по-твоему, должен был сделать? — мрачно поинтересовался Эрих, поправляя компресс на носу.
Поглощенный сначала собственным повествованием, а затем беседой со стариком он даже забыл про болезненные ощущения. Впрочем, благодаря стараниям бывшего медбрата те заметно пошли на убыль.
— Ты же сделал фотографии? — напомнил старик. — Передал бы их кому следует. Полагаю, содержимое той пристройки могло бы кое-кого заинтересовать. Исходя из твоего описания, владельцу будет не так-то просто списать все на частную коллекцию экспонатов.
— Спишут! Еще как спишут! — проворчал Эрих. — В первый раз, что ли?
— Возможно, — кивнул пастор Берг. — Но сам интерес представи-

телей закона к этому особняку заставил бы его владельцев на какое-то время утихомириться.
— Так или иначе, теперь уже поздно, — вздохнул антифашист. — Я был вынужден бросить фотоаппарат. Он мешал мне бежать. Возможно, он все еще лежит там, где упал, но шансов на это негусто.
Это была чистая правда. Сумка с техникой здорово осложняла Эриху движения еще во время схватки с первым противником — тем крупным мужчиной. Когда же за ним увязалась погоня, он сорвал ее с себя и швырнул в чей-то палисадник.
— Иными словами, ты собственноручно избавился от единственно полезной вещи, которую сделал за минувшую ночь, — подытожил старик.
— Не брось я его, меня бы почти наверняка схватили! — заметил Эрих.
— Не поддайся ты своему гневу, никому бы и в голову не пришло за тобой гоняться, — немедленно отозвался пастор, ничуть не повысив голос. — Они тебя хорошо рассмотрели?
— Не думаю, — помедлив, качнул головой незадачливый антифашист. — Разве что тот, самый первый. Но все произошло так быстро, что он вряд ли меня как следует разглядел.
— Твое счастье, если так, — вздохнул старик. — Ты воображаешь, что рубишь головы гидре, а на самом деле лишь царапаешь ей шею, чем только злишь и без того злобное чудовище. Насилие порождает еще большее насилие. Банальная фраза, да? Практически все ее слыхали. Только применительно к фашистам она подходит наилучшим образом. Ведь они только и дожидаются повода оправдать применение силы. Фашизм — это в принципе насилие по самой своей природе. А ты лишь подливаешь бензина в топку и раздуваешь угли мехами.
— Топка никогда бы не зажглась, если бы гидра была задавлена в зародыше! — в сердцах воскликнул Эрих. — Мы до сих пор расхлебываем последствия! Мне кажется, мы никогда не избавимся от этого позорного пятна на нашем прошлом! Особенно когда неонацисты вовсю поднимают голову!
— Что сделано, то сделано, — как-то бесцветно сказал старик. — Это не повод наступать на те самые грабли, от которых ты сам всячески пытаешься оттащить других.
Пастор Берг отлично знал, что подразумевает его молодой собеседник. Тот крайне болезненно воспринимал исторические события середины двадцатого века. В частности, историю своей родины, допустившей возникновение Третьего рейха и всего, что в результате произошло. За минувшие годы старик многое Эриху по-

рассказал. Особенно когда тот подрос до таких вещей, о которых пастор обычно абы кому не распространялся. Открывая юному слушателю перипетии прошлого, старик рассчитывал воспитать его должным образом; помимо прочего, показать, куда заводят иные учения и амбиции. В известной степени он своего добился, раз Эрих, искренне проникнувшись его словами, стал идейным антифашистом. Однако складывалось впечатление, что молодой человек и сам начал нести груз той вины, к которой не имел никакого отношения. И чем больше он ее ощущал, тем ожесточеннее становились его действия. Вступая в противостояние с неонацистами, он будто искал искупления за ошибки прошлого, совершенные отнюдь не им, но незримо довлевшие над его мятущимся разумом. Как назло, Эрих был подтянут, светловолос и голубоглаз — прямо-таки тогдашний образец арийца, считавшийся за эталон, в сравнении с которым все остальные выглядели едва ли не людьми второго сорта. И это не говоря уже о так называемых низших расах. Одно время Эрих настолько разлюбил свое отражение, что даже начал красить волосы в темный цвет и всеми силами старался не походить на атлетически сложенных молодых людей со старых открыток той эпохи. Пастор Берг списывал это на юношеский максимализм. Кто в молодости не поддается горячим порывам по принципу "все или ничего", не борется с ветряными мельницами и не ищет черную кошку там, где ее никогда не было? Однако Эриху шел двадцать седьмой год, а изменений в его поведении что-то не наблюдалось. Точнее наоборот, оно становилось все менее спокойным и более радикальным. Из-за этого пастор до сих пор откладывал один очень важный разговор, на который возлагал большие надежды. В конце концов, Эрих еще довольно молод, вполне может образумиться и остепениться. Лишь бы до этого он не успел наломать дров и окончательно не свернуть с праведного пути. Чего Эрих с завидным упорством старался осуществить все чаще. Пастор видел его доброе сердце и светлую душу, однако Эрих был бы не первым, кого сгубили излишне горячные и необдуманные поступки, пусть даже из лучших побуждений. Ведь хорошо известно, куда ведет дорога вымощенная благими намерениями.

За примерами далеко ходить не требовалось. Эрих по возможности не отказывал в помощи никому из друзей и знакомых. Однако эта помощь всегда имела одну очень характерную черту. Нет, молодой человек не действовал из корыстных побуждений, не ждал какого-либо вознаграждения и не выдвигал никаких условий. Он искренне и добровольно принимал участие в чьей-либо беде или просто затруднительном положении, только одним лишь подставленным плечом и сердечными разговорами не ограничи-

вался. Эрих старался искоренить сам источник неприятностей, либо же, как минимум, воздать ему по заслугам. Когда у одного из его друзей начались проблемы с наркотиками, Эрих приложил немало усилий, чтобы уберечь того от беды и своевременно устроить в хороший реабилитационный центр. А спустя две недели, когда состояние друга стабилизировалось, его дилера нашли в канаве, жестоко избитого и едва живого от всаженной в него дозы наркотиков. Избитого настолько, что он надолго выбыл из строя и автоматически потерял свое место в криминальной структуре. Схожим образом Эрих поступил и тогда, когда одна из его соратниц-антифашисток подверглась насилию. Полиция спустила дело на тормозах, не найдя достаточно доказательств против виновных. Эриху такие доказательства не требовались. Все участники той гнусной истории оказались в больнице с невообразимым количеством переломов. Битой Эрих умел орудовать даже лучше, чем кулаками. Но еще лучше он научился скрываться от стражей порядка, умудряясь не оставлять улик и действовать без свидетелей. К тому же, как лицо напрямую не заинтересованное, он не попадал в поле зрения властей. Отсутствие мотива в принципе служило наилучшим укрытием от не слишком-то бдительного ока закона. Лишь пастор Берг знал об этих выходках своего подопечного, поскольку у Эриха хватало ума не рассказывать о них даже друзьям. Старик оказался в непростом положении, не будучи твердо уверен как ему следует реагировать. Вне всяких сомнений хорошие и искренние порывы молодого человека тем не менее приводили того на грань добра и зла, заставляя балансировать на краю пропасти. Ситуация усугубилась, когда Эрих пустил все свои таланты на противостояние с неонацистами, и это противостояние постепенно принимало все более жесткий характер. А для того дела, которому пастор Берг посвятил всю свою жизнь, требовался более спокойный ученик, предпочитающий решать трудности отнюдь не насилием. И тем более не ослепляемый вспышками гнева. Проявления последнего, кстати, пастора больше всего и беспокоили. Под его кратковременным влиянием в целом добросердечный Эрих мог необдуманно натворить настолько серьезных дел, что так и до беды недалеко.

Спохватившись, старик глянул на часы.

— Так, нам пора закругляться! — впервые повысил голос он. — У меня дела, да и тебе разве не надо на работу? Впрочем, куда ты на нее в таком виде… Портовые грузчики после пьяной драки — и те лучше выглядят.

— А, пустяки! — отмахнулся Эрих. — Сейчас доберусь до дома и замажу лицо гримом. Не первый раз. Одна знакомая крайне кста-

ти научила, когда брала уроки театрального мастерства.
Эрих, конечно, мог бы позвонить непосредственному начальнику и сказаться заболевшим, но без крайней необходимости он предпочитал этого не делать. Благодаря пастору Бергу работа была слишком хороша, чтобы он ей попусту рисковал. Благодаря потому, что без своевременного вмешательства старика Эрих в лучшем случае закончил бы школу, не то что получил диплом инженера. Теперь он постигал премудрости профессии на практике, устроившись в строительном бизнесе. Для новичка без опыта работы он заполучил отличный жизненный старт, и было бы черной неблагодарностью по отношению к пастору упустить дарованный ему шанс. Ведь пастор даже помог Эриху деньгами, поскольку у его матери не хватало денег дать сыну образование. Начав работать, молодой человек постепенно возвращал старику долг, и слышать не желая о дармовщине. Сама же работа Эриху действительно нравилась, и он приходил туда отнюдь не для того, чтобы нести трудовую повинность. Эрих был вполне ответственным человеком, чтобы совмещать свою деятельность антифашиста с дисциплиной рабочего дня. Уж как он это ухитрялся, порой вертясь как белка в колесе, давался диву даже пастор Берг. Тем не менее, факты был налицо — Эрих не схлопотал ни одного выговора и даже наоборот — заслужил несколько поощрений от руководства. Таким образом, молодой человек и в мыслях не имел прогуливать работу. А для оправдания своего внешнего вида он уже придумал подходящую легенду.
— Значит так, — поколебавшись, изрек старик. — Обещай мне, что до конца этой недели будешь тише воды ниже травы. Еще неизвестно к чему приведет твоя ночная выходка. Сиди и не высовывайся. Мы попозже еще раз с тобой переговорим. Сейчас просто некогда.
Эрих охотно обещал. Пастор же не велел ему полностью отказаться от своей деятельности, а элементарная логика и так подсказывала, что ближайшие дни лучше не светиться. Сняв бинты со своего подопечного, старик убедился, что тот выглядит более-менее прилично. Затем выпроводил его через малый выход и отправился открывать кирху.

Поздний вечер застал Эриха за напряженным занятием. Вернувшись с работы, он проследовал не к себе домой, а оказался неподалеку от того злополучного особняка. Нет, молодой человек не собирался нарушать данное пастору обещание. Сунуться сейчас в логово неонацистов даже ему казалось чистейшим безумием. Однако у Эриха все же имелось как минимум одно срочное дело. Настолько срочное, что он едва отложил его до вечера, отработав по-

ложенную смену. Эрих хотел отыскать выброшенный фотоаппарат. Надежда на это была слабая, но все же была. К сожалению, она осложнялась тем, что Эрих точно не знал, где именно избавился от сумки. Убегая от погони, он не слишком-то запоминал окрестности, так что место вероятного падения техники растягивалось минимум на сотню ярдов, а то и больше. Все дома, как назло, казались на одно лицо, равно как и прилегающие к ним участки. Отринув в уме сектора, где он еще точно бежал с фотоаппаратом, а где уже без, Эрих, соблюдая все меры предосторожности, приступил к поискам.

Успехом они не увенчались. Эрих потратил уйму времени, в основном из-за того, что старался не попадаться на глаза как людям, так и камерам наблюдения, но так ничего и не обнаружил. То ли за минувший день сумку кто-то нашел, то ли он все-таки не там искал. Так или иначе, Эриху пришлось уйти с пустыми руками. В самый последний момент он не удержался и окольными путями пробрался к особняку. Щедро разрисованные машины исчезли. Куда бы ни подевали их владельцы, они явно не собирались выставлять пострадавшие автомобили всем на обозрение, публично апеллируя к вопиющему безобразию. Скандал им был нужен еще меньше, чем Эриху. С прилегающей территории молодой человек издали оглядел приснопамятную пристройку. Свет в ней отсутствовал, но его зоркие глаза отметили вернувшиеся на место шторы. Да уж, новых снимков теперь просто так не сделаешь. Беззвучно чертыхнувшись, антифашист окончательно покинул недружелюбную и потенциально опасную местность. До дома он добрался на такси, вызванном через два квартала от особняка.

Придя в свою квартиру, доставшуюся ему в многоэтажном доме по наследству от матери, Эрих отправился прямиком в спальню и бухнулся в постель не раздеваясь. Через минуту он уже спал так крепко, будто выпил пригоршню снотворного. Удивляться этому не приходилось: бессонная ночь, длинный рабочий день, а под занавес не спокойный отдых, а усердные поиски фотоаппарата. Эрих даже не стал ужинать, перехватив заранее припасенный сэндвич по пути в квартал особняка. От усталости он валился с ног, и ему было откровенно не до еды. Вскоре в небольшой трехкомнатной квартире раздалось мерное похрапывание.

Сны у Эриха были тяжелые. Ему привиделось, что он опять убегает. Будто та самая погоня не закончилась и до сих пор продолжается, а он все бежит, бежит, и нет этому конца. Только вместо людей за ним гналась стая огромных черных собак. Эрих пытался прятаться, но злобные красноглазые псы каждый раз его находили. То ли чутьем, то ли каким-то шестым чувством они упорно

обнаруживали свою добычу, и Эрих снова был вынужден бежать, спасаясь от их осклабленных клыков. Абстракция сна, очевидная для бодрствующего разума, представлялась в тот момент вполне естественной. Почему собаки не догоняли жертву, хотя бегали гораздо быстрее? Каким образом Эриху каждый раз удавалось беспрепятственно покинуть укрытие, если очередная втягивающая воздух морда ляскала зубами в самой близи? Все происходило так, будто стая свирепых псов не старалась при первой же возможности вцепиться в беглеца, а целенаправленно гнала и гнала его без оглядки. И вот уже в подсознании Эриха вновь возникла кирха, не иначе как ассоциирующаяся у него с островком безопасности. Спасаясь от наседавшего зверья, Эрих залез в хорошо знакомое окно. На удивление оно оказалось открыто, что не характерно для ночных кошмаров. Псы не могли последовать за ним этим путем, но Эрих недолго полагал себя в недосягаемости. Обогнув кирху, они невесть как проникли через незапертый главный вход, и вот уже по каменному полу зацокали их огромные когти, а под старинными сводами раздалось низкое рычание. Эрих ретировался в притвор и захлопнул дверь, куда немедленно стали ломиться грузные собаки. Да как такое вообще возможно?! Эрих что было мочи поддерживал дверь плечом, а та тряслась, будто в нее били тараном, и норовила слететь с петель. Расшатываемые болты выходили из пазов, и на пол сыпалась потревоженная искрошенная известка. Еще немного — и дверь окончательно выйдет из пазов, удерживаемая одним лишь Эрихом. А осклабленные собачьи морды уже просовывались через щель между створкой и стеной, наполняя притвор глухим рычанием и свирепым лаем. Уяснив, что дверь вот-вот упадет, Эрих что было духу бросился вглубь кирхи, по пятам преследуемый клыкастой оравой…

Шумно выдохнув воздух, молодой человек вскочил на постели, окинув убранство спальни диким блуждающим взглядом. По его лбу катился холодный пот, да и вообще он весь вспотел дальше некуда. Лишь спустя минуту-другую до Эриха дошло, что ему привиделся самый обыкновенный кошмар. Кошмар очевидным образом навеянный злоключениями прошлой ночи. Созерцание привычного беспорядка, довольно характерного для жилища одинокого молодого человека, привело его в некоторое душевное равновесие. Кошмар отступил, растворившись в свете зажженного ночника у кровати, мягко озарявшего всю спальню. Облегченно переведя дух, Эрих плеснул себе воды в стакан из стоявшего на тумбочке графина и залпом опорожнил его досуха. Затем повторил сию нехитрую операцию и вновь плюхнулся на подушку. Из-за стены донесся приглушенный лай. Не иначе как соседский ротвейлер тоже

чем-то взбудоражился и изливал по этому поводу эмоции как умел. Ну, теперь-то совсем ясно откуда, что называется, уши растут. То есть что именно нагнало такую жуть, казавшуюся невероятно натуральной. Усмехнувшись, Эрих повернулся на бок и снова заснул, на сей раз спокойно и без всяких приключений.

Заперев тяжелую металлическую дверь на замысловатый ключ, пастор Берг покинул подвал кирхи, поднявшись по каменной лестнице. Настолько древней, что ее ступени подыстерлись, образовав ближе к центру углубление. Пройдя в притвор, старик довольно долго смотрел на пламя свечи, колебавшееся в легком дуновении воздуха из приоткрытого окна. Вне всяких сомнений, Эрих действительно являлся тем человеком, который подходил пастору больше кого бы то ни было. Красноречивее доказательств и быть не может. К сожалению, излишне рьяный антифашист еще ко многому не готов. То, на что надеялся старик, могло получиться с точностью до наоборот. Для неокрепшего, подверженного вспышкам гнева разума риск пока слишком велик, чтобы пастор на него пошел. Нет, не сейчас. Позже. И хотелось верить, что это позже когда-нибудь наступит. Во всяком случае, прежде чем пастор Берг перейдет в мир иной.

Шел второй час ночи, когда старик запер кирху и направился к себе домой. Он жил совсем рядом, через три дома. Жил совершенно один, если не считать приходившей два раза в неделю горничной. Его предшественники отнюдь не все были холостяками. Миссия, возложенная на плечи очередного служителя древней кирхи, вовсе не требовала отказа от всего мирского. Просто так получилось. Та война, о которой пастор Берг рассказывал своему молодому воспитаннику, забрала у него все самое дорогое. Никого из близких в живых не осталось. Старик не понаслышке знал о всех тех ужасах, поведанных Эриху. Он прошел через них лично. Своими глазами видел то, что теперь оживало лишь со страниц учебников по истории да сомнительного качества фильмах, все чаще искажавших истину. Но об этом он молодому человеку не распространялся. Ведь у того автоматически возник бы совершенно очевидный вопрос: сколько же пастору Бергу лет, если еще в ТЕ годы он был добропорядочным семьянином и имел взрослых детей?!

До подъема оставалось еще три с половиной часа. Их старику вполне хватит, чтобы выспаться. Укрывшись тонким покрывалом, достаточным для теплой летней ночи, старик повернулся к стене и вскоре задремал. Быстрому отходу ко сну способствовали пережитые им сегодня волнения. Скромную спальню на втором этаже освещала лишь серебристая полоска от плывшего по небу месяца.

Других огней в доме не имелось. Впрочем, не совсем так. Когда старик ровно задышал, погрузившись в глубокий сон, на старом, потрескавшемся от времени шкафу зажглись два оранжевых огонька. Случайный наблюдатель мог бы решить, что это включилось какое-нибудь электронное оборудование, благо по нынешним временам этого добра вполне хватало. Спутниковые ресиверы, устройства раздачи интернета, различные приспособления из серии "умный дом" — перечислять можно едва ли не бесконечно. Правда, для светодиодных индикаторов огоньки были явно крупноваты. Не говоря уже о том, что подобные технические приспособления в спальне у пастора Берга попросту отсутствовали. Тьма, витавшая над шкафом так же, как и по всем неосвещенным лунной дорожкой углам, не позволяла увидеть источник оранжевых огоньков. И лишь совсем вблизи — буквально в двух шагах — можно было разглядеть, что это не лампочки какого-нибудь штуковины, а глаза крупного черного кота. Устроившись на вершине шкафа, он, не шевелясь, беззвучно сверлил взглядом мирно почивавшего старика.

Будильник не звонил. Пастор Берг прекрасно вставал сам, следуя внутреннему велению своих биологических часов. Едва стрелки на настенном циферблате подползли к шести утра, как он открыл глаза. Зевая во весь рот, сохранивший почти все зубы, старик встал и накинул домашний халат, сидевший излишне мешковато на его худой фигуре. Спустившись в кухню, он включил плиту и наскоро приготовил себе нехитрый завтрак вместе с большой чашкой кофе. Действительно хорошего, судя по немедленно распространившемуся аромату. Этот кофе был одной из немногих слабостей пастора, давно уже предпочитавшего духовную пищу материальной, которую он до сих пор себе позволял, ведя очень скромное существование. Прихлебывая приятный, бодрящий напиток, старик краем уха слушал утренние новости из небольшого телевизора. Из-за них он и растянул свою нехитрую трапезу на добрых четверть часа, хотя есть там по меркам взрослого человека было особо нечего. Покончив с утренним моционом, пастор выключил телевизор, погасил свет и прошел в прихожую. Повернувшийся снаружи ключ возвестил о том, что хозяин покинул жилище и направился в кирху.

Старательно вымытая посуда поблескивала в металлической сетке капельками воды. Одна тарелка, одна кружка, столовые приборы и по соседству заботливо вычищенная сковородка. Старику приходилось заботиться только о себе, что существенно экономило время, посвященное совсем иным заботам. Кто-то мог бы спросить, почему пастор не побеспокоился о том большом коте с

оранжевыми глазами, что всю ночь хранил его сон. Не подсыпал ему корма, не налил в мисочку свежей воды и даже не погладил на прощание, выражая любовь и привязанность. Ответ на столь справедливое замечание был бы совершенно неожидан. У пастора Берга уже много лет не имелось никаких домашних животных.

– 2 –

Осень вступила в свои права, позолотив листву на деревьях и разбавляя ее насыщенным багрянцем. Ударили утренние заморозки. Лужицы, образованные зачастившими дождями, покрывались тонкой корочкой, хрустевшей под ногами прохожих. К наступлению дня корочка таяла, а ночной холод отступал, но приходившее тепло уже не вело себя по-хозяйски, а как бы ненадолго заглядывало в гости. Солнечные лучи, хоть и грели с ясного неба, откровенно пасовали в порывах налетавшего осеннего ветра. Само же небо с глубоко синего приобретало бирюзовый оттенок, характерный для этого времени года. К зиме оно еще больше побледнеет, будто одевшись в прозрачную броню из льда. И таким останется вплоть до наступления весны, когда цикличность природы вновь начнет наливать его густой синевой.

В городе осень чувствовалась заметно меньше, нежели в провинциях. Сказывалось обилие камня, стекла и металла. Мостовые, в жаркую пору стремившиеся превратить жизнь горожан в настоящий ад, теперь отдавали накопленное тепло, тормозя наступление холодов. Да и плотная застройка уберегала граждан от пронизывающего ветра, где-нибудь в чистом поле уже пробиравшего до костей. Эрих, слегка поеживаясь, нырнул в метро, где его тут же окутал нагретый воздух. Молодой человек избегал излишне тепло одеваться, если того не требовала настоятельная необходимость. Зачем напяливать жаркую куртку и обвязываться шарфом, если его маршрут лишь отчасти предполагает пребывание под открытым небом?

Осенние красоты, которых не был лишен даже большой современный город, Эриха в данный момент интересовали мало. Не потому, что его натура была лишена художественной жилки и известной доли романтичности. Просто его с головой поглотил текущий проект, порученный на работе, и молодой специалист отдавал ему львиную долю своего времени и энергии. И об остальном он как-то не слишком задумывался. В том числе о своей неофициальной деятельности антифашиста, на какое-то время отложенной в долгий ящик. Ведь с тех пор, как Эрих едва удрал от компании разъяренных неонацистов, он больше не встревал в неприятности,

угомонившись хотя бы на время. Пастор Берг даже начал подумывать, что молодой человек наконец-то образумился. На сей счет у старика имелась теория, которой он и следовал. Заключалась она в том, что людям вроде Эриха ничего нельзя внушить насильно. В лучшем случае они проигнорируют стороннее воздействие, а в худшем, словно навред, поступят с точностью до наоборот. Размышляя над психологией своего воспитанника, пастор пришел к выводу, что существенное влияние на него окажет какой-нибудь серьезный случай, который он навлечет на себя своими импульсивными поступками. Оттого старик по большей части и ограничивался укоризненными увещеваниями, не переходившими в докучливые нотации. Пастор Берг ждал, когда Эрих на собственной шкуре хлебнет лиха и угомонится. Учитывая явное затишье, произошедшее в поведении Эриха, у старика были основания полагать, что это наконец-то произошло. Однако на деле причины временного бездействия молодого человека на своем идейном поприще носили куда более прозаический вышеуказанный характер.

На сегодня у Эриха намечалось важное дело. Руководство отправляло его в третью важную командировку — набираться практического опыта. Его компания подрядилась снести один старый дом, признанный экономически неэффективным в ремонте и не имевшем исторической ценности. Строители ведь не только умеют возводить различные объекты, но обязаны отлично разбираться и в их ликвидации. Такой, чтобы не причинить никакого сопутствующего ущерба. Заперев бумаги в ящик стола, Эрих проследовал к своему непосредственному начальнику, получив телефонный вызов от его секретарши.

Герр Марсдорф потягивал кофе из большой фарфоровой кружки, когда на пороге объявился его молодой подчиненный — подающий надежды инженер. Молча показав ладонью на кресло подле своего стола из красного дерева, тучный герр бросил косой взгляд на экран компьютерного дисплея, поморщился и сердито пнул ногой тихо жужжавший системный блок. Полосы раздражающей ряби, с самого утра досаждавшие хозяину роскошного кабинета в стиле начала двадцатого века, покинули экран. Надолго ли? С завидной периодичностью они возвращались туда едва ли не каждые четверть часа. Вызванный специалист потратил уйму времени, пытаясь определить причину неполадки, но так ничего и не нашел. Герр Марсдорф снова вчитался в присланный ему документ, на котором рябь проявилась в первый раз, мешая изучить его содержимое. Тогда она ходила волнами настолько сильно, что складывалось впечатление, будто эти полосы прямо на глазах перекраивают содержание файла. На всякий случай, во избежание

возможной ошибки герр Марсдорф послал повторный запрос. Поступивший ответ, также насилу прочитанный из-за докучливой ряби на дисплее, соответствовал изначальному. Еще больше удивившись, герр Марсдорф сделал какую-то пометку в своих записях и велел вызвать к нему Эриха Сторма.
— Надеюсь, вы готовы отправиться в известную вам командировку. Проект D-24 не терпит отлагательств, — изрек он, мысленно обругав чудившую технику.
— Разумеется, — с готовностью отозвался Эрих.
Еще с вечера он собрал кое-какие вещи в большую дорожную сумку, оставленную сейчас возле своего рабочего стола.
— Не торопитесь с ответом, — неожиданно произнес герр Марсдорф, воззрившись на сотрудника. — В нашем плане произошли некоторые изменения.
Эрих машинально напрягся, подозревая какие-нибудь неприятности. Стараясь не выдавать нахлынувших чувств, он осведомился что именно босс имеет в виду.
— Вы назначены вторым инженером. В случае вашего согласия, разумеется, — сообщил герр Марсдорф, пристально уставившись на собеседника.
Лицо того отразило искреннее удивление. Затем быстро приняло очень серьезное выражение. В первую очередь потому, что ему отводили очень серьезную роль. Второй инженер, в отличие от стажера на подхвате, должен был лично руководить установкой зарядов и последующим подрывом здания. Ничего подобного Эрих до сих пор не делал, и дальше теории да компьютерного моделирования не заходил.
— Почему я? — невольно спросил молодой человек после недолгой паузы.
Спросил вполне естественно, и босс, похоже, даже не удивился этой реплике, полностью разделяя недоумение сотрудника.
— Страуб неожиданно заболел, и заболел тяжело. Другие подходящие кандидатуры сейчас в разъездах, и отзывать их довольно накладно. А время не ждет. Проект D-24 для фирмы очень важен. В случае успешной реализации нам светит эксклюзивный контракт с тамошним муниципалитетом. И даже день задержки руководство считает неприемлемым, — неторопливо изложил герр Марсдорф.
Эрих молчал, справедливо ожидая продолжения.
— Я запросил руководство на предмет оптимального выхода из сложившейся ситуации. В присланном мне ответе значится твоя кандидатура, — коротко закончил босс, не особо распинаясь.
У Эриха имелись все основания изумиться еще больше. Учитывая

отдельно подчеркнутую важность проекта для фирмы, ответственность была просто колоссальная. Возлагать ее на не слишком опытного молодого специалиста — шаг довольно рискованный. Одно несколько не сходилось с другим, на что он тут же и указал начальнику.
— И я того же мнения, — пожал плечами герр Марсдорф. — У тебя нет достаточного опыта в таких делах. Направить тебя на стажировку и поставить у руля столь важного процесса — совсем не одно и то же. Однако руководство прислало мне совершенно ясные указания. Я даже хотел позвонить по телефону, чтобы своими ушами убедиться в столь необычном распоряжении, но... Тебе известно это новомодное веяние касательно электронных документов и электронной же отчетности. Руководство не желает лично обсуждать каждый вопрос по телефонной линии.
Эрих едва сдержал улыбку. Босс, скорее всего, просто опасается проверки на надлежащую подготовку и пунктуальное исполнение своих обязанностей. Оттого он и не рискнул перезвонить, убоявшись услышать в трубке несколько крайне неприятных слов. Герр Марсдорф не очень подходил на свой пост, и держался на нем в основном за счет старых родственных связей. Он не то чтобы совсем не разбирался в делах — просто тучный мужчина с короткой бородкой и усами несколько поотстал во времени лет так на десять-пятнадцать, придерживаясь устаревших методов. По своей воле он ни за что бы не поручил неопытному новичку столь важное задание. Эрих это прекрасно понимал, как понимал и то, что подвернувшийся ему шанс проявить себя выпадает крайне редко. Но только справится ли он?.. Молодой человек всерьез призадумался, решая про себя, действительно ли он годится на отведенную ему роль. Собственно, именно этого ответа и ждал от него герр Марсдорф. Получив указание от руководства и согласие от исполнителя, он автоматически снимал с себя ответственность за какие-либо последствия.
— Ну так что? — поинтересовался босс, когда молчание слишком затянулось. — Ты согласен на это назначение? Согласен взять на себя ответственность? Если нет, я немедленно отправлю сообщение наверх, и мы рассмотрим другую кандидатуру.
— Согласен! — секунду поколебавшись, твердо отозвался Эрих.
Перспектива быстрого карьерного взлета перевесила здравый смысл, предлагавший отказаться от этой удивительной, но крайне опасной возможности. Ибо в случае неудачи Эриху, вероятно, придется вообще сменить род занятий.
— Хорошо, — с долей разочарования вздохнул герр Марсдорф. — Следуй к моей секретарше — она уладит все необходимые фор-

мальности. Ты уезжаешь сегодня вечером.

Когда молодой инженер ушел, окрыленный открывавшейся перспективой, его патрон вспомнил про недопитую чашку кофе. Потянувшись к кружке, он нашел ее холодной и брезгливо отставил в сторону. Затем еще раз глянул на дисплей. Там вновь объявилась рябь, основательно искажавшая файл Эриха с проставленными отметками. Галочка напротив нового назначения, прописанного крупными буквами, то появлялась, то как будто исчезала. Герр Марсдорф прошипел ругательство, угрожая отправить технику в утиль, а ее наладчика в очередь безработных. В какой-то момент его рука будто сама по себе потянулась к телефону и набрала знакомый номер. Из динамика старомодного аппарата донеслась речь автоответчика. Герр Марсдорф махнул рукой, повесил трубку и отправил секретарше приказ подготовить изменения в командировке Эриха Сторма.

Пожилой человек на другом конце Берлина неторопливо занимался делами, отмечая что-то перьевой ручкой в разложенных перед ним бумагах. Интерьер его кабинета разительно отличался от кабинета герра Марсдорфа, выполненный в стиле модерн из стекла и металла. Включая кресло этого человека, похожее на обычное офисное, но при этом стоившее баснословных денег. Ничто не нарушало тишину его рабочей атмосферы — ни плотно прикрытая дверь, ни шум большого города за окном, ни телефонные звонки. Последнее казалось особенно странно, учитывая, что вызов герра Марсдорфа должен был поступить ему напрямую, минуя посредников. И дело было отнюдь не в телефонном аппарате, где его хозяин мог бы намеренно отключить звук, чтобы ни на что не отвлекаться. Просто на этот аппарат никаких звонков от патрона Эриха вообще не поступало.

* * *

Руки Эриха невольно дрожали, когда он подписывал заключительные документы. Трехдневная командировка пролетела в одно мгновение. Проект D-24 среди служащих компании получил негласное наименование "Журавль". Еще раз окинув пристальным взглядом обреченное здание, Эрих невольно припомнил это прозвище при виде покосившейся надстройки над центральной секцией многоэтажного дома. Покосившейся настолько серьезно, что означенный крен и вызвал как неофициальное имя, так и послужил одной из главных причин сноса. Складывалось впечатление, что высокая надстройка держалась каким-то чудом, и служащие компании, закладывавшие взрывчатку, даже опасались, что она

свалится прямо в процессе работ. Однако на поверку та оказалась куда устойчивее, чем на глаз, и осыпаться не торопилась. В свое время дом был построен весьма добротно, и если бы не пренебрежительное отношение слишком часто сменявшихся владельцев, окончательно запустивших его состояние, и своевременный ремонт, он простоял бы еще долгие годы. Теперь же старое здание создавало угрозу для соседних строений и случайных прохожих. Его расположение, высотность и специфический наклон делали довольно рискованным снос при помощи спецтехники, отчего в итоге и был выбран вариант подрыва. Подрыва, который должен был без всякого риска осыпать всю структуру строго в заданное пространство.

Архитектурные особенности дома Эриха интересовали исключительно как инженера. Художественную составляющую и любую эстетическую привлекательность он игнорировал. Его взгляд равнодушно скользил по отличительным элементам конструкции, предназначенной к сносу. Он видел окна и двери, но не замечал их обрамления, фиксировал в уме особенности кладки, но не обращал внимания на любые творческие детали. В его голове формировался безликий и бездушный образ коробки, ожидавшей ликвидации. Образ, в котором не сохранялось никаких не относящихся к делу черт здания. Попроси его кто подробно описать этот дом — и Эрих лишь развел бы руками. Но не оттого, что он был лишен чувства прекрасного. Все заключалось в конечной цели. А именно — в самой ликвидации. Кто-то из старожилов компании успел дать новичку совет: при сносе объекта не вздумай изучать его иначе, нежели специалист-подрывник. В противном случае ты рискуешь пожалеть о судьбе этого объекта, а это начнет тревожить душу ненужными сожалениями. Эрих следовал дельному совету, отчего видел лишь то, что было необходимо для выполнения поставленной задачи.

Проведя три дня на объекте под руководством главного инженера, Эрих работал до изнеможения. Он лично контролировал установку зарядов, изучил целую тонну документации и сотни раз провел моделирование взрыва на своем ноутбуке. Молодой специалист так боялся сделать ошибку, что самые тривиальные вещи, обычно одобряемые с полувзгляда, рассматривал только что не в микроскоп. Наконец, подготовка была полностью завершена, и Эрих вручил главному инженеру папку с проектом, где стояли все необходимые резолюции и где он только что поставил собственную подпись. Главный инженер также не спешил с одобрением, битый час вдумчиво изучая представленные ему документы. Эрих его не торопил и терпеливо сидел рядом под походным навесом. Он

страшно нервничал и был даже рад образовавшейся паузе. Если Эрих допустил какую-нибудь вопиющую ошибку, опытный главный инженер непременно ее заметит. Однако тот, внимательно пролистав бумаги от корки до корки, ничего крамольного в них не нашел.

— Что ж, молодой человек, вроде бы все в порядке, — изрек, наконец, он, поставив свой росчерк в последней пустой графе. — Будем надеяться, боссы не ошиблись, поручив вам эту задачу вместо Страуба. Иначе, если что случится — нам обоим не поздоровится.

— Я не подведу! — с жаром повторил Эрих ту же фразу, которую он произнес три дня назад, вручая главному инженеру фирменный бланк со своим назначением.

Главный инженер слабо улыбнулся и кивнул, успев оценить рвение молодого специалиста, однако сам Эрих выраженной им вслух уверенности отнюдь не испытывал.

Вскоре в оцепленном секторе не осталось ни души. С самого начала работ прилегающие улочки перегородили барьерами, а в передвижном лагере строителей дежурил полицейский наряд, присланный муниципалитетом. Теперь этот удвоенный наряд следил, чтобы какой-нибудь обыватель не сунулся в опасную зону в самый неподходящий момент. Чуть поодаль виднелись два пожарных расчета, также направленных на всякий случай. Провели перекличку. Все служащие оказались в безопасной зоне. Проект вступил в решающую фазу. Раздался пронзительный сигнал сирен, а затем послышалось громкое объявление о предстоящем подрыве здания, содержавшее его адрес и обратный отсчет. Оно регулярно повторялось на случай, если кто-либо все-таки проник на объект незамеченным и по каким-то причинам до сих пор там оставался. После этого главному инженеру принесли внушительный прямоугольный пульт, больше похожий на кирпич, да и весивший не намного меньше. Складывалось ощущение, что в строительном деле принципиально не признавали чего-нибудь легкого и изящного, упорно имея дело лишь с габаритными и тяжелыми конструкциями. Подержав пульт, главный инженер немного поколебался и протянул его Эриху.

— Держи, — заявил он. — Это твой первый опыт. Не хочу лишать тебя памятных впечатлений. Проверь свою удачу лично.

Приняв пульт, Эрих повернул два регулятора, перекинул тумблер и снял защитный колпачок. Коснувшись пальцем круглой красной кнопки, он неожиданно испытал странное чувство. Ему вдруг почудилось, что одно это нажатие способно изменить всю его жизнь. Нет, даже не просто жизнь, а нечто большее, чем жизнь. Словно

сейчас, стоит ему нажать на эту кнопку, экспресс его судьбы устремится по тому или иному пути, и только он все еще может изменить как направление его движения, так и дальнейшие последствия. Дивясь необычному ощущению, Эрих молча держал палец на спусковом механизме, будто какая-то неясная сила противилась, не давая привести его в действие. В голове возникли странные образы, смахивавшие на видения одной и той же реальности одновременно, но в разных воплощениях. Это уже походило на какое-то наваждение. Должно быть, нервная система, от великого напряжения работавшая на износ, испытывала колоссальную перегрузку. Так и до галлюцинаций недалеко. Послышался какой-то тихий шепот. Похоже, за спиной молодого инженера начали перешептываться рабочие, принимая его заминку за неуверенность в собственной квалификации. Встряхнув головой, Эрих резко вдавил кнопку.

Бабахнуло не то чтобы оглушительно, но весьма впечатляюще. Сливаясь в унисон, один за другим взрывались серии зарядов. Ведь взрыв был не один, и заряды детонировали отнюдь не все одновременно. Предварительный расчет делался не просто так, и не просто так неоднократно проверялся. Здание не должно было разнести на куски по всей округе. Оно не должно было ни завалиться на бок, осыпавшись на соседние строения, ни обрушиться лишь частично, став донельзя аварийным, что исключало любые дальнейшие работы внутри. Снаружи никто не видел, как с молниеносными вспышками детонировала размещенная в доме взрывчатка. Впрочем, зрелище от этого ничуть не пострадало, мгновенно став невероятно захватывающим, хоть и продолжалось очень недолго. Надстройку, из-за которой проект D-24 получил прозвище "Журавль", ударной волной откинуло назад, заваливая к оси здания. Не успела она рухнуть, как верхние этажи немедленно сложились, увлекая за собой падавшие на них обломки. Затем с внушительным грохотом просело основание дома, выбросив фонтан пыли и щебня. Какая-то секунда — и здание стало напоминать осыпающийся карточный домик. Земля гудела и дрожала, когда на нее валились крупные фрагменты вдребезги расколотого строения. Но валились они строго в заданном секторе. До стоявших поодаль людей, завороженных разрушительной мощью взрывов, не долетело ни единого осколка кирпича. Поднятая пыль все еще оседала, разлетаясь по округе густой завесой, а разрушенный дом уже превратился в высокую груду бесформенных кусков строительного мусора. Когда серо-белая пылевая волна достигла многочисленных наблюдателей, она поглотила их будто песчаная буря. Позабывшие надеть респираторы чихали и кашляли, отплевыва-

ясь от поднятой взвеси. Остальные разразились громкими возгласами. Возгласами перешедшими в аплодисменты, когда поднятый самум прошел и глазам присутствующих представились аккуратно лежащие обломки. Подрыв произошел практически идеально.

Произошедшее, разумеется, снимали сразу на несколько видеокамер, не говоря про мобильные устройства. Любительские съемки предназначались исключительно для частных коллекций с публикацией в сети. Профессиональные, сделанные с разных позиций — для последующего изучения; визуального сравнения теории с практикой, компьютерного моделирования с реальным воплощением. Просматривать видеозаписи специалисты начали почти сразу после того, как поднятая пыль окончательно осела. Пока к нагромождению обломков выдвигались рабочие и строительная техника, на портативных экранах уже крутили отснятый материал, отмечая особо примечательные моменты. В обыкновенной жизни подрыв большого здания выглядит отнюдь не так зрелищно, как в кинобоевиках. Откуда бы взяться бушующему пламени, грандиозным вспышкам и клубам дыма с яростно рвущимся из них огненным вихрем? Всех клубов была пыль да крошечные частички материалов, а грохот взрывов быстро перекрыл шум от разрушавшегося дома. Воздушная ударная волна не сносила всех и вся, а огонь не устраивал на руинах грандиозную всепожирающую пляску. Игры света вообще было мало, исключая разве что съемки изнутри обреченного здания. Да, несколько камер, передающих картинку по беспроводной связи, располагались непосредственно в разрушаемом объекте. Раздавленные чудовищной массой обломков они превратились в труху, но их никто и не рассчитывал использовать повторно. Техникой пожертвовали ради ценной информации. Ведь чем больше ее собиралось для последующего анализа, тем значительнее накапливался бесценный опыт, не шедший ни в какое сравнение с финансовыми затратами на уничтоженное оборудование. Снятое внутренними камерами просматривалось даже более тщательно, чем внешними. Ведь они показывали детонацию ключевых зарядов, позволяя в покадровом режиме изучать процесс разрушения и деформации несущих конструкций. Эти-то записи несколько и отличались упомянутой игрой света. Во всяком случае, часть из них.

Высокая частота кадров внутренних камер позволяла увидеть момент подрыва в замедленной съемке. Вот балка еще цела, а вот ее начинает раскалывать установленная на ней взрывчатка. На экране возникает короткая вспышка, порождающая ударную волну. В основании балка будто лопается, раскалываясь сразу на определенной площади, и так происходит разом со многими дру-

гими опорными конструкциями. Вокруг веером разлетаются обломки материала, и вот уже балка складывается под весом устремившегося вниз потолка. Какие-то секунды — и картинка исчезает, ибо устройство передачи раздавлено в лепешку. Все происходит как по хронометру в полном соответствии с заложенным в проекте замыслом. Некоторое недоумение вызывало лишь странное сияние, выборочно появившееся в момент детонации. Где-то оно возникло только вокруг эпицентра взрывов, а где-то словно прошло волной вдоль стен обреченного здания. Сварочные работы, проводимые неподалеку от места съемки, могли бы создавать подобный эффект, озаряя пространство характерными отблесками. Правда, изобразить нечто похожее на слабовыраженное северное сияние им в любом случае не удалось бы. Инженеры, прилипнув к экранам, не без удивления водили пальцами по необычным световым явлениям, пользуясь функцией стоп-кадра и замедлением воспроизведения видео. К сожалению, определенные детали было не так просто рассмотреть, из-за чего казалось, что несколько ударных волн распространялось не совсем естественно, будто их корректировало некое стороннее воздействие. Об этом косвенно свидетельствовали осколки конструкций, разлетавшиеся по не совсем нормальной траектории. Однако поднятая пыль и искажения, возникшие в результате близкой детонации, позволяли допустить дефекты съемки. Сравнительный анализ приводил именно к такому умозаключению, поскольку в целом картина вполне вписывалась в логику физических процессов. Возможно, инженеры переменили бы свое мнение, доведись им увидеть записи с тех камер, что неожиданно вышли из строя в момент взрыва и не успели передать на базовую станцию ничего полезного. А также наблюдай они за парой участков, где камеры вообще не устанавливались. Там зрелище разительно бы отличалось от остального.

Кое-где заряды взорвались совсем не так, как предполагалась. Рабочие, не иначе как по недосмотру, заложили взрывчатку с явной ошибкой, перепутав стороны света. И каким-то образом эта ошибка миновала контроль со стороны мастера. Кроме того, часть конструкций повела себя непредсказуемо. Яростная вспышка, породившая мощный взрыв — и ударная волна в долю секунды рванулась из образовавшегося эпицентра. Рванулась совсем не туда, куда предполагалось, что было чревато весьма неприглядными последствиями. И вдруг из ниоткуда возникло то самое пресловутое сияние. Красноватый отблеск, окутавший по периметру всю область взрыва. Наткнувшись на него, ударная волна совершенно необъяснимым образом изменила направление и ринулась

туда, куда и задумывалось по проекту. Ринулась, будто отраженная неким барьером, и снесла опорную точку прямо-таки идеально. Произойди такое лишь в одном месте, и этому, возможно, все же нашлось бы хоть какое-нибудь разумное объяснение. Однако таких случаев, не попавших в работоспособные объективы, было несколько. Более того, часть из них носила откровенно вопиющий характер. Несколько взрывов произошло там, где зарядов… не находилось вовсе. Рабочие их туда не ставили, но не из-за собственной промашки, а потому, что в проекте по сносу здания они попросту не фигурировали. Стены и балки словно разрывались сами по себе без всякой видимой причины. Объявившиеся из ниоткуда ударные волны направляло все то же красноватое зарево. Направляло так, что они очевидным образом вмешивались в общий процесс сноса, внося в него коррективы. Некоторые же стены и вовсе складывались так, будто их удерживало некое силовое поле из фантастических романов, позволяя им осыпаться исключительно в заданном направлении и никуда больше. Именно вдоль этих стен и возникло странное сияние, частично попавшее на видеозаписи с исправных камер. Порой внушительные фрагменты обломков меняли траекторию смещения самым непостижимым образом, и окажись такое зрелище на видеозаписи, у инженеров от удивления глаза бы на лоб полезли. Однако ничего из перечисленного они не увидели, а попавшее в кадр расплывчатое свечение и специфическое поведение мелких осколков было списано на электромеханические помехи при передаче изображения. На них же списали и все остальное, включая отказ вышедшей из строя техники. А что еще оставалось изучавшим материалы специалистам? Странные явления носили локальный характер, способный предотвратить неблагоприятный сценарий разрушения здания, но при этом достаточно ограниченный, чтобы остаться почти незаметным.

Дальнейшее присутствие Эриха на объекте не требовалось. Рабочие приступили к разбору завалов и вывозу образовавшегося мусора. Можно было не сомневаться, что они с этим справятся без бдительного присутствия высококлассных мастеров. Проект вступил в завершающую фазу — самую простую из всех. Распрощавшись с коллегами, поздравившими новичка с блестяще проделанной работой, Эрих отправился на вокзал. Его ждал вечерний поезд. В душе у молодого инженера все радостно пело от прилива эйфории. Он не просто справился с порученной задачей, но справился прямо-таки образцово! С первого же раза не допустил ни единой ошибки, выполнив ответственное поручение без сучка без задоринки! Именно это и отметил главный инженер, вручив по-

мощнику Сторму лично составленное заключение о его работе. Все-таки Эрих, несмотря на неожиданное назначение, формально числился стажером, и главный инженер выдал ему характеристику. Эта характеристика была просто блестящей. Уже в поезде молодой человек прямо-таки упивался каждой строчкой, вновь и вновь перечитывая ее сызнова. То-то у герра Марсдорфа будет лицо, когда он ознакомится с этим документом!

Мало-помалу буквы стали расплывчатыми, а отяжелевшая голова Эриха склонилась на мягкую спинку кресла. Поезд, мягко покачиваясь на поворотах, уносил его обратно в Берлин. Под мерный перестук колес молодому инженеру снилось, будто он снова там, у старого сносимого дома. Вокруг ни души. Точнее, все будто замерло абсолютно неподвижно. Люди и техника застыли как изваяния, и даже в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения. Застыли и облака, неторопливо бежавшие по небу. Солнечные лучи превратились в золотые нити, словно протянутые через неживое пространство. Все окрестные звуки куда-то подевались, как если бы окружающая панорама существовала не в действительности, а смотрела с холста. Ведь именно такое впечатление она и производила в своем застывшем воплощении — объемный, художественно выполненный пейзаж, лишенный каких бы то ни было признаков жизни. Впрочем, нет — кое-какая жизнь все же наблюдалась. Вокруг здания — по деревьям и соседним постройкам, — расселись черные как сажа вороны. Их внушительные клювы поблескивали металлом, а перья нет-нет, да и отливали сизым. Крупные птицы негромко перекаркивались, будто о чем-то совещались. На первый взгляд их чернота порождалась окрасом оперения, но более внимательный взгляд уловил бы в ней нечто совсем иное. Ее контуры слегка расплывались, как не совсем четкая картинка на экране телевизора. Более того, складывалось невольное впечатление, что и сам ворон не столько птица, сколько черное пятно, клок не развеянной светом тьмы. На скопление людей и техники вороны не обращали ни малейшего внимания. Их поведение изменилось лишь тогда, когда Эрих, стоя неподалеку от сносимого дома, вновь нажал кнопку на пульте. Взрыва не произошло. Вместо этого стая воронов неожиданно поднялась на крыло и ринулась к "Журавлю". Всего несколько секунд — и вот уже она закружила вокруг старых стен стремительным хороводом. Мало-помалу этот хоровод превратился в целый вихрь, скрывающий за собой высокую постройку; настоящий черный смерч, протянувшийся от земли высоко вверх. Эриху казалось, что он слышит хлопанье крыльев, но то, скорее, был обман слуха. Наблюдая за бесновавшейся стаей, разум как бы автоматически сопровож-

дал ее полет типичным для этого звуком, который на самом деле отсутствовал. И вдруг постройка осыпалась, озарившись красноватым сиянием. Тем самым, что частично попало на записи с видеокамер. Осыпалась совершенно беззвучно, будто в ней распались всякие молекулярные связи. Волнообразное свечение, витавшее в пространстве подобно северному сиянию, на долю мгновения окутало весь участок поверженного дома. Окутало так, словно и сам дом при падении был то ли завернут в его невесомые объятия, то ли изначально в них находился; был охвачен этими плавными, колеблющимися контурами, порожденными не то игрой видимого спектра волн, не то специфическим преломлением света.

Едва на груду обломков упала последняя песчинка, как черный вихрь тут же прекратился. Вороны как по команде бросились врассыпную и исчезли. Их хриплое карканье резко оборвалось, будто стая птиц просто растворилась в никуда. На месте здания осталась лишь гора развалин.

Той же ночью, пока Эрих спал, убаюканный покачивавшимся поездом, пожилой сутулый мужчина изучал поступившие ему сведения. Тот самый, которому звонил герр Марсдорф и чей телефон тогда не ответил. Этот мужчина пребывал в крайнем возбуждении. На экран его дисплея был выведен отчет о текущем состоянии проекта D-24. Сам по себе он звучал просто отлично: подрыв здания произведен идеально, работы вступили в завершающую фазу, и как только будет вывезен последний битый кирпич, компания сдаст муниципалитету расчищенную территорию точно в заданный срок. Подобной новости стоило бы порадоваться. В принципе, сутулого мужчину сначала и охватило чувство удовлетворения, однако длилось оно ровно до тех пор, пока он не вчитался в доклад главного инженера. Помимо прочего тот сообщал о несомненных заслугах своего помощника, стажера, чью электронную версию характеристики он прилагал отдельным документом. Брови пожилого мужчины поползли вверх. Перейдя к означенной характеристике, он быстро просмотрел ее содержание и оторопел.

— Интересно, какой идиот назначил такого неопытного юнца на столь ответственное задание?! — пробормотал он себе под нос.

В целом, он мог бы говорить и громче, поскольку его рабочий кабинет был хорошо звукоизолирован. Однако поздний час да и сила привычки играли свою роль. Дабы не беспокоить домочадцев, хозяин кабинета вел себя тихо, если засиживался за делами до глубокой ночи.

— Ну, это мы сейчас выясним, — криво усмехнулся он, переместив курсор на экране к соответствующей области. — Если это дело рук старины Марсдорфа, то он явно засиделся в своем кресле…

Несколько секунд — и на дисплее отобразился личный файл молодого инженера Эриха Сторма. Бегло прокрутив малоинтересные детали, сутулый мужчина остановил взгляд на его последнем назначении, а затем открыл сопутствующие подробности. Строка, где был указан ответственный за назначение, быстро отыскалась на своем месте. При взгляде на нее у мужчины вытянулось лицо. И было отчего. Там стояло его собственное имя! Невольно заморгав, пожилой мужчина тупо уставился на экран как баран на новые ворота. Затем остервенело принялся кликать курсором на связанные данные, поднимая всю логическую цепочку означенной записи в личном деле.

— Это что, какая-то нелепая шутка? — наконец произнес он, не веря своим глазам.

По всему выходило, будто и в самом деле распоряжение исходило лично от него, переданное по каналам связи. Мужчина вконец растерялся, вытаращившись на сведения из компьютера. Затем, видимо разозлившись, опомнился и ринулся поднимать записи о собственных действиях, включая хронологию операций от своего имени.

Мигнул свет. Недолго, буквально на долю секунды, но этого явно оказалось достаточно, чтобы в работе электроники возник сбой. По экрану вмонтированного в стол моноблока пошла рябь. Это был очень элегантный стол, сделанный на заказ из ценных пород дерева. По индивидуальному же заказу стол оснастили современной техникой. Дисплей моноблока по желанию хозяина поднимался из большой выемки и туда же мог быть убран и спрятан под поверхность стола. Примерно так же разместили и беспроводные мышь с клавиатурой, вызываемые на свет строго по необходимости. Чертыхнувшись, мужчина раздраженно поглядел на экран. Рябь никуда не исчезла. Протянув руку, хозяин кабинета постучал по закапризничавшей электронике. По нынешним временам так с ней обращаться не следовало, но сказывалась старая привычка, возникшая в пору электронно-лучевых телевизоров. Стоило ли говорить, что действие ни к чему не привело. Наоборот — рябь, словно издеваясь, пошла еще сильнее, окончательно искажая изображение на дисплее. Внятно прочесть что-либо в записях возможным не представлялось. Прошипев ругательство, пожилой мужчина выполнил самое простое действие, какое мог себе позволить в текущих обстоятельствах. Отдельно вынесенной кнопкой он вырубил питание взбунтовавшейся техники и включил ее заново. Кто-то из специалистов говорил ему, что аварийного отключения компьютера следует избегать, да только вы попробуйте выключить ее как положено, когда отображаемую картинку сам

черт не разберет!

Моноблок перезагрузился оперативно и без видимых неполадок. Быстро подключившись к внутренней сети компании, хозяин кабинета восстановил прервавшуюся сессию и... Тут же вновь узрел на экране треклятую рябь, мешавшую ему хоть что-либо разглядеть. Символы вели себя так, будто изображение наслаивалось одно на другое. Пустые графы заполнялись символами, а часть уже имевшихся меняла свое значение. Но таково было именно впечатление, вызванное помехами на дисплее. Или же... Сжав кулаки, пожилой мужчина снова перезагрузил свой моноблок и снова узрел рябь, едва вошел в систему компании. Ого! А не вирус ли это?! Проник в конфиденциальные данные и сейчас, пользуясь поздним временем суток, хозяйничает там по собственному усмотрению. Впрочем, какая разница? Как бы там ни было, с этим следовало немедленно разобраться! А уж вирус там или нет — не важно. Налицо вопиющее нарушение, связанное с несанкционированным изменением в файлах, и за это кто-то обязательно ответит! Хозяин кабинета машинально протянул руку, но на полпути вспомнил, что он у себя дома, а не в офисе. Да уж, тут дежурную службу не вызовешь и секретаря не дернешь. Впрочем, кто это сказал? Хмуро глядя на бесновавшийся экран, сутулый мужчина потянулся к телефонному аппарату, выполненному под старину. Сняв трубку, он приложил ее к уху и оторопел. Гудок отсутствовал. Несколько резких нажатий на рычаг никакого эффекта не принесли. В подобных случаях люди отчего-то всегда начинают теребить именно этот рычаг, хотя означенное действо в принципе абсолютно бесполезно. Если сигнала нет, даже от миллиона замыканий этого "волшебного" механизма он не появится. Убедившись, что телефонный аппарат с какой-то радости решил отдать концы, пожилой мужчина вытащил свой мобильник, убранный в ящик стола. В отличие от стационарного агрегата, он немедленно ожил, повинуясь движению пальцев, только быстро выяснилось, что легче от этого ничуть не стало. Набранный номер отказывался связывать хозяина кабинета с дежурными специалистами компании. Сигнал отсутствовал. Вероятно, он решил издохнуть так же, как и прочая техника. Грязно выругавшись, сутулый мужчина еле подавил в себе желание швырнуть окаянную штуковину в стену. Ну, ладно! Выбросив руку в сторону, он резко вдавил пуговку кнопки внутреннего вызова. И вновь оторопел. Беззвучно вдавившись в стол, она никак более не отреагировала на примененное к ней усилие. А должна бы! Ни тихой трели, ни индикации о том, что отправлен сигнал в секцию для прислуги. Сейчас там должны были находиться минимум два человека: служанка и шофер, заступив-

шие на вахту в это время суток. Открывши от возмущения рот, пожилой мужчина едва не разломал все доступные ему средства связи, прежде чем осознал, что ни одно из них не работает.
— Что ж, пусть так! — гневно прошипел он. — До дверей я могу и сам дойти! Поеду в офис прямо сейчас, а там уж разберемся, чьи это проделки!
Сказав так, он рывком встал из-за стола и шагнул было к двери. И тут же очутился в кромешной тьме.

На сей раз свет погас полностью. От неожиданности пожилой мужчина замер на месте, поскольку его глаза утратили способность что-либо видеть. Речи, правда, это не касалось, поэтому он немедленно компенсировал потерю видимости обилием крепких выражений. Обычно спокойный и умеющий держать себя в руках, этой ночью хозяин кабинета окончательно вышел из себя и прямотаки закипал от гнева.

Идти на ощупь не хотелось. В кабинете, обставленном с известной роскошью, имелось немало ценных вещей, включая хрупкие произведения искусства. Еще не хватало кувырнуть на пол какую-нибудь вазу стоимостью несколько десятков тысяч! Пожалуй, стоит воспользоваться мобильным телефоном. Тот вполне способен осветить ближайшее пространство. Повернувшись к столу, пожилой мужчина попытался нашарить ящик, куда убрал означенный аппарат. Ящик он нащупал, однако тот и не подумал открыться, словно его заклинило.
— Да вы что, издеваетесь?! — прошипел мужчина, охваченный яростью.
Однако ящик отнесся к его гневу совершенно безучастно, не желая отдавать покоившийся в недрах телефон. Хозяин кабинета отпустил ручку, которую тряс с возрастающим негодованием, и перевел дух. Мало-помалу его глаза немного привыкли к темноте. Свет крайне скверно проникал с улицы через плотно задвинутые шторы, но все-таки проникал. Этого было недостаточно, чтобы видеть дальше нескольких футов, но на расстоянии ярда от себя можно было хоть что-то, да разглядеть. Приглушенно отпуская ругательства, сутулый мужчина осторожно отошел от стола и лилипутскими шажками двинулся в направлении двери. Он решил не торчать почем зря впотьмах. Свет включаться что-то не торопился и неизвестно когда соизволит. Также хозяин кабинета не стал звать на помощь, сочтя это слишком унизительным в подобных обстоятельствах. В конце концов, он что, не способен самостоятельно добраться до выхода?! Рассуждая таким образом, пожилой мужчина прошел около половины пути, прежде чем вдруг осознал, что в кабинете он не один.

Это было какое-то неуловимое чувство. Мимолетное видение. Боковое зрение, мало что различавшее в практически полном мраке, вдруг зацепилось за какое-то неясное движение. Словно там, во тьме, было нечто еще более темное, нежели окружающее пространство. Нечто такое, где плотность тьмы достигала своего апогея, начисто заслоняя любое излучение. Злость и раздражение, бурлившие в груди пожилого мужчины, немедленно испарились. Вместо них там возникла тревога. Возникла и стала шириться, быстро захватывая все естество. Смутная, необъяснимая, но от этого еще более всеобъемлющая. Ведь больше всего на свете мы, пожалуй, боимся неизвестности, а разум отказывался идентифицировать увиденное, причем увиденное на грани вероятного существования. Кто там может быть? Грабитель? Исключено! Прежде хорошо освещенный кабинет отлично просматривался, и спрятаться там было решительно негде. Проведя в нем несколько часов кряду, хозяин роскошных апартаментов мог бы в этом поклясться. Окна закрыты наглухо, а портьеры прилегают к ним вплотную. Укройся кто за ними — и образовавшуюся выпуклость было бы невозможно не заметить. Но что же это тогда там, во тьме? Заслоняющее собой едва просачивающийся свет с улицы. Пожилой мужчина застыл на месте, до предела напрягая зрение. Он вдруг ощутил, как в его груди гулко и быстро забилось сердце. И в тот самый момент, когда скопление мрака явственно сместилось, он испытал бурный прилив страха. Настоящего страха — холодного как снег и липкого как смола. Сердце екнуло, отдавшись в левой руке тянущим болезненным ощущением. Это был очень плохой признак, учитывая наблюдение у кардиолога. Настолько плохой, что на секунду новая волна страха, на сей раз вызванная болью в груди, вытеснила ужас перед неизвестностью. Пожилой мужчина сунул руку в карман, нащупывая заветный пузырек. И в этот момент тьма ринулась к нему. В одну секунду сгусток очутился совсем рядом и хозяин кабинета прямо-таки кожей ощутил леденящее дыхание неведомой субстанции. В следующее мгновение это дыхание проникло в его грудную клетку облаком тумана и расползлось по ней высасывающими тепло щупальцами. Сердце будто сковало коркой льда. Нерушимыми оковами, сдерживающими его биение как стальными тисками. Трепет живого тела был не в силах преодолеть эту безжалостную хватку, выжимавшую из плоти саму жизнь. Кровообращение немедленно остановилось. Пожилой мужчина захрипел, хватая ртом воздух. Глаза его выкатились, вытянутые руки беспомощно зашарили в воздухе. Борясь за свое существование, погибающий мозг подсознательно пытался оттолкнуть от себя неведомого врага, желавшего ему смерти. Но оттал-

кивать было нечего. Когда руки касались сгустка мрака, они проходили его насквозь. Их лишь обжигало чудовищным холодом так, словно пальцы опускались в жидкий азот. Продолжалась эта агония недолго. Колени мужчины подогнулись, глаза закатились. Мешком завалившись на полированный паркет, он несколько раз дернулся и более не двигался. Из раскрытого пузырька выкатилась пригоршня таблеток и с тихим стуком рассыпалась по полу. Некоторое время сгусток тьмы клубился над упавшим, обволакивая поверженную жертву. Когда же температура человека сравнялась с комнатной, он неторопливо отплыл прочь и развеялся в пространстве. В следующую секунду зажегся свет, вновь озарив роскошное убранство кабинета.

По возвращении в Берлин Эрих начал рабочий день с того, что явился к патрону и вручил ему все бумаги, привезенные из командировки. Он нашел выражение лица герра Марсдорфа каким-то неоднозначным. Вероятно, тот был чем-то всерьез озабочен и Эрих даже подумал, что пришел весьма некстати. Даже с такой блестящей характеристикой. Однако и откладывать свой визит не стоило, ибо своевременного доклада требовала процессуальная обязанность. Устроившись в кресле, Эрих молча наблюдал, как босс изучает документы, периодически сравнивая их с тем, что видел на дисплее своего компьютера.

— Что ж, поздравляю, — вздохнул, наконец, герр Марсдорф без особого энтузиазма. — Вы проявили себя наилучшим образом. Честно говоря, я не особо верил в успех. Во всяком случае, в такой. Вынужден признать, что тот, кто рекомендовал ваше назначение явно не ошибся.

— Могу я узнать, кому обязан своим назначением, чтобы выразить ему свою благодарность за оказанное доверие? — вежливо осведомился Эрих.

— Можете, — кивнул босс. — Только боюсь, что толку от этого будет немного.

— Это почему? — удивился молодой инженер.

— Потому что минувшей ночью наш всеми уважаемый герр Бауэр скоропостижно скончался, — мрачно закончил босс.

Теперь Эриху стало понятно настроение патрона. Во-первых, тот был ошарашен данной новостью, ведь даже сам Эрих не остался к ней безучастен. Во-вторых вытекало из во-первых. Герр Марсдорф наверняка уже всерьез озаботился своим будущим. Герр Бауэр, один из совладельцев строительной компании, был его покровителем. Преемник запросто может пересмотреть кадровую политику, за которую отвечал предшественник, и отправить герра Марсдорфа на покой.

— Какое печальное известие. Оно перечеркивает всю радость от успеха моей командировки, — с искренним огорчением произнес Эрих. — Могу я узнать, что случилось?

Герр Бауэр был найден утром в своем кабинете. Первичный осмотр врача не выявил никаких признаков насилия. Судя по всему, причиной смерти стал обширный инфаркт. В пользу этой версии говорил пузырек с рассыпанными таблетками. Вероятно, пожилой мужчина, почувствовав резкое недомогание, успел его открыть, но тут же упал без чувств. Оттого он и не позвал на помощь, а умер, не приходя в сознание. Умер на полпути к двери, так до нее и не дойдя. Электрический свет продолжал гореть до тех пор, пока в кабинет хозяина дома не вошли домочадцы, обеспокоенные его отсутствием. Врач был почти уверен, что вскрытие наверняка подтвердит его предположение. Герр Бауэр давно наблюдался у кардиолога, и состояние его здоровья оставляло желать лучшего. Правда, доктора давали ему благоприятный прогноз при условии соблюдения всех предписаний, но тут уж, увы, не угадаешь. Внезапный отказ сердца, к сожалению, отнюдь не редкость, и современная медицина все еще бессильна его предвидеть.

Предположение врача подтвердилось. Об этом Эрих узнал уже на похоронах, куда пришел вместе с боссом. Герр Марсдорф решил, что молодой инженер имеет как полное право, так и моральный долг поблагодарить скоропостижно скончавшегося покровителя хотя бы проводив его в последний путь. Кроме того, теперь и сам герр Марсдорф желал выглядеть дальновидным управленцем, способным находить перспективные молодые кадры. Эта репутация, пожалуй, пригодится, чтобы уцелеть на своей должности. Эрих, само собой, быстро раскусил замысел патрона, но не подал и виду. Наоборот, он всячески поддерживал в герре Марсдорфе эту идею, да так, что босс в результате и сам начал верить в собственную же иллюзию. Эриху тоже была ни к чему потенциальная смена прямого руководителя. Мало ли кто сядет на его место? А от герра Марсдорфа он уже знал чего ожидать. Тем более теперь, когда тот благосклонно воспринял отличные результаты подчиненного и решил приписать их не только скончавшемуся герру Бауэру, но и своей прозорливости.

Совладельца строительной компании похоронили в семейном склепе. Умеренное число присутствующих на церемонии объяснялось желанием родственников не устраивать излишне помпезное погребение, против которого был бы сам герр Бауэр. Эриха допустили как протеже покойного, о чем, не забыв упомянуть свою роль, засвидетельствовал герр Марсдорф. Эрих помнил, что на самом деле эта роль сводилась к самоустранению босса от принятия

решения, но он и не подумал опровергать речи начальника. Молодого инженера беспрепятственно пустили отдать дань уважения умершему. Ведь руководство фирмы уже проверило слова герра Марсдорфа и убедилось в их несомненной истине. Записи в электронной документации свидетельствовали более чем красноречиво. По какой причине герр Бауэр вдруг оказал столь необычное доверие незнакомому новичку теперь осталось неизвестным. Свою тайну он унес в могилу. Возможно, они все-таки были знакомы, и герр Бауэр имел на молодого инженера свои виды. Эрих отвечал уклончиво, не говоря ни да, ни нет. Не от великой хитрости, а просто не зная толком что вообще говорить, дабы не допустить какой-нибудь промашки. Однако именно это и заставило больших боссов утвердиться в своем предположении. Кажется, в эту версию поверил даже герр Марсдорф на волне собственного самообмана. Как бы там ни было, на похоронах никто не смотрел на молодого инженера как на белую ворону, оказавшуюся не в своей стае. На него поглядывали с любопытством, насколько позволяли приличия, но не более.

После того, как двери склепа навсегда захлопнулись за гером Бауэром, Эрих направился к выходу с кладбища вместе с патроном, любезно подвозившем его на своем автомобиле.

— Мда-а, вот так живешь-живешь, строишь планы на будущее, а потом — хлоп! А будущего-то уже и нет! Даже до следующего утра не доживаешь, — протянул герр Марсдорф, неторопливо шагая по дорожке среди замшелых монументов. — Как говорится: "человек предполагает, а бог располагает".

Кажется, на него произвела изрядное впечатление речь пастора, и босс невольно задумался о своей судьбе. Ведь он сам был уже немолод и не мог похвастаться отменным здоровьем. Эриху тоже запомнилась эта служба, правда не столько словами — он находил, что пастор Берг умел изъясняться куда менее изощренно, зато более точно — сколько примечательным обстоятельством. Когда пастор упомянул быструю и легкую смерть, которую всевышний ниспослал покойному, и когда заявил, что тот был добропорядочным христианином, порыв воздуха погасил все свечи. Не иначе работа сквозняка, возникавшего из-за приоткрытых окон. Правда, нельзя было сказать, что на улице так уж ветрено. Свечи дважды зажигали вновь и пастор продолжал говорить, сопровождая невольные заминки грустной и смиренной улыбкой. Да, и в самом деле весьма примечательная особенность. Если бы Эрих был суеверен, он наверняка бы посчитал, что это что-нибудь да значит.

Позади послышались чьи-то шаги. Обернувшись, Эрих увидел одного из совладельцев компании, появившегося с боковой до-

рожки.
— Безобразие, — проворчал этот также в летах мужчина, поравнявшись с двумя протеже скончавшегося герра Бауэра.
— А? — невольно обеспокоился герр Марсдорф.
— Не кладбище, а зверинец какой-то! — недовольно сообщил совладелец. — На пути мне попались два здоровенных черных пса! Я, знаете ли, даже вынужден был свернуть. Так, на всякий случай. Надо непременно оставить жалобу смотрителю. Это же просто ни в какие ворота!
— Вероятно, это как раз его собаки, которые помогают охранять территорию, — заметил, подумав, Эрих.
— В самом деле? Да, пожалуй, это возможно, — кивнул совладелец, найдя замечание молодого инженера вполне логичным.
Тем не менее, он предпочел продолжить путь вместе с двумя подчиненными и, судя по выражению его лица, ему явно полегчало. Мало кто знал, что этот почтенный гражданин панически боялся собак, и спутники ему пришлись как нельзя кстати. Если герр Марсдорф не производил особого впечатления, то присутствие подтянутого, мускулистого молодого человека вызывало известное чувство безопасности. Особенно после его замечания о том, что уж от пары собак, если те вдруг проявят агрессию, он как-нибудь отобьется, благо его этому учили. Это была чистая правда. Эрих, занимаясь борьбой, прошел курс обороны от нападения этих животных. В его неофициальной деятельности такое умение запросто могло пригодиться, если кто-то из идеологических оппонентов вздумает натравить пса. Взять хоть тех же обитателей пресловутого коттеджа.

Специфические умения Эриха, к счастью, не пригодились. Кинофоба никто не преследовал, поэтому он благополучно покинул кладбище вместе со спутниками. Завязав разговор с молодым инженером для собственного успокоения, совладелец компании нашел его весьма интересным и образованным собеседником. Когда они подошли к машине герра Марсдорфа, ему было даже немного жаль расставаться с новым знакомцем.
— Вы же Эрих Сторм, да? — сказал он, перед тем как удалиться к своему автомобилю, где его поджидал водитель.
— Да, — вежливо кивнул молодой человек, хотя точно помнил, что его уже представляли неожиданному спутнику, и что он сделал это сам не далее как четверть часа назад.
Вероятно, у многих богатых и влиятельных людей что-то с памятью, когда дело касается подчиненных. Настолько, что это входит в некую не слишком приятную привычку.
— Похоже, герр Бауэр вас очень ценил, — продолжил совладелец.

— И я очень благодарен ему за оказанное доверие, — почтительно произнес Эрих. — Жаль, что я не успел его выразить при менее печальных обстоятельствах. К сожалению, наше будущее слишком часто от нас не зависит.
— Это верно, — кивнул совладелец. — Но вы, во всяком случае, за свое можете не беспокоиться.
— В каком смысле? — машинально спросил Эрих.
— Я полагаю, с нашей стороны было бы неэтично отменить решение герра Бауэра. Теперь, когда я немного узнал вас лично, я в этом просто убежден, — пояснил степенный кинофоб. — Ваше назначение останется в силе.
Молодой инженер недоуменно переглянулся со своим боссом.
— Как, разве вы ничего не знаете? — удивился совладелец компании. — Впрочем, смерть бедняги Бауэра была столь внезапной, что он, вероятно, даже не успел вас известить. Ну, в таком случае вас, господин Сторм, ждет приятный сюрприз. О нем вы узнаете когда явитесь завтра на работу. А теперь желаю вам доброго вечера!
Вежливо приподняв шляпу, совладелец поправил воротник дорогого пальто и неторопливо направился к своему транспортному средству, натягивая на руки тонкие кожаные перчатки.

Герр Марсдорф был педантом до мозга костей и слушался руководство прямо-таки до последней мелочи. Сказано завтра — значит завтра. Эрих, распаленный вполне естественным любопытством, желал попасть в офис немедленно. Герр Марсдорф ответил, что об этом не может быть и речи, хотя сам направлялся именно туда. Всему свое время. Утром пусть молодой сотрудник сразу явится к нему и узнает, какие распоряжения отданы на его счет. А до тех пор ему следует поехать домой и хорошенько отдохнуть.

Надо ли говорить, что Эрих вынужден был подчиниться, и что выспаться у него получилось крайне неважно. Больше полуночи он проворочался так, словно его кровать утыкали гвоздями для какого-нибудь йога, строя самые различные предположения. Вскочив спозаранку, он прилетел в офис на полчаса раньше времени и незамедлительно заглянул к боссу. Герр Марсдорф не слишком-то одобрил его поспешность, однако в понятие "завтра" она, тем не менее, укладывалась, и возразить было нечего. Еще накануне просмотрев личный файл Эриха Сторма, его патрон уже знал все детали. И тут же про себя решил, что с этой минуты с этим подчиненным, пожалуй, стоит наладить хорошие отношения. Милостями со стороны руководства не разбрасываются. Если молодой инженер станет любимчиком больших шишек, авось и он при случае замолвит за герра Марсдорфа словечко. А если впадет

в немилость, то он, герр Марсдорф, всегда сможет от него откреститься. Впервой что ли? Состроив самую любезную мину, на которую только был способен, герр Марсдорф принялся излагать господину Сторму все изменения в его статусе. А когда закончил, то от себя присовокупил, что со своей стороны предпримет все необходимое для успешной работы столь одаренного молодого человека, который, по всему видать, далеко пойдет. У Эриха, слушавшего обо всех свалившихся на него благах, прямо голова шла кругом. Волей скоропостижно скончавшегося герра Бауэра его, никому не известного стажера, назначили, ни много ни мало, старшим инженером-взрывотехником. Да, именно старшим! Фактически это означало, что он переходит в разряд ведущих специалистов в данном роде работ. Отныне все проекты, где предполагается использование взрывчатых веществ, станут проходить через него для получения заключения и соответствующей резолюции. Ну, те, которыми занимается филиал герра Марсдорфа. При этом наиболее ответственные задачи Эрих будет выполнять сам, а при необходимости курировать их непосредственно на местах, выезжая в хорошо оплачиваемые командировки. Выезжая на служебном транспорте! Склад взрывчатых веществ и горючих материалов отныне находился под контролем Эриха. Он лично должен был одобрять закупки этих товаров и утверждать распоряжения насчет всех перемещений особо опасного груза. Теперь склад мог пополняться и опустошаться только за подписью господина Сторма. Разумеется, все эти должностные хлопоты хорошо вознаграждались. Жалованье Эриха увеличивалось в пять раз, в соответствии с присвоенным ему статусом. Для любых деловых поездок ему полагался транспорт. Медицинская страховка была вне всяких похвал. Фактически, Эрих перескакивал разом через несколько ступеней в карьерной лестнице, оказываясь лишь на один уровень ниже герра Марсдорфа. Чего и удивляться, что у молодого человека голова пошла кругом. Кисельные реки и молочные берега, расписанные ставшим крайне любезным боссом, вгоняли его в состояние неописуемой эйфории. Только что не шатаясь, Эрих как пьяный добрался до своего рабочего места. Теперь уже старого рабочего места, поскольку герр Марсдорф уже распорядился приготовить ему новый отдельный кабинет со всей необходимой обстановкой. Плюхнувшись на стул, Эрих положил локти на стол и обхватил голову руками, не в силах поверить свалившемуся на него счастью. Покойный герр Бауэр, которого он даже не знал, представился ему каким-то ангелом, озарившим его светом своего белоснежного крыла. Прямо-таки какое-то чудо — иначе и не скажешь!

Отрезвление наступило несколько погодя, когда Эрих, дабы

прийти в себя, выпил две чашки очень крепкого чая. Все это, безусловно, хорошо! Однако требует соответствующих знаний и квалификации! Это вам не один-единственный дом подорвать, где банально мог сработать фактор везения. Теперь, по здравому размышлению, Эрих даже испугался открывшейся перед ним перспективы. Справится ли он на новом поприще?! А ну как он с позором провалит какое-нибудь особо важное дело?! Или же допустит такую ошибку, за которую придется расплачиваться до конца жизни? Хорошенько обдумав создавшееся положение, Эрих поступил так, как поступил бы любой разумный человек, не желающий потерпеть катастрофическое фиаско. Он решил немедленно продолжить свое обучение. Эрих запросил доступ в архив компании и тут же его получил в соответствии со своей новой должностью. Домой новоиспеченный старший инженер-взрывотехник вернулся с целой кипой папок, набитых копиями архивных проектов, благо что шофер любезно помог ему донести их до квартиры. Общество документам на бумажных носителях составила база данных компании, к соответствующему разделу которой Эриху открыли полный доступ. Вооружившись запасами чая и кофе, молодой человек с головой ушел в работу, решив посвящать ей все свободное время. Ведь для того, кто все-таки прилично разбирается в своем деле — а Эрих действительно был вполне толковым молодым специалистом — вряд ли есть методические материалы лучше, чем обширная документация об успешных и провальных проектах его предшественников.

* * *

Пастор Берг был, несомненно, очень рад быстрому карьерному взлету своего молодого воспитанника. Это без обиняков читалось в его серых глазах, когда он не без гордости поглядывал на Эриха. Все-таки, старик сыграл ключевую роль в его образовании и дальнейшем становлении. Однако в них также читалась и некоторая едва уловимая озабоченность. Озабоченность тем, насколько неожиданным и необычным выглядело это возвышение. Пастор знал, что чудеса в жизни все же случаются. Именно поэтому он взял за привычку относиться к ним с настороженностью. Пастор, разумеется, предпочитал, чтобы Эрих рассказывал ему о своих успехах на служебном поприще, а не сомнительных подвигах в противостоянии с неонацистами. Про последних молодой антифашист теперь вспоминал постольку поскольку, целиком поглощенный новым назначением. Назначением, где он очень даже недурно справлялся. Продолжительное и едва ли не круглосуточное изу-

чение обширной базы данных пошло ему на пользу. К концу зимы Эрих был прямо-таки кладезем полезной информации, ходячим архивом большинства проектов своей компании. Способности молодого человека к обучению впечатляли. Он усваивал все на лету практически без посторонней помощи. Должно быть, у Эриха действительно был талант. Впрочем, его несомненную одаренность пастор Берг приметил еще давно, поэтому не слишком удивлялся тому, как молодой человек быстро распутывает и схватывает даже сложные вещи. Не исключено, каким-то образом это не прошло стороной и покойного герра Бауэра, отметившего качества нового сотрудника и решившего найти им достойное применение. Однако представлялось полнейшей загадкой, каким именно, если это предположение соответствовало действительности. Оставалось констатировать лишь одно: Эрих оправдывал свое назначение на должность и до сих пор не допустил ни одного промаха. Его работа неизменно демонстрировала отличные результаты, которые молодой специалист постоянно совершенствовал, продолжая прямотаки жить в ворохе самых различных справочников и документов. Без сомнения, это было куда лучше, чем шататься по ночам, выискивая себе на пятую точку приключений. Пастор Берг удовлетворенно кивал, слушая Эриха, когда тот ненадолго забегал поделиться своими успехами. Но все же и отделаться от некоторых сомнений никак не мог. Уж больно все гладко получалось! Как будто господина Сторма и впрямь кто-то взял под свое покровительство, только не герр Бауэр, а некто куда более могущественный.

— Послушай, Эрих, — однажды сказал пастор, когда в конце февраля молодой человек заглянул к нему в кирху после продолжительного отсутствия. Он долго возился с одним очень важным проектом и теперь, когда тот был завершен, наведался к старику, — тебе не кажется странным, что никто в фирме не завидует твоему головокружительному взлету?

— Почему не завидуют? Завидуют, — пожал плечами молодой человек. — Но это их проблемы. Сам я стараюсь никого намеренно не задевать, а остальное меня не касается. Герр Марсдорф мне открыто симпатизирует, а я плачу ему взаимностью, при случае упоминая о нем руководству. Видя это, в нашем филиале предпочитают придерживать язык, даже если кому-то что-то не нравится.

— Я не об этом, — мотнул головой старик. — На твое место наверняка метило немало людей, считавших, что они заслуживают его гораздо больше. Полагаю, одним только скрытым недовольством дело вряд ли ограничится. Иначе я ничего не понимаю в человеческой натуре.

— Ты намекаешь на то, что я нажил себе врагов? Да, пожалуй, это верно, — все так же невозмутимо отозвался Эрих. — Сперва они даже пытались строить мне козни, а некоторые и до сих пор продолжают. Но — по-мелочи. Это побочный эффект любого успеха. Я привык и не обращаю внимания. Пока меня нельзя в чем-либо уличить на служебном поприще, моя броня непробиваема. Герр Марсдорф уже пару раз рявкнул на моих особо ретивых недругов, так что они более-менее угомонились. За моей спиной, понятное дело, шепчутся, но открыто никто на меня нападать не решается. Особенно когда стало известно, что и кулаками я орудую неплохо.
— Хорошо, если так, — вздохнул пастор Берг. — Злопамятные люди могут принести немало бед. Особенно спустя длительное время, когда уже и удара от них не ожидаешь. Дело не в том, что они не забыли обиду и непременно желают отыграться. Само по себе это было бы не так страшно. Проблема в другом. Раз угнездившись в душе, зло начинает вести свою жертву по жизни, постепенно отравляя ее разум и все настойчивее диктуя линию поведения. Человек может и сам не заметить, как станет его орудием; превратится в сосуд для пагубных деяний. И эти деяния вполне способны его погубить, а вместе с ним навредить и очень многим. Желание мести, однажды овладевшее душой, запросто может сжечь все светлое, что в ней когда-то было. Высушить ее, и либо опустошить, либо наполнить злом. Не каждый подвержен такой метаморфозе, но если она произошла, то уже необратимо.
— Эк ты хватил! — улыбнулся Эрих. — Впрочем, намек понял. Буду держать глаза открытыми. Однако я практически уверен, что никто мне мстить не собирается. Натянутые отношения не означают непримиримую вражду до последнего вздоха.
— Хорошо, если так, — снова вздохнул старик.
И про себя взмолился, чтобы его воспитанник не ошибся. Но тот ошибался.

Некий Альберт Лисс, внимательно перечитав обширный доклад собственного производства, удовлетворенно потер руки. На его лице расплылось крайне специфическое выражение, предполагающее ухмылку. Эдакая помесь торжества, глумления и улыбки. Должно быть, так на жалкого смертного человечка смотрели мифические древние боги, прежде чем устроить ему "сладкую" жизнь для собственной потехи. Господину Лиссу было от чего торжествовать. Он только что закончил очень объемное дело, вобравшее в себя целую кипу взаимосвязанных документов. Отчеты, таблицы, экспертные заключения, результаты программного моделирования, заверенные выписки из проектов — чего там только не было, и все это наконец-то оказалось сведено воедино, подробно рас-

ставляя все точки над i. Не просто сведено — подводило твердую доказательную базу под заключение, составленное на последнем листе в нескольких пунктах, набранных крупным шрифтом. Это дело было посвящено Эриху Сторму.

Альберт Лисс имел вполне справедливые основания надеяться, что вакантная должность старшего инженера-взрывотехника достанется ему. Выслуга лет, опыт и квалификация ставили его в более выгодное положение относительно других претендентов. Препятствием могла оказаться разве что протекция со стороны руководства, способная непредсказуемо повлиять на его выбор. Как назло, именно эта протекция и грянула как разорвавшаяся пушка, изумив всех сотрудников филиала. Молодой инженер Эрих Сторм, на которого господин Лисс смотрел свысока как на желторотого юнца, неожиданно стал его начальником. Господину Лиссу было крайне унизительно ходить к этому выскочке за подписью, не говоря уже о в одночасье рухнувших надеждах получить долгожданное повышение. Или не рухнувших?.. Первые, сгоряча, лобовые атаки ни к чему не привели. Альберт Лисс едва не разругался с герром Марсдорфом, в данный момент явно занимавшим сторону Эриха Сторма. Сообразив, что необдуманными нападками можно навредить лишь самому себе, Альберт решил действовать с умом. Он отказывался верить, что юнец без должного опыта способен вот так вот сразу успешно проворачивать сложные проекты. И это уже не говоря о том, что вся история с внезапным назначением выглядела как-то подозрительно. Зиждилась эта вера по большей части на субъективных домыслах и злости самого Лисса, заимевшего на Эриха огромный зуб. Тем не менее, он начал копать именно в этом направлении. Если удастся доказать, что Сторм где-то напортачил, либо же рыльце у него в пушку, его живо вытурят с работы, а Лисс получит освободившуюся должность. Сказано — сделано. Публично Альберт приутих, а сам немедленно взялся за новое хобби — стал искать компромат на своего недруга. И искал настолько же рьяно, насколько Эрих посвящал все свободное время повышению квалификации.

Вскоре Лиссу удалось нащупать кое-что интересное. Начиная с самого первого проекта Сторма, именовавшегося D-24, стали обнаруживаться некоторые странные несоответствия. Формально проделанная им работа завершалась блестяще, и тут, увы, подкопаться было нельзя. Однако кое-что, несомненно, настораживало. Долгими часами изучая видеозаписи, копаясь в документах и даже лично опрашивая рабочих, Альберт Лисс постепенно приходил к поразительному выводу. Исходя из всех совокупно сведенных данных, разложенных по полочкам до самой последней мелочи,

проекты под руководством Эриха Сторма просто физически НЕ МОГЛИ закончиться так, как они заканчивались. Каким образом в результате получалось то, что получалось — для Альберта Лисса оставалось загадкой. Однако некий мухлеж был налицо. Чрезвычайно хитрый, изощренный, практически неуловимый, но — мухлеж. Говорят: победителей не судят. Ведь главное — результат, даже если он был достигнут с какими-то нарушениями. Ну, это еще поглядим. Не исключено, что только дьявольское везение Сторма уберегало фирму от больших неприятностей. Но даже если руководство решит отмахнуться от нарушения процессуальных аспектов и несоответствия планов с действительностью, оно вряд ли безразлично отнесется к манипуляции с электронными документами. А они были неопровержимы. То, что находилось в базе данных компании, идеально соответствовало идеальной же работе Эриха Сторма. А вот письменные свидетельства, полученные на местах непосредственно при реализации проектов, порой имели некоторые отличия. И в паре случаев очень серьезные, способные привести к тяжелым последствиям. К примеру, один из рабочих абсолютно точно припомнил, что не ставил заряды там, где они якобы оказались по итоговой документации. Или же расчеты были выполнены с ошибкой, пусть даже и не по вине Эриха Сторма, банально не знавшего в том конкретном случае истинное состояние сооружения. На тот момент его ведь вообще никто не знал. Подлинная картина о состоянии конструкций вскрылась лишь при последующем анализе образцов, взятых из обломков строительного мусора. Но ведь это означало, что сооружение просто не могло рухнуть так, как было запланировано. Тем не менее, все прошло без сучка, без задоринки. И в итоговую документацию попало в полном соответствии с подлинными обстоятельствами. Каким образом Эриху Сторму удавалось проворачивать такие загадочные операции, Лисс откровенно не понимал. Компьютерное моделирование как минимум в четырех проектах показывало некоторое отклонение, свидетельствовавшее о невозможности получения идеального результата. В двух же случаях допущенные ошибки были просто обязаны поставить выполнение задачи на грань срыва. Тем не менее, достигнутый в реальности успех сомнению не подлежал. Что автоматически и совершенно ясно вскрывало очевидные манипуляции с данными по проектам. Ну, вскрывало для того, кто проделал весь этот титанический анализ и вывел Сторма на чистую воду. Руководство наверняка не потерпит, что его сотрудник откровенно подгоняет бумаги под проведенную работу, пусть и проведенную успешно. Вот оно пусть и выясняет, каким образом Сторм до сих пор не завалил ни одно дело. Подкупал ли он рабо-

чих, чтобы они выполняли не зафиксированные в плане действия, использовал ли запрещенные методы, ставя под угрозу жизни людей и сохранность имущества, либо же что еще — расследование покажет. Пока же можно смело констатировать, что молодой выскочка ведет нечестную игру и умело подчищает за собой следы.

Сначала Альберт Лисс хотел послать все собранные документы на компьютер герра Марсдорфа. Затем, поразмыслив, решил вообще не посвящать этого человека в результаты своего расследования. Его лояльность к Сторму способна повлиять на беспристрастный анализ. Лисс уже собрался отправить их прямиком владельцам компании, как снова передумал. Ему припомнились особенности назначения Эриха. Кроме того, если он, Альберт Лисс, практически поймал этого юнца за руку при манипуляции с файлами, где гарантия, что тот не зашел дальше? Что он не имеет скрытого влияния на корпоративную сеть и что документы Лисса не дойдут до адресата? Или дойдут с весьма превратными искажениями, бьющими по самому Лиссу, а не Сторму. Хорошенько все обдумав, Альберт решил вообще ничего не посылать по каналам связи. Вместо этого он вознамерился лично прибыть в головной офис компании и переговорить с ее боссами. Утвердившись в этой идее, Лисс через корпоративную сеть записался на прием, поставив красноречивую пометку, что речь идет о чрезвычайно важном для компании деле. Затем убрал толстую папку с бумагами в ящик стола, выключил компьютер и отправился спать. Ему было крайне непросто ждать еще полнедели, ибо к большим боссам вот так сразу не попадешь. Однако его согревало чувство близящейся мести. Осталось потерпеть совсем немного и Эрих Сторм загремит со своей высоты столь же стремительно и громко, как он там оказался.

В назначенный день Альберт Лисс спозаранку покинул дом и направился к автобусной остановке. Он едва не подпрыгивал от нетерпения и шел пружинистым шагом, придерживая подмышкой большой пакет с обширной, изобличающей Сторма документацией. Электронная копия этого досье покоилась в его внутреннем кармане, для надежности записанная на оптический носитель. Налетавший ветер трепал полы пальто долговязой фигуры, приближавшейся к перекрестку. До автобуса оставалось всего пять минут. Глянув на сигнал светофора, Альберт Лисс прибавил шагу, едва не перейдя на бег. С неба заморосило. Мерзкая сырая взвесь, не слишком присущая концу февраля, оседала на лицо, разгоряченное предстоящим действом. Подойдя к переходу, Лисс остановился. Светофор, только что горевший зеленым светом, неожиданно нарушил привычную периодичность и сменился красным.

Дисциплинированный Альберт, как ни торопился, даже не подумал перебежать дорогу на запрещающий сигнал, тем более к переходу приближались автобус и грузовик. Переминаясь с ноги на ногу, он дожидался разрешения перейти улицу. И оно вдруг было получено столь же внезапно, сколь до этого вспыхнул красный свет. Автобус и грузовик, не успев миновать пешеходный переход, остановились в соседних полосах прямо перед ним, сердито фырча моторами. Альберт Лисс шагнул на проезжую часть и заспешил на противоположную сторону. В другом конце улицы уже показался его автобус, опаздывать на который совершенно не хотелось. Миновав тот, что сейчас замер у перекрестка, Лисс быстро проскочил грузовик, за рулем которого сидел небритый, зевавший от усталости водитель, и выскочил на середину улицы.

Удар был такой силы, что кости ног мужчины тут же искрошило в труху. Ботинки сорвало со ступней и швырнуло прочь. Долговязое тело подбросило высоко вверх, практически сломав пополам. С глухим стуком взмыв к серому небу, оно несколько раз перевернулось в воздухе и со всего маху грянулось на асфальт. Снова раздался хруст костей. Кровь, брызнувшая от поверженного тела, потекла в стороны широкими ручьями. Частично впитавшись в разорванное пальто, она быстро образовывала жутковатую красную лужу, смешивающуюся с дождевой водой. Послышались тревожные крики немногочисленных свидетелей происшествия. Водитель грузовика, живо утративший всю сонливость, пинком распахнул дверцу кабины и ринулся к пострадавшему. Следом за ним подбежали ближайшие прохожие. Из автобуса высыпали люди. Вскоре рядом с упавшим человеком образовалась на все лады гомонившая группа граждан. Достав мобильные телефоны, они все одновременно вызывали службу спасения, пятясь от растекавшихся ручейков крови. Увы, и самое оперативное прибытие скорой уже ничем не могло помочь, пусть даже она телепортировалась бы к месту происшествия. Самый несведущий в медицине человек с первого же взгляда мог определить, что лежавшего на проезжей части человека уже покинула жизнь. Изломанное тело, местами изуродованное просто ужасающе, распростерлось в неестественной позе. Крови вытекло настолько много, что ее потеря в любом случае приводила к смерти. Из прорех в одежде торчали лохмотья плоти и осколки костей. Лопнувшее на спине пальто разошлось над изувеченным позвоночником. Глаза, оставшиеся открытыми, остекленели, выпучившись над сломанной челюстью. Побелевшее лицо выглядело каким-то восковым. Альберт Лисс был мертв.

Никто так и не понял, откуда взялся тот черный автомобиль,

что сбил несчастного мужчину как кеглю. Более того, довольно быстро выяснилось, что показания очевидцев крайне противоречивы. Хорошо известно, что их рассказы об одном и том же зачастую серьезно отличаются, однако на сей раз это выходило за всякие привычные границы. Показания сходились разве что в одном: это был большой, наглухо тонированный черный внедорожник. Дальше начиналась какая-то околесица. Свидетели называли совершенно разные марки машин, от модели до производителя, и рассказывали несоответствующие друг другу истории ее появления. Настолько несоответствующие, что самым достоверным из них, как ни парадоксально, начинала звучать версия водителя грузовика: "появился из ниоткуда". Он, водитель, буквально за секунду до этого посмотрел в зеркало заднего вида и там вообще никакого транспорта не наблюдалось. Однако он признался, что много часов был за рулем и очень устал, так что его слова особого доверия не вызывали. Меж тем факт наезда оставался фактом. Нанести человеку такие ужасающие повреждения фантом не мог, поэтому полиции следовало искать преступника, покинувшего место ДТП даже не притормозив. Здесь то и начались подлинные чудеса. Сперва своим заявлением огорошил эксперт: удар был так силен, что никакой внедорожник просто не в состоянии развить необходимую для этого скорость. Разве что гоночный болид или скоростной поезд мог сотворить нечто подобное. Внутренние органы погибшего аж деформировались от кратковременной перегрузки. Повреждения тканей были слишком характерны, чтобы прийти к иному выводу. Даже оптический диск, найденный во внутреннем кармане мужчины, превратился в такую труху, что следователям, как бы они ни желали, так и не удалось хотя бы фрагментарно узнать его содержимое. Эксперт не собирался объяснять этот физически невозможный факт — он его просто констатировал. Полиция, на время отложив возникшую загадку, решила сосредоточиться на поимке убийцы за рулем. Однако и на этом поприще дела обстояли ничуть не лучше. Те уличные камеры видеонаблюдения, что хоть как-то захватывали злополучный перекресток, ненадолго выходили из строя. В целом они продолжали исправно работать, но сигнал от них оказался потерян за пару минут до трагедии и появился тогда, когда возле погибшего собирались люди. Полиция, разумеется, попыталась проследить движение черного внедорожника по другим камерам, и окончательно утратила понимание происходящего. На одних записях действительно быстро проезжала некая черная машина, подходящая под описание, но одной марки, в то время как на других — другая. А когда марки совпадали, у них разнились номерные знаки. И это

уже не говоря о том, что скорость движения гипотетического объекта упорно не совпадала с его предполагаемой траекторией. Показания свидетелей на улице окончательно ставили блюстителей закона в тупик. Даже в тех местах, где камеры показывали быстро проезжавший автомобиль, они не видели НИЧЕГО. Вообще. И наоборот — на записях какое-либо искомое транспортное средство отсутствовало, а люди уверяли, что оно пронеслось мимо них будто взбесившаяся лошадь. Иными словами, творилась какая-то чертовщина, в которой так и не смог разобраться ни один следователь. Закончилась она соответствующе — черный автомобиль как в воду канул. Поодаль от места происшествия он просто исчез, будто в никуда, и его более не зафиксировали ни объективы видеокамер, ни прохожие.

В поднявшейся кутерьме никто не обратил внимания на маленькую деталь. Когда машина сбила несчастного пешехода и подбросила его высоко в воздух, он выронил какую-то папку, отлетевшую далеко в сторону. Папка свалилась на электрические провода, проходившие близко друг от друга, замкнула их и в считанные мгновения сгорела синим пламенем. Настолько быстро, что не успел среагировать автомат, отключающий линию при коротком замыкании. От папки осталась лишь горстка пепла, прибитая к земле моросящим дождиком. Единственное объяснение, отчего такое могло произойти с хорошим диэлектриком, как раз в сырости и заключалось. Благодаря ей ток и потек там, где не должен был. Мгновенно образовавшийся мощный нагрев воспламенил бумагу и спалил ее дотла. Так себе, впрочем, объяснение, но другого все равно не имелось. К тому же никто над ним голову и не ломал, поскольку короткая вспышка прошла совершенно незамеченной.

Полиция чисто на всякий случай проверила домашний компьютер сбитого человека. Альберт Лисс, будь он вдруг жив, безмерно бы удивился, куда вдруг подевались его старательно собранные материалы на Эриха Сторма. Компьютер функционировал совершенно исправно, храня в ячейках памяти все действия владельца кроме тех, что относились к упомянутым данным. Включая историю поиска в интернете, корпоративной сети и всего остального. Теперь только сам Альберт Лисс мог бы сказать, чем он в действительности занимался последние месяцы. Однако он умолк навсегда.

Наведывались полицейские и на работу к погибшему мужчине. Помимо прочего, они интересовались, не было ли у него с кем-нибудь конфликта интересов. Разумеется, в их поле зрения тут же попал Эрих Сторм, но попал ненадолго. Черного внедорожника у него, во-первых, не имелось, а во-вторых, в момент наезда он на-

ходился в командировке далеко от места преступления, что могла подтвердить уйма свидетелей.

В итоге расследование кончилось ничем. Итоговый вердикт: случайный смертельный наезд без какого-либо мотива автомобилем неустановленной марки с неустановленным лицом за рулем. С этим вердиктом формально открытое дело по сути отправилось в архив.

Чисто по-человечески Эриху было жаль погибшего во цвете лет коллегу. Но и особо грустить по этому поводу он не собирался. Близкого знакомства они не водили. Более того, Альберт Лисс по вполне понятной причине относился к его недоброжелателям. Пожалуй, самым опасным недоброжелателям. Памятуя предостережение пастора Берга, Эрих в какой-то момент даже испытал некоторое облегчение. Будучи в душе хорошим человеком, он немедленно устыдился этой мысли и прогнал ее прочь. Однако факт оставался фактом — оппонент в лице Лисса исчез, а Эрих Сторм, помимо прочего, оказался еще и в выигрыше. Часть полномочий Альберта перешла к нему. В частности, вся работа со складом взрывчатых веществ и горючих материалов. Прежде Эрих лишь одобрял или отклонял те или иные действия подчиненного, отдавая свои распоряжения. Теперь же все обязанности по управлению складом легли на плечи старшего инженера-взрывотехника. Возможно, лишь временно, но герр Бауэр что-то не торопился с новым назначением. Эрих же за дополнительную и, положа руку на сердце, совсем незначительную нагрузку получил солидную прибавку к жалованью, отчего ничуть не сожалел о подобном обороте дела. Полный контроль над означенным складом, закупками и расходом его содержимого подразумевал огромную ответственность, но Эрих Сторм уже начал к ней привыкать как к чему-то естественному. В его жизни происходили настолько стремительные перемены, что он едва успевал к ним адаптироваться, поэтому молодой специалист, расставляя приоритеты, на чем-то сосредотачивался, а что-то попросту игнорировал. К примеру, уйдя с головой в дела компании, он практически приостановил деятельность антифашиста, не в силах разорваться на два фронта. Эрих старался максимально эффективно оптимизировать свое время, и это сказывалось на всем. В том числе на поднимаемых архивах. Изучая работы других специалистов, Эрих ни разу не открывал какую-нибудь из завершенных своих. Исходя из элементарной логики, он не видел в этом ни малейшего смысла, прекрасно помня, что там к чему. Оттого он и оставался в неведении касательно того, что выяснил покойный Альберт Лисс. А последний бы очень удивился, узнав, что для Эриха Сторма найденные им несоответ-

ствия в проектах представляют такую же неожиданность, как и для самого Лисса.

Пожалуй, единственным, кого больше всего обеспокоил инцидент со сбитым человеком, был пастор Берг. За последние несколько месяцев что-то многовато смертей, прямо влияющих на судьбу его воспитанника. Одна еще куда ни шло, но две — это уже перебор. Самого Эриха старик, разумеется, ни в чем не подозревал. Именно поэтому он старался задавать молодому человеку очень аккуратные вопросы, чтобы тот, чего доброго, не подумал лишнего. Эрих не обладал столь же полной информацией как полиция, но и известные ему обрывочные сведения заставляли пастора хмуриться. История с машиной-призраком ему очень не нравилась и заставляла призадуматься. Своими размышлениями старик с Эрихом пока не делился. По разным причинам. В том числе потому, что без надлежащей подготовки молодой человек не воспримет слова пастора всерьез, как воспринял бы, будь он более осведомлен в соответствующей области. Может быть, все-таки пришло время его посвятить? Безусловно, да, если опасения старика справедливы. И, разумеется, нет в любом ином случае, поскольку воспитанник еще не готов. Старик колебался, оказавшись на распутье, и охватившее его волнение подтачивало душевные силы.

Эрих видел, что пастор Берг чем-то озабочен. Со свойственной ему прямотой он спрашивал об этом, но старик, неизменно улыбаясь, ссылался на хлопоты с паствой. Никаких оснований ему не верить у Эриха не имелось. Пастор действительно очень много времени тратил на приходивших к нему людей, а молодой человек не был настолько эгоистичен, чтобы всерьез считать именно себя причиной растущего беспокойства почтенного наставника. Помочь пастору Бергу в его делах Эрих был не в состоянии, однако это отнюдь не означало, что он вообще не способен оказать какого-нибудь положительного влияния. Молодой человек решил порадовать старика приятным сюрпризом, благо что для этого как раз подвернулась подходящая возможность. Ему было отлично известно, что пастор увлекается предметами старины. В глазах Эриха это представляло собой известное хобби, причем хобби уважаемое и стоящее. Он даже подозревал, что в закромах скромно живущего старика могут находиться антикварные вещи на многие миллионы, о чем тот, не исключено, даже не догадывается. Не догадывается потому, что денежный эквивалент своих сокровищ его не волновал. Никаких корыстных планов Эрих на сей счет не строил, даже знай он доподлинно, что подобные предположения справедливы. Просто это натолкнуло его на идею подарка. Раздо-

быв подходящую упаковку, молодой человек аккуратно расположил в ней одну случайно доставшуюся ему вещь. Пастор Берг наверняка ее оценит по достоинству — в этом можно было даже не сомневаться! Улучив подходящий момент, Эрих явился в кирху и когда пастор отвлекся на кого-то из прихожан, незаметно проник в притвор. Там он положил симпатичную лакированную коробку на стол, не забыв сунуть внутрь короткую записочку. Не для того, чтобы старик обязательно узнал от кого презент — он и так догадается. Просто в кирху к пастору Бергу иногда приходили разные люди — как простые волонтеры, влекомые велением судьбы или совести, так и его коллеги. Если кто-то из них случайно возьмет коробку, он увидит кому она адресована и вернет на место. Ведь на беглый взгляд вещица особой ценности не имела, и трудно было представить, что кто-нибудь впадет в соблазн умыкнуть именно ее именно из притвора. Оглядев помещение и убедившись, что не заметить коробку просто невозможно, Эрих удовлетворенно кивнул. Выскользнув в поперечный неф, он тихонько удалился, оставшись незамеченным и сожалея о том, что не увидит лица наставника, когда тот возьмет в руки подарок.

Закончив с делами, пастор Берг проследовал в притвор. За поздним часом кирху уже можно было закрывать, но на лавках еще оставалось двое посетителей, и старик не хотел нарушать их уединение. В конце концов, все равно он еще не скоро отправится домой, так что пусть посидят в тишине — от него не убудет. Устранив некоторый беспорядок, вызванный его научными изысканиями, пастор погрузился в чтение очередного фолианта. Снимая пальцами свечной нагар, старик листал увесистый том до тех пор, пока дважды не хлопнула входная дверь. Ненадолго отлучившись, он запер главный вход, после чего вернулся в притвор и возобновил свое занятие, временами отрывая глаза от пожелтевших страниц и глядя куда-то в потолок невидящим взором. Лишь где-то во втором часу ночи он покинул кирху и пошел домой, оставив в притворе образцовый порядок. Когда пастора очень занимала какая-нибудь мысль, он, порой, наваливал целые кипы книг и свитков, но впоследствии неизменно возвращал туда, откуда взял. Точно так же возвращались обратно и прочие вещи, которые старик, охваченный деятельным порывом, запросто мог нагромоздить вавилонской башней или же раскидать в творческом хаосе. В окружающей обстановке, что дома, что в кирхе, у каждого предмета имелось свое надлежащее место, куда аккуратный во всех других случаях пастор Берг их и убирал. Отсутствовало оно только у лакированной коробки, оставленной Эрихом. Но она нашла его себе сама. Незадолго до того, как старик вошел в притвор, короб-

ка неожиданно пришла в движение. Она шевельнулась без всякого видимого внешнего воздействия. Потом снова и снова. Через некоторое время стало казаться, будто она не спеша ерзает на месте, словно колеблется, что ей следует предпринять. И в какой-то момент, видимо, решила. Покинув центр стола, она неторопливо доползла до его края. И там, не останавливаясь, скользнула дальше. По всем законам физики коробка была просто обязана кувырнуться на пол. Вместо этого она преспокойно поплыла в воздухе, направляясь к старинному шкафу. Поравнявшись с ним, лакированный ящичек неторопливо опустился на пол, коснувшись потертых каменных плит. Затем, тихо скребя дном, проник в узкую щель между полом и шкафом, укрывшись в царившей там темноте.

– 3 –

Новая квартира разительно отличалась от прежней не только размерами. Преимущества расположения, вид из окон, пять комнат, большая лоджия, отличная отделка, два санузла и уйма всяких приятных глазу мелочей. Эриху, привыкшему к своей старой, доставшейся от родителей довольно тесной "трешке" с барахлившим водоснабжением и потертой мебелью, выбранные им апартаменты казались настоящими хоромами. Впрочем, он был не так уж далек от истины, ибо пятикомнатная квартира действительно заслуживала всяческих похвал. Но еще больше она нравилась девушке, переступившей ее порог вместе с Эрихом. С расширенными глазами она сначала тихонько бродила туда-сюда, осматриваясь затаив дыхание. Потом осмелела, словно наконец-то поняла, что все это ей не мерещится.

— Какая прелесть! — выдохнула девушка, невольно ухватившись рукой за своего спутника. — Как здорово! Как просторно!

— Да, есть немного, — скромно отозвался тот, заметно порозовев.

— Эрих, неужели тебе снимать такое по карману?! — воскликнула девушка.

— Я и не снимаю, — лукаво усмехнулся молодой человек.

— Ах, вот как, — тут же разочарованно протянула спутница. — Тогда зачем ты меня сюда привел? Похвастаться квартирой какого-нибудь состоятельного коллеги, у которого ты ее одолжил для нас на выходные? Дурацкая затея. Мне такие "излишества на час" совершенно ни к чему.

— Я ее купил, — коротко отозвался Эрих.

Молодая особа продолжала что-то говорить, но осеклась, и некоторое время растерянно хлопала глазами, усваивая услышанное.

Эриху даже пришлось повторить, заодно присовокупив, что он и не думает шутить. Изумленная девушка разинула рот, не в силах произнести ни слова.
— КАК?! — воскликнула она, всплеснув руками, когда к ней наконец-то вернулся дар речи. — Откуда у тебя столько денег?!
— Ну, я же говорил, что меня повысили, — напомнил молодой человек. — Вот и первые плоды на моем новом поприще.
— Да, говорил, — кивнула, припоминая, девушка. — Только мне сейчас кажется, что ты был не слишком подробен в деталях!
— Я не хотел почем зря болтать. Все произошло так неожиданно… Представляешь, как бы я выглядел, если бы наговорил с три короба, расписывая райские кущи, а спустя время вернулся с небес на землю. То бишь если бы мое новое назначение по тем или иным причинам не состоялось. Я мог не справиться, руководство могло передумать… В общем, могло случиться все что угодно. Но теперь, спустя несколько месяцев, я достаточно уверен в себе, чтобы рассказать обо всем, — пояснил Эрих.
— И ты расскажешь мне все прямо сейчас! — с притворной сердитостью заявила девушка, запустив коготки в грудь спутника.
В ее глазах вспыхнул неуемный огонь женского любопытства, донельзя распаленного поразительным событием.
— Полегче, Ева, полегче! — смеясь, сказал молодой человек.
Девушка была бойкая, коготки острые, и ему уже доводилось иметь дело с их царапками. Его девушка. Он познакомился с Евой во время одного из митингов антифашистов. Невысокая, с умеренно длинными темными волосами и карими глазами, она отличалась ладно скроенной фигуркой и миловидным выражением живого личика. Эмоции на нем читались как в театре, а энергия из нее била ключом. Сначала они просто дружили, а потом начали встречаться. Иногда подруга приходила к нему домой и оставалась погостить. Порой Эрих наведывался с ответным визитом, когда родители Евы куда-нибудь уезжали. Оба давно вышли из подросткового возраста, чтобы скрывать свои отношения — девушка была на год старше Эриха, — но по взаимному согласию они вели себя сдержанно, соблюдая довольно старомодные приличия. По крайней мере, на людях. А уж что они вытворяли, оставшись в пустой квартире наедине — никого не касалось. Эрих действительно скрыл от Евы львиную долю обстоятельств своего продвижения по службе. Причем скрыл именно по только что озвученной причине. Молодой человек не был суеверным, чтобы бояться сглазить. Он и впрямь не хотел выглядеть глупо, если бы его все-таки турнули. Недаром Эрих ночей не спал, чтобы удержаться на своем месте. И вот теперь, когда он действительно стал в себе уверен, можно и

карты открыть. Изучив представленные документы, банк охотно предоставил ему ипотеку на дорогое жилье и выдал кредитную карту с очень приличным лимитом.

Ева слушала во все уши. У нее даже дыхание сбилось, насколько потрясающей она находила всю эту историю. Просто как в сказке! Вот это да! Бывают же такие чудеса! Вот ни за что бы не поверила, кабы ей это рассказывал кто-нибудь другой, а не Эрих. Едва сдерживаясь, девушка дослушала его до конца и тут же засыпала вопросами. Сразу обо всем, к месту и не к месту. Эрих даже слегка растерялся, не зная, на что и в какой последовательности отвечать. Тут-то Ева и выяснила, что для нее это был не самый последний сюрприз.

— На лоджии я бы обязательно устроила мини-сад! Цветы, растения в горшочках! И кухню я бы переделала! Какая-то она не такая! — затараторила она, быстро переключив тему. — И комнату. Вон ту, самую большую. Представляешь, какую там можно соорудить великолепную гостиную? Сейчас она слишком вычурная. Как в музее. В музее должны стоять экспонаты, а ты должен здесь жить! Вообще я бы на твоем месте все здесь переделала. Квартира, безусловно, мила, но если она теперь ТВОЯ, то следует сделать ее для души. Чтобы она по-настоящему стала домом!

Схватив Эриха за руку, Ева таскала его по всем апартаментам, с утроенным интересом заглядывая в каждый уголок.

— А ты хочешь этим заняться? — спросил молодой человек с заметным волнением в голосе.

— А? Что? Ну да, могу, конечно, — озадаченно кивнула девушка. — Только почему именно я? Как я понимаю, тебе теперь по карману нанять классного дизайнера.

— Можно и дизайнера. Вы вдвоем отлично тут все устроите. Мне же одному не нужно целых пять комнат. Вот если ты согласишься… ну… пожить со мной, тогда… со временем мы с тобой им всем найдем применение, — неожиданно смутившись, отрывисто произнес Эрих и порозовел еще больше.

Это было не самое изящное предложение на свете, однако Ева поняла его с полуслова. Планы Эриха касательно их отношений до сих пор не имели какой-либо определенной конкретики. Теперь он озвучил их как нельзя более ясно, хотя и умудрился сделать это не слишком романтичным образом. Издав восторженный писк, Ева напрыгнула на своего спутника, повиснув на нем всем телом. Потеряв равновесие от этого неожиданного всплеска эмоций, Эрих непременно грохнулся бы на пол, если бы у него за спиной крайне удачно не подвернулся диван. Ева на сей счет ставшим как-то стразу низким голосом заметила, что им надо будет обязательно

купить большую кровать, и они выберут ее вместе. Ну а пока сойдет и это. В ее тихой речи появились бархатные, мурлыкающие нотки. Глаза затуманились, зрачки расширились. Стесняться им было некого, и этим же вечером молодая пара обновила свое новое жилище.

Эрих сделал предложение от чистого сердца. И отнюдь не спонтанно. Прежде его удерживали жизненные обстоятельства. Звать Еву в свою старую "трешку", знававшую лучшие времена? Нет уж, увольте! Она заслуживает большего! Пусть даже не с ним… К самой же девушке он тем более напрашиваться не собирался. Дело было не в стереотипе, что мужчина сперва обязательно должен обустроить гнездо. Просто он не смог бы жить под одной крышей с родителями Евы. А у той имелись свои причины не покидать отчий кров, несмотря на то, что по нынешним временам молодежь рано становилась самостоятельной. Кто-то уезжает на съемную квартиру едва становится совершеннолетним, кто-то селится в кампусе при учебном заведении. Иные даже умудряются сразу обзавестись собственным жильем. Ева, хотя ей было двадцать семь лет, все еще не покидала тех стен, где росла с самого рождения. Эрих, оставшись один после смерти матери, и вовсе никуда не торопился. Так вот и получилось, что два вполне себе взрослых человека продолжали жить столь необычным для их времени образом, да еще никак не могли определиться с собственными отношениями. Теперь же все должно было измениться…

Утром Эрих вызвал такси и вместе со своей подругой доехал до ее дома. Заходить он не стал, чтобы не мешать Еве собирать вещи и решать семейные дела. Девушке предстояло огорошить родных своим внезапным переездом, который она отложит всего на пару дней, чтобы спокойно упаковать чемоданы и все уладить. Эрих же прямо сейчас отправится по магазинам и купит в квартиру предметы первой необходимости. Ева составила ему целый список вещей, которые он вполне может раздобыть без ее участия, но которые обязательно должны появиться к ее прибытию. Собственно, даже не именно к ее прибытию, а вообще к началу совместной жизни. Если Эрих привык жить холостяком, довольствуясь малым, то пора завязывать с этими привычками и превращаться в благополучного и ответственного семьянина. Ну, хотя бы дома. Ева ведь и не думала покушаться на свободу своего избранника, тем более что сама активно разделяла его устремления. Теперь она окончательно простила Эриху продолжительное отсутствие на всех мероприятиях антифашистов. Причина такого внезапно изменившегося поведения оказалась более чем уважительной, раз Эрих действительно был очень занят. Ну, не страшно. Станет посвобод-

нее — все будут рады снова увидеть его в своих рядах. А пока не горит. Чувственно прильнув к Эриху, девушка сжала его в объятиях. Затем порхнула к дому и оттуда, обернувшись на пороге, помахала рукой. Молодой человек послал ей воздушный поцелуй, сел обратно в такси и уехал. Ева скрылась за входной дверью, на ходу окликая домашних.

— Да, это она, — тихо сказал какой-то человек, опуская руку с фотографией, которую только что держал перед собой.

Неподалеку, возле подъезда соседнего дома, стояла ничем не примечательная пара граждан. Переминаясь с ноги на ногу, они находились там довольно давно, будто кого-то поджидали. Мартовская сырость и невысокие показания термометра их, кажется, не волновали. Плотные куртки хорошо держали тепло, а головы были скрыты под низко надвинутыми капюшонами толстовок.

— Уверен? — спросил его спутник, выхватывая фото и впиваясь в него горящим взглядом.

— Абсолютно. Она изменила прическу и сейчас одета иначе, но это вне всяких сомнений та, кого мы искали, — все также тихо, но твердо заявил первый.

— Отлично, — холодно сказал второй. — Она была последней в списке, кто оставался неопознанным. Надо сообщить нашим.

Оба развернулись и неторопливо направились прочь. Один из них на ходу спрятал за пазуху небольшую фотографию, по которой идентифицировали вошедшую в дом девушку. Это была фотография с потерянного фотоаппарата Эриха Сторма.

* * *

Все выходные Эрих провел в магазинах, приобретая всякую всячину, делая заказы и встречая доставляемые товары. Порой он созванивался с Евой, чтобы узнать у нее как идут дела. Со своими-то молодой человек справлялся на отлично, о чем и докладывал подруге. Его беспокоила домашняя обстановка у девушки. Наполняя холодильник, который та впоследствии подберет на их общий вкус, он разговаривал с ней по громкой связи, перемещая продукты из пакетов на полки.

— Не волнуйся, все хорошо, — уверяла Ева и, судя по ее тону, это соответствовало действительности. — Правда, первое время мне придется иногда заезжать к родителям, но в целом я все устроила без особых проблем. Им непросто свыкнуться с мыслью, что я съезжаю, только я сказала, что и так задержалась гораздо дольше, чем следовало. Им не стоит сожалеть о моем отъезде. Наоборот — радоваться, что он состоялся лишь сейчас, а не несколько лет на-

зад. Я не бесчувственная стерва. Я же понимаю, что для них я до сих пор осталась их маленькой девочкой, о которой им очень хочется заботиться, и которые хотели устроить ее судьбу исходя из своего видения. И что им теперь станет очень одиноко. Однако у нас с тобой своя жизнь. И им придется это принять.
— Они всегда смогут приходить к нам в гости. Мы же не в другой город уезжаем, — заметил Эрих, едва не уронив бутылку минералки.
С ловкостью жонглера он поймал ее и сунул на надлежащее место. На этом его акробатические способности кончились, и на пол грохнулась банка тунца. Чертыхнувшись, Эрих поднял окаянную жестянку и отложил в сторону, переключив внимание на свежие овощи.
— Ты давай там, ничего не разгроми до моего приезда, — хихикнула Ева, заслышав подозрительный шум и приглушенные проклятия.
— Постараюсь. Если не затянешь с переездом, — отозвался молодой человек, воюя с ящиком из зоны свежести.
— Буду в начале двенадцатого. Хочу напоследок пробежаться по своему привычному маршруту. Ведь это в последний раз. Я прожила здесь всю жизнь, и мне вдруг стало как-то даже немного грустно, — сообщила девушка. — Нет-нет, ты не подумай, что я сожалею! Это простая сентиментальность! — быстро добавила она, сообразив, как можно превратно истолковать ее слова — с мужчины станется.
— Не волнуйся, я все понимаю, — усмехнулся Эрих. — Только не опаздывай. Все-таки завтра на работу, а я надеюсь, что мы еще успеем открыть бутылочку того, что я припас по поводу столь знаменательного события.
Попрощавшись, Ева положила трубку, а ее избранник продолжил возиться с холодильником, стараясь разложить в нем продукты так, чтобы это не походило на содержимое мусорного бака позади какой-нибудь забегаловки.

В девять вечера Ева, нарядившись в спортивный костюм, вышла из дома и отправилась на пробежку. Погода благоприятствовала. Мартовский холод никуда не делся, однако влажность стояла умеренная. С ясного неба не падало ни единой капли. Дорожки высохли, и кроссовки девушки не шлепали по лужам, вздымая целые тучи брызг. Где-нибудь в оживленном центре такая пробежка на свежем воздухе была бы невозможной. Проживание в отдаленном районе имело свои преимущества, которыми Ева и пользовалась с подросткового возраста. Бегать под открытым небом, ощущать под ногами шуршание аккуратно посыпан-

ных песком дорожек было несравнимо приятнее, чем болтаться на тренажере в фитнес-центре. Поправив схваченные резинкой волосы, девушка набрала привычный темп и двинулась по знакомому маршруту. Последний раз. Думая о своем, она даже не заметила, как ее некоторое время сопровождала какая-то машина. Как потом из нее вышли какие-то люди и скрылись из виду. И как они же несколько погодя объявились неподалеку в самом безлюдном месте, быстро сокращая разделявшее их расстояние. Заслышав за спиной чью-то приближавшуюся поступь, Ева обернулась. Увидев двух самых обычных бегунов в толстовках с накинутыми капюшонами, она машинально сместилась в сторону. Они бежали заметно быстрее нее, поэтому девушка пропускала их вперед. Дальнейшее произошло в считанные секунды. Поравнявшись с Евой, один человек вдруг метнулся к ней и крепко обхватил, прижав ее руки к туловищу. Одновременно он затормозил, пользуясь образовавшимся двойным весом. Второй, подскочив с другого бока, закрыл девушке лицо ладонью, с силой прижимая к нему пропитанную чем-то эластичную маску. Чем-то таким химически резким и ядреным, что Ева, от неожиданности даже не успев вскрикнуть, немедленно провалилась в беспамятство.

Дальнейшее происходило как в тумане. Вернувшееся сознание тут же захлестнула боль, пронзившая все тело. Ева забилась как вытащенная из воды рыба, но два сильных удара по голове тут же ввели ее в состояние грогги. Кричать девушка не могла — ее рот был надежно заткнут. Она лишь мычала, находясь в полной прострации. А тем временем ее продолжали избивать. Били точно и со знанием дела. Кулаки в ход практически не шли. Несколько человек с закрытыми лицами использовали резиновые дубинки и прочие приспособления. Чтобы процесс шел наиболее эффективно, несчастную девушку то и дело поворачивали, удерживая в нужном положении. В обрывках сознания Евы эти удары отражались глухим стуком, будто кто-то мерно молотил в обмотанный тряпками барабан. Сжигавшая ее боль пульсировала в черепной коробке, порождая перед закатившимися глазами невнятные пятна. Весь мир, целая вселенная превратилась в один сгусток боли, охватившей все существо несчастной. Больше Ева ничего не воспринимала. Остальное сливалось для нее в неразборчивый гул. В том числе реплики избивавших ее людей. Они открыто обращались друг к другу по именам, и в этом было нечто особо пугающее. Ведь это означало, что они полностью уверены в себе и не боятся возможных показаний девушки. Не боятся того, что она впоследствии заговорит.

— Полегче, Ганс! Придержи руку, — говорил чей-то ужасающе

спокойный голос.
Тот, к кому были обращены эти слова, немедленно поубавил прыть, орудуя дубинкой с заметно меньшим энтузиазмом.
— Хельмут! Кости должны трескаться, а не ломаться. Сломаешь что — и сам получишь от меня точно такой же перелом. Усек? — с той же интонацией произнес голос.
Названный Хельмутом чертыхнулся, но живо присмирел и стал наносить удары куда тщательнее, прицеливаясь с какой-то снайперской точностью.
— А ты что творишь, болван? — обратился голос к еще одному спутнику. — Если бы мы хотели ее убить, для этого нашелся бы способ попроще. А ну отойди, раз не умеешь держать себя в руках! Еще не хватало, чтобы по твоей милости мы все дело испортили.
Тот, к кому была обращена эта реплика, нахмурился, но подчинился и отступил. Авторитет отдававшего приказы сомнению не подлежал. Избиение тем временем продолжалось. В действительности оно длилось всего несколько минут, но эти минуты показались несчастной, балансировавшей на грани помешательства Еве вечностью. От вспышек боли она постоянно лишалась чувств, но от них же и приходила в подобие сознания. И так происходило раз за разом, словно девушка вертелась в одном из кругов ада.
— Стоп! — велел вдруг командный голос, и нанесение побоев немедленно прекратилось. — С этим достаточно. Теперь разукрасьте ей физиономию.
Какой-то человек, приподняв голову Евы за волосы, принялся бить ее по лицу. Его кулак был снаряжен пружинистой резиноподобной прокладкой. Нарочито медленно, будто паровой молот, он сначала отводил локоть назад, а затем резко выбрасывал руку вперед, нанося сильный, но точный удар. Из разбитых губ немедленно хлынула кровь, проникая в рот, наполненный розовой пеной. Орудовавший кулаком подонок мастерски выбил несчастной жертве два передних зуба и продолжил бы выбивать остальные, если бы не окрик главного. Глаза девушки заплыли. Скулы пылали, налившись огромными кровоподтеками.
— Достаточно! — заявил командный голос.
Избиение прекратилось.
— Машинку! — послышалась отрывистая команда.
Короткая возня — и вот тихо зажужжало небольшое устройство, которым обычно пользуются парикмахеры. Один из подонков, опустившись на колено, старательно прошелся им по голове девушки, оставив на ней широкую выбритую полосу от центра лба до затылка. Завершив свои гнусные художества, он выключил машинку и распрямился.

— Остальное пусть сама сбривает, — послышалось его глумливое замечание.
— Знатно отделали! — заявил другой. — А была вполне себе ничего. Все-таки надо было с ней позабавиться!
— Слишком много чести для еврейского отродья, — жестко отчеканил командный голос. — Все, уходим, — добавил он, оглядев плоды трудов подчиненных.
Вся компания тут же поспешила удалиться, приколов к одежде девушки какой-то плоский предмет. Вскоре поодаль раздался стук автомобильных дверей. Потом заурчал мотор и машина, набрав ход, быстро исчезла в лабиринте улиц.

Несчастная, избитая до полусмерти Ева осталась лежать там, где ее бросила компания подонков. Остатками сознания она силилась понять, жива ли она вообще? Закончился этот безумный кошмар или нет? И оказалось, что нет. Подле измученной девушки, на которой живого места не было, возникла чья-то фигура, закутанная в странные черные одежды. Не то плащ, не то балахон, не то вообще невесть что. В любом случае, Ева не могла ничего разобрать из-под заплывших век. Оглядев несчастную, фигура покачала головой.
— Ну, нет, милочка, — послышалось тихое, будто змеиное шипение. — Ребятки потрудились хорошо, но все же недостаточно. Ничего, научатся. Уж мы им поможем. А пока я доведу их старания до конца.
Сказав это, он склонился над Евой так низко, будто собирался накрыть ее полами своего одеяния, словно вытканным из самого мрака. Его рука протянулась к лицу девушки, ладонь коснулась лба. И снова несчастную пронзила боль, но на этот раз какая-то совсем другая — злая, резкая и жгучая, будто ее жгли каленым железом. Вокруг ладони неизвестного появилось красное свечение. Сквозь пальцы засочились струйки дыма. В воздухе потянуло горелой плотью. Когда фигура в черном отняла ладонь, лоб Евы преобразился. На коже алела вздувшимися краями выжженная на ней Звезда Давида.
— А теперь сделаем то, чем побрезговали твои новые друзья, — все так же тихо прошипела фигура.

Когда пробило полночь, Эрих обеспокоился всерьез. До сих пор он не звонил подруге, ожидая ее с минуты на минуту после одиннадцати вечера. Пока она запаздывала в разумных пределах, не было смысла хвататься за телефон, поскольку та и сама бы набрала Эриха, если бы задерживалась. И вот теперь уже стало совершенно ясно, что она задерживается, однако звонка с ее стороны до сих пор не поступало. Вооружившись лежавшим на столе

смартфоном, Эрих ткнул пальцем в контакт с фотографией улыбавшейся Евы. Пошли гудки, однако ответа не было. Молодой человек обеспокоился еще больше. Обождав пару минут, он снова набрал заветный номер. Затем еще и еще. Безрезультатно. Спустя четверть часа он встревожился всерьез, раздумывая, что следует предпринять. Куда вдруг запропастилась Ева? Почему она не отвечает? Что такого могло случиться, что она не только не известила его о задержке, но и не берет телефон? Эрих, чувствуя, как его взбудораженная фантазия пустилась вскачь и принялась рисовать всякие ужасы, попытался успокоиться и мыслить рационально. Возможно, Ева уже подъезжает к его дому в такси, а телефон, зарывшийся на дне сумочки, просто не слышит. Или слышит, но по каким-то причинам не может достать. Представив в уме эту картину, молодой человек уже не так нервничал и более-менее спокойно обождал еще минут тридцать. Стрелки часов уверенно приближались к часу ночи, когда он вконец разволновался, не зная что и думать. Эрих даже хотел позвонить Еве домой, но теперь было слишком поздно. Если все в порядке — а он на это очень надеялся! — разбудить родителей девушки заполночь представлялось не самой удачной идеей. Не понимая, что могло случиться, Эрих прилег на диван, рассчитывая все-таки дождаться свою подругу. Или хотя бы утра. Утро его там и застало, когда задремавшего молодого человека разбудило бодрое пиликанье будильника.

Телефон Евы по-прежнему не отвечал. Теперь Эрих, недолго думая, набрал ее домашний номер. И окончательно растерялся, поскольку и там трубку никто не снимал. Ничего не понимая, Эрих заметался по квартире, силясь принять какое-нибудь решение. Он хотел немедленно ехать к Еве, однако если на звонки никто не откликается, есть ли в этом какой-нибудь смысл? А, плевать! Есть или нет — он все-таки поедет! Наскоро одевшись, Эрих, забыв сбрить наросшую щетину, выскочил на улицу. Свежий воздух немного остудил его разгоряченную голову. Немного поразмыслив, Эрих изменил маршрут, назвав таксисту свой рабочий адрес. Пожалуй, лучше сначала заскочить туда, лично известить герра Марсдорфа и уже затем отправиться домой к Еве.

Добравшись до места назначения, Эрих выскочил из такси и вихрем влетел в офис. Еле дождавшись лифта, он поднялся на свой этаж, прошел по коридору и увидел у дверей личного кабинета двоих полицейских. Сердце молодого человека болезненно сжалось. Едва переставляя ноги, вмиг ставшие будто ватными, он приблизился к стражам порядка и осведомился о цели их появления. Выяснив, что имеют дело с Эрихом Стормом, полицейские коротко изложили причину своего визита. В глазах у молодого че-

ловека потемнело. Ухватившись пальцами за дверной косяк, он крепко стиснул зубы, чувствуя, как нестерпимое жжение огнем охватывает всю его грудь.

С полицейскими у Эриха состоялся продолжительный разговор в участке. Однако, в конце концов, молодого человека отпустили, не имея оснований для дальнейшего задержания. Оперативно выяснилось, что Эриха видели из соседнего дома через не зашторенное окно. На его счастье, видели хорошо и неоднократно. Таким образом, у него имелось железное алиби, свидетельствовавшее о том, что он действительно провел вечер и ночь в квартире, ожидая свою подругу. Полицейские, записав его новый адрес, отпустили господина Сторма восвояси, обещав держать в курсе дела. Собственно, именно потому, что Эрих не успел никому сообщить о своей недавно приобретенной квартире, полицейские и искали его в старой "трешке", а затем явились к нему на работу. По телефону в таких случаях звонить не принято, чтобы потенциальный подозреваемый не сбежал, узнав, что к нему проявляют интерес. По этой же причине не отвечал телефон Евы, найденный на месте преступления. Полиция фиксировала все поступающие вызовы, но трубку не снимала. Схожим образом объяснялось и молчание родителей Евы — они находились в больнице, куда увезли их дочь.

Ева была жива. Врачи, проводившие осмотр, заключили, что она находится в удовлетворительном состоянии, и ее жизни напрямую ничего не угрожает. Но то была единственная хорошая новость. В остальном все обстояло хуже некуда. С бедной девушкой поступили настолько ужасно, что в груди все переворачивалось. Синяки и кровоподтеки покрывали практически все тело. Несколько зубов выбито, количество трещин в костях зашкаливало. Лицо так распухло, что стало едва узнаваемым. Подонки изуродовали ей волосы на голове, выбрив немалую их часть, выжгли на лбу шестиконечную звезду и… Жестоко надругались и другим образом. Врачи пока не знали, сможет ли девушка в дальнейшем иметь детей. Делать какие-либо прогнозы слишком рано. Они лишь были уверены, что в целом Ева поправится. Однако сколько займет процесс восстановления, особенно психологического, и каковы будут последствия — на этот вопрос в данный момент ответа не имелось. Девушке был нужен полный покой и самый заботливый уход, какой ей только могли обеспечить.

У Эриха чуть сердце не разорвалось, когда он увидел забинтованную, недвижно лежащую без сознания Еву на больничной кровати. Ее родители были там. Когда дочь не вернулась домой с пробежки, они решили, что та со своим молодым человеком, к ко-

торому вот-вот должна была уехать. Видимо, они встретились где-то на улице, и Ева, поддавшись внезапному порыву, осталась у него. В конце концов, дочь давно стала взрослой, чтобы позволять себе подобные поступки. Лишь утренний визит полицейских известил их о том, что произошло. Второпях собравшись, родители Евы поспешили к ней в больницу, забыв обо всем на свете.

Девушку нашли в промзоне, куда ее отвезли надругавшиеся над ней подонки и где впоследствии бросили, закончив издевательства. Рабочие, наткнувшись на еле живую жертву насилия, немедленно вызвали полицию. Ева была без сознания, но ее удалось опознать при помощи мобильного телефона, обнаруженного там же. Наведавшись к родителям девушки, полиция узнала от них про Эриха, сверила полученные сведения с содержимым телефона Евы и попыталась его разыскать. А когда у нее это не вышло, отправилась к нему на работу. Там молодой человек наконец-то и выяснил, почему подруга к нему так и не приехала.

Еву положили в отдельной палате. Эрих провел у ее постели несколько часов. Ее мать и отец, несмотря на охватившие их чувства, нашли в себе силы пару раз удалиться, давая ему возможность побыть с дочерью наедине. Они не слишком одобряли их отношения из-за некоторых семейных традиций, но позволили своему единственному дитя самой сделать выбор. В отличие от полиции, родители Евы сразу отмели версию о какой-либо причастности ее избранника к отвратительному преступлению. Слишком красноречиво об этом говорила Звезда Давида, выжженная на лбу бедняжки, а им было прекрасно известно, что Ева и Эрих убежденные антифашисты, и нацистов на дух не переносят. Нападение наверняка было совершено по национальному или идеологическому признаку. А может и то и другое сразу. Это отец девушки, еле сдерживая эмоции, и заявил полиции. Та, возможно, с вежливой миной отмахнулась бы от слов седобородого человека в кипе, однако у нее имелись серьезные основания думать примерно так же. Ибо случай с Евой оказался далеко не единственным.

Когда Эрих вышел из палаты, оставив девушку на попечение родных, он увидел дежурившего у двери полицейского, а рядом с ним еще одного человека, оказавшегося следователем. Полицейский охранял жертву нападения, а следователь пришел переговорить с Эрихом. Тут-то молодой человек и узнал такие подробности, которые даже после уже пережитого потрясения и представить себе не мог.

— Что вы об этом думаете? — спросил следователь, вручив Эриху папку, внутри которой лежало несколько листов плотной бумаги.

Это были ксерокопии фотографий с изображенными на них людь-

ми. Эрих очень хорошо знал этих людей. Это были его друзья и знакомые.
— Откуда это у вас? — спросил молодой человек, чувствуя, как у него внезапно пересохло в горле.
— Найдено приколотым к одежде у каждой из жертв нападений. Всего за ночь их насчитывается восемь. Ваша подруга была только одной из них, — пояснил следователь, мужчина средних лет с коротко стрижеными волосами. — Мы уже навели справки. Все пострадавшие состояли в движении антифашистов. И были знакомы с вами. Ведь вы тоже состоите в этом движении. Мы надеемся, что вы, возможно, каким-либо образом прольете свет на эту ситуацию. Отец вашей невесты заявил, что преступление произошло по национальному или идеологическому признаку. Похоже, что он прав. Нападения были очень хорошо спланированы и произошли в небольшом временном интервале друг от друга. Здесь действовала большая группа лиц, и лиц хорошо подготовленных. Сговор и предварительное планирование очевидны. Какая-либо случайность исключается. Вы кого-нибудь подозреваете? Кого-нибудь, кто может быть причастен к этим событиям?
— Трудно сказать, — протянул Эрих, стараясь казаться спокойным.
Голова у него шла кругом, в глазах опять потемнело. Он до крови закусил губу, чтобы не выдать охвативших его чувств.
— Прошу вас, будьте откровенны. Если вам есть что сказать — даже какую-нибудь малость, кажущуюся вам совершенно незначительной, — я выслушаю, — увещевал следователь. — Не беспокойтесь, говорите смело — вас мы не подозреваем, — добавил он несколько другим тоном. — Во-первых, у вас алиби, даже удивительно, насколько быстро и точно установленное. У вас явно есть ангел-хранитель. Во-вторых, учитывая обстоятельства, вы, скорее, потенциальная жертва, а не преступник. Скажите, вас не пытались выманить из дома? Судя по всему, минимум двоих ваших знакомых схватили именно таким образом.
Эрих, слушая все новые подробности разыгравшейся ночью драмы, еле держал себя в руках. В какой-то момент кровь столь сильно бросилась ему в голову, что следователь даже умолк и посмотрел на молодого человека, окидывая его внимательным взглядом.
— Это давление, — пояснил Эрих, тяжело вздыхая. — Я страшно переживаю.
— Понимаю, — кивнул следователь, найдя такое объяснение вполне правдоподобным. — Кстати, мы в больнице. Не хотите попросить у врачей дать вам что-нибудь?
Эрих, кивнув, отлучился. Но не для того, чтобы и в самом деле на-

глотаться успокоительного или каких-нибудь других таблеток. Просто он, еле владея собой, был рад получить небольшую передышку.

К следователю он вернулся практически спокойным. Разговор в фойе продолжился. Эрих отвечал на вопросы, а следователь делал пометки в блокноте. Молодому человеку явно было получше. Он стал куда словоохотливее и сообщил уйму различных сведений. Правда, по большей части они не содержали какой-либо заметной пользы, по крайней мере, на первый взгляд, но следователя сейчас устраивало все, ибо он рассчитывал найти хоть какую-нибудь зацепку.

Покончив с расспросами, представитель закона еще раз проверил адрес и контактный телефон Эриха. И обещал держать его в курсе. А также просил не уезжать из города и по возможности без задержек явиться на вызов, если в таковом возникнет необходимость. Эрих дал слово, в свою очередь попросив найти виновных в жестоком преступлении. Следователь, действительно тронутый горем молодого человека, заверил, что приложит максимум усилий.

Перед уходом Эрих снова зашел в палату Евы. Там дежурила ее мать, отправив страшно утомленного отца хотя бы немного вздремнуть. Эрих посидел с девушкой несколько минут, молча держа ее за руку. На часть ее опухшего лица, выглядывавшую из-под повязок, смотреть без слез было невозможно. Затем, все так же молча поцеловав ее тонкие недвижные пальцы, молодой человек тихо удалился.

Лишь придя домой, Эрих дал волю эмоциям. Предварительно занавесив шторы, он устроил в квартире такой разгром, что соседи даже вызвали полицию. Гнев, старательно сдерживаемый в течение нескольких часов, вырвался на волю, превратив молодого человека в разъяренное чудовище. Но Эрих давал волю чувствам не просто так, срываясь на ни в чем не повинной мебели. Он узнал все фотографии, которые ему показывал следователь. Это были ЕГО фотографии. Те, что он собственноручно сделал на свой фотоаппарат. Тот фотоаппарат, который потом выбросил во время памятной ночной погони, да так и не нашел. И теперь его судьба прояснилась. Эриху было абсолютно ясно кто стоял за ночным нападением.

* * *

Об ужасном происшествии, до глубины души потрясшем молодого воспитанника, пастор Берг ничего не знал. В средства массовой информации история не попала. Именно из-за возможной

идеологической подоплеки полиция не спустила расследование на тормозах, но предпочла его не афишировать. Последние годы в стране и так хватало забот из-за инцидентов на национальной и религиозной почве. Постоянно возраставший приток приезжих из-за рубежа и откровенное нежелание значительной их части встраиваться в общество и культуру Германии становились настоящей головной болью. Собственно, это и послужило одной из основных причин возрождения националистических движений. Неонацисты и различного рода фашиствующие группировки открыто поднимали головы. Вновь зазвучали, казалось бы, давно забытые лозунги, и вновь во власть стали проходить такие партии, которые совсем недавно не имели бы на это никаких шансов. Разумеется, подавляющее большинство упомянутых организаций все же не имело отношения к радикалам, вешать на фонарях не призывало и законодательно национальное и религиозное неравенство не проповедовало. Однако в общей тенденции все чаще звучали призывы к "более жестким мерам". Пока без внятной конкретики и четко расписанных карательных параграфов, но в целом перспектива вызывала известную тревогу. Пастор Берг был в курсе происходящего, отчего по-отечески и поддерживал Эриха, примкнувшего к движению антифашистов. Создавшуюся в стране проблему, разумеется, требовалось как-то решать, а не дожидаться, пока она приведет к социальному взрыву. Но уж точно не тем способом, к которому рано или поздно прибегнут нацистские молодчики. Все это в истории люди уже проходили, и ни в коем случае нельзя было допустить повторения прежних событий, пусть и в новой интерпретации, но неизменной сути. В курсе была и полиция. Во всяком случае, насчет деятельности различных группировок. Здесь-то и возникала известная проблема. По большей части эти разрозненные националистические течения дальше громких слов и публичного самовыражения не заходили. Да, их представители то и дело схлестывались с антифашистами и прочими оппонентами, только одно дело устроить уличную потасовку и сорвать чей-нибудь пикет, и совсем другое — провернуть жестокую, хорошо спланированную акцию. Полиция сквозь пальцы смотрела на разнообразные гражданские позиции людей, если те носили мирный характер — мол, свобода слова и прочее в том же духе. При этом она, разумеется, не могла закрыть глаза на откровенное преступление, однако действовать приходилось с немалой осторожностью. Ведь не перетряхивать же ей все группировки подряд только на основании некой принадлежности к определенной идеологии. А заодно и привлекать внимание журналистов к весьма щекотливой и скользкой теме. Потому следователь и расспрашивал

Эриха в надежде узнать, у кого на его товарищей мог быть такой огромный зуб. Увы, Эрих не оправдал ожиданий, не сообщив ничего существенного. Пастору Бергу он также ничего не сказал, и даже не заходил к старику. На это у Эриха имелась очень веская причина. Сперва его искренним порывом было изобличить подонков полиции, детально расписав связь между своим ночным похождением и нынешним преступлением. Однако он быстро передумал, сохранив молчание. И вот почему. Дело было не в том, что Эрих опасался ответственности за свои, прямо скажем, незаконные художества с автомобилями. В свете того, что случилось с Евой, ему было бы наплевать на любое наказание. Эриху пришло на ум следующее. Фотографии из его фотоаппарата, намеренно оставленные преступниками, несли вполне ясный посыл. Неонацисты из особняка мстили за совершенное Эрихом. Мстили зло и открыто, не боясь вооружить противника или полицию уликами. Это, скорее всего, означало, что они не боятся ответственности или рассчитывают ее избежать. Вероятно, в том особняке действительно бывали очень высокопоставленные особы, способные замять дело. А это автоматически даст понять людям вроде Эриха и его избитых друзей — не лезьте к нам, ничтожества, иначе раздавим! Известив полицию, Эрих мог не добиться свершения правосудия, и при этом сам бы оказался в уязвимом положении. Ведь надумай он действовать самостоятельно, стражи порядка наверняка бы знали, где и кого им искать. И арестовали бы самого Эриха, пытавшегося совершить самосуд. В результате отребье, именующее себя цветом нации, победило бы дважды, не понеся никакого наказания. Именно поэтому молодой человек так ничего и не сказал следователю. Гнев, застилавший ему разум при воспоминании о жестоко истерзанной Еве, повел его по другому пути. Пути, гарантировавшего подонкам возмездие. Чего и удивляться, что Эрих Сторм не только не откровенничал с полицией, но и избегал общества пастора. Тот бы живо догадался, что у воспитанника на уме, и не исключено, что попытался бы его отговорить. Возможно, успешно. А Эрих не хотел, чтобы его отговаривали. Он жаждал воздать ублюдкам по заслугам, чего бы ему это ни стоило!

Предположения молодого человека соответствовали действительности. Пастор Берг, хотя бы отдаленно догадывайся он о том, какую жгучую боль испытывал Эрих Сторм и какое намерение разрасталось в его душе, немедленно сам явился бы к молодому человеку, дабы удержать его от опрометчивых поступков. Впрочем, старик тоже не знал нового адреса воспитанника, поскольку тот еще не успел его сообщить. А теперь и не торопился, пожираемый замыслом мщения. Ничего не подозревавший пастор Берг

списывал отсутствие Эриха на типичную занятость и занимался своими обычными делами.

Стемнело. Немногочисленные посетители кирхи разошлись, и новых не объявлялось. Должно быть, всему виной была непогода, установившаяся с самого утра. По низкому серому небу ползли дождевые тучи. Резкими порывами налетал промозглый ветер, обдавая прохожих клубами водяной взвеси. Сырость стояла такая, что крохотные капельки влаги падали не сверху, а образовывались повсеместно, оседая на домах, газонах, тротуарах и одежде. Атмосферный фронт принес с собой и холод, пронизывающий до костей из-за запредельной влажности. Желающих побродить по улицам особо не наблюдалось, и кирха пастора Берга популярностью не пользовалась. Старик и сам предпочел бы сейчас посидеть у домашнего камина, а не торчать в старинной постройке. Отопление в ней работало исправно, но массивные камни, сколько их ни протапливай, все одно хорошо не прогреются.

Пользуясь тем, что кирха опустела, пастор неторопливо прошел в притвор, а оттуда пустился в подвал. Зайдя в тупичок под арку, он открыл большой шкаф, наполненный разной одеждой, отодвинул ее в сторону и протянул руку к задней стенке. Тихо щелкнула мастерски замаскированная пластина. Большой шкаф практически беззвучно сдвинулся с места и неторопливо уехал в стену, казавшуюся сплошным монолитом. Пастор Берг шагнул в образовавшийся проход. За ним открылось небольшое помещение. Обычно такие секретные комнаты представляются царством паутины. Она покрывает древнюю мебель, ларцы, сундуки, картины на стенах и прочие предметы старины, претендующие на звание сокровищ. Тайник пастора Берга ничего подобного собой не представлял. Он выглядел как самая простая комнатка, разве что без окон и с крайне специфическим входом. В ней действительно имелось несколько пейзажей на религиозную тематику, пара стеллажей с книгами, письменный стол, плюс рядом еще один, уставленный колбами и ретортами, а также несколько ящиков со всякой всячиной. Даже самый придирчивый глаз не нашел бы и намека на творения бесчисленных поколений пауков. Пастор Берг поддерживал в потайном закутке чистоту и порядок. Он бывал здесь по мере необходимости, когда ему требовалось нечто такое, что он предпочитал хранить сокрытым от посторонних глаз. Вот и сейчас, пройдя к письменному столу, старик отомкнул секретное отделение и достал оттуда связку ключей. С этой связкой, не забыв водворить передвижной шкаф на прежнее место, он прошел назад по коридору и остановился у внушительной железной двери.

В отличие от наземной части кирхи, в подвале было тепло.

Замкнутое пространство и его незначительная площадь играли свою роль. Отопление создавало вполне комфортную температуру, заметно выше, чем в притворе. Электрическое освещение, протянутое в незапамятные времена, также работало вполне исправно. Старинные плафоны, регулярно протираемые от пыли, распространяли мягкий рассеянный свет по всему коридору и прилегавшим к нему комнатам. По логике вещей, старику стоило перенести свое рабочее место куда-нибудь сюда, раз условия здесь были гораздо комфортнее, чем наверху. Казалось странным, что он вообще бывает в подвале настолько редко и непродолжительно, словно в принципе избегает там появляться без необходимости.

Сунув замысловатый ключ в замок, пастор Берг невольно поморщился, когда прикоснулся к дверной ручке. Металл обдал ладонь ледяным холодом, сделавшим бы честь заиндевевшему полярному торосу. Окружающий микроклимат никак не соответствовал его температуре, если только там, за железной дверью, не располагался внушительный морозильник, в котором хранились разделанные туши. Однако что-либо подобное внутри отсутствовало. Содержимое означенного помещения пастору Бергу было известно очень хорошо. Повернув ключ три раза, старик толкнул тяжелую створу и прошел внутрь. Нащупав ладонью выключатель, он зажег свет, затворил дверь и приступил к осмотру помещения. Он делал это регулярно с тех пор, как принял под свое начало эту кирху, и будет продолжать делать, пока не передаст дела подходящей смене.

Когда старик исчез за железной дверью, в подвале установилась абсолютная тишина. Звуки с улицы сюда не проникали, как не проникала и тихая поступь пастора, неторопливо перемещавшегося внутри закрытого помещения. Электрические лампы все так же бесстрастно освещали окружающее пространство. Их рассеянный свет падал на старинные плиты и серую каменную кладку с пробивавшимся в щелях седым мхом. Совершенно неожиданно лампы мигнули. Мигнули раз, другой, а потом явственно замерцали. Замерцали всем скопом, словно электрическая цепь нарушалась плохим контактом. И вдруг начали гаснуть. Не все одновременно, а по одной, начиная от тех, что располагались на лестнице, ведущей наверх. А там, в притворе, света уже не было. Витавшая в нем густая тьма, объявившаяся откуда-то из щели под одним из шкафов, словно стекала по лестнице водопадом, густым и вязким как смола. По мере приближения этой клубящейся субстанции давало сбой и выходило из строя электрическое освещение. И вот тьма проникла в подвал, выплескиваясь на пол расходившимися волнами. Казалось, она затапливает все подряд, под-

чиняясь действию силы тяжести, но так продолжалось недолго. Одолев первые ярды, ручейки тьмы вдруг перекинулись на стены и стали растекаться по ним сначала узкими дорожками, а затем широкими рукавами. Стены будто перекрашивались в черный цвет. Настолько глубокий, что мрак, воцарявшийся по мере угасания ламп, и то казался светлее. Тьма, как ни крути, всего лишь отсутствие света, то есть вообще "ничто" в чистом виде. Однако та тьма, что проникла в подвал кирхи из притвора, была чем-то иным. Не имея физического воплощения, она, тем не менее, казалась материальной, будто протяни руку — и та немедленно уткнется в какую-то осязаемую субстанцию. И эта субстанция малопомалу растекалась по всей подземной части кирхи, покрывая ее тонким колеблющимся слоем. Когда, отчаянно замерцав, погасла последняя лампа, подвал погрузился в такой непроглядный мрак, что стал напоминать черную дыру.

Щелкнул замок. Железная дверь открылась, и на пороге показался пастор Берг, зачем-то запиравшийся изнутри. Осмотр был окончен, не принеся никаких сюрпризов. Помещение находилось в отличном состоянии и не грозило доставить каких-либо хлопот. По крайней мере, в ближайшем будущем. Щелкнув выключателем, старик вышел в коридор, как и прежде залитый рассеянным светом настенных плафонов, и затворил тяжелую створу. Потом сунул ключ в замочную скважину и повернул. Точнее, попытался. Ключ и не подумал подчиниться. Оторопев, пастор Берг приложил усилие и подергал его в замке. Затем вынул, внимательно осмотрел, снова вставил и снова попробовал повернуть. Безрезультатно. Ключ даже не шевелился, будто ему и поворачиваться было некуда. Старик оторопел. Прежде такого никогда не случалось. Запирающий механизм всегда работал без единого нарекания, благо что за ним хорошо следили. Вцепившись пальцами в головку ключа, пастор Берг принялся трясти его и дергать, надеясь, что замок все-таки внемлет совершаемым потугам. Никакого эффекта. Старик промучался несколько минут, прежде чем осознал складывавшуюся ситуацию. Проклятье! Кажется, придется вызывать слесаря. Вот не было печали… Стараясь не выражаться грубыми словами, обычно не произносимыми в кирхе, пастор Берг потянул ключ из замка. И окончательно опешил. Бородка наглухо застряла, даже и не подумав покинуть явно приглянувшееся ей вместилище. Разинув рот, старик молча похлопал глазами на откровенно взбунтовавшийся ключ. Нервы его не выдержали. Всегда призывавший других к спокойствию, он снова вцепился в окаянную железку пальцами и принялся трясти изо всех сил, стараясь вырвать из взбесившегося замка. Ключ сидел как влитой. Чувствуя, как на

висках выступили капельки пота, пастор Берг неистово продолжал свое бесплодное занятие, отказываясь смириться с происходящим. И на то у него имелись причины. Обычную дверь он давно бы оставил в покое, махнув рукой до утра. А там уж слесарь разберется. Но ЭТА дверь разительно отличалась от всех, с которыми старик имел дело в своей жизни. Она ВСЕГДА должна быть заперта, при любых обстоятельствах и в любое время суток. И вот тебе раз! Что ж, придется звонить в какое-нибудь круглосуточное агентство и вызывать мастера. Пока железная дверь остается открытой кирху покидать нельзя. Осознав сложившуюся ситуацию, пастор Берг повернулся, собираясь ненадолго покинуть подвал, и остолбенел. Со стороны лестницы донесся отчетливый звук. Звук когтей, цокающих по камню. Кто-то спускался по лестнице, приближаясь с каждой секундой. По спине пастора побежали мурашки. Привыкший, казалось бы, ко всему, он неожиданно ощутил как в груди что-то екнуло. Сердце, всколыхнувшись, забилось заметно быстрее. Цок-цок! Цок-цок! Цок-цок! В основании винтовой лестницы объявилась огромная черная собака. Вроде бы самый обычный ротвейлер, только такой огромный, что его габариты испугали бы даже опытных собаководов. Остановившись, собака уставилась на пастора, осклабив острые белые зубы. Из ее пасти послышалось низкое злобное рычание. Старик похолодел. Размеры животного его не пугали, равно его клыки и когти. Там, конечно, было чего бояться, однако пастора Берга ужаснуло нечто совсем другое. А именно глаза огромного пса, горевшие двумя красными углями.

— Но это же невозможно, — прошептал старик побелевшими губами. — Ты не можешь проникнуть в кирху!

Псина, все так же угрожающе рыча, сделала шаг вперед. Потом еще и еще. Она наступала. Она не лаяла и не клацала зубами, издавая один лишь низкий приглушенный рык, но ее намерения сомнений не оставляли. Пастор, опомнившись, осенил собаку крестным знамением. Та осталась к нему совершенно безучастной, продолжая медленно приближаться.

— Немыслимо, — еле слышно выдохнул старик, почувствовав, что вот теперь он испугался по-настоящему.

Смерти он не боялся. Он боялся того, что не успел сделать; не успел завершить свой жизненный путь как положено, передав дела в надежные руки. Доведись сейчас Эриху увидеть своего наставника, и он бы потерял дар речи. Одним молниеносным движением пастор — этот противник любого оружия — извлек невесть откуда длинный острый кинжал из белого металла. На рукоятке и лезвии были высечены многочисленные надписи на латыни. Встав в защитную стойку, пастор прищурился и поманил громадную псину

пальцем.

С лестницы снова раздалось характерное цоканье. Бросив туда взгляд, старик увидел, как в подвале объявились еще три черных собаки, похожих на первую как близнецы. Положение становилось критическим. Новоявленная троица быстро приближалась. Шансов отразить одновременную атаку четырех псов было очень немного. Недолго думая, пастор Берг вновь обратил внимание на железную дверь. Лучше укрыться внутри и спокойно досидеть там до рассвета. Уж как бы эти твари ни проникли в кирху, за закрытый периметр им хода нет.

Дверь не поддалась. Не веря своим глазам, старик толкнул ее снова и тут увидел, как из замочной скважины потекла черная струйка, будто с другой стороны горела резина, и испускаемый ей дым просачивался через щель. Только вот это был не дым. Струйка, ручейком колебавшаяся в воздухе, казалась порождением безлунной ночи, клочком первозданного мрака. Она не просто заслоняла собой свет — в ней его не было.

Над головой пастора что-то шевельнулось. Подняв взор, он испустил испуганный возглас. Своды коридора, только что выглядевшие как обычно, быстро покрывала сплошная черная пелена. Бурля как кипящая вода, она выступала промеж каменной кладки, разливаясь вокруг могучим потоком. Но разливалась не ровным непроглядным слоем. Она начинала провисать с потолка, словно формируя частые, тянущиеся как смола сталактиты. Их число непрерывно росло. Большие разбивались на десятки малых, а те в свою очередь начинали изменять свою форму. И вот уже подвальный потолок покрывает не безликая черная субстанция, а несметная стая летучих мышей, сидящих вниз головой и буравящих старика угольно-красными глазами. Буравящих так же, как и огромные псы, подступавшие все ближе. Пастор Берг, забыв про железную дверь, решил найти спасение в конце коридора — там, где в тупике за аркой стоял шкаф, скрывавший секретное помещение. Собаки, конечно, при желании настигнут его в три прыжка, но не стоять же на месте!

Старику не дали сделать и двух шагов. Четверка рычавших псов только собиралась броситься в атаку, когда, наполнив коридор злобным писком, летучие мыши сорвались с потолка и ринулись на пастора. Всего несколько секунд — и они окружили его плотной завесой, шумно полоща кожистыми крыльями. Вокруг старика образовалось черное облако, где вихрем мелькали осклабленные пасти и горели, смазываясь от скорости, бусины красных глаз. Пастор отбивался как мог. Ударяясь о его тело, мыши словно взрывались, рассеиваясь в пространстве стремительно исчезав-

шими облачками. Так происходило снова и снова, будто визжащие твари намеренно бомбардировали человека, задавшись некой неясной целью. Подбежали собаки. Пастор слышал их рык, ожидал стальной хватки могучих челюстей. Он мало что видел в пелене круживших тварей и разил врагов наугад. Холод сдавил ему грудь. Он выжимал тепло из конечностей и постепенно охватывал все туловище, пытаясь заледенить самую душу. Его цепкая хватка замедляла движения старика. Боль, опоясавшая грудную клетку тяжелыми кольцами, резко усилилась. Сердце словно пронзила тупая игла. Даже не игла, а целый костыль. Левая рука начала неметь. В глазах потемнело, пастор стал задыхаться, хватая ртом ставший вдруг невероятно душным воздух. Выронив кинжал, он инстинктивно рванул рукой воротник. Сердце затрепетало, не справляясь с навалившейся на него нагрузкой. Сознание, отчаянно боровшееся за жизнь, померкло. Коснувшись спиной стены, пастор Берг, более не воспринимая ни беснующихся летучих мышей, ни злобных собак, осел на пол, уже практически ничего не видя. Затем завалился на пол и более не двигался.

Знай об этом Эрих, он, безусловно, без промедления ринулся бы старику на помощь. Однако молодой человек пребывал в неведении насчет происходившего в подвале кирхи точно так же, как и пастор Берг ничего не знал о его намерениях. А намерения эти были более чем серьезными.

Обвести вокруг пальца полицию Эриху Сторму не составило труда. За ним установили наблюдение, но не как за подозреваемым, а как за потенциальной жертвой вероятного нападения. Именно поэтому полицейский дозор проявлял не слишком большую бдительность. Выбравшись на крышу по пожарной лестнице, Эрих перебрался на другую сторону здания, где благополучно спустился на землю и был таков. Для всех возможных наблюдателей он по-прежнему оставался дома, ловко сымитировав свою тень внутри зашторенной комнаты. Тень даже время от времени двигалась, будто сидевший за ноутбуком человек периодически шевелится и меняет позу. С нынешним развитием техники чего только не соорудишь на основе кусков картона и электронной игрушки с возможностью элементарного программирования. Подобную предосторожность Эрих предпринял не случайно. То, что он собирался сделать, полиция вряд ли оставит без внимания. Сразу господина Сторма не заподозрят, но когда рано или поздно выяснится, что все найденные фотографии сделаны именно им, и помножится это на идеологическую принадлежность владельцев особняка, то любой даже самый недалекий следователь узреет вполне вероятную связь. И захочет задать господину Сторму ряд серьезных

вопросов. Вот на этот случай и понадобится алиби, обеспечивающее надежное прикрытие. А что может быть лучше, чем показания полицейского наблюдателя, зафиксировавшего в отчете, что Эрих Сторм в ту ночь квартиры не покидал. Само собой, позаботился молодой человек и о своем мнимом времяпрепровождении. Благодаря загодя установленным и настроенным программам, с домашнего ноутбука Эриха будет осуществляться почтовая рассылка, входы на корпоративные ресурсы, запросы коллегам и прочая имитация бурной служебной деятельности. Конечно, все это станет лишь косвенным подтверждением того, что он находился дома, но без прямых обвинений такого алиби окажется вполне достаточно. А прямые вряд ли последуют, если Эрих не попадется с поличным.

Рюкзак находился там, где и был оставлен молодым человеком накануне. Эрих готовил его содержимое очень старательно. Здесь ему помогли не только обширные знания, но и неограниченный доступ к складу компании. Пользуясь своими полномочиями, Эрих без труда организовал небольшую посылку, отправленную, само собой, не к нему домой, но в результате попавшую куда следовало, то бишь в его собственные руки. Если полиция начнет усердно копать, то она, возможно, наткнется на эту ниточку, однако без других улик толку от нее будет немного. Эрих умело заметал следы, заранее начав готовиться к предстоящему возмездию еще даже не зная, в какую именно оно выльется форму. Теперь он знал это точно. Тихо побулькивавшее содержимое бутылок скоро сыграет свою роль — уж он об этом позаботится.

Старательно пряча лицо, Эрих проехал на метро в другой конец города, а оттуда взял такси. И дважды пересаживался, каждый раз проходя пешком квартал-другой. В конце концов, он прибыл туда, куда и желал, причем довольно точно к расчетному времени. Последний участок пути молодой человек проделал опять же пешком и вскоре, так никем и не опознанный, оказался у цели своего путешествия.

Хорошо знакомый особняк возвышался в темное небо контурами стен и очертаниями покатой крыши. Тучи, с самого утра бежавшие от горизонта к горизонту, ненадолго разошлись, открыв звездное небо. Правда звезд в отсвете огней большого города было не видать, но они Эриху сейчас и ни к чему. Главное — не пойдет дождь, способный осложнить реализацию задуманного. Сырости, создававшей известные трудности, и без него хватало. Мало того, что все вокруг промокло дальше некуда, так еще и отпечатки на раскисшей земле грозили оставить замечательный подарок для полицейских ищеек. Эрих, разумеется, переобулся в специально куп-

ленные новые вещи и собирался уничтожить их после ночной вылазки, но плодить лишние улики не стоит. К счастью, если прогноз не врал, вскоре ожидался сильный ливень, который должен был уничтожить все следы, поэтому Эрих мысленно возрадовался небольшому перерыву в непогоде. С учетом успешного и незаметного прибытия на место, судьба ему явно благоприятствовала. Во всяком случае, пока.

Особняк стоял темный и мрачный, словно был необитаем. Свет в окнах отсутствовал. Единственные огни, освещавшие ближайшее пространство, исходили от уличных фонарей и той лампы, что располагалась у гаража. Она стала больше и ярче. Хозяева особняка явно учли прошлый визит воинствующего антифашиста и решили внести некоторые коррективы в обустройство своих владений. Эрих знал это наверняка, поскольку не поленился провести предварительную рекогносцировку. По периметру дома были развешаны камеры видеонаблюдения, наверняка с инфракрасным режимом и датчиками движения. Подобная охранная система могла бы существенно осложнить планы Эриха, если бы он заранее не принял ее во внимание. Определив модели камер и зарисовав их расположение, молодой человек составил схематичную карту местности и еще дома наметил себе наиболее оптимальный маршрут. Пускай его фигура ненадолго попадет в объективы — ему не жалко. Опознать человека в капюшоне будет невозможно, а стремительность его появления не оставит потенциальному наблюдателю никаких шансов упредить грядущие события. Устроившись за кустами, Эрих расстегнул рюкзак и разложил на пожухлой траве его содержимое. Убедившись в полной боеготовности снаряжения, он опоясался хитрой самодельной упряжью. В основе та состояла из двух широких ремней с нашитыми на них креплениями. В каждом креплении располагалась бутылка, запечатанная особым образом. В этой сбруе Эрих стал смахивать на танк, увешанный пластинами активной брони, однако бутылки не являлись элементами защиты. Они служили оружием нападения. Эрих уже примерял сбрую дома, умело расположив все ее составляющие. Им надлежало быстро и удобно оказываться под рукой, чтобы минимизировать задержки в процессе применения. Когда начнется заварушка, времени у Эриха окажется в обрез, ибо вряд ли окружающие останутся безучастными к происходящему. Каждая секунда будет на счету, поэтому по целям следует отработать максимально оперативно и без накладок. Достав первые две бутылки, Эрих взял по одной в каждую руку и легонько, словно примеряясь, взвесил их на ладонях. Затем глубоко вздохнул и ринулся к особняку.

Несмотря на все предосторожности, горевший жаждой мщения антифашист кое-чего не заметил. Впрочем, скорее всего именно из-за этого его чувства и притупились, не позволив своевременно разглядеть опасность. Поодаль от особняка в тени скрывались какие-то люди, рассредоточенные по периметру. Одни сидели в тонированных автомашинах, оставаясь незаметными снаружи; еще несколько притаилось среди разнообразного ландшафта, не брезгуя и территорией ближайших соседей. Появление Эриха не осталось для них тайной. Используя мобильные гарнитуры, они едва слышно переговаривались, отслеживая каждое движение цели.

— Будем брать? — спросил кто-то нетерпеливым тоном.

— Рано, — отозвался командный голос, в котором можно было узнать отдававшего приказы во время избиения Евы. — Надо быть уверенными наверняка. Если это какой-нибудь обычный воришка, выискивающий чем поживиться, вся операция пойдет насмарку.

— Ты что, хочешь позволить ему чего-нибудь натворить? — удивленно спросил один из подчиненных.

— Именно так, — жестко отозвался командный голос. — Иначе на кой ляд было устраивать такие хлопоты и заманивать его сюда? Мы должны получить убедительные доказательства и только тогда будем уверены, что не ошиблись.

Сделанное заявление основывалось на железной логике. Неонацистам была неизвестна личность того, кто разукрасил их автомобили столь вопиющим образом. В полицию они, само собой, не обращались, решив самостоятельно поквитаться с ночным гостем. Но как это сделать? Помог случай. Унося ноги, беглец что-то бросил через изгородь. Сами преследователи этого не видели, однако припозднившийся прохожий стал свидетелем примечательного маневра. Он решил, что какой-то воришка избавился от украденного, спасаясь от законных хозяев добычи. Именно об этом он и сообщил преследователям убегавшего вора, вызвав небольшую, сыгравшую Эриху на руку заминку. Преследователи, быстро сообразив, что к чему, не стали разубеждать прохожего в его заблуждении. Пока одни продолжили погоню, другие принялись разыскивать выброшенную ношу и нашли ее под аккуратно подстриженным кустом. Прохожий же тем временем как в воду канул, избавив неонацистов от необходимости дальнейших объяснений. Они даже толком не разглядели его лица. Ну, оно и к лучшему. Лишние свидетели преследователям были ни к чему, а вот обнаруженный фотоаппарат представлял известную ценность. Обитатели особняка тщательно изучили содержимое его карты памяти.

Последние снимки неопровержимо доказывали, что аппарат принадлежит ночному визитеру. Ведь на них было запечатлено внутреннее убранство пристройки, набитой реликвиями Третьего рейха. На оставшихся фигурировало восемь молодых людей, как порознь, так и вместе. Это была ниточка, способная привести неонацистов к автору фотографий, и эта ниточка потихоньку стала раскручиваться. Фотографии пошли по всем членам организации, и вскоре двоих из восьми идентифицировали. Личного знакомства с ними никто не водил, однако кое-кто из неонацистов уверенно опознал уже встречавшихся ранее антифашистов, попадавших в поле зрения во время различных мероприятий. Приложив некоторые усилия, их удалось разыскать, а через них постепенно вычислить и остальных. Последней в списке оказалась Ева. Неонацисты не торопились. Они хотели нанести удар по всем разом, тщательно спланировав акцию возмездия. Причем спланировав так, что сама по себе она являлась лишь предпосылкой, подразумевавшей конечную цель. А конечной целью был ночной гость, изуродовавший десяток автомобилей. Поскольку его личность все еще оставалась неизвестной, неонацисты устроили надлежащую провокацию. В этом имелся прямой расчет. Ведь даже узнай они наверняка кто был автором фотографий, этот автор и искомое лицо вполне могли оказаться разными людьми. А чем расспрашивать будущих жертв, привлекая к себе излишнее внимание, проще всего было предложить визитеру соответствующую наживку, которую тот почти наверняка заглотит. Само по себе избиение набивших оскомину антифашистов уже принесет немалое удовольствие. Если же ожидания неонацистов оправдаются, ночной гость не останется безучастным к недвусмысленному посылу и объявится снова. Тут-то его и сцапают, и на сей раз воздадут по заслугам. У обитателей особняка имелся достаточно влиятельный покровитель, чтобы они не опасались последствий своего дерзкого замысла. Правда, этот человек мастерски хранил инкогнито и его никогда не видели даже руководители организации, однако эффективность оказываемой им помощи была доказана неоднократно. Исполнители ощущали полную безнаказанность, не боясь оставлять на месте преступления улики, адресованные отнюдь не полиции. И заведомо не боялись последствий расправы над намеченной целью, которую стали подкарауливать сразу после показательной акции. А цель действительно явилась, угодив в расставленную ей ловушку. Оставалось лишь окончательно убедиться, что человек, сновавший в полумраке, был именно тем, кого здесь поджидали с распростертыми объятиями. Потому старший группы и велел не хватать его сразу, а сперва получить веские доказательства намерений. Вот только он

никак не рассчитывал, что эти доказательства превзойдут все мыслимые предположения.

Свой маршрут Эрих мысленно пробегал столько раз, что теперь казалось, будто происходит очередной тренировочный заход. Камеры видеонаблюдения наверняка зафиксировали появление чужака и послали сигнал тревоги, но Эриха это уже не волновало. Час пробил. Точнее, минута, за которую он должен был осуществить задуманное. Набрав скорость, молодой человек приблизился к особняку по касательной. Пробка, вдавленная в горлышко бутылки, отозвалась тихим хрустом. Не сбавляя темпа, Эрих размахнулся и швырнул первую бутылку в одно из окон первого этажа. Раздался громкий звон разбитого стекла. Тяжелая бутылка, пущенная мускулистой рукой, без труда пробила стеклопакет и ухнула в глубину комнаты. Ноги уже несли Эриха дальше, но краем глаза он заметил возникшее там яркое свечение. Всего несколько ярдов — и вот уже вторая бутылка последовала по схожей траектории, но в другое окно, разбитое не хуже первого. Ее приземление также ознаменовалось не только характерным звуком раскололовшегося корпуса, но и озарившим помещение светом.

— Твою мать! — ошарашено выдохнул старший неонацист, завидев полыхнувшее в окнах пламя.

А Эрих уже подбегал к пристройке — этому свято почитаемому ее владельцами пантеону Третьего рейха.

— Всем группам — вперед! Хватайте этого ублюдка! — возопил старший неонацист, сообразив, что сейчас произойдет.

Но было поздно. На подарки музею ненавистного прошлого Эрих не скупился. Практически не сбавляя скорости, он вихрем обогнул пристройку, поочередно отправив в нее целых три бутылки с зажигательной смесью. И та не подвела. Взметнувшийся огонь немедленно стал распространяться, охватывая лелеемые неонацистами святыни. А первые две комнаты уже вовсю пылали, испуская гул набиравшего силу пламени. И то было только начало. Закончив с пристройкой, Эрих и не думал останавливаться. Он несся как локомотив, способный смести все на своем пути. По мере освобождения от увесистого груза его темп только нарастал. Вновь и вновь слышался звон разбитых стекол, когда внутрь дома одна за другой влетали бутылки. Снова и снова погруженные в темноту помещения освещались характерным заревом, порожденным вспыхнувшей зажигательной смесью. Теперь уже не только на первом, но и на втором этаже особняка образовались жаркие очаги быстро растущего пожара. Эрих, не останавливаясь, швырял метательные снаряды с поразительной точностью. Он ни разу не промахнулся, и не нашлось ни одного стекла выдержавшего удар.

Все складывалось в его пользу, будто некая незримая сила помогала осуществлять возмездие, направляя руку и раздувая пламя. Прилив адреналина прямо-таки зашкаливал. Сердце бешено колотилось, заглушая биением все прочие звуки, кроме разбивавшихся окон и вздымавшегося огня. Эрих не слышал топота бегущих к нему людей, не видел ничего кроме оконных проемов дома, куда продолжал бросать свою ношу. Лишь в самом конце пути ему навстречу неожиданно выскочило несколько человек. Только тогда он осознал, что с разных концов территории раздаются чьи-то громкие крики.

Впопыхах, пораженные происходящим, сидевшие в засаде неонацисты сделали серьезную ошибку. Обуреваемые хлещущими через край эмоциями, они по большей части ринулись ЗА Эрихом, а не на перехват. Лишь некоторые догадались бежать по кратчайшей траектории к особняку, но и они не успели предотвратить молниеносные действия антифашиста. У одной группы все же хватило ума вовремя повернуть и обогнуть особняк с другой стороны. Там-то эта группа и наткнулась на Эриха, заканчивавшего свой разрушительный вояж. Завидев врага, неонацисты разразились разъяренными воплями. У Эриха оставалось всего две бутылки. Резко затормозив, он инстинктивно швырнул одну из них прямо в объявившихся врагов. Вероятно, стоило бросать ее не столько в людей, сколько перед ними, если вообще стоило, только о возможных последствиях диверсант в этот момент уже не думал. К счастью для орущей компании бутылка пролетела мимо, никого не задев, и грянулась где-то позади. Яркая вспышка и гул тут же взметнувшегося пламени вызвали небольшую заминку, во время которой Эрих развернулся и припустил в обратном направлении. Шарахнувшиеся было неонацисты опомнились и ринулись за ним. Эрих лихорадочно соображал куда теперь бежать. Он, разумеется, заранее спланировал отступление, но, распаленный поджогом, успел забыть обо всем на свете. Кроме того, внезапное столкновение с врагом в его планы не входило. Не перекрытые точки отхода располагались несколько поодаль, куда следовало добраться как можно оперативнее. Потеряв скорость, Эрих фактически стартовал с места, в то время как преследователи лишь частично замедлили ход. И теперь они настигали его гончими прыжками, рассчитывая в какие-то секунды схватить долгожданную добычу. Пробегая мимо особняка, Эрих не видел протянутые к нему руки, зато во всей красе наблюдал разраставшийся пожар. Это было даже странно. Последние бутылки он бросил буквально только что, однако казалось, будто прошло как минимум несколько минут. Пожар разгорался настолько быстро, словно его раздували кузнеч-

ными мехами. Эрих как раз миновал окно, откуда уже веяло густым жаром, когда преследователи приблизились к нему на критическое расстояние. Еще немного — и их гончее рвение непременно увенчалось бы успехом, если бы вдруг не произошло нечто неожиданное. Из глубины полыхавшей комнаты ударил мощный столб огня. Стекло разлетелось вдребезги, а пламя, охватив тут же запылавшую раму, вырвалось под открытое небо, образовав преграду между Эрихом и его врагами. Крики ярости сменились испуганными воплями. Огонь, постепенно изгибаясь вверх, бил могучим факелом. Лишь каким-то чудом преследователи не угодили в его страшные объятия. Жар поднялся такой, что они попадали на землю, слыша, как трещат на голове волосы. На какое-то время им стало не до Эриха. Ползком-ползком струхнувшие неонацисты убрались подальше от ревущего пламени и только тогда осмелились встать на ноги. А позади них уже разрастался пожар от упавшей на землю бутылки. Той, что пролетела мимо неонацистов. Прокатившись по земле, она запрыгала по камням дорожки и раскололась, высвободив содержимое. Раскололась как-то вдруг, словно сама по себе, без всяких достаточных оснований. Сперва преследователи Эриха не обратили на нее особого внимания, вновь сконцентрировавшись на своей цели, однако теперь, оглядевшись, узрели порожденный ей сноп пламени. А он распространялся невиданными темпами. Огненные дорожки, хлынувшие из пылающей лужи, уже подбирались не только к крыльцу дома, но и гаражу с припаркованными подле автомобилями. Они текли неторопливо, но уверенно, покрытые языками бурно вздымавшегося огня. Сообразив, к чему идет дело, неонацисты окончательно забыли про Эриха и бросились к машинам, стремясь вывезти их из зоны поражения. Тушить особняк никто и не помышлял. С первого взгляда становилось ясно, что дела его плохи, однако автомобили все еще можно было спасти.

Дорожки пламени расползались необъяснимо быстро, будто в породившем их эпицентре бил некий ключ из горючей жидкости. Разбившаяся бутылка просто физически не могла содержать такой большой объем. Огонь добрался до ближайшей машины, затек ей под днище и лизнул резину колес. Никто не ожидал, что авто немедленно вспыхнет, словно оно само было пропитано зажигательной смесью. Огонь поднялся вверх настолько стремительно, что всего несколько секунд — и автомобиль превратился в пылающую железную коробку. А огненная жижа уже растекалась дальше, продолжая поджигать все большую площадь. Неонацисты в панике рвали провода зажигания, поскольку подходящих ключей ни у кого не оказалось. Пока они старались завести машины столь вар-

варским способом, еще одну охватило пламя, да так, что сидевший внутри человек едва успел выскочить. Оставшиеся удалось отогнать на улицу, где уже появились первые свидетели пожара. А тот все разрастался. Через распахнувшуюся входную дверь в ужасе выбегали обитатели особняка. Тот ведь только казался безлюдным. На деле же внутри притаилась засада, прильнувшая к мониторам видеонаблюдения и следившая за каждым движением диверсанта. Теперь ее участники со всех ног покидали дом, преследуемые ревом беснующегося пламени и треском горевшей мебели. Им следовало благодарить небо за своевременное спасение. В особняке разверзался настоящий ад. Огонь распространялся настолько бурно, что успел пожрать львиную долю первого этажа, поджаривая беглецам пятки. Второй этаж быстро следовал его примеру, а пламя вовсю наступало на третий. Напольные ковры тянулись дымками, паркет пошел буграми стремительно нагревавшегося лака. Горячий воздух обжигал легкие. Со всех сторон наползали клубы дыма, закрывая видимость. Промедли обитатели особняка еще немного — и вряд ли кто из них остался бы в живых. Не успевшие выбраться из дома традиционным путем прыгали из окон, прямо на глазах обрамлявшихся вспыхнувшими занавесками. Обои занимались как папиросная бумага. Языки пламени лизали потолок, расходясь под ним густыми волнами, вздымались по опорным балкам, проверяя их на прочность. В мгновение ока огонь пожирал дорогое убранство особняка, не оставляя от него даже пепла. Вытаскивать что-либо из набиравшего мощь пожарища было не только поздно, но и смертельно. Заходясь надсадным кашлем, спасшиеся неонацисты собирались подальше от горевшего особняка пока их товарищи отгоняли уцелевшие автомобили. Однако были и те, что занимались совсем другим делом. Осатанев от бешенства, они гнались за поджигателем.

Оторвавшись от первой группы преследователей, Эрих завернул за угол дома, собираясь припустить наискось через владения неонацистов. Там он и столкнулся с двумя молодцами, поспешавшими к нему из удаленной засады. Извернувшись ужом, он избежал встречного удара, перескочил через подножку и зайцем ринулся прочь, не собираясь вступать в схватку на месте преступления. Проделав десяток ярдов, Эрих невольно удивился, отчего не слышит топота ног пустившихся вдогонку врагов, но тут что-то характерно прожужжало мимо его уха. Пуля! Один из неонацистов выхватил пистолет и навел его на убегавшего человека. С такого расстояния он, умевший хорошо стрелять, просто обязан был попасть. Эриха спасла случайность. Ближайшее окно исторгло могучий сноп пламени. Ударная волна горячего воздуха обожгла сто-

явших неонацистов, сбив прицельный выстрел и швырнув их на землю. Осыпая всех и вся проклятьями, враги кое-как вскочили, хлопая ладонями по дымящейся одежде. Затем, убедившись, что не пострадали, ринулись в погоню. Но их уже опередили другие соратники. Те, что с самого начала бежали вслед за Эрихом вокруг особняка и теперь имели удовольствие наблюдать как он удирает через владения соседей. Спасать имущество все равно было поздно, а командный голос в наушниках, заходясь от ярости, велел во что бы то ни стало настигнуть ускользавшего ублюдка. Учитывая масштабы происходящего, скоро возле пылавшего дома объявятся не только пожарные, но и полиция, способная окончательно расстроить всю затею с поимкой ночного гостя. А поймать его теперь становилось вопросом чести. Умудриться сотворить ТАКОЕ под самым носом заранее устроенной засады и безнаказанно скрыться — это станет звонкой пощечиной всей организации и несмываемым позором. В итоге, пока командный голос, потеряв привычное самообладание, орал до хрипоты, раздавая приказы, и готовился к прибытию машин с сиренами, Эриха преследовало около дюжины человек.

Казалось, повторяются события приснопамятной ночи — беглец с погоней на хвосте. Ну, если не считать бушующего пожара, вздымавшегося в небо огромным костром, да так, что его зарево было видно за много миль окрест. Скользя на мокрой земле, Эрих бежал во весь дух, превратившись в один большой комок нервов. Ситуация явно вышла из-под контроля. Он, безусловно, намеревался спалить этот рассадник воинствующих подонков, однако достигнутый результат многократно превосходил все расчеты. Даже редких мимолетных взглядов было достаточно, чтобы оценить уровень происходящего. Эрих хотел поджечь особняк, надеясь уничтожить как можно больше его содержимого до прибытия пожарных бригад. По факту же не оставалось никаких сомнений, что от объятого пламенем дома в лучшем случае уцелеют лишь стены да перекрытия. Запланированная скорость распространения огня предполагала отсутствие жертв, если только кто-нибудь сам не сиганет в его объятия. То, что произошло на деле, грозило Эриху обгоревшими трупами, одним махом переводящими его из разряда поджигателей в категорию убийц. Причем убийц массовых. Даже в прошлый раз, спасаясь от неонацистов, он не хотел защиты полиции, грозившей обернуться статьей за хулиганство. Теперь же речь шла не о разукрашивании автомашин, а о тяжком уголовном преступлении. Эрих еще не до конца осознал, куда завела его жажда мщения. Убегая со всех ног, он лишь понимал, что попадаться ни в коем случае нельзя. Иначе, даже если его не убь-

ют сразу, на всей его нынешней жизни будет поставлен крест. После содеянного с Евой Эрих решил, что не станет сожалеть о сожженных заживо неонацистах, если те не сумеют выбраться. Раз уж он в принципе решился на поджог, то это окажется чем-то вроде сопутствующего ущерба. Таким подонкам все равно поделом. Намеренно убивать их Эрих не планировал, но как решит случай — так тому и быть. Только вот одно — теоретические рассуждения, навеянные всепоглощающим желанием отомстить, и совсем другое — реальное воплощение, когда глаза видят бешеную пляску огня, а в носу стоит запах горелой плоти. Особенно если разум уже не застилает гнев, и он способен оценивать вещи совсем под другим углом. Оставляя за спиной стремительно проносившиеся ярды, Эрих еще не испытывал угрызений совести, слишком занятый собственным спасением. Пока это были только отголоски, порожденные сотворенным огненным кошмаром. Для полноценного анализа собственных поступков и последующего самобичевания придет время позже, когда Эрих оторвется от преследователей и достигнет безопасного места. А с этим следовало поторапливаться, так как вдали уже послышался знакомый вой сирен.

Снова прожужжала пуля. Эрих, уж на что плохо соображал из-за предельно взвинченного состояния, и то догадался — его, очевидно, ждали. Только этим могло объясняться невероятно быстрое появление обитателей особняка, да еще в таком количестве. Стало быть, надлежало радоваться столь яростному пожару, ибо именно он своей неукротимой мощью и спас Эриха от неминуемого пленения. Впрочем, радоваться было явно рано. На сей раз враги вооружились куда серьезнее, так что исходившая от них угроза возросла дальше некуда. Это вам не спортивные рогатки с камнями и металлическими шариками, и то способные как нанести увечье, так и пробить голову. И не бейсбольные биты — эффективное, но громоздкое и неуклюжее оружие ближнего боя. От пули не убежишь, а уклоняются от них только в кино. Выстрела слышно не было. Не иначе как установленный глушитель скрадывал звук, не привлекая внимания к стрелявшему. Эрих понятия не имел какой боеприпас используют неонацисты — резиновый или боевой. Выяснять это на собственной шкуре у него не было ни малейшего желания. Зарвавшийся антифашист понял лишь одно — ему как можно реже следует находиться на открытой прямой с преследователями, иначе следующая пуля имеет отличные шансы достичь назначения. Именно поэтому он не просто рвался вперед что есть мочи, а непрерывно смещался из стороны в сторону, постоянно стараясь, чтобы между ним и погоней находилось какое-нибудь препятствие. Пока что явно успешно, раз пролетевшая пуля оста-

валась единственной, не считая той у особняка.

Сегодняшняя погоня отличалась от предыдущей еще одной характерной особенностью. Неонацисты не орали во всю глотку и вообще, поспешая за Эрихом, вели себя подозрительно тихо. Тому имелось довольно пугающее объяснение. На сей раз они не желали делать погоню достоянием общественности, а раз так, то ее исход не сулил жертве ничего хорошего. Неспроста в ход пошло огнестрельное оружие, и уж явно не спонтанно вдогонку за ночным гостем пустились наиболее крепкие и тренированные молодчики. Все эти мысли вихрем пролетали в разгоряченном мозгу Эриха, выбрасывая новые порции адреналина. В своих предположениях он попадал в десятку. Следуя полученному приказу, группе исполнителей вменялось в обязанность схватить жертву и обездвижить, перенести в подвал особняка, а затем вывезти из города для показательной расправы. По вполне понятным причинам изначальный план полетел к чертям. Особняк пылал, а диверсант, избежав немедленной поимки, уносил ноги. В наушниках преследователей зазвучали новые инструкции: догнать, обездвижить и вызвать машину к месту дислокации. При необходимости выдать бесчувственное тело за пьяного приятеля, которого друзья сопровождают домой. Поскольку участники погони непрерывно докладывали, где проходит погоня, соратники были в курсе событий и высланный автомобиль следовал за ними в относительной доступности. Оставалась сущая мелочь — не дать жертве сбежать. А вот с этим упорно не ладилось, словно ту охраняли некие высшие силы. Когда к особняку прибыла полиция и пожарные расчеты, погоня успела удалиться на немалое расстояние, продолжаясь по-прежнему безрезультатно.

Сегодняшней ночью Эриху ничто не осложняло побег. Тогда он получил немало синяков и ушибов, сказывавшихся на его движениях самым прямым образом. Нынче все обстояло иначе. Молодой человек был целехонек, не получив ни единой травмы. Именно поэтому он мало-помалу стал отрываться от преследователей, постепенно увеличивая дистанцию. Те, сообразив, что рискуют окончательно потерять цель из виду, стали разделяться, рассчитывая упредить все ее возможные маршруты. Одни взяли левее, другие правее, третьи продолжили погоню след в след, уподобляясь гончим, несущимся за зайцем. Не иначе как сказывался прошлый опыт, когда именно благодаря упреждению Эриха едва не схватили возле сквера. Кстати, он так и не увидел в новостях сообщения о летальном несчастном случае, из чего сделал вывод, что упавший в люк неонацист выжил. Эрих не знал, что его предположение не соответствовало действительности. Тот преследователь погиб,

свернув себе шею. Влиятельный покровитель организации неонацистов вовремя замял дело, сумев избежав огласки. Гибель же соратника явилась одной из причин, по которой обитатели особняка жаждали схватить ночного гостя и устроить над ним расправу. Теперь, понимая, что добыча ускользает прямо из пальцев, да еще после столь вопиющего поджога, неонацисты были вне себя от ярости. Эрих же наоборот — воодушевлялся, отчего бежал все быстрее, окрыляемый чувством скорого и благополучного спасения. Но именно тогда, когда он был в нем практически уверен, удача ему изменила. Если некие незримые силы до сих пор и помогали антифашисту, отводя от него беду, то их опека закончилась. А то и приняла обратный характер. Перемахнув через очередную преграду, Эрих быстро пересек чьи-то владения, одним прыжком перескочил через живую изгородь и очутился подле узкой каменной лестницы. Она спускалась с небольшого возвышения прямо к тротуару, такому же безлюдному, как и прочие. Поскольку эпицентр событий остался далеко позади, обеспокоенные соседи не высыпали здесь на улицу и не озирались по сторонам, соображая, что происходит. Эрих уже собирался сбежать по этой лестнице, как вдруг неожиданно споткнулся о какое-то препятствие. Большой черный кот, испуганно зашипев, сиганул в кусты, а молодой человек, потеряв равновесие, грянулся подле ступенек, едва не разбив лицо. И тут же ощутил всплеск сильнейшей боли, пронзившей правую ногу в области колена. Настолько сильной, что она практически ослепила Эриха, издавшего протяжное восклицание. Было отчего. Удар пришелся в коленную чашечку, наткнувшуюся на твердый камень, словно нарочно подсунутый в нужное место. И откуда он только взялся на ровно подстриженном газоне?! Не из земли же взял да вылез. Эрих лежал на газоне, скрежеща зубами. Боль практически лишила его не только подвижности, но и воли. Лишь ее остатками он кое-как пришел в себя и, вспомнив про погоню, сделал попытку подняться. Куда там! Цветные круги перед глазами вспыхнули с новой силой, а на лбу опять выступила испарина. Встать кое-как удалось, однако нога занемела настолько, что ни о каком возобновлении побега не могло быть и речи. Во всяком случае, немедленно. Но ведь никто не станет дожидаться, пока беглец оклемается и сумеет продолжить путь. Погоня быстро приближалась, и лишь благодаря образовавшемуся отрыву у Эриха еще оставалось время для какого-нибудь маневра. Затравленно оглядевшись, он, недолго думая, прохромал к живой изгороди и присел за ее изгибом. Убежище было так себе, но другого сейчас попросту не имелось. Авось враги пробегут дальше, ничего не заподозрив, а Эрих, обождав пока нога вновь станет ему повиновать-

ся, направится куда-нибудь в иную сторону.

Ждать пришлось недолго. Буквально через несколько секунд послышалась чья-то быстрая поступь, и к лестнице вылетело трое молодчиков. Они по-прежнему не шумели, поэтому местные жители, мимо чьих домов и земель шла погоня, по большей части оставались насчет нее в полном неведении. И уж точно никого из них не одолевало желание высунуть нос наружу, дабы проверить, кого там пронесла нелегкая в столь поздний час. Эрих затаил дыхание, когда преследователи пробежали в нескольких ярдах от него. Перескакивая через три ступеньки лестницы, они выскочили на улочку и, покрутив головами, припустили к ближайшему перекрестку. Кажется, обошлось. Эрих уже благодарил небо, когда поступь врагов неожиданно стихла. Стихла не из-за того, что те удалились за пределы слышимости, а потому что они остановились.

— Смотри, — донеслась до притаившегося антифашиста их негромкая речь. — Собаки.

— И что? — недоуменно спросил один из преследователей. — Мы что, служба отлова животных? Или ты предлагаешь поискать их хозяев?

— Идиот! — возмущенно прошипел другой. — До тебя что, не доходит?!

Тот, кому адресовалась реплика, явно обиделся на нелестный эпитет, однако, продолжая недоумевать, потребовал объяснений.

— Хочешь пробежаться мимо них? — ехидно осведомился назвавший его идиотом.

— Я что, спятил?! — послышался резкий ответ. — Еще не хватало, чтобы они на меня кинулись! Я вообще не понимаю, что делает стая ротвейлеров на улицах Берлина. Дожили! Не иначе кто-нибудь из этих восточных дикарей выпустил их прогуляться.

— Вот именно! — подчеркнул другой голос, подразумевая отнюдь не происхождение псов. — Если бы наш ублюдок здесь пробежал, собаки не остались бы к этому безучастны. Вон их сколько — и там, и там. Словно их нарочно кто-то расставил, чтобы перекрыть весь сектор. И смотрят они уж больно недобро. А это означает…

— …Что надо отсюда убираться! — взволнованно предположил собеседник.

— Что наш голубчик где-то неподалеку! — раздраженно заявил его спутник. — В ту сторону улицы он убежать не мог — слишком далеко, мы бы его заметили. Перебраться через эту стену позади домов тоже нереально. Вон там открытое место, все видно как на ладони. Значит, он укрылся где-то поблизости. Увидел собак, повернул обратно, понял, что мы вот-вот появимся, и спрятался. Надо внимательно осмотреться вокруг. Готов поклясться, ублюдок

притаился совсем рядом!
Эрих похолодел. Ему стало совсем не по себе, когда трое преследователей доложили остальным диспозицию, а затем, разделившись, ринулись на поиски. И уж совсем неуютно он почувствовал себя при возвращении одного из врагов. Сквозь прорехи в живой изгороди Эрих видел, как тот приближается, внимательно озираясь по сторонам. Вот он шагнул на ступеньки лестницы, а вот поднялся по ним до конца, высматривая, где бы мог укрыться беглец. Таких мест вокруг было немного, поэтому коренастый неонацист довольно быстро очутился от антифашиста буквально в двух шагах. Поделать что-либо с его перемещениями Эрих был не в состоянии. Ему оставалось лишь сидеть и ждать развития событий, надеясь, что пронесет. К сожалению, его надежды не оправдались. Обогнув изгиб зеленой изгороди, неонацист бросил взгляд в закуток и узрел присевшего на корточки беглеца. Зрачки преследователя расширились, а рот машинально приоткрылся, собираясь издать торжествующий вопль. Но не издал.
— Он здесь! — только и выдохнул неонацист в миниатюрный микрофон, кидаясь к долгожданной добыче.
В ушном динамике раздался тихий треск и чьи-то неразборчивые голоса. Треск Эрих слышал, голоса нет. В любом случае, ему было не до них. Это только на первый взгляд казалось, будто он просто прижался к земле. На деле беглец принял атакующую позу, готовый распрямиться в любой момент. Злополучное колено все еще болело, однако на один резкий рывок его вполне хватит. Неонацист даже не успел проделать полпути до цели, когда та высвобожденной пружиной бросилась ему под ноги. Не ожидавший этого враг перелетел через Эриха и кувырнулся на газон. В следующее мгновение беглец уже навалился сверху, не давая ему опомниться. Однако неонацист был силен. Его хорошая физическая подготовка не оставляла никаких сомнений. Для поимки ночного гостя организация отрядила лучших бойцов. Антифашист и сам был не лыком шит, но на сей раз он столкнулся с серьезным противником. Сцепившись в стальной хватке, враги катались по газону, натужно пыхтя. Неонацист отпускал отрывистые реплики, продолжая призывать своих приятелей. Но с этим возникли проблемы. Динамик продолжал трещать, будто сигнал заглушали невесть откуда возникшие помехи. Вероятно, нечто подобное происходило и с микрофоном. Все, что говорил сцепившийся с Эрихом преследователь, если и доходило до соратников, то с жуткими искажениями. Их же голоса и вовсе невозможно было разобрать. Таким образом, ему никак не удавалось объяснить, где он обнаружил беглеца и старается его удержать. Вскоре проблемы со связью осознали

оба боровшихся человека. И тот и другой уяснили, что остались один на один как минимум на ближайшее время. В результате тактика схватки немедленно изменилась. Перестав удерживать Эриха, неонацист попытался нанести ему чувствительный удар и откатиться в сторону. Этот удар частично достиг цели, только не так хорошо, как бы хотелось. Маневр преследователя подразумевал известную цель — прервав тесный контакт, он намеревался вытащить специальную маску, пропитанную химией. Такие маски использовались при нападении на Еву и других людей, запечатленных на пресловутых фотографиях. С ее помощью неонацисты рассчитывали пленить и ночного гостя, поэтому каждый преследователь был экипирован соответствующим образом. Несмотря на проявленную ловкость, схватившийся с Эрихом враг не преуспел, в свою очередь получив от него крепкий удар. Неонацист закрылся от второго удара, но при этом выронил маску. Он попробовал ее поднять, однако антифашист принялся бить его куда попало, не давая осуществить намерение. Сделав резкий кувырок вбок, преследователь вскочил на ноги. Эрих немедленно последовал его примеру, успев коротким пинком отправить маску за пределы досягаемости. И вот уже враги стоят друг напротив друга, скрестив ненавидящие взоры. Неонацист не орал, призывая соратников, хотя те рыскали где-то неподалеку. На крики могли крайне некстати объявиться хозяева ближайших домов, а свидетели компании молодчиков были ни к чему. Эрих, тяжело дыша, также помалкивал. На нем висел серьезный поджог. Возможно с кучей трупов. Где уж тут апеллировать к законопослушным гражданам! Долю секунды враги не шевелились. Затем бросились во взаимную атаку. Последовал обмен ударами, как руками, так и ногами. Каждый стремился нанести оппоненту как можно больше урона в наиболее кратчайший срок, из-за чего оба пренебрегали защитой и, как следствие, получали болезненные попадания. Особенно неонацист. Понадеявшись на свое физическое и бойцовое превосходство, он здорово недооценил противника, также оказавшегося в отличной форме. В результате Эрих стал одерживать верх, грозя окончательно одержать победу. Это в планы преследователя не входило. В какой-то момент он совершил хитрый маневр, заставив Эриха отступить, а сам вдруг развернулся и ринулся прочь. В запале антифашист пустился следом, благо что колено уже позволяло. И вдруг увидел направленное на него дуло пистолета. Неонацист, не будь дураком, не вытаскивал оружие в упор — так делают только идиоты, коих навалом как в жизни, так и в кинофильмах. Ему требовалась вменяемая дистанция, на которой выбить ствол из рук будет невозможно. Он выхватил пушку прямо на хо-

ду, еще пребывая спиной к Эриху. Молниеносный разворот — и оставалось лишь спустить курок в опешившую жертву. Видимо, пули были все-таки резиновые, чтобы остановить человека, а не убивать на месте. Либо же неонацист рассчитывал нанести не смертельную рану, позволяющую лишить цель подвижности и без особых хлопот пленить. Впрочем, в запале он мог и забыть про все на свете, предпочитая хоть как-то, да поразить жертву, а не дать ей снова ускользнуть. Как бы там ни было, Эрих оказался на мушке, не имея возможности избежать выстрела. Палец врага нажал на курок. Выстрела не последовало. Пистолет тихо щелкнул, нарушив намерения владельца осечкой. Чертыхнувшись, неонацист невольно опустил взор, уставившись на оружие со смесью удивления и злобы. Второй попытки Эрих ему уже не дал. Одним прыжком сбив его с ног, он стал дубасить упавшего врага. Тот, выронив пистолет, защищался, стараясь в свою очередь достать антифашиста, но выходило у него неважно. Тому вскоре нашлось объяснение. Преследователь, не отбиваясь в полную силу, искал пальцами какой-то предмет, а когда нащупал — выхватил и пустил в ход. Эрих ощутил резкую боль. Нож, направленный ему в бок, скользнул по руке, попавшейся на траектории разящего удара. Вспоров одежду, клинок оставил глубокий порез, не смертельный, но довольно болезненный. Появилась кровь, расползаясь красным пятном. Рукав начал набухать. Эта боль отрезвила Эриха, и он успел перехватить запястье врага, не позволив ему нанести следующий удар, грозивший непредсказуемыми последствиями. Теперь, хрипя, противники боролись за нож, наклонявшийся то в одну, то в другую сторону. Их мышцы были напряжены до предела, вены на лбу вздулись. Несколько секунд ситуация менялась в пользу то одного, то другого. Затем вдруг неонацист сделал резкое движение, намереваясь совершить какой-то маневр. В тот же самый миг пришел в движение и Эрих, также рассчитывая провернуть некий прием. В результате центр приложенных сил кардинально сместился, руки противников переплелись, и острие ножа развернулось в неожиданном направлении. А затем наискось вонзилось в брюшину неонациста. Тот замер, будто жук, нанизанный на булавку. Эрих ощутил, как на его пальцы хлынула теплая и липкая жидкость. В ноздри ударил пахучий запах крови. Он немедленно отпрянул, вскакивая на ноги. Враг остался лежать на земле. Он не был мертв, но находился явно в неважном положении. И в сознании. Превозмогая острую боль, неонацист громко закричал, призывая на помощь соратников, ибо теперь ему стало не до церемоний. Эрих, недолго думая, пустился наутек, благо что колено ограничивало его движения уже не так, как прежде. Добивать повер-

женного врага он не собирался, равно как и оказывать ему помощь. Ведь и в том и в другом случае ему грозили одинаково плачевные последствия.

Все-таки ушиб ноги давал себя знать. Скорость Эриха существенно снизилась, поэтому он едва достиг ближайшего перекрестка, когда к раненому неонацисту поспел первый из двух соратников. И тут же, повинуясь услышанному пожеланию, ринулся за беглецом. Тот как раз скрывался в соседней улочке. Причем совершенно беспрепятственно, не встретив каких-либо собак, про существование которых он, честно говоря, впопыхах попросту забыл. Колено продолжало ныть, замедляя движения. Эрих не сумел убежать далеко и все еще находился в прямой видимости, когда на перекресток выскочил посланный за ним неонацист. Даже не просто в прямой видимости, а в опасной близости, учитывая поведение врага. Мгновенно прикинув расстояние, тот выхватил пистолет и навел его в спину беглеца. Хороший стрелок, он уверенно поражал и более сложные мишени. Эрих не видел, что преследователь вот-вот спустит курок. Казалось, песенка антифашиста спета, поскольку неонацист собирался стрелять боевым патроном, но тут произошло нечто совершенно немыслимое. Враг с пистолетом остановился на крышке люка, и этот люк неожиданно выбило вверх. Выбило настолько сильно, что стрелка, испустившего короткий отчаянный вопль, подбросило в воздух как мешок соломы. Из жерла люка ударил могучий столб пара, а сам люк с диким звоном и грохотом шлепнулся поодаль, прокатившись по тротуару огромной чугунной монетой. Кувырнувшись над проезжей частью, упал и кричавший неонацист. Ему здорово досталось напором испаренной воды, вырвавшейся откуда-то из подземных коммуникаций. Забыв про оброненный пистолет, преследователь утратил всякий интерес к персоне антифашиста, едва соображая от боли. Обернувшись на впечатляющий шум, Эрих, не сбавляя хода, лишь мысленно отметил фрагменты мизансцены, окинув взором столб шипящего пара и елозившего на дороге врага. Не выяснять же, что там вдруг приключилось, пусть и невероятно кстати! Особенно когда на грохот и вопли вот-вот объявятся встревоженные граждане. Рассудив столь разумным образом, антифашист, насколько мог, прибавил темп и вскоре оставил ошпаренного неонациста далеко позади.

На пустынных ночных улицах Эрих изредка встречал неторопливо проезжавшие автомобили. За все время стремительной погони таковых насчитывалось всего несколько штук — чуть больше, чем припозднившихся прохожих. И те и другие проявляли к беглецу и его преследователям довольно условный интерес, ограничи-

вавшийся осторожным любопытством. Автомобили не останавливались, двигаясь дальше. Пешеходы порой замедляли шаг и некоторое время смотрели вслед вихрем пробежавшим людям, а затем, пожав плечами, продолжали свой путь. На помощь ведь никто не звал. Мало ли кто, куда и зачем спешит. Такое взаимоотношение с окружающими устраивало как Эриха, так и его преследователей. Докучливое внимание граждан им было ни к чему, а уж появление полицейского патруля и вовсе грозило серьезными проблемами. Именно поэтому Эрих старался поменьше следовать открытыми, хорошо освещенными участками вроде мостовых и пешеходных дорожек, предпочитая газоны и затененные территории. Его преследователи придерживались схожего поведения, не устраивая бросающуюся в глаза облаву. Впоследствии они, в случае чего, всегда смогут дать блюстителям закона правдоподобное объяснение, если те вдруг изучат информацию с камер уличного видеонаблюдения и озаботятся некоторыми вопросами. Эрих же рассчитывал, что объяснений давать вообще не придется, поскольку он останется неопознанным. Инцидент с поножовщиной резко осложнил положение обеих сторон конфликта, а выбитый паром люк усугубил его еще больше. Уцелевший неонацист из недавней троицы уже не преследовал Эриха, оказывая помощь товарищам и дожидаясь прибытия машины. Она должна была забрать обоих пострадавших, пока тех не обнаружила полиция. Соратники предпочитали сами отвезти раненых в больницу, снабдив подходящей случаю легендой. В случае чего, подобные действия вполне могли быть оправданы нежеланием терять драгоценное время до прибытия скорой помощи. А там уж по обстоятельствам. Таким образом, в силу самых последних событий Эрих наконец-то сбросил "хвост" и уверенно покидал опасный район, никем более не останавливаемый. Надежда на благополучный исход, едва не испарившаяся во время недавней схватки, быстро возвращалась, окрыляя молодого человека еще больше, чем прежде. Спустя несколько минут, так и не заметив ни малейшего намека на преследователей, Эрих окончательно воодушевился. Пробежав для верности еще немного, он пересек наискось несколько чьих-то частных владений, выбрался на тротуар и наконец-то пошел шагом, переводя дух. Во-первых, ему требовалась передышка. Во-вторых, обычный пешеход не привлекает к себе лишнего внимания, а в положении Эриха это обстоятельство сейчас было на вес золота. Поножовщина и эпизод с люком существенно увеличивали вероятность появления полиции. Возможно, молодому человеку следовало бы затаиться в подходящем укромном месте и на улицы вообще не высовываться, однако против этого выступало одно очень веское соображение.

Эриху требовалось как можно быстрее вернуться домой, чтобы не разрушить заготовленное алиби. Держа в памяти тот парк, он без промедления направлялся именно к нему, однако теперь не со стороны сквера, а из другого квартала. Этот нехитрый маневр должен был уберечь его от потенциальной засады, ведь неонацисты вполне могли предположить пути отхода беглеца, основываясь на предыдущем опыте. И были бы правы, поскольку в сегодняшних обстоятельствах парк являлся еще более надежным убежищем, нежели в прошлый раз. Эрих не желал вызывать такси до тех пор, пока не пересечет большую зеленую зону. Чем дальше от эпицентра событий он сядет в машину, тем лучше.

Откуда-то послышался вой сирены. Эрих — все еще весь комок нервов — едва подавил в себе желание дать деру с мостовой в ближайшую тень. Законопослушные граждане так себя не ведут. Напрягая слух, он пытался определить, куда движется пронзительный звук, и вскоре, облегченно вздохнув, пришел к выводу, что не к нему. Полицейский патруль вполне может заинтересовать помятый вид ночного путника. Схватка с неонацистом оставила на одежде характерные следы. Эрих, как мог, старался скрыть их от случайного взора, но пятно крови и разрезы в одежде под одной лишь ладонью не спрячешь. Это, кстати, следовало принять во внимание и перед посадкой в такси. Озабоченный означенной проблемой, Эрих не обратил внимания на объявившийся в конце улицы автомобиль. Двигаясь с умеренной скоростью, тот ничем не выделялся от остальных — просто спокойно ехал, направляясь своей дорогой. Эрих только разок и обернулся на звук приближавшейся машины. До парка было рукой подать. Ему оставалось пересечь последний перекресток, миновать еще один квартал, и там наконец-то исчезнуть в тени деревьев.

Приближаясь к Эриху, легковушка постепенно сбавляла ход, не иначе как ввиду все того же перекрестка. До него оставалось ярдов десять, когда она поравнялась с пешеходом. Проехав чуть дальше, автомобиль уже выехал на поперечную полосу и вдруг, взвизгнув тормозами, резко остановился. В следующее мгновение послышался стук открывавшихся дверей. Эрих и глазом моргнуть не успел, как на него уставились дула сразу нескольких пистолетов. Трое выскочивших из салона людей взяли его на мушку.

— Стоять, ублюдок! — послышался полный холодной злобы приказ. — Шевельнешься — и тебе конец!

Эрих застыл, как вкопанный. Екнувшее сердце провалилось куда-то в пятки, а тело охватила предательская слабость. Давать деру на прицеле сразу трех пушек выглядело чистейшим безумием, тем более что особо и некуда. Поблизости не имелось никаких подхо-

дящих объектов, за которыми можно было бы укрыться. Загнанный антифашист стоял как мишень в тире, готовая получить сразу три пули. Даже если он совершит отчаянный рывок, первые выстрелы может и пройдут мимо, зато второй залп практически гарантированно его накроет. Эрих лихорадочно соображал, рискнуть или нет. Он догадывался, чем чревато попасть в руки этих молодчиков, но стоит ли погибать прямо сейчас, оставшись без хоть какого-то шанса как-нибудь спастись в дальнейшем?

— Держи его на прицеле, пока мы его берем! — велел один из неонацистов.

Воитель кивнул, не опуская оружие. Двое других, также не сводя пистолеты с беглеца, сделали шаг от машины. Эрих мысленно проклинал себя за то, что слишком рано позволил себе расслабиться. Это для всего остального мира он оставался неузнанным, а враги живо определили, с кем имеют дело, едва только очутились от антифашиста в достаточной близости. Описание его внешнего вида они успели получить по мобильной связи. Дело довершали пятна крови, окончательно убедившие неонацистов в правильной идентификации цели. Вероятно, они были очень уверены в себе, раз решили хватать Эриха прямо посреди проезжей части. Впрочем, сгорая от ярости, они могли уже не думать ни о видеокамерах, ни о случайных свидетелях. Полученный приказ велел брать поджигателя при любых вменяемых обстоятельствах. Если же полиция и увидит запись, как некие люди хватают неизвестного человека, заталкивают в машину и уезжают — пусть попробует определить участников этой сцены. К тому времени один из них будет мертв, а других прикроет отлично состряпанное алиби.

Все произошло в какую-то секунду. Преследователи не сделали и пары шагов, как вдруг раздался нарастающий шум мотора. Неонацисты машинально обернулись, пораженные внезапной близостью звука, но сделать что-либо еще не успели. Свирепо урча двигателем, в них на огромной скорости врезался большой черный внедорожник. Не просто врезался — прямо-таки снес, будто смахнул с доски шахматные фигуры. Столкновение было такой силы, что легковушку неонацистов смяло как консервную банку и кубарем швырнуло прочь. Водителя изуродовало вдавленной в него дверцей. Его спутников и вовсе разорвало на части чудовищной мощи ударом и острыми краями мгновенно лопнувшего, взлохматившегося железа. Они даже не успели закричать. Куски разодранных тел раскидало по всему перекрестку. Эриха, застывшего столбом, окатило фонтаном брызнувшей крови.

Кровь была повсюду. Растекаясь по проезжей части, она собиралась в лужи, струилась вдоль тротуара, лилась в дренажные

решетки. В ней купались обломки искореженной легковушки и фрагменты человеческой плоти с обломками костей. Эрих, парализованный жутким зрелищем, видел отрезанные пальцы, лежавшие в крови как окурки в дождевой воде. Оторванные головы прокатились будто футбольные мячи, оставляя за собой прерывистые красные дорожки. Из раздавленных туловищ вывалились внутренности. Чьи-то кишки размотались на десяток ярдов. В них запуталась нога в армейском ботинке. Другая же валялась поодаль, отброшенная в паре с рукой от плеча до локтя. Перекресток стал напоминать бойню из фильма ужасов. Немыслимое зрелище просто не укладывалось в голове. Казалось невероятным, что весь этот кошмар устроило всего одно единственное столкновение легкового автомобиля с внедорожником. Причем последний, судя по всему, отделался минимальными повреждениями. Иначе чем объяснить, что он стрелой пролетел перекресток даже не снижая хода. Подброшенная ударом легковушка грянулась на асфальт уже далеко позади него, а когда, катясь и разваливаясь на части, ее разбитые останки наконец-то замерли неподвижно, внедорожника и след простыл.

Когда Эрих пришел в себя, он даже не смог вспомнить марку машины, устроившей кровавую трагедию. Впрочем, сейчас он вообще едва соображал, до глубины души пораженный экстремальным происшествием. События нынешней ночи сменяли друг друга настолько быстро, что душевное здоровье молодого человека начало подвергаться серьезному испытанию. Наконец-то оторвав глаза от тяжкого зрелища, Эрих оглядел себя с головы до ног. Его затрясло. Затрясло и от уровня адреналина, превратившего руки в ледышки, и от увиденного. Он был заляпан кровью так, будто только что перерезал кому-то сонную артерию и искупался в разлетавшихся брызгах. На одежду, и без того пострадавшую в поножовщине, налипли какие-то мелкие частички. Опознав в них кусочки мяса и кожи, Эрих ощутил приступ тошноты. Едва сдержав позыв рвоты, он, пошатываясь, сделал несколько неуверенных шагов, и тут его слух поразили чьи-то громкие крики. Кажется, у места страшного ДТП появились свидетели. Должно быть, со стороны молодой человек выглядел поистине незабываемо. К его внешнему виду сейчас мог остаться безучастным только незрячий. Все остальные просто обязаны были проявить к Эриху самое неподдельное внимание. Одна мысль об этом живо привела его в чувство. Во всяком случае, настолько, чтобы он стартовал, что называется, сразу в карьер, подгоняемый вопившими инстинктами. Те прямо-таки заходились, требуя немедленно покинуть место преступления, которое наверняка припишут Эриху, если и не сра-

зу, так впоследствии. И в самом деле, кто поверит, что за рулем внедорожника не сидел кто-то из его сообщников? После всех сегодняшних подвигов слово антифашиста-поджигателя не будет иметь никакого веса ни для полиции, ни для суда.

Эрих даже не помнил как проделал последний участок пути между залитым кровью перекрестком и долгожданным парком. Возгласы людей, собиравшихся у разбитой легковушки, гнали его испуганной ланью, потерявшей голову от лая собак и гомона загонщиков. Перед глазами, на фоне несущегося навстречу ландшафта, стояли фрагменты деформированных тел, лежавшие в лужах крови. И продолжали стоять даже тогда, когда Эрих, окончательно выбившись из сил, плюхнулся на землю подле корней большого дерева. Его колотило, как в лихорадке. Весь план окончательно полетел к чертям. Вцепившись пальцами в волосы, Эрих даже не представлял, как теперь станет возвращаться домой. Он пробежал достаточно далеко через парк, чтобы не бояться немедленного появления полиции, однако нечего было и думать вызывать такси в таком виде. Если водитель не слепой, он в лучшем случае все-таки довезет его до запрошенного адреса, но почти наверняка известит полицейских о примечательном пассажире. И уж точно это сделает, едва заслышит о ночных событиях в районе неподалеку. Стуча зубами, старавшийся взять себя в руки Эрих решительно не знал, как ему выпутываться из создавшейся ситуации. Он даже не мог толком умыться. Воду в парке отключили до теплого сезона. Черпать ее из лужи пополам со льдом — это только размазывать кровь по одежде, а та и так выглядела изумительнее некуда. Будь у Эриха с собой мобильный телефон, он бы, наверное, придумал кому позвонить и позвать на помощь, чтобы этот кто-то приехал за ним на машине и забрал, не задавая лишних вопросов. Увы, привычное средство связи отсутствовало. Отправляясь поджигать логово неонацистов, Эрих оставил смартфон дома. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь отследил его перемещения — отличное выйдет доказательство, если сим-карта господина Сторма засветится возле особняка. А другой телефон аккурат на подобный случай Эрих припасти не догадался. Все-таки он не был профессиональным диверсантом, хотя сегодняшней ночью и достиг немалых успехов на этом поприще.

Чу! Где-то поодаль послышался звук похожий на тихий шелест шин. Скорее всего, это ветер шумел в ветвях или катил по газону жухлые листья, но воображение Эриха немедленно нарисовало патрульную машину, крадущуюся в полумраке парка. Полиция ведь уже наверняка прибыла на место ДТП и показания свидетелей просто обязаны были направить ее в сторону зеленой зоны.

Подскочив как заяц, молодой человек не стал выяснять природу услышанного шума и поспешил убраться прочь, прямо-таки спиной чувствуя направленные на него взгляды.

Когда впереди показалась граница парка с рядами уличных фонарей, Эрих едва не повернул обратно. Инстинкты гнали его подальше от света улиц — туда, где среди темной массы деревьев отсутствовало всякое освещение. Однако молодой человек уже соображал в достаточной мере, чтобы не поддаться на их настойчивые увещевания. Что с этого будет проку? Сидеть в кустах бесконечно долго — не самая лучшая идея, а уж если и выбираться из парка, то затемно, не дожидаясь рассвета. Нет, отставить панику! Следовало придумать какой-то выход, и Эрих, немного успокоившись, действительно наткнулся на неплохую мысль. Для этого ему пришлось проделать немалый путь, но он почувствовал некоторое облегчение, завидев издали уличный телефон-автомат. Расположенный на площадке у входа в парк, он казался воплощением добродетели, благословением небес. К счастью, у Эриха имелась при себе монета подходящего номинала, заботливо припрятанная в застегнутом внутреннем кармане. Покоясь там в гордом одиночестве, она не сопровождала все похождения владельца заливистым звоном, и сейчас должна была сыграть самую важную роль с тех пор, как ее отчеканили. Крадущимися шагами Эрих прошел к телефону и настороженно огляделся. Никого. Никто не увидит, как заляпанный кровью человек вышел из темноты и набирает чей-то номер. Лишь автомобили, припаркованные на другой стороне тротуара, были немыми свидетелями появления злополучного антифашиста. Вот и отлично! Протянув руку к трубке, Эрих в очередной раз мысленно повторил номер мобильного телефона. Монета была одна, и если он ошибется — пиши пропало. Он уже вытаскивал ее из кармана, когда неподалеку послышался отчетливый щелчок. Душа молодого человека снова ушла в пятки. Вздрогнув так сильно, будто его ударило током, он бросил перепуганный взгляд в направлении звука. Его глаза напряженно шарили в поисках источника странно знакомого щелчка, и вдруг обнаружили нечто совсем неожиданное. Это была приоткрытая дверца автомобиля. Казалось, она открылась сама по себе, поскольку управляющий сигнал с брелока владельца приводит совсем к другому результату. Замерев у телефона, Эрих таращился на поразительное зрелище, быстро соображая, нельзя ли извлечь из него какую-нибудь пользу. И вдруг услыхал совершенно отчетливые шаги, приближавшиеся к нему из глубины парка, причем шаги не одного человека, а сразу нескольких, доносившиеся с разных сторон. Теперь слуховая галлюцинация исключалась. Решение пришло молниеносно. Так и не

прикоснувшись к телефону, Эрих пулей пересек улочку, забрался на водительское сиденье открытой машины и прикрыл за собой дверцу. Сигнализации он не боялся — та бы уже сработала, когда замок с чего-то вдруг взял и разомкнулся. Сейчас внутри машины было безопаснее всего — здесь Эриха никто не увидит, а он вернется к телефону, едва только убедится, что вокруг все спокойно. Утерев со лба выступившие капли пота, молодой человек сполз на сиденье таким образом, чтобы стать наименее заметным снаружи. Его взгляд невольно уперся в баранку руля, пробежал по приборной панели и застыл на щели зажигания. Оттуда, слабо отливая в полумраке серебром, торчала головка вставленного ключа. Несколько секунд Эрих недвижно смотрел на этот подарок судьбы. Затем схватился за ключ и повернул. Мотор завелся с пол-оборота, разразившись тихим, ласкающим слух урчанием. Выжимая газ, молодой человек с ловкостью мангуста вырулил на улочку и быстро уехал прочь.

Эрих не мучился выбором, куда именно ему направиться. В сложившейся ситуации наверняка подходил только один адрес. Это была кирха пастора Берга. Все остальные попавший в передрягу антифашист решительно отмел. Домой в таком виде, учитывая дежурившего там полицейского, ему ни в коем случае нельзя, причем как в новую квартиру, так и в старую. Если Эрих сумеет не попасться на глаза наблюдателям — хорошо, а если нет, то это все равно что загреметь с поличным. Сейчас он выглядел так, что даже самый тупоголовый дознаватель сообразит, в чем тут дело, и сведет концы с концами. Вероятный риск и цена неудачи того не стоили. Собственно, по той же причине к друзьям Эрих также отправиться не мог. Самые доверенные, конечно, приютят его без лишних вопросов и окажут столь желанную помощь, да только где гарантия, что и за ними не следят? После восьми одновременно состоявшихся нападений полиция вполне способна установить наблюдение и за другими антифашистами, а не только за Эрихом. Антифашисты ведь тоже не все были белые и пушистые, так что у блюстителей порядка имелись некоторые основания воспользоваться законным случаем приглядеть за ними. Коллеги по работе тем более отметались как наименее надежные элементы. Гостиницы и мотели исключались однозначно — проще уж сразу добровольно сдаться властям. В итоге и оставался один лишь пастор Берг, благо что полиция пребывала в неведении касательно его общения с Эрихом. Старик, понятное дело, вряд ли обрадуется такому визиту, узнав о его причине, однако уж точно воспитанника не выдаст. А там и видно будет. Сейчас Эрих был согласен дать ему любое обещание, если пастор надумает выставить какое-

нибудь условие за свое участие.

До кирхи удалось добраться без приключений. Сдерживая нервные порывы, призывавшие давить педаль газа в пол, Эрих бдительно соблюдал скоростной режим, чтобы почем зря не засвечивать и без того угнанный автомобиль. Это же касалось и культуры вождения. Один резкий рывок или опасный маневр — и к нему вполне может оказаться неравнодушен ближайший патруль или оператор системы видеонаблюдения. Чего-чего, а только погони с мигалками и сиренами Эриху сейчас и не хватало, чтобы уж окончательно лишить себя всяких шансов на благополучный исход. Кроме того, чем позже полиция узнает про угон, тем дольше станет искать машину, которую уж точно не стоит оставлять у парадного входа. Вряд ли в ней спрятан навигационный маячок, учитывая безалаберность владельца в плане сигнализации и ключей в зажигании, но все-таки лучше не забывать про элементарную осторожность. Именно поэтому, немного не доезжая до кирхи, Эрих сделал поворот и заехал в укромный закуток. Он хорошо знал окрестности и заранее придумал, где припаркует автомобиль, обставив все так, будто его взяла покататься какая-нибудь шпана, да и бросила. Заглушив мотор, угонщик поневоле не стал доставать ключи из замка зажигания и даже решил оставить дверь такой же приоткрытой, какой и обнаружил ее сам. Если кто-то вдруг соблазнится забраться в салон, а то и вообще укатить, это ему будет только на руку. Старательно стерев отпечатки пальцев, Эрих покинул легковушку и удалился, на всякий случай прихватив покрывало с водительского сиденья. На него могли попасть частички крови или другого источника ДНК, а таких улик полиции лучше не дарить. Избегая освещенных мест, Эрих миновал последний участок пути и вскоре очутился у стен старинной кирхи. Он не опасался, что стражи порядка, все-таки обнаружив автомобиль неподалеку, свяжут угон сначала с кирхой, а затем и с ним. Подобное развитие событий полностью исключалось, пока полиция пребывает в неведении относительно его знакомства с пастором Бергом. А спустя время рядовое происшествие с машиной наверняка забудется, как мелкая шалость уличных хулиганов.

Домой к старику Эрих не пошел, хотя изначально подумывал именно об этом. Он не желал, чтобы тому досталось за укрывательство, если господина Сторма все-таки разоблачат. До официальных обвинений, учитывая возраст и род занятий наставника, вряд ли дойдет, но пастор Берг всяко не заслуживал расхлебывать кашу вместе с натворившим дел антифашистом. Кирха же — вполне нейтральное место. Если Эриха и повяжут, то доказать причастность старика будет куда сложнее. Рассудив именно таким

образом, молодой человек перестал испытывать угрызения совести и проследовал хорошо знакомым путем. То есть, как и в прошлый раз, через окно, которое по-прежнему оставалось закрытым, но незапертым. Кажется, это начинало входить в привычку. Очутившись в безлюдной кирхе, Эрих немедленно прошел в притвор. Там имелось все необходимое для того, чтобы он привел себя в порядок. Если с этим не затягивать, то еще можно успеть вызвать такси, добраться до дома и вернуться в квартиру незамеченным.

Притвор был ожидаемо пуст. Электрические лампы Эрих не включал, чтобы яркий свет в окнах кирхи не изобличал наличие припозднившегося визитера. Натыкаясь в полумраке на предметы интерьера, он, поругиваясь шепотом, нашарил подсвечник и коробок. Чиркнула спичка, выхватив из темноты лицо молодого человека. Язычок пламени лизнул два свечных фитилька, и вот уже по притвору разбежались причудливые тени. Поставив латунный канделябр на стол, Эрих перво-наперво умылся. Простая раковина и вьющаяся струйка воды из старого железного крана, с тихим стуком падавшая на ее дно, сейчас казались самыми лучшими достижениями цивилизации. С наслаждением утершись махровым полотенцем, висевшим на крючке рядом с раковиной, Эрих переключил внимание на свою одежду. Чистить и штопать тут было явно нечего, да и некогда. Требовалось полностью сменить наряд, благо что в закромах у пастора имелось вполне подходящее одеяние. Вот только надо отыскать, где именно. Открыв наугад первый шкаф, Эрих убедился, что тот завален чем угодно, но только не одеждой. Второй также не оправдал ожиданий, равно как и большой комод с едва выдвигавшимися, рассохшимися от старости ящиками. Эрих как раз облюбовал третий шкаф, как вдруг произошло нечто такое, что заставило его замереть. Грохнула входная дверь кирхи. Спутать с чем-либо этот гулкий звук, подобный выстрелу из пушки, было просто невозможно. В первое мгновение Эрих подумал, что это пришел пастор Берг. Кто еще кроме него мог открыть запертую дверь в это время суток? Только вот зачем старик явился через главный вход, когда он обычно использовал малый? Обеспокоенный Эрих еще раздумывал над подходящим ответом, когда на каменных плитах нефа отчетливо зазвучали чьи-то шаги. В голове немедленно вспыхнула и стала шириться тревожная мысль. Кажется, это отнюдь не пастор! Для одного человека шагов было слишком много, и сопровождались они каким-то подозрительным цоканьем. Изменившись в лице, Эрих напряженно вслушивался, пытаясь определить источник доносившегося шума. Его сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда он услышал низкое злобное рычание.

— Сюда! — прошипел чей-то голос, полный ненависти и змеиного яда. — Этот ублюдок укрылся в притворе!
— Спускай собак! — с точно такой же интонацией откликнулся кто-то еще. — Теперь он ответит за поджог и за все остальное! Теперь ему не уйти!
В следующую секунду подозрительный цокот стал в несколько раз чаще. Не иначе как его производили чьи-то лапы с большими когтями, скребущими по плитам пола, и владельцы этих лап стремительно приближались. Еще немного и… Опомнившись, Эрих метнулся к двери и заложил ее на внутренний засов. Крайне вовремя, поскольку с той стороны в деревянную створу ударилось что-то очень тяжелое и принялось биться в образовавшееся препятствие, отделявшее притвор от поперечного нефа. Теперь злобное рычание раздавалось буквально в упор, и кто бы его ни издавал, он был явно не один.
— Да, он там! — шипели подступавшие голоса. — Попался, голубчик!
У Эриха внутри все прямо-таки оборвалось. Выследили! Но как?! Проследили за угнанной машиной? Пустили по следу ищеек?! Да, наверное! Это они сейчас и рычат, наседая на дверь, сразу показавшуюся какой-то хлипкой и ненадежной. Здоровые, твари! Вон как тяжело бьются в створу! Ох, а может и машину Эриху неонацисты подсунули намеренно?! Чтобы он самостоятельно убрался подальше от эпицентра событий, и где с ним удастся расправиться без лишних свидетелей? От этой мысли молодого человека аж затрясло. В панике он даже не понимал, насколько бредовы все его предположения. Правда вряд ли кто-то стал бы его сейчас в этом винить, когда в дверь ломятся неведомые преследователи, точно осведомленные кто он и где. Железный засов издавал лязг и скрежет, отзываясь на производимые сотрясения. Пока четвероногие враги толкались и рычали, подоспели и двуногие.
— Открывай! — прошипел чей-то змеиный голос буквально в каком-то футе. — Сдавайся — и твоя смерть будет быстрой!
Вслед за этим в створу последовал могучий удар, от которого посыпалась известка. Эрих, ужаснувшись, попятился, не сводя взгляда с двери. Еще удар! Тени, отбрасываемые светом двух коптивших свечей, запрыгали как в кинокошмаре, принимая жутковатые очертания. У Эриха душа ушла в пятки, будто и впрямь вокруг него стала материализоваться всякая нечисть. Не иначе как перепуганное воображение играло с ним дурную шутку.

И еще удар! Дверь тряхануло так, что показалось, будто она вот-вот слетит с петель. Известка продолжала крошиться, с шуршанием оседая на пол. Насилу сообразив, что торчать столбом уж

точно нельзя, Эрих стремглав бросился к малому входу. Впрочем, на что он надеялся? Во-первых, тот оказался заперт, а ключа у него не имелось. Да и будь он открыт, преследователи уже проникли бы внутрь именно этим путем. Во-вторых, они наверняка караулят снаружи. Ведь только дурак вскроет парадный вход, но не позаботится перекрыть периметр с другими путями отхода. Эрих все еще бесплодно тряс дверную ручку, будто от количества попыток она все-таки смилостивится, как вдруг с обратной стороны и этой двери тоже раздалось низкое рычание. У загнанного молодого человека кровь отлила от лица, когда в замочную скважину проникли шипящие слова:

— Не уйдеш-ш-ш-ш-шь!

Шарахнувшись назад, Эрик опрометью метнулся обратно ко входу в притвор. То, что он увидел, неожиданно напомнило ему кошмарный сон, привидевшийся после эпизода с разукрашенными автомобилями неонацистов — рвущиеся внутрь псы и расшатанная дверь, слетающая с петель. Теперь этот кошмар самым непостижимым образом становился явью! Собаки, заходясь от злобы, действительно силились проникнуть в притвор, а входная дверь уже выступала из пазов. Ее петли едва держались на обнажившихся болтах, со скрежетом раскачиваясь взад-вперед. Поддержать ее своим телом и ждать, пока кто-нибудь явится на производимый шум? Вряд ли это поможет. Кажется, преследователи уже вскрывали малый вход в кирху. Вскоре они зайдут оттуда и тогда… Эриха опять затрясло. Может быть, выпрыгнуть в окно? Нет, от спущенных собак не убежишь. Эрих затравленно огляделся, чувствуя, как его охватывает неконтролируемая паника, и вдруг неожиданно заметил едва заметный отблеск света, на который прежде умудрился не обратить внимания. Он исходил со стороны винтовой лестницы, ведущей в подвал. Недолго думая, Эрих во всю прыть припустил туда. Выбора у него не оставалось, а дожидаться чем кончится штурм притвора явно не стоило.

В подвале было светло. Не иначе пастор Берг забыл выключить электричество, которое и производило то самое крайне кстати замеченное свечение. Эрих как раз ступил в сводчатый коридор, как сверху послышался внушительный грохот. То наконец-то сорвалась с петель вышибаемая дверь. Преграда пала, и враги проникли внутрь. Охваченный первобытным страхом, обычно храбрый Эрих в отчаянии стал трясти все двери подряд, но те не поддавались. Он проверял их одну за другой, слыша, как по лестнице уже бегут вниз огромные собаки. Неужели вот так все и кончится?! Неужели ему суждено быть растерзанным псами в том самом месте, которое он всегда считал самой спокойной гаванью в

своей жизни?! Схватившись за ручку железной двери, Эрих рванул ее что было мочи. Попытка была последней. Собаки, заходясь лютым рычанием, уже выбегали в подвальный коридор. На ощупь ручка показалась странно теплой, но Эрих не обратил на это никакого внимания, как не обратил его и на ключ, торчавший в замочной скважине. Дверь неожиданно отворилась так легко, словно и не весила целую тонну. Упрашивать себя загнанный антифашист не заставил. Ужом юркнув внутрь, он захлопнул створу и придавил ее всем своим весом. Затем, нащупав в темноте характерный выступ, повернул до отказа внутренний запор.

Выключатель сыскался совсем рядом. Нашарив его ладонью в каком-то футе от входа, Эрих зажег свет, озаривший просторное помещение. С первого же взгляда становилось ясно, что беглец оказался в безопасности. Во всяком случае, на время. Из коридора в железную дверь вовсю скреблись собаки, но та выглядела настолько прочно, что вышибить ее можно было только тараном, да и то спустя несколько часов немалых усилий. Эрих не задумывался о причинах появления такой внушительной двери в подвале кирхи. Он лишь радовался этому чрезвычайно удачному обстоятельству. Прямо-таки спасительному, можно сказать, обстоятельству. Вполне убедившись, что с этой стороны ему сейчас ничего не грозит, Эрих оставил дверь в покое и стал осматривать помещение, в которое попал. Выглядело оно довольно примечательно.

Стены, пол и потолок подземной комнаты были исписаны бесчисленными надписями на латыни, большими и малыми. Они вились и переплетались, образуя сложные узоры, наслаивались друг на друга, а порой выглядели и вовсе сюрреалистично. Благодаря пастору Бергу, Эрих немного знал этот мертвый язык, присущий служителям церкви, врачам и людям науки, но он решительно не понимал ничего из написанного, выхватывая лишь отдельные слова. Впрочем, он не особо и пытался, поскольку внимание молодого человека привлек центр помещения. Надписи и странные рисунки, как на стенах, так и на железной двери сразу отошли на второй план, когда Эрих узрел примечательный оптический эффект. Казалось, воздух в середине комнаты колебался, как бывает в сильную жару, испуская слабое свечение неопределенного спектра. Этот оптический эффект начинался от пола и заполнял все пространство до потолка, а в диаметре насчитывал несколько ярдов. Эрих, уж на что был еле живой после всех потрясений, невольно заинтересовался необычным явлением. Подойдя ближе, он стал медленно обходить его вокруг, всматриваясь в дрожавший воздух. Причина такого эффекта оставалась совершенно непонятной, однако вскоре Эрих заметил еще кое-что лю-

бопытное. В подземной комнате было совершенно пусто, не считая его самого и оптической аномалии в центре, но если смотреть через колебавшийся воздух, то в двух местах наблюдались очевидные отличия. Возле двери лежало несколько пожелтевших коробок, а строго напротив нее стояла чья-то статуя с опущенными крыльями. Удивленный, Эрих сделал несколько кругов, глядя в аномалию то так, то эдак, прежде чем убедился, что ему отнюдь не мерещится. Это было необъяснимо. Предметы, которые очевидным образом отсутствовали, явственно прослеживались сквозь слегка волновавшееся пространство в центре комнаты. Эриха одолело нездоровое любопытство. Нерешительно потоптавшись на месте, он набрался храбрости и сунул кончик пальца в колеблющийся воздух. Ничего страшного не произошло. Осмелев еще больше, молодой человек ввел туда ладонь, а затем и руку по локоть. Никаких пагубных последствий. Гм, занятно. Сквозь оптический эффект статуя выглядела как настоящая, хотя на деле ее не существовало. Эрих даже не поленился и проверил якобы занимаемое ей место — пустота. Неужели пастор Берг, это с его-то привычками и отношением к современной технике, ставит эксперименты с голограммами? Молодой человек озадаченно почесал в затылке. Нет, как-то не похожа статуя на иллюзию, пусть даже мастерски наведенную. Внимательно изучая каждую деталь, он был готов поклясться, что изваяние реально. Интересно, а что будет, если пойти к ней по прямой, наблюдая ее через центр комнаты? Скажете, дурная затея? Мол, не изображай из себя конченого идиота как во второсортном фильме ужасов, и не лезь куда явно не надо? Эрих невольно усмехнулся. Чем он рискует? Ведь с его рукой ничего не случилось. Температура и плотность дрожавшего воздуха соответствовали окружающей атмосфере, реактивные испепелители не активировались. Если же здесь присутствовало какое-нибудь излучение или радиация, то без разницы, где стоять — в центре или рядом. Немного поразмыслив, молодой человек нашарил в кармане монетку, так и не опущенную в телефон-автомат. Подкинув ее на ладони, он бросил металлический кругляшок в дрожавший воздух. Монетка без всяких эксцессов миновала центр комнаты и шлепнулась в основании статуи, звякнув на каменном полу. Осталось неизвестным, сделал бы Эрих то, что после этого сделал, если бы сначала обошел центр комнаты и посмотрел, на месте ли брошенный им предмет, но он не увидел необходимости утруждать себя подобным образом. Возможно, сыграло роль несколько неадекватное состояние, в котором он пребывал после ночного поджога и последующей погони. Как бы там ни было, Эрих шагнул в колебавшееся пространство, испускавшее

слабое свечение, и направился прямиком к статуе. Никаких видимых последствий не приключилось. Молодой человек внутренне сжался, ожидая какой-нибудь каверзы, однако преспокойно миновал центр комнаты и продолжил движение, не отводя взгляда с крылатого изваяния. Оно никуда не делось. Не веря своим глазам, Эрих неторопливыми шагами приблизился к нему в упор и остановился, боясь моргнуть. Казалось, стоит ему сомкнуть веки — и статуя немедленно исчезнет, как и подобает оптической иллюзии. Все больше и больше изумляясь, Эрих протянул руку, и его пальцы наткнулись на холодный шероховатый мрамор.

Опешив, молодой человек не сразу осознал, что ему отнюдь не мерещится. Он окончательно убедился в существовании статуи лишь тогда, когда ощупал ее самым тщательным образом. Что за чудеса? Откуда она вообще взялась?! Эрих обернулся, словно ища ответа на свой вопрос, и обнаружил, что странное волнение воздуха исчезло, зато теперь у железной двери виднелись невесть откуда объявившиеся коробки. Ничего не понимая, Эрих несколько раз обошел помещение, озираясь по сторонам. Затем приблизился к двери и неожиданно понял, что шум с той стороны утих. Больше никто не скарапался и не рычал, да и вообще из коридора не доносилось никаких признаков жизни. Положив ладонь на дверную ручку, все так же отзывавшуюся теплом, будто в нее был встроен обогреватель, Эрих напряженно прислушивался, стараясь уловить какие-нибудь звуки. Прошло около четверти часа, прежде чем он решился и осторожно отомкнул дверь, готовясь в любой момент захлопнуть ее снова.

Пойти на такой риск у молодого человека имелись определенные основания. С чего бы вдруг преследователям затаиться тише воды ниже травы, если добыча прекрасно осведомлена об их присутствии? Желая до нее добраться, они, не располагая неограниченным запасом времени, просто обязаны были ломать преграду, а не прятаться в засаде. Внезапно изменившееся поведение врагов имело только одно наиболее рациональное объяснение — их кто-то спугнул. Стало быть, путь свободен, а раз так, то Эриху еще не поздно покинуть кирху и добраться до дома.

Высунув нос наружу, дрожавший от напряжения антифашист удостоверился, что коридор пуст. Похоже, его предположение и впрямь соответствовало действительности. Приоткрыв дверь, он неслышной тенью выскользнул из помещения со статуей и крадучись проследовал к лестнице. Затем, убедившись, что сверху не доносится ни единого подозрительного звука, стал подниматься по ступенькам, готовясь в любой момент задать стрекача. О странностях подвала Эрих уже не думал. Сейчас надо было

выбираться, а расспросить о них пастора Берга можно как-нибудь позже.

С первого же взгляда было ясно, что неонацисты хорошенько успели похозяйничать в притворе. Часть мебели оказалась зачем-то переставлена, многие вещи лежали не на своих местах. Одни и вовсе исчезли, а другие, наоборот, появились. Ну и дела... Решив не зацикливаться на изменившейся обстановке, Эрих подошел к тому шкафу, который не успел осмотреть, и открыл дверцы. Он ведь все еще был в окровавленной одежде, и ему по-прежнему требовалось сменить наряд. На этот раз его поиски увенчались успехом. Шкаф оказался увешан различными предметами гардероба. Выудив несколько вещей, Эрих нашел их какими-то совсем уж старомодными, но выбирать не приходилось. Наскоро переодевшись, он затворил шкаф и убрал свои перепачканные шмотки в кстати подвернувшийся холщовый мешок. От них обязательно надо избавиться. Молодой человек покрутил головой, размышляя, куда бы лучше всего спрятать до поры окровавленные улики, и вдруг застыл на месте, как громом пораженный. Притвор наполнял свет, лившийся из окон. Дневной свет. А ведь на улице все еще должна быть ночь! Выскочив из подвала, Эрих как-то сразу этого не осознал. Неужели он и сам не заметил, как просидел внизу несколько часов?! Да быть такого не может! Если, конечно, он не тронулся умом после всех нервных потрясений. Забыв про мешок, Эрих неуверенной походкой вышел из притвора, миновав совершенно целехонькую дверь, словно ту вовсе и не выбивали. Это обстоятельство он тоже отметил лишь как-то между прочим. Все-таки посадить ее обратно на петли было куда проще, чем ускорить восход солнца.

В кирхе царило странное запустение. Казалось, в ней уже какое-то время никто не бывал. Кругом тонким слоем лежала неубранная пыль с видневшимися отпечатками чьих-то ног. Некоторые лавки были криво сдвинуты, на напольных канделябрах висела паутина. Все выглядело так, будто службы здесь давно не проводились, да и всей кирхой не особо и пользовались. Эрих, однако, как-то даже не обратил на это внимания, целиком поглощенный метаморфозой со временем суток. Дойдя до главного входа, он толкнул массивную дверь. Та словно нехотя подалась, отозвавшись металлическим лязгом. Звук шел снаружи. Это упала на каменные плиты железная цепь, покрытая налетом ржавчины, увлекая за собой навесной замок с распахнувшейся дужкой. Выступив из полумрака кирхи, Эрих некоторое время невольно щурился на яркий дневной свет, заливавший всю округу. Когда же он наконец-то осмотрелся, то его лицо окаменело, а глаза вылезли из ор-

бит. В золотистых солнечных лучах, щедро струившихся с чистого голубого неба, на ближайшем фонарном столбе красовалось огромное красное полотнище с черной нацисткой свастикой.

– 4 –

Совещание открыл старший. Тот, что командовал нападением на Еву, а впоследствии руководил засадой на ночного гостя, обернувшейся столь вопиющим провалом. Вид у старшего был мрачнее некуда. Он, казалось, не смотрел ни на кого из соратников. Его взор либо блуждал по внутреннему убранству помещения, либо смотрел куда-то сквозь находившихся в нем людей, сфокусированный на чем-то своем, далеком и недоступном собеседникам. Впрочем, остальные присутствующие на собрании также не рассматривали друг друга, словно стеснялись встречаться взглядами. Улыбками они не лучились, да и вообще вели себя не столько сдержанно, сколько подавленно, будто сегодня проходил конкурс на самого унылого члена организации. В основной массе все это были молодые люди от двадцати до тридцати лет, за исключением троих, двоим из которых насчитывалось за сорок и одному даже за пятьдесят. Старший к ним не относился. Ему недавно стукнуло двадцать девять, а руководящий пост он занял благодаря организаторским способностям, сообразительности и отличной выдержке. Немало успешных акций он провел со своими бойцами, и практически все они прошли без сучка, без задоринки. Действуя очень умело, его бригада никогда не оставляла значимых улик и без необходимости не светилась. Показательные уличные выступления, по-своему полезные, но практически безопасные для исполнителей — это по части других. Старший руководил по-настоящему серьезными операциями, и до сих пор его люди никогда не давали осечек. До сих пор. Неудача — это было мягко сказано, поскольку даже слово "провал" и то едва ли подходило в сложившихся обстоятельствах. Однако возникшая проблема виделась старшему отнюдь не там, где всем остальным. Она заключалась не столько в последствиях, сколько в предпосылках.

— Причина, по которой я собрал вас здесь, более чем серьезна, — заговорил старший, по-прежнему ни на кого особенно не глядя.

В принципе, он мог бы и не начинать с такого вступления. Открывать истину подобным красноречивым образом способен сам Капитан Очевидность. Но то была лишь первая фраза, адресованная соратникам, приглашенных старшим на встречу лично. Вторая заключала в себе самую суть, ради которой он шел на немалые предосторожности, ограничивая круг присутствующих.

— Я полагаю, нас хотят подставить, — заявил старший ровным голосом.
Воцарилась тишина, нарушаемая только стрекотаньем настенных часов да внешними шумами, доносившимися через звукоизоляцию. Собравшиеся наконец-то переглянулись. На их лицах стало расплываться заметное недоумение.
— Погоди-погоди, Отто! — воскликнул один из молодых людей. — Что ты такое говоришь? Мне казалось, мы собрались из-за недавней операции!
— Именно так, — кивнул старший. — И я считаю, ее провал вызван тем, что лично я называю предательством, — пояснил он тоном, где, несмотря на ровные интонации, отчетливо сквозила холодная ярость.
Присутствующие снова переглянулись, окончательно сбитые с толку. Они полагали, что Отто проведет некий "разбор полетов", чтобы выявить совершенные ошибки и установить ответственных. Будучи сам в ответе перед руководством организации, лидер крыла боевиков был обязан навести порядок в подчиненной ему структуре и доложить наверх. А там уж решат, как поступить с проштрафившимися членами, включая их старшего. Услышанное пустило мысли собравшихся по новому руслу, причем еще не образовавшемуся. Его быстрому формированию стал помогать Отто.
— Вы не задались вопросом, почему я пригласил на это собрание только вас, и пригласил лично? — осведомился он. — Многих ведь здесь нет, причем таких, кого я, по логике вещей, был бы обязан позвать в первую очередь.
Замечание соответствовало действительности. Отсутствие нескольких важных функционеров и уважаемых лиц представлялось несколько странным, как и место встречи. Для него Отто облюбовал ангар в промышленной зоне, где обычно хозяйничали оптовики и разгружались многочисленные фуры. Круглосуточная людность места оборачивалась неплохой маскировкой. Здесь, среди постоянного оживления и гула моторов, можно было отлично затеряться. Ангар неонацистов, оформленный на кого-то из родственников доверенного члена группировки, разделялся на техническую, складскую и офисную зоны. В технической умельцы занимались транспортом и изготавливали различные полезные приспособления, способные причинить недругам массу неприятностей. Складская вмещала в себя всякую всячину. Офисная прекрасно подходила как для отдыха служащих, так и собраний.
— Я пригласил только тех, кому доверяю, — произнес старший, то ли не дождавшись ответа на свой вопрос, то ли изначально считая его риторическим. — У меня есть основания полагать, что в нашей

организации находятся агенты неких враждебных сил. Один или несколько — я не знаю, но чем больше их влияние и авторитет, тем большую опасность они представляют.
— Отто, откуда у тебя такие мысли?! — наконец не выдержал кто-то из собравшихся. — У тебя, случайно, не разыгралась мания преследования? Все мы удручены произошедшим, и по головке нас за это точно не погладят. Однако если ты боишься взысканий или даже смещения с поста, это не повод открывать охоту на ведьм.
— То есть, по-вашему, только мне не кажется нормальным, что поджигателю удалось ускользнуть? Обстоятельства его появления и преследования набиты таким количеством странных случайностей, что в совокупности они делают всю историю абсолютно неправдоподобной, — едко произнес старший. — Промахи, осечки пистолетов, травмы наших людей, стаи собак, какие-то нелепые помехи, будто сама природа пришла на выручку тому ублюдку, и, наконец, ужасная гибель наших соратников в ДТП — не слишком ли всего много в одной корзине? Прошу прощения за грубость, но если кто-то и впрямь воображает, что столкновение, унесшее жизни троих наших ребят, было случайностью, то он просто идиот!
Поднявшийся ненадолго гомон быстро утих. Собравшиеся озадаченно принялись обдумывать аргументы Отто, предъявленные им с неожиданной стороны, и предъявленные все вместе, что автоматически представляло всю ситуацию в ином свете. Отто, само собой, не скупился на комментарии, давая слушателям свое объяснение каждого эпизода. Взять хотя бы огнестрельное оружие. Что может быть проще: подсунуть боеприпасы с испорченными капсюлями. Даже над пистолетом колдовать не надо — следы постороннего вмешательства окажутся слишком заметны. А вот если снарядить бойцов дефектными патронами, это вполне можно списать на брак производителя. Согласитесь: один не состоявшийся выстрел — еще куда ни шло, но когда речь идет едва ли не о десятке — это уже ни в какие ворота!
— Еще скажи, что тот выброс пара также кто-то подстроил, — проворчал один из неонацистов.
— Доказательств нет, — немедленно отозвался старший. — Только вот незадача: коммунальные службы никаких поломок в том районе не зафиксировали. Я подсуетился и сумел получить доступ к их отчетам за означенный период. Ни-че-го! Никаких прорывов теплоснабжения и прочего в том же духе. Каким же тогда образом едва не сварился заживо наш товарищ?
— Каким? — послышался машинальный возглас.
— Понятия не имею, — резко заявил Отто. — Повторюсь: доказа-

тельств нет. Но если вы не верите в чудеса, тогда я бы не стал отмахиваться от столь невероятного события так же, как и в случае столкновения автомашин. Там, кстати, доказательства тоже отсутствуют!
— В смысле? — оторопели присутствующие.
— В прямом, — прищурился старший. — У нас в государственных структурах есть свои контакты. Не такие, как хотелось бы, но есть. В особо важных случаях можно получить доступ к определенной информации. И я ее получил.
Отто на некоторое время умолк, то ли ожидая вопросов, то ли просто собираясь с мыслями, поэтому присутствующие были вынуждены его окликнуть, требуя подробностей.
— Их нет, — продолжил старший таким тоном, словно читал студентам лекцию на основе учебника по криминалистике. — Ни номера черного внедорожника, ни даже его марки. Камеры вообще не фиксировали его появление вплоть до того момента, как он сбил наших ребят. И потеряли его из виду, едва он покинул место ДТП. А из этого следует только один логичный вывод.
— Какой? — все еще недоумевали слушатели, растерянные дальше некуда.
— Кто-то подчистил данные! Стер файлы, подменил их пустышками! — воскликнул старший, вскинув руки не столько от возмущения самим фактом аварии, сколько от тупости соратников. — Или вы и впрямь воображаете, что огромная тачка могла объявиться из ниоткуда и в никуда же исчезнуть?! О да, полиция только и делает, что выслеживает призраков! И при этом ведет себя как ни в чем не бывало! Стало быть, либо ее данные правдивы, либо, что куда вероятнее, их кто-то изменил. Кто-то имеющий доступ и соответствующие полномочия.
— Тогда выходит, что наши враги опаснее, чем мы думали, — глубокомысленно заключил один из присутствующих. — Что мы их недооценили. Этот ублюдок действовал не один. Действовал с хорошим прикрытием.
— Прикрытием, которое обеспечил ему кто-то из наших! — сжав кулаки, зло выпалил Отто.
— Я в жизни не поверю, что парней задавил кто-то из своих! — возмущенно выпалил крепкий двадцатилетний юноша, вскакивая со стула. — Среди нас таких подонков нет!
— Среди вас, надеюсь, действительно нет, — ответил старший, обратив на него смягчившийся взор. Насчет остальных не уверен. Кроме того, я не сказал, что исполнителями были какие-то члены нашей организации. Однако я просто уверен, что убийц навел агент, внедрившийся в наши ряды! Хорошо осведомленный агент,

со связями и влиянием. Осведомленный не только об этой операции, но и участвовавшей в ее подготовке. Хуже того — приведший к самой возможности ее появления, к ситуации ее породившей.
— О чем это ты? — вновь опешили все присутствующие.
Они только начали было проникаться подозрениями Отто, как тот вновь их огорошил дальше некуда.

Карательная операция, преследовавшая цель не только наказать неизвестного вредителя, разукрасившего отличные машины, но и выманить его из берлоги, с самого начала пошла как-то слишком гладко. Автора идеи Отто не знал. Она пришла откуда-то сверху, как решение руководства. Процесс получения сведений об объектах предстоящего нападения изобиловал удачным стечением обстоятельств. Если бы не эти обстоятельства, неонацисты еще долго провозились бы с установлением личностей, а тут им масса подробной информации досталась едва ли не как на блюдечке. Сама карательная операция, осуществленная с личным участием Отто, прошла в наилучшем виде. Практически одновременный захват всех восьми целей, их "обработка" и последующий "сброс" выглядели просто идеально. Здесь-то и начинались странности, на которые Отто сначала не заострял внимания. Неонацистам не удалось бы выманить из дома как минимум двух жертв. Вмешался случай, невероятно кстати сыгравший им на руку. В том числе с еврейкой, перехваченной на пробежке. Дальше — больше. Тут и оказавшийся в опасной близости полицейский патруль, вдруг спешно уехавший на задание, и полицейская же машина, поцеловавшая столб из-за отказа тормозов. Что уж говорить про отключившееся освещение в области похищения одной из целей и про навравший навигатор. В результате его ошибочных показаний звено неонацистов свернуло не туда, и именно поэтому избежало огромной пробки. Сводя эти факты воедино, Отто все больше удивлялся, однако по-настоящему он заподозрил неладное позднее, когда заполучил копии с полицейских отчетов. То, что в них фигурировало, заставило его несколько раз перечитать присланные документы и даже запросить новые. Уже сами по себе они производили неизгладимое впечатление, хоть и не позволяли сделать однозначного вывода. К нему Отто пришел лишь тогда, когда соединил вместе детали карательной акции с поджогом особняка. Напрашиваться стал он только один — предательство, имеющее вероятной целью подставить организацию, впутав ее в какую-то хитрую игру.
— Что там такого в этих документах, что ты делаешь столь вопиющее и категоричное заключение? — не выдержал кто-то из

слушателей пространного повествования. — Все, что ты сейчас сказал, бесспорно заставляет призадуматься, однако лично я не вижу достаточных оснований для твоей версии.
— Вы хорошо помните как мы провернули ту акцию? Какие требования к ней предъявлялись и что мы в результате учинили? — мрачно осведомился Отто.
— Еще бы не помнить, — усмехнулся крупный, но очень подвижный молодой человек. — Я еще тогда пожалел, что мы не позабавились с той девицей.
— А кто-то все-таки позабавился! — холодно отчеканил старший. — И не только с ней.
— ЧТО?! — оторопели все присутствующие. — Не может быть!
Но выяснилось, что может. Сначала соратники поставили слова Отто под сомнение, учитывая вопиющее содержание услышанного, однако тот заявил: кто ему не верит, пусть прогуляется в больницу к жертвам нападения. У врачей все зафиксировано, а кое-что можно увидеть собственными глазами. Например, Звезду Давида на лбу еврейки, появившуюся там уж всяко не саму по себе.

Когда до присутствующих дошло, что Отто и не думает их разыгрывать, они затаили дыхание, боясь упустить подробности его рассказа. И было отчего, ибо по всему выходило так, будто кто-то поработал над жертвами после них, причем поработал весьма впечатляюще. Во-первых, их изнасиловали. Всех, независимо от пола. Во-вторых, на телах были оставлены различные клейма. Не просто оставлены — выжжены неким необычным, не установленным экспертом способом. Воздействие высокой температуры было налицо, а раскаленный предмет, контактировавший с телами пострадавших, не оставил даже атома своего присутствия, не вписывающегося в законы материи. Да, боевикам Отто была известна национальная принадлежность девушки по имени Ева, да и не только ее. Тем не менее, при всем презрении и ненависти к унтерменшу, исполнители получили четкие инструкции, не допускавшие каких-либо эксцессов на расовой почве. Им требовалось совершить показательную акцию против антифашистов, а не спровоцировать грандиозный скандал. Однако некто посчитал, что изначального плана недостаточно для задуманного эффекта, и внес в него свои коррективы. Некто хорошо осведомленный о карательной операции. Осведомленный настолько, что быстро и оперативно закончил начатое людьми Отто, да так, что и сам Отто узнал об этом далеко не сразу, да и то скорее случайно. В прессу ведь карательная акция не попала. То ли власти не хотели придавать огласку скандальному инциденту, особенно на фоне растущих проблем с приезжими из других стран, то ли здесь оказал влияние могуществен-

ный покровитель неонацистов. Как бы там ни было, дальше закрытого полицейского расследования дело не пошло, поэтому к нему-то Отто и обратился, желая узнать чем располагает следствие.

Когда старший закончил, слушатели погрузились в глубокое молчание. Правота Отто становилась очевидной: теперь списать все на случайность мог только полный идиот. Любой мало-мальски здравомыслящий человек был просто обязан увидеть в произошедших событиях нечто очень неладное. Сами по себе обе истории выглядели вроде бы обособленно. Да, провалившаяся засада, закончившая поджогом особняка и гибелью троих членов организации, наводила на определенные размышления. Карательная акция, с учетом ее доселе неизвестных подробностей, также сейчас представлялась несколько в ином свете. Однако есть ли в них та связь, о которой толковал Отто? Тот был категоричен. С его точки зрения, некое лицо затеяло серьезную провокацию, преследуя неизвестную пока цель. Возможно, изуродованные машины действительно являлись случайностью, но цепь дальнейших событий складывалась в зловещую закономерность. Некто очень влиятельный, кто был в курсе дел организации, повысил градус карательной операции в несколько раз, и вряд ли это была случайная прихоть. Куда вероятнее — тщательно срежиссированный план. Реакция на его первую фазу последовала серьезнее некуда: сожженный особняк, гибель членов организации и прочие прелести набиравшего обороты конфликта. Только реакция ли? Скорее, вторая фаза плана, подготовленная тем же лицом или лицами. Она втягивала организацию в нечто очень серьезное. Ее члены будто становились пешками в чужой игре, где дивиденды получит некто неизвестный, а остальные в лучшем случае продолжительный тюремный срок. Не исключено, кто-то из представителей власти решил набрать очки на им же устроенном спектакле, либо же организацию неонацистов используют для устранения неугодных. Выдадут это за столкновение на идейной почве, а затем сольют за ненадобностью. Да, лично он, Отто, готов взять в руки автомат и поставить на место вконец обнаглевшие отродья, заполонившие Германию, но только не тогда, когда его держат за идиота; за шестерку, которой пожертвуют в чьей-то закулисной интриге, не исключено что и вовсе не относящейся к идеалам неонацистов. Полиция до сих пор опрашивала членов организации только в связи с пожаром в особняке, и в этом Отто также видел скрытое влияние неизвестного лица. Тот будто намеренно не дает делу хода, вознамерившись накалить страсти до состояния взрыва. Взрыва с неизвестной всем невольным участникам целью, и от этого с со-

вершенно непредсказуемыми последствиями.

Теория Отто выглядела слегка безумной, однако, по здравому размышлению, и до последнего тупицы из присутствующих дошло, что дело тут в любом случае нечисто.

— Хорошо, что ты предлагаешь? — наконец спросил один из ближайших товарищей старшего. — Ты уже поставил в известность руководство?

— Ни в коем случае! — поднял палец Отто. — И вам запрещаю! Разве вы ничего не поняли? Как минимум один из его состава и есть предатель. Если не хуже. А ну как мы известим как раз нашего оборотня? Нет, тут надо действовать иначе.

Да, старший был сегодня гвоздем программы. Вновь завладев неподдельным вниманием слушателей, он разъяснил, как им следует поступить.

По мнению Отто, неонацистам, душой и телом преданным их движению, требовалось установить личность ночного гостя. Не для того, чтобы покарать его за содеянное, хотя и про это, безусловно, не следует забывать. Отто был убежден, что только через неуловимого поджигателя они сумеют кратчайшим путем выйти на заказчика. То есть на того, кто снабдил диверсанта подробными инструкциями, а также обеспечил ему не только прикрытие, но и снаряжение. Не исключено, что заказчик и оборотень в рядах неонацистов одно и то же лицо. Так или иначе, ниточка начнет виться и куда-нибудь, да приведет. А там уж и видно будет к кому именно. Как бы там ни было, без прямой наводки изнутри организации поджигатель в принципе не сумел бы провернуть свою диверсию и выйти сухим из воды. И вот почему. Поджег был организован мастерски. Тот, кто его спланировал, должен хорошо знать внутреннее устройство особняка, ибо огонь распространялся максимально быстро, занимаясь в самых критических местах. Вентиляция раздувала пламя с космической скоростью, направляя его через воздуховоды по всему дому. Диверсант использовал не какую-то там простую смесь, которую способен раздобыть практически любой. Учитывая жар и стремительный рост очагов возгорания, он был вооружен каким-то боевым составом, не иначе как со складов армейских спецподразделений. Отто не располагал результатами экспертизы с пожарища, но лично присутствовал на пожаре и видел происходящее собственными глазами. Крыша особняка рухнула еще до прибытия пожарных расчетов. Рухнула с таким ужасающим треском, будто ее пожирало пламя самого дьявола. К небу тут же взвился огненный вихрь, осветивший окрестности гигантским факелом. Оставалось только порадоваться, что находившиеся внутри люди успели выскочить. Пожар сожрал все хоть мало-

мальски горючее, а то, с чем не справились его жадные языки искорежилось и оплавилось. Отто видел во что превратились несгораемые шкафы, прозванные таковыми, кстати, отнюдь не для красного словца. Искореженные листы железа, лопнувшие по швам, язвившиеся дыры в корпусах и до пепла уничтоженное содержимое говорили сами за себя. А сейф? Кто-нибудь знавал случаи, когда тяжелый корпус из специального сплава подвергался настолько мощной деформации? Температура, способная оставить такие примечательные следы, должна быть просто запредельной, и какая-то там бутылка с бензином ее не вызовет. Наличие какого-то мощного боевого вещества становилось просто очевидным, а подобными средствами обычные крикливые антифашисты не располагают. Диверсанта кто-то отлично подготовил, и Отто был готов поклясться чем угодно, что это сделал тот же, кто внес коррективы в операцию возмездия. Кто-то изнутри организации. Если экспертиза сумеет установить поражающее вещество, есть неплохие шансы проследить, откуда оно взялось, и кто мог бы иметь к нему доступ. Такое ведь на деревьях не растет и в магазинах не продается. К сожалению, есть большая вероятность, что данные экспертизы окажутся подтасованы так же, как и сведения о кровавом ДТП. Но это на перспективу. Пока же всем посвященным соратникам Отто требуется заняться поисками поджигателя.

— Ха! И как мы его найдем?! — воскликнул доселе молчаливый боевик, сидевший напротив старшего и срывавший нервное напряжение на эспандере. — Если бы это было так просто, разве нам пришлось бы заманивать его карательной акцией?

— Обстоятельства изменились! — наставительно пояснил Отто. — Теперь — совсем другое дело. Теперь у нас есть отличная приманка, причем не требующая значительных усилий.

Да, Отто был не просто так назначен старшим над боевыми звеньями неонацистов, поэтому никто не возражал, что говорил в основном он, а остальные слушали. Соображал старший явно лучше, и присутствующие были вынуждены признать: если бы не Отто, сумевший раскопать столько всего примечательного, они бы так и остались в неведении касательно происходящего.

Восемь избитых антифашистов лежали в одной и той же больнице. Полиция полагала, что держать пострадавших под наблюдением проще, когда они находятся ближе друг к другу. Прошло уже три недели, однако полицейские все еще вели наблюдение, даже не собираясь снимать посты. Это серьезно осложняло любую операцию, но только если та предполагала проникновение в охраняемые палаты. А как раз этого и не требовалось. Неонацистам следует самим установить слежку за недавними жертвами.

Установить исподтишка и тщательно фиксировать всех приходящих к ним посетителей. Угодить в больницу с пустяковым диагнозом на хорошо оплачиваемое место не так уж сложно. Потребуется не слишком много шпионов, чтобы присматривать за искомыми палатами. Врачам же только плати — продержат хоть до самой смерти. Все отчеты о посетителях антифашистов, включая фотографии, станут поступать лично к Отто, который проведет тщательный анализ. Учитывая обстоятельства, можно было не сомневаться, что поджигатель в больнице объявится и, вероятно, не единожды, раз принял карательную акцию столь близко к сердцу. Его лицо, к сожалению, нигде не засветилось, но после двух погонь были известны рост и телосложение диверсанта. Вряд ли в палаты к пострадавшим будет наведываться слишком много посетителей, так что месяц-другой бдительного наблюдения — и личность врага почти наверняка удастся установить. А уж дальше им займется лично Отто. О нет, он расправится с ним отнюдь не сразу, как бы ему ни хотелось! Сперва Отто выпытает у ублюдка все, что хочет знать, а уж только потом…

В целом присутствующие одобрили план вожака и тут же стали распределять роли. На это тоже ушло немало времени, прежде чем неонацисты обо всем условились. Помимо прочего они поклялись молчать об услышанном сегодня. Общение по данному вопросу предписывалось только по неизвестным всем остальным соратникам каналам связи. Отто на сей счет был суровее некуда.

— Имейте в виду, друзья мои: если кто-то проболтается о предателе и нашем расследовании, пусть даже без всякой задней мысли, я лично закатаю его в бетон! — заявил он, не столько угрожая, сколько констатируя.

Ледяное спокойствие, с которым старший это изрек, внушало подчиненным трепет. Они знали, что слова у него с делом не расходятся.

— Послушай, Отто, — сказал напоследок один из его заместителей, когда вся компания уже собиралась расходиться. — А с чего ты так уверен, что в обоих случаях это был один и тот же тип? Если твоя теория верна, первый раз мы могли иметь дело со случайным человеком, а второй раз был подослан опытный диверсант.

— Я уверен только в одном — нас кто-то использует. Остальное же — просто цепочка предположений, — хмуро отозвался вожак. — Так или иначе, другой ниточки у нас нет, а эта в любом случае куда-нибудь да приведет.

Когда соратники разошлись, Отто оставался в ангаре еще около часа. Пройдя к скрытой аппаратуре, он проверил записи ее показаний. Чисто. За время собрания не было зафиксировано ни

одного всплеска излучения, идущего откуда-нибудь изнутри. На всех частотах фиксировались только различные входящие сигналы, привычные для большого города, да и вообще современной технологически развитой страны. Исходящие непосредственно из ангара отсутствовали. Прежде Отто не было никакого дела до наблюдения за эфиром, но обстоятельства изменились. Не случайно он велел соратникам сложить все мобильные телефоны в экранированный контейнер. Старший неонацист опасался жучков. Если в организации предатель, и если он обладает настолько большим влиянием, то ему вполне по силам установить слежку едва ли не за всеми. Сперва Отто даже хотел встретиться с доверенными людьми где-нибудь за городом, но затем решил использовать ангар. Внеплановые встречи в необычных местах способны привлечь ненужное внимание, зато в ангаре Отто сам установил аппаратуру слежения, позволявшую мониторить широкий диапазон частот. Правда, стопроцентной гарантии все же не было. Шпионское устройство могло "дремать", включаясь, к примеру, на звук голоса и записывая информацию, но не отправляя. Попробуй отследи получателя, когда тот пришлет управляющий сигнал, а то и вовсе использует самого обычного курьера из числа членов организации. Отто вздохнул. Скверная история. Вот уж не думал он, что однажды придется подозревать своих. Особенно тех, перед кем он благоговел и с кем хотел плечом к плечу возрождать Великую Германию. Но факты были налицо — кто-то помогал поджигателю и скрыто вмешивался в происходящее, направляя события последних месяцев по ему одному ведомому руслу. И этот кто-то обладал очень большими возможностями, имевшимися только у высших руководителей. Что ж, будем надеяться, когда Отто поймает и допросит диверсанта, тот выдаст предателя с потрохами. Тогда уж Отто займется им вплотную. Не диверсантом — нет, с ним все ясно. Он, безусловно, заслужил свою кару, но она будет ничто по сравнению с тем, что Отто сделает с предателем.

Погасив свет, старший старательно запер ангар, не забыв оставить включенными датчики слежения, проследовал к своей машине и уехал, обуреваемый мыслями о поимке врагов. Ох, только бы заполучить в руки ночного гостя, а уж он, Отто, выжмет из него все сведения аж до самых ранних воспоминаний детства. Прикидывая, как это будет происходить, вожак неонацистов невольно улыбался, отводя себе главную роль в предстоящем допросе. Допросе долгом, тщательном и крайне болезненном. Продолжая машинально анализировать скрупулезно собранные данные, Отто удивлялся лишь одному — каким образом предателю удается проворачивать совершенно необъяснимые вещи. Он, правда, удивил-

ся бы еще больше, зная наверняка, что желанный допрос ни к чему не приведет. Не потому, что Эрих Сторм стоически вытерпел бы любую боль, а оттого, что ни с кем из организации неонацистов он дела не имел и вообще действовал исключительно в одиночку.

Ева поправлялась медленно. Синяки и ушибы все еще давали себя знать на ее теле желтоватыми кругами с темным центром. Трещины в костях тем более никуда не делись, не способные зарасти в кратчайшие сроки. Кровоизлияния и разрывы во внутренних органах, особенно области таза, оставили рубцы, которые еще предстояло долго лечить. И все же молодой организм уверенно справлялся с полученными повреждениями. Врачи давали благоприятные прогнозы. Ева даже не осталась бесплодной. Тот, кто надругался над девушкой, явно не собирался ее убивать или делать инвалидом, равно как и других пострадавших. Избиение и надругательство были выполнены столь мастерски, словно нападавших науськивал сам дьявол, бдительно следивший за происходящим. К сожалению, подонки нанесли жертвам не только физический вред. Душевное состояние Евы оставляло желать лучшего. С ней, по мере возможности, работали психотерапевты, но по-настоящему легче ей становилось лишь в присутствии Эриха. Конечно, сперва несчастной девушке было непросто предстать перед избранником в таком жалком виде, но тому быстро удалось завоевать ее доверие. Когда он приходил, Ева на время забывала и о бинтах, охватывающих тело, и о специальной повязке на лбу, скрывавшей выжженную Звезду Давида. Врачи обещали, что пластическая операция полностью устранит клеймо, не оставив от него даже воспоминания, но пока оно красовалось на прежнем месте. Удалять его сейчас, пока пациентка пребывала в неважном состоянии, никто из специалистов не соглашался. С косметической процедурой следовало повременить до выздоровления девушки, а там уж — будьте покойны, никаких проблем.

Эрих приезжал к Еве так часто, как только мог. Сидя вечерами у ее постели, он старался отвлечь бедняжку от тягостных мыслей, болтая о том о сем, и вовлекая ее в совместные планы на будущее. Надо сказать, Эриху это вполне удавалось. Ева, уходя от окружавшей ее реальности, мысленно переносилась в их общий дом и начинала строить их общую же жизнь. Родители девушки, продолжавшие по очереди дежурить в палате, тактично удалялись, позволяя молодым людям спокойно побыть наедине. Отец Евы, пожилой иудей, видя, как Эрих Сторм обходится с его дочерью, даже проникся к нему симпатией. Окончательно отбросив всякие предрассудки, он смотрел на него куда благосклоннее и больше не возражал против предстоящего брака. Наоборот — он

всячески расписывал это событие в разговорах с дочерью, чем вызывал на ее лице улыбку. А уж мать Евы и тем более была согласна на что угодно, лишь бы та поскорее поправлялась. Психотерапевты говорили, что девушке понадобится продолжительная реабилитация, однако она достаточно сильна духом, чтобы преодолеть постигшее ее несчастье. Важно лишь постоянно поддерживать бедняжку и не позволять дурным мыслям овладевать страдающим разумом. Именно этим близкие Евы и занимались, не оставляя ее одну и расписывая перед ней прекрасное будущее.

Эрих совершенно искренне старался изо всех сил. Его чувства к Еве никуда не делись, так что девушка напрасно опасалась охлаждения пыла возлюбленного из-за случившегося. Лишь моральный урод может разлюбить человека за то, что его избили и изнасиловали. Эрих, во всяком случае, считал именно так и нисколько не притворялся. Она же ни в чем не виновата! Другое дело он сам. Говоря девушке ласковые слова, молодой человек ощущал болезненные уколы совести, будто лгал ей и лицемерил. Ведь в произошедшем с ней он винил в первую очередь себя. Не сглупи Эрих тогда, поддавшись мимолетному импульсу, не потеряй треклятый фотоаппарат или, хотя бы, удали он заблаговременно все снимки — и ничего бы этого не было. Те неонацисты, бесспорно, кучка закоренелых подонков, но ведь Эрих фактически сам подсказал им путь мщения, к нему же и подтолкнув. Еве он об этом, разумеется, не говорил, отчего переживал еще больше, поскольку чувство вины принимало форму постыдной правды. Такой, которую тщательно скрывают от близких, опасаясь полного и необратимого разрушения отношений. Говорят, у всех есть скелеты в шкафу. У Эриха там теперь обосновались кости целого мастодонта. Даруя Еве утешение своими неподдельными лаской и заботой, он и находил его и сам. Чем больше он хлопотал вокруг девушки, тем легче становилось ему самому, словно каждый добрый жест уменьшал свинцовый груз, давивший на плечи. Правда, ненадолго, но Эрих был уверен, что сумеет избавиться от тягостной ноши окончательно. Все упиралось лишь во время. Доведись людям узнать о переживаниях молодого человека, часть из них наверняка бы сделала вполне естественное предположение: он хочет дождаться, когда подруга поправится и обо всем ей рассказать. Снять груз с души, облегчить перед ней совесть. Так бы, вероятно, поступили многие, если уж желали заслужить прощение. Однако Эрих шел своим путем. В присущей ему манере он сначала воображал себе дракона, старательно воплощая его образ до последней мелочи, а затем сам же изобретал способ уничтожения чудовища. Найдя себе непримиримого врага, нападал на него и разил до тех

пор, пока не одерживал верх. Хотя бы в своем сознании. Драконом в данной аналогии было чувство вины, раздутое и надуманное. Если Эрих и был в чем-то виноват перед Евой, то совсем не в том, что ему представлялось, да и не в такой степени. Касательно же способа борьбы все обстояло примерно так же, как и с драконом. Оценивая ситуацию, Эрих вычислял панацею от всех бед, и искренне верил, что реализация замысла обязательно приведет к восстановлению мира и покоя. Пастор Берг никогда не одобрял эту черту характера своего воспитанника. Тот был склонен все идеализировать, а идеалы затмевают реальность, мешают воспринимать ее адекватно и адекватно же на нее реагировать. Конечно неплохо и даже полезно приукрашать действительность, чтобы было к чему стремиться, однако безвредный романтизм это одно, а недостижимые иллюзии — совсем другое. Особенно иллюзии, ради которых жгут дома и ломают копья. Поддавшись гневу, Эрих натворил дел, но вместо того, чтобы вовремя остановиться и одуматься продолжал раздувать самим же зажженный огонь. Остановить его было некому. Пастора Берга постигло несчастье, а Еве — единственному человеку кроме старика, которому он мог бы довериться, — Эрих страшно боялся открыться, находясь в плену своих превратных убеждений.

— О чем ты думаешь? — спросила, открыв глаза, девушка.

Она ненадолго задремала, и Эрих, сидя у ее постели, погрузился в невеселые размышления. Должно быть, лицо у него было довольно мрачным, раз подруга задала такой вопрос.

— Да так, о всякой ерунде, — встрепенулся Эрих, растянув губы в не слишком искренней улыбке.

— Какие-нибудь неприятности на работе? — обеспокоилась девушка. — Это случайно не из-за меня? Ты ведь проводишь здесь очень много времени.

— Ну что ты! Это у тебя все беды из-за меня! — истово заявил молодой человек, и едва удержался, чтобы не заткнуть себе рот ладонью.

— Да ну тебя! Не мели ерунды, умник! — притворно рассердилась Ева, не сообразив, что будущий супруг сейчас в запальчивости ляпнул чистейшую истину. Ну или то, что лично ему представлялось истиной. — Давай признавайся! Мы же обещали не иметь друг от друга секретов. Ты сидишь у моей постели долгими часами. Неудивительно, что это сказывается на твоих делах.

— Любимая, уверяю тебя — никаких проблем на работе у меня нет. Есть срочные задачи, но я успеваю их решить в обычном порядке, — заверил Эрих, соображая, солгал он сейчас или нет.

— Надеюсь, это так. Иначе я, когда поправлюсь и встану с этого

одра, задам тебе хорошую взбучку, — прищурилась девушка все с той же наигранной сердитостью.
Уши Эриха порозовели. На ближайшие два дня он собирался отлучиться, отчего заранее упросил Еву не скучать без него и не предаваться унынию. Девушка, не страдая законченным эгоизмом, нисколько не возражала, хотя честно призналась, что ей будет непросто не видеть Эриха целых двое суток. Поцеловав возлюбленного, Ева без всякой задней мысли отпустила его в рабочую командировку. Ну, как она думала. Вот только грядущее отсутствие Эриха к его работе никакого отношения не имело. Молодому человеку было нелегко вводить в заблуждение подругу, доверявшую ему без оглядки, однако и выложить ей все как на духу он не мог. Еще решит, что он тронулся; обидится на все нелепые байки, наговорит невесть что, накрутит себя — и это в ее-то и без того неважном положении. Поди потом разгребай эту кашу. Ведь Эрих и сам до сих пор не был уверен, что не свихнулся. Может быть, он и впрямь спятил на почве последних событий, и ему откровенно мерещится. Сумасшедшие же не знают, что они сумасшедшие. Как тут заметишь переход из одного состояния в другое? Версия, что у Эриха просто поехала крыша и он уходит в воображаемую реальность все-таки выглядела куда правдоподобнее, нежели предположение, что все происходит на самом деле. Как раз об этом он и размышлял, когда проснулась Ева. В памяти Эриха всплывали такие сцены, которые небезосновательно заставляли усомниться в их существовании. Глядя на девушку, молодой человек вновь ощутил горячий порыв поведать ей обо всем, но опять сдержался. Как такое расскажешь? Кто в ЭТО поверит? Проще всего было бы взять Еву за руку и под каким-нибудь предлогом сводить ее ТУДА, не говоря зачем. Провести, так сказать, небольшой наглядный эксперимент, дабы убедиться, сошел он все-таки с ума или нет. Увы, Ева была прикована к больничной койке, и с этим приходилось повременить. А до тех пор…
— Милый, ты точно не хочешь мне что-нибудь сказать? — мурлыкнула девушка, легонько сжав в своей ладони пальцы молодого человека.
— Очень хочу, — улыбнулся Эрих, ловко скрывая обуревавшие его чувства.
И тут же осыпал подругу комплиментами, рассказывая, какая она самая-самая, хотя на языке у него вертелось нечто совсем иное. То, что стояло перед глазами, заставляя усомняться в собственной адекватности. Поверить в произошедшее Эрих до сих пор не мог, равно как и забыть о нем будто о безумном сне.

* * *

Эрих кидался на свастику словно озверелый бульдог. Треск разрываемой ткани сопровождался отборной руганью, непроизвольно рвавшейся сквозь стиснутые зубы. Красное полотнище с белым кругом посредине висело довольно высоко. Совершая какие-то совершенно дикие прыжки, молодой человек хватался за его нижнюю часть и повисал на ней не хуже упомянутой собаки. Полотнище трещало, но не рвалось. Вцепившись в него пальцами, Эрих дергал ненавистную тряпку изо всех сил, срывался, снова прыгал и снова дергал. В конце концов прочная ткань сдалась, и антифашист грохнулся на тротуар с куском красной материи, оторванной наискось. Фрагментом своей добычи Эрих не удовлетворился. Весь верх и большая часть середины полотнища уцелели, включая крупную черную свастику. Допрыгнуть до нее антифашист уже не мог, но и успокаиваться он также не собирался. Трясясь от ослепляющей ярости, Эрих подскочил к фонарному столбу и полез по нему с ловкостью обезьяны. Добравшись до верха, он перекинул ногу через боковую перекладину, на которой висело полотнище, и покрепче ухватился за столб. Затем снова вцепился в красную ткань и хорошенько ее дернул. Дернул, прямо скажем, от души. Действовал Эрих одной рукой, но сила и ярость, с которыми он сдирал символ нацизма, не замедлили сказаться на результате. После непродолжительной борьбы, едва не кончившейся падением антифашиста с высоты, полотнище окончательно сдалось. Продолжительный треск материи ознаменовал победу Эриха, оставившего в креплениях перекладины обрывки ткани. Швырнув добычу вниз, он съехал со столба, обнимая его руками, и нос к носу столкнулся с каким-то человеком. Тот с неописуемым выражением лица смотрел на разгневанного антифашиста, отчего последний даже растерялся.

— Что это вы такое делаете? — осведомился незнакомец.

В его голосе сквозило безмерное удивление, смешанное с оторопью. Эрих оглядел прохожего с головы до ног. Выглядел тот довольно необычно, будто сошел с иллюстрации старомодного журнала.

— А что, и так не ясно? — процедил антифашист.

Подняв с тротуара полотнище со свастикой, он поднатужился и с наслаждением изодрал его в клочья. Поверженная ткань уже не сопротивлялась, быстро превратившись в набор низкопробных бинтов.

— Вы! Вы… — задохнулся от возмущения незнакомец. — Как у вас рука поднялась?!

— Я что-то недопонял! — сдвинул брови Эрих, начав проникаться к прохожему антипатией. — Может быть, прикажете еще вытянуться в струнку и рявкнуть "Хайль Гитлер"?
Произнеся это, антифашист красноречиво приподнял руку, как бы изображая характерный жест.
— Хайль Гитлер! — выпалил незнакомец, вскинув ладонь в нацистском приветствии.
Выпалил будто робот, отреагировав на кодовые слова и движение собеседника. Кровь бросилась Эриху в лицо. Отведя локоть назад, он со всего маху влепил прохожему кулаком в морду. Он с удовольствием врезал бы ему еще раз и вообще отдубасил как следует, но хлипкий мужичок сразу же свалился как подкошенный. Эрих поглядел на поверженного негодяя и ткнул его носком ботинка. Лежавший не пошевелился, пребывая в беспамятстве. На мгновение антифашист устыдился своему порыву, но только на мгновение. В другой раз этот моральный урод будет знать, как вступаться за свастику, и десять раз подумает, прежде чем снова открыть рот. Ишь чего удумал! За такое можно не только в рыло получить, а и без зубов остаться! Шагнув к валявшейся шляпе незнакомца, Эрих пнул ее куда подальше. Взмыв в воздух как сдутый футбольный мяч, шляпа пролетела наискось несколько ярдов, плюхнулась на газон и немного по нему прокатилась, прежде чем замерла в изрядно помятом состоянии. Следя за ней глазами, Эрих невольно отметил устаревший покрой головного убора. Он, как и все остальное, совершенно не вписывался в привычный гардероб современного горожанина. Интересно, чего этот тип так вырядился, словно вылез из музея? Можно подумать, что... Тут молодой человек вдруг похолодел. Все его существо пронзила внезапная мысль, пронесшаяся жгучей молнией. А не постановка ли это?! Часом здесь не кино снимают?! Может быть, проводят какое-то историческое мероприятие или воссоздают историческую картину? Ох ты ж черт побери! Ну да, конечно! Все это часть какой-то акции с декорациями и актерами. Переодетый участник, оторопев от варварского поведения Эриха, подошел к нему и задал вполне справедливый вопрос. Эрих же... От осознания того, что он, вероятно, сейчас натворил, антифашисту едва не стало дурно. Опустившись на колено, он принялся тормошить бедолагу, пострадавшего от его феерической глупости, и легонько шлепать по щекам.
— Эй, уважаемый! — беспокойно взывал Эрих, чувствуя уколы совести. — Эй, да очнитесь же!
Лучше всего было бы прыснуть в лицо водой, но ничего подобного под рукой не имелось. Впрочем, вскоре незнакомец и так пришел в себя. Застонав, он открыл глаза и сел, тряся головой будто ло-

шадь. Похоже, в ней все еще здорово гудело после знакомства с кулаком молодого человека.
— С вами все в порядке? — участливо осведомился Эрих. — Кажется, я слегка погорячился.
— Проклятый коммунист! — с чувством произнес прохожий, воззрившись на антифашиста с нескрываемой злобой.
— Чего? — опешил Эрих, невольно отпрянув назад.
Похоже, незнакомцу еще не полегчало, и он пребывал во временном помутнении рассудка.
— Сейчас узнаешь чего, красная собака! — раздался свирепый ответ.
Поднявшись на ноги, прохожий отступил на шаг, разинул рот и заголосил так, что Эрих чуть не оглох.
— Полиция! — орал этот сумасшедший. — Полиция, сюда! Хватайте коммуниста!
Эрих стал приходить к выводу, что щуплый человечек слишком серьезно увлекся актерской игрой. Только не бить же его за это снова.
— Да тише ты, приятель! Завязывай вопить! — воскликнул молодой человек. — Лучше скажи мне, что здесь за мероприятие, а то я вообще не в курсе. Какое-нибудь историческое общество устроило репродукцию? Или тут съемочная группа?
Однако незнакомец не унимался. Продолжая звать полицию, он крутил головой, пока не заметил неподалеку нескольких горожан.
— Эй, люди! Сюда! — закричал он с возросшим энтузиазмом. — Хватайте эту вражину!
Граждане, явно заинтригованные происходящим, стали приближаться и вскоре подошли быстрым шагом в составе троих мужчин и одной женщины. Эрих, никуда и не собиравшийся убегать — с чего бы вдруг? — заметил на рукаве одного из новоприбывших красную повязку все с той же свастикой. Похоже, эта группа входила в число участников постановочного действа, учитывая их такие же старомодные костюмы.
— Что здесь происходит? — сурово осведомился тип с повязкой.
— Вот этот сорвал флаг со свастикой и изодрал его на куски! — гневно заявил щуплый прохожий, ткнув пальцем в Эриха. — Наверняка коммунист!
Тип с повязкой изучил взглядом жалкие остатки красного полотна, валявшиеся на тротуаре, и побагровел.
— Взять его! — коротко скомандовал он.
Двое его спутников немедленно схватили Эриха за руки, причем как-то слишком прочувственно и крепко даже для профессиональных актеров.

— Э, постойте, вы чего? — возмутился антифашист, готовившийся дать объяснения своему поступку.
Но не успел. Человек с повязкой, выхватив дубинку, наотмашь ударил его по голове. В глазах у Эриха потемнело, в ушах протяжно зазвенело. Э, нет, ребята! Так дело не пойдет! Игра игрой, а подобного обращения он не потерпит. Сами можете хоть переубивать друг друга, а его трогать не смейте! Удар дубинкой здорово выбил Эриха из колеи, но все же не настолько, чтобы он утратил дееспособность. Не дожидаясь пока тип с повязкой снова пустит в ход оружие, что он явно намеревался сделать, Эрих пнул его ногой в пах. Взвыв от боли, носитель свастики согнулся в три погибели. Мужчины, крутившие молодому человеку руки, заорали от ярости и набросились на него с кулаками. Щуплый прохожий также не остался безучастным. Подхватил дубинку, оброненную типом с повязкой, он незамедлительно напал на антифашиста. Тут уже Эрих окончательно вышел из себя. Если эти придурки так заигрались, что затеяли настоящую драку, он их не разочарует. Отскочив назад, молодой человек принял боевую стойку. Мужчины, попав кулаками в воздух, резво развернулись и набросились на него с самыми недружелюбными намерениями. Коротко выдохнув, Эрих вступил в схватку.

Длилась она недолго. Кем бы там себя ни воображали эти типы, на поверку они оказались самыми обычными людьми, не имевшими навыков ближнего боя. Хорошо тренированный и физически крепкий антифашист был им явно не по зубам. Точный апперкот отправил одного из них в глубокий нокаут. Эрих нанес его так молниеносно, что оппонент не имел никаких шансов отразить атаку или уклониться. Закатив глаза, он рухнул там, где и стоял. Его сообщников это ничему не научило. Они продолжили наседать, наивно рассчитывая достать Эриха своими беспорядочно махавшими конечностями. С легкостью избежав их неуклюжих выпадов, антифашист влепил второму мужчине два гулких удара в корпус, дал ему под дых, а затем рубанул ребром ладони по шее. И снова оказался один на один с тем прохожим, с которого и начался этот дурацкий инцидент, поскольку тип в повязке все еще сгибался дугой. Прохожий, сыпля проклятиями, вовсю старался попасть по противнику дубинкой. Эрих осерчал — щуплый гаденыш ему уже порядком осточертел. Крутанувшись вокруг своей оси, антифашист нанес врагу удар ногой с разворота. Тот, не ожидав ничего подобного, кувырнулся на тротуар, о который заодно расквасил себе нос, и затих. Теперь все трое нападавших валялись кто где в разной степени беспамятства. Лишь тип в повязке все еще мычал, хватаясь за промежность. Подойдя к нему,

Эрих врезал страдальцу кулаком. Владелец свастики тут же умолк и присоединился к остальным. Оглядев поверженных врагов, антифашист усмехнулся и поднял взгляд на женщину. Та остолбенела, разинув рот. В ее глазах читался испуг.
— Не бойтесь, фройляйн, я вас не трону. Только и вы не лезьте ко мне, пожалуйста, — вполне себе миролюбиво произнес Эрих.
Не будет же он, в самом деле, всерьез драться с женщиной. Во всяком случае, обычной, а не спортсменкой с ринга. Его слова тут же привели в чувство ту, к кому они обращались. Всплеснув руками, женщина завизжала и опрометью бросилась прочь. Эрих только присвистнул. С ума они здесь, что ли, все посходили?

Оказывать помощь пострадавшим у антифашиста не было ни малейшего желания. Сами на него накинулись как стая взбесившихся собак — сами и виноваты. Ничего, пара синяков им для острастки не повредит. Ишь выискались подвижники. Забыв про поверженную четверку и убегавшую женщину, Эрих наконец-то как следует огляделся, желая найти кого-нибудь более адекватного. И тут же нахмурился. Уставив руки в бока, он неторопливо поворачивался по сторонам, и чем дольше это делал, тем заметнее его брови сдвигались к переносице, а на лбу образовывались складки. Местность вокруг кирхи преобразилась. Небольшой квартал из старинных домов был Эриху очень хорошо знаком, но сейчас, окидывая его взглядом, молодой человек приходил в недоумение. Внешний вид некоторых зданий заметно отличался от привычного. Появилось немало деревьев, которых прежде не было, а другие наоборот исчезли. На месте толстых стволов тянулся к небу какой-то молодняк. Многие газоны изменили размер и форму. Объявились доселе отсутствовавшие цветочные клумбы. Даже мощеные тротуары и проезжая часть теперь смотрелись как-то иначе, словно их вдруг в одночасье переделали. Фонарные столбы остались прежними, сделанными под старину, однако их уже не опутывала типичная паутина проводов. Исчезла автобусная остановка. Вместо нее поодаль объявились непонятные лавочки и пара каких-то будок. Что за чудеса?! Эрих озирался, разинув рот, отказываясь что-либо понимать. Все вокруг не так чтобы исказилось до неузнаваемости, но подверглось какой-то необъяснимой трансформации. Неизменной осталась лишь древняя кирха, но та, видимо, сохраняла свой облик на протяжении сотен лет. В остальном же квартал сейчас выглядел так, будто это был он и не он одновременно. Эрих протер глаза, соображая, не мерещится ли ему. С самого выхода из подвала он испытывал какое-то странное, неуловимое ощущение, будто его голова кружится, но характерным визуальным эффектом это не сопровождается. Мысли с трудом

пытались на чем-либо сосредоточиться, внимание притупилось, кожу словно овевало дыханием статического электричества. Эрих объяснял все перенесенным потрясением. После всего произошедшего так и до нервного срыва недалеко. Только вот списать на него изменения в окружающем ландшафте уже никак не удавалось. К тому же специфические ощущения исчезли, и к нему вернулась ясность мысли, однако вместо спокойного и уравновешенного подхода она принесла окончательное непонимание происходящего. Довершало всю картину созерцание еще парочки нацистских флагов, висевших на столбах поодаль. Может быть, они и вписывались в некие исторические декорации, только как прикажете понимать все остальное? Какие сверхъестественные силы успели бы перекроить целый квартал, пока антифашист убегал от погони? Заодно со временем суток. Встряхнув головой, Эрих резким движением взъерошил себе волосы, чувствуя, что сейчас его разум не выдержит. Вероятно, нечто похожее ощущают наркоманы, когда пребывают в наркотическом угаре, либо же наоборот — выходят из него и не понимают, где находятся. Немного потоптавшись на месте, Эрих в конце концов пришел к наиболее простому решению. Пожав плечами, он направился прочь от кирхи, рассчитывая встретить кого-нибудь более уравновешенного, нежели предыдущая компания, и задать ему пару вопросов. Вообще-то хорошо бы отправиться домой, но туда, пожалуй, уже можно не торопиться. Если об его отсутствии стало известно, то алиби все равно испарилось как утренняя роса под лучами восходящего солнца. Если же нет, лишняя четверть часа вряд ли что-то изменит, а спросить кого-нибудь об окружающей метаморфозе все же хотелось. Пожалуй, стоит обратиться к соседям пастора Берга. Те уж точно не станут кидаться на Эриха с кулаками. Хотя, наверное, все-таки стоит поехать к себе, а не тратить время на расспросы. С ними-то как раз можно повременить. Эрих почти дошел до намеченного дома, но остановился и сунул руку в карман, собираясь вытащить телефон и вызвать такси. Опаньки! А телефон-то он оставил в кирхе! Выложил, когда переодевался, и начисто про него забыл, увидев за окном дневной свет. Проклятье! Ну ни черта сегодня в голове не держится! Шепча ругательства, Эрих развернулся, намереваясь ринуться обратно, и остановился. К нему вовсю поспешали какие-то люди. Прищурившись, молодой человек узрел недавнюю женщину и двух мужчин в форме. Эрих неплохо знал историю как ушами, так и глазами. То есть он читал много книг и смотрел немало документальных фильмов. В мужчинах он живо признал полицейских, облаченных в мундиры образца довоенной Германии. Черт побери, кажется, постановка сейчас продолжится.

Хотя скорее это какие-то кретины затеяли флеш-моб, выбрав не самую подходящую тему. Ну и заодно оперативно переделали весь квартал, что б уж для полной достоверности. Эрих аж хмыкнул, осознав масштаб нелепости своего предположения. Полицейские же тем временем быстро приближались.

— Вот! Это он! — закричала женщина, указывая на него пальцем.

"Ну, начинается", — подумал Эрих. Он шагнул было навстречу мужчинам в форме, протягивая к ним руку ладонью вверх, чтобы упредить очередное недоразумение. Ряженые отреагировали крайне агрессивно.

— Ты! Ни с места! — заорал один из них, бывший повыше ростом.

Все бы ничего, да оба при этом выхватили пистолеты и навели их на Эриха. Тому это совершенно не понравилось. Особенно то, как тускло блестел металл оружия, уж больно подозрительно смахивавшего на всамделишное. Какой-то пугающе реалистичный реквизит. Молодой человек невольно попятился, и полицейские тут же спустили курки. Бабахнуло два выстрела. Дула пистолетов немедленно окутались дымками, но Эриха куда больше занимали прожужжавшие мимо пули. А патроны-то не холостые! Определенно у всей этой компании крыша поехала! Тренированный антифашист реагировал молниеносно. Не собираясь дожидаться, пока психи снова разрядят в него пистолеты, он сделал рывок в сторону и зайцем понесся за угол ближайшего дома, не забывая петлять, как его учили. Выстрелы действительно не заставили себя ждать, но все они прошли мимо. Скрываясь за углом, Эрих все еще надеялся, что чокнутые стреляют резиновыми пулями. Фонтанчики каменного крошева, выбитые из стены дома, убедительно доказали, что патроны очень даже боевые. К счастью, стрелки из ряженых полицейскими были так себе, поэтому Эрих не получил ни царапины, хотя по нему выпустили в общей сложности не менее дюжины зарядов. По округе прокатился грохот пальбы, откуда-то донеслись возбужденные возгласы. Эрих, решив, что парочка сумасшедших вряд ли вот так запросто оставит его в покое, окончательно пустился наутек. Район следовало покинуть как можно быстрее, а то такими темпами и гранаты в ход пойдут. Пожалуй, следует поставить в известность настоящую полицию, пока эти ненормальные и впрямь кого-нибудь не убили. Стрелой миновав ближайшие дома, Эрих вылетел за очередную изгородь и… кубарем полетел на землю, споткнувшись о небольшую лавочку. Он не ослеп, с разбегу наткнувшись на препятствие — нет. Просто его внимание полностью захватил открывшийся пейзаж, вытеснивший из головы все остальное. Города не было. Вокруг, куда ни глянь, расстилалась мирная сельская местность.

Квартал, где жил пастор Берг, находился на окраине современного Берлина. Прежде это был небольшой пригород, имевший собственное название и входивший в комплекс нескольких других, подчинявшихся своему единому муниципалитету. Эрих, разумеется, все это знал, наслушавшись от пастора историй про былые времена, вот только никак не рассчитывал узреть нечто подобное собственными глазами. Вскочив как ошпаренный, Эрих таращился на окружающую панораму. Только теперь до него дошло, отчего преобразившийся квартал все равно продолжал выглядеть знакомо — он видел его на старых фотографиях пастора. В том числе то, что созерцал прямо сейчас. В лучах яркого солнца сельский пейзаж выглядел невероятно умиротворенно, контрастируя со страстями в душе пораженного антифашиста. Что?! Как?! Откуда?! Каким образом?!. Его голова просто разрывалась от заполонившего ее вихря вопросов, ответы на которые приходить явно не спешили. Единственными, кто в данный момент поспешал, были два полицая, чьи торопливые шаги уже вовсю раздавались где-то позади Эриха. Тот решил, что с разгадкой происходящего можно и повременить, пока его не пристрелили. Рефлексы снова не подкачали. В памяти моментально возникли только что виденные особенности ландшафта, и молодой человек стремглав нырнул за ближайшее укрытие в виде угла каменной изгороди. Крайне, надо сказать, вовремя, поскольку полицейские уже миновали последний дом, выбегая на открытое пространство. Эрих слышал, как они пыхтят, приближаясь к его убежищу. Кажется, гонять марафоны эта парочка не привыкла. Да и умом тоже не отличалась. К последнему выводу антифашист пришел тогда, когда полицейские проскочили мимо ограды и остановились, соображая, куда подевался беглец. Очутившись спиной к Эриху они даже не удосужившись обернуться. Тот действовал молниеносно. Пара секунд — и вот уже его руки обвились вокруг ближайшего противника в удушающем захвате. Второй, повернув голову на шум, увидел, как беглец обхватил напарника, ловко скрываясь за его телом. Эрих справедливо рассудил, что этот тип не станет стрелять, опасаясь попасть в своего. Увы, то ли природная тупость, то ли избыток эмоций немедленно пустили весь план наперекосяк. Второй полицейский поднял пистолет и начал палить. Первая пуля прошла мимо, две другие угодили в тело того, кого держал Эрих. Подстреленный человек захрипел, тут же став обмякать в руках антифашиста. Брызнула кровь, потянуло характерным запахом. Эрих, ужаснувшись действиям безголового полицейского, изо всех сил толкнул пострадавшего в направлении стрелка. Последний успел еще раз спустить курок, прежде чем шлепнулся на землю вместе с

упавшим на него напарником. Эрих, подскочив, тут же врезал ему кулаком в челюсть, с одного удара отправив в беспамятство. Убедившись, что враг более не опасен, молодой человек стянул с него раненого полицейского, одновременно переворачивая на спину. Летальный исход в его планы совершенно не входил. Увы, было поздно. Последнюю пулю оголтелый придурок всадил бедолаге прямо промеж глаз.

— Да что б тебя, дебила кусок! — выругался Эрих и, не удержавшись, двинул горе-стрелка кулаком в широкую морду.

Что бы здесь ни творилось, убийства всяко следовало избегать, дабы еще больше не осложнить и без того невообразимую ситуацию. Одно дело, когда ты провинился в уличной драке и порче имущества — посвистят, поищут и успокоятся. Совсем другое, если речь идет о трупе. На эту кровавую дорожку может выйти такая свора, которая не остановится, пока не настигнет свою добычу. Убитого ведь наверняка повесят на Эриха, а доказывать невиновность в нынешних обстоятельствах ему совершенно не хотелось. Хотя бы потому, что он напрочь не имел даже малейшего представления, в каких именно обстоятельствах оказался. Пока что он успел вступить в драку, попал под обстрел и теперь старается стереть с рук кровь, и все это в каком-то ожившем ночном кошмаре. Может те неонацисты из особняка все-таки его догнали, шарахнули по башке и ввергли в кому, а все это ему лишь мерещится? Либо же Эрих свихнулся и сейчас лежит, накачанный пилюлями, в уютной психушке? А может он вообще был убит во время погони и теперь очутился в чистилище или где там полагается? Вразумительного ответа у Эриха не имелось, и он был готов рассматривать даже самое безумное предположение. Но только не здесь и не прямо сейчас. Нараставшие возгласы напомнили ему о том, что пора убираться. Подхватив оба пистолета полицейских, оказавшихся старинными под стать их мундирам, молодой человек прихватил запасные патроны и поспешно удалился подальше от домов.

Ночь застала его в каком-то сарае. Прохладная довольно-таки ночь, особенно когда ты сидишь в мокрой одежде. Искупаться Эриху пришлось в принудительном порядке. Заслышав лай собак, он живо сообразил к чему идет дело и догадался залезть в ближайший водоем, а затем пройти по ручью и выбраться ниже по течению. Да, видимо ему и впрямь не собирались спускать с рук ни застреленного полицейского, ни разорванный флаг со свастикой. Таковых, кстати, Эрих обнаружил еще немало, пока искал себе подходящее укрытие. Больше он на них не кидался, как бык на тряпку тореадора — было не до того. Эрих вообще начал вести себя тише воды ниже травы и старался ничем не выделяться. Он

понимал, что вляпался в нечто очень серьезное, только все еще не выяснил куда. От сделанных наблюдений легче не становилось, а из-за погони на хвосте Эрих ни с кем в разговоры не вступал. Еще не хватало, чтобы местные жители выявили в нем чужака. Какое счастье, что он не был одет в свои обычные вещи, сложенные в кирхе, иначе бы выглядеть молодому человеку белой вороной. Ему удалось остаться незамеченным и отыскать укрытие на ночь. Там, зарывшись в сено, он пытался урезонить разбегавшиеся мысли и взглянуть на вещи здраво. Хотя какое там здраво!.. От всего увиденного и услышанного голова шла кругом. Кажется, окружающий мир целиком участвовал в неком необъяснимом действе. На эту мысль наводило решительно все: одежда, предметы, доносящиеся до слуха речи, звуки из радио и абсолютно необъяснимый ландшафт. Кстати, с учетом последнего версия о постановке не выдерживала никакой критики, если только за время отсутствия Эриха наука не научилась в кратчайшие сроки трансфомировать огромные объемы материи. Эрих еще мог бы прийти к какому-нибудь разумному предположению о том, что происходит, касайся дело только людей и вещей из их обихода. Однако глобальные изменения в местности безоговорочно перечеркивали все версии об инсценировке. Элементарная логика учила: отбрось все невозможное, тогда в сухом остатке окажется истина. Звучало неплохо, только вот истина выходила такова, будто Эриха занесло куда-то к черту на рога. При мысли о том, что его зашвырнуло в другое измерение или же параллельную вселенную молодому человеку становилось очень не по себе. Примерно так же, как на выходе из кирхи, когда его одолевали странные ощущение. Кстати, а не были ли они вызваны этим самым перемещением? Эрих, в силу своего действительно хорошего образования, не слишком верил в эти теории, основанные не столько на науке, сколько на чистейшей фантазии. Ибо все, что бездоказательно до поры только плод нашего воображения. До поры. Только по всему выходит так, что бывает и наоборот. Это прямо-таки забавно, когда нос к носу сталкиваешься с этим самым плодом и безуспешно пытаешься подогнать под него означенные доказательства. Впрочем, так ли уж забавно? Воспоминания о стрельбе и погоне с собаками ничуть не веселили, а окровавленный труп с пулей между глаз улыбок тоже не вызывал. Дальнейшие перспективы, кстати, также выглядели ничуть не радужно, совершенно не обнадеживая. Ворочаясь в сене, Эрих настороженно прислушивался к ночным звукам и напряженно прикидывал, как поступить дальше. Эх, собрать бы побольше информации об этом месте!.. Дефицит сведений ощущался тем острее, чем меньше Эриху хотелось вступать в любой контакт

с людьми. Были, правда, примечательные объекты недвижимости и техники, афишные тумбы, а также расклеенные плакаты и листовки, но он до сих пор не рисковал задерживаться подле них, опасаясь услышать тревожный окрик. С погоней на хвосте в каком-то чуждом обществе любой встречный начинал восприниматься как враг, а врагам на глаза лучше не попадаться. С перепугу Эрих пару раз чуть не пустил в ход оружие, сумев сдержаться в последний момент. Еще не хватало пристрелить человека только и виновного в том, что он посмотрел в твою сторону, или же ты вообразил, что тебя заметили и сейчас поднимут тревогу. Боязнь оказаться разоблаченным заставляла Эриха избегать людных мест и вообще поселений, не говоря о гражданах. Именно поэтому он не вошел ни в одно заведение вроде кафе или пивной, где проще всего можно было бы получить интересные сведения, просто осматриваясь и прислушиваясь. Оттого молодой человек предпочитал держаться в зарослях, где и бродил до наступления темноты, пока не наткнулся на подходящий сарай.

Время шло. Согревшись, Эрих уже не дрожал, но соображал все еще неважно. На смену тревожному возбуждению пришла сонливая усталость. Набегавшегося антифашиста клонило в сон, и с каждой минутой желание смежить веки становилось все более привлекательным. Эрих крепился. Совет "утро вечера мудренее" в данных обстоятельствах не подходил, поскольку сами обстоятельства оставались пугающей загадкой. Конечно, заманчиво заснуть и проснуться дома в своей собственной постели, или, в крайнем случае, в больничной палате. То есть надеяться, что наваждение развеется само собой. Только куда вероятнее, что произойдет нечто совсем иное: арест, а то и вовсе расстрел на месте. С учетом недавних событий, последнее выглядело отнюдь не преувеличением. Эрих не относился к тем, кто был способен вести себя беспечно в экстремальной и особенно необъяснимой ситуации. Именно поэтому он, позевывая, продолжал прокручивать в голове одну мысль за другой, обдумывая план действий. Эх, какая досада, что он оставил телефон в кирхе! Авось бы тот поймал какой-нибудь сигнал. Один звонок любому из своих знакомых — вот что сейчас Эриху было нужнее всего! Звонок, позволяющий убедиться в собственном здравом уме, а заодно, может быть, способный пролить свет на происходящее. В очередной раз вспомнив о кирхе, молодой человек заворочался, испустив протяжный вздох. Идея вернуться туда ему приходила уже не первый раз, однако он был почти уверен, что там его ждет засада. В конце концов, преследователи вряд ли проигнорируют место первого столкновения с беглецом, а кто-нибудь запросто мог видеть Эриха выходившим из

кирхи. Но, может быть, все-таки стоит рискнуть? Вернуться туда и как минимум добраться до телефона, а как максимум спуститься обратно в подвал, откуда, кажется, все и началось. Единственная связь, которую молодой человек улавливал во всей этой дикой истории, находилась в странной комнате с необъяснимо появлявшейся и исчезавшей статуей. Если припомнить сей примечательный факт, то получалось, что вошел Эрих в одно помещение, а вышел уже в другом. Звучало это, конечно, довольно бредово, но больше никакого связующего звена между нормальной жизнью с поджогами особняков и каким-то безумием в неведомом месте Эрих не усматривал. Если и стоило искать ответы, то именно в кирхе, в ее расписанном латынью подземелье с волновавшимся оптическим эффектом. Альтернативы? Отправиться в Берлин, благо что до него, судя по дорожным указателям, было рукой подать. Но дальше? Эрих был практически уверен в результате, а именно его отсутствии. Девяносто девять шансов из ста, что Берлин пребывает в том же состоянии, как и все окружающие его пригороды. Куда разумнее было бы заглянуть в дом к пастору Бергу, в надежде отыскать там старика. Правда если вместо пастора в жилище объявится какой-нибудь неописуемый монстр, Эрих даже не особо удивится. Ему уже вообще трудно было чему-то удивляться. Скорее, молодой человек ожидал новых неприятностей, которые, кстати, не замедлили явиться. Эрих как раз размышлял над тем, что лучше все-таки рискнуть, чем отправиться куда глаза глядят или дожидаться неизвестно чего, когда поодаль послышался лай собак. Вскочив будто ужаленный, он подбежал к неплотно прикрытой двери и принялся напряженно вглядываться в царившую снаружи ночь. Да, ошибки быть не могло — к сараю неторопливо приближалась собачья свора. Очень большая такая свора, судя по количеству и разнообразию издаваемых ей звуков. Огоньки фонариков, маленькими искорками мелькавшие среди деревьев, живо испарили в душе узника всякое чувство безопасности, ненадолго подаренное незатейливым убежищем. Облава! Вон как растянулись цепью — и краев-то не видать! Не иначе, напали на след, либо же подозрительного беглеца все-таки кто-то заметил и сдал властям. Эрих почувствовал прилив адреналина, вызвавший унявшуюся было дрожь. Припомнив окружающий ландшафт, он выскользнул наружу и поспешил от сарая прочь.

На счастье злополучного антифашиста, ночь выдалась относительно светлая. Полной луной и не пахло, зато и облачность отсутствовала. В звездном свете, дополненном узкой полоской месяца, он видел достаточно, чтобы не свернуть себе шею в ближайшем буераке. Эрих уносил ноги, стараясь не слишком шуметь, хо-

тя периодически спотыкался о корни и иногда даже падал на землю. Что ж, к паре-другой синяков ему уже не привыкать, лишь бы уйти подальше от проклятых псов. А те явно не отставали. Эрих, набрав дистанцию, решил двигаться с уклоном вбок, но неожиданно дуга преследователей стала изгибаться, словно упреждая его маневр. Снова отбежав подальше вперед, беглец попробовал сместиться на противоположный фланг и снова, к своей безмерной тревоге, лицезрел появлявшийся там заслон. Кажется, дело принимало дурной оборот. Эрих предпринял еще несколько попыток изменить траекторию отступления, однако каждый раз натыкался на препятствие. Стоило ему заметно отклониться от некой невидимой прямой, как впереди зажигались огни, а лай собак усиливался. Эрих всерьез струхнул. Похоже, преследователи были осведомлены, где он находится, отчего ловко и умело пресекали все его старания вырваться из оцепления. Их растянувшийся фронт был не прямой линией, а полукругом, и этот полукруг продолжал вытягиваться, грозя захлопнуть окружение. Такая пугающая версия казалась вполне объяснимой, однако почему тогда никто не спускает собак? Свора живо догнала бы беглеца, не оставив ему ни шанса на спасение. Ведь приснопамятный ручей остался в другом районе, а по пути, как назло, больше ничего подходящего не попадалось. Мысленно воспроизводя маршрут своего движения, Эрих начал подозревать, что преследователи его куда-то гонят. С какой целью — он понятия не имел, а останавливаться и задавать им вопросы явно не стоило. Точно так же не стоило соваться к домам, где Эриха наверняка не ждали. Во всяком случае, с добрыми намерениями. Если свора взяла след, в чьем-нибудь дворе не укроешься, а любой местный житель станет еще одним врагом. В результате молодой человек бежал вперед как лань, преследуемая охотниками, и загоняемой ланью себя и чувствовал. Сердце его колотилось так, что пульс барабанил в ушах, а дыхание угрожающе сбивалось. На ровной дороге тренированный Эрих держался неплохо, однако попробуйте сохранять форму, когда ваши ноги испытывают все прелести пересеченной местности. Подошвы скользят, носки ботинок цепляются за корни, а из темноты что-то постоянно норовит поддать в лодыжку, колено или куда повыше.

Треклятые псы не отставали. Державшие их в поводке подозрительно неплохо поспевали за добычей, словно носиться впотьмах через заросли для них самое привычное дело. Эрих почувствовал, что начал выбиваться из сил. Из-за дневной погони он не успел как следует отдохнуть, а ночная грозила окончательно его доконать. Когда впереди объявились новые огни, молодой человек уже подумывал остановиться и принять бой. Два пистолета и пол-

торы дюжины патронов преподадут охотникам хороший урок: добыча порой тоже умеет показывать клыки. А там уж будь что будет. Показавшийся свет выхватывал из темноты какие-то дома, сгрудившиеся в поселение. Эрих замедлил бег, решая, устроить бой на окраине или же остаться в темноте. Стратегически ему подходили оба варианта, в зависимости от развития событий и результата схватки. Ничего конкретного, однако, он надумать не успел, поскольку неожиданно узнал открывшуюся перед ним местность. Это были окрестности кирхи, которые он столь поспешно покинул еще при свете дня, только несколько в другом направлении. Теперь погоня, словно в насмешку, загнала Эриха обратно, будто именно в этом и состоял ее план. Вытащив пистолет, молодой человек обернулся, оценивая расстояние до преследователей. Оно не то чтобы было критичным, но медлить не позволяло. Ох, что-то многовато огней! Перестрелка в темноте грозила быстро опустошить весь боезапас без нанесения противнику минимально необходимого урона. Попасть в окружение где-нибудь в хорошо освещенном поселке Эриху тоже не улыбалось, но конкретно этот поселок имел одно неоспоримое преимущество. Кирху! Загнанный антифашист и так подумывал туда вернуться, а теперь, похоже, у него и выбора-то не оставалось. Поколебавшись несколько секунд, Эрих сунул пистолет в карман и во весь дух припустил туда, где виднелся хорошо знакомый шпиль старинного строения.

Кирха никуда не делась. В отличие от всего остального она выглядела практически неизменной, а если снаружи и были какие-то отличительные детали, Эрих впопыхах их не заметил. Успешно добравшись до заветных стен, он сунулся было к малому входу и обнаружил, что тот заперт. Удивляться этому не приходилось, однако молодой человек почувствовал себя ребенком, которого подло обманули. Знакомое окно, неоднократно выручавшее антифашиста, также не поддалось. Оставался центральный вход, освещенный огнями уличных фонарей. Эрих крадущимися шагами подошел к углу здания, где его, видимо, поджидала сама судьба. Выхватив оба пистолета, он глубоко вздохнул и выскочил на свет. Полдюжины полицейских, несколько солдат и типы со свастикой на повязках полностью вписывались в ожидаемую картину. Одни сидели на ступенях кирхи, другие подпирали спинами массивные входные двери. Расслабленные позы, в которых они находились, свидетельствовали о продолжительном дежурстве. Вероятно, они не ожидали появления беглеца, хотя их наверняка поставили караулить именно его. Или ожидали? Не могла же вся эта компания не слышать приближающийся собачий лай и не озаботиться вопросом, что его вызвало? Ощеренные ружья, направ-

ленные в грудь Эриха, вместе с дулами пистолетов в одно мгновение изрешетят его в кровавый фарш. Тут уже никакая реакция не поможет. Оказавшись в лучах света, молодой человек прямо-таки ощутил себя мишенью, по которой не промажет даже новобранец. Его собственные пистолеты, вскинутые навстречу врагам, были готовы выпустить пули, но больше нескольких выстрелов он сделать не успеет. Кого-то антифашист, безусловно, поразит, но и сам отправится в могилу кратчайшей дорогой. Наводя оружие, Эрих едва не спустил курки, прежде чем сообразил, что рядом никого нет. Охрана у входа в кирху существовала только в его разгоряченном воображении. Не было ни ружей, ни пистолетов, ни вояк в старинной форме. Никто не рассиживался на ступеньках и не тянул сигареты, ни одна живая душа не дремала на вверенном ей посту. Пространство перед кирхой пустовало так же, как пустовала и улица. Вокруг, насколько хватало взора, не наблюдалось никакого присутствия людей, исключая искорки света в окнах некоторых домов. Эрих, не ожидавший ничего подобного, почувствовал едва ли не разочарование. Адреналин, насыщавший кровь до отказа, прямо-таки требовал устроить хорошую перестрелку в духе классических вестернов. Ну, возможно не все еще потеряно и оружию найдется соответствующее применение. Погоня ведь никуда не делась, хотя лай собак отчего-то стих. Эрих, уж на что торопился, даже застыл на каменных плитах, прислушиваясь к звукам ночи. Странно — тишина, не считая шелеста листвы да иных естественных шумов природы. Впрочем, раздался и собачий лай. Затравленный антифашист едва не дал деру, но тут же сообразил, что лай одиночный, далекий и идет совсем с другой стороны, неужели погоня. Не иначе как тявкал спросонья чей-то дворовый пес. Но куда же подевалась свора?!. Достигла окраины поселения и затаилась, окружая беглеца по периметру? Сдвинулась в сторону, обходя уличные огни, или же преследователи устроили совещание, решая, врываться ли в поселок как есть, или соблюдать приличия и осторожность? "А так ли уж мне надо это выяснять"? — совершенно справедливо подумал Эрих. Торопливыми шагами он пересек освещенное пространство и потянул дверь на себя. Та, некогда закрытая на цепь с навесным замком, подалась без каких-либо препятствий. Теперь эта цепь и замок лежали там, где и упали в прошлый раз. Эрих с замирающим сердцем заглянул внутрь — все еще оставалась немалая вероятность, что там его ждала засада. Гм, кажется, никого. В кирхе, погруженной в полумрак, ни что не указывало на присутствие людей. Никто не окрикнул ночного визитера, и никто не палил в дверь, всаживая в нее пулю за пулей. Даже тихий щелчок затвора и то не раздался. Невольно вздохнув,

будто набирая воздух перед нырянием, Эрих шмыгнул в темноту кирхи.

Внутри так никого и не оказалось. Молодой человек, не забыв притворить входную дверь, привычным путем прошел через неф. Его шаги тихо шуршали под старинными сводами, озаряемыми лишь проникавшим с улицы светом. Теперь, возможно, Эрих лучше осмотрел бы убранство кирхи, но слабая освещенность не позволяла это сделать. Разве только на ощупь, но пара столкновений со скамьями, отчего-то выдвинутыми со своих мест, не считались. Эрих спешил, не оглядываясь. Дом пастора Берга его уже не интересовал. Во всяком случае, прямо сейчас. Туда всегда можно прийти позже, если посещение кирхи не принесет каких-нибудь результатов.

В притворе было тихо, безлюдно, и все по-прежнему находилось там же, где и несколько часов назад. Эрих без труда отыскал свою окровавленную одежду и мобильный телефон. Включив экран, он убедился в отсутствии сети. Все попытки поймать сигнал, чтобы набрать хоть какой-нибудь номер ни к чему не приводили. Плохо. Эрих помрачнел. Он до последнего верил, что звонок пройдет и сумеет рассеять пелену ночного кошмара. Ну, по крайней мере, теперь у него есть фонарик. Прихватив мешок с вещами, Эрих проследовал в подвал.

Электрический свет зажегся сразу и без капризов. Эрих начисто не помнил, выключал он его или нет — давеча ему было несколько не до того, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Пройдя по коридору до железной двери, молодой человек остановился напротив нее, не решаясь войти. Кажется, из замочной скважины торчал прежде незамеченный ключ. Некоторое время Эрих изучал его головку, но прикоснуться к ней не решился. Сейчас он вообще боялся что-либо трогать, а то вдруг еще стрясется новая напасть. Например, дверь заклинит, и он уже не попадет внутрь. Но дверь не заклинило. Она подалась так же легко, как и раньше, словно только и ждала появления антифашиста. Подсвечивая себе фонариком на телефоне, Эрих нащупал на стене выключатель. Комнату озарил мягкий рассеянный свет. Эрих почувствовал, как его охватила легкая дрожь, а по спине побежали мурашки. Оптическая иллюзия! Она была там! Была все в том же месте по центру помещения! Та, что слегка искажала пространство, словно под воздействием горячего воздуха, и что потом исчезла, когда Эрих прошел сквозь нее навстречу статуе. Молодой человек обошел комнату по периметру и убедился, что загадочная иллюзия следует уже знакомому сценарию. Вне ее были статуя и коробки, а сквозь волнующийся центр комнаты они отсутствовали. Не вы-

держав нервного напряжения, Эрих даже не прошел, а пробежал сквозь колеблющееся пространство. Как и прежде, комната, казалось, не изменилась, а вот статуя и коробки бесследно пропали. Вместе с ними опять пропала и оптическая иллюзия. Свет в комнате по-прежнему горел, что позволяло хорошенько осмотреться. Чем бы ни был загадочный эффект, он снова испарился неведомо куда, едва его миновал Эрих. Последнему, однако, сейчас не было ни малейшего дела до того, что бы это значило. Все, что его волновало — изменения снаружи. Подскочив к двери, Эрих метеором вылетел в коридор, даже не обратив внимания, что ТАМ железная створа осталась приоткрытой, а здесь была по-прежнему заперта, и чтобы выйти из комнаты ему пришлось повернуть внутренний запор. Тот самый, который он накануне сам же и замкнул, спасаясь от преследования собак.

Наверху было светло. Сперва, еще только выходя с лестницы, Эрих ощутил приступ сильнейшего разочарования. Даже не разочарования, а едва ли не смертной тоски. Неужели кошмар не развеялся? Но ведь и в прошлый раз темнота неожиданно сменилась светом, так отчего же сейчас не произойти обратной метаморфозе? Чувствуя сухость во рту, молодой человек заглянул в притвор. С первого же взгляда стало ясно, что все тамошние предметы вернулись на свои места, где Эрих привык их видеть во время посещений пастора Берга. Сердце молодого человека забилось так, что недавняя погоня выглядела легкой прогулкой, не дававшей никакой серьезной нагрузки. Пульс прямо-таки зашкаливало. Забыв про преследователей, собак, вооруженных людей и вообще про все на свете Эрих выскочил из притвора пушечным ядром и вихрем добежал до главного входа. Он не замечал ни внутреннего убранства кирхи, пришедшего в свое обычное состояние, ни чего бы то ни было еще. В его сознании сейчас существовал лишь внешний мир, который и предстал перед взором, едва молодой человек миновал массивные двери и очутился у каменных ступенек. Окружающее он воспринял не сразу. Странные ощущения вроде покалывания кожи и головокружения опять мешали ему сосредоточиться, а яркий дневной свет бил в глаза. Эти ощущения появились опять, едва он пересек дрожавший воздух в подвале, и теперь мало-помалу ослабевали, пока антифашист, приложив руку козырьком, таращился вокруг. Ему казалось, что вместо нескольких секунд прошла целая вечность, прежде чем к нему пришло осознание увиденного. Издав нечленораздельный возглас, больше похожий на захлебнувшийся вопль, Эрих выхватил из кармана телефон. Там, как ни в чем не бывало, привычно высвечивались полоски уверенного приема. Сбежав со ступенек,

молодой человек трясущимися пальцами набрал номер. В ответ послышался гудок, официальное приветствие и приятный женский голос осведомился, куда он желает заказать такси.

Эрих плохо помнил, как доехал до дома. Потеряв всякую осторожность, он прибыл на вызванной машине к подъезду своего нового жилища, где вышел подобно лунатику и проследовал в квартиру. После всего пережитого какой-то там полицейский шпик его совершенно не волновал. Возможность загреметь в местную каталажку была просто ничем в сравнении с кошмарами какой-то иной реальности. Замкнув дверь на ключ, Эрих первым делом направился в ванную, скинул с себя одежду и забрался под душ, где и просидел часа два. Затем, облачившись в халат, явился на кухню и принялся утолять звериный голод вкупе с еще большей жаждой. Включенный телевизор сообщал субботние новости. Эрих сверил часы. Его мобильный телефон показывал правильные цифры с привычным расхождением в одну минуту. Выходило, все проведенное невесть где время прошло по-настоящему, с точностью, видимо, до секунды. Ох!.. Как-то все это подмывает версию о самом обычном наваждении или хотя бы непродолжительном помрачении рассудка. Вздохнув, Эрих сделал несколько звонков знакомым и коллегам, задав им пустяковые вопросы. М-да, вчерашний день, равно как и сегодняшний, для них никуда не делся. У одного лишь Эриха минувшей ночью приключилось нечто невообразимое, однако прямо сейчас он об этом распространяться не собирался. Отложив телефон, молодой человек проглотил двойную дозу снотворного и завалился спать. Вот теперь уже поговорка "утро вечера мудренее" приходилась как нельзя кстати.

На свежую голову Эриху соображалось лучше. Правда, ничего особенно путного туда так и не пришло. Разбирая брошенные на пол вещи, позаимствованные в кирхе, он выронил на пол два пистолета и некоторое время тупо на них смотрел, будто на призраков. Оружие и не подумало исчезнуть под его горящим взглядом, поэтому пришлось его поднять и положить на стол, после чего усесться рядом и хорошенько призадуматься. Итак, где-то Эрих все-таки побывал, иначе две эти железяки — кстати, в прекрасном рабочем состоянии, — никак не могли оказаться у него в карманах. Либо же он рехнулся настолько серьезно, что галлюцинации продолжают его преследовать до сих пор, обретая невероятно реальное воплощение. Эрих хотел было сфотографировать пистолеты и отослать фото кому-нибудь из приятелей, но быстро передумал. В его положении только такие улики в сеть и выкладывать. Полиция тут же ухватится за столь примечательный факт, как владение незарегистрированным оружием, особенно после поджога

особняка. Если, конечно, оно не плод воображения Эриха. Кстати о полиции! Что-то она не торопится допрашивать молодого человека в связи с ночной диверсией. Открыв сайты новостей, антифашист принялся деятельно их изучать, пока не наткнулся на статьи об интересовавшем его происшествии. Прочитанное привело Эриха в некоторое замешательство. При всей серьезности деяния полиция вела себя довольно флегматично, ограничиваясь сдержанными комментариями. Неужели она не усмотрела в пожаре очевидный поджог? А сбитые неонацисты, чью кровь Эрих до сих пор ощущал на своем лице? Что, никто из следователей не нашел здесь никакой связи? Мистика, да и только! Ну, либо же полицейская уловка, призванная усыпить внимание подозреваемого вплоть до самой поимки. Одна мысль об этом тут же взволновала натворившего дел антифашиста. Он бросил беглый взгляд в направлении двери, и в его ушах уже звучала повторяющаяся трель звонка вкупе с гулкими ударами. Наряд полиции явился его арестовать и готовился проникнуть силой, если хозяин не отопрет по-хорошему. Встряхнув головой, Эрих даже проследовал ко входу и убедился, что там по-прежнему тихо. Вернувшись обратно, он плюхнулся на диван и принялся размышлять дальше.

Раздумья одолевали молодого человека и все последующие дни, что днем на работе, что вечерами в палате Евы. Девушка медленно приходила в себя. Врачи еще не разрешали пострадавшей долго разговаривать, но Эрих ловил на себе ее осмысленный взгляд, полный таких горьких чувств, что у него в душе все переворачивалось. В эти моменты он целиком и полностью посвящал себя подруге, неся любую околесицу, лишь бы той стало получше. Однако когда Ева снова засыпала, Эрих возвращался к своим непростым думам. А ему действительно было отчего призадуматься, поскольку ни одного внятного ответа о своем недавнем кошмаре он не получил. Буквально накануне Эрих решился на крайне простую идею — явиться к пастору Бергу и задать ему несколько вопросов. Увы, несмотря на всю очевидность замысла, он не сработал. Пастора Берга ни в кирхе, ни дома не оказалось. Обеспокоенный, Эрих стал наводить справки и выяснил, что старика увезли в больницу. Разумеется, молодой человек довольно оперативно выяснил куда именно и даже побывал у него в палате. Там-то он и узнал, что пастора обнаружил кто-то из его знакомых. Старика нашли в подвале кирхи со всеми признаками сердечной недостаточности и перенесенного инфаркта. Он был еще жив, но с тех пор как его забрала скорая помощь и поместила в реанимацию, так и не приходил в себя. Его больница находилась в другой части города, нежели та, где лежала Ева, поэтому Эрих не успевал регу-

лярно навещать пастора, вынужденный делать выбор. Тем не менее, он заглядывал к нему хотя бы пару раз в неделю, не только рассчитывая получить ответы, но и всерьез обеспокоенный здоровьем наставника. К сожалению, его состояние оставалось без изменений. Врачи говорили, что продолжительное кислородное голодание могло сказаться на головном мозге. Пастор Берг пребывал в коме, и шансы выйти оттуда в его-то возрасте да с учетом всех обстоятельств были крайне невелики. Пригорюнившись, Эрих молча просиживал у старика с полчаса под звуки поддерживающей жизнь аппаратуры, а затем уезжал в больницу к своей подруге. Настроение у него было хуже некуда, но он старался не подавать виду, чтобы почем зря не расстраивать и без того несчастную Еву. Лишь когда она его не видела, на лице Эриха частенько витало мрачное выражение, однако знакомые и коллеги списывали это на происшествие с невестой господина Сторма. Вероятно, той же версии придерживалась и полиция. Во всяком случае, если Эриха в чем-то и подозревали, то ничем своих подозрений не показывали. Наоборот, следователь, пару раз приезжавший задать несколько вопросов, был крайне обходителен. Он заверял, что расследование якобы продвигается, и что скоро негодяев обязательно поймают. Правда это была или нет, но Эрих вслух отвечал одно, а думал совсем другое. Теперь по всему выходило так, что лучше бы подонков не нашли. Ведь иначе ниточка грозила привести к самому Эриху, когда выяснится, что изобличенные неонацисты имеют прямое отношение к сгоревшему особняку. М-да, ну и положение. Одно тянуло за собой другое, каждое действие порождало совершенно неожиданные последствия, приправленные многочисленными невероятными случайностями, и все это сплеталось в какой-то поистине немыслимый клубок. Даже пастор Берг — и тот, до сих пор серьезно не хворавший, вдруг оказался при смерти как раз тогда, когда воспитаннику больше всего была нужна его помощь. Просто чертовщина какая-то! Иногда Эриху начинало казаться, будто некто нарочно втягивал его в водоворот событий, когда подталкивая к их свершению, а когда и прикрывая от последствий.

Устав мучиться от неразрешимых вопросов, Эрих решил провести разведку боем. Выбрав подходящую ночь, он вызвал такси и добрался до кирхи. Та была ожидаемо пуста. Лицо, заменявшее пастора Берга, не торчало в ней с раннего утра до глубокой ночи. Убедившись, что огни погашены, а двери заперты, молодой человек пробрался внутрь через хорошо знакомое окно. Оно лишь выглядело запертым на задвижку, вводя всех в заблуждение, а на деле открывалось вместе с дужкой защелки, стоило лишь хорошень-

ко потянуть. Пастор Берг, разумеется, был прекрасно осведомлен об этом обстоятельстве, но отчего-то никаких мер к ремонту не принимал. Эрих даже подумал, что старик оставляет окно открытым специально для него, но подтверждения своей версии ни разу не получил.

Притвор никогда не запирался. Точнее, он не имел наружного замка, а засов можно было заложить только изнутри. Пастор Берг, покидая кирху через малый выход, засов никогда не трогал, а его сменщик и вовсе удалялся через главный вход. Спустившись в подвал, Эрих внимательно изучил железную дверь. Ничего примечательного, разве что ключ по-прежнему торчал в замке. Почесав в затылке, молодой человек попробовал его вытащить и неожиданно ощутил сильнейший холод. Температура металла будто упала разом на полсотни градусов, обжигая кожу ледяными иглами. Отдернув руку, Эрих испуганно осмотрел пальцы, выискивая следы обморожения. Тех не было и в помине. Удивленный, молодой человек осторожно прикоснулся к дверной ручке. Та отдавала знакомым теплом, столь резко контрастировавшим с морозной хваткой. Еще более изумляясь, Эрих рискнул дотронуться до головки ключа. Тепло. Гм. Взявшись за нее пальцами, он вновь попробовал вынуть ключ и вновь отдернул руку, ощущая сильнейшее жжение холода. Вся дверь же на поверку снова потеплела как ни в чем не бывало. Складывалось впечатление, будто она говорила молодому человеку: "заходи, будь так добр, но ключ трогать не смей!" Положив ладонь на дверную ручку, Эрих легонько толкнул дверь, и та бесшумно распахнулась практически до отказа. Озадаченно хмыкнув, антифашист шагнул в комнату и включил свет. Ага! Вот это уже интереснее! Оптический эффект, искажавший воздух в середине подвального помещения, объявился снова. Эрих принялся нарезать круги по периметру, старательно рассматривая неведомую иллюзию во все глаза. А вот и статуя, а вот и коробки. Так-так-так! Что бы это значило? Пребывая в нездоровом возбуждении, антифашист почувствовал исследовательский зуд, однако на сей раз сквозь волновавшееся пространство не полез. Он тщательно фотографировал его на мобильный телефон, особенно стараясь запечатлеть различия с появлявшимися и исчезавшими предметами. На ту сторону, чем бы она ни была, Эрих не торопился. Прошлого путешествия ему более чем хватило, чтобы он спешил повторять опасный эксперимент. Который, между прочим, возможно, влияет на сознание, а отнюдь не переносит подопытного неведомо куда. Эта идея осенила Эриха в процессе изучения колебавшегося пространства. А ну как он отчасти был прав, когда предполагал, что попросту свихнулся? Что если наваждение дей-

ствительно таковым и является, просто насаждается искусственно воздействием некого излучения на головной мозг? С такими вещами шутки плохи. Образно говоря, если злоупотребить рентгеновской установкой, то и окочуриться недолго. Вот только что эта иллюзия делает в подвале кирхи пастора Берга, не говоря о природе ее возникновения? Оставив в покое центр комнаты, Эрих принялся осматривать пол, потолок и стены. Увы, кроме надписей на латыни да затейливых изображений, смысл которых молодой человек по-прежнему практически не понимал, ничего интересного там не сыскалось. Тогда Эрих сменил тактику. Вернувшись в коридор, он принялся обшаривать весь подвал в надежде отыскать какое-нибудь хитроумное оборудование. Любознательный антифашист провел за этим занятием не менее часа, прежде чем убедился, что либо под кирхой никаких научных штучек нет, либо они запрятаны хитрее, чем он думает. Убедился, впрочем, до поры, поскольку изучить все досконально у него не вышло. Некоторые двери были заперты, а взламывать их Эрих не решился, равно как посчитал излишним долбить киркой пол и стены комнаты с оптическим эффектом. Бесплодные поиски принесли некоторое разочарование, однако молодой человек не вешал нос. Наличие неведомой иллюзии предполагало возможность дальнейших экспериментов. Каких? Время покажет. Сейчас же лучше всего удалиться восвояси, пока подвал снова не сыграл с незваным посетителем какую-нибудь гнусную шутку. Сказано — сделано. Затворив железную дверь, Эрих покинул кирху через все то же окно, не забыв погасить внизу свет.

Немедленно рассказать обо всем Еве помешало одно крайне серьезное обстоятельство. Даже два. Решив предъявить девушке старинную одежду в качестве хоть какого-то доказательства своих слов, Эрих не обнаружил ее на прежнем месте. Правильнее сказать, он вообще ее не обнаружил, хотя прекрасно помнил, куда положил вещи. Перерыв всю квартиру, молодой человек очень встревожился. Одежда, позаимствованная в "иной" кирхе, бесследно исчезла. Более того, с ней исчезли и оба пистолета, наличие которых Эрих также проверил, осененный внезапно мелькнувшей мыслью. Похоже, в его квартиру кто-то проник и выкрал именно сувениры из другой реальности! И либо это полиция, искавшая улики против поджигателя, либо… либо никаких сувениров не существовало вовсе. Воздействие неведомых волн прекратилось. Эрих перестал видеть и ощущать плод своего воображения. На минуту молодой человек допустил, что похитителем вещей был некто задействованный в неведомом эксперименте. Увы, вскоре стала напрашиваться другая версия, куда менее радужная и гораздо

более пугающая. Вероятно, Эрих все-таки рехнулся. Вещи-то еще можно украсть, а вот куда подевались фотографии с телефона, сделанные давеча в подвале кирхи? Точнее, файлы-то остались, но на них было запечатлено нечто абсолютно неразборчивое — эдакий хаос пикселей, как если бы Эрих пытался в темноте сфотографировать простую стену. Схватившись за голову, молодой человек плюхнулся в кресло и глубоко призадумался. История, только начинавшая было проясняться, не просто вернулась на круги своя, а еще и усугубилась. Ведь по всему выходило, что Эрих продолжал контактировать с некой до ужаса реальной иллюзией, которую, не исключено, видел и чувствовал только он. А что это как не помешательство? Проследовав в ванную, Эрих проглотил пару таблеток успокоительного. Последние дни, раздобыв у врача рецепт, он временами прибегал к этому средству, когда ощущал чрезмерное волнение, и прибегал не безрезультатно. Теплый душ и таблетки подействовали. Нервное возбуждение отступило, и Эрих уже не так страшился мысли об умственном расстройстве. Проблема, тем не менее, никуда не делась, и ее требовалось как-то решать. Следовало лишь придумать как. Пастор Берг по-прежнему пребывал в коме без каких-либо видимых изменений, так что самый простой вариант все еще исключался. У Эриха оставалось два пути: либо он отправляется к психиатру, либо пытается самостоятельно разобраться в происходящем. Неторопливо поразмыслив в течение нескольких дней, молодой человек выбрал последнее. Для этого он зарезервировал выходные, заведомо свободные от работы. Для этого же он и отпрашивался у Евы, искренне вымаливая прощение за то, что целых два дня не сможет навещать ее в больнице. Девушка, потихоньку шедшая на поправку, даже не подозревала, для чего именно ее будущему мужу требуется такая отлучка. Без всякой задней мысли она обещала как-нибудь пережить это расставание, при условии, что любимый от нее ничего не скрывает. Эрих чуть со стыда не сгорел, но вынужден был скроить честнейшую мину, чувствуя болезненные уколы совести. Ну не мог же он, в самом деле, поведать Еве правду. То есть то, что он собирается провести эксперимент, ставивший целью определить: свихнулся он или нет. Только таких заявлений бедной девушке сейчас и не хватало!

Эрих покинул палату Евы поздно вечером, оставив ее на попечение родителей. Теперь в его распоряжении имелось целых двое суток, включая надвигавшуюся ночь. Собираться ему не требовалось, поскольку все необходимое для грядущего путешествия он подготовил заранее. Именно поэтому молодой человек решил потратить лишний час, чтобы навестить знакомых. Тех, что фигу-

рировали на злополучных фотоснимках и пострадали в ту же ночь, что и Ева. Уже спавших Эрих не будил. С бодрствующими он немного поболтал, подбадривая различными историями и травя свежие анекдоты. Друзья были рады его видеть. Их, конечно, навещали, но меньше, чем хотелось бы. На общем фоне визиты Эриха несколько выделялись, пускай и не продолжительностью, но частотой. Беднягам, прикованным к больничным койкам, и в голову не приходило, что их товарищ чувствует вину за случившееся. Эта вина и заставляла его заглядывать к ним с заметной периодичностью. Оказывая внимание друзьям, Эрих чувствовал некоторое моральное облегчение, как и в случае с Евой. К сожалению для него, это внимание не осталось незамеченным не только пострадавшими. Одолевай Эриха мания преследования, он, возможно, и заподозрил бы кое-что, иначе кого нынче удивит человек с телефоном? Никого, если речь не про секретный объект и не закрытое правительственное учреждение. Людей с мобильной техникой хватало везде, в том числе и в больнице даже в позднее время. Мало ли кто чем занимается, уткнувшись в экран планшета или смартфона: может, новости читает, может, с кем-то переписывается. А если и делает фотографию, то практически каждый житель современного города периодически оказывается в чьем-нибудь кадре, в основном исключительно случайно. Эриху не было ни малейших забот до незнакомых ему пациентов и посетителей больницы, даже если до его слуха порой доносился характерный звук сделанного снимка. Однако снимки эти создавались не просто так, и Эрих попадал на них отнюдь не спонтанно, причем не только через камеры смартфонов, но и объективы различных устройств в духе шпионской техники. Попадал настолько часто, что его персона мало-помалу начинала выделяться из общей массы гостей строго определенных палат.

* * *

Полночь застала Эриха в подвале кирхи. Он не специально выбрал именно это знаковое время — просто так получилось. Старинное здание привычно пустовало, запертое нынешним служителем. Для воспитанника пастора Берга это, как обычно, не являлось препятствием. Путешествие через окно начинало входить у него в привычку, да и подвал также становился часто посещаемым местом. Убедившись, что оптическая иллюзия на месте, Эрих сделал несколько кругов по комнате. Вот они — статуя, коробки и… Дверь! Черт побери, через дрожавший воздух было отчетливо видно, что ТА дверь приоткрыта, в то время как здесь молодой че-

ловек ее тщательно запер во избежание возможных эксцессов. Эрих вновь ощутил прилив нездорового возбуждения. Если все это ему и мерещится, то помешательство приобретает исключительно упорядоченный характер. Теперь молодой человек ясно припомнил, что в прошлый раз второпях не закрыл ТУ дверь. Она осталась в том самом положении, в котором наблюдалась сейчас. Ого, это и впрямь любопытно! Галлюцинации и наваждения обычно не следуют такой математической точности. Значит, здесь все-таки что-то другое, если, конечно, Эрих не тронулся каким-нибудь особенно изощренным образом. Ну, вскоре это выяснится. Вздохнув поглубже, молодой экспериментатор шагнул внутрь волновавшегося пространства и пересек его в направлении двери. Да, вот она, не затворена, будто так и надо. Рука Эриха коснулась странно теплого металла незапертой створы. Обернувшись, он увидел материализовавшуюся статую. Оптическая иллюзия исчезла.

— Что ж, будем надеяться, она объявится вновь, когда я сюда вернусь, — пробормотал молодой человек, делая снимок изваяния. Полной уверенности на сей счет он не испытывал, однако предыдущие наблюдения заставляли предположить, что эффект появляется спустя некий промежуток времени. Так, словно для прохода с одной стороны на другую требовалась перезарядка. Это вновь наводило на мысли о научном оборудовании, но взламывать замки и долбить стены Эрих не торопился. Вместо этого он покинул подвал и вышел в притвор. Там он особо не задержался, сделав всего несколько фотографий, а почти сразу проследовал в неф. Вот теперь Эрих изучил внутреннее убранство кирхи куда основательнее, благо что за окнами опять было светло. Произошедшая метаморфоза сомнений не вызывала. Похоже, Эрих вновь очутился в некой иной реальности, что стало понятно еще с первых шагов по притвору. В той же или нет — покажет улица, а пока молодой исследователь деятельно обходил кирху, с растущим любопытством фиксируя все примечательные изменения.

Запустение было налицо. Эрих уже не игнорировал ни паутину на напольных канделябрах, ни пыль на скамьях и полу, ни какой-то невнятный сор. Отпечатки, оставленные в пыли, наводили на размышления. Молодой антифашист не был следопытом, но складывалось впечатление, будто некто искал укрытие в алтарной части, а его нашли, схватили и грубо протащили к выходу. Похожее впечатление производила и кафедра проповедника. Эрих обнаружил там кусочек ткани, зацепившейся за расщепленное дерево. Вероятно, здесь так же кому-то здорово досталось — при внимательном рассмотрении исследователь заметил несколько подозрительных темных пятен. Гм. Что бы ни произошло в ЭТОЙ кирхе,

она переживала не лучшие времена. Даже распятие, традиционно возвышавшееся на алтаре, валялось рядом как обычная железяка. Эрих, несмотря на опеку пастора, был не религиозен, но из почтения к наставнику и вообще этому месту поднял тяжелый крест и водрузил его обратно. Затем, сделав еще несколько фотографий, вернулся в притвор. Увиденное впечатлило его настолько, что он решил тщательно осмотреть и служебные помещения, прежде чем выйти наружу.

Все выглядело так, будто в притворе произвели обыск. Этим, вероятно, и объяснялось хаотичное расположение многих предметов, сваленных где попало в полном беспорядке. В прошлый раз Эрих не обратил на это внимания, но теперь, после всех наблюдений, перед его внутренним взором прослеживались вполне ясные ассоциации. В содержимом шкафов явно рылись. Книги на полках частично отсутствовали, а находившиеся там были поставлены вразнобой. Церковная утварь выглядела так, будто ее оценивали мародеры, решая, брать или не брать. Личные вещи и всякие мелочи быта пребывали не в самом приглядном состоянии. Кто бы ни копался в имуществе здешнего пастора, он обошелся с ним не то чтобы уж совсем бесцеремонно, но все же очевидно небрежно, без всякой хозяйской заботы. Заглянув под стол, Эрих нашел там валявшийся листок бумаги, покрытый тонким слоем пыли. Перевернув его, он бегло прочел текст и нахмурился. Это было антисемитское воззвание, характерное для ненавистной ему эпохи. Кажется, нечто подобное Эрих уже видел — в прошлый раз, на расклеенных листовках. Тогда, сторонясь всех и вся, он не подходил достаточно близко, чтобы ознакомиться с их точным содержанием, но теперь уяснил их смысл досконально. Что ж, видимо, свастика на флагах и рукавах здесь не просто так, как и нацистское приветствие. Поймать бы того ученого деятеля, кто подсунул Эриху эту реальность, да врезать ему хорошенько! Только подсунул ли? Убрав листовку за пазуху, Эрих застыл в замешательстве. По логике вещей, если он все-таки сошел с ума, то разве не будет ли худшим кошмаром для антифашиста набитый нацистами бред? На фоне этого побледнеют даже адские муки. Впрочем, для научного эксперимента в самый раз, особенно если он проводится незаконно. По-прежнему не придя к какому-нибудь внятному заключению, Эрих оставил выводы на потом. Закончив с притвором, он направился прямиком к главному входу.

Двери так никто и не запер. Ничуть не упрямясь, они отворились, выпустив одинокого посетителя наружу. Теперь Эрих обозрел окрестности без всякой заминки. Во-первых, странные ощущения покинули его гораздо быстрее, будто организм постепенно

привыкал к переходу через аномальную зону в подвале. Во-вторых, они отступили еще внутри кирхи, так что молодой человек уже не хлопал глазами, пытаясь сконцентрироваться на увиденном. Да, вне всяких сомнений это было то же самое место, что и прежде. Цветочные клумбы, скамейки, сместившиеся деревья и исчезнувшая автобусная остановка, старинные фонари... Минуточку! Флаг со свастикой висел на прежнем месте, хотя в прошлый раз Эрих порвал его в клочья. Что это? Обнуление мира, как в какой-нибудь компьютерной программе, либо же в принципе другая реальность? Обдумав оба варианта, молодой человек пришел к заключению, что это может быть ни то, ни другое. Кто бы помешал местным жителям водрузить новый флаг на место старого? Уж явно не те полицейские и прочие молодчики с нацистскими повязками. Более того, скорее всего именно так они бы и поступили. Эриха подмывало пойти и проверить, не осталось ли на перекладине фрагментов сорванного полотнища, но он сдержался. Если обрывки там и были, то их почти наверняка убрали, что делало осмотр практически бесполезным, зато очередной визит на столб грозил выдать антифашиста с потрохами. Ведь его выходку здесь вряд ли забыли, не говоря уже о застреленном человеке. Обитателям этого поселка вообще лучше на глаза не попадаться. Если Эриха объявили в розыск, остается только гадать, насколько точные его приметы разошлись по округе и висят теперь в каждом полицейском участке. Вряд ли в нем признает разыскиваемого преступника каждый встречный, но лучше не испытывать судьбу. И уж точно не перед кирхой, а также ее квартале. Разгуливать там, где ты оставил по себе не лучшие воспоминания, было слишком опасно и грозило непредсказуемыми последствиями однозначно дурного толка. Эрих вообще отнюдь не сразу решился на вылазку через аномалию — его подтолкнуло к этому желание разобраться в происходящем, раздуваемое нездоровым любопытством. Но раз уж он собрался в эти неведомые края, следовало хотя бы избегать очевидных ошибок и не делать глупостей. Именно поэтому, проведя у дверей кирхи меньше минуты, молодой антифашист натянул на глаза шляпу и непринужденным шагом пошел прочь. Держась подальше от домов и людных улиц, он вскоре оставил поселок за спиной.

– 5 –

Памятуя о прошлом опыте, Эрих не боялся косых взглядов, способных приметить его за милю. Одежда молодого человека полностью соответствовала повседневному наряду здешних жите-

лей. Головной убор неплохо скрывал лицо, вряд ли известное в Берлине несмотря на недавнее происшествие. А именно туда антифашист и собирался. Не сразу, конечно, а окольным путем, предварительно завернув в другой пригород и собрав там некоторые сведения. За свое снаряжение, способное пригодиться в продолжительной вылазке, Эрих не переживал. Все необходимое покоилось в вещевом мешке, висевшем за плечами на кожаных лямках. То же, что было способно его скомпрометировать, молодой человек заведомо выложил, за исключением мобильного телефона, надежно убранного во внутренний карман. Учитывая набор функций, вещь все-таки полезная, а размахивать им на глазах местных жителей Эрих отнюдь не собирался. Судя по уровню развития техники, ничего подобного у них не водилось. Возможно, за пределами этого региона все окажется иначе. Вдруг там современная Эриху жизнь, а то и вовсе век из будущего. Эдакий исторический кластер, поделенный на сектора различных эпох. Эрих ведь все еще понятия не имел с чем столкнулся, так что предположения строил самые разные, и такая версия выглядела ничуть не хуже остальных. Если некий научный эксперимент проецирует в его сознание несуществующую реальность, то он способен поместить туда все что угодно. А уж если он и впрямь куда-то переместился, то какая, по сути, разница? Рано или поздно Эрих найдет ответ, а именно за ответами он сюда и вернулся, начав с прежней точки, но намереваясь проникнуть гораздо дальше.

Несколько миль молодой антифашист прошел без приключений, не считая визита к трактору. Какой-то фермер оставил его возле дороги, а сам куда-то удалился. Не удержавшись от соблазна, Эрих подошел к мирно стоявшей технике и принялся ее рассматривать. Ну вот точно такие же он видел на старинных открытках, а также встречал в документальных фильмах! Название фирмы-производителя горделиво красовалось на корпусе, и молодой человек тайком сделал снимок, а затем еще парочку, пока кружил вокруг чудо-машины, изучая ее со всех сторон. Невероятно! Настоящий раритет, окажись он в современной Германии. И в отличном состоянии! Эрих попытался припомнить, когда мог быть сделан этот трактор в подлинной реальности, но в его памяти столь специфические сведения отсутствовали. Увлекшись изучением исторической достопримечательности, он даже потерял осторожность, наводя камеру телефона, и едва не был застукан вернувшимся фермером.

— Вы что здесь делаете? — подозрительно спросил приземистый пожилой мужчина, оглядев Эриха с головы до пят.

Тот едва успел сунуть мобильник в карман, поэтому выглядел как

застигнутый врасплох воришка.
— Отличный агрегат! — нашелся молодой человек, выразив неподдельное восхищение. — Должно быть, хорошо на таком работается! Я, знаете ли, инженер и в машинах кое-что понимаю, оттого и не удержался бросить взгляд на ваш замечательный трактор.
— А то! — смягчился мужчина. — Он у меня пашет как вол. Немалых денег стоил, но себя оправдывает.
— Я вот только не припомню год запуска в производство, — схитрил Эрих, провоцируя собеседника отвечать на незаданный вопрос. — На языке вертится, но… Там было несколько моделей. Ваша какого года выпуска?
— Да я и сам подзабыл, — потер лоб мужчина. — Где-то начало тридцатых. То ли тридцать первого, то ли тридцать второго. У меня плохая память на цифры, постоянно путаю. Главное, что до сих пор ездит и не балует, а нам большего и не надо.
Эрих решил, что на первый раз беседы с неизвестным хватит. Вежливо приподняв шляпу и одновременно чуть наклонив голову, чтобы полностью не открывать лицо, он пожелал собеседнику удачи и удалился. Уже отойдя на сотню ярдов, Эрих услышал, как завелся двигатель. Фермер, оседлав трактор, вырулил на дорогу и покатил куда-то в противоположную сторону. Проводив его взглядом, молодой человек продолжил путь, досадуя, что побоялся узнать больше.

Эрих обошел стороной целых два скопления домов, прежде чем решился войти в третье. Он старался удалиться подальше от эпицентра прошлых событий, где его искали с собаками, да еще как искали! Учитывая количество огней и длине цепи окружения, в облаве участвовало несколько сотен человек, и кто знает сколько псов. Местные жители наверняка помнят громкий инцидент, так что лучше не вызывать в их памяти нежелательные воспоминания. Постояв в нерешительности на окраине, Эрих все-таки направил стопы в улочку. Миновав несколько аккуратных домиков в классическом немецком стиле, он вышел на небольшую площадь, мощеную брусчаткой, и услышал приглушенные звуки музыки. Они раздавались из двухэтажного строения, чьи окна были приоткрыты из-за теплой погоды. Судя по окружающей природе, сейчас была примерно вторая половина весны, но ни точного месяца, ни, тем более, даты, Эрих пока не знал. Над входом в строение имелась вывеска. По ее форме и надписи молодой человек понял, что перед ним пивная. Запах, которым отчетливо тянуло в воздухе, это подтверждал. Внутрь Эрих не зашел — у него не имелось при себе здешних денег. Вместо этого он направился на другой конец площади и уселся на лавочке подле припаркованного легкового

автомобиля. Это была третья машина, которую ему удалось неплохо рассмотреть, ибо прошлая беготня от погони была не в счет. Вторым числился грузовик, проехавший по дороге, когда Эрих пересекал поле. Этот грузовик был под стать трактору, только еще старее. Легковушка же выглядела практически новой, и молодой человек с интересом стал ее рассматривать. Он еще не решил, что делать дальше, поэтому заполнил образовавшуюся паузу изучением автомобиля. Кажется, и эта модель прежде попадалась ему на глаза. Во всяком случае, было в ней что-то знакомое, словно сошедшее с кадров кинохроники. Эрих, стараясь не засветиться, вытащил смартфон и принялся фотографировать как машину, так и окружающую местность. Отдельно он заснял и вывеску пивной, намереваясь позднее составить подробную карту своего путешествия. Географическая же карта, кстати, автоматически создавалась программой на мобильном телефоне, отчего молодой человек, помимо прочего, и взял его с собой. Впоследствии он сможет доработать ее самостоятельно, в том числе собранными сведениями, и попытаться проанализировать. Используя увеличение, Эрих как раз делал третий снимок пивной, когда в кадр попал выходивший оттуда человек. Присмотревшись к фотографии, молодой человек побледнел. Резкое движение пальцами — и вот уже на экране телефона красуется укрупненный снимок мужчины, одежду которого Эрих ни с чем спутать не мог. Это была коричневая форма штурмовика НСДАП. Антифашиста передернуло. Еще в прошлый свой визит в эти края он вроде бы видел нечто подобное, но издали, и не был до конца уверен в сделанных наблюдениях. Ведь то путешествие по большей части представлялось настоящим кошмаром, и в голове у Эриха тогда царил настоящий хаос. Теперь он соображал ясно, и отчетливо осознавал, кто на снимке. Словно не веря своим глазам, молодой человек поднял взгляд и узрел, что штурмовик пересекает площадь, направляясь прямо к нему. Сердце тут же забилось быстрее, усиленно перекачивая разом забурлившую кровь. Эрих, прикрываясь вещмешком на коленях, спрятал мобильник, соображая, как поступить дальше. Почему штурмовик идет к нему? Неужели узнал по описанию? Неужели ориентировка была настолько точной, что этот тип обнаружил его с такого расстояния? Но тогда почему он не поднимает тревогу? Не уверен, что не ошибся, или, наоборот, уверен, но в своих силах? От вихрем завертевшихся мыслей у Эриха на лбу аж испарина появилась. Штурмовик же тем временем приближался, не выказывая никаких признаков враждебности, хотя антифашисту уже казалось, что тот вот-вот выстрелит. Он уже был совсем близко, когда Эрих решил, что напасть первым — это самая лучшая

идея. Еще пара секунд и… Штурмовик, не проявив интереса к лавочке с незнакомцем, подошел к машине и открыл дверцу. Эрих испустил глубокий вздох, выдававший все испытанное напряжение, и тут же мысленно выругал себя, поскольку штурмовик окинул его внимательным взором.
— Что, приятель, жарко? — неожиданно улыбнулся он самым приветливым образом. — Да, денек сегодня погожий.
Вероятно, он превратно истолковал поведение незнакомца, торчавшего на открытом солнце.
— Есть немного, — выдавил из себя Эрих, с трудом отрывая взгляд от повязки со свастикой.
Она действовала на него таким раздражителем, что вооруженный грабитель в маске, пробегающий мимо полицейского, и то должен был показаться последнему милым шалунишкой.
— Что ж вы тогда здесь сидите? — удивился штурмовик. — Зашли бы в пивную. Пиво там сегодня восхитительное! Я специально сюда заехал, чтобы глотнуть пару кружек. У фрау Греты свежая партия, мой любимый сорт.
— А, так это ваша машина, — машинально изрек Эрих фразу тупее некуда.
— Угу, — кивнул мужчина в коричневой форме. — Красавица, правда? Она у меня недавно, но я уже очень к ней привязался. Хотя сейчас я предпочел бы не за руль садиться, а вернуться обратно в то замечательное заведение и выпить еще несколько литров. Чего, кстати, и вам советую. Честное слово, не сидите здесь на солнцепеке, а топайте пропустить кружечку.
— Потратился в дороге. Ни монетки не осталось, — не без внутренней борьбы пояснил антифашист.
Разговаривать со штурмовиком, будто вышедшим со страниц учебника истории, ему было невероятно тяжело, но нельзя ничем себя выдавать. Того инцидента с нацистским флагом Эриху более чем хватило.
— А, — улыбка сползла с лица мужчины. — Сочувствую, приятель. На бедняка вы вроде не похожи, а без средств. Как же так?
Штурмовик вроде бы заранее получил ответ на свой вопрос, но отчего-то все равно его озвучил. Кажется, ему не нравились бродяги и попрошайки.
— Денег нет, а средства как раз есть, — ответил вдруг молодой человек куда более решительным тоном, сделав ударение на первом слове. — Вот и ищу, где одно перевести в другое.
— Это как? — осведомился тип с нацистской повязкой.
Эрих, покопавшись в кармане, извлек оттуда пару предметов размером с горошину, тускло заблестевших в лучах солнца, и по-

казал их на ладони собеседнику. Это были две зубные коронки.
— А-а-а, золотишко, — вновь расплылся в улыбке штурмовик, опираясь на дверцу своего автомобиля. — Это да, это другое дело. Я вас за простачка принял, а вы, приятель, оказывается, тот еще хват.
— В каком смысле? — озадаченно спросил молодой человек, сдвигая на затылок шляпу.
— Коронки-то, поди, снял с какого-нибудь еврея, да? Ловко, ловко, — пояснил, прищуриваясь как кот, штурмовик.
Эрих покраснел. Покраснел от прилива ярости, однако собеседник истолковал изменившийся цвет его лица совершенно иначе.
— Да ладно, не стесняйся. Я все понимаю, — подмигнул он антифашисту. — Ты правильно сделал, что показал их мне. Уж я точно знаю, куда такое пристроить. Садись, подвезу. Здесь недалеко.
В голове у Эриха шумело, однако он умудрился сдержать себя в руках. Поднявшись со скамейки, он как робот проследовал к автомобилю, открыл дверцу и плюхнулся на переднее пассажирское сиденье. Штурмовик тут же забрался на водительское, завел мотор и машина покатила с площади в одну из улочек.
— Правильно, приятель! Этих жидов надо трясти пока кишки не полетят! А когда полетят, глядишь, и в них золотишко сыщется, — душевно заговорил тип со свастикой, похлопывая ладонью по баранке руля. — Ничего, скоро мы ими займемся вплотную — помяни мое слово. Тогда уж парни вроде нас с вами получат то, что им причитается по праву. Много у тебя еще? Не бойся, я тебя грабить не стану. Мы своих не трогаем.
— Да тут поди разбери, кто свой, кто чужой, — уклончиво отозвался Эрих.
Сейчас он больше всего мечтал вцепиться штурмовику в толстую шею и желательно зубами, но вместо этого кусал собственные губы.
— Ну ты-то точно свой! — засмеялся нацист. — С такой мордашкой как у тебя даже поговорить приятно — ты же вылитый ариец! Да еще, как выяснилось, и парень не промах. Кстати, тебя как звать-то?
Почувствовав явное расположение к пассажиру, водитель окончательно перешел на "ты". Эрих был вынужден принять этот жест, хотя у него чуть ум за разум не заходил от ярости, и представился. Штурмовик, назвавшись Ульрихом, продолжил болтать, действительно вообразив в собеседнике "своего" и даже не подозревая, что тот в каком-то дюйме от смертоубийства. Возможно, именно этим бы дело и кончилось, кабы машина не остановилась у дверей какой-то лавки.

— Приехали! — сказал нацист, вылезая из автомобиля.
Эрих последовал за ним, стараясь лишний раз ничего не говорить. Голос мог его выдать.
— Эй, Гюнтер, где ты там?! Я тебе клиента привел! — крикнул тип со свастикой на повязке.
Откуда-то из-за портьеры в лавку вышел пожилой мужчина, на ходу одевая очки. Судя по наполнению шкафов и полок, он торговал всякой всячиной, и, вероятно, занимался скупкой определенных вещей. Ульрих, наклонившись к человеку за прилавком, что-то пошептал ему на ухо, разок указав на стоявшего позади нового знакомца. Выслушав штурмовика, человек за прилавком кивнул.
— Подходи, приятель! Давай свои коронки Гюнтеру, — предложил нацист, делая приглашающий жест рукой. — Не боись, не обманет! Даст настоящую цену. Он немец, как и мы, а не какой-то там жид. Тем более если ты свой.
Эрих мысленно пожалел, что вместо коронок не прихватил с собой гранату. На негнущихся ногах он подошел к прилавку и положил на него четыре, а не два золотых изделия, к вящему удовольствию типа в форме. Мужчина в очках внимательно их осмотрел, вооружившись увеличительным стеклом. Затем взвесил на маленьких весах, попробовал на зуб и даже капнул какой-то жидкостью из пипетки.
— Порядок, — заключил он, удовлетворительно кивнув, и озвучил цену.
— Ну, тогда я поехал. Дела. И так уже задержался! — одобрительно сказал штурмовик. — Счастливо, приятель! — добавил он Эриху, хлопнув его по плечу. — Гюнтер с тобой сейчас рассчитается. Если будет еще что продать — всегда заходи к нему.
Антифашист, изобразив на лице вполне натуральную улыбку, выдавил из себя слова благодарности, боясь, что сейчас ему предложат рукопожатие.
— Хайль Гитлер! — коротко вскинул ладонь штурмовик и вышел из лавки.
К счастью, ответного приветствия он дожидаться не стал, ибо Эрих оказался не готов до такой степени прикидываться нацистом.
— Ну-с, молодой человек, держите ваши деньги, — сказал мужчина за прилавком, вручая купюры.
Его немного озадачила реакция посетителя, как-то странно уставившегося на самые обычные денежные знаки. "Наверное, действительно удивлен, что я не обманул и дал хорошую цену", — подумал лавочник. С причиной поведения Эриха он, разумеется, не угадал. Просто тот впервые держал в руках рейхсмарки.

— Что-то не так? — осведомился Гюнтер, неожиданно подумав, не принимает ли клиент его деньги за фальшивые.
Эрих встрепенулся. Заметно изменившийся тон пожилого мужчины заставил его вернуться к действительности и играть свою роль до конца.
— Нет-нет, все в порядке. Спасибо, вы меня очень выручили. Просто я задумался, на что важнее всего потратиться, — живо пояснил антифашист, чем тут же вернул доверие лавочника.
— Главное не пропейте да в карты не продуйте, а уж для любого дела найдется своя выгода, — резонно заметил он. — Вы заходите, всегда буду рад помочь. Ульрих ко мне дурных людей не водит.
"Ну-ну, — подумал Эрих. — По этим людям наверняка международный трибунал истосковался. Мне бы их да потолковать в закрытой комнате!" Вслух же почти спокойно сказал:
— Обязательно. Возможно, даже очень скоро.
С последним он ничуть не лукавил. Ведь продажа коронок оказалась лишь отчасти случайным событием.

Собираясь в продолжительную вылазку, Эрих прекрасно понимал, что ему следует быть платежеспособным. Конечно, он мог бы попытаться обойтись и без денег, только с ними куда надежнее и спокойнее. Вопрос только: с какими? Ни купюр, ни монет местного образца он не видел, а брать что-либо наугад — не самая лучшая идея. Пораскинув мозгами, Эрих пошел наиболее верным путем, пригодным для любой исторической эпохи и известной ему цивилизации. Золото. Его брали всегда и везде, делая различия лишь между формой выделки и процентным содержанием чистого металла. Эрих остановил выбор на коронках. Монеты своей чеканкой могли вызвать вопросы. Слитки также не слишком подходили — дорого и приметно. Коронки же выглядели достаточно нейтрально, имели небольшой размер и при этом вполне прилично стоили. Во всяком случае, за несколько штук. Конечно, существовала вероятность, что Эриха примут за преступника, если не хуже, но разве ему воспрещается продать свои собственные вещи, либо же кого-то из родственников? Кстати, нацистский штурмовик именно каким-то ублюдком Эриха и вообразил. Нашел, можно сказать, родственную душу, учитывая предположение о происхождении коронок. Эрих, импульсивно показав золото нацисту, и сам удивлялся своему порыву, но в конечном счете был удовлетворен удачным результатом. Его проблема с деньгами решилась быстро и обошлась без малейших осложнений. Оставалось проверить, что из этого выйдет. Если мир, в котором находится антифашист, нереален, то как поведут себя купюры, фактически взявшиеся из настоящего золота, и куда денется последнее? В ином случае фи-

зическое взаимодействие между субстанциями также вызывало немалый интерес. Как бы там ни было, приносимые с собой вещи у Эриха до сих пор не исчезали. Стало быть, и золото почти наверняка сработает запланированным образом. Так оно и вышло, в результате чего молодой человек покинул лавку некого Гюнтера с приличной суммой денег.

Следующей остановкой была пивная. Теперь Эрих обрел достаточно средств, чтобы позволить себе контактировать с местными жителями на самой обыденной почве. Социум диктовал свои законы. Если ты пришел в питейное заведение и ничего не заказываешь, вопросов к тебе появится масса. Если же ты засел где-нибудь в уголке с кружкой пенного напитка и делаешь то же, что и все, на тебя никто и внимания не обратит. Успев намотать на ус полученные сведения, Эрих постарался немедленно использовать их в свою пользу. Подойдя к барной стойке, он заказал пиво, ради которого сюда приезжал на автомобиле его приятель Ульрих.

— О, вы с ним знакомы? — расцвела краснощекая фрау Грета, облаченная в белый фартук.

Взяв большую керамическую кружку с крышкой, она поставила ее под один из кранов и повернула ручку. В кружку немедленно потекла насыщенно-янтарная жидкость, а Эрих невольно потянул носом. Он любил пиво. Душистый запах натурального хмеля щекотал ноздри и дразнил аппетит.

— Да, он меня сейчас подвозил, — невозмутимо кивнул антифашист.

— Очень солидный и положительный мужчина. Его недавно повысили и выдали служебный автомобиль. Абы с кем водиться не будет. Стало быть, вы тоже достойный человек, — заявила фрау Грета. — Впрочем, я не удивлена. Здесь вам всегда будут рады.

Эриха ее слова ничуть не умилили. Очутиться в рассаднике нацистов в роли одного из них — что могло быть отраднее его сердцу? Однако же он состряпал приветливую улыбку и попросил у любезной хозяйки свежие газеты. Та, кивнув, сказала, чтобы он занимал любое понравившееся место, куда ему все принесут. Эрих проследовал в угол у дальнего окна и не без расчета уселся неподалеку от пары болтавших о чем-то посетителей. Сам он слышал их разговор, а те его особо не видели. Вскоре ему принесли заказ. Больше всего на свете Эриха сейчас интересовала пресса, но он сперва отдал должное пиву, чтобы выглядеть естественно и непринужденно. Далось это без особого труда. Мерзавец Ульрих не соврал — пиво и впрямь было отменным. Эрих выпил залпом половину кружки, одновременно надеясь, что штурмовику нацистов на своем веку не удастся долго наслаждаться любимым напитком.

Позволив себе расслабиться, молодой человек добил содержимое керамической посудины, после чего заказал еще, а сам наконец-то уделил внимание стопке положенных рядом газет. Хорошо, что он сперва глотнул спиртного! Дата выпуска, красовавшаяся подле названий, едва не ввела его в ступор. Двадцатое мая тысяча девятьсот тридцать восьмого года! Дрогнувшей рукой Эрих развернул первую газету и быстро ознакомился с заглавной страницей. Затем взял другую газету и, также бегло ее просмотрев, третью. Убедившись в определенной схожести содержания, антифашист осушил еще полкружки из второй принесенной ему порции, и принялся за чтение более основательно.

Просмотр нацистской прессы не входил в повседневное занятие Эриха Сторма. Вероятно, единственное, что помогало ему сохранять хотя бы видимость душевного равновесия — это заведомое знакомство с данного рода статьями. Знакомство, в известном смысле, предварительного характера, ведь прежде антифашисту уже случалось изучать похожие документы, в том числе газеты соответствующей эпохи. Музеи, библиотеки и интернет предоставляли обширную базу знаний, наполненную массой всевозможных сведений. Теперь Эриху казалось, что прежде он видел фотокопии с оригиналов, а сейчас и сами оригиналы неведомым образом очутились у него на столе. Переворачивая газетные листы, антифашист поднимал брови и закусывал губу, хмурил лоб и нервно постукивал пальцами по столу. Он не мог отделаться от ощущения, что возмутительные передовицы и впрямь сошли откуда-то с томов исторической хроники для участия в каком-то спектакле очень впечатляющего масштаба. Строки, пронизанные нацизмом и фашизмом, прямо-таки взывали к насилию и утверждению "нового порядка". Неужели кто-то из разумных людей, как в здешней Германии, так и — особенно — за ее пределами не понимал, к чему идет дело? Ведь не содержание прессы создавало нарастающую угрозу со всеми последующими ужасами — оно являлось лишь следствием, индикатором и рупором общего социального курса. Увы, похоже из присутствующих в пивной только Эриха не устраивало прочитанное в новостях. Остальные посетители пили и болтали как ни в чем не бывало, в том числе за пролистыванием газет. В частности, соседи антифашиста — два типичных селянина — горячо одобряли одну из колонок особенно приметного содержания. Антисемитский уклон там не просто прослеживался — им была насыщена каждая буква гнусного повествования.

— Принести вам что-нибудь еще? — спросила у Эриха проходившая мимо довольно милая официантка. — У нас сегодня отличные жареные колбаски.

Стройная и юркая, она составляла разительный контраст с фрау Гретой, отличавшейся полнотой и неторопливостью. К сожалению, на этом контраст заканчивался, что выяснилось из последующих слов.
— Хорошо, отведаем ваших колбасок, — милостиво кивнул Эрих, хотя ему в этом заведении уже кусок в глотку не лез.
Он и глазом не успел моргнуть, как официантка принесла третью кружку пива и поставила на стол заказанное блюдо вкупе с кислой капустой. Размер порции разительно отличался от ожидаемого. Вместо нескольких кусочков, едва растянутых по всей тарелке, Эриху предложили внушительную порцию, которую давно уже не получишь в современных ему барах. Отодвинув газеты, антифашист решил хотя бы для видимости уделить внимание обильной трапезе.
— Здорово, да? — спросила официантка, кивнув на лежавшую кверху текстом страницу.
Там был красочно расписан очередной проект дележа отнятого у недочеловеков имущества. Заткнув рот колбаской, Эрих закивал, найдя повод не отвечать хотя бы голосом.
— Наши сознательные граждане уже давно ничего у евреев не покупают, — продолжила щебетать официантка. — Недавно закрылся их последний здешний магазин. Теперь он принадлежит порядочному человеку.
— Вот как? — спросил антифашист, чуть не подавившись едой.
— Да. Ульрих постарался. Навел у нас порядок. Хорошенько прижал всех здешних евреев. За это и получил повышение и новую машину. Он иногда катает меня на ней. Фрау Грета сказала, вы с ним знакомы, — тараторила девушка.
Эриху не хотелось поднимать на нее взгляд. В его представлении столь ужасающие идеи в такой миловидной головке напрочь не сочетались.
— Этого порядочного человека часом не Гюнтер звать? — осведомился он, припомнив имя владельца лавки, куда привозил его штурмовик НСДАП.
— Вы и его знаете? Вы вроде бы нездешний. Надо же! Я вас впервые вижу, а вы, оказывается, знакомы с нашими лучшими посетителями! — изумилась девушка.
Эрих вовсю жалел, что не узнал этих сведений раньше. Тогда мерзавец Ульрих если бы куда и доехал, то только на тот свет. Впрочем, может оно и к лучшему. Лишний труп сейчас антифашисту уж точно ни к чему — возись потом с ним вместо того, чтобы исследовать окружающий мир.
— Да, они оба меня сегодня выручили, и я уж постараюсь не ос-

таться у них в долгу, будьте покорны, — протянул молодой человек, вкладывая в свои слова несколько другой смысл, нежели представлялся официантке.
Та явно намеревалась продолжить разговор, но, извинившись, убежала на зов фрау Греты. Эрих облегченно вздохнул. Ему было трудно слышать нацистские идеи от столь юного создания, виновного лишь в промывке мозгов, но легче от этого особо не становилось. Хорошенько приложившись к кружке, антифашист вцепился зубами в колбаску, будто намереваясь отыграться на ней. У Эриха не то чтобы проснулся аппетит — просто он решил, что перед дорогой неплохо бы и подкрепиться. К тому же колбаски, размером, кстати, с добрую сардельку, и впрямь производили впечатление под стать пиву. После всякой дряни из гипермаркетов они казались очень достойным блюдом, произведенным явно не на огромных промышленных машинах пополам со всеми достижениями химии. Неплохо пошла и кислая капуста, разительно отличавшаяся сочностью. То-то у всех здешних посетителей телесные габариты, что в дверь едва пролазят. Эриху было не слишком приятно трапезничать в окружении идеологических врагов, но он крепился. В результате, когда пришло время расплачиваться, его большая и глубокая тарелка была пуста, как и четвертая кружка пива. Купюры Эриха порадовали глаз фрау Греты, отчего она стала с молодым человеком еще любезнее.
— Вы у нас надолго? — не без очевидного умысла спросила эта крупная женщина, вручая ему причитающуюся сдачу.
— Проездом, — отозвался антифашист. — У меня дела в Берлине. Хотелось бы сегодня попасть туда до наступления темноты.
— Только если на поезде, — подумав, отозвалась хозяйка пивной. — Автобуса сегодня уже не будет. Но до станции несколько миль — засветло можете не успеть. Если хотите, я дам расписание поездов, только у меня есть идея получше.
— Какая? — спросил Эрих, предполагая альтернативное средство передвижения.
Еще не привыкнув к окружающему, он как-то позабыл, что в этой исторической эпохе развитие общественного транспорта несколько отличалось от привычного ему. Автобусов не так много, маршруты ограничены, а о такси и вовсе остается лишь мечтать. Имелись определенные шансы поймать попутку, однако отнюдь не частного характера, поскольку период массового владения личными автомобилями еще не наступил. Куда вероятнее Эрих мог рассчитывать на телегу с лошадью, но осознание всего этого пришло к нему позже. В частности, когда он не принял предложение фрау Греты снять комнату на ночь и отправился в путь. У Эриха не бы-

ло проблем с путешествием пешком. Просто он как-то не предполагал, что дорога до станции затянется и ему придется брести в темноте, ориентируясь на редкие уличные огни. Пригороды Берлина еще не утопали в ярком свете, так что проезжая дорога выглядела прилично только днем. Ночью по ней хоть на ощупь топай. Получив столь наглядный опыт, Эрих, поразмыслив, принял наиболее подходящее решение. В конце концов, у него впереди еще двое суток, чтобы не пороть горячку. Явно опаздывая на поезд, он остановил грузовичок, неторопливо кативший в обратном направлении, и быстро сговорился с водителем о плате. Сухонький мужчина в потертой форме солдата вермахта не возражал заработать несколько лишних монет. Вскоре Эрих очутился на окраине того селения, откуда недавно вышел, и еще через четверть часа снова переступил порог знакомой пивной. К тому времени за пределами освещенных улиц было темным-темно, так что без переносного фонаря оставалось уповать лишь на мобильный телефон. А его только и сажать попусту. Фрау Грета встретила вернувшего посетителя широкой и слегка ехидной улыбкой. Мол, права я была, а вы, молодой господин торопыга, мудрую женщину не послушали. Эрих и бровью не повел, когда она запросила повышенную якобы за срочность найма плату. Антифашист еще крайне плохо ориентировался в здешних ценах, так что пока предпочитал не торговаться. Получив деньги, фрау Грета тут же раздобрела и предложила новому постояльцу плотный ужин со жбаном пива. Эрих, подумав, согласился и отправился в свой номер, попросив вечерние газеты.

Утро застало антифашиста в постели простенькой, но тщательно прибранной комнаты. В занавесочки на окнах стучалось ясное утро, заглядывая сквозь стекла длинными солнечными лучами. Падая на дощатый пол, они очерчивали узоры гладко выструганного дерева и наполняли новыми красками выцветший коврик. Где-то снаружи бодро щебетали птицы. К свежему воздуху примешивался аромат готовой снеди, распространявшийся из кухни на первом этаже. Открыв глаза, Эрих первым делом посмотрел на часы, тикавшие над входной дверью, и сравнил время с показаниями смартфона. Половина восьмого. Помнится, вчера он удалился спать пораньше, основываясь на двух аргументах. Первым было наличие в пивной посетителей. Некоторые из них, разгоряченные выпивкой, вполне могли искать с Эрихом знакомства, ввиду потенциальной и явно положительной рекомендации фрау Греты. С одной стороны, беседы за кружкой пива сулили немало интересных сведений. С другой, они же грозили серьезными неприятностями. Антифашист, и сам разгоряченный спиртным,

мог не выдержать очередной крамолы и устроить драку, чего допускать ни в коем случае не следовало. Удачно начавшееся путешествие подарило ему лавку, где меняли золото на деньги, и пивную — центр съестных припасов и возможного ночлега. По собственному почину терять столь благосклонный подарок судьбы — поступок, достойный клинического идиота, а не исследователя. Пока Эрих не научился стоически теперь проявления здешнего нацизма и вообще недостаточно разобрался в происходящем, общение с местными требовалось свести к необходимому минимуму. Именно поэтому антифашист заперся у себя в комнате и посвятил остаток суток чтению вечерних газет, после чего отправился на боковую.

Второй аргумент звучал менее пространно, но более специфично. Эрих понятия не имел, что произойдет с ним во время сна, особенно при смене дня в календаре. Он равнозначно ожидал пробуждения как в сданном ему номере, так и где-нибудь в своем мире: например, в сумасшедшем доме, полицейском участке или больничной палате. Случилось первое. Быстро придя в себя, Эрих окинул взглядом комнату, глянул на вчерашние газеты и пришел к выводу, что его путешествие продолжается. Этот вывод подтвердила фрау Грета, неизменно пребывавшая за стойкой, когда в восемь утра антифашист спустился в пивную. Сдаваемые комнаты располагались в боковом крыле и обладали достаточными удобствами, чтобы Эрих привел себя в порядок.

— Как вам спалось? — осведомилась фрау Грета, окидывая молодого человека оценивающим взором.

Эрих был вынужден констатировать, что спалось ему изумительно. Вероятно, сыграл свою роль чистейший воздух, который в его родном Берлине давно уже перешел в разряд воспоминаний. Не иначе как благодаря ему молодой человек ощущал волчий аппетит. В его вещмешке имелись съестные припасы, но они не шли ни в какое сравнение со здешними блюдами. Не заставив себя упрашивать, Эрих уселся за тот же столик и вскоре уплетал горячую снедь, выставленную молоденькой официанткой. Фрау Грета, поглядывая на задержавшегося гостя, одобрительно кивала. Пускай тот и не пьет так же много, как прочие, зато уж на еду не скупится. Да и вообще не скупится, беспрекословно оплачивая все расходы. Хороший постоялец! Ну, Ульрих плохих и не пришлет. Лично принеся гостю кружку свежего пива, хозяйка не знала, что "хороший постоялец" не отказался бы спалить ее заведение вместе с означенным Ульрихом и, желательно, всеми его дружками, да обстоятельства не позволяли.

Дожевывая плотный завтрак, Эрих почувствовал, что вполне

неплохо освоился. Возможно, всему виной послужило чувство насыщения вкупе с пивным алкоголем, но теперь он встречал новый день куда благосклоннее. Расплатившись с фрау Гретой, антифашист посидел в ее пивной еще немного, а затем направился прямиком на обещанный автобус. Это фырчавшее чудо техники, прибывшее точно по расписанию, произвело на Эриха неизгладимое впечатление, в том числе габаритами и удобствами. Кто там из его современников жалуется на недостаток комфорта? Их бы сюда запихать, да потрясти на дорожных ухабах — живо бы запросились обратно! Сам Эрих обратно не просился. Он во все глаза созерцал окрестности, плохо рассмотренные вчера из-за наступления темноты, и за этим занятием въехал в Берлин.

С нарядом горожанина, и особенно столичного, молодой антифашист все-таки не угадал, но это было и к лучшему. То, как он вертел головой и регулярно выражал удивление самым обыденным вещам, вполне соответствовало образу благополучного сельского жителя, прибывшего в Берлин по какому-то делу. Ведь посмотреть Эриху действительно было на что. Столица Германии на двадцать первое мая тысяча девятьсот тридцать восьмого года — тут себе и лоб разобьешь, глазея по сторонам, и шею свернешь, споткнувшись о выступающую брусчатку. Календарную дату Эрих проверил быстро, заскочив в подходящее заведение на чашку кофе. Утренние газеты содержали прямую хронологическую связь со вчерашними. Более того, все, что антифашист видел и слышал вокруг, полностью вписывалось в общую картину. Картину, соответствовавшую последнему мирному году довоенной Германии. Набитая нацистской идеологией, она еще не вступила в катастрофическую войну, ставшую поворотным моментом чуть ли не для всего мира, но вовсю к ней готовилась. Стараясь не звереть при виде свастики и подозрительно разодетых молодчиков, Эрих уделял внимание историческим деталям. Его воображение было поражено дальше некуда. Вероятно, этим объяснялась обратная реакция, прежде приведшая к изодранному флагу, а ныне перешедшая в состояние пассивного наблюдения. Молодой антифашист был слишком ошеломлен, отчего его страсти до поры не клокотали, как бы парализованные нервным потрясением. Фотографируя украдкой афишные тумбы и витрины магазинов, он вовсю жалел, что не раздобыл побольше денег. К примеру, еще в ожидании автобуса Эрих досадовал на отсутствие наручных часов, ибо каждый раз за мобильным телефоном в карман не полезешь. Означенный товар не был дефицитным, но по меркам тридцать восьмого года стоил довольно прилично. Сверять время требовалось часто, а купить столь важный предмет антифашист не решался. Средств, выру-

ченных за коронки, должно было хватить, но он их по возможности экономил, поскольку заведомо не знал, что понадобится в путешествии. По этой же причине Эриху оставалось лишь облизываться на антиквариат, на нынешнее двадцать первое мая таковым еще не являвшийся. Впрочем, памятуя о судьбе невесть куда исчезнувших вещей из прошлой вылазки, молодой человек пока не слишком расстраивался. Что-то он с собой, безусловно, прихватит, и дома поместит под самое пристальное наблюдение, а вот по его результатам уже и видно будет. Либо он поймает вора, неведомо как пробирающегося в квартиру, либо выяснит, куда девается добытое в этом старомодном мире имущество.

Мало-помалу Эрих увлекся самим же придуманным занятием. Он выбирал какой-либо объект, известный ему в современности, и отправлялся на него взглянуть, чтобы сравнить оригинал с копией. Обычно здания и памятники культуры соответствовали друг другу великолепно. Делая фотоснимки, антифашист машинально отмечал неизвестные ему раньше детали, одновременно прикидывая в уме, существовали ли они в действительности или нет. Все-таки доктором исторических наук Эрих не являлся, да и краеведом, несмотря на все полученные знания, его можно было назвать лишь очень приближенно. Однако молодой антифашист кое-что помнил. Несовпадение летописных записей о чем-либо с подлинником — характерный признак как раз истории. Хроники, оставленные различными людьми, разнятся; показания очевидцев и вовсе считаются как наименее достоверные. Фотография из архива, сделанная из одного ракурса, может не учитывать элементы, сокрытые в другом. Впоследствии, при воссоздании утраченного объекта, эти элементы попросту исчезают. Эрих, кстати, умел отличать реставрацию от воссоздания. Если от оригинала осталось хоть что-нибудь — это реставрация; если же памятник культуры фактически изготавливался с нуля — это воссоздание, имеющее духовную, но уже не физическую ценность. Иными словами, если на месте разрушенного дома выстраивали другой, то, пусть даже при всем его соответствии подлиннику, он ценился не больше, чем копии с полотен признанных мастеров. В результате Эрих не слишком удивлялся, когда находил различия там, где их по идее быть не должно. Архивные данные, составленные за разные годы, могли утратить некоторую точность, особенно на какой-то строго указанный день. Глядя на некий фонтан или барельеф, трудно было утверждать наверняка, чем вызвана разница между наблюдаемой картинкой и сведениями из памяти: неточным воспроизведением подлинника или, как раз, ошибками в исторических хрониках. С точки зрения Эриха это было почти равновероятно. Если

окружающий мир — иллюзия, ее авторы допустили промахи при программировании, либо же знания самого Эриха оставляли желать лучшего. Версия с параллельной вселенной предполагала вообще любое развитие событий, в том числе комбинаторное, то есть как точное соответствие, так и присутствие несуществующих в мире Эриха элементов. Вот вариант с сумасшествием постепенно отходил на второй план. По логике вещей, ни один бред не способен быть настолько связным и детализированным. Если Эрих и тронулся, то лишь действительно в результате какого-то запредельно феноменального эксперимента, что граничило с настоящей фантастикой.

Путешествия по Берлину конца тридцатых молодой антифашист пока что ограничивал. Несмотря на огромный соблазн, он не рвался с места в карьер, а осваивал неведомые просторы постепенно. Начав с окраины, он неторопливо продвигался в строго задуманном направлении, не забывая делать записи. Записи обо всем: приметных местах и улицах, расположении достопримечательностей и полезных объектов, автобусных расписаний и стоимости товаров, поведении горожан и их привычках. Зайдя на почту, Эрих купил несколько различных марок и бережно спрятал их во внутренний карман. Также он обзавелся всякой мелочевкой, словно собирался проверить: все ли исчезнет без следа, а если нет, то по какому общему признаку. Эрих понимал, что находится в неком чужеродном ему месте, отчего перемещался по городу только в запланированном направлении и всегда с оглядкой. Случись что — и он должен иметь возможность стратегически ретироваться, а не удирать наобум во все лопатки. Здесь, в старом Берлине, такие номера могли не пройти, поскольку Эрих попросту не знал, с чем рискует столкнуться на соседней улице. Более того, любое чересчур пристальное внимание само по себе сулило непредсказуемые неприятности. Пока Эрих вел себя тише воды ниже травы, спокойно разгуливая по улицам и посещая магазинчики, до него никому не было дела. И лучше бы так все и оставалось, пока антифашист сам не решит, куда он, собственно, попал и как вести себя дальше. Гость столицы — это одно, а чужестранец, за которого легко сойти буквально из-за пары идиотских вопросов — совсем другое. Собственно, именно поэтому Эрих не рвался в центр Берлина, продолжая осваивать исходный район то эдакой змейкой, то концентрическими дугами. Лишь изредка он позволял себе удалиться до конца какой-нибудь известной улицы, вырисовывая на карте линию, после чего возвращался к задуманной точке. Это напоминало исследование местности в компьютерной игре, где игрок обшаривает все подряд, стараясь не упустить какого-нибудь

секрета или детали. Эрих подошел к вопросу ответственно, решив не торопясь идти от меньшего к большему, параллельно делая выводы на основе получаемых данных. Это звучало весьма разумно, но как же ему было трудно удержаться от соблазнов! Например, поехать к месту будущей работы, заглянуть по адресу своего проживания и вообще проверить все знакомые места от и до, любуясь на исторические различия. А правительственный квартал?! Ох... Эрих долго кружил вокруг одной из станций метрополитена, испытывая невероятное искушение проехать в центр Берлина, но так и не осмелился. Рано! Он еще не готов окунуться в столь сильные впечатления — с него хватало и осваиваемого района столицы. Зайдя в небольшое кафе, Эрих подкрепился, разглядывая прохожих на улице и проезжавшие мимо автомобили. Интересно было бы встретить кого-нибудь из известных людей. Известных, разумеется, по истории, чьи лица теперь смотрели на антифашиста с газет, афиш и журналов. Например, актеров театра и кино, деятелей культуры, ученых, спортсменов и... черт побери, а насколько достоверна эта реальность, чем бы она ни была? Живут здесь родственники знакомых Эриху Сторму людей или нет? Проклятье, какая досада, что он не подумал об этом прежде! На память ведь Эрих и не знает, где кто обитал. На ум приходили только родители Евы да пастор Берг, но первых еще и на свете не было, а второй вроде бы уже родился, только общение с малышом представлялось не слишком полезной задачей. Кстати о пасторе! Вот бы побывать у него дома по эту сторону Аномалии — как стал называть Эрих место в подвале кирхи. Может быть, все-таки рискнуть и на обратном пути завернуть в знакомый дом, благо что тот никуда не делся и стоял на своем месте? Только что он там скажет? Если все вокруг соответствует тридцать восьмому году, возможный максимум — это помахать крошке-пастору ручкой, сказав его родным, мол, ошибся зданием. И сделать пару уникальных фотографий. Пастор Берг, разумеется, себя на них не признает, причем не факт, что на снимках окажется действительно он. В итоге толку от фото будет нуль, а опасность квартала, где Эрих натворил дел, того явно не стоит. Вздохнув, молодой антифашист припомнил собственных родственников. Вероятно, он сделал бы исключение и отправился их навестить прямо сейчас — не каждому удается поглядеть на своих бабушку с дедушкой в молодости, — только тех в Берлине не было и в помине. Исходя из рассказов матери, Эрих помнил, что его семья переехала в столицу после войны, так что встречаться в этот солнечный майский день ему попросту не с кем. Вздохнув, Эрих допил кофе с булочкой и продолжил свою невероятную экскурсию.

Вечер застал его все в том же районе, исхоженном с завидным упорством. Молодой антифашист обошел массу магазинов, побывал в нескольких кафе и пивных, покатался на общественном транспорте и даже заглянул в кинотеатр, решив удовлетворить любопытство. За все это время он ни разу не вызвал ничьих подозрений, ловко сходя за гостя столицы. Однако мало-помалу его настроение омрачалось. Психика и воспитание начинали брать свое. Эрих до сих пор подавлял в себе проявления гнева, вызванные нацистскими штучками, но терпение его было не безгранично. Наблюдать расовые законы в действии оказалось непростым испытанием, особенно для того, кто знал их последствия и смертельно ненавидел их последователей. Следы так называемой арииизации были видны повсеместно. Собственно, Эрих уже столкнулся с ними в лавке Гюнтера, нового владельца чужого имущества. Ясно, за какие заслуги мерзавец Ульрих получил свои награды. Период, когда штурмовики НСДАП просто расклеивали листовки и заворачивали посетителей "неугодных" им магазинов уже прошли. Теперь владельцев этих магазинов начинали терроризировать без всякой боязни, а витрины были до отказа заклеены расистскими воззваниями и лозунгами. Давление на хозяев имущества заканчивалось — близился силовой отбор, до которого оставались считанные недели, если не дни. В отличие от центра, именно на окраине Берлина коммерческой недвижимости, имевшей отношение к лицам еврейской национальности, наблюдалось заметно больше. Вероятно, самые лакомые куски давно отобрали не мытьем, так катаньем, до поры не связываясь со всякой мелочевкой, а таковая чаще встречалась на периферии столицы. Эрих украдкой фотографировал "крамольные" фасады, чувствуя себя не в своей тарелке при виде людей, изредка появлявшихся в тамошних дверях. Было нетрудно догадаться, кто именно посещает еврейские магазины и прочие коммерческие точки. Этнические немцы туда уже не ходили, а самим евреям в нееврейские места путь был заказан. Во всяком случае, тем, кто внешним видом никак не походил на истинного арийца. Сердце Эриха болезненно сжималось, когда он всматривался в лица этих людей. Немногие осмеливались сохранять чувство собственного достоинства. Остальные зачастую выглядели как побитые собаки, виновные просто за то, что они вообще появились на свет и все еще живут. Собаки, поминутно ожидающие удара, что, порой, и происходило, если и не физически, то морально. Эриху уже доводилось сталкиваться с унижениями неугодных национальностей. Стараясь сохранять хладнокровие, он отворачивался или опускал глаза, думая о своем и отключаясь от внешнего мира. На его счастье, ничего особенно крамольного не

происходило. За время столкновений с неонацистами Эрих повидал всякого, так что относительно мелкие эпизоды переносил вполне стоически. Однако он понимал, что к серьезным испытаниям еще не готов, отчего и не рвался в гущу событий, ограничиваясь окраиной Берлина. На этой окраине он и облюбовал себе место для остановки на ночь, соединив доступность транспорта с тишиной и удаленностью. Узкий переулок с пивной и гостиницей, смахивавших на заведение фрау Греты, его вполне устраивал. Солнце уже садилось, когда Эрих переступил порог немноголюдного зала и сообщил, что желает снять комнату и поужинать. Он не выбирал место наугад, за время своего скитания по району запоминая вывески и предоставляемые услуги, поэтому его намерение не вызвало никаких вопросов. Молодому человеку тут же вручили ключ от комнаты, а затем предложили место за столом, учтя пожелание побыть в одиночестве. Антифашист снова устроился возле окошка, традиционно имея возможность наблюдать происходящее снаружи. Деревенская пища фрау Греты пришлась ему больше по вкусу, но зато в этой пивной меню было куда разнообразнее, и Эрих не отказал себе в удовольствии попробовать различные блюда. Вкупе с пивом, разумеется, выгодно отличавшимся от продававшегося в родном мире. Интересно, в чем тут было дело? Закон Райнхайнтсгебот, регламентирующий производство этого напитка в Германии, по-прежнему хранил традиционные стандарты, во всяком случае, для внутреннего рынка, но пивовары, похоже, все-таки химичили. У Эриха даже мелькнул было соблазн заняться сравнением марок пива, якобы неизменных с незапамятных времен. Уж он-то отличит, есть разница между образцами двадцать первого века и двадцатого, или нет. К сожалению, Эрих и так тратил все свободное время на различные изыскания, к тому же не имея ни малейшего представления, сколько у него этого времени вообще. В итоге затею, при всей ее привлекательности, пришлось отложить в долгий ящик, позволяя себе минимально допустимые удовольствия. Чем Эрих и занялся, испробовав четыре разных сорта пива под очень приличную закуску.

Вещмешок молодой антифашист без присмотра не оставлял — мало ли что. В нем находилось несколько вещей, способных скомпрометировать их владельца в глазах непосвященных обывателей. Это Эрих учел на будущее, решив закупить часть снаряжения непосредственно в альтернативном Берлине, а пока всегда носил его с собой. Вот и на этот раз он вышел прогуляться вместе с вещмешком за плечами, не полагаясь на безопасность снятого номера. Какой-нибудь воришка или излишне ретивый, подглядывающий за постояльцами слуга могли доставить Эриху массу не-

приятностей почище столкновения с полицией. Мешок антифашисту все равно не мешал, а на улицах хватало народу с чемоданами, котомками и прочим в том же духе.

Там, где слабо освещенный переулок выходил на улицу, сияли яркие огни даже по меркам тридцать восьмого года. Эрих неторопливо шел в их направлении, желая прогуляться перед сном и заодно еще разок поглазеть на витрины. Может быть, даже куда-нибудь заглянуть. Он уже почти дошел до конца переулка, когда из-за угла ему навстречу выскочили двое. Эрих невольно вздрогнул, практически остановившись. К коричневой форме штурмовиков НСДАП он уже привык, но один из этой парочки был в черном мундире. За целый день блуждания по городу эсэсовцы попадались антифашисту и прежде, но не в упор и не настолько неожиданно. Завидев Эриха, нацисты также сдержали шаг. Человек в черном мундире окинул молодого человека пристальным взглядом. Эрих внутренне сжался, ожидая столкновения, но ничего такого не последовало. Видимо не найдя во встречном прохожем ничего подозрительного, эсэсовец чуть посторонился и прошел мимо, увлекая за собой штурмовика. Эрих мысленно перевел дух. Вид у этого типа был отнюдь не доброжелательный, поэтому вступать с ним в беседу явно не стоило. Интересно, куда это он поспешает? Антифашист невольно посмотрел через плечо, провожая взглядом эсэсовца в чине кого-то из унтеров. Звания в Третьем рейхе он знал неплохо, но не досконально, а в младших разбирался хуже всего. Особенно в их нашивках и прочих знаках различия при не самом лучшем освещении. Эсэсовец и штурмовик не оборачивались, более не проявляя к Эриху никакого интереса. Они куда-то уверенно топали, и явно не в пивную, поскольку миновали ее дверь и углубились в переулок. Пожав плечами, Эрих ступил под свет уличных фонарей и пошел по чистенькому мощеному тротуару, разглядывая витрины. Вскоре он не удержался и заглянул в книжный магазинчик, где спустя четверть часа приобрел роман Германа Гессе, а также... "Майн кампф". Первую книгу Эрих купил исключительно для удовольствия, соблазнившись заполучить столь раннее издание почитаемого им автора. Ко второй он даже прикасаться не хотел, но решил, что для эксперимента та очень даже подойдет. Посмотрим, как это сочинение поведет себя в его мире.

Несколько погодя Эрих заскочил в небольшую лавочку и купил там флягу с выгравированной на ней свастикой. Носить такую ему, само собой, очень не хотелось, но для Берлина тридцать восьмого года — самое оно. Кроме того, молодому экспериментатору было так же любопытно узнать, исчезнет та или нет. Предме-

ты, носившие отпечаток нацистской символики, могли вести себя иначе, нежели остальные. Почему? Да кто ж его знает! Предположение, не более. Убрав пока что пустую флягу в вещмешок, Эрих вышел из лавки и еще немного прогулялся по улице. Последней остановкой стал магазин игрушек, уже готовившийся закрываться. До сих пор молодой человек ничего такого не покупал и для разнообразия решил прихватить что-нибудь из нестандартных предметов. Выбор пал на небольшой паровозик с крутящимися колесами. Игрушка стоила довольно прилично, но Эрих все-таки взял ее, дополнив свою экспериментальную коллекцию сувениров. После этого он закинул вещмешок за плечи и пошел обратно к пивной, где снял комнату на втором этаже.

Спать Эриху еще не хотелось. Впечатления минувшего дня обуревали его сердце и разум, не давая даже помышлять об одеяле с подушкой. Погода стояла хорошая, соблазняя подольше задержаться под открытым небом. Эрих так и поступил. Миновав пивную, он неторопливо шагал по переулку, поглядывая на теснившиеся вокруг домики. К состоятельным этот квартал явно не относился, но и бедным его назвать было нельзя. Здешняя недвижимость вполне могла принадлежать людям среднего достатка, по каким-то причинам не желавшим искать себе место получше или попривлекательнее. Возможно, исключительно из-за налогов и ренты, либо же в силу семейной наследственности. Как бы там ни было, узкий переулок ничуть не напоминал трущобы, набитые всяким отребьем, и лишь слабая освещенность да невзрачные фасады выдавали невысокий престиж собственности. Шайки грабителей здесь вряд ли промышляли, тем паче на постоянной основе, а встречи со случайным налетчиком Эрих ничуть не боялся. У него имелось особое угощение, способное доставить массу неприятных ощущений любому нападавшему. Сейчас, когда вокруг не шныряли нацистские молодчики, не разгуливали солдаты и не шагали строем отряды со свастикой, он наконец-то почувствовал себя в безопасности, предаваясь размышлениям об увиденном. Именно поэтому Эрих даже удивился, услышав чей-то приглушенный вскрик, короткий и быстро затихший, но явно не соответствующий придавленному пальцу или ушибу о притолоку. Встрепенувшись, молодой человек стал напряженно прислушиваться, соображая, откуда раздался женский голос, и тут за его спиной загремела чья-то поступь. Черт побери, тут у них слет что ли?! К Эриху быстро приближались два штурмовика и еще один эсэсовец. На всякий случай антифашист посторонился, отступив на пару шагов. Троица, окинув его беглым взглядом, прошла мимо, не удостоив ни одним вопросом. Жаловаться, конечно, не приходилось,

однако Эриху показалось подозрительным куда это торопятся уже не первые встреченные им в переулке нацисты. Не теряя их из виду, он отправился следом, соображая, не слишком ли выделяется среди остальных редких прохожих, а также на кой ляд ему вообще это нужно, если только не в поисках неприятностей. Долго терзаться сомнениями не пришлось. Буквально через полсотни ярдов троица остановилась возле двухэтажного дома, чьи окна первого этажа были ярко освещены. Там уже стояли какие-то типы. Эрих, нахмурившись, признал в них недавних знакомцев — штурмовика и унтера СС. Уж больно у этих двоих рожи были приметные, различимые даже при неважном освещении. Размышляя, что бы это значило, он остановился неподалеку, оставаясь в тени слабо горевшего фонаря. Тут крик послышался снова, став еще более пронзительным. Дверь в дом распахнулась, и на пороге объявился эсэсовец с офицерскими знаками различия.

— А, явились, наконец! — бросил он новоприбывшей троице. — Вы очень вовремя. По-хорошему эти отродья явно не хотят, а сам я мараться не собираюсь.

— Ничего, мы их уговорим, — наперебой загототали трое молодцев. — Не впервой.

Вся компания, за исключением часовых, скрылась в доме. Эрих, продолжая оставаться в тени, подобрался как можно ближе, пользуясь плохо работавшим фонарем. Его глаза обшарили фасад дома и наткнулись на вывеску с характерной эмблемой и специфическим названием. А, тут аптека. Ясно. Хозяин, кем бы он ни был, явно не принадлежал к расе господ, учитывая характерные воззвания, наклеенные на окнах. Подозрение о намерениях группы нацистов стало превращаться в зловещую уверенность. Как бы в подтверждение этого из дома донесся звук бьющегося стекла, грохот падающей мебели и новые крики сразу нескольких людей. На сей раз в них зазвучало отчаяние. Эрих побелел. Застыв на своем наблюдательном посту, он весь обратился в зрение и слух. В аптеке начиналось что-то очень похожее на погром. На этом фоне шаги прохожих на улице были едва слышны. Тех, что появились с противоположной от Эриха стороны и испуганно сбавили шаг, уставившись на людей в форме.

— Проходите, не задерживайтесь. Здесь все по закону! — велел эсэсовский унтер, махнув рукой.

Двое прохожих, отшатнувшись, не последовали столь любезному приглашению. Развернувшись, они поспешили назад.

— Э, да это, кажись, тоже жиды! — сплюнул эсэсовец.

— Ничего, пущай пока погуляют. Далеко не убегут. И до них дойдет очередь, — усмехнулся штурмовик.

— Твоя правда, — в тон ему отозвался унтер. — Эй, нечего тут глазеть! — велел он вдруг суровым тоном кому-то другому.
Видимо, в распахнувшемся, судя по звуку, окне объявилась чья-то голова.
— Что здесь происходит? — осведомился нерешительный голос, обладателя которого Эрих не видел. — Я сейчас вызову полицию!
— Полиция к евреям не приедет. У нас тут законное мероприятие по исполнению официального предписания, — заявил эсэсовец. — Вздумаете вмешаться — вам же будет хуже.
Окно захлопнулось. Остальные жильцы наверняка расслышали нарочито громко говорившего унтера, поскольку других желающих выглянуть на шум уже не оказалось. Эрих с трудом дышал. Гнев, доселе старательно подавляемый силой воли, грозил выплеснуться наружу. Неужели он просто будет стоять и смотреть на этот беспредел? А шум в доме тем временем нарастал, сопровождаясь неразборчивыми угрозами, руганью и криками. Похоже, там кого-то били, заодно громя все, что под руку попадало. Неожиданно на втором этаже распахнулось окно, и в утлом свете настольной лампы в нем показалась женская фигура.
— На помощь! — заголосила она, высовываясь на улицу.
Тут же сзади ее схватили за волосы и утащили в глубину комнаты, сопровождая это действие бранью и глухим стуком ударов. Женский визг быстро затих, сменившись вскриком боли и стоном. Потом стих и он, зато изнутри аптеки донеслись такие звуки, будто кого-то волокли вниз по деревянной лестнице. Эрих сжал кулаки. Он стоял достаточно близко, чтобы быть свидетелем этого ужасающего театра с постановкой из худшего периода Германии. Голова у него начинала идти кругом. "Держись, Эрих, держись", — приговаривал он себе, стараясь ничем не выдать своего присутствия. И в то же время не уходил, не в силах сдвинуться с места, будто как мазохист собирался испить горькую чашу до конца. Грохот и побои продолжались, заметно прибавляя в интенсивности. Антифашист не успел принять хоть какое-то решение, как вдруг ругань приняла иную форму, резко отличавшуюся от общего лейтмотива.
— Держи ее! Держи! — заорал кто-то вне себя от злобы и удивления.
Послышался топот чьих-то бегущих ног, дверь распахнулась и на улицу выскочила молодая женщина в ночной рубашке, покрытой подозрительными красными пятнами. Из рассеченной брови по ее лицу стекала струйка крови. Щеки горели. Под глазом темнел свежий синяк. Штурмовик у входа ловко поставил подножку, и беглянка грянулась на мостовую. Унтер, подскочив, грубо схватил ее

за волосы и одним рывком поднял на ноги. Жертва закричала от боли, но он тут же ткнул ей кулаком в живот, заставив замолчать, хватая ртом воздух. В дверном проеме объявился офицер.
— Вырвалась, мерзавка, — процедил он, смерив молодую женщину взглядом. — Тащите ее внутрь. Папаша уже начал становиться сговорчивее.
— Не трогайте мою дочь! — возопил чей-то полный отчаяния голос, в котором сквозила настоящая мука.
— Ты сам виноват, папаша, — холодно заявил эсэсовец, не оборачиваясь. — Не следовало тебе упрямиться. Подпиши бумаги, и катитесь на все четыре стороны. Ну?! Согласен?!
В ответ не раздалось ни слова, исключая плач и чьи-то женские причитания. Эрих понял, что больше не может оставаться здесь ни минуты. Его психика не выносила происходящего, а от вмешательства удерживали остатки здравого смысла, заливаемые клокотавшим гневом.
— Тащите ее в дом! — зло велел офицер, делая шаг вперед и вбок, чтобы освободить проход.
Развернувшись, он оказался лицом к антифашисту, однако не видел последнего из-за едва горевшего фонаря, создававшего густую тень. Но не видел только одну секунду, поскольку фонарь неожиданно вспыхнул так, будто ему разом прибавили сотни три свечей. Эрих, доселе остававшийся абсолютно незаметным, вдруг оказался на свету, и оказался настолько близко к месту действия, что эсэсовец не мог его проигнорировать.
— Это что за птица? — изрек он, вскидывая руку.
Подручные, державшие девушку, проследили за указующим перстом начальника и уставились на молодого человека.
— Эй ты, а ну подойди сюда! — велел унтер.
Эрих заколебался. Он решительно не понимал, что ему делать. Пуститься наутек? А дальше?
— Живее, я дважды повторять не стану! — заявил унтер, положив ладонь на кобуру.
Сглотнув разом пересохшим горлом, Эрих, будто неживой, двинулся к нему и остановился в двух шагах, следуя повелительному жесту.
— Шляпу сними. Кто такой? — хмуро осведомился эсэсовец, передавая девушку на попечение штурмовика.
— Просто гуляю, — не слишком-то впопад сипло отозвался антифашист, стягивая головной убор.
Глазам нацистов представилась внешность истинного арийца. Вероятно, они ожидали увидеть кого-то совсем другого, поскольку их лица приняли менее агрессивное выражение.

— Да, точно, я тебя видел с час назад около пивной, — кивнул, припоминая унтер. — Здесь чего забыл? Не видишь, мы тут делом заняты!
— Я ж говорю — просто гуляю, — выдавил из себя Эрих. — Услышал крики, подумал, кого-то грабят.
— Ничего подобного. Наоборот, мы как раз отбираем награбленное у жидов, — усмехнулся унтер. — Давай дуй отсюда, не мешай! — куда суровее добавил он, поймав взгляд офицера.
— Документы! — велел тот, смерив молодого человека взором.
— Да я тут в пивной и остановился, — вздрогнул антифашист.
— Я не спрашивал, где ты остановился, я спросил документы, — без всякой злобы отчеканил офицер.
Внешность незнакомца явно произвела на него впечатление, но он, видимо, решил проявить бдительность. Или кто его знает что еще.
— Я их в номере и оставил, — пояснил Эрих, все еще пытаясь по-хорошему выпутаться из сложившейся ситуации.
Больше никто ничего сказать не успел. В доме вновь раздались крики и брань, утихшие было с выходом офицера на улицу.
— Да как этот старый черт развязался?! — изумленно орал один.
— Хватай его! — вопил другой.
— Баб держи, идиот! — надрывался третий.
На пороге аптеки объявился мужчина в летах со следами побоев на лице. Его одежда была залита кровью, сочившейся из разбитых губ и ссадин на щеках и лбу. Всклокоченные волосы слиплись невнятными лохмами.
— Отпусти мою дочь, чудовище! — взвыл этот мужчина, кидаясь с кулаками на штурмовика.
Тот, опешив от неожиданной атаки, закрывался локтем, удерживая вырывавшуюся девушку. Кулаки старика били куда попало, но не слишком эффективно. Штурмовик по-черному ругался, требуя оттащить от него жида, поскольку он держит чертову жидовку. Унтер неожиданно захохотал, наблюдая за смешным с его точки зрения положением соратника. Офицер взъярился. Схватив пожилого мужчину за шиворот, он оттащил его назад, резко развернул и наотмашь ударил по лицу. Кажется, в его черной кожаной перчатке имелись металлические вставки. Мужчина упал, обливаясь кровью.
— Отец! — отчаянно закричала девушка.
Вырвавшись из лап утратившего бдительность штурмовика, она подскочила к старшему эсэсовцу и вцепилась ему в холеную физиономию. Тот издал неопределенный возглас. На его щеках образовались царапины, откуда засочились красные капельки.

— Ах ты ведьма! — прорычал офицер, замахиваясь.
Мужчине он врезал как бы между прочим, но на сей раз постарался от души. Худенькая девушка отлетела в дверной косяк, ударилась головой и упала, оставшись лежать в какой-то неестественной позе. Старший эсэсовец, шагнув к ней, сильно пнул ее ногой в живот. Потом еще и еще. Несчастная не издала ни единого звука.
— Похоже, ей каюк, — изрек унтер. — Значит, мочим всех.
Эриха замкнуло. Как зомби он поставил на мостовую вещмешок, дернул тесемки и запустил руки внутрь. Из-за разыгравшейся сцены на него никто не смотрел, а когда антифашист вновь привлек к себе внимание, было уже поздно. Послышалось звучное шипение, будто кто-то стравливал пар. В физиономию унтера ударила струя жидкого вещества, вылетевшая из продолговатого баллончика. Мгновенно утратив возможность что-либо видеть, эсэсовец с воплем прижал ладони к глазам, ощущая нестерпимое жжение. К нему тут же присоединился штурмовик, получивший вторую струю. Офицер, силясь сообразить, что происходит, обернулся на Эриха с удивлением и гневом. Антифашист без кровинки в лице выпустил в его холеную рожу содержимое обоих баллончиков, держа по одному в каждой руке. Смесь была ядерной. Такую нельзя было купить в обычных магазинах. Ее использовали спецподразделения в чрезвычайных ситуациях. Попадись Эрих с ней в своем родном Берлине, и у него была бы масса неприятностей с законом, однако для ЭТОГО Берлина, незнакомого с подобными штучками, баллоны были в самый раз. Выведенные из строя, ни унтер, ни штурмовик, ни их начальник не представляли никакой угрозы. Они даже не пытались достать обидчика, в данный момент способные лишь орать и хвататься за физиономии. Но Эриху этого было мало. Шагнув к офицеру, он нанес ему удар ногой в пах. Офицер согнулся в три погибели, а Эрих тут же всадил ему в разинутый рот лошадиную дозу сжиженного газа. Захрипев, эсэсовец грохнулся на спину, задыхаясь. Теперь уже не от удара в промежность, а от страшного жжения немедленно вздувшейся слизистой. Антифашист не знал наверняка, сдохнет эсэсовец или нет. Вероятно, да, но проверять времени не осталось. Его молниеносная атака дала немалую фору, однако она вызвала вполне закономерную реакцию. Люди в доме, услышав вопли снаружи, сначала ошеломленно притихли, а затем загомонили все разом. Эрих огляделся, оценивая диспозицию. Пожилой мужчина, кажется, был еще жив, а вот его дочь… Помогать им прямо сейчас было явно некогда. Что же касалось остальных, то никакого сочувствия они не вызывали. Штурмовик и унтер верещали кто во что горазд, беспорядочно крутясь туда-сюда и натыкаясь друг на друга. За-

дыхавшийся офицер елозил по мостовой, хватаясь за рот и горло. Его лицо побагровело, невидящие глаза закатывались под багрово-красными веками. Эрих на мгновение застыл, соображая, как лучше поступить: ринуться в дом или ретироваться?
— Стоять! Ни с места! — взревел чей-то голос.
Обернувшись, антифашист увидел неподалеку двух солдат, нацеливающих на него винтовки. Подхватив мешок, Эрих метнулся ко входу в аптеку. Два выстрела, слившиеся воедино, выбили из дверного косяка куски щепы, когда он столкнулся с выскочившим навстречу штурмовиком. Реакция антифашиста была мгновенной. Сунув в физиономию противника вещмешок, он втолкнул его в дом, отчего штурмовик, потеряв равновесие, грянулся на пол, увлекая за собой напарника, поспешавшего сзади. На входе образовалась куча мала, на которую невольно обратились взоры всех присутствующих. Эрих, перескочив через барахтавшихся врагов, обвел взглядом просторное помещение. Увиденное ему не понравилось чрезвычайно. Дело было не в интерьере, серьезно пострадавшем от рук налетчиков. Застекленные шкафы и витрина с лекарственными препаратами были разбиты, а их содержимое раскидано по полу. Плакаты со стен сорваны, немногочисленная мебель валялась где попало. От журнального столика остались жалкие обломки, а сами журналы подобно опавшим листьям устилали пол. Наиболее сильное впечатление Эриха не относилось и к жертвам нацистов. Двое молодчиков держали пожилую женщину и другую, помоложе. Последняя, вероятно, была сестрой или супругой лежавшего на улице мужчины. Старшая — бабушкой девушки. Обеим несчастным здорово досталось, и они даже не пытались сдержать рыданий. Штурмовики удерживали их перед прилавком без особого труда — какое сопротивление могли оказать две слабые, перепуганные жертвы? У прилавка же пустовал стул, вокруг которого была разбрызгана кровь и валялись упавшие веревки. Похоже, мужчина вскочил именно отсюда, каким-то образом освободившись и бросившись за своей дочерью. Антифашист, разумеется, отметил все эти детали, но больше всего ему стало не по себе совсем от другого. Количество врагов! Он никак не ожидал обнаружить внутри аптеки в общей сложности восьмерых штурмовиков и еще двоих эсэсовцев, не считая вышедших из строя. Силы были настолько неравны, что Эрих немедленно выскочил бы обратно, кабы не рисковал тут же получить пулю от солдат. Возникла мимолетная пауза, в ходе которой противники уставились друг на друга. Затем поднялся гвалт. Часть не державших пленниц нацистов, находившихся кто где, ринулась на незнакомца. Эрих понял, что лучшая защита — это нападение. Подскочив к

ближайшему штурмовику, он перехватил его руку и вывернул за спину, одновременно поворачиваясь с ним так, чтобы закрыться телом врага. Крайне своевременно и предусмотрительно! Грянувшие выстрелы принял импровизированный щит, отчего тут же потяжелел и обмяк.

— Отставить огонь, дебилы! — рявкнул кто-то начальственным голосом. — Своих же перебьем!

Выхваченное оружие опустилось, в результате чего антифашист бросил свою ношу на пол и занялся другими уже подбегавшими к нему штурмовиками. Завязалась схватка. Хуже всего в ней было то, что противников оказалось слишком много. Более того, перестав стрелять, некоторые из них выхватили ножи. Эрих увернулся от первого клинка каким-то чудом, выбив его из рук нападавшего. Второй также едва не достал антифашиста острием, но промахнулся, после чего его владелец получил чувствительный удар ногой и отлетел прочь, выронив оружие. Эрих тем временем хорошенько врезал третьему штурмовику, не слишком ловко владевшему ближним боем. Драка продолжалась буквально несколько секунд, и если бы антифашисту противостояла лишь ближайшая к нему троица, он вышел бы победителем. К сожалению, численность врагов и ограниченные возможности для маневра сводили шансы Эриха практически к нулю. В какой-то момент он оказался никем не закрыт, поскольку один штурмовик валялся на полу, другой влетел башкой в прилавок, а третий отскочил назад, тяжело дыша. Эсэсовец возле кассы тут же навел на молодого человека пистолет и нажал на курок. Сухой щелчок осечки спас Эриха от пули в голову. В следующее мгновение на него набросились те двое, что изображали кучу малу, плюс еще один штурмовик. Повиснув на антифашисте, они старались его скрутить, пока упавший на пол соратник подбирал нож, а подобрав, вознамерился поразить врага. Он практически это сделал, но неожиданно вскрикнул, снова выронив клинок. Его рукоятка показалась нестерпимо горячей. Пользуясь нерасторопными действиями неприятеля, Эрих каким-то нечеловеческим усилием вывернулся и ринулся к прилавку. Секунда — и он перескочил через него под грохот впившихся в стену пуль. Вставать было смерти подобно, но и ползти на четвереньках также никуда не годилось. Через прилавок уже заглядывал стоявший у кассы эсэсовец. Вскочив со скоростью метеора, Эрих снизу вверх врезал ему в челюсть, отчего эсэсовец мешком свалился там, где и стоял. Антифашисту играло на руку, что вся компания нацистов явно не ожидала получить такой отпор, отчего сперва растерялась, а затем начала нападать вразнобой с крайне низкой эффективностью. Только вот бесконечно долго неравная схватка

продолжаться не могла. Эсэсовец еще не успел поздороваться с полом, выложенным в стиле шахматных плиток, как Эрих уже метнулся к дверному проему, отделявшему аптеку от внутренних помещений и лестницы. Он рассчитывал скрыться в доме, а уж там выскочить в окно или еще куда — по обстоятельствам. Ему не хватило какого-то ярда. Стену вокруг него изрешетило. Палили все дееспособные нацисты, включая двух солдат, вбежавших в аптеку. Специально они мазали или нет, Эрих не знал, но в уши ему ударил не столько грохот выстрелов, сколько оглушительный рев второго эсэсовца.

— Стоять! — взревел он так, что зазвенели осколки стекол.

Эрих проигнорировал бы его любезное предложение, однако наведенный пистолет врага оказался от него в паре ярдов. Продолжать бегство, находясь под дулом практически в упор, было чистейшим самоубийством. Очутившись в дверном проеме, Эрих явил бы собой легкую мишень, по которой стоявший вблизи эсэсовец не промажет даже спьяну. Антифашист застыл как вкопанный, по инерции все же достигнув заветного прохода и ожидая смертоносного залпа. Кажется, кто-то действительно решил всадить в него пулю, однако грязно выругался на заклинившее оружие.

— Не стрелять! — грозно велел эсэсовец. Это относилось ко всей нацистской братии. — Ты! Повернись!

Последнее адресовалось Эриху. Как в тумане, антифашист повиновался, ощущая непередаваемую гамму чувств. Кажется, сейчас ему предстоит крайне неприятный опыт, и лучше бы все это и впрямь оказалось каким-нибудь виртуальным экспериментом. Две женщины, позабытые нацистами, в ужасе сжались, обнимая друг друга и глядя расширенными глазами на молодого человека. Они вообще не понимали, как одиночка мог бросить вызов целой толпе врагов, и теперь боялись не столько за себя, сколько за него. А их страх имел под собой все основания, поскольку было просто чудо, что незнакомца еще не убили на месте. Эрих, скосив глаза, встретился с женщинами взглядом и почувствовал горечь разочарования, смешанную с тоской. Эх, ничего он не смог сделать! Только попусту ввязался в безнадежную схватку, и теперь кто его знает что будет. Это была последняя мысль антифашиста. В следующую секунду перед глазами все погасло, и он провалился в беспамятство, осев на пол у дверного проема. Объявившийся сзади штурмовик, вынырнувший откуда-то из внутренней части дома, ударил его рукояткой пистолета по затылку.

— Готов, голубчик! — удовлетворенно процедил эсэсовец, убирая пистолет в кобуру и отступая на пару шагов. — А ну-ка взять его! Да помогите нашим снаружи — они так орут, будто их режут! И

про жидов не забудьте. А этого заступника евреев надо доставить куда следует — там он свое сполна получит.
Нацисты пришли в движение. Одни ринулись поднимать Эриха, другие вспомнили про дрожавших женщин, третьи помогали лежавшему на полу эсэсовцу, четвертые обратили взоры на входную дверь. Сделать они, однако, ничего толком не успели. Из глубины дома раздался какой-то звук — негромкий, но гулкий, будто докатившееся эхо из глубокой пещеры. В воздухе потянуло странным запахом. Видимо, аптечные порошки, рассыпанные по всему помещению, вконец отравили воздух своей невообразимой смесью. Обернувшись на шум, нацисты замешкались, а затем и вовсе опешили, увидев объявившуюся в дверном проеме фигуру. Облаченная во все черное, она производила очень нетривиальное впечатление, особенно в сложившейся ситуации. Было совершенно невозможно определить, во что облачен этот человек. Элементы его гардероба словно сливались в некую единую хламиду, которая таковой вроде как не являлась, а то и вовсе отсутствовала. На незнакомце были необычной формы сапоги, а бугристое, будто изрытое оспой лицо скрывала низко надвинутая шляпа.
— А ну стоять! — снова рявкнул изумленный эсэсовец.
Незнакомец и не подумал подчиниться. Шагнув к ближайшему штурмовику, склонившемуся было над телом Эриха, он схватил его за голову и сделал резкое движение. Послышался хруст, и штурмовик упал замертво со сломанной шеей.
— Огонь! — заорал эсэсовец, но остальным уже и не требовалось подобное воззвание.
Вновь выхватывая оружие, вся группа нацистов наводила его на новую цель. Та же как ни в чем не бывало приблизилась к следующему штурмовику и выбросила вперед руку с расставленными вилкой пальцами. Пробив глаза, брызнувшие жидкостью, пальцы до отказа вошли в глазницы, отчего человек тут же забился в конвульсиях и рухнул на пол, едва рука отдернулась обратно. Рухнул уже трупом с двумя окровавленными, зияющими дырами на лице. Раздались первые выстрелы, когда неизвестный оказался возле обалдевшего от зрелища эсэсовца. Пистолет последнего смотрел незнакомцу прямо в солнечное сплетение, куда и разрядился. В ответ фигура в черном нанесла удар в грудину. Кулак, с легкостью пробив форму и ребра, проник в тело. Пальцы обвили сердце железной хваткой. Короткий рывок — и вот уже сердце дымится в свете аптечных ламп, все еще трепыхаясь последними мгновениями уходящей жизни. Эсэсовец, закатив глаза, свалился с развороченной грудью, внутри которой зияли разорванные сосуды, истекавшие кровью. Нацисты, пораженные происходящим, заорали.

Аптека содрогнулась от грохота выстрелов. Штурмовики неистово разряжали во врага пистолеты; солдаты, все еще стоявшие у входа, палили из винтовок, лихорадочно передергивая затворы. Незнакомец метнулся к ближайшему нацисту и всадил ему руку в брюшину снизу вверх. Всадил насквозь, пронзая тело словно острым металлическим стержнем, забитым кувалдой. Штурмовик захрипел, выпучивая глаза, а его уже швыряли как испорченную куклу с вываливающимися внутренностями. Еще секунда — и фигура в черном схватила другого штурмовика. Схватила ладонью за лицо и сжала так, что из-под пальцев брызнула плоть вперемешку с осколками костей. Нацист даже не мог кричать — он издавал лишь жуткие звуки, вырывавшиеся из остатков искореженного черепа. Солдаты закричали от страха. Продолжая стрелять, они попятились назад, но входная дверь вдруг затворилась без всяких видимых причин. Затворилась наглухо, не оставляя людям ни малейшего шанса выйти. Выхватив из-за пояса падавшей жертвы нож, незнакомец метнул его в одного из солдат. Нож вошел ему промеж глаз по самую рукоятку, пробил голову насквозь и пригвоздил ее к деревянной створе. Откуда в руке немыслимого врага взялся другой нож, убивший очередную цель, никто уже не видел. Нацисты окончательно утратили понимание происходящего. Истошно вопя, они отступали кто куда, продолжая стрелять, будто пятый, восьмой, десятый по счету выстрел мог наконец-то поразить фигуру в черном. Кто-то из штурмовиков попытался выскочить в окно. Толстое стекло не поддалось. Сверкнув металлическим блеском, оно выдержало натиск тела, отчего штурмовик отлетел назад и плюхнулся на пол. Там его и настиг неизвестный, ударом опущенного сапога превратив голову упавшего в кровавое месиво. Две женщины, не в силах выносить кошмарное зрелище, в ужасе зажмурились, только и слыша, как хрустят кости и хлюпает разрываемая плоть. Они осмелились открыть глаза лишь тогда, когда наступила звенящая тишина. Больше никто не палил и не кричал, не падал на пол и не елозил по нему полуоторванными конечностями. Взорам женщин представился все тот же незнакомец, стоявший посреди разгромленной аптеки. На его одежде не было ни капли крови, хотя она виднелась повсюду, разливаясь из разбросанных кругом трупов. Трясущиеся женщины не знали, благодарить этого человека за спасение или бежать от него со всех ног. Разыгравшаяся сцена настолько не укладывалась в сознании, что его просто парализовало. Когда фигура в черном повернулась к ним, женщины даже не пошевелились, превратившись в молчаливых свидетелей кошмара. А у фигуры, вероятно, имелись на свидетелей свои планы. Пистолет одного из эсэсовцев скользнул ей в

руку. Несчастные женщины, доведенные до умопомрачения всем, что с ними произошло, крепко зажмурились, дрожа друг у друга в объятиях.

Снаружи по-прежнему никого не было. Жители соседних домов предпочитали не вмешиваться, а когда началась стрельба, откровенно испугались. Не зная, что происходит в аптеке, они сделали крайне превратные выводы о развитии событий, и сидели не высовываясь. Примерно то же относилось и к редким прохожим. Они жались к противоположным стенам, будто проскакивая между молотом и наковальней. Некоторые и вовсе не решались миновать опасное место, поворачивая восвояси. Вид лежавших на мостовой тел, особенно штурмовика и эсэсовцев, производил сильное впечатление, и не в последнюю очередь благодаря головам, разбитым цветочными горшками. Вероятно, последние упали сверху, сброшенные чьей-то рукой. Люди слышали, как сначала все стихло. После жутких воплей и грохота выстрелов, пугавших гораздо больше типичного погрома, наступила еще более пугающая тишина. Из аптеки какое-то время не доносилось ни единого звука. Затем поочередно грянуло два выстрела, словно внутри кто-то добивал оставшихся в живых. А следом полыхнул огонь. Полыхнул сразу и зло, занявшись на первом этаже бурными очагами. Не прошло и минуты, как от жара вылетели стекла, и языки пламени, заполонив стеной оконные рамы, лизнули наружную стену. Поднялся могучий гул, от которого задрожала мостовая. Вздымаясь кверху, огонь одновременно распространялся внутри дома, и вот он уже стал охватывать второй этаж, пока первый исчезал в объятиях бушующего пожарища. Все происходило невероятно быстро, будто кто-то разлил внутри горючую жидкость и непрерывно накачивал кислород, раздувая огненную стихию. Соседи, привлеченные гулом, звоном и отсветами оранжево-красных языков, в панике стали звонить пожарным и полиции. Полыхало так, что если они теперь чего и боялись, то распространения пожара на их дома, если вообще не на весь переулок. Из дверей аптеки, поверженной напором лютовавшего огня, бил настоящий факел, превосходивший пламенеющие рукава из окон. Тянуло страшным жаром, который ощущался в ближайших зданиях, и особенно через дорогу. Теперь, насмерть перепуганные ревом и заревом чудовищного костра, местные жители выбегали на улицы, кто сам по себе, кто целыми семьями, а кто даже со скарбом. Начиналась паника. Никто не рисковал приближаться к охваченной огнем аптеке, да было и незачем. Внутри мог уцелеть разве что сам дьявол и его приспешники, а люди у входа не подавали признаков жизни. Сперва одежда на них дымилась, а затем вспыхнула. К моменту

прибытия городских служб тела уже сгорели, охваченные хищным всепожирающим пламенем. Сгорело и все содержимое аптеки, от которой остались лишь стены да перекрытия. Крыша рухнула с таким грохотом, будто взорвался грузовик с боеприпасами. В небо ударил огненный столб, сопровождаясь миллионами взвившихся искр. Затем… пожар резко пошел на убыль. Пока пожарные бригады спешно ломали голову, как предотвратить распространение огня, тот отчего-то сам начал затухать, причем затухать прямотаки на глазах. В считанные минуты он покинул второй этаж, тлея лишь в оконных проемах, а затем стал исчезать и в первом. Бурное свечение превратилось в слабый отблеск, а вскоре убавилось до состояния гаснувших углей. Потом не стало и его. Какое-то время внутри обугленной аптеки еще теплились огоньки, но через пару минут и от них осталось одно лишь воспоминание. Неизгладимое воспоминание для всех, кто оказался свидетелем этого пугающего и плохо объяснимого события.

Когда пожарные вошли внутрь сгоревшего здания, они не нашли там ничего, кроме обугленных костей и пепла. Криминалистам, прибывшим на экстренный вызов, изучать было практически нечего. Пулевые отверстия в черепах соответствовали перестрелке. Странная деформация некоторых скелетов была, скорее всего, вызвана попаданием инородных предметов во время пожара. Кого удивишь упавшей с потолка балкой, размозжившей голову или пробившей ребра?

* * *

Когда Эрих пришел в себя, перед глазами плавали какие-то пятна. Припомнив последние события, он рывком сел и тут же, застонав, схватился за затылок. От удара рукояткой пистолета там вскочила здоровенная шишка, набухшая так, что под пальцами казалась огнедышащим вулканом. Огонь от нее распространялся по всей тыльной части черепа, вызывая желание залить ее водой. Справившись с приступом тошноты, Эрих огляделся, пытаясь сообразить, где очутился. По логике вещей предполагалось, что это будет либо тюремная камера, либо что-то в этом роде, однако вместо типично застеночного дизайна глазам антифашиста представился совершенно другой интерьер. Он сидел на кровати в затененной комнате. Меж плотно задвинутых штор пробивалась полоска света, падавшая на простой деревянный пол. На потолке висела не горевшая люстра, под которой расположился круглый стол в компании трех стульев с гнутыми спинками. Стены были оклеены цветастыми обоями. На их изрядно выцветшей поверхно-

сти имелось немало светлых прямоугольных пятен, оставленных некогда висевшими там картинами и фотографиями. Полочки для книг пустовали, как пустовали и полки застекленного серванта. В одном из углов примостился письменный стол, видавший лучшие времена, и еще более престарелое кресло. Нехитрое убранство помещения дополнял шкаф, тумбочка и два низких комода. Пораженный, Эрих некоторое время не двигался, крутя головой по сторонам. Где это он?! Каким дьяволом его сюда занесло, когда он должен быть сейчас даже не в полицейском участке, а в камере одного из заведений СС?! Молодой человек машинально посмотрел на свои руки и ноги. Никаких пут. С телом также было все в порядке, не считая следов схватки с нацистами. Ну дела! И к кровати не прикован?! Чудеса, да и только! Эрих хотел было подать голос, но передумал. Он все еще понятия не имел, где находится. Свобода отнюдь не означала, что антифашист в безопасности. Комната могла быть заперта, а снаружи, за окнами, выставлена стража. А ну как это одна из секретных квартир штурмовиков или СС? От этой мысли Эриха аж в дрожь бросило. Если он все-таки попал в плен, то его будущее вызывает серьезные опасения. Взять те же пытки с целью выявить планы диверсанта и его сообщников. Как максимум, Эрих им порасскажет про Аномалию и свой мир — то-то ему поверят. Вербовка? Он всю жизнь мечтал поработать на настоящих нацистов, с которыми его знакомые неонацисты и рядом не стояли. Гм… Кстати о "своем мире". А если все это продолжение эксперимента? Если Эриха закинуло невесть куда, или теперь его окружает другая иллюзия? "Между прочим, для шизоидного бреда такие перескоки с места на место — еще цветочки", — ехидно подсказала ужом подвернувшаяся мысль. Молодой человек поежился. Как бы там ни было, надо срочно выяснить где он, пока голова, и без того разрывавшаяся от боли, окончательно не лопнула от размышлений. Свесив ноги с кровати, Эрих тихонько встал на доски пола, испустившие едва слышный скрип. Тут же бесшумно распахнулась входная дверь, располагавшаяся напротив двух больших окон и справа от кровати. В комнату вошел какой-то невысокий человек неопределенного возраста, одетый в неброский, ничем не выделяющийся наряд. Настолько не выделяющийся, что его становилось сложно запомнить, как, впрочем, и лицо, выглядевшее каким-то невероятно невзрачным — мелькнул в толпе и не заметил, посмотрел и сразу забыл. Эрих напрягся, машинально приняв боевую стойку.

— Не беспокойтесь, я не собираюсь причинить вам зла, — негромко сказал человек, чуть выставив перед собой ладони.

— Где я? — коротко осведомился антифашист и закашлялся, по-

скольку в глотке творилось черт знает что.
— В безопасности. Вас здесь никто не тронет — даю вам слово, — все тем же успокаивающим тоном отозвался незнакомец.
Его голос звучал так, что казалось, будто он намеревался очаровать молодого человека как в какой-нибудь сказке.
— Кто вы? — проперхал Эрих второй вопрос.
— Можете звать меня Хельмут. Это мое ненастоящее имя, но оно частично соответствует истинному, — улыбнулся невзрачный человек.
— Почему это ненастоящее? — довольно враждебно спросил антифашист.
— Потому что я вас не знаю, в том числе и вашего собственного имени, — заметил незнакомец. — У меня есть основания вам доверять, иначе вы не оказались бы здесь, но пока я не собираюсь раскрывать вам все карты. До финала, знаете ли, еще далековато.
— Какого финала? — тупо осведомился Эрих, переставая вообще что-либо понимать.
— Нашей борьбы, — быстро сказал незнакомец, будто старался исправить какую-то оплошность. — Вы же тоже антифашист, если я не ошибаюсь? В противном случае я пожалею, что вытащил вас из того дома.
Эрих был вынужден перейти от угроз, готовых сорваться с его языка, к просьбам. Он желал узнать, что вообще к чему, пока у него ум за разум не зашел.
— Конечно-конечно, — закивал незнакомец. — Я понимаю, в каком вы сейчас состоянии. Давайте присядем за стол. Я расскажу вам, что случилось после того, как вы потеряли сознание от удара, а заодно, если вы не против, займусь вашей шишкой.
Эрих, подумав, кивнул, проследовал к столу и уселся на один из стульев. Незнакомец подошел к комоду, открыл его и как кудесник выудил оттуда кубок и компресс. Принеся их Эриху, он протянул ему первое, наполненное какой-то прозрачной жидкостью, и явно вознамерился приложить к затылку гостя второе.
— Не буду пить! — мрачно заявил Эрих, с нескрываемым подозрением отводя руку невзрачного человека.
— Полноте, — совершенно миролюбиво произнес тот, кто представился Хельмутом. — Какой мне смысл вас травить? Я мог бы убить вас еще задолго до пробуждения. В кубке — лекарство. А это всего лишь исцеляющий компресс, еще менее опасный, чем питье. Он поможет, уж поверьте мне на слово!
Обмозговав приведенные аргументы, антифашист нехотя согласился. Приняв кубок, смахивавший на творение средневековых мастеров, он отпил немного и поставил его на стол.

— До дна, до дна, — настойчиво увещевал Хельмут. — Лекарство должно подействовать как положено.
Эрих подчинился. К его голове уже прикладывали компресс, и первое желание отдернуть голову быстро сменилось на противоположное. Боль, как по волшебству, тут же стала утихать, сменяясь блаженной негой, быстро распространившейся на все пострадавшее место. Неведомый напиток, на поверку оказавшийся очень вкусным и пахучим, раздувал в желудке приятное тепло, малопомалу охватившее все тело. Мышцы больше не гудели, синяки не беспокоили. Эрих почувствовал себя так, будто очутился в спасалоне в руках опытных массажисток. Черт побери, похоже, этот тип просто фантастически умел обращаться с бренной плотью!
— Ну как, вам лучше? — заботливо осведомился незнакомец, усаживаясь напротив молодого человека.
Компресс остался прижат к затылку с помощью тесемки и пары зажимов к волосам. Эрих закивал, найдя несколько приличествующих случаю слов благодарности.
— Ну, теперь к делу, — куда серьезнее изрек собеседник. — Итак…

Итак, Хельмут оказался на месте погрома не случайно. Он был антифашистом и хотел предупредить еврейскую семью о готовящемся захвате их имущества, но не успел. Нацисты явились раньше. В их намерениях сквозила исключительная корысть, приправленная презрением к унтерменшам. Подружке того офицера СС приглянулась аптека, которой, в соответствии с нынешним законодательством, хоть и владел якобы немец, но это была лишь уловка. По факту еврейская семья не только проживала в доме, но и занималась делами, имея клиентуру среди представителей своего народа. Сама аптека подружку офицера не интересовала — дом ей был нужен для своих, скажем так, коммерческих целей, о которых порядочные люди обычно не распространяются. Сперва офицер предлагал выкупить имущество, но всякий раз получал отказ. Дело было даже не в цене, возмутительно мизерной. Еврейская семья не желала бросать родовое гнездо, принадлежавшее ей больше века. Немногие решались противостоять захватчикам до конца, но эти люди были из таких. Офицер разозлился и решил действовать иными методами, однако угрозы, запугивания и различные показательные акции также ни к чему не привели. Тогда он пошел на крайние меры. Использовав свое положение, эсэсовец позвал подчиненных, а те в свою очередь обратились к отряду знакомых штурмовиков НСДАП. Полиция была извещена, к тому же она все равно выезжала на инциденты с евреями все реже и реже. Собравшись затемно у аптеки, нацисты ворвались внутрь, схватили хозяина и его семью, притащили вниз и стали избивать,

угрожая и запугивая. Офицер требовал подписать документы о передаче имущества, обещая отпустить семью на все четыре стороны. Хозяин упорствовал, обстановка накалялась, а затем… появился Эрих. Хельмут уже находился в доме — нацисты его не нашли — но он, в отличие от Эриха, не нашел в себе смелости бросить им вызов в одиночку. Поступок молодого человека восхитил и испугал его одновременно. Восхитил своей безрассудной храбростью, испугал последствиями. Не в силах помочь попавшему в плен бедняге, Хельмут потихоньку выскользнул через заднюю дверь, которую уже не охранял оглушивший Эриха штурмовик. Он уходил прочь, когда в аптеке вдруг поднялась беспорядочная пальба, а затем вспыхнул пожар. Повинуясь велению совести, Хельмут вернулся, увидел кругом бездыханные тела и лежавшего на полу Эриха. Тела уже объял огонь, возникший, должно быть, из-за воспламенения смеси каких-то рассыпанных реагентов, но до Эриха он добраться не успел. Из-за чего началась ожесточенная перестрелка, и каким образом все оказались мертвы Хельмут понятия не имел. Идейного антифашиста волновало только одно — молодой герой был еще жив, и его требовалось немедленно укрыть в безопасном месте. Так Хельмут и поступил. Вынеся Эриха через заднюю дверь, он погрузил бесчувственное тело в свой легковой автомобиль и был таков. Дом, в котором они сейчас находятся, принадлежит Хельмуту, но он здесь не живет, а бывает в случае необходимости. Он связан с группой антифашистов. Их борьба против бесчеловечного режима только начинается. Говорить чем она закончится пока преждевременно, однако Хельмут рад, что ему удалось спасти единомышленника. Ведь только единомышленник бросился бы в заведомо безнадежную схватку, чтобы вступиться за еврейскую семью, не так ли?

Выслушав хозяина дома, Эрих почувствовал к нему большое расположение. Тепло, разливавшееся по телу, привело его в добродушное состояние, изрядно подкрепленное пришедшимися по сердцу словами.

— Да, так, — кивнул молодой антифашист.

— Я не стану спрашивать, откуда вы — расскажете, когда сочтете нужным. Пока лишь надеюсь на ваше понимание и молчание. Вы вольны покинуть этот дом когда захотите. Вы тут друг, а не пленник, союзник, а не враг, — мягко произнес Хельмут, делая широкий жест открытой ладонью.

— Ой, а где это – ЗДЕСЬ?! — озаботился вдруг Эрих, вспомнив обстоятельства своего путешествия. — И какой сейчас день?!

Оказалось, что сегодня двадцать второе мая. Молодой антифашист пролежал без сознания до середины следующего дня. Инте-

ресно, почему Хельмут не приложил свой чудодейственный компресс заранее? Может, куда уходил? Впрочем, это ладно, ерунда, а вот то, что Эриху надо было срочно возвращаться в свой мир — забота куда серьезнее. Покрутив головой, невольный гость осведомился, где его вещмешок. Ему вдруг пришла ужасная мысль, что Хельмут обнаружил мобильный телефон и прочие вещи, не соответствовавшие тридцать восьмому году. Ох, лучше бы тогда они сгорели на пожаре.

— Не беспокойтесь, я ничего не трогал и вас тоже не обыскивал, — сообщил хозяин дома, правильно угадав волнение собеседника. — Ваш мешок под кроватью, в целости и сохранности. Я успел прихватить и его.

Эрих, немедленно проверив эти слова, убедился, что так оно и есть. Выудив из-за пазухи основательно помятую карту Берлина, он попросил Хельмута указать, где они находятся. К вящей радости молодого антифашиста, убежище располагалось в относительной близости от уже известного ему района.

— Ничего удивительного, — пожал плечами невзрачный человек, к которому спасенный гость теперь ощущал искреннюю симпатию. — Потому я и был в курсе дел того переулка. Потому и примчался предупредить ту семью, когда узнал — уж простите, пока не открою откуда, — что ей угрожает. Увы, я опоздал.

— Кстати, вы не сказали… Они… Кто-нибудь из них выжил? — запинаясь, спросил с замиравшим сердцем Эрих.

— Боюсь, что нет, — понурился Хельмут. — Единственный выживший — это вы. Даю вам в этом слово, ибо я все видел собственными очами.

— Проклятье! — вскочил Эрих, опрокидывая стул. — Если бы эти ублюдки не были уже мертвы, я бы убил их собственными руками!

— Ценю и разделяю ваш пыл, — отозвался хозяин дома, странно сверкнув глазами. — Но еще не время. Не торопитесь и ведите себя осторожно. Вскоре, если захотите, вам представится возможность внести свою лепту в происходящее.

— Вы предлагаете мне присоединиться к вашему движению? — подумав, осведомился молодой антифашист.

— Я предлагаю вам поступать так, как велит ваша душа, — с какими-то торжественными нотками произнес Хельмут. — А сейчас, полагаю, не ошибусь, если вам нужно поехать к себе, где бы вы ни жили, и хорошенько все обдумать.

Эрих нашел, что его новый знакомец не только очень хороший человек, но еще и невероятно понимающий. Он будто угадывал потаенные чаяния гостя, даже не зная их подлинной причины, и прямо-таки сам подталкивал к их успешному исполнению. Но вот

от автомобиля Эрих отказался. Вероятно, Хельмут мог бы подвезти его до кирхи, однако гость из другого мира решил не сдавать место своего прибытия в первый же день знакомства. Быстро приведя себя в порядок, он одел за плечи вещмешок и покинул убежище, прихватив у его хозяина пачку кстати подвернувшихся газет. Хельмут спасенного антифашиста не провожал. Улыбаясь, он лишь проследил за ним пристальным взглядом из окна, а потом сделал шаг назад и исчез так ловко, будто растворился в пространстве.

Эрих очень спешил, отчего даже не подкрепился у Хельмута, Сидя в автобусе, шедшем из Берлина в пригород, он грыз свой сухой паек. Наступил вечер, и чтобы прибыть в кирху до темноты времени оставалось в обрез. Хорошо, что молодой экспериментатор заранее продумал все пути возвращения и ехал, что называется, по накатанной дорожке. В пути ему было о чем подумать, поэтому он даже не заметил, как приехал к месту назначения. Остановка, где он вылез, находилась неподалеку от нужного поселения. Расстояние в три мили Эрих проделал едва ли не бегом, сдерживая шаг исключительно чтобы не привлекать внимания. Когда впереди наконец-то показались знакомые домики, на небе стали высыпать первые звезды.

В кирху удалось проникнуть без всяких помех. Ее по-прежнему никто не охранял, равно как ни одна душа не караулила беглого преступника где-нибудь снаружи. Воодушевленный этим наблюдением, Эрих спустился в подвал. Аномалия была там, где и ожидалось. Это, несомненно, воодушевляло, давая возможность рассчитывать на нее и впредь. Молодой человек уже хотел пройти сквозь центр комнаты, как вдруг, осененный какой-то мыслью, остановился. Покопавшись в мешке, он вынул оттуда часть предметов и поместил в коробки возле двери. Те на поверку оказались пустыми, словно их нарочно положили для Эриха в качестве хранилища его вещей. Разделив свою ношу, экспериментатор подхватил мешок и снова закинул за спину. Затем смело прошел сквозь колеблющийся воздух и очутился по свою сторону. Статуя и коробки опять исчезли, будто их не было и в помине, как исчезла и Аномалия. Покинув подвал, Эрих поднялся в притвор и проверил время на часах, заведомо оставленных им на полке. Оно точно соответствовало времени, продолжавшему отсчитываться на мобильном телефоне. Стояло утро понедельника. Выскользнув на улицу, благо что сменщик пастора Берга в кирху явно не спешил, Эрих не без некоторого облегчения убедился, что действительно вернулся в свой мир. А также что он вот-вот опоздает на работу. Вызвав такси, молодой экспериментатор, не забывший

переодеться в притворе, отправился прямиком в офис.

– 6 –

Уйма дел не сразу позволила Эриху хорошенько проанализировать результаты своей вылазки через Аномалию и обойтись с ними должным образом. Просидев на работе с самого утра и до позднего вечера, он поехал в больницу к Еве, заскочив к ней на четверть часа. Подруга, видя неважное состояние молодого человека, отправила его домой — хорошенько выспаться. Предложение, надо сказать, было отнюдь не лишним. После всех приключений и продолжительного рабочего дня Эрих едва держался на ногах, поскольку беспамятство в доме Хельмута не слишком-то считалось. Добравшись до квартиры, молодой человек дополз до дивана, прилег, не раздеваясь, да так и заснул. Проснулся он уже утром от телефонного звонка. Герр Марсдорф просил явиться пораньше, чтобы как можно быстрее взяться за новое задание. Чертыхнувшись, Эрих пообещал. Наскоро сбегав в душ, он перекусил едой быстрого приготовления и уехал в офис. Снова основательно там задержавшись, Эрих забежал в конце дня к Еве, полноценное свидание с которой пропустить уже не мог. Он пробыл с девушкой два часа, пожертвовав для этого всем остальным. В том числе своими необычайными изысканиями, так как сразу по выходу из больницы молодому инженеру следовало отбыть в срочную командировку. На сей раз совесть Эриха была чиста — он действительно покидал Еву исключительно в интересах службы, вынужденный отложить эксперименты с трофеями. Все, что ему оставалось — это размышлять на тему произошедших событий, да и то тогда, когда его голова не была занята поручением герра Марсдорфа. И Евой. Кто-то мог бы задаться вопросом: каким образом Эрих умудряется закрывать свое новое "хобби" в долгий ящик, когда с ним произошло ТАКОЕ? Ответ был прост, и упирался в ту же самую логику, что и прежде. Как ответственный человек, Эрих расставлял приоритеты, и твердо их придерживался. Он уже приостановил свою деятельность антифашиста ради работы, и условно вернулся к ней после нападения на Еву. Теперь, после благополучного возвращения из Аномалии, чувство долга снова взяло вверх. В конце концов, что изменится, если повременить с изучением образцов? В крайнем случае, он сходит на "ту сторону" опять, возникни в том какая-либо необходимость. У Эриха, конечно, возникало желание показать кому-нибудь свои трофеи, но сказать это было проще, чем сделать. К примеру, Ева вряд ли придет в восторг при виде экземпляра "Майн кампф" или фляжки со свасти-

кой, в ее-то состоянии. У Эриха имелись вещи и другого характера, однако часть он выложил в коробки ТАМ, а часть просто не успел распаковать, оставив их в кирхе. Отправляясь оттуда на работу, путешественник решил не рисковать, спрятав вещмешок в притворе, а потом за ним так и не вернулся. В распоряжении Эриха имелись лишь фотографии, сделанные на мобильный телефон. Выкраивая свободную минутку, он вдумчиво изучал их, порой копаясь в анналах истории. Приключившееся в один из таких моментов окончательно укрепило его в мысли, что спешить с демонстрацией образцов не стоит. Уже находясь в командировке, Эрих сидел за своим ноутбуком. Сидел прямо на объекте, пользуясь перерывом на отдых, и неторопливо рассматривал привезенные "оттуда" снимки. С ними начинали происходить какие-то странные вещи. Они отказывались копироваться. То вылезало сообщение в духе повреждения файловой системы и требовало форматирования диска, то программы-проводники видели все остальное, кроме этих фото. Порой и вовсе начинались какие-то чудеса, объявляясь с пугающей регулярностью. Сперва Эрих ничего подобного не замечал. На свой рабочий компьютер он копии делать не решился, а на домашний второпях не успел. Теперь же, расположившись за ноутбуком, Эрих для удобства решил снять копии снимков во временную папку, а оттуда разместить их где-нибудь на закрытом файловом хранилище в интернете. Тут-то и выяснилось, что ничего путного из столь нехитрой идеи не получается. Как Эрих ни старался, он так и не сделал ничего подобного с содержимым своего мобильного телефона. Точнее, он сделал это со всем, кроме фотографий по ту сторону Аномалии. При этом телефон и ноутбук были вроде бы исправны, включая карту памяти мобильника. Ведь выйди она из строя, Эрих не смог бы лицезреть снимки на его экране. Файлы отказывались как копироваться, так и перемещаться, причем прямая их заливка с телефона в интернет тоже ни к чему не приводила. Чертыхаясь, молодой человек раз за разом тыкал пальцем в экран смартфона, пытаясь добиться хоть какого-нибудь результата, и упорно не понимал что происходит. За этим занятием его и застал один из инженеров, обратившийся по какому-то вопросу.

— У вас такой вид, господин Сторм, будто вы привидение увидели, — с улыбкой сказал этот инженер, подразумевая смятенный вид командированного специалиста.

— В известном смысле так и есть, — кивнул Эрих. — Вот, пытаюсь скопировать этот снимок на ноутбук, а он не копируется. Если сам не справлюсь, что будет крайне позорно, придется обращаться к специалисту.

— Какой снимок? — осведомился, чуть наклоняясь, инженер.
— Да вот этот, — не без досады отозвался Эрих, приподнимая к его глазам мобильник.
Там красовалась фотография пивной, в которой он так и не успел переночевать, сцепившись с нацистами в аптеке. В ней не было ничего крамольного, поэтому путешественник не опасался посторонних глаз.
— Прошу прощения, но здесь ничего нет. Должно быть, у вас экран в режиме энергосбережения, — озадаченно произнес инженер.
Эрих бросил взгляд на телефон. Тот и не думал выключаться, по-прежнему демонстрируя пивную вместе с вывеской и частью фасада. Одно из окон первого этажа было весьма приметным, ибо именно за ним молодому человеку довелось трапезничать. Подняв взгляд на инженера, Эрих хотел было что-то сказать, но вдруг заподозрил неладное.
— Что вы видите на этом снимке? — спросил он, чувствуя прилив нездорового волнения.
— Полагаю, то же, что и вы, — помедлив, ответил инженер. — Это какой-то тест?
— Ответьте, если вам не сложно, — предложил Эрих.
— Черный экран. Ну, чуть светится, — пожал плечами собеседник.
— То есть вы не видите здесь дом с вывеской?! — ахнул Эрих, едва не вскочив со стула.
— Нет. А должен? — приподнял бровь собеседник.
Молодой человек открыл было рот, закрыл, несколько секунд подумал и провел пальцами по экрану. С его точки зрения теперь изображение было замещено другим. Теперь на экране красовался фасад магазинчика, где были куплены книги.
— А здесь? — быстро поинтересовался он с замирающим сердцем.
— Тоже ничего, — мотнул головой инженер. — Простите, господин Сторм, но зачем вы меня об этом спрашиваете?
— Прошу вас уделить мне всего пару минут, — нашелся Эрих. — Я буду показывать вам телефон, а вы мне сообщите, когда на нем появится какая-нибудь картинка.
Инженер, окинув командированного специалиста удивленным взглядом, без особого энтузиазма согласился. Эрих принялся демонстрировать случайному наблюдателю фото, и вскоре каждый из них начал проявлять признаки раздражительности. Инженер ничего на мобильнике не находил, из-за чего начинал подумывать, что все это какая-то глупая шутка. Эрих же вообразил, что над ним попросту издеваются. Он практически уверился в этой мысли, собираясь высказать инженеру несколько неприятных слов, но

тот неожиданно вытянул палец, указывая на экран.
— Вот здесь какая-то комната, — заявил он довольно сердитым голосом. — Странное убранство. Это внутри какой-нибудь церкви?
Эрих, опешив, принялся перелистывать снимки дальше. Теперь инженер видел все, что ему показывали. Это была кирха пастора Берга, сфотографированная изнутри с разных ракурсов, а также снаружи. Ее дополняли снимки соседних домов, сделанные с приличного расстояния. Внезапно осененный какой-то мыслью, Эрих промотал фото обратно, и инженер вновь сообщил про черный экран. Молодой экспериментатор похолодел. Он вспомнил, где был сделан последний снимок, который наблюдал собеседник. В известном смысле он действительно считался последним. По эту сторону Аномалии. Все, что оказалось по другую, инженер не воспринимал.

Эриху пришлось применить все свое красноречие, чтобы задобрить испытуемого и заставить его забыть про вопросы "вижу или не вижу". Прямо на ходу он соврал какую-то относительно убедительную историю. Мол, это и впрямь психологический тест, который он проходит прямо сейчас, и которым решил поделиться со случайным собеседником. Если человеку долго показывать однородный экран, например, черный, его реакция на первый настоящий снимок может отличаться от реакции другого человека, вплоть до галлюцинаций. Инженер вроде бы поверил. Он был несилен в психологии, а командированный специалист числился на хорошем счету у руководства. Вероятно, ему виднее.

Спровадив инженера, Эрих, понятное дело, не успокоился. Он-то фотографии видел. Недолго думая, молодой человек решил найти еще пару подопытных кроликов. Учитывая количество людей, задействованных на объекте, это не составило особого труда. Убедительно соврав нечто вроде сказанного инженеру, Эрих провернул свой опыт на одном технике, одном рабочем и даже одном совершенно постороннем человеке. Вскоре ему пришлось признать, что результат в каждом случае одинаков. Все испытуемые уверенно указывали на фото только вне пределов Аномалии. Оказавшееся за ней представлялось им черным экраном. Чтоб уж окончательно убедиться в итоге эксперимента, Эрих привлек к нему не только людей, но и технику. Это здорово выбило молодого человека из колеи. На снимках его мобильного телефона с любой фотографией "оттуда" он видел то же, что и остальные — а именно ничего.
— Неужели я все-таки спятил? — прошептал побелевшими губами Эрих.
Да, версия о сумасшествии всколыхнулась с новой силой, вытес-

нив более приоритетные о параллельном мире и виртуальной вселенной. Вероятно, потому и с копированием файлов ничего не получалось. Чему тут удивляться, если их на карте памяти попросту не было? Да, та могла быть неисправна, но ни одна техническая неполадка не объясняла зрительные галлюцинации Эриха. Люди же из числа тех, кого он расспрашивал, вряд ли были в сговоре, как уж точно не была с ними в сговоре Ева, которой он наконец-то решился показать снимки из ТОЙ Германии.

Это случилось практически сразу по его возвращении из командировки. Заехав в больницу к девушке, Эрих под благовидным предлогом подсунул ей свой мобильник. У него в голове аж зашумело, когда Ева без всякой задней мысли проигнорировала пустые фотографии, то есть сделанные ТАМ, долистав их до видимых, запечатленных ЗДЕСЬ. "Как бы меня не положили в соседней палате", — подумал молодой человек, но тут же вспомнил, что отделение психиатрии находится в другом месте. Кроме того, ему, с его-то галлюцинациями, и вовсе следует рассчитывать совсем на иное заведение, куда более строгое и закрытое. От этой мысли Эриху стало вконец не по себе, отчего Ева даже спросила, все ли с ним в порядке. Взвинченное состояние удалось списать на усталость, благо что молодой человек, пребывая в смятении, выглядел не лучшим образом. Только на сей раз он не стал откладывать дело в долгий ящик, отправляясь на отдых. В сон его уже не тянуло, а командировка была закончена. Выйдя из больницы, Эрих поехал прямиком в кирху и наведался в нее через хорошо известное окно. Вещмешок отыскался на том же месте, где Эрих его оставил. Сперва он очень обрадовался этому обстоятельству, но радость тут же угасла, едва содержимое мешка очутилось на столе. Там находилось лишь то, что Эрих изначально прихватил с собой в путешествие ТУДА. От предметов с той стороны Аномалии не осталось и следа.

К себе экспериментатор возвращался в крайне расстроенных чувствах. Не успев установить наблюдение за вещами, он теперь клял себя за то, что в очередной раз остался без единого факта. Несуществующие фотографии были не в счет, тем паче они доказывали совсем не то, чего бы ему хотелось. От тягостных раздумий Эриху стало совсем паршиво, отчего пришлось глотать успокоительное. Прежнее оживление, продиктованное удивительными свойствами Аномалии, превращалось в гнетущий коктейль из депрессии и неуверенности в себе. А кто бы не испытал приступ тяжелой меланхолии, оказавшись в положении Эриха Сторма? Иные и вовсе бы давно убежали на прием к психиатру. Слоняясь по квартире как неприкаянный, молодой человек не мог найти себе

места. Он перебирал в памяти все, что видел и делал на "той стороне", особенно акцентируя внимание на тамошних вещах. Эх, ну осталось бы у него хоть что-нибудь... Стул, некстати подвернувшийся под ногу, вызвал прилив секундного гнева. Отвесив ему с досады хорошего пинка, Эрих мрачно усмехнулся, наблюдая, как деревянная конструкция загремела по полу. Интересно, соседи услышали или нет? А, и черт с ними! Впрочем, шуметь все-таки не стоило — еще не хватало вызова полиции. Да и пиджак, второпях повешенный на спинку стула, валять по полу тоже не следует. Гнев, сорванный на мебели, утих. Вздохнув, Эрих устранил беспорядок, вернув все на свои места. Раздавшийся звон заставил его опустить глаза. По паркету раскатилось несколько кругляшей, вывалившихся из приоткрытого кармана. Монеты. Те, что он давеча сунул в пиджак, да совсем про них забыл, как частенько бывает с мелочью. Наклонившись, Эрих стал поднимать деньги и вдруг застыл, осененный какой-то мыслью. Затем, охваченный новым всплеском возбуждения, бросился к гардеробу. Это был не совсем обычный гардероб. В том, что со стороны казалось длинным зеркальным шкафом, находилось обособленное пространство с полочками и вешалками, имевшее посредине проход. Там Эрих хранил свою одежду, пока они с Евой не выбрали чего получше, и там же лежал его наряд, в котором он из кирхи поехал на работу. Лежал в том виде, в каком и был снят и водворен в шкаф — не стиранный, не глаженный и вообще едва сложенный. Сделать с ним что-либо молодой человек просто не успел, занятый другими делами, и даже в данный момент его интересовал не столько сам наряд, сколько содержимое карманов. Когда Эрих переодевался, он тоже выронил несколько монеток, полученных в автобусе на сдачу. Полученных во время пути из Старого Берлина к кирхе. И, кажется, эти монетки Эрих сунул... Да, сунул не в те вещи, которые уже успел снять, а в те, что вернули ему современный облик. Стало быть, либо они все еще там, либо исчезли, как и все остальное. Распахнув входную дверцу шкафа, Эрих шагнул внутрь под свет автоматически зажегшихся ламп.

Монеток не оказалось ни в искомой одежде, ни где бы то ни было еще. Они не лежали под пачками сложенных вещей и не закатились под полки. Их вообще не было в шкафу, точно так же, как не было трофеев в мешке, принесенном из кирхи. Вот только на сей раз природа этого "точно так же" в глазах Эриха кардинально переменилась. В его шкафу похозяйничала чужая рука! При других обстоятельствах Эрих бы этого и не заметил, но сегодня из-за истории с фотографиями его глаз пристально цеплялся за любую мелочь. Рубашки, штаны и прочие элементы гардероба

вроде бы пребывали на своих местах, однако молодой человек точно помнил, как небрежно положил одну из футболок, которая сейчас была заложена под себя совсем другим рукавом. Пачки носков также выглядели потревоженными, будто их случайно задели, а затем попытались вернуть в прежнее положение. Шнурки ботинок Эрих обычно убирал внутрь, чтобы они не болтались снаружи обуви. Теперь так было не везде. Костюм же окончательно довершал общую картину. Первые три наблюдения Эрих еще мог списать на недостоверность воспоминаний, но только не его. Костюм он купил ради Евы, да так и не успел надеть. Пиджак и брюки висели на вешалке без дела, дожидаясь своего часа, а поверх брюк были перекинуты два галстука. Они отличались лишь несколько разнившимся оттенком. Эрих никак не мог выбрать, какой ему больше нравится, и отложил этот вопрос на потом, повесив оба галстука один на другой. Сейчас они галстуки выглядели иначе. Тот, что прежде находился сверху, теперь располагался снизу. Эрих запомнил это очень хорошо, поскольку тщательно занимался костюмом с момента его покупки и до размещения в шкафу. Он хотел повести в нем Еву в ресторан, когда та поправится, поэтому в его памяти сохранилась каждая мелочь.

Та-а-ак! Вот это уже совсем другая история! Кажется, в его квартиру кто-то проникал, а раз так, то причина исчезновения вещей представала совсем в ином свете! Значит, и в прошлый раз они могли пропасть отнюдь не сами по себе, и не испарились как галлюцинация. Их попросту кто-то взял! Кто-то, кто не хотел, чтобы у путешественника через Аномалию оставались какие-либо доказательства; кто-то, кто и теперь покопался не только в вещмешке, а и в шкафу… Гм, а только ли в шкафу?! Всерьез обеспокоенный, Эрих принялся старательно обшаривать квартиру до последнего квадратного дюйма. Спустя примерно час поисков он пришел к однозначному выводу: в ней и впрямь побывали. Побывали, действуя очень умело и старательно заметая следы. Если бы не примечательные мелочи, случайно сохранившиеся в памяти, Эрих бы вообще не догадался о визите чужака. Но кем он был? Кем-то из полиции? Нет, она не вписывалась в связь с кирхой и Аномалий, причем от слова совсем. Ученые? Те, что устроили эксперимент, а теперь взяли Эриха под колпак, чтобы контролировать его поведение. Но как именно? Сам Эрих ни разу никого не видел, лишь догадываясь об их существовании, так каким же образом ученые могли бы за ним наблюдать? О-о-о… Очередная промелькнувшая мысль заставила молодого человека задрожать, будто в лихорадке. Вооружившись плоскогубцами и отверткой, он немедленно взялся проверять ее достоверность.

Спустя еще час, то есть глубокой ночью, Эрих, вытирая пот со лба, уселся на диван, мрачно уставившись на плоды своих трудов. Перед ним стоял журнальный столик, где обычно покоился ноутбук. Сейчас на нем расположилось несколько небольших штуковин с торчащими проводами. Электронные платы и миниатюрные видеоглазки говорили о многом. Начав оттуда, где было обнаружено присутствие неизвестного, Эрих быстро нашел тому неопровержимые доказательства. Инструментами он орудовал ловко, поэтому обошлось без особых разрушений. Впрочем, в дальнейшем он уже раскурочивал все подряд, в результате чего наткнулся на шесть "жучков", подсматривающих и подслушивающих. Один был ловко замаскирован в зеркальном шкафу. Не иначе кто-то желал узнать, куда и что Эрих там прячет. Второй располагался в ванной, глядя на обитателя квартиры из-за решетки вытяжки с вентиляцией. Третий и четвертый пристроились в пожарных сигнализациях на потолке. Пятый и шестой обосновались в электрических розетках. Возможно, имелись и другие, скрытые куда основательнее, но и обнаруженных хватало с лихвой. Хватало для того, чтобы Эрих окончательно осознал: он не свихнулся. За ним действительно следят, и пропажи вещей имеют более прозаическое объяснение, нежели последствия пребывания в ином мире или изобретательное сумасшествие. Правда, это объяснение несколько не соответствовало файлам с фотоснимками, которые Эрих видел, а другие нет, однако он нашел обоснование и для этого. Снимки — как раз те самые последствия, еще читавшиеся напрямую из мозга путешественника через Аномалию, отчего он продолжал наблюдать то, чего и впрямь не было. Все остальное — реальность, и кто-то прилагал немалые усилия, чтобы от нее ничего не осталось. Ну дела…

Уснуть Эрих так и не смог, не в силах преодолеть нервное напряжение, однако и усталость давала себя знать. Склонив голову на подушку, он грезил наяву, обуреваемый тревожными мыслями. То ему казалось, что в квартиру лезет злоумышленник, и он вот-вот сцепится с ним в коридоре, то будто через окно просачивается чья-то тень. Порой Эриху мерещилась кровь, разбрызганная по полу. Он начинал искать в квартире труп и находил его по красной луже, сочащейся из стены. Иногда рядом оказывалась Ева, и молодой человек пускался в горячные объяснения, но чем больше он говорил, тем больше запутывался сам. Ева же тем временем сидела без единого звука, а потом вставала и уходила. Вместо нее в квартиру врывались санитары. Завязывалась безобразная драка, в процессе которой случалось смертоубийство. Окровавленный Эрих в ужасе отскакивал прочь, созерцая творение своих рук, и

на его глазах происходила метаморфоза. Вместо людей в белых халатах и с красными крестами на рукавах у его ног лежали нацисты в черной и коричневой форме со свастиками на повязках.

В чувство молодого человека привел будильник, испустивший привычную утреннюю трель. Грезы, навеянные ночными кошмарами, развеялись не сразу, поэтому вскочивший Эрих несколько секунд таращился по сторонам, взирая на тела и лужи крови. Когда в его голове прояснилось, наваждение исчезло. Молодой человек облегченно перевел дух. Привидится же такое! Впрочем, чему тут удивляться? На месте того, кто обнаружил жучки и подозревает, что за ним непрерывно следят, Эрих вел себя еще не слишком параноидально. Ситуация окончательно принимала серьезный характер, и теперь, более чем когда, требовала выдержки. Кем бы ни были люди, ведущие наблюдение, они вряд ли останутся безучастными к потере шпионских устройств. Вопрос заключался в том, какие именно шаги они предпримут. Проследовав в ванную, Эрих минут пятнадцать чистил зубы, не столько ради красоты, сколько задумавшись. Сообщить в полицию? Увы, не стоило. Во-первых, набедокурившему антифашисту лишнее внимание блюстителей порядка все еще ни к чему. Еще не хватало утроенной слежки за квартирой и круглосуточного хвоста. Во-вторых, что именно он расскажет? Про Аномалию в кирхе и ее последствия? Если тамошние экспериментаторы не дураки, они дезактивируют канал перехода, а других доказательств у Эриха нет. Кроме того, кто-то из полицейских и сам может участвовать в эксперименте! Эксперименте, подсунутом некой правительственной организацией преступному антифашисту. С какой целью? Да кто ж их знает! Ставят над подходящим объектом некий опыт, прежде чем упечь его в каталажку. Может, именно Эрих со своими идеями и деяниями открывает проход в интересующую их реальность, а то и вовсе формирует ее своим собственным мозгом.

Почувствовав, что от всех этих размышлений у него голова раскалывается, Эрих принял еще несколько таблеток из слишком разросшейся аптечки. Затем позвонил на работу и сообщил, что из-за дурного самочувствия задерживается на час. Этот час он провел в душе, сидя под теплыми струями воды. Выспаться ему не удалось, зато полегче все-таки стало.

Когда Эрих прибыл в офис, герр Марсдорф ему даже посочувствовал, видя, что ценный сотрудник действительно неважно выглядит, и предложил уйти домой пораньше. Эрих не согласился. Если он вернется в неурочный час, есть вероятность столкнуться с неизвестным или неизвестными, а ему хватило и схваток с нацистами. Молодой человек еще не надумал, как следует поступить,

поэтому решил вести себя как ни в чем не бывало, следуя обычному распорядку дня. Именно поэтому он досидел в офисе до положенного срока, а затем поехал к Еве.

Девушка, продолжавшая идти на поправку, всерьез начинала тревожиться за своего избранника. Последнее время тот выглядел каким-то взвинченным. Ловко скрывая свое волнение, он вел себя несколько странно, а теперь вот даже начал шарахаться от каждого шороха. Эрих по-прежнему не посвящал Еву в детали своих приключений, поскольку и сам в них еще не разобрался. К тому же врачи настоятельно требовали, чтобы никто и ничто пациентку не беспокоило, так что ни о каких убийствах, слежке и Аномалиях не могло быть и речи. Вместе с тем молодой человек понимал — подруга имеет полное право сетовать на его поведение. Врать он ей не хотел, а правду сказать не получалось. В результате Эрих выкручивался как мог, решив сделать краеугольным камнем хронический недосып. Отчасти это соответствовало действительности, ибо последние события не давали ему времени и возможности нормально высыпаться. Эрих даже предъявил Еве рецепт от врача, сообщив, что уже занимается своей проблемой и вскоре все пойдет на лад, особенно когда девушка поправится и сможет хотя бы немного помогать ему в повседневной жизни. Подруга, смягчившись, настаивала на соблюдении режима. Эрих обещал, как обещал чаще навещать не только ее, но и доктора, чтобы не дойти до нервного срыва. Ева говорила, что все врачебные предписания следует выполнять неукоснительно, а если это мешает работе, то лучше договориться с начальством и снять с себя часть обязанностей, пускай и в ущерб заработной плате. Эрих вздыхал и кивал головой, даже не помышляя ни о чем подобном. Ведь в его состоянии была виновата отнюдь не работа. Он не собирался ее терять из-за всякой чертовщины, и уж точно не тогда, когда платил за новую квартиру и планировал подарить Еве дорогую машину. Как только девушка поправится, они пойдут в ресторан, где Эрих и вручит ей ключи от автомобиля. То-то будет радости! Неужели он от этого откажется?! Да никогда! Однако Ева все же права — Эриху требуется больше отдыхать, иначе он рискует заработать визит к психиатру даже при абсолютной реальности Аномалии. Рассуждая таким образом, молодой человек решил не торопиться с новым путешествием на "ту сторону", а сначала обождать что будет здесь. Например, самому установить устройства наблюдения и запечатлеть неизвестных на видеозаписи, для пущей безопасности транслируемой в интернет. В том, что они рано или поздно объявятся, Эрих даже не сомневался. Их очередной визит молодого человека не пугал — он боялся лишь оказаться к нему не готовым.

Увы, как это обычно бывает в жизни, все предположения и планы Эриха полетели к чертям, даже близко не соответствуя действительности.

Навещая в больнице свою подругу, молодой антифашист не замечал, что с некоторых пор находится под чьим-то пристальным наблюдением. Стоило ему даже ненадолго отлучиться из палаты — и самые разные люди наводили на него миниатюрные объективы, а порой и вовсе следовали едва ли не по пятам. Насчет Эриха Сторма им поступил особый приказ, и они выполняли его неукоснительно. Эта персона привлекла особое внимание, и чем больше проходило дней, посвященных сбору информации, тем значительнее подтверждалась его оправданность. Сам же Эрих, несмотря на все свои подозрения, ничего не замечал, пребывая для наблюдателей как на ладони, в то время как те оставались в тени. Само собой, бесконечно долго так продолжаться не могло. Кто-то из сторон должен был сделать первый решительный шаг, в корне переломив ситуацию, и либо это будет Эрих Сторм, обнаруживший слежку, либо те, кто ее осуществлял. В результате именно это и произошло. В один из вечеров на исходе мая события, ненадолго застывшие в несколько неопределенной паузе, окончательно стали развиваться по эскалации.

Уходя из больницы, Эрих не видел, как до дверей его сопроводил какой-то человек. Выйдя за ним на стоянку, этот человек набрал чей-то номер телефона. Говорил он через гарнитуру, прикрывая ладонью рот, и буквально за пару шагов его речь не была слышна.

— Покинул больницу. Садится в такси, — сообщал этот человек.

Эрих и в самом деле продолжал обходиться без личного автомобиля, откладывая его до лучших времен. Дело было не в расходах. Просто личный автомобиль можно отследить куда легче, чем перемещения на общественном транспорте. Нынешняя сеть уличных видеокамер запросто зафиксирует весь твой маршрут по городу, а Эрих этого очень не хотел.

— Отъезжает, — продолжал говорить наблюдатель. — Передаю его "колесам".

Под колесами подразумевался автомобиль, тронувшийся со стоянки сразу за целью. Пассажир, сидевший справа от водителя, непрерывно докладывал о направлении движения. На самом деле, это только в кино одна и та же машина без труда преследует другую, а в реальной жизни попробуй проскочить за ней на тот же сигнал светофора, когда приходиться миновать уйму перекрестков. Это бывает затруднительно даже в упор, а если требуется оставаться незаметным, необходимо соблюдать дистанцию. В таких

случаях можно запросто поймать красный свет, в то время как объект наблюдения успеет проехать вперед или куда-нибудь повернуть. Преследователям, однако, здорово облегчал жизнь предполагаемый путь Эриха. Пару раз они от его такси действительно отстали, но сумели нагнать, поскольку, исходя из имеющегося опыта, быстро сообразили, куда оно едет.

— Подъезжает к дому, — докладывал пассажир, подразумевая новую квартиру антифашиста. — Расплачивается с таксистом. Выходит. Вошел в подъезд. Встречайте.

Последняя фраза имела вполне ясный посыл, адресованный не просто центру координации, а очень даже конкретному лицу. Наблюдатели больше ничего не говорили. Повесив трубку, они остались дежурить неподалеку от целевого дома в ожидании дальнейших распоряжений.

Поднявшись к себе, Эрих открыл квартиру и включил в прихожей свет. Разувшись, он поставил ботинки на стойку для обуви и прошел в ванную. Умывшись, молодой человек заскочил на кухню, где налил стакан сока, который и употребил с толстым сэндвичем, разогретым в микроволновой печи. После этого, выпив еще один стакан освежающего напитка, Эрих проследовал к себе в спальню, поскольку остальными комнатами особо не пользовался. Щелкнув выключателем, он сделал несколько шагов вперед.

— Стой на месте, — раздался чей-то ровный холодный голос.

Застыв, Эрих машинально обернулся на его звук. У стены, на стуле, сидел какой-то человек лет тридцати. На нем была черная кожаная куртка и черные же джинсы. В отличие от хозяина квартиры, незваный гость обуви не снимал, так что на его ногах красовались хорошие кроссовки темной расцветки. Коротко стриженая голова незнакомца была непокрыта, зато на руках имелись черные кожаные перчатки. Тонкие, судя по обтяжке и фактуре. Однако отнюдь не внешность или одежда незнакомца привлекла внимание Эриха. Его глаза, быстро скользнув по фигуре неизвестного, остановились на дуле пистолета, направленном ему в грудь. Дуле, снабженным внушительным глушителем.

— Дернешься или заорешь — получишь пулю, — все тем же тоном произнес голос. — Иди на диван и садись по центру. Да без глупостей, иначе для тебя все закончится быстро и плохо.

Эрих живо понял расчет незнакомца. Тот занял позицию с таким умыслом, чтобы хозяин успел пройти в комнату достаточно далеко. Оттуда, находясь на прицеле, уже невозможно было метнуться обратно и скрыться за дверным проемом. В самой же комнате прямо вот так сразу спрятаться от стрелка решительно негде. Чувствуя, как сильно забилось сердце, Эрих нехотя повиновался. Мед-

ленно пройдя к дивану, он уселся на него, где было велено. Проклятье! Все-таки его застали врасплох! Да еще столь удручающим образом! Что ж, кажется, сейчас он узнает, кто за ним следит, и что вообще за штука эта Аномалия.
— Чем обязан такому вниманию? — буркнул Эрих, пытаясь найти хоть какой-нибудь выход из затруднительной ситуации.
— Я решил, что нам пора встретиться, господин Сторм, — усмехнулся незваный гость.
— Мы знакомы? — осведомился Эрих, стараясь говорить столь же спокойно и уверенно.
Получалось это не очень, поскольку его волнение было слишком сильно и очевидно.
— С некоторых пор, хотя тет-а-тет не встречались, — кивнул неизвестный.
Поднявшись, он, не сводя пистолет с хозяина квартиры, переставил стул поближе и снова сел. Теперь оба собеседника находились друг напротив друга, разделенные журнальным столиком и расстоянием в четыре ярда. Опустив глаза на столик, Эрих понял, что будет застрелен прежде, чем ему удастся схватить его и опрокинуть на противника. Последний угадал посетившую антифашиста мысль и криво улыбнулся.
— Настоятельно не рекомендую вскакивать с дивана и кидаться предметами, — сказал он. — Я очень хорошо стреляю, в отличие от моих подчиненных.
— Намек ясен, — сообщил Эрих. — Однако какова все же причина нашей встречи?
— Я давно за тобой охочусь, — прищурился незнакомец. — Когда ты обнаружил жучки, — признаюсь, я удивлен как ты их заметил, — стало очевидно, что эта встреча наступит очень скоро. Но день ты выбрал сам, начав устанавливать свои собственные. Я не стал дожидаться, когда ты меня раскусишь, и сделал ход первым.
— А я все гадал, кто мне их поставил, — пожал плечами Эрих, раскладывая в уме получаемую информацию. — Кстати, поставил мастерски, но при этом допустил пару ошибок. Всякие мелочи в моем гардеробе, и особенно галстуки, поменянные местами.
— Черт, я подозревал, что все-таки повесил их неправильно, — усмехнулся непрошеный посетитель. — Кое-что я случайно задел. Они упали. Эти проклятые расцветки в моих глазах были как две капли воды — есть у меня такая проблема. Я ставил жучки. Лично, если тебе это польстит. Но я подозреваю, что тебе и так сие известно.
— С чего бы вдруг? — искренне удивился Эрих. — Моя система наблюдения еще не заработала. Я собирался запустить ее сегодня.

— И тем самым фактически пригласил меня в гости, — кивнул незнакомец. — Я же знал, что ты делаешь. И принял меры. Ты не получил изображение на телефон отнюдь не потому, что твоя система неисправна. Просто я включил глушилку. Это опасно — если сигнал подавления слишком сильный, его заметят власти, но игра стоила свеч. Сегодня утром ты вызывал мастера, чтобы он наладил твои камеры, и тот обещал прибыть завтра вечером. Я понял, что ждать более нельзя, и нанес тебе визит.
— Вероятно, я обезвредил не все твои жучки, — фыркнул, скривившись, Эрих.
— Не все, — кивнул неизвестный. — Я мастер по этой части. Только не жди, что я расскажу про остальные. Мало ли что… Никогда не выдавай своих секретов, даже когда враг в твоих руках и ты готовишься пустить ему пулю в голову. Мы не в кино, дружок, тут тебе дармовщинки не обломится.
— Короче, говори, зачем явился, — бросил Эрих. — Уж явно не затем, чтобы устроить состязание по части техники. Что тебе от меня надо? Еще что-нибудь украсть? Так я ничего нового не приносил, как тебе хорошо известно.
— Я ничего не ворую без крайней необходимости, — с оттенком злобы произнес незнакомец. — Вообще я рассчитывал обойтись без этого разговора. Я надеялся, что ты сам, пока я веду за тобой наблюдение, выдашь мне нужные сведения, даже не подозревая об этом. К сожалению, ты скрытен как дьявол. Столько времени ведешь себя так, будто ничего и не произошло. Я проверил все твои контакты — чисто. Никакой зацепки. Поэтому я и пришел к тебе в гости, вынужденный реагировать на твое поведение. Поэтому я спрошу прямо: назови все свои контакты в нашей организации!
— Какой организации? — озадаченно отпрянул Эрих.
— Не прикидывайся идиотом! — повысил голос незваный гость. — Ты в курсе, в какой. Той, где я состою!
— А где ты состоишь? — тупо спросил Эрих. — Я же о вас ничего не знаю! Я и жучки поставил, чтобы узнать, кто шастает ко мне в квартиру.
— Да неужели? Прямо-таки и не знаешь? — зло процедил незнакомец. — Портишь нам машины и не знаешь?! Поджигаешь нам дом и не ведаешь?! Убиваешь наших парней и ни сном, ни духом?! Я бы шлепнул тебя прямо сейчас, если бы не желал сперва узнать все, что мне нужно!
Эрих натурально оторопел. Сказанное вооруженным гостем моментально перевернуло в его сознании решительно все. Все еще не веря своим ушам, молодой человек схватился за виски, забыв, что

даже из-за такого жеста в него могут выстрелить. Неизвестный сдержался, хотя его палец на курке побелел, и приказал больше не делать резких движений.
— Погоди-погоди, — забормотал Эрих. — Я думал, ты из группы ученых. Из группы прикрытия. Тех, что занимаются Аномалией.
— Каких ученых?! Какой, к дьяволу, Аномалии?! — нахмурился незнакомец.
— Той, что в подвале кирхи. Это же вы воруете у меня все вещи и не оставляете никаких улик? — машинально пояснил Эрих.
— Прекрати нести чушь! Со мной такие номера не проходят! — осерчал неизвестный. — Изображаешь из себя дурачка! Прикидываешься, что не знаешь откуда я! Делаешь вид, будто понятия не имеешь как меня зовут!
— А как тебя зовут? — опять крайне тупо спросил Эрих, переставая что-либо понимать.
— Я — Отто Шварц! — прошипел незваный гость. — Тот, кто командовал людьми, устроившими тебе засаду у дома! Того дома, который ты сжег! Это я открыл охоту на твоих дружков с фотографий. Тех, что были на брошенном тобой фотоаппарате. То был единственный твой прокол — отдаю тебе должное, — но прокол, приведший к провалу. Это я командовал операцией возмездия, в результате чего твоих приятелей-антифашистов хорошенько отлупили. Признаю, не я ее разработал, зато исполнил мастерски. Вся компания отдыхает в больнице. Как поживает твоя жидовка Ева? Говорят, идет на поправку. Жаль, что я не свернул этой сучке шею.
— Так это твоих рук дело?! — задохнулся Эрих.
Его кровь забурлила так, что аж зазвенело в ушах. Руки задрожали, а на лбу выступила испарина.
— Не прикидывайся, что не знал. Мы рассчитывали, что это спровоцирует ублюдка, разукрасившего наши машины. Так оно и вышло. Ублюдок явился мстить. Моя группа как раз собиралась его повязать, когда ублюдок — то есть ты, — сжег дом под самым нашим носом и с легкостью удрал, попутно порешив нескольких наших ребят. И я знаю, как тебе это удалось! — прорычал Отто.
Тот самый Отто, что собирал верных неонацистов в ангаре и рассказывал им о своих подозрениях в измене, велев шпионить за посетителями хорошо известных пациентов в больнице.
— И как же? — спросил, скрежеща зубами, Эрих.
— Тебя навел предатель. Кто-то из наших. Кто-то высоко сверху, — с нескрываемой злобой отчеканил незваный гость. — Он посвятил тебя во все детали, чтобы впутать всю организацию в какую-то авантюру. И теперь я желаю знать кто это был! Желаю знать

здесь и сейчас! Если хочешь умереть быстро и без мучений — ты расскажешь мне все. Все и обо всех, с кем ты имел дело в нашей организации. С кем контактировал, кто отдавал тебе приказы, кто был твоим осведомителем… Все!
— Ты, часом, не свихнулся? — несмотря на клокотавшую в нем ярость, поинтересовался Эрих. — Большей ахинеи я в жизни не слышал! Да, я действительно тот, кто подкрасил машины и сжег ваше змеиное гнездо — признаю, уж не знаю как ты это узнал. Только все твои остальные предъявы — это какой-то бред сивой кобылы!
Неонацист изменился в лице. Казалось, он вот-вот пальнет в хозяина квартиры, но затем, видимо что-то поняв, изобразил подобие улыбки.
— Ясно, — ядовито усмехнулся он. — Решил играть в героя. Что ж, пара моих крепких ребят с нужным инструментом способна творить чудеса. Станешь упрямиться — мы вывезем тебя подальше и… Однако если же и это тебя не убедит, спешу обрадовать — тогда твоя еврейка не жилец. Мы даже сохраним тебе жизнь, чтобы показать фотографию ее размозженной башки. Но сначала устроим этой суке ад на земле. С ней потешится вся моя команда, а затем ее нарежут ломтями. После того как живьем снимут кожу. Ее вопли, записанные на камеру, станут последним, что ты услышишь перед собственной смертью. Может быть, мы даже станем это делать у тебя на глазах…
Видимо, фантазия Отто серьезно разыгралась, раз его понесло в такие дебри. Жестокие подробности, дополняемые на ходу, так и сыпались одна за другой, делая честь средневековому палачу. Излагая все это собеседнику, неонацист явно намеревался воздействовать на его психику, запугать и добиться покорности, расписывая возможные последствия. Словами-то что хочешь можно нагородить. Впрочем, учитывая все обстоятельства, Отто и впрямь был способен на подобные подвиги, в чем Эрих не особо и сомневался. Именно ввиду этого неонацист действительно добился реакции хозяина квартиры, однако совсем не той, на которую рассчитывал. Красочное описание мучений Евы достигло строго обратного результата. Эрих побагровел. Его кулаки сжались так сильно, что побелели костяшки пальцев. Ярость, разрывавшая грудь, превратилась в пылающий гнев, грозивший вот-вот вырваться на волю. Перед глазами появились красные пятна, сознание затуманилось. Пистолет, нацеленный в грудь, переставал для него существовать. Эрих готов был прыгнуть на ненавистного врага, причинившего любимой девушке столько страданий, и рвать в клочья самого до последнего вздоха. Его кожа ощутила теплое дуновение, пришед-

шее, должно быть, от жара собственного тела, и уж всяко не от чуть колыхнувшихся штор. Вряд ли его почувствовал неонацист, однако он почему-то насторожился. Не иначе и впрямь почуял нечто неладное. Продолжая изощряться в красочном описании издевательств, Отто пристально глядел на антифашиста, собираясь пресечь любое его действие. Но не пресек. Внезапно погасший свет немедленно изменил всю расстановку сил.

Эрих мгновенно сорвался с дивана подобно мангусту, кидающемуся на кобру. Тут же последовал выстрел. Глушитель скрыл грохот, обратив его в приглушенное чихание. Лишь из дула вырвались язычки пламени, подсвечивая выпущенную пулю. В мгновение ока она пересекла четыре ярда и воткнулась в спинку дивана — туда, где только что сидел Эрих. Но его там уже не было. Он бросился на Отто не напрямую, как бык, а сделал прыжок под углом. Вспышка от выстрела еще не угасла, а Эрих уже рывком опрокинул журнальный столик. В кромешной тьме, наступившей столь неожиданно, эта вспышка делала глазам только хуже, ослепляя их кратковременным источником света. Отто, так ничего толком и не увидев, машинально пальнул в направлении раздавшегося грохота. Столик завалился весьма звучно, скрыв действительное местонахождение Эриха, поэтому неонацист фактически палил наугад. Эрих тоже мало что видел, однако он ориентировался по вспышкам, делая поправку на длину руки и позу врага. Тот даже не вскакивал со стула, разряжая обойму в темноту, и со стулом же полетел на пол. Эриху не удалось выбить у него пистолет, но он не давал врагу и прицельно стрелять, схватив за руку. Неонацист, изогнув запястье, пальнул еще раз. Он не попал совсем чуть-чуть. Пуля прошла рядом с Эрихом, и следующий выстрел грозил стать фатальным. Этот выстрел состоялся, но Отто, получив скользящий удар в челюсть, снова промахнулся. Эрих попробовал врезать врагу по голове, но в темноте, когда противники сцепились друг с другом на полу, да еще вперемешку со стулом, это было не так-то просто. Очередной выстрел неонациста в стул и попал, проделав в нем дыру. Эрих мог попытаться вырвать у врага пистолет или ударить его кистью с оружием по полу, но на ощупь это было слишком рискованно. Для этого ему пришлось бы практически отпустить Отто, и тот вполне мог воспользоваться такой свободой. Продолжая хватать врага за руку, Эрих попробовал двинуть ему локтем в солнечное сплетение, но не преуспел. Враг же в ответ чувствительно заехал в брюшину. У Эриха перехватило дыхание. На секунду он ослабил хватку, и Отто тут же рывком высвободил руку. Дуло пистолета, нагревшееся от стрельбы, немедленно уткнулось антифашисту в грудь. Вероятно, в этот момент

неонацист торжествовал, ибо вряд ли он помнил о важности взятого "языка" в процессе неожиданно завязавшейся борьбы. Выстрела не последовало. Сухой щелчок возвестил об осечке. Отто опешил, как опешил и Эрих, но последний пришел в себя раньше. Перехватив пистолет, благо что местоположение того теперь было хорошо известно, он отвел его в сторону и принялся пинать врага ногами. Треклятый стул, то и дело подворачивавшийся крайне некстати, с грохотом отлетел куда-то в темноту, пока противники катались по полу, силясь отобрать друг у друга оружие. Схватившись за него двумя руками, они только и делали, что пинались, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Потом пошли в ход и они. Отто клацнул челюстями возле уха Эриха, а тот в ответ вцепился ему в шею, то есть в воротник рубахи с привкусом мужского пота. Хрипя и рыча, враги продолжали елозить туда-сюда, стараясь завладеть пистолетом или же придавить неприятеля. Никто из них не орал и не звал на помощь. Неонацисту это было уж точно ни к чему. Эрих также имел массу причин обойтись без свидетелей. В какой-то момент боровшиеся люди сжались так тесно, будто являлись единым целым, и лишь вырываемое оружие торчало промеж них инородным телом. И тут вдруг чихнул выстрел. Его вспышка полыхнула меж сцепившимися врагами, опалив обоим одежду. Эрих замер, почувствовав отдачу разрядившегося пистолета. Замер и Отто. Несколько секунд они лежали беззвучно, будто пытались осознать, куда выстрелил ствол и какие наступили последствия. Затем зажегся свет. Зажегся столь же внезапно, как и погас. Все так же молча, Эрих отпрянул от неонациста. Тот тоже не издал ни звука, однако, в отличие от Эриха, умолк уже навсегда. Пуля попала ему прямо в сердце.

Кровь на руках была какой-то особенно теплой и липкой. Возможно, Эрих и впрямь хотел убить ненавистного Отто, но теперь, когда труп врага лежал посреди его спальни, он ощущал себя крайне неоднозначно. Пришло осознание убийства. Первого настоящего убийства, поскольку в смерти сподвижников незваного гостя Эрих виновен не был, а нацисты из иного мира, будто персонажи компьютерной игры, как-то не особо и считались. Задрожав всем телом, Эрих шлепнулся пятой точкой на пол, не отрывая взгляда от неподвижного Отто. Говорят, что при выстреле в сердце крови бывает немного. Так это или нет, а в данном случае под убитым начинала неторопливо растекаться целая лужа. Прямо как та, что привиделась Эриху во сне, когда он грезил наяву, обнаружив в квартире шпионские устройства. При этих воспоминаниях молодого человека затрясло еще сильнее, ибо он находил ужасным, насколько некоторые элементы тех сновидений соответствуют во-

плотившейся действительности. Почувствовав тошноту, он бросился в ванную и склонился над ней в три погибели. Его вырвало. А затем еще и еще, так как в ноздри продолжал бить терпкий запах свежей крови. Включив воду, Эрих подставил руки под струю, собираясь ополоснуть рот, и струя немедленно подкрасилась в красноватый цвет. Такого же цвета стала и вода, оседавшая крупными каплями на стенках ванной. Издав неопределенный возглас, Эрих принялся остервенело мыть руки и лицо, а затем стал срывать с себя одежду.

Он вышел из ванной через двадцать минут, внешне совершенно спокойный, хотя в душе у него царил настоящий ад. Стресс действует на разных людей по-разному. Одни начинают истерить, крича и рыдая, другие впадают в ступор и молчание, третьи бегут куда глаза глядят, четвертых пробивает на нестандартные для них поступки. Эрих пришел в состояние болезненной ясности мыслей. Он действовал как маньяк, убивший свою жертву и собиравшийся избавиться от следов преступления. Просто в отличие от маньяка молодой человек не получил долгожданную психологическую разрядку, ибо его взвинченность являла собой нечто совершенно противоположное. Руки Эриха мелко дрожали, но в известных пределах себя отлично контролировал. Контролировал как сумасшедший, задавшийся какой-то навязчивой целью и более не воспринимающий ничего другого.

Сперва Эрих сложил всю окровавленную одежду в отдельный пакет. Потом расстелил на полу большой и плотный мешок для строительного мусора, переложил на него Отто и оттащил в ванную комнату, где и поместил непосредственно в самой ванной. Ах, как кстати пришлись эти мешки! Эрих хоть и отложил ремонт до появления Евы, но все же кое-чего постепенно прикупал — то, что должно было понадобиться в любом случае. Ну, вот оно и понадобилось. Покончив с переносом тела, Эрих вооружился моющими принадлежностями и вернулся в комнату, не забыв проверить, хорошо ли задернуты шторы. Силы небесные, сколько крови! Это была удачная мысль — доставить труп в ванную на подложке, иначе оттирай ее по всему дому. Размазывая красную жижу по полу, молодой человек вновь ощутил приступ тошноты и вынужден был ненадолго прерваться, что порой и делал в процессе уборки. В прежний, не отягощенный убийством вид комната пришла не скоро. Эрих успел окровавить уйму тряпок и сменить немало ведер воды, а уж сколько с него сошло пота позавидовал бы любой фитнесс-центр. Он прекратил отмывать пол лишь тогда, когда навел полную чистоту. Правда, это отнюдь не означало сокрытие улик. Позже следует просветить все ультрафиолетом, поскольку

Эрих слыхал, что им пользуются криминалисты, и пользуются аккурат для обнаружения следов крови. Если что, лучше ободрать паркет и положить новый, а на первых порах хотя бы постелить линолеум. В общем, дальше видно будет. Убедившись в первом успехе, Эрих вернулся в ванную. Сложив испачканные тряпки в тот же пакет, что и одежду, он забрался в душ и принялся отмываться сам. Веселенькое это занятие — приводить себя в порядок наедине с трупом. Если вы не серийный убийца, конечно. Душевая кабина, имевшаяся в квартире наряду с ванной, позволяла такую роскошь, но Эриху она пришлась сейчас отнюдь не по сердцу. Оттирая себя губкой, молодой человек старался не смотреть на недвижно лежавшего мертвеца. Эх, пойти бы в другой санузел, но там, как назло, душевая кабина не работала.

Отмывшись, Эрих уже знал, что сделает с телом. Долго ломать голову не понадобилось. Мера, конечно, временная, но весьма действенная. В одной из комнат имелась небольшая ниша. По мнению архитектора, там можно было разместить стенной шкаф или изголовье кровати, а то и целую кровать, если откидную. Эрих нашел ей другое применение, подсказанное кошмаром из сна. Труп, наглухо закрытый на молнию в полиэтиленовый чехол от шубы, уютно расположится в нише до поры до времени. Нишу же скроет деревянная конструкция в виде щита, покрытая такими же обоями, как и соседние стены. Мебель, поставленная в нужное место, окончательно замаскирует следы преступления, пока Эрих не избавится от тела куда радикальнее. Он же не станет жить с Евой там, где за тонкой самодельной стенкой гниет покойник.

Понятное дело, сооружение самой стенки Эрих отложил до утра, не столько из-за шума, сколько ввиду отсутствия необходимых материалов. Ведь у него не было даже чехла для шубы. Защитные приспособления от собственной одежды Эриху для задуманного не подходили, а Ева к нему еще не переехала. Интересно, достаточно ли купить один чехол, или лучше, для отвода глаз, приобрести его вместе с шубой? Например, для своей невесты. Подумаешь, что к лету. Эрих призадумался. Грядущий день представлялся ему совершенно безрадостным, наполненным очень неприятными хлопотами. Как назло, этот день был рабочим, так что придется, пожалуй, позвонить герру Марсдорфу и сослаться на плохое самочувствие. А пока... Пока, так или иначе, все равно следовало заняться трупом. Проинспектировав нишу, Эрих как раз направлялся в ванную, когда его внимание привлекла приглушенная трель. Лишь спустя несколько секунд молодой человек догадался, что это была трель телефонного звонка. Проклятье, то звонил телефон Отто, которого Эрих банально забыл обыскать!

Пистолет-то он спрятал, а вот остальное... Рысью вбежав в ванную, Эрих не без гримасы стал обшаривать труп и выудил мобильник как раз тогда, когда тот прекратил звонить. Смартфон застреленного неонациста разблокировался по отпечатку пальца. Ну, с этим-то проблем как раз не было. Взяв холодеющую ладонь мертвеца, Эрих приложил его палец к экрану. Затем, когда идентификация прошла успешно, первым делом покопался в настройках, чтобы снять ее совсем, и начал изучать список контактов. Из телефона следовало извлечь максимум информации, причем как можно быстрее. Эрих озабоченно почесал в затылке. Вероятнее всего, Отто звонили подельники, и по вполне очевидной причине. У них были все основания для беспокойства. Прошло уже немало времени с тех пор, как Эрих — поджидаемая цель, — поднялся в квартиру, а от их соратника ни слуху, ни духу. Молодой человек захотел вынуть сим-карту, чтобы телефон более не отслеживался, но передумал. Если неонацисты поймут, что Отто более недоступен для связи, они наверняка встревожатся еще сильнее. Нет, хочешь не хочешь, а какое-то время придется подержать мобильник включенным. Поразмыслив еще немного, Эрих набрал короткое сообщение и отправил в ответ звонившему. "Я занят, не мешайте" — гласила лаконичная фраза, адресованная неизвестному. В частности, тому, кто в данный момент сидел в машине, ожидая распоряжений Отто, а тот все не появлялся и не выходил на связь. Эрих, разумеется, этого не знал, но его догадка оказалась верна. Прочитав СМС, неонацисты ненадолго успокоились, а Эрих получил в свое распоряжение больше времени. В своих рассуждениях он основывался на чистой логике, продиктованной маниакально напряженным разумом. Соратники Отто вряд ли проигнорируют факт его пропажи, но что они предпримут? Натравят полицию? Вряд ли, однако если звонок будет анонимным, что тогда? Эрих не успеет надежно сокрыть труп. Кроме того, пистолет также представлял немалую угрозу, только в форточку его не выкинешь. Тут либо прятать его вместе с телом, либо вывозить к подходящему водоему и по-тихому топить, глубоко и без свидетелей. Но не прямо же сейчас! Проклятье! Схватившись за голову, трясущийся Эрих заметался по комнате, не видя выхода из складывающейся ситуации. Без посторонней помощи ему не справиться, но кто же сейчас способен ее оказать?! Разве что Ева, поверь она в невиновность будущего мужа на слово, но девушка в больнице. Даже пастор Берг не стал бы покрывать убийство, пусть и случайное, в целях самообороны. К друзьям же среди ночи тем более не обратишься: караул, старина, я тут кое-кого порешил, приезжай и помоги замести следы! Да и все равно подавляющая их часть в боль-

нице вместе с Евой. Оставалось надеяться на чудо, хотя Эриху даже при всей его фантазии было совершенно неясно на какое именно.

Вой полицейской сирены, приближавшийся с каждой секундой, довел нервную горячку молодого человека до апогея. Ну, вот и все! Это за ним! Кто-то все-таки что-то видел, слышал или черт знает как еще оказался в курсе произошедшего и вызвал полицию! Через какую-то пару минут стражи порядка начнут ломиться в дверь, а затем вышибут ее и повяжут Эриха вместе с такими уликами, против которых будет бессилен любой адвокат. Затравленным зверем антифашист заметался по квартире, а потом мучительно прильнул к кухонному окну, желая увидеть, кто именно приехал его схватить. Прильнул в тот самый момент, когда полицейские выскочили из своих машин и подступали к другому автомобилю, стоявшему несколько поодаль, наведя на него оружие. Их окриков Эрих не слышал, но вид у блюстителей закона был более чем серьезный. У легковушки, находившейся под прицелом, открылись передние двери. Из них показалась парочка смятенных молодых людей. Полицейские велели им отойти и лечь на асфальт, после чего приблизились и надели наручники. Затем потащили к своим машинам и погрузили внутрь. Не выключая мигалок, но уже без сирен они все дружно рванули прочь. Эрих, застывший у окна соляным столпом, наблюдал, как стражи порядка удаляются по улице, так и не проявив к нему ни малейшего интереса. Лишь через несколько минут он сообразил, что в квартиру действительно никто не барабанит и вообще вокруг по-прежнему царит спокойная ночь, нарушаемая лишь естественными шумами города. Залпом осушив стакан холодной воды, разбавленной лимонным соком, молодой человек проглотил пригоршню успокоительного. Потом, более-менее придя в себя, вернулся к мертвому телу.

Эрих понятия не имел, что полицейские сейчас повязали соратников Отто, дожидавшихся своего командира. Возможно, он бы сообразил, что к чему, не пребывай его разум в уже описанном состоянии. Однако о чем бы он точно не догадался, так это о том, что одновременно происходило в другой части Берлина.

В ангар, где по приказу Отто проходили тайные собрания, прибыли все неонацисты из его группы. Они явились туда не просто так, исключая тех, что дежурили в больнице и у дома Эриха Сторма. Получив СМС от своего лидера, подчиненные поехали на встречу с завидной пунктуальностью. Оно пришло по всем правилам предосторожности, принятым на самом первом секретном собрании, и могло быть только от Отто. Приветствуя друг друга, неонацисты рассаживались там и сям, интересуясь, где, собствен-

но, их предводитель. Последний отсутствовал. Он уже лежал мертвым в квартире пресловутого антифашиста, но об этом кроме последнего ни один человек не знал. Неонацисты послушно дожидались своего руководителя, коротая время кто за чем. Одни играли на смартфонах, другие копали всякую всячину в интернете, третьи обсуждали досужие сплетни. Бильярдному столу также нашлось применение, и стук раскатываемых шаров то и дело раскатывался по ангару. Кто-то просто развалился на больших зеленых ящиках, сложенных вдоль стены, и порой теребил пальцем внушительные замки, гадая, что там внутри. Никто не звонил Отто и не спрашивал, куда тот запропастился. Все были в курсе секретного задания и без прямых указаний никогда не проявляли излишней инициативы, грозившей скомпрометировать операцию. Отто либо появится сам, либо даст о себе знать, а пока его подчиненным требуется пребывать на точке сбора. Они и пребывали, тем более что времени с назначенного часа прошло относительно немного, и дожидались развития событий. И дождались.

С погашенными фарами к ангару съезжались полицейские машины и фургоны спецназа. Когда они остановились, из них высыпало более двух сотен до зубов вооруженных людей. Окружая ангар, они устанавливали вокруг осветительную аппаратуру, размещали бронированные щиты и иные заслоны. Из огромных ящиков доставалось различное снаряжение. Мобильные радиолокационные станции прослушивали эфир. Всех гражданских лиц, оказавшихся рядом с зоной оцепления, стражи порядка выводили куда подальше. Их насчитывалось немало, но полицейские выполняли свою задачу четко и оперативно. Неонацисты об их появлении даже не догадывались. Они не выставляли часовых — зачем? Они ведь не ожидали нападения. Кроме того, полицейские действовали столь умело, что никто не заметил бы их приближения к ангару до тех пор, пока не стало слишком поздно. Его стены вдруг ярко осветились под лучами мощных прожекторов, и тут же чей-то голос, усиленный через рупор, громко отчеканил:

— Люди внутри ангара D-16! Это спецназ полиции Берлина! Зона оцеплена! Вы окружены! Предлагаем вам сдаться и выходить с поднятыми руками! В случае сопротивления мы откроем огонь на поражение! Даем вам пять минут на размышление, после чего мы пойдем на штурм!

Это сообщение повторялось трижды, но с каждым разом оно становилось все менее понятным для ошеломленных неонацистов. У них, конечно, имелись некоторые проблемы с законом, но не настолько же, чтобы устраивать такую облаву! Неужели Отто был прав гораздо больше, чем говорил?! Эта мысль пришла в голову

практически всем одновременно, когда выяснилось, что снаружи действительно творится черт знает что. Яркий свет и силуэты множества вооруженных людей производили поистине неизгладимое впечатление. В небе послышался шум подлетавших вертолетов. Где-то позади эшелонов спецназа урчало нечто похожее на броневик. Неонацисты струхнули. Воевать с такой армией им уж точно не хотелось, тем паче неизвестно за что. Может быть так, что их с кем-то перепутали, и все это какая-то огромная ошибка? Собравшиеся в ангаре призадумались, совещаясь и нервно оглядываясь по сторонам.

Полиция тоже ждала, выполнят ее ультиматум или нет. Получив соответствующие указания, она была готова ко всему. В том числе к тому, что последовало дальше. Со стороны ангара, высаживая стекла окон и пробивая стены, грянули залпы. Дружные и множественные, причем отнюдь не пистолетные. Это било серьезное автоматическое оружие, в том числе тяжелое. Спецназ не стал выяснять, сколько именно пулеметов имелось у окруженных преступников — он открыл ответный ураганный огонь. Сотни полторы автоматов, наведенных на ангар, изрыгали очередь за очередью. В пробитые окна полетели гранаты со слезоточивым газом. Окрестности сотряс грохот выстрелов, но вскоре к нему присоединились и взрывы. Из ангара, совершенно невзирая на свинцовый дождь, в ряды спецназа полетели гранаты. Боевые осколочные гранаты. Лишь бронежилеты и щиты спасали стражей порядка от массового поражения, поскольку разрывные снаряды сыпались как из рога изобилия. Полиция сдвинулась назад от зоны разлетавшихся осколков, но отступать, разумеется, не собиралась. Первое ошеломление быстро прошло, сменившись возросшей ударной мощью. Спецназ довел огонь до максимальной интенсивности, ведя перекрестный обстрел и превращая стены ангара в швейцарский сыр. С опасными преступниками, оказывающими ожесточенное сопротивление, не церемонятся. Однако находившиеся внутри не унимались. Они продолжали стрелять, простраивая пулями наружное пространство. Палили так слаженно и яростно, будто в ангаре засело армейское подразделение, имеющее опыт боевых действий. Особенно усердствовало что-то тяжелое, похожее на крупнокалиберный пулемет. Видимо, слезоточивый газ не оказал никакого эффекта, да и огонь стражей порядка приносил маловато толку. Большие прожектора, установленные полицией по периметру, спасали только толстые бронированные стекла. По ним постоянно слышались звуки попаданий и рикошетов. На стеклах росли и змеились трещины. Хлоп! Один из прожекторов все-таки погас, уничтоженный огнем преступников.

Практически сразу за ним вышел из строя и второй — перебило кабель питания. Спецназ, укрываясь за бронированными щитами, был вынужден применить гранатометы, но уже совсем с другими зарядами. Взрыв, последовавший за точным попаданием, разнес часть железной стены, раскурочив все вокруг в радиусе поражения. Точно такой же взрыв практически одновременно раздался и в другом месте. В зияющие провалы, обрамленные изодранным листовым железом, тут же ворвались свистевшие пули, крошившие внутри ангара все живое и неживое. Там, за завесой вздымавшегося пламени, слышались какие-то крики. Должно быть, преступники получали свое, но упорно сопротивлялись до последнего. Что ж, это их выбор. Полиция, несмотря на все обстоятельства, предпочла бы взять их живыми, но миндальничать под убийственным огнем точно не намеревалась. В ход пошли самые суровые меры. Обстрел ангара начался с двух вертолетов, круживших непосредственно над ним. Таким образом, те, кто укрылся за какой-либо горизонтально непробиваемой преградой, оказывались незащищены сверху, откуда их уничтожали одного за другим. Клубы слезоточивого газа, валившие из оплота преступников, напоминали густой туман, сочащийся из развороченной консервной банки. Настолько густой, что окружающее пространство стало напоминать армейские учения, где создается плотная дымовая завеса. Огненный шквал, накрывший ангар, не оставлял сопротивлявшимся ни единого шанса, даже если они были оснащены соответствующим образом: имели современные бронежилеты, противогазы и прочую амуницию. Однако именно это, судя по всему, и находилось в их распоряжении, раз бой упорно продолжался, не снижая интенсивности. Пулеметы не умолкая отстукивали очереди, и даже гранаты все еще вылетали, несмотря на гудевшие по периметру стены пламени. Из-за последнего тепловизоры стали окончательно бесполезны. Впрочем, они были бесполезны с самого начала. Используя эти приборы, спецназ с самого начала пытался определить местонахождение преступников, однако ангар D-16 представал однородным красным пятном. Либо внутри было как в паровозной топке, либо злоумышленники опутали стены нагревательной сеткой, чтобы скрыть всех кто внутри. Похоже, их техническая подготовка и впрямь была очень серьезной, а все предупреждения об их чрезвычайной опасности соответствовали истине. Становилось поистине необъяснимо, как преступники стреляли вслепую! Спецназовцы не заметили ничего кроме теней и силуэтов, мелькавших сквозь плясавший огонь. Люди же в ангаре не должны были видеть вообще ничего. Тем не менее, они вели прицельную стрельбу, не давая полиции высунуться дальше возведен-

ных укрытий. Впрочем, возможно они били наугад, просто с такой плотностью, что уже не имело значения, куда именно летит отдельная пуля. Спецназ, видя, что его усилия не приносят удовлетворительный эффект, был вынужден задействовать броневики. Выдвинувшись вперед, те поехали к ангару в направлении проделанных брешей, чтобы занять там позиции, отслеживать окружающую обстановку и координировать огонь. Пушки броневиков вели непрерывный обстрел, чтобы ни у кого не возникало желания к ним приближаться. Мало ли чего удумают засевшие в D-16, хотя там давно уже полыхало пламя, вырываясь из пулевых отверстий и бушуя в разрывах стен. Каким образом в ангаре оставался кто-то живой, было совершенно неясно, однако бой и не затихал. Броневики испытали это на себе. Когда они приблизились к проломам, по ним дали залп из гранатометов, причем противотанковыми зарядами. Один броневик лопнул как передутый шар и превратился в пылающий костер. Его искореженные останки налились малиновым светом от ярости гудящего огня. Люди внутри мгновенно сгорели заживо. Два других экипажа уцелели каким-то чудом. Едва не сожженная техника была вынуждена ретироваться, отползая назад. Броню одного из уцелевших броневиков прямо на ходу проедала какая-то горящая жижа. От колес остались одни лохмотья. Он заглох и остановился на полпути между силами полиции и ангаром. Другой сумел добраться до своих на последнем издыхании. Машину изодрало так, что становилось удивительно, как она вообще доехала и сберегла свою команду. За время неудачной атаки броневиков было выведено из строя еще четыре прожектора, и техники едва успевали устанавливать новые. Полицейские не просто осознали, что сдаваться никто не собирается и пленных не будет. Тут шел фанатичный бой на уничтожение. Теперь уже с трех вертолетов заговорили пулеметчики, поливая ангар настоящим свинцовым дождем. Туда, где в крыше образовались дыры, один за другим разряжались гранатометы. Ангар сотрясали взрывы, вздымавшие искры, огонь и пепел. Дым валил густыми клубами. Внутри царил настоящий ад, будто там орудовал сам дьявол. Тем не менее, один из вертолетов едва не был сбит, когда подлетел слишком близко. Ему навстречу вынырнули две ракеты, но первая попала в верхнюю балку ангара и развалилась, а вторая отчего-то взорвалась на подлете. Вертолет едва не разнесло на куски, однако он все-таки уцелел и, заваливаясь на бок, пошел на аварийную посадку, оставляя длинный дымящийся шлейф. Полицейские мало-помалу приходили в недоумение, отчего неистовая схватка до сих пор не подошла к своему логическому концу. Теперь они вели максимальный огонь из всех калибров, за-

действовав все ресурсы и не жалея боеприпасов. Но тут действительно была поставлена точка. Ангар с грохотом рухнул. Из-под его обломков в небо взвились высоченные языки пламени, едва не доставшие вертолеты. Серия могучих взрывов сотрясла остатки сооружения, расшвыривая далеко вокруг обломки искореженного металла. Расшвыривая с такой силой, что они пробивали корпуса машин и застревали в броне. Должно быть, это рвались боеприпасы преступников и припасенная ими взрывчатка. Следуя общему приказу, спецназ прекратил огонь. В ответ уже не раздавалось ни единого выстрела. Вся площадь большого ангара, разнесенного в клочья ураганным огнем, превратилась в пылающее пекло.

Утром об этой операции правоохранителей сообщали все СМИ не только в Берлине и вообще стране, но и за рубежом. Еще бы — такое побоище, будто там снимали сцену из высокобюджетного боевика! Журналисты фиксировали происходящее издали, поскольку близко их не подпускали, но даже на значительном расстоянии масштаб перестрелки впечатлял. Помимо сенсационных кадров, мелькавших на всех экранах, пресса сообщала о задержанных преступниках, избежавших участи уничтожения. В отличие от ангара D-16, их взяли практически без жертв. Переодетые сотрудники полиции вычислили все цели. Затем, удалив как можно больше гражданских лиц, начали захват. Он произошел настолько слаженно и оперативно, что большинство преступников даже успели осознать происходящего. Их живо скрутили и уложили на пол практически одновременно. Лишь один попытался бежать и еще один оказать сопротивление. Их пришлось застрелить, поскольку полиция не могла рисковать жизнями невинных граждан. Сейчас эти преступники находятся в изоляторе, где с ними проводятся следственные мероприятия, а также устанавливаются связи со всеми потенциальными сообщниками. Власти предлагают этим сообщникам сдаться добровольно, чтобы не доводить дело до крайностей. В случае явки с повинной они гарантируют снисхождение.

Эрих, разумеется, понятия не имел, что и в том и другом случае речь идет о группировке Отто. Он лишь услышал о происшествии в новостях, транслируемых по радио, телевидению и интернету. Печатные и электронные издания пестрели звучными заголовками в сопровождении эффектных фотографий. Одно за другим сыпались интервью с правоохранителями и "очевидцами", выдвигались версии и строились различные домыслы. Эрих не слишком-то всем этим интересовался. Он был очень занят, разъезжая по городу в поисках нужных материалов. Герр Марсдорф дал ему выходной, тем более что никакой срочной работы не ока-

залось, а свою повседневную Эрих выполнял с некоторым запасом вперед. Слушая краем уха речи журналистов, молодой человек поглядывал на встречавшиеся по пути экраны и пару раз даже запустил новости на своем смартфоне, но без особого энтузиазма. В данный момент его больше всего заботил труп Отто, лежавший в квартире, а не успехи полиции в обезвреживании опасных преступников.

Домой Эрих вернулся ближе к вечеру и сразу принялся за дело. За полтора часа до полуночи мертвое тело было надежно запаковано в непроницаемый полиэтиленовый чехол и уложено в нишу. Саму же нишу перекрыла наспех изготовленная конструкция из фанеры и поперечных ребер. Поверх нее молодой человек налепил более-менее подходящие обои, сливавшиеся с остальными, если не слишком приглядываться. В одиннадцать часов вечера позвонили грузчики, доставившие срочный заказ. Сам Эрих не мог таскать по квартире внушительный шкаф, поэтому он был вынужден довериться этим незнакомым людям. Пока они ставили мебель подле запечатанного пространства, молодой человек все время боялся, что дюжие парни заметят неладное и поднимут тревогу. К счастью, все обошлось. Грузчики постарались на совесть и, получив приличные чаевые, удалились, пожелав хозяину квартиры доброй ночи. Правда началась она не слишком-то добро, поскольку в полночь к Эриху явился следователь.

Молодой человек очень натурально изобразил удивление, хотя давно ожидал чего-нибудь подобного. Странно, что следователь явился один, без сопровождения полицейских. Ведь именно они, в случае чего, должны схватить господина Сторма и доставить куда положено. Впустив гостя в квартиру, Эрих провел его на кухню, сославшись на пустующие и неубранные комнаты. Беседовать в спальне с человеком, у которого наверняка был наметанный глаз на преступные делишки, выглядело слишком опрометчивым. Следователь мог заметить что-то такое, чего Эрих упустил, прибираясь после смерти Отто, и сделать очевидные выводы. Усадив гостя на стул подле небольшого стеклянного стола на стальных ножках, молодой человек осведомился, чем обязан позднему визиту.

— Прошу прощения за беспокойство в столь неурочный час, господин Сторм, но я полагаю, что вы меня извините, когда услышите принесенный мной новости, — сообщил следователь.

Эрих всем своим видом показал, что внимательно слушает.

— Вы смотрели сегодня новости? В Берлине найдется не так много людей, кто не видел их хотя бы мельком, — заговорил гость. — Крупная операция спецназа, перестрелка, аресты… Аресты в той больнице, где лежит ваша невеста, господин Сторм.

Эрих отвернулся, меняясь в лице. Он уже разговаривал с Евой. Взволнованная девушка давно сообщила ему об инциденте с полицией, схватившей в больнице с десяток человек. Была стрельба, но никто из пациентов, посетителей и медицинского персонала не пострадал. Эрих, хоть и был поглощен сокрытием трупа, очень за Еву переживал. Вот вам и "полный покой", настоятельно рекомендуемый врачами! Ей бы даже новости не стоило смотреть, где сегодня показывали такие страсти. Молодой человек успокоил девушку как мог, однако искренне полагал, что на этом история закончилась. Теперь, когда означенный эпизод упомянул следователь, ему впервые пришла в голову мысль, что происшествие в больнице как-то связано с ним, Эрихом Стормом.
— Чаю? — спросил молодой человек, звеня стаканами и как бы объясняя, отчего повернулся спиной.
— Да, благодарю. Покрепче, если можно, — кивнул следователь. — Так вот, — продолжил он, — в новости не попало кое-что еще, помимо места проведения арестов. Прошлой ночью мы задержали двух человек непосредственно перед вашим домом. Возможно, вы видели прибытие полицейских машин, если еще не спали. Во всяком случае, свет у вас горел.
— Сахару? — осведомился Эрих, радуясь, что его лица никто сейчас не видит.
— Один кусочек, — отозвался следователь. — В общем, не буду ходить вокруг да около. Эти люди были из той же группировки, что и из ангара, которых ликвидировал спецназ, а также в больнице. Вообще-то это секретная информация, господин Сторм, но я надеюсь на вашу порядочность. Разумеется, я бы ничего подобного вам не сообщил, если бы следствие не имело оснований считать, что именно эта группировка ответственна за нападение на вашу подругу и друзей. Полагаю, мы наконец-то обезвредили злоумышленников, и они больше никому не причинят вреда. Теперь вы, надеюсь, извините меня за то, что я пришел известить вас в столь поздний час?
— Конечно, господин следователь! — проникновенно воскликнул, поворачиваясь, Эрих.
Теперь, взяв себя в руки, он был образчиком актерского мастерства. Видимо и внутренне обратившись в слух, молодой человек успешно разыгрывал удивление и беспокойство. Страх разоблачения и предательскую нервную дрожь он искусно запрятал в глубины своего существа. Вручив гостю большую термокружку, которую можно было держать, не боясь обжечься, Эрих уселся с ее близнецом с другой стороны стола.
— Признаться, вы меня озадачили, господин следователь, — про-

изнес он не без отлично изображенного трепета. — Но что они делали в больнице и под моими окнами?
Следователь, прихлебывая чай, пустился в длительный монолог. Вероятно, преступники желали добраться до своих недобитых жертв. К примеру, они опасались, что те про них что-то знают, даже сами об этом не подозревая, и правда однажды выйдет наружу. Либо же просто в силу каких-то причин пожелали завершить начатое. К счастью, полиция выставила в больнице посты, что и помешало им осуществить задуманное. Преступники находились там достаточно долго, а их количество однозначно указывает на дурные намерения. Следствию еще предстоит многое выяснить, но уже сейчас совершенно ясно, что в больницу они легли отнюдь не из-за здоровья. Кстати, полицейское наблюдение уберегло и господина Сторма. Те двое, сидевшие в машине у его дома, наверняка приехали не миловаться под луной. Что бы они ни замышляли, полиция своевременно пресекла их намерения. Операция проводилась очень синхронно, дабы сообщники не успели друг друга предупредить. Люди в ангаре, в больнице и у дома господина Сторма были блокированы одновременно. Кого смогли — обезвредили, взяв живыми. Иных, оказавших ожесточенное сопротивление, уничтожили на месте. Это очень опасные преступники. Невесте господина Сторма и его друзьям нужно благодарить судьбу, что они вышли живыми из лап столь жестоких людей.
— Извините, но откуда стало известно об их причастности к нападению на Еву? — спросил, затаив дыхание, Эрих. — К тому же я, признаться, ошарашен. Преступление, бесспорно, они совершили отвратительное, но полицейский спецназ и такая — судя по новостям — перестрелка… Как-то не вяжется.
— О, господин Сторм, дело с вашей невестой — это лишь кусочек мозаики, — улыбнулся следователь. — Нам еще предстоит выяснить, почему их выбор пал именно на фройляйн Еву и ваших друзей, но один весомый аргумент я могу озвучить прямо сейчас. Вы ведь все принадлежите к движению антифашистов, не так ли? Ну а они числятся в организации совсем другого рода. Неонацисты, если хотите, и неонацисты очень серьезные.
Эриху внутренне поплохело. Он давно опасался, что полиция наткнется на эту взаимосвязь, и начнет распутывать клубок. Особенно тогда, когда в следственном изоляторе окажутся непосредственные участники событий, способные наговорить на допросе лишнего. Уткнувшись в кружку с чаем, он слушал речь следователя, стараясь поддерживать в себе приемлемый уровень волнения.
— К сожалению, я не могу раскрыть вам ни данные, позволившие нам выйти на этих злоумышленников, ни их источник, — вежливо

развел руками следователь. — Однако уверяю вас, они достаточно достоверны, чтобы мы в кратчайшие сроки провели столь сложную операцию с привлечением значительных сил спецназа.
Вздохнув, Эрих сделал понимающий вид. Понятное дело — следователь не хочет раскрывать карты. Было бы слишком наивно ожидать от него информации от и до. Поздний гость излагает ровно то, что считает нужным. А жаль. Эриху бы не помешало узнать побольше, ибо на кону вообще-то стоит его собственная шкура. Собеседник, видя реакцию господина Сторма, ответил ему улыбкой. Ведь молодой человек даже понятия не имел, насколько следователю было бы затруднительно ответить на его вопрос. В следственном отделе невесть откуда взялась толстая папка с массой документов. Их копии поступили на компьютер, причем поступили так, что адрес отправителя определить не удалось, как ни ломали головы лучшие специалисты. Документы содержали фотографии, досье, различные улики и всякие подробные данные на большую группу лиц. Когда их стали просматривать, следователи опешили, а затем, изучив до конца, подняли на уши всех, кого только могли. Учитывая содержание материалов, реакция на них должна была наступить незамедлительно. Подлог исключался. Первые же проверки показали, что информация соответствует действительности. Сведения о доставке грузов, совпадение взятых образцов, свидетельства экспертов и сверка описанного в папке с другими источниками — все говорило в пользу того, что отправитель, пожелавший остаться неизвестным, пугающе прав. Этот некто сообщал, что внутри неонацистской организации, к которой он принадлежит, объявилось радикальное крыло, действующее тайно и независимо от остальных. Этот некто принадлежит к числу высших руководителей, отчего ему удалось собрать на опасную группировку подробный компромат. Он просил, чтобы остальных членов организации пока не трогали, ибо они не имеют отношения к преступной деятельности означенных лиц. Кроме того, если в ней все еще остались неизвестные ему злоумышленники, в случае открытого полицейского вторжения они залягут на дно, что чревато нанесением удара в другое время в другом месте. А удар планируется очень серьезный. Акция по избиению антифашистов была пробным шаром. В живых их оставили специально, чтобы потом показательно добить — вот, мол, и закон вас не защитил. В ближайшее время планируется еще несколько таких акций, одна крупнее другой, но это все мелочи по сравнению с генеральным планом. Люди, которые соберутся в ангаре D-16 по указанному адресу в указанный час, планируют громкие теракты: подрыв общественных зданий, лагерей мигрантов и правительственных уч-

реждений. В этом ангаре у них припасен достаточный арсенал, чтобы без труда осуществить задуманное. Хищение на армейских складах, указанное в предоставленных полиции документах — прямое тому подтверждение. Преступники действуют настолько ловко и скрытно, что никто ни о чем даже не догадается, пока не прогремят взрывы. А когда это произойдет — ищи ветра в поле, да и поздно будет кого-либо ловить. Анонимный доброжелатель рекомендовал полиции не трогать всю организацию неонацистов в целом, и обещал оставаться на связи, сообщая о любых подозрительных действиях ее членов. Он очень рассчитывал, что к отправленным им документам отнесутся со всей серьезностью и немедленно примут меры. Если не обезвредить преступников во время встречи в том ангаре, аноним не ручался, что еще раз представится отличный шанс накрыть их всех вместе.

— В общем, информация полностью соответствовала действительности, — сообщил следователь, подумав про себя, что реакция властей была очень оперативной.

Шквал огня из тяжелого автоматического оружия, открытый из ангара D-16, подтвердил слова неизвестного отправителя. Последующая мощная детонация боеприпасов окончательно говорила в пользу версии о терактах. Эксперты, конечно, дадут свое заключение, но в целом сомнений уже не оставалось. К счастью, спецназ был готов открыть огонь по террористам, поэтому операция прошла с минимальными потерями. В деле, само собой, приняли участие спецслужбы, начавшие собственное расследование. Пользуясь случаем, следователь решил заглянуть к господину Сторму, пока наверху решают кто чем будет заниматься. Если у него заберут дело, он хотя бы успеет проявить себя как можно лучше. Впрочем, его могут и оставить, просто перевести под руководство какого-нибудь агента.

— Не беспокойтесь, вам и вашей невесте ничего не угрожает, — подытожил поздний гость, подводя черту под сообщенными новостями и собственными мыслями. — Мы станем вас охранять еще лучше, чем прежде, пока во всей этой истории не будет поставлена точка. С террористами у нас разговор короткий. Мы не позволим этим злодеям осуществить свои чудовищные планы.

Вслух Эрих выразил глубочайшую признательность, а про себя нецензурно и затейливо выругался. Только этого ему и не хватало! Он и так из кожи вон лезет, чтобы лишний раз не попадаться никому на глаза, а тут на тебе! Следователь допил чай и отодвинул кружку, но прощаться отчего-то не спешил.

— Что-нибудь еще? — вежливо осведомился молодой человек.

— Да, если позволите. В связи со всеми этими событиями у меня к

вам есть несколько вопросов. Я понимаю, что вы устали и наверняка хотите спать, но дело очень серьезное и не терпит отлагательств, — также любезно отозвался следователь.
Эрих сделал приглашающий жест, изображая радушную готовность сотрудничать, а внутренне здорово занервничал.
— Вы знаете кого-нибудь из этой неонацистской организации? — осведомился гость, кладя перед хозяином квартиры лист бумаги.
Это было краткое досье с указанием адресов и разной довольно любопытной информацией. Эрих, пробежав его глазами, чуть не вздрогнул. Под одним из адресов значился сожженным им особняк.
— Нет, — мотнул он головой, чувствуя, что молчание как-то уж слишком затянулось. — Впрочем, я мог встречаться с кем-то из них на наших антифашистских акциях. Ну, вы знаете: пикеты, марши протеста и прочее в том же духе. К сожалению, иногда у нас происходили неприятные столкновения с разными людьми. Банки с краской, оскорбления, мелкие потасовки… Неприятно вспоминать.
— Да-да, я в курсе, — кивнул следователь. — Не беспокойтесь, я ни в чем вас не виню. Просто пытаюсь выяснить, почему они выбрали жертвами именно ваших друзей. Случайно это произошло, или здесь есть какая-то связь?
Эрих вымученно улыбнулся. Связь, разумеется, была, о чем он знал лучше кого бы то ни было, включая покойного Отто. Вот только желательно чтобы полиция о ней никогда не узнала.
— Хорошо, тогда у меня есть еще один вопрос, — продолжил ночной гость. — Вам известно, что несколько недель назад одна из штаб-квартир этой организации подверглась нападению? Темной ночью кто-то спалил ее дотла. Шуму было на весь квартал. Тогда же трое членов этой организации погибли в кровавом ДТП, виновника которого пока установить не удалось. И произошло это вскоре после нападения на ваших друзей. Довольно любопытное совпадение, на мой взгляд.
— По-моему, в новостях об этом не писали, или я не читал, так что, извините, не в курсе, — ответил Эрих, чувствуя, как у него пересохло во рту.
Встав со стула, он плеснул себе еще одну порцию чая и принялся усердно его прихлебывать.
— Вы правы, СМИ упомянули тот случай лишь вскользь как рядовой инцидент, — кивнул следователь. — Признаться, я бы и сам не обратил на него внимания, но теперь, ввиду предположения о некой возможной связи, он предстает несколько в ином свете. Поэтому у меня к вам третий вопрос: скажите, кто-нибудь из ваших

знакомых не упоминал ту ночь как-нибудь по-особенному? Может быть, кто-то куда-то якобы уезжал или вообще продолжительно отсутствовал?
Следователь назвал Эриху дату, которую последний отлично знал. Тогда-то антифашист и осуществил поджог, в конечном счете загнавший его в Аномалию. Ох, какой плохой вопрос! Кажется, следователь Эриха подозревает, а то и вовсе уверен в его виновности. Просто за недостатком улик ищет за что зацепиться. Проклятье! Срок за поджог — это одно, но поди теперь доказывай непричастность к убийству мерзавца Отто. Труп за фиктивной стеной в квартире — это же подарок для следствия к Рождеству!
— Боюсь, прямо сейчас мне трудно ответить на ваш вопрос. Так вот все сразу и не припомнишь. Однако я обещаю хорошенько порыться в памяти и дать вам ответ как можно скорее, — неторопливо изрек Эрих. — Полагаю, мне также следует сообщить информацию и о себе.
Это была простенькая удочка, и молодой человек, впившись глазами в следователя, напряженно ждал его реакции.
— О, в этом нет ни малейшей необходимости, — махнул рукой ночной гость с каким-то удивительно добродушным видом. — У вас же железное алиби — это мы уже проверяли.
— Вы имеете в виду наблюдение за моим домом? — как бы невзначай осведомился молодой человек.
Да, ему удалось тогда выскользнуть незаметно, но вот возвращался он утром крайне неудовлетворительным образом.
— И его тоже, — усмехнулся следователь. — Однако полицейский патруль, наведавшийся к вам во время пожара, застал вас дома. Вы физически не могли находиться в двух местах одновременно.
Эрих подавился чаем и закашлялся. Выпученные глаза очень подходили к тому, как он перхал, стуча себя кулаком в грудь. Следователь что, издевается? Играет как кошка с мышкой, прежде чем выпустить из мягких лапок острые когти?
— Я даже не помню, зачем они заходили, — пробормотал молодой человек, отдышавшись и утирая глаза.
— В ваш подъезд проник какой-то подозрительный тип. Наблюдатель вызвал патруль, и тот проверил, все ли у вас в порядке. Мы же обеспечивали и вашу безопасность после избиения ваших друзей, — пояснил следователь. — Вы открыли дверь и сказали, что никого не видели. Патрульные извинились, проверили все этажи и ушли. Так что насчет своего алиби можете не беспокоиться — нет ничего надежнее, чем слово полицейских. Если вопросы, которые я вам задаю, вы принимаете на свой счет, то уверяю — вы вне подозрений. Прошу меня извинить, если они кажутся не слишком

корректными, но я действую в интересах дела, в том числе в интересах вашей невесты.
Эрих вымученно улыбнулся. А что он мог сказать? Он ведь прекрасно знал, где находился в тот момент, так что вся история с неожиданным алиби казалась какой-то дикостью. Интересно, что все это значит?
— Кстати, вчера к вам никто не заходил? — вдруг спросил, как назло, назойливый гость.
У Эриха только что волосы не встали дыбом. Сейчас заговорят про Отто Шварца и… Интересно, есть смысл дать деру, или лучше сразу сдаваться и каяться во всех грехах?
— Я с утра был на работе, а потом допоздна в больнице у Евы, — выдавил из себя молодой человек. — Когда вернулся, то никого не встретил и почти сразу лег спать.
— Да-да, конечно, — что-то пометил себе в блокнот следователь. — Просто есть показания, что вчера в вашем подъезде видели постороннего. Впрочем, мало ли кто к кому в гости приходит. Мы, разумеется, проверим, но вряд ли это имеет отношение к делу. Кстати, вы часто спите с включенным светом?
— По возможности, нет. Но бывает, когда я засыпаю прямо за ноутбуком. Устаю на работе, плюс это несчастье с моей невестой, — пояснил Эрих с самым невинным видом.
Собеседник участливо закивал. Нетрудно было догадаться, что в первую очередь он подразумевал минувшую ночь. Вот только к чему он спрашивал? Просто взглянуть на реакцию, или все-таки строго по существу? Вошел человек и не вышел. А свет горел очень долго…

Следователь задал еще несколько вопросов, на которые Эрих отвечал как-то не слишком вразумительно. Впрочем, после всего уже услышанного они его уже не беспокоили, ибо не представляли никакой зримой угрозы. Записав все в блокнот, следователь поднялся и еще раз принес извинения за поздний визит — господин Сторм выглядит очень усталым, и ему лучше всего немедленно лечь спать. Если же завтра у него не будет сил отправиться на работу, он может позвонить следователю, и тот выпишет ему официальный вызов к себе в кабинет. Разумеется, господину Сторму никуда ехать не придется — эту бумажку он покажет у себя на работе, только пусть не проговорится, каким образом она была получена. Такие вещи называются джентльменским соглашением.

Проводив ночного гостя к выходу, Эрих запер дверь и опустился на пол прямо в прихожей. В голове у него творилось нечто невообразимое, отчего он даже ненадолго забыл про труп Отто. Следователь сейчас наговорил такого, что поди разберись, где тут

правда, а где ложь, где хитрость, а где уловка. Держался он очень корректно, а под конец и вовсе был крайне любезен, будто и впрямь верил господину Сторму, ни в чем его не подозревая. Учитывая все обстоятельства, слуга закона наверняка что-то задумал. Вот только знать бы что…

Утром, воспользовавшись джентльменским предложением ночного гостя, Эрих прикинул освободившееся время и для начала принялся за мобильник покойного Отто. Тот уже давно был выключен. Эрих не только вынул сим-карту, но на всякий случай вытащил и аккумулятор. Теперь, вернув батарею обратно, он принялся перекачивать данные на свой ноутбук, только не напрямую, а на вставленную флешку. В этом имелся прямой расчет. Оставлять файлы неонациста на компьютерном жестком диске было очень опасно, как лишнюю улику, и особенно теперь. Даже если Эрих успеет их стереть, это может не принести желаемого результата. Он знал, что хорошие специалисты зачастую способны восстановить и старательно удаленную информацию. Чтобы минимизировать риск, молодой человек решил перекинуть данные Отто на съемный носитель. Последний, в случае чего, будет уничтожить куда проще.

С ноутбуком было управляться куда быстрее и удобнее, чем со смартфоном. Эриха интересовало все: контакты, заметки, входящие и исходящие звонки, фото, видео и прочие материалы. Для чего? Ведь следователь подтвердил версию Отто о его принадлежности к той неонацистской организации. Вероятно, он действительно не имел никакого отношения к Аномалии, не похищал у Эриха вещей, а действовал исключительно движимый местью. Местью и… Что там Отто вещал насчет предателя? А не этот ли предатель сообщил полиции о господине Шварце и его соратниках? Тогда было бы понятно, откуда у следствия взялась подробная информация, об источнике которой следователь умолчал. Вот только терроризм туда все равно как-то не вписывался. Отто и ему подобные, безусловно, те еще фрукты, но Эрих их с ними неоднократно сталкивался и со взрывами зданий как-то не ассоциировал. Особенно зданий с простыми немцами. Все это выглядело очень странно. Эрих нутром чуял, что мыслит в верном направлении, однако чего-то в этой головоломке явно не хватало, а какие-то ее фрагменты выглядели откровенно лишними. Вот он и рассчитывал извлечь из мобильника неонациста какую-нибудь полезную информацию, способную пролить свет на произошедшие события. К тому же все-таки нельзя сбрасывать со счетов версию о причастности этих людей к Аномалии. Конкретно Отто мог ничего и не знать, являясь простым исполнителем, а вот те, кто его послал

— совсем другое дело. Эриха ведь преследовали до самой кирхи, и он отлично помнил, как неонацисты с собаками гнались за ним до самого подвала. Фактически, именно они едва ли не втолкнули его в Аномалию, просто тогда антифашист списывал это на случайность, но теперь… Нет, здесь определенно что-то нечисто! Прильнув к экрану ноутбука, Эрих изучал все подряд, рассчитывая найти сведения либо о себе, либо о чем-то связанном с кирхой, а лучше все сразу. Помимо прочего, молодого человека интересовало, кто из подельников Отто мог быть в курсе их, скажем так, взаимоотношений. Стоит им проговориться на допросе в полиции — жди беды. И лучше бы знать об этом заранее. Вооружившись крепким чаем, Эрих старательно копался в содержимом смартфона неонациста.

Отто оказался очень скрытным. Эрих не находил ничего интересного, однако трактовал эту скрытность неправильно. Он же не знал, что лидер боевого крыла неонацистов опасается предателя, отчего максимально ограничивает хранимую при себе информацию. Антифашист списывал это обстоятельство исключительно на себя. Мол, чтобы именно господин Сторм ничего ни при каких обстоятельствах не узнал, в его руки не должно что-либо попадать. Что ж, очень мудрая предосторожность. Отто лежит мертвый в нише, его мобильник у Эриха, а он, Эрих, никакой пользы с этого трофея получить не может. Выругавшись, молодой человек залпом выдул чашку чая и призадумался. Даже на фотографиях, сохраненных в памяти телефона, фигурировали какие-то пейзажи, кошки, собачки и прочая дребедень, будто нарочно закачанная для отвода глаз. Осененный этой мыслью, Эрих проверил дату создания файлов. Ну да, так и есть! Весь этот набор бессмысленных фото и видео появился в одно и то же время, что подтверждало возникшую догадку. Исключение составляла только музыка, но ее, вероятно, Отто не считал крамолой — всем совершенно безразлично какие треки он там гоняет. Разнящиеся даты, опять же, говорили свое веское "да". Проклятье! Эрих призадумался, машинально продолжая изучать содержимое смартфона. Хлебнув еще чаю, он нахмурил лоб, отчего по нему пролегло несколько складок, почесал в затылке и распределил вообще ВСЕ файлы по дате создания. Самые старые ушли в конец списка, а самые свежие очутились в начале. Окинув полученный результат беглым взглядом, Эрих заметил, что один из самых последних файлов имеет большой размер. Как говорят специалисты, много "весит". Этот файл был создан позапрошлой ночью, когда Отто был уже мертв. Странно. Что же такого делал мобильный телефон без своего хозяина? Расширение файла было Эриху незнакомо, да и лежал он в

какой-то специфической папке. Молодой человек вообще бы не обратил на него внимания, если бы не объем содержащихся в нем данных. Чем таким он заполнен, чтобы занимать столько места? Встав, Эрих немного побродил по комнате. Квартира была большая — хоть гуляй по ней, — а ему так лучше думалось. Покрутившись взад-вперед, молодой человек уселся обратно и открыл файл на прямой просмотр содержимого. Для этого годился даже текстовый редактор, а у него имелась подходящая программа. На экране предстал длиннющий набор из букв, цифр и откровенных иероглифов. Читать машинный код Эрих не умел, но этого и не требовалось. Его интересовал только заголовок файла, обычно составленный вполне вразумительным образом. Ага! Вот это уже интереснее! Эрих, удовлетворенный собственной находчивостью, сменил расширение файла на одно из тех, что относились к видео, и открыл его подходящим проигрывателем. Та-да! На экране появилось изображение и даже пошел звук, хоть и неважного качества. Прильнув к ноутбуку, молодой человек старался не пропустить ни единого кадра в разворачивающемся действии, однако вскоре его энтузиазм сменился откровенной оторопью. Эрих плохо понимал что вообще видит, поскольку запись напоминала фрагмент какого-то остросюжетного фильма.

Это было какое-то обширное помещение. Даже не помещение, а огромный склад. Изображение регулярно перемещалось по разным точкам — вероятно, камер было несколько, и оно следовало заданной программе. В помещении были люди, несколько машин и множество всяких ящиков, иные размером с малый контейнер. Откуда-то снаружи пробивался яркий свет. Настолько яркий, что им подсвечивались все стены просторной конструкции, не то действительно склада, не то гаража, не то офиса. Либо же всего вместе. Люди, собравшись группой, находились в очевидном возбуждении. Порой кто-то из них выглядывал в окна, но только издали, словно боялся подходить ближе. Некоторые звонили по мобильным телефонам, отчего-то трясли ими в руках и переходили с места на место. В окна били лучи, будто в них светили прожекторами. В остальном же все выглядело более-менее прозаично, пока в один миг обстановка кардинально не изменилась. По складу были разложены большие зеленые ящики, и очень немалым числом. Внезапно их замки разошлись, а крышки открылись, причем без всякого внешнего воздействия. Внутри лежало оружие. Все бы ничего, но это оружие вдруг выпорхнуло из ящиков, и стало разлетаться по периметру склада. Разлетаться подобно птицам, только птицы живые и у них есть крылья, чего никак не скажешь про самостоятельно летающие пулеметы и прочее вооружение. Тяже-

лое такое вооружение, учитывая внушительные установки со спаренными стволами. Кажется, люди в ангаре откровенно остолбенели, наблюдая самовольное перемещение оружия. Заняв позиции вдоль стен ангара, оно осталось висеть прямо в воздухе. Дальше началось нечто невообразимое, отчего люди пришли в настоящий шок. От пола тонкими ручейками взвились рукава пламени. Они поднимались к каждой стрелковой единице, будто протягивая к ним опору из огненных язычков. Коснувшись стволов и прикладов, пламя обвилось вокруг них неким объемным узором, состоящим из раздельных полыхающих нитей. В следующее мгновение все дула, направленные в стены, дали единый залп очередями. До сих пор слышимость на складе была плохая. Человеческая речь звучала крайне неразборчиво, а прочие звуки и вовсе тонули в шумах помех. Теперь же поднялся такой грохот, что становилось больно ушам. Взбесившиеся пулеметы стучали несколько секунд. Затем снаружи кто-то открыл ответный огонь. Настолько массированный, что по складу, дырявя стены, тут же во множестве засвистели пули. Они вгрызались в тюки и коробки, пробивали автомобили, рикошетом отскакивали от металла и разносили в щепки дерево. Люди заметались. Что-то крича, они кидались к парившему над полом оружию. Вероятно, в надежде схватить его и обезвредить. Ничего из этого не вышло. Как в фантастическом фильме, они натыкались на какой-то невидимый барьер, отливавший при касании красным. Этот барьер не позволял добраться ни до пулеметов, ни до чего бы то ни было еще, продолжавшего стрелять куда-то наружу. Более того, вскоре выяснилось, что он присутствует по всему периметру огромного склада. Люди явно впадали в панику, отчего их действия переставали носить осмысленный характер. Мало кто еще пытался добраться до свихнувшегося, самостоятельно палившего оружия. Большинство бросилось врассыпную, либо ища укрытие, либо падая на пол и расползаясь кто куда. Нашлись и такие, кто попытался выскочить наружу через двери или окна, несмотря на жужжавшие пули. Тут-то и выяснилось, что это тоже невозможно. Барьер, отсвечивавший везде, где к нему прикасались, никого не пропускал. Он объявлялся строго вдоль стен, неведомым образом не позволяя людям проникнуть за его пределы. Странно, но он же, вероятно, их и хранил. Иначе чем объяснить, что по всему складу бесновались пули, а из людей до сих пор никто не был убит? Впрочем, он явно хранил их как-то избирательно. Бац! Голова одного человека разлетелась в крошево. Тело, забрызгав все вокруг мозгами и кровью, мешком свалилось на пол. И тут же возле одного из окон взвилась стена пламени. Хлоп! Еще один несчастный упал с развороченной грудью. Вторая

стена пламени возникла в другой части склада. А вокруг уже распространялся слезоточивый газ, вырываясь из прилетавших извне гранат. Снова открылись зеленые ящики. На них только что пролилась кровь третьей жертвы, скрючившейся за железными бочками и пытавшейся звонить по телефону. Изнутри стройными рядами стали подниматься боевые гранаты. Разбиваясь на звенья, они направлялись к окнам, а оттуда резким рывком, будто брошенные чьей-то рукой, улетали прочь. Снаружи послышались многочисленные взрывы. Десятки взрывов, ибо гранат, все вылетавших и вылетавших из зеленых ящиков, было очень много. В кого бы они ни метили, те не заставили ждать с ответом. Стены склада быстро превращались в решето. Их дырявили и до сих пор, но теперь началось нечто невообразимое. Где-то снаружи взялись за дело всерьез. Огненные стены продолжали вздыматься там и сям, и пули, пролетая сквозь них, оставляли за собой длинные пламенеющие дорожки. Эти дорожки прочерчивали весь склад, наполняя его некой трехмерной сеткой, постоянно меняющейся в пространстве. А вот и еще один убитый! Ему разворотило плечо. Вне себя от боли он выпал из укрытия и тут же превратился в кровавые лохмотья сразу от дюжины попаданий. Обрывки одежды и плоти раскидало далеко вокруг. Сразу же заговорило что-то ОЧЕНЬ тяжелое. Не иначе пришли в действие громадные спаренные пулеметы. Такие обычно устанавливают на какой-либо платформе, стационарной или передвижной. Они грохотали так, что прежний уровень шума казался сущей ерундой. Гильзы сыпались на пол сотнями, тысячами, а громадины, выплевывая из стволов пламя, строчили и строчили, сотрясая землю и воздух. Новый ответ с той стороны не заставил себя ждать. Сразу в нескольких местах стены склада разворотило мощными взрывами. В образовавшиеся проломы проник настоящий свинцовый шквал. На открывшемся пространстве концентрация обстрела была просто чудовищной, круша все подряд. Там неведомый барьер окончательно перестал защищать людей. Они гибли под ураганным огнем, фактически разрываемые в клочья. Кто-то стрелял и сверху. Крыша склада быстро покрывалась точно такими же дырами, как и стены. Вряд ли на ней кто-то сидел. Вероятно, где-то там кружили вертолеты. Слезоточивый газ тем временем достиг чудовищной концентрации, но было просто невероятно, что он отсутствовал в центре склада. Все, что туда попадало, неизвестным образом выносилось наружу, поэтому лишь со стороны казалось, будто внутри колышется белое море, а на деле оно волновалось только по периметру. Завеса стояла такая, что стрелки снаружи ничего не могли видеть сквозь газ и пламя. А в пламени между тем замель-

кали какие-то странные очертания, будто бродячая труппа решила дать представление театра теней. Они напоминали человеческие фигуры, только откуда бы им взяться? Взбесившееся оружие тем временем продолжало молотить очередь за очередью. Магазины менялись сами собой. Пустые сыпались на пол, а полные, выныривая из ящиков, подлетали к стрелковым единицам и запрыгивали куда положено. Примерно это же происходило и с лентами тяжелых пулеметов. Они выползали жутковатыми змеями и самостоятельно заправлялись взамен опустевших. Все еще живые люди этого уже не замечали. Они даже не делали попыток куда-нибудь дозвониться, в ужасе вжимаясь в свои укрытия и закрыв головы руками. Это, разумеется, не помогало. То один, то другой человек, в конце концов, получал порцию свинца. Сносила ли она голову, раскидывая мозги, отрывала ли конечности или кромсала тело — было совершенно неважно. Разве что с каждой новой смертью пламя заходилось все пуще, а бешеная армейская амуниция выкидывала что-нибудь новенькое. В стенные проемы, образованные взрывами, сунулись броневики. Открылся еще один зеленый ящик, орошенный свежей кровью. Оттуда показались толстые стержни гранатометов. Разлетевшись по позициям, они дали залп. Один броневик взорвался так, что от него остались жалкие обломки. Двум другим удалось уползти. Вскоре сверху посыпалось нечто невообразимое. Пулеметный огонь превращал складскую крышу в лохмотья, в бреши сыпались гранаты. Раскатываясь по полу, они рвались с оглушительным грохотом, разнося все вокруг в щепки. А практически по всему складу уже бушевало пламя. Оно поднималось отовсюду, окружая троих уцелевших людей. Тем некуда было деваться. Их убивали снаружи и изнутри. Какое-то время они, обезумев от разверзшегося вокруг кошмара, вжимались в еще не затронутые огнем укрытия. Но вот смерть пришла и за ними. Одного человека раскидало взрывом гранаты, и его внутренности повисли на тюках и ящиках. Тело другого рассекло пополам в области поясницы. Он мучительно дергался, хватая воздух ртом, но упавший железный стеллаж положил конец его страданиям. Третьего подбросило высоко в воздух, где он, уже объятый огнем, был изрешечен пулями. Склад горел, однако из самого сердца пожарища вдруг стартовали две ракеты. Первая, отклоненная очередным взрывом, ударилась в потолочную балку и рассыпалась. Вторая нырнула в брешь на крыше и взорвалась где-то наверху. Внутри склада живых уже не осталось, но немыслимое оружие продолжало строчить и строчить. Внезапно огонь поднялся высоко вверх и картинка окончательно погасла. Она начала гаснуть давно, когда одна за другой выходили из строя камеры, сраженные

пулей или ударной волной. Теперь она прервалась совсем. Последние секунды видео запечатлели лишь неразборчивый шум. Потом файл кончился.

Разинув рот, Эрих сидел подобно изваянию, забыв как шевелиться. Кружка с чаем так и осталась зажатой в пальцах, не донесенная ни до рта, ни до стола. Силы небесные, что он сейчас видел?! Откуда на мобильнике Отто эта неописуемая запись?! Тот вроде не имел никакого отношения к киносъемкам. Так что же это было? Пулеметы и гранатометы сами по себе не летают и не стреляют, да и огонь обычно ведет себя более тривиальным образом. Чертовщина какая-то! А эти люди? Кто они? Что за ужасы вообще содержатся в найденном файле, созданном позапрошлой ночью?! Этого просто не могло быть по-настоящему! Вероятно, какая-то эффектная мистификация, если принять во внимание Аномалию и все, что с ней связано… Мысль Эриха лихорадочно заработала, и он не заметил, как та увела его совсем по другому пути. Пути, далекому от истины. Он даже не проследил точное время и не сопоставил его со штурмом ангара D-16. При иных обстоятельствах Эрих, возможно, и догадался бы, что он увидел. Аномалия же вносила в его рассуждения свои коррективы. Ручное оружие НЕ ЛЕТАЕТ! Во всяком случае, в мире Эриха Сторма. А вот там, по "другую сторону", теоретически возможно все. Отто или его руководство точно связаны с происходящим в подвале кирхи! Даже если на видеоролике люди из группы Отто, запись поступила не из этого Берлина, а откуда-то извне. Возможно, из параллельной реальности.

У Эриха все еще оставался шанс прийти к правильным выводам. То, что произошло дальше, окончательно лишило его этой возможности. Экран ноутбука неожиданно замерцал. По нему пошли полосы, изображение исказилось. Эрих, недовольный таким поведением техники, попробовал привести ее в чувство. Вскоре ему это удалось. Греша на плохой контакт между основой и крышкой ноутбука, молодой человек решил пересмотреть жутковатое видео заново и обнаружил, что не может этого сделать. Файл пропал. Исчез бесследно, будто его и не было. Опешив, Эрих перерыл всю флешку, но ничего не обнаружил. Чертыхаясь, он полез в мобильник Отто, чтобы извлечь оригинал, и некоторое время напряженно сопел, чувствуя возрастающую нервозность. Нервозность, переходящую в удивление и даже испуг. Последний отчетливо проявился в груди молодого человека, когда он откинулся на спинку дивана в глубоком потрясении. Видеоролик испарился и в мобильнике.

— Аномалия… — прошептал Эрих, окончательно отказавшийся от

наиболее здравой мысли.
Мысли связать между собой услышанное в новостях, поведанное следователем и только что увиденное.

Лишь со стороны, зная все факты и обладая здравым мышлением, логика рассуждений Эриха Сторма могла вызвать вопросы, показавшись не слишком адекватной. Но она и была неадекватной. Рассудок молодого человека, неоднократно попадавшего в переплеты один хуже и необъяснимее другого, подвергался серьезным испытаниям. То, что он называл Аномалией, влияло на его психику, оставляя на ней все более явственный отпечаток. К тому же, о каких именно фактах речь? Очевидные факты как раз говорили в пользу того, что видео не могло транслироваться из ангара D-16, когда там началось побоище. Спецназ, прибывший на место операции, блокировал эфир куда серьезнее, нежели умела та глушилка, использованная Отто Шварцем. Вся связь в зоне действия спецоборудования прерывалась. Мобильные телефоны не ловили сигнал, и ни один детонатор был не в состоянии сработать на радиоуправлении. При обезвреживании потенциальных террористов — а люди в ангаре считались именно таковыми, — подобная мера вполне себе стандартная процедура. Она лишает злоумышленников возможности дистанционно активировать какое-либо устройство и даже связаться с сообщниками. Правда, функционал глушилок не распространяется на кабельные соединения, особенно если кабель зарыт глубоко в землю и выходит далеко за пределы наводимых помех. Если камеры в ангаре передавали изображение именно таким образом, тогда некая удаленная техника действительно способна его получать и записывать. Во всяком случае, потенциально. Правда, это не снимало вопрос, каким образом камеры фиксировали инцидент до самого конца, не выходя из строя, когда внутри все разлеталось в клочья? А они и выходили. Постепенно, одна за другой. Армейские образцы для экстремальных условий — к примеру, активных боевых действий, — максимально защищены от осколочных и даже пулевых попаданий, включая температурное воздействие. Взять те же беспилотные машины поддержки пехоты — их ослепить не так просто. Обладая хорошим запасом прочности, такие камеры способны работать даже в тех условиях, которые сложились в ангаре D-16, пока их окончательно не разобьют. И включились они самостоятельно, среагировав на сигнал тревоги, поскольку Отто Шварц, уверенный в предательстве кого-то из своих, напичкал ангар уймой всякой техники. Эта техника отправляла ему данные на смартфон, причем отправляла по защищенному каналу, протянутому из-под ангара в удаленную точку с передающим оборудованием. Правдоподобно?

Вполне. Причем как версия возможности, так и невозможности означенного развития событий. Иными словами, все это одни домыслы, а Эрих Сторм оперировал лишь тем, что знал наверняка, и еще немногим, о чем догадывался. Его одержимость Аномалией росла, а это в принципе изменяло весь ход его мыслей. И удивляться тут было нечему, учитывая, что она собой представляла.

– 7 –

Когда Эрих стучался в двери знакомого дома, он был почти уверен, что ему никто не откроет. Он ведь второпях не спросил Хельмута, когда тот здесь бывает, хотя Хельмут упомянул, что в этом доме не живет. Вероятность застать его на месте представлялась довольно призрачной. Ожидания, однако, приятно не оправдались. Тихо щелкнул замок, и дверь тут же распахнулась. Кто-то хорошо смазывал ее ржавые петли, поскольку распахнулась она совершенно бесшумно. А по ней и не скажешь! Старая, потрескавшаяся, покрытая осыпающейся краской, она была просто обязана издавать надсадный скрип. Вероятно, подобный внешний вид входил в часть конспирации. Сам-то дом тоже выглядел не слишком привлекательно, будто в нем и впрямь никто не обитал. Эрих даже вздрогнул, когда на пороге объявился прежний неприметный человек, причем так быстро, словно стоял там в ожидании гостей.
— Добрый день, Хельмут, — приподнял шляпу молодой антифашист. — Надеюсь, вы меня помните.
— Я ждал вас, — ответил тот, отступая в сторону и делая приглашающий жест рукой.
— Ждали? — невольно насторожился Эрих.
— Конечно, — кивнул, странно улыбаясь, хозяин дома. — Нас ведь объединяет одна общая цель, не так ли?
— Вы имеете в виду движение антифашистов? — осведомился молодой человек, заходя в прихожую.
— Я имею в виду ваши чаяния, — как-то туманно отозвался Хельмут. — И я рад, что вы на верном пути, раз все-таки пришли. Признаться, я ждал вас несколько раньше.
Эрих смутился. Он же не мог рассказать этому человеку об истинных причинах задержки с визитом. Вопрос пребывания Эриха Сторма по другую сторону Аномалии оставался вопросом для самого Эриха Сторма. Он все еще понятия не имел, с чем столкнулся, поэтому помалкивал о месте и особенностях своего появления. Кто знает, как отнесется к этому Хельмут. Может быть, вызовет карету скорой помощи, чтобы та забрала сумасшедшего, или, как

минимум, прекратит общение с чокнутым. Конечно, существовал огромный соблазн пригласить нового знакомца в кирху и поставить на нем эксперимент: видит ли он Аномалию, а если да, то может ли пройти сквозь нее в мир Эриха? Увы, такие опыты следовало отложить до лучших времен. В том числе потому, что у молодого человека хватало забот у себя дома, из-за чего он и явился к Хельмуту только после трехнедельного перерыва. На дворе стояло десятое июня, в чем Эрих убедился, едва ознакомился с утренними газетами. Он приобрел их у фрау Греты, узнавшей молодого человека и накормившей его отменной снедью вкупе с двумя пинтами пива. В ее края Эрих завернул не случайно. Ему требовалось обменять еще немного золота на деньги. Лавочник Гюнтер с удовольствием принял очередную порцию коронок и вручил клиенту причитавшуюся сумму. Коронками Эрих совершенно законно разживался в своем родном Берлине, так что никаких проблем, кроме как для кошелька, он с этим не испытывал. С поганцем Ульрихом молодой антифашист, к счастью, не встретился, но успел о нем услышать как от лавочника, так и от хозяйки пивной. Штурмовик провернул какое-то очередное гнусное задание, вновь отличившись на поприще антиеврейского законодательства и ариизации. Эрих взял его себе на заметку, но не стал искать с ним рандеву, а поспешил на автобус, следующий в столицу. Там он сразу же отправился к дому Хельмута. Он подавил в себе соблазн наведаться к аптеке, где произошла схватка с нацистами, хотя собирался заглянуть туда не ради праздного любопытства. Следовало выяснить, "обнуляется" этот мир тридцать восьмого года или нет. Гюнтер, фрау Грета и официантка его помнили — значит, полный сброс уже исключался. Появление Эриха оставляло вполне четкий след. Но как насчет более серьезных вещей? Сгоревшая аптека и куча трупов — это вам не кружка пива и торговля коронками. Возможно ли, что действия пришельца в этом мире как-то ограничиваются? Поразмыслив, Эрих решил расспросить Хельмута, способного прояснить судьбу пресловутой аптеки, и был очень рад застать его дома.

Комната выглядела точно так же, как и в прошлый раз. В ней явно ничего не меняли. Относилось ли это к остальным помещениям — оставалось неизвестным. Все двери были закрыты. Вероятно, хозяин дома еще не слишком доверял новому знакомцу, отчего не пускал его никуда дальше уборной. У Хельмута наверняка имелись основания поступать таким образом, учитывая род занятий и явно не соответствующую тридцать восьмому году идеологию. Усадив Эриха все за тот же стол, Хельмут позволил себе спросить как у гостя дела. Из вежливости или преследуя некую цель — мо-

лодой человек не понял, однако воспользовался случаем вступить в разговор со своим интересом.
— Признаться, я очень волнуюсь из-за той истории с аптекой, — совершенно искренне сообщил он. — Есть какие-нибудь новости?
— Да какие там новости, — вздохнул хозяин дома. — Несчастная семья мертва, дом сгорел. Если вы беспокоитесь о своей безопасности — не стоит. Пожар, конечно, попал в газеты, но никакой шумихи не было. Мол, бытовой случай, повлекший трагическую гибель нескольких достойных сынов родины. Даже на евреев ничего не списали, хотя повод был просто замечательный. Способный устроить масштабную показательную акцию. Просто время еще не пришло.
— Какое время? — невольно удивился Эрих.
В его памяти машинально всплыла так называемая "Хрустальная ночь" и ее предпосылки. Он уже задавался вопросом, развивается ли здешняя история в полном соответствии с уже пройденной "по ту сторону" или имеет отличия. Собранные сведения еще не позволяли сделать однозначные выводы, поэтому и грядущая "Хрустальная ночь" пока представлялась только теорией. Только откуда бы Хельмуту о ней знать? Еще июнь, а не ноябрь.
— Если нацисты не обвинили евреев, значит у них имеются на то веские основания. Иначе с чего бы им скрывать гибель дюжины своих людей в столкновении с унтерменшами? Не хотят торопить события. Вот я и предполагаю, какими мотивами они руководствуются, — пожал плечами хозяин дома. — Вторая версия — им просто стыдно заявлять во всеуслышание о таком позорище. Маленькая еврейская семья, где был только один мужчина, уложила более десятка вооруженных штурмовиков и эсэсовцев? Да это же скандал на всю Германию! Однако первая мне кажется куда убедительнее.
— Вы правы, — кивнул Эрих. Он-то знал историю, и вполне логичные рассуждения собеседника туда полностью вписывались. — Меня, кстати, не ищут?
Последний вопрос занимал его очень сильно. Он даже опасался заворачивать к фрау Грете и Гюнтеру точно так же, как во второй свой визит страшился высунуться из кирхи.
— Ориентировок на вас не было, если вы об этом, — отозвался Хельмут. — Да и откуда бы им взяться? Я же лично вытаскивал вас из огня, а все остальные участники той драмы были мертвы.
Эрих успокоился. Значит, ему можно не бояться опознания, ареста и всех вытекающих из этого прелестей. Пользуясь случаем, он встал и еще раз поблагодарил собеседника за оказанную услугу. Именно так — оказанную услугу. Формулировки "спасенная

жизнь" молодой человек избегал, и отнюдь не из снобизма. Эрих понятия не имел, что будет, если он умрет в этом мире. Проверять опытным путем, ясное дело, никакого желания не возникало, но из-за этого и возможный исход оставался неизвестным. Хельмут в ответ махнул рукой — пустяки, мол, о чем тут говорить. Для Эриха, однако, это было важно. Оттого он и задал следующий вопрос, продиктованный соображениями собственной безопасности:
— Вы кому-нибудь обо мне рассказывали?
— Нет. Я вас еще плохо знаю. Надеюсь и вы никому про меня не говорили, — послышался ответ.
Эриха это очень даже устраивало. В целом, он испытывал горячую симпатию к организации антифашистов, но не хотел торопить события. Лишняя известность ему пока ни к чему. Сам он, разумеется, также о Хельмуте никому не распространялся. В сумасшедший дом или спецтюрьму он всегда успеет загреметь, а Ева, которой он мог бы довериться, все еще не поправилась, равно как и пастор Берг. На последнего Эрих возлагал особые надежды. Ведь не мог же старик совсем не ведать о происходящем в подвале кирхи, где он служил не первый десяток лет. Увы, пастор пребывал в коме без каких-либо изменений.
— Рад слышать, — кивнул собеседник, когда гость заверил его в своем молчании. — Мы оба соблюдаем осторожность — и это правильно. Времена сейчас такие, что нас может погубить одно неосторожное слово. Видите, я опять не спрашиваю откуда вы, но и о себе не болтаю. Если вы наведете на меня гестапо, им в лапы попадется только одна рыбка в лице моей скромной персоны.
— Поверьте, у меня есть основания не рассказывать о себе, — порозовел Эрих. — Не потому, что я вам не верю. Тут дело совсем в другом.
— Полагаю, вы издалека и не очень знакомы с Берлином, — улыбнулся Хельмут. — Вы, безусловно, гражданин Германии, просто нездешний. Ваше поведение, уж простите, вас выдает. Вы вроде бы коренной немец, и даже акцент у вас вроде бы берлинский, а порой ведете себя так, будто окружающее видите впервые. С одной стороны, это хорошо, ибо вас станут принимать за гостя столицы, приехавшего из глубинки. Особенностям произношения вас с детства могли научить переехавшие родители. С другой, что вы станете делать, когда у вас попросят документы? Такое очень даже вероятно. Более того — рано или поздно случится. Документы мне можете показать?
— Это еще зачем? — нахмурился Эрих.
Такого поворота он никак не ожидал, и симпатии к собеседнику у него сразу поубавилось. Тема была для него очень болезненной.

Деньгами-то молодой человек разжился, а вот с удостоверением личности возникали серьезные проблемы.
— То есть не можете. Или не хотите, — усмехнулся хозяин дома.
— В наших отношениях это что-то меняет? — прищурился антифашист, прикидывая, просто удрать в случае чего или сначала вырубить этого человека.
— Я к тому, что даже мне вы не хотите раскрыть свое инкогнито. А если вас остановит патруль? Или СС? Что тогда? — пояснил Хельмут. — В данных обстоятельствах я вижу только один подходящий способ избавить вас от возможных неприятностей.
— Какой? — машинально спросил Эрих, не понимая, куда клонит собеседник.
— Вам нужны липовые документы, которые вы сможете предъявить по первому требованию. Но документы очень хорошего качества, чтобы никто не заподозрил в них подделку, — даже не моргнув, сообщил хозяин дома.
— А это возможно?! — горячо воскликнул, поддавшись порыву, молодой человек.
Выяснилось, что да. В распоряжении Хельмута имелись кое-какие средства, а по части движения антифашистов он располагал полезными связями. Разумеется, Хельмут не станет распространяться, откуда и что он берет, но ему вполне по силам изготовить для нового знакомца отличное удостоверение личности. Оно будет выполнено идеально, и даже самый придирчивый чиновник не сумеет учуять подвох. Тут все упирается лишь в того, кто станет этими документами обладать.
— В каком смысле? — озадаченно потер лоб Эрих.
Хельмут пояснил. Если, к примеру, простой сельский житель предъявит бумаги о том, что он якобы военный, его раскусит даже самый нерадивый патрульный. Офицер, прикидывающийся фермером, также вызовет подозрение, если он, конечно, не опытный разведчик. Плотник, не умеющий держать рубанок, музыкант без слуха или коммерсант, ни шиша не смыслящий в торговле, вероятнее всего окажется в тюремной камере. Такие индивиды, конечно, попадаются, ибо есть и бездарные музыканты, и безрукие мастеровые, и горе-торговцы, только их-то отпустят, а вот для антифашиста, скрывающего свое подлинное я, все закончится плохо. Иными словами, гостю следует сообщить, кем он хочет быть по подложному паспорту, чтобы соответствовать выдуманной личности и не выдать себя с головой каким-нибудь пустяком.
— Разумно, — согласился, подумав Эрих. Он не исключал, что это был лишь ловкий ход, имевший целью выведать о нем побольше, однако в рассуждениях Хельмута сквозила железная логика. — Я

хорошо сойду за инженера-строителя. Это возможно?
— Вполне, — улыбнулся собеседник. — Под каким именем и фамилией?
Молодой человек, еще немного поразмыслив, назвал свои. Так он не запутается и не допустит глупого прокола, а в этом мире его подлинные данные абсолютно ничего не дадут даже всему гестапо вместе взятому.
— Ну-с, тогда последняя мелочь — мне нужна ваша фотография, господин Сторм, — заявил Хельмут.
Эрих машинально полез в карман, чтобы выудить смартфон, и застыл с пальцами на мобильнике. Вид у него при этом был тот еще — чуть не выдал себя с потрохами! — но молодой человек нашел ему подходящее оправдание: мол, ничего такого с собой, к сожалению, нет. Но ведь это не проблема? Он сходит в подходящее ателье и сделает снимок. На дворе же не средние века.
— В этом нет необходимости, — улыбнулся хозяин дома. — У меня найдется все, что нужно. Побудьте здесь минутку.
Удалившись, он вскоре вернулся с громоздким фотоаппаратом. Эрих видел такие только на картинках, поэтому не без удовольствия разглядывал кстати подвернувшийся раритет. Хельмут поколдовал с принесенным агрегатом, попросил гостя смотреть в объектив, после чего сообщил, что документы будут готовы в течение суток. Гость, конечно, волен поступать как пожелает, но Хельмут рекомендовал бы ему почем зря не высовываться и дождаться удостоверения личности. Совет был хорош, к тому же выполним. Речь шла отнюдь не про то, чтобы молодой антифашист остался в этом доме или снял где-нибудь комнату. Просто Эрих успел поставить очень важный опыт.

Аномалия, исчезавшая после перехода с одной стороны на другую, появлялась спустя двенадцать часов, то есть через такой же промежуток времени, какой происходил в сдвиге суток. Показания хронометра фиксировали это с точностью до секунды. Вооруженный столь важной информацией, Эрих мог гораздо эффективнее планировать свои путешествия. Разумеется, он потратил лишние сутки не просто так, а совмещал один эксперимент с другим. В частности, молодой человек проверил содержимое коробок и разместил по обе стороны миров кое-какие образцы. Коробок, находившихся в помещении с Аномалией. Оставленные там вещи были в полной сохранности. Это очень радовало. Либо похитители улик не в состоянии добраться до Старой Германии, либо тут какая-то иная причина. Как бы там ни было, Эрих обрел возможность складировать экипировку, а не добывать ее каждый раз с нуля. Деньги, одежда, вещи, раздобытые в другом мире — все это

можно выкладывать перед отправкой в родные края и там же забирать по возвращении. Что же касалось образцов, то тут фантазия экспериментатора пустилась в пляс, не ограничиваясь повязыванием контрольных ленточек. Монеты и спичечные коробки, простые камешки и обыкновенные веточки — он раскладывал их как в подвале, так и в притворе, в самой кирхе и вне ее. С последним было труднее всего, но Эрих находил подходящие места, сводящие к минимуму вероятность чужого вмешательства. Опыт принес свои плоды. Все, что доставлялось в родной мир, упорно исчезало. В обратном случае объекты оставались на своих местах. Эрих пока не выяснил, кто и каким образом похищает у него предметы. Он даже установил автономную камеру наблюдения, но та в критический момент вышла из строя и ничего не зафиксировала. Мало-помалу он начал подумывать и о другой версии. Не исключено, что никто у Эриха ничего не крадет. Вещи пропадают сами в силу какого-то неизвестного ему обстоятельства. Разрушаются ли удерживающие их связи, развеивается ли некая суперилюзия, либо же причина совсем в иных факторах, о которых Эрих и помыслить не мог — это уже вопрос отдельный. Главное в новой теории было всякое отсутствие человеческого вмешательства.

Само собой, ни о чем таком молодой человек Хельмуту не распространялся. Вежливо распрощавшись, он обещал прибыть завтра в тот же час, когда появился сегодня, после чего отправился восвояси. Правда по дороге не удержался и все-таки забежал в фотоателье. Уж больно Эриху хотелось заполучить еще один сувенир, а по совместительству опытный образец, на который его навел старинный аппарат Хельмута. Мгновенных фотографий, понятное дело, в тридцать восьмом году еще не изобрели. Доплатив мастеру за срочность, Эрих решил забрать снимки на следующий день, чтобы совместить приятное с полезным, то бишь визит к Хельмуту с прочими делами. Затем молодой человек снова не утерпел и проследовал в переулок со сгоревшей аптекой. Раз ему нечего опасаться, то почему бы нет? М-да, обугленный дом производил весьма гнетущее впечатление. Провалы окон в черных закопченных стенах зияли подобно глазницам черепа. На дверном пороге лежала куча пепла. Такие же кучи виднелись внутри постройки, от которой остался лишь внешний каркас да перекрытия. Опаленный дымоход вздымался к небу иссохшей рукой мертвеца. На его вершине сидел иссиня-черный ворон и внимательно смотрел на Эриха. Близко тот не подходил, да было и незачем. Сделав несколько снимков на свой мобильник — ну и черт с ним, что толку от них нуль! — молодой человек покинул печальное место и заглянул в пивную, где тогда снял комнату, да так в ней и не

переночевал. Он немного побаивался быть узнанным, но ничего такого не произошло. За минувшие три недели его лицо совершенно выветрилось из памяти, если оно там вообще было. Выпив пару кружек пива, молодой человек угостился отличными ребрышками, и улучил момент спросить про пожарище.
— Да, было дело, — махнула рукой официантка. — Об этом даже в газете писали.
— Жаль, что я не читал, — вздохнул Эрих.
— А вы можете прочесть сейчас, если хотите, — неожиданно сказала эта пухленькая фройляйн. — У нас хранятся старые номера. У жены хозяина увлечение: она вырезает фотографии, статьи, и вклеивает в свой альбом. Больше всего она любит фото фюрера и собирает все с ним связанное.
Эрих не скривился только потому, что хобби этой неизвестной ему женщины пришлось весьма кстати. Можно было наведаться в какой-нибудь архив, где хранились копии всех печатных изданий, но к чему такие хлопоты, если все решается на месте? Кстати, попозже в этот архив все равно надо заглянуть хотя бы из чисто научного интереса, а пока стоит воспользоваться предложением официантки. Что молодой человек и сделал, поблагодарив ее монетой приличного номинала. Вскоре, вооружившись третьей кружкой пива, он уже изучал газету от двадцать второго мая. Пачка прессы, прихваченная тогда у Хельмута, была старая, а новой Эрих купить не догадался, отчего и оставался в неведении касательно аптеки. Теперь же он собственными глазами читал о происшествии трехнедельной давности, отраженном конкретно в этом издании.

Хельмут оказался прав — статья не содержала ничего особенного. Бытовой пожар, в результате которого сгорел дом по такому-то адресу, унес жизни стольких-то верных слуг рейха и фюрера — только и всего. Никаких упоминаний о нападении на еврейскую семью, стрельбу и смертоубийство. А ведь палили знатно! Эрих до сих пор помнил направленные на него пистолеты, не считая солдатских винтовок. Да и нацисты снаружи орали как резаные, познакомившись со слезоточивым газом. Как такое можно замять? Вероятно, Хельмут был прав. Свалить все на еврейскую семью не пришло время, а указать причиной трагедии перестрелку между "верными слугами фюрера" не лезло ни в какие ворота. Пожар и пожар, а если в огне взрывались боеприпасы — чего в этом удивительного? Сделав украдкой фотографию статьи, Эрих вернул газету официантке, довольной полученными чаевыми. Потом не спеша прикончил пиво с закуской, рассчитался и вышел на улицу. Подходило время отправления нужного автобуса. Приближался конец

двенадцатичасового цикла Аномалии.

Эрих вернулся к себе в тот час, когда и ожидалось. В преддверии выходных он отправился "на ту сторону" в пятницу вечером, отчего, в полном соответствии с Пространственным календарем, и прибыл туда утром десятого июня, а днем постучался к Хельмуту. Согласно расчетам, обратное путешествие на закате привело его в утро субботы. Субботы в своем родном мире. До следующего появления Аномалии оставалось двенадцать часов. Когда Эрих снова пересечет ее вечером, он очутится в Старой Германии уже одиннадцатого июня. Пространственный календарь — этот термин молодой человек присвоил совпадению дат, старательно расписанному им на отдельном листе, а заодно занесенному в смартфон и компьютер. Три недели назад он также уходил в Аномалию в пятницу и переместился в утро двадцатого мая. Вечер двадцать второго мая возвратил его в утро понедельника. Таким образом, простая математика доказывала: сколько дней Эрих проживал в своем Берлине, столько проходило и в Берлине Старом. И наоборот. Недавние экспериментальные перемещения точно вписывались в этот предполагаемый график. Календарь перестал быть чем-то неопределенным, и путешественник, сознавая установленную взаимосвязь, планировал вылазки с желаемой точностью. Отчего эта связь воплощалась именно в такой форме — Эрих понятия не имел, принимая ее как данность. Сейчас в его распоряжении было двенадцать часов, и он собирался употребить их с пользой.

На улице стояло самое начало июня — прекрасная пора, когда весна уже кончилась, а лето вроде бы вступило в свои права, но зелень все еще сохраняет первородную свежесть. Это позднее она поблекнет и потяжелеет, окутается пылью и согнется под своей тяжестью. Пока же каждый листок, каждая травинка струились жизнью, будто внутри их клеток светились крошечные огоньки. Даже птицы продолжали заливисто щебетать, пускай и не так как раньше. В городе, конечно, их пение можно было услышать только в парках, зато по окраинам его становилось гораздо больше, а на природе и вовсе хоть отбавляй. В начале лета была хороша любая погода — что безоблачно ясная, что гроза с проливным ливнем. Первая радовала солнечными лучами, тянувшимися с глубокого синего неба; вторая, после наплыва духоты, дарила удивительно чистый воздух, которым так упоительно дышать. А цветы особенно благоухают после дождя, распространяя незримый аромат и приятно волнуя обоняние. Обычно даже самый черствый человек нет-нет, да и поддается окружающему очарованию, даже если ему не присущи романтические порывы. Эриха же все эти

красоты природы сейчас не интересовали. Конечно он предпочел бы выбраться с Евой за город и отдохнуть где-нибудь на природе, наслаждаясь прелестями наступившего лета. Увы, ему приходилось заниматься кое-чем другим, и предстоящее дело вступало в резкий контраст с умиротворенным светом тянущейся к солнцу зелени.

Достать необходимые химикаты оказалось довольно просто. Имея в распоряжении склад компании, Эрих обладал полномочиями заказывать туда всякую всячину, если чего-то отсутствовало в наличии. В результате он без особых хлопот заполучил партию больших емкостей с кислотой и щелочью. Обосновать их в проекте было куда сложнее, но Эрих выпутался и здесь, соорудив подходящую легенду. Правильнее сказать, он вообще придумал этот небольшой экспериментальный проект исключительно для реализации собственного замысла. Накладные, позволяющие вывезти груз, старший инженер-взрывотехник мог штамповать пачками. Куда сложнее было доставить этот груз к себе в квартиру, но тут на помощь пришли житейские обстоятельства. Эрих ведь планировал ремонт, избавляясь от старой мебели и закупая всякую всячину. Полиция вела наблюдение за его домом, но откуда бы ей знать, что именно находится в привозимых коробках? Надписи на них не соответствовали надежно укрытому содержимому, а обыск Эриху вроде как не грозил. Во всяком случае, пока. Больше всего он боялся уронить свою ношу в процессе транспортировки. Если хотя бы одна емкость разобьется, это создаст колоссальные проблемы! Объяснить наличие агрессивных, опасных для жизни субстанций окажется крайне затруднительно, не говоря уже о последствиях. К счастью, перенос завершился без осложнений. Молодой человек собственноручно перетаскал все коробки в квартиру, причем сделал это не за одни сутки, а растянул транспортировку на несколько этапов. В конце концов, все было готово и ждало своего часа. Вернувшись из Аномалии, он сразу поехал к себе домой и приступил к работе, которую не стоило дольше откладывать.

Этот план Эрих придумал еще в ту злополучную ночь, когда соображал, куда девать мертвое тело. Ниша служила для него лишь временным пристанищем, сооруженным в кратчайшие сроки. Живи Эрих один, возможно он так бы и оставил застреленного неонациста в этом импровизированном склепе. Грядущее присутствие Евы исключало подобное развитие событий. У молодого человека все в душе переворачивалось, когда он представлял ее в домашнем халате в каком-то ярде от разлагающегося покойника. Ну уж нет, на это его совесть пойти не может! И пока девушка к

нему не переехала, следовало поторапливаться, в том числе из-за запаха. А запах уже был. К счастью, не слишком сильный, поскольку с ночи кончины Отто прошло всего несколько дней. Он не просачивался за пределы герметичного чехла, однако чем дольше тело оставалось внутри, тем невыносимее станет зловоние при его открытии. Первый ход на пути заметания следов уже состоялся. Одежду и личные вещи неонациста Эрих успел сжечь, как сжег и свой окровавленный наряд вместе с испачканными тряпками. Он сделал это тогда же, когда выехал за город и утопил пистолет с глушителем в подходящем водоеме. Туда же отправился и мобильник. Включать его было слишком опасно, а в остальном он перестал представлять интерес. Теперь единственной уликой против антифашиста служило мертвое тело. Его-то он и извлек из непроницаемого чехла, предварительно вскрыв нишу, и поместил в ванную. Выглядел Отто неважно. Несколько дней загробного отдыха, проведенные в теплом замкнутом пространстве, на пользу ему явно не пошли. К счастью, процесс разложения был в начальной стадии, не слишком травмируя зрение и обоняние. Тем не менее, в ванной потянуло мертвечиной. Противорвотные средства, принятые заблаговременно, удерживали Эриха от приступов неконтролируемой тошноты. Вытяжка пришлась очень кстати, выдувая тяжелый дух через систему вентиляции. Облаченный в специальный костюм химзащиты и кожаный передник, хранитель трупов принялся за работу.

Обстоятельства могут заставить человека пойти на то, чего он прежде считал для себя неприемлемым. Скажи кто-нибудь год назад, чем Эрих Сторм будет заниматься этим субботним днем — и он бы рассмеялся провидцу в лицо. А то бы и припечатал его хорошенько. Теперь же молодому человеку было не до смеха. То, что он вытворял, переходило все мыслимые границы. Однако Эрих стоически держал себя в руках. Иди речь только о нем самом — он бы наверняка сломался, не выдержав душевного испытания. Его моральные и физические качества имели свой предел. Но Эрих думал о Еве. Только это придавало ему сил, когда все его существо восставало против чудовищного процесса. Ева не должна узнать! Он не убийца — это была самооборона! Во имя их общего будущего, ради ее счастья эта трагическая случайность никогда не должна утянуть его на дно! Надо крепиться, надо выдержать, надо пройти эту последнюю милю! Тогда весь этот кошмар кончится! Во всяком случае, так твердил себе Эрих. О том, что с исчезновением тела означенный кошмар может отнюдь не прекратиться, перейдя из формы физической в воплощение духовное и сменив страх наказания людьми на пытку совестью, он сейчас не думал.

Он был слишком занят. Перепачканная пила рвала мертвую плоть, рассекала хрящи и жилы, с мерзким хрустом грызла кости. Из перерезанных вен сочилась то, что некогда было кровью. Зловонные жировые ткани стекали густой массой. Мышцы, тронутые процессами разложения, расползались под натиском стали. Каждый проход зубчатой кромки разбрызгивал частички гниющей органики. Ошметки синюшной кожи висели по стенкам ванной, налипая на пилу и костюм химзащиты. Как заклинание, Эрих мысленно повторял себе одно и то же, стараясь отрешиться от реальности. Он орудовал инструментами не хуже робота, пуская в ход электропилу там, где плохо справлялась обычная. Стрекот и визг электропилы мог доноситься до соседей, поэтому без очевидной необходимости злоупотреблять ей не стоило. Отделяя конечность за конечностью, Эрих складывал их в очередной мешок для строительного мусора, который уже мрачно окрестил мешком для трупов. С конечностями, кстати, было проще всего. Руки и ноги, разделенные по суставам, можно наглухо запечатать в полиэтилен и за несколько раз вынести из дома, как и голову. Кислота уничтожит отпечатки и сделает лицо неузнаваемым, а зубы неидентифицируемыми. Только куда прикажете девать торс? Его просто так из квартиры не вытащишь, а если уж уничтожать в ванной, так все вместе. Одним куском плоти больше, одним меньше, зато риск выноса полностью исчезал. Кислоты, раздобытой специально на этот случай, должно было хватить с лихвой. Если растворится тело, то с остальным она уж точно справится, а если нет, то невелика разница. Ванную, само собой, впоследствии потребуется заменить. Эрих не допустит, чтобы Ева купалась там, где он как свихнувшийся мясник разделывал покойника. Отвлекаясь на мысли о девушке, молодой человек чувствовал прилив сил, несколько раз едва его не оставивших. Кстати, сливные трубы в квартире также стоит потом поменять. Мало ли что там налипнет?

Закончив расчленять гниющего Отто, Эрих сделал небольшой перерыв. Он не злоупотреблял алкоголем, однако выпил солидную порцию горячительного, чтобы затуманить бунтовавший рассудок. Вторую порцию, поскольку первая была выпита перед началом омерзительных трудов. Несмотря на соблазн, напиваться вдрызг было нельзя — следовало сохранять точность координации движений и способность соображать, чтобы не пораниться пилой или не наделать глупостей. Выпитое спиртное действительно приносило определенный положительный эффект, хотя и не всегда. Больше всего впечатлений Эрих получил при отпиливании головы. Отделилась-то она быстро, зато стук, с каким она упала на пол и покатилась как кочан капусты, показался поистине оглушительным.

Что ж, вот и еще один эпизод для будущих ночных кошмаров.

Следующим этапом работы было непосредственное уничтожение тела, то есть органических останков. Именно для этого Эрих и припас агрессивные химические реагенты, воспользовавшись служебным положением. Вытащив торс мертвеца из ванной, он сложил туда конечности, распределив их по дну. Дальнейшая процедура без дополнительной защиты становилась невозможна, поэтому молодой человек надел маску. Она не просто закрывала лицо, а обеспечивала безопасность дыхания, так как фактически являлась противогазом, спасающим дыхательные пути от паров концентрированной кислоты и продуктов ее реакций. Такие обычно используются на предприятиях химической промышленности и иже с ними. Эту штуку также удалось раздобыть без особого труда, раз экспериментальный проект предполагал использование соответствующих субстанций. Да, Эрих успел хорошо подготовиться, вооруженный не только спецснаряжением, но набором знаний. Часть из них он успел проверить на различных тематических сайтах, заодно почерпнув кое-что полезное. Конечно там не писали как избавляться от трупов, но простейшие сведения о тех или иных реакциях были вполне доступны. Открыв емкость с концентрированной соляной кислотой, новоявленный химик начал осторожно выливать ее в ванную.

Против всяких опасений, особо бурной реакции не последовало. Ни плотных клубов ядовитого газа, фонтанами бьющего во все стороны, ни громкого шипения, ни неконтролируемого роста пены и выброса органических соединений не наблюдалось. Эрих старательно залил едкой жидкостью руки и ноги Отто, но не полностью, а наполовину. Во-первых, кислоты должно было хватить. Разъедаемая ткань сама станет оседать. Во-вторых, следовало экономить. Где он вам возьмет целых триста литров, чтобы наполнить ванну до краев? Поставив очередную емкость на пол, Эрих принялся шевелить останки толстой стеклянной трубочкой. Ну, кажется процесс пошел. Интересно, как долго он будет продолжаться? Таких сведений у молодого человека не имелось, а в интернете лучше не спрашивать. Вытяжка работала исправно, выдувая испарения прочь. Кислота с тихим шелестом проедала мертвечину, постепенно добираясь до костей. Поняв, что сейчас он может передохнуть, Эрих вышел из ванной, притворил за собой дверь и наглухо запечатал все щели скотчем, как сделал прежде, когда запирался внутри. Оттуда ничем не должно тянуть. Мало того, что запах, так еще химического поражения не хватало. Сам химик-любитель в противогазе, а соседи? В случае тревоги его наверняка застукают за отвратительным занятием, и вот тогда уже

точно свою невиновность не докажешь. Кстати, не пришел бы кто в гости! Это пугало даже больше возможных последствий работы с агрессивной химией. Пройдя в дальнюю комнату, Эрих снял противогаз, а затем, принюхиваясь на каждом шагу, осторожно вернулся к центру событий. Вроде бы все нормально. Чем-то, кажется, все же тянуло, но едва-едва. Вздохнув, Эрих снял костюм химзащиты, вернулся в комнату, запустил ноутбук и просидел за ним целый час, стараясь отвлечься от происходящего.

Поразительно! Сердце молодого человека аж подпрыгнуло от увиденного. Подпрыгнуло в хорошем смысле, если означенное словосочетание было вообще применимо в данных обстоятельствах. Когда Эрих открыл дверь, затрещав отдираемым скотчем, и проскользнул внутрь, его глазам представилось однородное месиво. Помешивание палочкой убедительно доказало — конечности Отто растворились! Снова залепив дверные щели по периметру, молодой человек перешел к следующему этапу плана. Сливать кислоту в сточные трубы было бы чистейшим безумием. Их разъедание, причем не только в пределах квартиры, просто гарантируется. Но как ее обезвредить? Для этого подходила простая химическая реакция, способная выручить в создавшемся положении. Часть емкостей, раздобытых Эрихом, содержала соляную кислоту, часть щелочь. Последней было несколько меньше, с поправкой на расход кислоты в процессе уничтожения тела. Совсем точных вычислений не требовалось. С учетом общего объема, если одна субстанция и не полностью нейтрализует другую, то ее концентрация все равно снизится до незначительных величин. Подхватив емкость со щелочью, Эрих принялся выливать ее в ванную. За последнюю, кстати, он ничуть не опасался. Обычную эмаль концентрированная кислота или щелочь разъели бы в сжатые сроки. Неслучайно на моющих средствах содержатся различные предупреждения, вроде: "Содержит кислоту — не использовать для чистки металлических эмалированных поверхностей". Эмаль по металлу, то есть та, которой покрывают чугунные ванны, кислоту не выдерживает, не говоря о длительном воздействии в высокой концентрации. Не лучше бы обстояло дело и с ванной из нержавейки. Эта сталь тоже успешно проедается соляной кислотой. Возможно, Эрих успел бы довести задуманное до конца, но ванна, изъеденная агрессивной средой, сама превратится в улику. Мраморная и вовсе не годилась — кстати, дорогая квартира вполне могла быть оснащена именно ей. Вздумай кто плеснуть кислоты на такой материал — и началось бы настолько эффектное шоу, что любо-дорого. На счастье Эриха, в его распоряжении оказалась ванна фарфоровая. Именно она и натолкнула тогда на мысль как избавиться от трупа. Фарфор

устойчив к воздействию соляной кислоты. Что же касается щелочи, то она сейчас вступала с ней в реакцию, на выходе которой образовывалась обыкновенная соленая вода. Вода с примесью органической массы из конечностей Отто. Она уйдет по трубам, унося с собой мерзкую, невообразимую субстанцию, и головная боль Эриха навсегда исчезнет в городских стоках.

Помешивание стеклянной палочкой долго не продолжалось. Индикаторы подтвердили, что "суп" готов. Кажется, молодой человек перелил щелочи, но ее концентрация, как и ожидалось, была незначительна. Открыв клапан, Эрих слил содержимое ванной, прислушиваясь к журчанию воды в трубах. Затем засунул торс мертвеца в освободившееся пространство и приступил к наиболее важной части своего плана. Не удайся первый пробный этап, Эриху пришлось бы вернуть останки обратно в нишу. Говорят, первый блин комом. Как бы не так! Все прошло просто отлично, вселив в молодого человека уверенность в успехе. Он очень устал, возясь с расчленением трупа и перетаскиванием емкостей, потел в костюме химзащиты и с трудом дышал через противогаз. Достигнутый результат придал ему новых сил, вызвав душевный подъем, пусть и морально ужасный в столь драматических обстоятельствах. Раскупорив очередную емкость, Эрих принялся выливать соляную кислоту, на сей раз не жалея ее количества.

Ванная комната, запечатанная скотчем, надежно удерживала опасные пары. Эрих налепил липкую ленту таким толстым слоем, что через нее попробуй пробейся. Эх, сейчас бы душ принять! К сожалению, второй санузел до сих пор функционировал лишь частично, поскольку у хозяина квартиры не было времени возиться с водопроводчиком. Тем не менее, вода там все же имелась. Пройдя к раковине, Эрих разделся и с наслаждением ополоснулся, смывая с тела пот. Растеревшись большим мохнатым полотенцем, он почувствовал заметное облегчение. Чашка горячего чая еще больше его подкрепила. Проклятье, неужели он становится чудовищем? Душевные терзания ослабли на порядок. Даже нервная дрожь улеглась, сменившись обычным волнением, причем волнением не из-за содеянного, а о том, как там идет процесс. Должно быть, это была реакция на стресс. Глотнув еще немного горячительного, Эрих опять устроился за ноутбуком, намереваясь провести ближайшие три часа за просмотром чего-нибудь отвлекающего. Большой телевизор на стену он еще не повесил, решив купить его вместе с Евой, поэтому по-прежнему довольствовался простыми удобствами.

А процесс действительно шел. Красноватый отблеск на стенках ванной, который Эрих приписывал мерзкой жиже, наливался

свечением. Казалось, будто засветилась сама кислота, неторопливо расщеплявшая торс Отто. Поверхность, покрытая тошнотворно пенящимися хлопьями, забурлила. Испарения, доселе неторопливо расползавшиеся в воздухе, приобрели совсем иной характер. Теперь они напоминали густой туман так насыщенный красным светом, будто под ним находилось жерло огнедышащего вулкана. Жидкость в ванной словно вскипела, исторгая со дна многочисленные пузыри. Тело мертвеца, покачиваясь в плескавшихся волнах, начало оседать. Процесс растворения органики пошел семимильными шагами. Соляная кислота, прежде медленно поедавшая плоть, начала пожирать ее прямо на глазах. Она была подернута плотной дымкой, под которой все ярче разгоралось красное сияние. Пока испарения, формируясь в клубы и струйки, вздымались, торс мертвеца уверенно опускался. Свечение становилось все интенсивнее, будто где-то под ним вспыхнул прожектор, непрерывно набиравший мощь. В считанные минуты останки Отто полностью погрузились в кислоту, разъедаемые невиданными темпами. Бурная реакция продолжалась, выбрасывая пену и пузыри. Тихое шипение, сопровождавшее весь процесс, никак не соответствовало скорости уничтожения трупа. Этому вообще мало что соответствовало. Доведись Эриху увидеть происходящее, он бы опешил не меньше чем после знакомства с Аномалией. Торс, окруженный алыми переливами, распадался куда быстрее, чем это могла бы сделать соляная кислота. Казалось, в ванную проникла некая сила и превратила ее в ведьмин котел, заставив нарушить все законы природы. Стены и потолок озарялись багровыми тонами. По ним гулял странный отблеск, невероятно похожий на тот, что объявился при сносе здания на первом объекте Эриха, а позднее в ангаре D-16. Он же распространялся сейчас по системе вентиляции и проникал в сточные трубы. Пол ванной комнаты, овеянный красными, колеблющимися лучами, вычищался сам собой, ликвидируя следы органики и химии. Мерцание, насытившее все внутреннее пространство, обеззараживало воздух. То, что представляло прямую опасность, неведомым образом исчезало. Сама же ванна продолжала бурлить и светиться, поглощая лежавшее в ней тело. Буруны, вырывавшиеся со дна, били настоящими фонтанами, но за пределы агрессивной среды не проливалось ни единой капли. Выброс испарений зашкаливал, но те без каких-либо последствий полностью удалялись вытяжкой, устремляясь к ней будто по собственному почину. Все помещение наполняла летучая взвесь, отливавшая красным так, как отливало и все остальное. Внезапно неведомый прожектор в ванной погас. Поверхность кислоты успокоилась, пена с шелестом разошлась. Больше ни один пузырь не

поднимался из глубины, выбрасывая очередную порцию едкого газа. Всякие испарения прекратились, и в считанные секунды были высосаны в вентиляцию до последнего атома. Теперь ванная комната вновь выглядела совершенно естественно, если не считать растворенного трупа. Трупа, превратившегося в однородную органическую жижу.

Эрих решил так: спустя три часа он проверит, как идет процесс. Если недостаточно быстро, то вечерний визит в Аномалию очевидным образом отменяется. К Хельмуту он заглянет в другой раз, а запас времени позволяет возиться с телом Отто еще больше суток. Если же торс не удастся уничтожить и за этот срок, Эрих отправится на работу, оставив соляную кислоту пожирать мертвую плоть. Успех с конечностями доказывал, что рано или поздно та прикончит все без остатка. Просто масса рук и ног значительно уступала массе торса, как по объему, так и структуре. Больше всего Эриха беспокоили кости, но если уж кислота растворила берцовые, да всего за час, то с остальными уж точно справится. Позвоночник рано или поздно разъест, не говоря уже о ребрах. Рассуждая таким образом, молодой человек вновь облачился в костюм химзащиты, нацепил противогаз и прошел в ванную комнату. Увиденное поразило его до глубины души. Не веря своим глазам, Эрих взял стеклянную палочку и, затаив дыхание, принялся проверять результат воздействия кислоты. Тот превзошел все ожидания. Торс исчез полностью, распавшись на набор органических веществ. В ванной находился точно такой же "суп", как и в прошлый раз, разве что став куда гуще и разнообразнее. Невероятно! Орудуя палочкой, Эрих изумлялся достигнутому результату, причем достигнутому в кратчайшие сроки. Он бы и сам в это не поверил, если бы не видел собственными глазами. А с очевидными фактами не поспоришь. В какой-то момент молодой человек было призадумался, как такое вообще возможно, но тут же отмел эту мысль как никчемную. Какая, в сущности, разница? Главное, что все получилось, а уж каким именно образом — не имеет значения. Если он и ошибся в расчетах, то ошибся явно в лучшую сторону. Труп, отказывающийся растворяться, представлял бы другую крайность допущенного промаха, а уж коли его благополучно поглотила агрессивная субстанция, то зачем мозги ломать? Окончательно убедившись в благополучном завершении наиболее важной фазы, Эрих хотел приступить к нейтрализации кислоты щелочью, но передумал. Добавив еще "солянки", он взял голову Отто и бросил в содержимое ванной. Зачем же теперь возиться с ней отдельно? Голова, упав на затылок, уставилась на Эриха белками глаз, закатившихся под полуопущенные веки. Эрих поежился. Отводя

мертвый взгляд, он повернул ее лицом вниз, орудуя палочкой, а затем попытался утопить. Какое-то время голова сопротивлялась, выталкиваемая жутким месивом. Пыхтя, молодой человек продолжал нервно тыкать своим стеклянным инструментом, пока последняя часть Отто неожиданно не ушла на дно. Будто затянутая болотной трясиной, она скрылась в мгновение ока, издав сочный чвякающий звук. Эрих облегченно вздохнул. С головой он возился исключительно на нервах, загудевших как натянутые струны. Стресс, владевший им, принимал то одну, то другую форму, и сейчас, когда голова наконец-то утонула, все существо молодого человека охватило невероятное облегчение. Такое, словно с ней ушел и немой укор, взывавший к совести. Да, Эрих не убивал неонациста, но то, что он делал, по-своему было еще хуже, чем лишение жизни. Наше "я" выстраивают поступки и память о них. Все принятые решения оставляют свой отпечаток на психике и мышлении, формируя личность и порой кардинально меняя судьбу. Невозможно совершить нечто из ряда вон и потом жить прежней жизнью, будто ничего и не было. Даже если внешне все будет выглядеть именно так, где-то внутри человека произойдут невидимые изменения. Они, в свою очередь, способны вызвать новые развилки на жизненном пути, недоступные на прежнем. Том, что навсегда остался позади, уйдя в неизвестность сделанным на повороте выбором. Иными словами, какой-либо набор поступков может заставить человека с легкостью пойти на то, на что он вообще никогда бы не решился до них. Эрих Сторм, с тех пор как пересек Аномалию в первый раз, регулярно оказывался в различных ситуациях одна сложнее другой. Последовательно разрешая каждую из них, он начинал допускать такое, что прежде считал для себя неприемлемым и невозможным. Иногда начинало казаться, будто некто нарочно подсовывает ему один выбор за другим, преследуя неясную цель и подталкивая в неком направлении. Однако, даже если теоретически допустить подобное вмешательство, свой выбор Эрих всегда делал сам, ибо никто не мог осуществить это за него. Сделал он его и сейчас. Утопив голову Отто в кислоте, Эрих переступил в своем сознании очередную условную грань.

На растворение черепа было отведено два часа. Потягивая чай, молодой человек вел себя на удивление спокойно. Вместо нервного срыва и даже истерики, вполне возможной после расчленения и химического сжигания трупа, он ощущал странное безразличие. Ну, не то чтобы уж совсем безразличие, но доведись ему сейчас обойтись точно так же с дружками Отто — и Эрих осуществил бы это без малейших колебаний. Пока голова покойника исчезала в жгучих объятиях кислоты, он смотрел один из

своих любимых сериалов, и на сей раз полностью отвлекся происходившим на экране действием. Отвлекся настолько, что о вышедшем сроке ему напомнил запищавший будильник. Поставив видео на паузу, молодой человек нацепил свое снаряжение, вернулся в ванную комнату и не обнаружил там никаких фрагментов черепа. С волосами и плотью он был разъеден полностью, не оставив даже осколка кости. Отложив стеклянную палочку, Эрих подхватил емкость со щелочью и стал выливать ее в фарфоровое вместилище для трупов. Опустошив первую, он взялся за вторую, а покончив с ней — третью. Он занимался этим так деловито, словно выполнял должностные обязанности на химзаводе: вылить бочку туда, засыпать раствор сюда, а затем пойти покалякать о том, о сем с такими же работягами.

Перемешивать столь значительный объем кислоты и щелочи пришлось гораздо дольше, нежели прежде. Результат, тем не менее, получился точно такой же. После всех манипуляций ванную наполняла обычная соленая вода, не считая слабой примеси щелочи и массы органических компонентов. В последний момент Эрих испугался, что мерзкая густая жижа забьет сточную трубу. Обошлось. Бодро журча, содержимое ванной исчезало в канализации, раз и навсегда решая проблему мертвого тела. Когда оно ушло полностью, исключая катившиеся по стенкам капли, всего и оставалось, что навести кругом полный порядок. Это была самая легкая, заключительная часть работы, поскольку Эрих заранее вынес из ванной комнаты абсолютно все, что не относилось к сокрытию трупа. Залив двери герметиком, он обработал все специальными составами, один из которых нейтрализовал возможные остатки кислоты, а другой щелочи. Потом следовало полить абсолютно все поверхности из душа. В распоряжении Эриха имелось достаточно тряпок, хорошо впитывающих влагу, чтобы собирать стекавшую воду и отжимать ее в раковину. Помещение было очень просторным, чтобы он с комфортом и без помех провернул весь план от начала до конца, закончив его самым последним элементом — просушиванием при помощи фена. Когда Эрих снял противогаз и химзащиту, ванная комната обрела свой привычный вид, будто в ней сегодня и не растворяли мертвое тело при помощи очень агрессивных химикатов.

Оставшиеся емкости с кислотой и щелочью молодой человек убрал в дальнюю комнату. Сами по себе они не представляли ничего особенного, даже если их случайно найдет следователь. Понятно, что этого лучше избежать, но в целом проблема была решена. Выпив еще стаканчик спиртного, Эрих блаженно растянулся на диване. Он только что принял душ и теперь благоухал свеже-

стью, источаемой душистой пенкой для тела. Полежать в ванной оказалось бы куда приятнее, однако сразу после трупа это было перебором даже для новоявленного расчленителя. Часы отсчитывали минуту за минутой. Прикрыв глаза, Эрих задремал, проглотив полтаблетки снотворного. Он здорово устал, и до визита в Аномалию следовало вздремнуть. Так как уничтожение тела завершилось очень быстро, в его распоряжении оставалось еще несколько часов, и их следовало потратить на необходимый отдых. О том, каким образом ему удалось провернуть столь непростую задачу с такой легкостью, молодой человек, засыпая, даже не думал. Не думал он и о том, отчего стальные детали на стоках ванной ни в малейшей степени не пострадали, как не пострадали заглушка и цепочка. Ванна была фарфоровой и не подвергалась воздействию ни кислоты, ни щелочи, но они-то нет. Их Эрих совершенно упустил из виду, как не принял во внимание и вытяжку. Точнее, как раз принял, но недостаточно прозорливо. Попадая в систему вентиляции, пары концентрированной соляной кислоты и продуктов химических реакций могли привести к непредсказуемым и даже печальным последствиям. Ничего такого не произошло. Все закончилось вполне благополучно. Эрих даже не понял, насколько подозрительно он сумел довести свой жуткий план до конца. Красное свечение, оставшееся незамеченным, избавило его от всех недочетов, на корню уничтожив все угрозы и растворив кости в невиданные сроки. А и увидь его Эрих, он бы и здесь объяснил происходящее влиянием пресловутой Аномалии или чего-то с ней связанного. И был бы, кстати, прав.

* * *

Эрих не разбирался в документах Германии тридцать восьмого года. Получив их от Хельмута, он полагался на качество подделки исходя исключительно из его заверений. Очень хотелось верить, что эти заверения соответствуют истине. Если Эриха где-нибудь остановят, как в сгоревшей аптеке уже может и не повезти. Собственно, удостоверение личности и было одной из причин, по которой путешественник до сих пор не совался в центр Берлина. Точнее, его отсутствие. Теперь, вооружившись подходящими бумагами, некоторой долей осторожности можно и поступиться. Покинув дом Хельмута, Эрих прямиком отправился к ближайшей станции метро и поехал к правительственному кварталу.

Впечатлений, полученных за те сутки, хватило бы на много лет вперед. Ни один курорт, ни один музей мира не был способен так поразить жадный взор Эриха Сторма. Он прямо-таки пожирал

глазами открывавшиеся ему достопримечательности, по сути представлявшие ожившую вдруг историю. Он бы и в Рейхстаг полез, да все же не решился с первого же раза идти нахрапом. Быть может, позже. Пока ему было достаточно кружить по Берлину, заглядывая в такие места, где лицо, казалось, овевало само время. Вот бы показать кому эти фотографии!.. Эрих дал себе слово, что обязательно попробует продемонстрировать их Еве. Попробует еще раз. Может быть, воздействие Аномалии, укрепляясь в его сознании, станет более значимым, чтобы приносимые из нее вещи обрели полноценную реальность. Пожалуй, следует невзначай подсунуть девушке и какую-нибудь вещь: монетку, марку, открытку. Да, теперь, пожалуй, стоит! Обдумав все как следует, Эрих наконец-то на это решился. И если подруга вступит в осмысленный контакт с принесенными вещами, тогда, как знать, быть может, он и откроет ей правду. Ну или хотя бы часть правды. Обуреваемый такими мыслями, молодой человек едва не покинул Старый Берлин досрочно, но сдержался. Куда Ева из своей палаты денется? Ему же лучше не спешить, посвящая каждый выдавшийся час удивительному путешествию. Документы, состряпанные Хельмутом, пришлись как нельзя кстати, доказывая сразу два утверждения. Во-первых, Эрих правильно делал, что прежде не совался в центральные районы Берлина и особенно правительственный квартал. Там его остановили, внимательно изучив потребованные бумаги. Инженер-строитель не вызвал подозрений. Более того, он внушал уважение. Эрих спокойно прошел дальше, пока люди в форме уже останавливали кого-то другого. Во-вторых, Хельмут не солгал. Подделка была идеальной. Эриху пришлось показать документы еще раз, когда бдительный патруль проявил к нему интерес на одной из главных улиц столицы. Кажется, это было связано с трудовой повинностью. Все печати и подписи стояли на своих местах, так что его оставили в покое без малейших заминок. Кому-то повезло меньше. Эрих, отдыхавший за кружкой отменного пива, видел, как полиция задержала какого-то человека и посадила в машину. Разгул нацизма и его символика, развешанная только что не на небе, антифашиста по-прежнему нервировала, но он дал себе слово посвятить эти сутки исключительно научному интересу. С остальным можно и повременить. С чем именно — Эрих и сам пока не знал, размышляя над своими дальнейшими действиями.

Размышляла над ними и Ева. Она вовсю поправлялась, и близился день, когда больничная палата наконец-то останется в прошлом. Ее отец уже договорился с пластическим хирургом об операции на коже лба — сущие пустяки, как отзывался об этой процедуре опытный специалист. Кроме того, девушку ждал и хоро-

ший стоматолог. Зубы, выбитые подонками, заменят так, что разницы никто и не заметит. Правда и то и другое влетит в приличную сумму, но здесь свой вклад внес Эрих. Не располагая временем лично заниматься реабилитацией Евы, он вручил львиную долю суммы ее отцу, и тот принял деньги с искренней благодарностью. Благодарна была и девушка. Она не строила из себя ханжу, отталкивая этот жест. Как будущая супруга, Ева имела полное право на подобное внимание Эриха, и не собиралась им пренебрегать. Со своей стороны она обещала себе сделать все возможное, чтобы превратить их общий дом в уютное гнездышко, где муж, приходя с работы, сможет полноценно и с удовольствием отдохнуть. Водя карандашом по большому блокноту, Ева старательно воплощала свои фантазии, пока хотя бы на бумаге, и изрисовала уже уйму листов. Там были различные наброски интерьера, список покупок, изображение предметов обстановки и многое другое. Еще не имея возможности жить полноценной жизнью, девушка жила ей в своих рисунках, коротая время до окончательного выздоровления. Мысленно Ева была уже там, с Эрихом, в их новой квартире, которая только и дожидалась, когда будущая фрау Сторм переступит порог.

Теперь родители уже не дежурили с ней круглосуточно. Морально окрепшая девушка могла обойтись без постоянного присутствия кого-то из близких. Правда, врачи все еще запрещали ей сидеть в интернете, чтобы психика пациентки не подвергалась потенциально пагубному воздействию. Ева даже Эриху звонила с ведома родных, старавшихся оградить дочь от нежелательных контактов. Не от Эриха, разумеется, а вообще. Обычно он всегда отвечал, исключая те случаи, когда пропадал в некоторых командировках, а девушка скучала, не слыша знакомого голоса. Позвонить ей давали, но интернет оставался недоступен. Его, как услугу, попросту отключили. Отсутствие интернета не позволяло Еве полноценно контактировать с внешним миром. Она не зависела от всемирной паутины, прекрасно совмещая живое общение с виртуальным, но ведь живого-то у нее последние недели было раз, два и обчелся. А тут еще и без сети оставили! Ударившись в рисование, девушка коротала долгие часы, разделяя их между карандашом, телевизором и книгами. Обычными печатными книгами, приносимыми ей из дома. Вот и сейчас, отложив блокнот и карандаш, она потянулась к тумбочке, на которой лежало несколько романов. Последний рисунок изображал гостевую комнату. Не всю ее целиком, а часть, где Ева запечатлела возможный интерьер с учетом откидной кровати. Это будет очень удобно: если приглашенные гости останутся ночевать, стол и кресла на колесиках от-

катываются в сторону, а опустившаяся кровать возникает как по волшебству. Если уж архитектор придумал подходящую нишу, отчего же не воспользоваться ей наиболее оптимальным образом? Пальцы девушки пробежали по стопке книг, коснулись нужного корешка и попытались потянуть его на себя. Не хватило какого-то дюйма. Привстав на кровати, Ева вторично протянула руку и уронила блокнот с рисунками. Сползя с одеяла, он с тихим шлепком упал на пол. В этот момент, словно среагировав на раздавшийся звук, погас свет.

Эрих вернулся из Аномалии в ночь на понедельник. С собой у него был целый ворох различных трофеев, которые он собирался поместить под камеры наблюдения, а заодно показать своей подруге. Покинув кирху, молодой человек как обычно прошел подальше от приметного квартала, и вызвал такси. Назвав адрес, он уже тронулся с места, когда на смартфон одно за другим посыпались сообщения. По ту сторону Аномалии связь из родного мира отсутствовала, поэтому никаких звонков Эриху в принципе не поступало, как и СМС. Кто-то, так и не сумев дозвониться до молодого человека, отправил ему несколько посланий крайне примечательного содержания. Когда Эрих объявился в сети, эти послания наконец-то достигли искомого абонента. Прочтя их, он изменился в лице и вне себя от нахлынувших эмоций назвал таксисту совершенно другой адрес.

Часы показывали около четырех ночи, когда Эрих прибыл в больницу и вихрем прилетел к палате Евы. Та была пуста. Срывающимся голосом он спросил дежурную, куда подевалась пациентка, одновременно набирая номер ее матери. Получив информацию, Эрих ринулся куда было сказано.

Ева оказалась в реанимации. Она не приходила в сознание с тех пор как ее обнаружили на кровати. Обнаружили после того, как во всем крыле восстановилась подача электроэнергии. Датчики с девушки уже сняли, поэтому никаких тревожных сигналов на пульт медсестер не поступало. Когда зажегся свет, одна из них на всякий случай стала обходить всех пациентов. Требовалось убедиться, что с ними все в порядке. Ева лежала в неестественной позе. Руки и ноги были раскинуты, а голова свешивалась с измятой постели. Измятой так, будто произошла борьба. Подушка, блокнот с рисунками и карандаш валялись на полу вместе с одной из книг и рассыпанными шоколадными конфетами. Медсестра немедленно подняла тревогу. Дежурный врач, прибежавший на вызов, определил, что девушка жива, но ни на что не реагирует. Дыхание оказалось затруднено, пульс еле прощупывался. Она была холодна, а по лицу разливалась мертвенная бледность. Жизнь ее

едва не покинула и теперь трепетала в неподвижном теле, вися практически на волоске. Всерьез встревоженный доктор велел перевести девушку в реанимацию и подключить к аппаратам жизнеобеспечения. У пациентки немедленно взяли анализы и в экстренном порядке отправили в лабораторию. Результат был ошеломляющим — острое кислородное голодание. Каким образом такое возможно, никто и понятия не имел. Врачи только руками разводили. Если бы, к примеру, на Еву действительно напали и попытались задушить, подобное развитие событий вполне допускалось. Лишив жертву воздуха, злоумышленник не успел ее убить или не захотел. Или решил, что она уже мертва и покинул место преступления. Девушка выжила, но впала в бессознательное состояние, в котором и пребывала, опутанная проводами медицинского оборудования. Вот только вся версия была ни к черту. Во-первых, никто не слышал ни криков, ни шума борьбы. Во-вторых — и это главное — из палаты Евы никто не выходил, а окна оставались заперты. Когда погас свет, отключились и камеры видеонаблюдения, однако полицейский, дежуривший поблизости, никуда не делся. Он сидел на диване в нескольких ярдах от двери и листал журналы, поглядывая вокруг. Да, формально он мог пропустить входящего человека, если тот успел прошмыгнуть буквально за несколько секунд, но ничего более. Включив фонарик, полицейский поднялся и встал возле палаты, светя по сторонам, а также связался с другими постами. Все было тихо, исключая суету из-за исчезнувшего освещения. Он держал оружие наготове до тех пор, пока лампы не зажглись вновь и обстановка не пришла в норму. Позднее появилась медсестра, которая, зайдя к пациентке, и обнаружила ту в столь удручающем состоянии. Все это время из палаты не раздавалось ни единого звука.

Отчего в крыле исчезла подача электричества также никто не знал. В экстренных случаях больница переходила на энергию с резервного генератора, но этого почему-то не произошло. Более того, камеры видеонаблюдения имели собственный источник питания, не зависящий от всего остального. Они были обязаны работать, раз работала вся система охраны. Тем не менее, камеры необъяснимо отключились, и всполошившиеся техники уже вовсю ломали головы, выискивая причину крайне неприятной неполадки. Всполошилась и полиция. Формально следов насилия никто не обнаружил, равно как не тронул и других охраняемых пациентов. У девушки мог приключиться какой-нибудь припадок, причем спровоцированный именно пропавшим освещением. Тем не менее, памятуя об опасных злоумышленниках, полиция прислала в больницу усиленные наряды, и те проверили каждый дюйм. Ничего.

Удвоив пост у реанимации, где лежала едва живая Ева, вызванные стражи порядка покинули здание, так никого и не обнаружив. Приоритетной оставалась версия о припадке, которую условно разделяли и врачи, но только условно. Не имея на руках доказательств, они продолжали искать ответ в анализах, предпочитая не писать вилами по воде, а иметь дело с чем-то более существенным. Пациентка действительно могла испытать тяжелый психоз, особенно после всего пережитого. Ведь не случайно ее ограждали от всяких волнений и даже запрещали доступ в интернет. Тем не менее, что-то в этой клинической картине не клеилось. Медики не ожидали именно такого развития событий, не находя к ним выраженных предпосылок. Углубленное изучение новых анализов, возможно, раскроет им истинную причину произошедшего.

Сидя у постели несчастной девушки, Эрих смотрел на ее лицо с невыразимой болью. Да что же это?! Чем же провинилась Ева, чтобы на ее долю выпали такие испытания?! Она ведь уже поправлялась! Поправлялась настолько, что Эрих решил посвятить ее в историю с Аномалией, и тут на тебе! Силы небесные, только бы с любимой ничего больше не случилось! Только бы она пришла в себя и вновь одарила его ласковой улыбкой! Держа в ладонях пугающе холодные пальцы Евы, Эрих скрежетал зубами, сдерживая слезы. Ее родители были здесь же, но он их не видел, целиком и полностью сконцентрированный на трепете жизни подруги. Час проходил за часом, а та все не шевелилась и не приходила в себя. Застыв на стуле, Эрих потерял счет времени. Лишь поздно утром он, поникший и осунувшийся, поехал на работу. Сам Эрих и с места бы не сдвинулся, но на этом мягко настоял отец Евы. Его дочь наверняка не хотела бы, чтобы жених потерял должность из-за бдения возле ее ложа. Так не лучше ли последовать этому желанию, раз уж помочь тот все равно не в силах. Если Ева придет в себя, Эриху тут же дадут знать, а сейчас пускай он исполняет свой долг, пока врачи исполняют свой. Отец девушки ничуть не выгонял будущего тестя, окончательно забыв о прежнем отношении. Он говорил совершенно искренне, и Эрих это видел. Именно поэтому, согласившись с прозвучавшими словами, молодой человек покинул больницу и сел в такси, отправившись в офис как на каторгу.

День прошел будто в тумане, практически не задержавшись в памяти. Эрих смахивал на сомнамбулу, выполняя какие-то действия едва ли не по инерции. Он оживал лишь тогда, когда раздавался телефонный звонок. Хватая мобильник, молодой человек каждый раз надеялся и страшился одновременно. Надеялся на добрые вести и страшился дурных. К абоненту не имевшему отно-

шения к Еве он тут же терял всякий интерес, порой просто не отвечая. Если же Эрих снимал трубку, его голос мало чем отличался от голоса какого-нибудь робота. В нем не было ни приветливости, ни вежливых интонаций, но при этом также отсутствовали раздражительность и досада. В нем не было ничего. Он словно зачитывал текст, заученный наизусть, не выражая абсолютно никаких эмоций. Таким же образом Эрих разговаривал и с изредка приходившими к нему коллегами. Отдельный кабинет позволял избегать их постоянных взглядов, поэтому никто особо не заметил, в каком подавленном состоянии пребывает господин Сторм. Два звонка от родителей Евы не сообщили ничего нового. Состояние девушки оставалось без изменений. Эрих, с трудом досидев до конца рабочего дня, сразу же помчался в больницу. Там он узнал, что подруга находится в коме, а врачи не берутся делать каких-либо прогнозов. Ева могла очнуться как через час, так и уже никогда. Сраженный этой вестью, Эрих провел у ее постели весь вечер и только за полночь поехал домой. Отдых становился ему критически необходим. Разум и тело, утомленные до невозможности, едва держались, грозя сдать в любой момент и требуя передышки. Ощущая вялость в конечностях, Эрих едва не дошел до галлюцинаций — так устал его мозг, переживавший стресс за стрессом. Должно быть, именно это и навеяло очередной кошмар, приснившийся молодому человеку, едва ему удалось смежить веки.

Стояла кромешная тьма, поскольку отключилось не только освещение, но даже медицинские приборы. Они больше не моргали разноцветными огоньками и не светились панелями управления со шкалами и цифрами. Дежурная лампа не зажглась. С улицы также не проникало ни единой искорки. Плотно задернутые шторы не пропускали ничего, окончательно лишая возможности что-либо рассмотреть. Глаза не различали и кончик собственного носа, не говоря уже о предметах хотя бы в пределах ярда. Окружающее пространство утонуло во мгле, такой же плотной и тяжелой, как воды мирового океана на дне самой глубокой впадины. Многие люди боятся темноты. Боятся ее саму по себе, хотя говорят, что причины этого страха подсознательно кроются в потенциальной опасности, скрывающейся под ее покровом. Даже если там никого нет, тревожное ощущение сохраняется просто потому, что оно вызвано окружающей неизвестностью. Обычно оно ничем не оправдано, порождаемое исключительно разыгравшимся воображением. Обычно.

В палате кто-то был. Его незримое присутствие проявлялось не шорохом шагов и не тихим дыханием. Оно угадывалось неким дуновением, едва овевавшим кожу, а если и не кожу, то не иначе

как саму душу, наделенную шестым чувством. Это чувство, уловив нечто неведомое, посылало сигналы опасности в мозг, еще не пришедший в себя от внезапного наступления темноты. Утратив зрительное восприятие, он пытался сконцентрироваться на звуках. Откуда-то из коридора доносился шелест шагов и едва слышный гул далеких голосов. Где-то за окном, судя по слабой вибрации, проехал грузовик. Из полицейской рации охранника то и дело раздавались тихий треск и неразборчивые голоса. Некто, возникший во тьме, не издавал ни малейшего шума. Он сливался с ней в единое целое и одновременно представлял собой обособленное образование. Айсберг, плывущий в океане, суть замерзшая пресная вода в окружении соленой. А если представить, что эта вода не замерзла, но самостоятельно перемещается куда пожелает, даже и не думая смешиваться с солеными волнами?.. Нечто похожее происходило и сейчас. Тьма придвигалась к больничной кровати, на которой сидела девушка. Застигнутая врасплох погасшим освещением, она моргала невидящими глазами и пыталась нашарить рукой смартфон. Экран, зажженный прикосновением пальцев, даст достаточно света, чтобы видеть все вокруг. Как назло, мобильник завалился в складки одеяла и никак не нащупывался. Ища запропастившееся устройство, девушка неторопливо хлопала ладонью по постели, боясь неосторожным движением уронить его на пол так же, как уронила блокнот. С каждой секундой ей становилось все неуютнее. Она не то чтобы боялась темноты, но сейчас ее охватило какое-то странное ощущение. Всколыхнувшись в груди, оно росло, причем по совершенно непонятной причине, и будто сигнализировало об опасности. Только чего здесь бояться? В палате девушка одна, за дверью дежурит полицейский, а все здание надежно охраняется. Испугаться отключения света — это же детский сад, честное слово. Еще не хватало заголосить и начать призывать людей лишь потому, что ты большая трусиха и все еще не владеешь собой. Так интернет вообще никогда не разрешат, да и домой не выпишут. Успокаивая саму себя, девушка продолжала искать телефон. Вдруг она вздрогнула всем телом, уставившись невидящими глазами во тьму. Там что-то было. Не просто было — оно двигалось. Дуновение, пробежавшее по коже, холодило едва ощутимым прикосновением, но это прикосновение существовало в реальности, а не являлось плодом ее взбудораженного воображения. И этот холод стремительно нарастал. Оттуда, из кромешного мрака, к ней что-то приближалось. Приближалось как акула, расталкивая воды, только водами сейчас выступали черные волны несуществующей материи. Девушка замерла. Сердце быстро забилось, поддаваясь охватившему ее испугу. По спине побежали му-

рашки. Несколько секунд она боролась с собой, все еще не решаясь закричать и позвать на помощь. Потом стало поздно. Тьма ринулась к ней и окутала ледяным покрывалом. Некто невидимый и бесплотный жестоко схватил девушку за горло и сжал так сильно, что та уже не могла издать ни единого звука. Он не оставлял следов ни на коже, ни на внутренних тканях. Он словно проникал сквозь них, не затрагивая физическую плоть, но при этом перекрывал гортань как тисками. Дыхание девушки прервалось. Она даже не хрипела и не стонала. Для этого требовался хоть какой-то выход воздуха через дыхательные пути, а его не было. Леденящий душу страх пронзил все ее существо. Даже не страх, а настоящий ужас. Неизвестность — самое страшное из всего, что есть во вселенной, и сейчас эта неизвестность напала на нее самым прямым образом, выжимая жизнь из сопротивлявшегося тела. А оно еще как сопротивлялось! Руки девушки пытались оттолкнуть неведомого врага, оторвать его страшные пальцы от своего горла. Но пальцы ли? Скорее, некую упругую материю, не обладавшую выраженной структурой, но при этом способную концентрировать усилия. Ладони девушки неизменно наталкивались на что-то холодное, действительно похожее на человеческие конечности, но будто существующие и нет одновременно. Они частично поддавались натиску, а потом сводили все усилия к нулю, пресекая любое давление и восстанавливая форму как резина. Но кроме конечностей имелось и нечто иное. Оно обволакивало как мантия, расстилавшаяся в пространстве, и волны, пробегавшие по этой невидимой ткани, овевали все вокруг страшным холодом. Задыхаясь, девушка отчаянно боролась. Она молотила руками и ногами, стараясь достать неизвестного врага, вырваться из его страшных объятий. Одеяло сбилось. На пол полетел толстый роман вместе с наполовину исписанным карандашом. Следом отправилась и открытая коробка конфет, лежавшая на тумбочке рядом с книгами. Высыпаясь из коробки, они разлетались по полу, осыпая его шоколадным дождем. Все это происходило совершенно беззвучно. Удары девушки, приходившиеся в постель и тумбочку, заглушал отнюдь не матрас и прочие спальные принадлежности. Они будто приходились в вязкую среду, гасящую любое направленное в нее усилие. Каждое попадание кулака или стопы образовывало колыхавшийся эпицентр, от которого расходились круги незримого эфира. Расходились и угасали, полностью поглощая всю приложенную энергию. Но и это было еще не все. Роман, не долетев до пола, замедлил падение, мягко подхваченный развивавшейся мантией тьмы, и опустился на линолеум абсолютно беззвучно. То же произошло с карандашом и даже конфетами. Рассыпанные в полнейшем беспо-

рядке, они в беспорядке улеглись и на пол, просто сделали это как в замедленной съемке.

Сознание девушки помутилось. Нехватка кислорода, стремительно сжигаемого неистовой схваткой, начинала убивать ее с каждой секундой. Она яростно сопротивлялась, брыкаясь изо всех сил. Удары ног приходились в упругую пустоту. Неведомый враг относился к ним совершенно безучастно. С таким же успехом девушка могла избивать болотную трясину, засасывающую ее в свою ужасную глубину. Перед глазами возникли и стали шириться багровые пятна. Лицо, доселе овеваемое ледяным дыханием тьмы, ощутило жар. Должно быть, кислородное голодание вступало в очередную фазу, предвещая скорый конец. Удушаемый человек последовательно синеет и багровеет, а белки его глаз наливаются кровью. Физические процессы умирающего тела сменяются один за другим, всегда являя собой неизменную картину. Именно она и позволяет установить криминалистам точную причину смерти. Только на сей раз ничего подобного не происходило. Плоть девушки не подвергалась разрушениям, хотя была обязана это делать. Даже багровые пятна, заливавшие внутренний взор, были вызваны не только сбоем в работе мозга, погибавшего от нехватки воздуха. Каждый удар девушки в кровать или тумбочку, каждое падение предмета вызывало красноватую вспышку, будто в пространстве проступало доселе невидимое силовое поле. В этих всполохах вырисовывалась фигура убийцы. Одетый в неестественную мантию, не состоявшую из отдельных частей, но при этом и не цельную, он стискивал шею жертвы. Рукава обрамляли длинные языки, похожие на лепестки подсолнуха, только не желтые, а черные и стократ длиннее. Они обвивались вокруг горла девушки, скользили по ее лицу, опускались на грудь и колебались над головой. Колебались и полы мантии, расстилавшиеся вокруг целым морем бесплотной материи. Это ее волны подхватывали падавшие предметы и мягко приземляли на пол. Они же, вздымаясь и опадая, создавали потоки холода, проникающего не в плоть, но саму душу. Все — и мантия и ее полы были сотканы из чистейшего мрака, являясь его частью и при этом совершенно обособленным образованием. Лицо неизвестного… О да, у него имелось лицо, однако угасающее сознание девушки, уже находившееся в агонии, не могло разобрать черты. Лишь глаза, обращенные на нее, горели злым, безжалостным огнем. Глаза, похожие на человеческие, но принадлежащие какому-то абсолютно чуждому существу.

Вспышки красного света, озарявшие палату мимолетными отблесками, наконец-то явили врага. Выхватив пистолет, Эрих навел его на убийцу Евы и нажал на курок. Палату не сотряс гро-

хот, поглощенный глушителем, но пуля, вырвавшись из дула в ореоле пламени, метнулась к цели. Достигнув черной мантии, она пробила ее насквозь и вонзилась в плотные слои тьмы. Послышался тихий свист, похожий на змеиное шипение. Враг не отпустил девушку, но дернулся, пораженный свинцом. Новая красная вспышка и новый выстрел. Затем еще и еще. Каждый раз, когда палата освещалась мерцавшим барьером, Эрих, приближаясь, всаживал в чудовище пулю за пулей, разряжая магазин. Чудовище не оставалось безразличным. Вцепившись в Еву, оно извивалось из стороны в сторону, стараясь и держать жертву и уклоняться от выстрелов одновременно. Перемещая дуло пистолета, Эрих стрелял и стрелял, не давая ни единого промаха. Когда раздался сухой щелчок, он тут же перезарядил оружие и, стоя уже в какой-то паре ярдов от цели, спустил курок несколько раз подряд. Хватка неведомого существа наконец-то ослабла. Разрываемое пулями, оно уже не давило так, как прежде, а затем и вовсе отпустило девушку. Развернувшись к стрелку, черное нечто вскинуло свою мантию. Ее полы взметнулись как у ящерицы, угрожающе раскрывшей капюшон. Эрих, не дрогнув ни единым мускулом, выпустил оставшиеся патроны в это невообразимое тело. Каждое попадание выбивало фонтанчик тьмы будто перья из подушки, и вот уже эти фонтанчики стали объявляться и с другой стороны. Пули начали проходить навылет, разбивая медицинское оборудование и вышибая кирпичную крошку вместе со штукатуркой. Когда магазин вновь опустел, тварь, приподнявшуюся в воздухе, уже отбросило назад. Теперь она распласталась по стене в двух ярдах от пола, словно прибитый трофей. Полы раскинутой мантии напоминали крылья летучей мыши. Зарядив третью обойму, Эрих расстрелял ее в чудовище без остатка. Утрачивая форму, оно распадалось на части, издавая все то же змеиное шипение. Фрагменты разорванной субстанции растворялись во тьме, смыкавшейся в палате между вспышками. И вот уже от монстра остались лишь глаза в обрамлении колыхавшегося мрака. Последнюю пулю Эрих вогнал прямо в один из них, погасив плясавший там огонь. На мгновение наступила кромешная темень, не озаряемая более ни единой искрой. И тут же зажегся свет. Бросив пистолет, глухо стукнувший при падении на пол, Эрих бросился к Еве, раскатывая по линолеуму звенящие гильзы. Девушка лежала неподвижно, раскинув руки и ноги. Голова безвольно свешивалась с постели, а закрытые глаза не трепетали ни единой ресницей. Тело было ужасающе холодным. Схватив любимую за плечи, Эрих приподнял ее и прижал к себе, силясь привести в чувство. Увы, это оказалось невозможно. Грудь девушки не вздымалась даже от самого слабого дыхания,

пульс не прощупывался. Теперь никто и ничто было не в силах вернуть ее к жизни. Ева умерла.

С отчаянным криком Эрих вскочил на диване, блуждающим взором озираясь по сторонам. Перед его глазами все еще стояла больничная палата, и лишь спустя несколько секунд дурман развеялся, явив озаренную ночником спальню. Трясущейся рукой Эрих пригладил всклокоченные волосы. Его била дрожь, а по спине стекали крупные капли пота. На лбу и висках выступила испарина. В ушах далеким эхом перекатывалось змеиное шипение, в котором, к ужасу молодого человека, проступали едва слышные, но все же различимые слова. Слова, услышанные им при выходе из сна.

— Это ты ее убил, — шипело нечто, в клочья разнесенное пулями. — Ты сам. Не надо было вмешиваться.

Эриха охватило дурное предчувствие. Продолжая дрожать всем телом, он схватил телефон и, невзирая на время, позвонил родителям Евы. У него мелькнула страшная мысль, что привидевшийся кошмар служит вестником самого худшего. На вызов ответил отец девушки. Его голос был очень усталым, но он не выказал никакого раздражения, понимая волнение молодого человека. Нет, с Евой все в порядке. Ну, в смысле без изменений. Повесив трубку, Эрих отложил смартфон и некоторое время не двигался, положив ладони на голову. Память уже забывала жуткий сон, но перед внутренним взором кружили его отдельные обрывки, а тело трясло как в лихорадке. Окончательно стряхнув наваждение, Эрих прошел в ванную и проглотил сразу несколько таблеток успокоительного. После этого он забрался в душевую кабину и с полчаса сидел под теплыми струями воды, обхватив руками колени.

До утреннего пробуждения кошмар успел повториться вновь, развиваясь примерно по той же схеме, но с заметным отличием. Эриху не удалось поразить врага. В решающий момент оружие заклинило, как заклинивало его у нацистов. Пока молодой человек перезаряжал пистолет, вытаскивая застрявший патрон, чудовище сделало свое черное дело. Когда Эрих вновь открыл стрельбу, оно уже исчезало, растворяясь в сгустившемся мраке. Швырнув в него подкачавший ствол, молодой человек бросился к Еве. Та еще дышала. Ее сердце едва билось, но все же она была жива! Обвив подругу руками, Эрих прижимал ее голову к груди и отчаянно звал на помощь. Прибежавшая медсестра позвала врача, а тот, оттеснив жениха пациентки, стал хлопотать над девушкой и велел везти ее в реанимацию.

Вечер застал Эриха в больнице. Теперь он выглядел куда бодрее, наконец-то услышав добрые вести. Состояние Евы улучши-

лось. Жизненные показатели были в норме, а тело перестало напоминать кусок льда. Она по-прежнему не приходила в себя, но врачи оценивали общую динамику положительно, осмеливаясь давать благоприятный прогноз. Если организм все же справился с перенесенным потрясением, есть хорошие шансы, что девушка выкарабкается. Они еще не знали, насколько пострадал ее мозг, но активность испускаемых им волн внушала оптимизм. Эрих облегченно переводил дух. Он очень боялся, что Ева, даже если выживет, превратится в овощ. Это было бы наихудшее развитие событий — хуже самой смерти. Уж лучше сразу умереть, чем годами лежать одной лишь телесной оболочкой без капли разума. Эрих не пережил бы этого, пустив себе пулю в голову. Кстати о пуле! Размышляя о недавнем сне, оставившем тяжелый осадок, но уже практически забывшемся в деталях, он пришел к определенным выводам. Вероятнее всего, причиной кошмара послужил страх за Еву. Эрих уже дважды не сумел ее защитить, и как он собирается делать это в следующий раз? Даже с Отто удалось справиться лишь по чистой случайности, а на охрану полиции, учитывая все уже приключившееся, полагаться явно не стоит.

Поцеловав неподвижную Еву, Эрих покинул больницу около полуночи, однако домой не поехал. Набрав чей-то номер, он долго ждал, пока в трубке шли гудки. Когда же ему, наконец, ответил настороженный голос, Эрих негромко произнес, что надо встретиться. На эту встречу он и отправился, вызвав такси с пересадкой.

— Чего надо? — спросил, приоткрыв дверь, тощий тип, окинув позднего гостя подозрительным взором.

— Ствол, — твердо заявил Эрих, глядя глаза в глаза.

— Да неужели? — без всякой иронии удивился тощий. — Ты же вроде не хотел ничего такого, сколько ни предлагали. Что, поменял взгляды? Наши будут рады услышать.

— К нашим и вашим это не имеет никакого отношения, — сухо отрезал молодой человек.

— Зачем же тогда? — нахмурился тощий.

— Какая разница? Ты поможешь или нет? — пытливо осведомился Эрих.

Тощий, поколебавшись, снял цепочку и приоткрыл дверь. Ночной посетитель ужом проскользнул внутрь, после чего дверь тут же захлопнулась. Раздался лязг и стук закрываемых замков. Невообразимая конура, куда впустили Эриха, была набита всяким хламом, производившим не лучшее впечатление. Иной бы развернулся и ушел, решив, что здесь какая-то бесполезная свалка со старьевщиком во главе, но Эрих знал — в этом хламе скрывается масса

крайне серьезных вещей.
— Тебе какой? — поинтересовался тощий тип, закуривая самокрутку.
Он взял ее с края пепельницы, где ненадолго оставил из-за появления гостя. От самокрутки шел подозрительный запах марихуаны. Клубы выпущенного дыма, обладавшие специфическим ароматом, окончательно подтверждали природу курительной смеси. Эрих не колебался. При всем многообразии выбора он точно знал, чего хочет. Ему требовалась вполне конкретная модель пистолета. Того самого, который он видел во сне.

Несмотря на невзрачный вид берлоги и сигарету с травкой, это был отнюдь не притон. Просто ей владел неординарный человек, маргинал, промышлявший различными товарами, но в строго ограниченном кругу. Наркотиками он не торговал, используя марихуану исключительно в личных целях. Его ассортимент включал нечто совсем иное. Устройства для шпионажа, специфическая амуниция, электроника, какой не найдешь в обычных магазинах, и ручное оружие — все это предлагалось по доступной цене с прибавкой за хлопоты. С посторонними владелец подпольной лавки по имени Адам никогда не связывался. К нему приходили только знакомые, либо же они лично приводили кого-то из своих доверенных друзей. Адам мог отказать без объяснений, или сделать скидку по одному ему ведомым причинам. Сделал он ее и Эриху Сторму. С прищуром улыбаясь, он назначил цену за пистолет, оказавшуюся меньше ожидаемой. Тут, правда, он снизошел до комментария, когда гость невольно выразил удивление. Радикальная часть антифашистов давно переманивала Эриха к себе. Он подходил им всем, кроме упрямого нежелания прибегать к жестким мерам. Именно поэтому Эрих отказывался вооружаться и вообще следовать по пути принуждения и запугивания. Сегодня одно допущение, завтра другое, а там, глядишь, начнешь расправляться со всеми, кто против твоих идей, и сам превратишься в фашиста. Более того, Эрих не желал связываться с теми, кто не просто прибегает к насилию, а получает от этого удовольствие. Стрелять он, конечно, умел, прежде регулярно бывая в тире, но для самозащиты, а не нападения. И уж точно не для того, чтобы с оружием в руках агрессивно отстаивать свою точку зрения. Адам, предлагая хорошо знакомому гостю скидку, нарочно подталкивал его к принятию решения, если тот вдруг еще колебался. Главное, что он все-таки пожелал иметь ствол, а цели-то всегда могут измениться. Глядишь — превратится в постоянного клиента и перестанет чураться радикалов. Интересно, покупка шпионской электроники, сделанная герром Стормом совсем недавно, как-то связана с сего-

дняшним запросом?
— Когда? — коротко спросил Эрих, закрыв вопрос с ценой.
— Послезавтра, — подумав, отозвался хозяин берлоги, выдыхая пахучий дым.
Он исходил из графика поставок и своей загруженности. Здесь же, в жилище, Адам весь ассортимент не держал, а закупался у него не только Эрих Сторм и его знакомые антифашисты. Адам продавал товар еще нескольким сообществам, озабоченным всякими забавными идеями. На улицы эти покупки не попадали и банки с ними не грабили. Пока Адам, отпрыск знатного рода, не перебегал дорогу ни властям, ни влиятельному криминалу, его никто не трогал, позволяя удовлетворять запросы всяких эксцентричных личностей. Сам продавец идеологической ерундой себе голову не забивал, предпочитая жить простой реальной жизнью, далекой от образа жизни его семейства.
— Отлично, — кивнул Эрих. — К пистолету мне понадобится глушитель и десяток обойм.
— Ты на войну, что ли, собрался? — хихикнул Адам, поднимая бровь.
— Это чтобы лишний раз сюда не приходить. К тому же оптом у тебя вроде как дешевле, — невозмутимо пояснил покупатель.
О том, что ему периодически приходится обманывать полицейское наблюдение, он предпочитал не распространяться.
— Дело твое, — пожал плечами тощий тип. — Принесешь деньги — получишь весь заказ до последнего патрона.
Эрих вручил Адаму задаток наличными, предварительно снятыми в банкомате. Уговор скрепили рукопожатием, после чего поздний гость удалился. Встреча была назначена на одиннадцать вечера грядущей пятницы.

Слезоточивый газ, которым Эрих щедро угостил нацистов в аптеке, был приобретен как раз у Адама. В обычном магазине такой отсутствовал, зато любитель травки не подкачал, своевременно вручив заказчику запрошенный товар. Эрих даже не сомневался, что Адам не подведет и сейчас. Зенитную установку он, конечно, не продаст, да и тяжелого пулемета от него не дождешься, а вот чего попроще — это пожалуйста. Heckler and Koch USP — пистолет, который выбрал Эрих — был достаточно распространен в Германии, чтобы Адам достал его быстро и без особого труда. Вероятно, из закромов тех же силовиков, где раздобыл и баллончики с ядреным слезоточивым газом. Этот пистолет отлично смотрелся с глушителем, для которого выпускалась специальная версия Tactical. С ним он обретал прямо-таки идеально законченную форму, во всяком случае, в глазах Эриха. В тех еще стояла разры-

ваемая пулями нечисть, и именно из Хеклера сорок пятого калибра он вел практически бесшумный огонь, уничтожая напавшего на Еву врага.

Каким образом этот — следовало отдать должное — точный и надежный пистолет поможет защитить невесту, лежавшую в больнице, Эрих как-то не задумывался. Дежурь он у ее постели круглосуточно — тогда другое дело. Пока же больше толку было от полицейских, посменно охранявших палату и никогда не покидавших своего поста. В том, что произошло с девушкой в ночь на понедельник, винить их трудно, если не сказать недопустимо. Никто толком не знал, что с ней тогда случилось, а сон Эриха уж точно не годился в качестве объяснения. В своем желании обзавестись оружием молодой человек, скорее, ориентировался на будущее. Кто бы к нему ни явился — теперь его найдется чем встретить. Переступи очередной Отто порог квартиры, когда там станет жить Ева, и Эрих застрелит его на месте как бешеную собаку. На сей раз застрелит намеренно и без колебаний. Лучше бы, конечно, приобрести оружие законным путем, но здесь возникали известные препятствия. С одной стороны, именно сейчас Эрих мог бы привести властям аргументы, что ему угрожает опасность и пистолет требуется для самозащиты. История с неонацистами, напавшими на Еву, а теперь еще и подозреваемыми в терроризме, подходила лучше некуда. С другой, закон запрещал выдавать лицензию членам радикальных организаций. Формально господин Сторм к таковым не относился, однако определенная часть антифашистов не числилась у полиции на хорошем счету. А в этом случае бюрократия почти наверняка пойдет по пути "лучше перебдеть, чем недобдеть". Купить пистолет у Адама было проще и быстрее. Конечно, срок за незаконный оборот оружия мог достигать десяти лет, но это лишь в том случае, если кто-то поймает Эриха за руку. Ну и пусть доказывают, что злоумышленники, застреленные им в квартире или где еще, не принесли пистолет с собой. Если что, то как говорится, лучше уж в тюрьме, чем в сырой земле. Особенно когда речь идет о жизни и безопасности Евы.

Имелось в расчетах Эриха и кое-что еще. Сцепившись с нацистами в той аптеке, он выжил каким-то чудом. Голыми руками воевать против дюжины вооруженных людей — чрезвычайно плохая затея, грозившая, кстати, повториться в любой момент. Путешествия "на ту сторону" приобретали все более обширный и сложный характер. Учитывая эпоху и ее события, Эриху требовалась хорошая экипировка, выходящая за рамки консервного ножа и газового баллончика. Он должен быть готов ко всему, в том числе защитить себя любыми доступными способами. Да, располагая

нужной суммой можно было купить оружие и там, прибегнув к услугам негодяя Гюнтера или антифашиста Хельмута. Только зачем же связываться с устаревшими железяками, если Эрих мог раздобыть современный образчик оружейного мастерства, способный удовлетворить самого привередливого стрелка. Договариваясь с Адамом на одиннадцать часов, он мысленно отметил, что успел бы заскочить к нему как раз между больницей и очередным походом в Аномалию. Правда, туда Эрих пока не собирался, желая провести выходные подле Евы. Просто привык уже составлять точный график на будущее, позволяющий расходовать время максимально эффективно.

Когда Эрих вернулся домой, то сразу же лег спать. Свет, ненадолго зажегшийся в его окнах, снова угас, сменившись слабым отсветом одинокого ночника. Это совершенно банальное явление не прошло незамеченным. Неподалеку от подъезда стояла ничем не примечательная легковушка. Внутри, не включая огней, дежурили двое переодетых в гражданское полицейских. Пока один пил кофе, налитый из большого термоса, другой записал в блокнот время очередного события. Им было велено следить за домом господина Сторма и фиксировать все, что там происходило. Формально стражи порядка выполняли функции охраны, но недавно их дополнили новыми указаниями. Поступивший вызов прервал употребление бодрящего напитка, перемещенного в подстаканник.

— Доложите что у вас! — потребовал голос.

— Он приехал на такси четверть часа назад. В квартире включился свет, а сейчас снова выключился. Видим огонек в окне его спальни, — сообщил полицейский.

— Это все? — строго осведомился голос.

— Да! — подтвердил дозорный.

— Хорошо, продолжайте наблюдение, — велел голос и отключился.

Полицейский извлек содержимое подстаканника и продолжил пить кофе. До конца смены оставалось несколько часов. Инструкция запрещала играть на мобильном телефоне и вообще отвлекаться на всякий досуг, поэтому напарники поддерживали бодрость содержимым термоса, откровенно зевая от скуки. А вот человек в другой части Берлина не скучал. Получив нужную информацию, он внес ее в отдельный файл, начинавший серьезно разрастаться.

— Итак, господин Сторм, между вашим отъездом из больницы и появлением у подъезда прошло полтора часа. Многовато, чтобы добраться до дома в столь позднее время суток. Так где же вы пропадали? — пробормотал этот человек, в котором Эрих мгно-

венно узнал бы приходившего к нему следователя.

Неонацисты, схваченные в больнице, пришли в откровенный ужас, уяснив, что им инкриминируют терроризм. Именно этот ужас, вызванный страшной участью соратников в ангаре D-16, и сковывал им языки, мешая мыслить рационально. Именно поэтому они заговорили далеко не сразу, не понимая, что вообще происходит. Слова о какой-то взрывчатке, припасенной для подрыва общественных зданий, казались чудовищным наваждением. Не лучше звучало и сообщение о ящиках с оружием, похищенных с армейских складов. Оно и было пущено в ход, когда спецназ окружил ангар, где якобы собрались сообщники арестантов. По мнению следствия, это свидетельствовало против них самым прямым образом. Тот, кто понятия не имел ни о краже, ни о содержимом ящиков, вряд ли бы столь умело пустил пулеметы в ход, едва заслышав приказ сдаться. На этом фоне нападения на людей, как уже состоявшиеся, так и предполагаемые, выглядели сущей мелочью, о которой следователи упоминали между прочим. Арестанты паниковали, не зная, как себя вести. Мысль о том, что их погибшие соратники являлись террористами, абсолютно не вписывалась в существующую реальность. Чем занималась группа Отто, им было очень хорошо известно, поэтому улики, предъявляемые на допросах, вызывали глубокий шок, а угрозы вопрошавших производили строго обратный эффект. Неонацисты не сознавались, поскольку и сознаваться-то им было особенно не в чем. Никаких взрывов они не планировали, оружие не крали, и замыслов по свержению власти не строили. Арестованные воспринимали происходящее как чью-то злонамеренную и очень серьезную провокацию. Отто был прав! Прав с самого начала! Кто-то впутывал организацию в какую-то темную историю и теперь их хотели сделать козлами отпущения!

Ситуация переменилась, когда следствие решило, что взялось за дело не с того конца. Возможно, надо действовать не от большего к меньшему, а наоборот — от меньшего к большему. То есть не бить в лоб терроризмом и массовым убийством невинных людей, а начать с очевидного — нападения на антифашистов. Арестованных вызывали на допрос поодиночке и убеждали рассказать, чем они занимались в больнице, где под охраной лежали жестоко избитые пациенты. Все заверения, что неонацисты оказались там случайно и исключительно по медицинским показаниям, да еще всем скопом, сделают хуже им самим. Сделают хуже так же, как упорное запирательство. Если, так и быть, допустить, что одна часть боевиков действительно не знала о намерениях другой, молчание навредит подследственным дальше некуда. Обвинение в

терроризме ляжет абсолютно на всех, и лучший способ его избежать — это поведать о своих истинных намерениях.

Сперва арестанты не клюнули на эту удочку. По-прежнему боясь провокации, они отнекивались от всего, ожидая помощи от своего руководства, но та все не приходила и не приходила. Либо кто-то очень могущественный нажимал на кнопки, стараясь скрыть всю историю, либо людей Отто и впрямь бросили на растерзание, преследуя некие цели. В конце концов, несколько человек сломалось и выложило следствию все подчистую. Дальнейшие очные ставки и перекрестные допросы, умело проведенные следователями, выжали из них максимум информации. Неонацисты категорически отказывались признавать свою связь с терроризмом и вообще всем тем, что произошло в ангаре D-16, однако поведали о нападении на антифашистов как на духу. Они рассказали о причинах, вызвавших эту карательную операцию, и о последующем приказе Отто Шварца, велевшего установить непрерывную слежку за определенными лицами. Следствие ожидало услышать нечто совсем другое, однако все показания тщательно записывались и поступали в дело. В том числе новое, возникшее в процессе получения сведений. Это было дело Эриха Сторма.

Сидя в своем кабинете, следователь Карл Шимке машинально катал по столу карандаш. Шел третий час ночи, а он все не уходил домой, погруженный в глубокие размышления. Итак, господин Сторм и впрямь оказался замешан. Но как? Его горе, вызванное несчастьем с невестой, не подлежало ни малейшему сомнению — в этом Шимке мог бы поклясться даже после всей предполагаемой лжи, услышанной от этого человека. Однако именно оно теперь и выступало в новом свете, создавая вполне четкую мотивацию. Самой очевидной версией представлялось мщение. Если Эрих Сторм действительно испортил неонацистам десяток автомобилей, те, по их же заверениям, нанесли ответный удар, рассчитывая выманить неизвестного вредителя. И выманили, прибегнув к очень жестокому, но эффективному способу. Не желая спускать им содеянное с любимой девушкой, господин Сторм придумал подходящее возмездие и успешно его осуществил. Штаб-квартира неонацистов сгорела дотла, а несколько их боевиков погибли в ДТП, преследуя убегавшего поджигателя. Случайно или нет — вопрос отдельный, и решался бы он очень просто, если бы не одно жирное НО, на корню перечеркивающее всю версию. У Эриха Сторма имелось железное алиби, исходившее не от абы кого, а от полицейских. Значит, он сам просто не мог ни осуществить поджог, ни сбить насмерть людей, как максимум привлекая кого-то другого. Хорошо бы, конечно, его допросить, а то и вовсе подер-

жать под следствием, но что если Сторм все-таки невиновен? Что если он замешан лишь косвенно, находясь с поджигателями отнюдь не в преступной связи? Тогда такое внимание к его персоне спугнет настоящих преступников, находящихся вне поля зрения следствия. Неонацисты могли и перепутать, ошибочно вообразив Эриха Сторма виновником своих бед. Верить им на слово особенно не приходилось. Чего стоили одни их заявления, что избитых антифашистов они не насиловали и девушке на лбу звезду Давида не выжигали? А кто же тогда это сделал? Пришелец, упавший с неба, или неизвестный маньяк, изловчившийся побывать в восьми местах одновременно? М-да, странная история. Следователь, чертыхнувшись, ответил на телефонный звонок, выслушал абонента на том конце линии и отдал распоряжения. Затем, повесив трубку, вернулся к своим размышлениям. Хорошо бы найти пресловутого Отто Шварца — лидера арестованных боевиков, — и душевно с ним побеседовать, но тот как в воду канул. Сбежал? Затаился, узнав о судьбе сообщников? Здесь вся история становилась еще подозрительнее. Исходя из показаний неонацистов, Отто Шварц поехал на квартиру к Эриху Сторму, где собирался получить его признание во вредоносной деятельности против их организации. С тех пор его никто не видел. При этом описание неизвестного, входившего в подъезд господина Сторма, очень сильно напоминало внешность господина Шварца. Итак, в дом он вошел, а обратно, получается, не вышел. Куда же он тогда делся? Оператору мобильной связи, где обслуживался Отто, был послан соответствующий запрос. Обвинение в терроризме существенно ускоряло процесс получения сведений, но даже если Отто Шварц действительно побывал в подъезде Сторма и геоданные сим-карты это подтвердят, что это даст? Карл Шимке, вздохнув, почувствовал, как у него голова сейчас расколется. Он невероятно устал, распутывая весь этот дьявольский клубок, где по мере появления ответов лишь еще больше прибавлялось вопросов. Его интуиция говорила, что Эрих Сторм, так или иначе, причастен к происходящему, но она же не желала подсказывать как именно. Именно поэтому следователь и установил наблюдение за господином Стормом, велев фиксировать все его перемещения. Вынужденный действовать практически на ощупь, Шимке надеялся, что сам герр Сторм себя как-нибудь да выдаст и куда-нибудь да приведет. Потому он и заинтересовался, куда тот девал лишний час между отъездом из больницы и прибытием домой.

Эрих еще не знал, что следствие начинает проявлять к нему живой интерес. Этот интерес пока ограничивался не подкрепленными подозрениями, отчего тот же Карл Шимке не распорядился

установить жучки и вести за господином Стормом круглосуточное наблюдение. У следователя возникал соблазн подсунуть подозреваемому маячок, чтобы отслеживать все его перемещения, но это было слишком. Если Сторм обнаружит устройство, он сразу все поймет. Его невиновность грозила жалобой и даже судебным иском. Вина предполагала немедленное сокрытие улик и максимально осторожное поведение. Ни то ни другое Шимке не устраивало, поэтому он предпочел ограничиться умеренными мерами, пока не получит оснований для более серьезных. Информация о действиях с сим-картой Эриха Сторма пришлась бы ему очень кстати, но без официальных и серьезных обвинений мобильный оператор ее не раскроет. А жаль. Следователь горел желанием посмотреть, где себя обозначал телефон господина Сторма и в какое время. Он не знал, что Эрих заведомо упредил такое опасное любопытство и с некоторых пор не просто отключал смартфон, а прятал его в свинцовый чехол. Прятал тогда, когда отправлялся в Аномалию, либо к тому же Адаму. У последнего, кстати, он его и купил, и Адам гарантировал непроницаемость чехла для волн сотовой связи. Таким образом, Эрих уже подстраховывался на будущее, стараясь нивелировать последствия старых ошибок и не допускать новых. Шпионскую технику, приобретенную у Адама накануне визита Отто, он наконец-то запустил и теперь наблюдал за своей квартирой удаленно. Если там объявятся гости, Эрих будет об этом знать, причем даже в том случае, если они снимут жучки и заберут жесткие диски. Все файлы копировались на анонимный сервер в интернете, не позволяя незваным гостям вот так запросто уничтожить следы своего пребывания. Жаль только, что трофеи из Старого Берлина успели исчезнуть. По вполне понятным причинам, некоторое время Эриху было не до них. Когда он, наконец, спохватился, те уже разделили судьбу всех предыдущих, то есть благополучно испарились, так и не подвергнувшись никаким экспериментам. Эрих очень хотел понять, как и когда это происходит. В человеческое вмешательство он верил все меньше, но от этого его научный интерес только распалялся. Эх, почему он до сих пор не догадался носить с собой хотя бы монетку и регулярно проверять ее наличие в кармане? А лучше бы еще какой-нибудь предмет, расположенный таким образом, чтобы постоянно о себе напоминать. Эрих, немного успокоившись после новостей о здоровье Евы, начинал возвращаться мыслями к Аномалии. Ему пришла в голову отличная идея, позволяющая отслеживать состояние трофея, что называется, лично и в реальном времени. Надо купить в Старом Берлине ремень! Обычный брючный ремень, но затянуть его так, чтобы тот причинял непрерывный и заметный дискомфорт.

форт. Таким образом, будет очень просто узнать, когда предмет изволит раствориться в пространстве. Если же этого не произойдет, Эрих вновь сделает приоритетной версию о кражах, осуществляемых некими хранителями Аномалии. Чем ближе становилась пятница, тем больше его мысли вертелись вокруг путешествий "на ту сторону". Молодой человек по-прежнему собирался провести выходные со своей невестой, искренне веря, что та его слышит, а любовь и забота способствуют ее возвращению. Но ведь может же он поразмыслить и о своих загадочных путешествиях, когда для этого выпадает свободная минутка? Особенно если Аномалия как-то связана со всем происходящим — ведь в этом случае Эрих просто обязан докопаться до истины! Докопаться, пока он окончательно не потерял Еву. Та уже пребывала в таком же состоянии, как и пастор Берг, и Эрих неожиданно усмотрел в этом очень подозрительное совпадение. Два единственных человека, которым он мог бы довериться, оказались недоступны, пребывая между жизнью и смертью. Случайность? Стечение обстоятельств? Хорошо бы, если так. Только с учетом Аномалии и всех последних событий, Эрих изначально поставил эту версию под сомнение. Таким образом, мало-помалу его снова захватили мысли о Старом Берлине и всех предпосылках знакомства с подвалом кирхи. Эрих располагал катастрофически малым количеством фактов, поэтому, как разумный человек, он решил собрать побольше сведений о том периоде истории, куда наведывался. Интернет содержал огромный объем различной информации, но ее еще надо было уметь отыскать. Эрих поступил проще, исходя из того, что кто-то уже успешно сделал это за него. В четверг он ушел с работы пораньше и отправился не в больницу к Еве, куда собирался приехать вечером, а в Немецкую национальную библиотеку.

Пласт данных, содержавшихся за тысяча девятьсот тридцать восьмой год, был поистине огромен. Эрих в нем прямо-таки тонул, не зная, за что и хвататься. Сперва он просматривал все подряд, что соответствовало его слишком расплывчатому запросу. Затем, сообразив, что на изучение материалов уйдут недели, стал корректировать свои пожелания, вылавливая из моря информации более узконаправленные сведения. В этом ему помогали память и фотографии на мобильнике. Те еще не пропали бесследно, и видел их лишь сам Эрих, но для работы с библиотечными каталогами этого было вполне достаточно. Освежая для себя историю тридцать восьмого года в целом, молодой человек поднимал данные о тогдашнем Берлине в частности. Ориентируясь на фото и собственные путешествия, он словно повторял проделанный "на той стороне" маршрут в своем настоящем мире, регулярно испытывая эф-

фект дежавю. Вот здесь он побывал и сделал фотографию. А вот этого дома уже нет, хотя ТАМ он существует и позволяет узреть себя во всей красе. Тут Эрих заскочил выпить чашку кофе, а за этими окнами он сидел за кружкой пива. Интересно, существует ли в реальности ателье, где путешественнику довелось сделать памятный снимок в тот день, когда его сфотографировал Хельмут? Надо бы проверить.

Эрих и сам не заметил, как провел за своими изысканиями много часов. Те, в конце концов, привели его к переулку с пивной и памятной аптекой. К сожалению, архив Национальной библиотеки не содержал никаких снимков, относившихся к внутренней части этого квартала. Эрих нашел магазин, где купил игрушечный паровозик, и увидел его на экране компьютера практически таким, каким запомнил и во время своей вылазки в Старый Берлин. К сожалению, здания из переулка не могли похвастаться оставленным следом в истории. Их адреса, конечно, легко вычислялись, фигурируя на планах столицы тридцать восьмого года, но не более. А жаль. Ну, нет так нет. Возможно, что-нибудь подвернется в дальнейшем, а пока все равно пора было ехать к Еве. Ощущая некоторую досаду, Эрих листал снимки на мобильнике, стараясь отыскать какую-нибудь знаковую подсказку. Неожиданно там появились строчки большого текста. Увеличив изображение, Эрих узнал, что в нем содержалось. Это была та статья из газеты за двадцать второе мая, любезно принесенная официанткой. Статья, посвященная сгоревшей аптеке. Газета была локального значения, поэтому Эрих, уже изучавший берлинскую прессу, до сих пор не натыкался именно на это издание. Движимый резко всколыхнувшимся любопытством, он набрал соответствующий запрос. Компьютерный терминал, подумав, выдал ему сведения по искомому наименованию. Надо же! В Национальной библиотеке сохранился архив и ее выпусков! В цифровом, конечно, виде, и далеко не за весь период существования, но все же. Эрих, повинуясь распалявшемуся интересу, попытался найти примечательный номер за дату аналогичную сфотографированному, но не преуспел. Настолько точно каталог не настраивали, и он выдавал информацию определенными порциями. Тогда молодой человек, поигравшись с настройками фильтра, указал временной интервал за весну тридцать восьмого года. Терминал наконец-то отобразил на дисплее отсканированные листы. Охваченный возбуждением, Эрих перематывал их длинную ленту почти в самый конец, от первого марта до тридцать первого мая. Издания содержали пробелы в нумерации, ибо не каждый тираж сохранился в истории. Скрестив пальцы, Эрих надеялся, что отыщет желанный экземпляр. Зачем? Да

просто так, исключительно из любознательности. Ведь это очень занимательно — "вживую" сравнить ТОТ Берлин и ЭТОТ, историю мира настоящего с хроникой мира из Аномалии. В конце концов, будет и впрямь занятно узнать, что на самом деле произошло в тот день, когда Эрих вмешался в его течение своими подвигами.

Волею судьбы экземпляр газеты за двадцать второе мая действительно уцелел. Узрев заголовок, молодой человек с энтузиазмом промотал на экране первый лист и перешел к тому, который волновал его своим содержанием. Взгляд Эриха остановился на статье, располагавшейся в том же месте, где и статья, сфотографированная на мобильном телефоне. Несколько секунд он тупо смотрел на нее, хлопая ресницами. Затем несколько раз перевел взор со смартфона на экран, силясь уразуметь увиденное. Зрачки его расширились, а пальцы мелко задрожали. Прошла целая минута, прежде чем Эрих стряхнул накативший ступор и с екнувшим сердцем принялся лихорадочно изучать архивное издание. Еще спустя пять минут он откинулся в кресле, пребывая в полнейшей прострации. Газетная статья, заснятая им на той стороне Аномалии, полностью совпадала со статьей из Национальной немецкой библиотеки. Совпадало все, начиная от даты и заканчивая последней буквой в содержании. Малоизвестная газета рассказывала о происшествии в аптеке, сгоревшей в результате бытового пожара. Пожара, произошедшего в результате вмешательства Эриха Сторма. Только рассказывала она не в Старом Берлине, а повествовала о нем со страниц истории реального мира. Это была не копия, невесть как попавшая в распоряжение библиотекарей. Это была та же самая статья.

– 8 –

Пистолет уверенно сидел в руке, отдаваясь в ней солидной тяжестью. Эрих несколько раз вынул и вложил его в кобуру, покрутил так и сяк, зарядил магазин, передернул ствол, вгоняя туда патрон. Затем полностью разрядил оружие и зарядил снова. Навинтив глушитель, он заново проделал то же самое, проверяя исправность механизмов и баланс веса. Все работало как часы, оставляя самое благоприятное впечатление. Что и говори, удачный выбор. Этот Хеклер сорок пятого калибра был словно создан для Эриха Сторма. Правда, сам Эрих теперь терзался сомнениями, зачем именно ему понадобилось вооружаться. Оценивая качество товара, мыслями он витал очень далеко.

Адам не подкачал. Пистолет дожидался заказчика точно в условленный срок. Когда в одиннадцать вечера раздался стук в

дверь, хозяин берлоги, мельком глянув на монитор скрытого видеонаблюдения, впустил посетителя. Получив от него пачку денег, Адам на глазок их пересчитал, пробежав пальцем по отгибающимся уголкам купюр, кивнул и ушел в соседнее помещение. Оттуда он вернулся с коробкой и вручил ее покупателю. Внутри, на упругой подкладке, лежал новенький Heckler and Koch USP Tactical в компании с глушителем, а под ними в отдельном слое располагалось десять полных обойм.

— Ствол чистый, можешь не сомневаться. Чистый и исправный. Не в розыске и без истории. Даю гарантию две недели, чтобы ты успел пристреляться, — сообщил Адам, глядя, как заказчик рассматривает оружие. — Захочешь воспользоваться тиром — ты знаешь, где его найти. Скажешь, что от меня.

Эрих кивнул. Пресловутый тир не принадлежал лично Адаму, но тот поддерживал с его владельцами определенный контакт. Там собирались различные любители пострелять. Добропорядочным это общество назвать язык не поворачивался, однако и откровенных преступников туда не пускали. Скорее, там ошивались своеобразные маргиналы, которые не принадлежали к преступному миру, но в своих интересах вполне могли пустить оружие в ход. Те же радикальные антифашисты практиковались там постоянно, точно так же, как боевики Отто Шварца упражнялись в стрельбе где-то в своем месте. Клиентов Адама пускали в тир бесплатно, если им требовалось проверить свою покупку. Сам Эрих бывал в нем неоднократно, осваивая различные виды оружия. Снайпер из него получился так себе, зато с пистолетами и пистолетами-пулеметами он управлялся просто отлично. По точности и скорострельности именно этим оружием Эрих уверенно конкурировал с бывалыми стрелками и несколько раз даже выигрывал товарищеские состязания. Ввиду всего этого предложение Адама звучало очень заманчиво, однако у Эриха на сей счет имелись свои планы. В одном хорошо ему известном месте безопасность испытания оружия практически гарантирована. Там его не застанет врасплох ни один полицейский, даже если за ним будет следить вся полиция Берлина. Эрих и раньше прекрасно знал о ведущемся наблюдении, из-за чего принимал меры предосторожности, чтобы обвести стражей порядка вокруг пальца. Только вот сегодня ему показалось, что это наблюдение приняло более навязчивый характер. Кажется, за такси от больницы был хвост. Чтобы его стряхнуть Эрих остановил машину у станции метро и нырнул в подземку. Там он дважды пересел из поезда в поезд, после чего вышел в город и поймал второе такси. Возможно, ему лишь показалось, но лучше перестраховаться, чтобы не явиться к Адаму в компании

соглядатаев. Соответственно, в отношении тира тоже лучше действовать с оглядкой.
— Ты какой-то молчаливый, — заметил тощий продавец, скручивая себе папироску отнюдь не с табаком. — Что-то не так? Если товар с дефектом, я обменяю или верну деньги — можешь не беспокоиться.
— Да настроение не особо, — отозвался Эрих. — Забот у меня хватает, не принимай на свой счет.
— Видимо, из-за них ты и ствол приобрел, — усмехнулся Адам. — Что ж, могу тебя понять. С ним спокойнее. Я бы дал тебе проверить пушку здесь и сейчас, ведь на ней глушитель. Только мало ли что — вдруг бабахнет или чего-нибудь в таком духе. Легавые мне тут совершенно ни к чему. К тому же, если я хотя бы иногда разрешу клиентам стрелять, они мне все стены изрешетят. Одной обоймы твоего Кехлера вполне достаточно, чтобы знатно покоцать мое жилище, — добавил он, закуривая самокрутку. — Вон, видишь там следы? Это я как-то накурился травки и набедокурил, — добавил он, указывая на характерные выбоины. — Специально их не заделал, как напоминание. Правда, это травка была плохая — таким дурным я себя никогда не чувствовал. Намешали что-то, сволочи.
— Ты бы еще чего понюхал, так вообще бы в параллельный мир уехал, — невольно улыбнулся Эрих. — Так и до беды недалеко.
— Твоя правда, — кивнул Адам. — Потому и не держу в хате заряженных стволов. Сам не стреляю, и другим не даю. А то из параллельного мира-то вернешься, когда отпустит, а палил-то, оказывается, в настоящем.
Эрих рассмеялся, представляя, как тощий знакомец ползает по полу и опрокидывает мебель. Прячась от наседающих врагов, он ведет по ним огонь на поражение, уничтожая одну галлюцинацию за другой. А по факту разносит свою берлогу в пух и прах, пребывая в наркотическом угаре. Внезапно его смех прервался. Молодой человек застыл с таким изменившимся выражением лица, что даже Адам, успевший хорошенько затянуться марихуаной, обеспокоился. По его мнению, Сторм был сам на себя не похож.
— Все в порядке, просто я кое о чем вспомнил, — озадаченно протянул Эрих. — Кое о чем, о чем совсем забыл, и чему до сих пор не придавал никакого значения. Все, мне пора. Спасибо за услугу.
Убрав пистолет и патроны в сумку, он спешно засобирался, перекидывая ее через плечо.
— Удачи, — пожал плечами Адам. — Надеюсь, я завтра не прочитаю о том, что ты забыл, в новостях? — добавил он не без иронии уже у двери, выпуская покупателя. — Если что, ты меня не зна-

ешь, и ствол я тебе не продавал.
Эрих вздрогнул. Напоминание, сделанное без всякой задней мысли, отдалось в ушах гулким эхом. Напоминание не о возможных последствиях владения оружием, а о новостях, ибо одна из них, напечатанная в ничем не примечательной газете, до сих пор не шла у него из головы.

За минувшие сутки Эрих передумал больше, чем за весь предыдущий месяц. Газетный выпуск, обнаруженный в архиве Немецкой национальной библиотеки, одним махом перевернул все его представления о происходящем. Предыдущие теории, и без того не имевшие внятного подтверждения, начинали лететь к черту. Так что же в действительности представляет собой Аномалия?! Та, что обосновалась в подвале кирхи и переносила прошедшего через нее в Германию тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Точную симуляцию событий прошлого или ПОДЛИННОЕ прошлое? Прошлое, имевшее прямую связь с настоящим. Прошлое, не просто произошедшее, а ПРОИСХОДЯЩЕЕ на самом деле. Эрих Сторм, невесть как туда попадая, оставлял в нем следы своего пребывания, и теперь эти следы представали во всей красе со страниц истории, запечатленной в Национальной библиотеке. Неужели такое возможно?! Неужели "та сторона" — никакой не параллельный мир и не виртуальная реальность, а истинное течение времени, просто с отрывом в десятилетия? Бред какой-то! Хватаясь за голову, Эрих вновь и вновь размышлял над увиденным, силясь определить, что именно он, в сущности, видел. Газетная статья, спору нет, совпадала до последней буквы — черт бы ее побрал! Но что если допустить, что она УЖЕ была такой. Была с самого начала. Эрих, очутившись в той злополучной аптеке, ничего, по сути, не изменил, и ни в какое прошлое не вмешивался. Некая симуляция или альтернативная реальность совпадала с реальностью исторической. Та аптека в принципе сгорела в тот день и час, просто Эрих оказался внутри в самый кульминационный момент и едва сам не сгинул на пожаре. Пожаре, который и так бы произошел, даже не сцепись он с дюжиной нацистов. Хельмут вроде что-то говорил о запахе химикатов. Воспламенились ли аптечные порошки, щедро рассыпанные по полу, либо же хозяин держал в доме что-то еще — кто ж его теперь знает. Факты были таковы, что огонь, вспыхнув, пожрал всю аптеку вместе с людьми, и зажег его отнюдь не Эрих, пребывавший в беспамятстве. Следовательно, газетная статья, уцелевшая в вихре времени, и сейчас содержала то же самое, что в ней было напечатано и прежде. Аномалия, уж чем бы она ни являлась, воспроизвела все в исторической точности, а путешественник нечаянно подвернулся, что называется, ко двору, сунув-

шись в эпицентр и без него происходивших событий. Иными словами, очутись он, к примеру, при поджоге Рейхстага и разлей там канистру бензина, конкретно его канистра не стала бы причиной самого инцидента.

Размышляя таким образом, Эрих несколько успокоился. Все-таки мысль о том, что Аномалия приводит его не куда-нибудь, а в прошлое, вызывала серьезное смятение, грозившее расшатать и без того страдавшую психику. Это вам уже не шутки и не безобидные эксперименты. Компьютерное моделирование или путешествие в иную вселенную — это одно, а перемещение в реально происходящую историю собственного мира — совсем другое. Однако если идентичная газетная статья всего лишь совпадение, то волноваться преждевременно. Кстати, ни одна из версий все равно не объясняла исчезновения предметов, приносимых из Старого Берлина. Если допустить, что Аномалия это тоннель в прошлое, почему же тогда бесследно испаряются все взятые оттуда трофеи? При этом все приносимое ТУДА прекрасно сохраняется и никуда не пропадает. Включая фотографии, ведущие себя крайне примечательным и еще менее объяснимым образом. Такая особенность больше подходила для эмуляции какого-либо мира, не способной полноценно существовать в мире подлинном. М-да, с каждым разом происходящее становилось все любопытнее и любопытнее. Эрих, перестав трястись как в нервной горячке, продолжал размышлять над загадкой Аномалии, стараясь судить рационально. Это у него более-менее получалось, пока после больницы он не заехал к Адаму, отпустившему, казалось, ничем не примечательный комментарий.

Такси остановилось в хорошо знакомом квартале. Рассчитавшись с водителем, Эрих пошел пешком в направлении видневшегося шпиля кирхи. До нее оставалось совсем недалеко, когда молодой человек вдруг изменил маршрут. Казалось, он направлялся к дому пастора Берга, но нет. Миновав жилище старика, он свернул к одному из соседних домов, ничем не выделявшемуся среди прочих. Не выделявшемуся для всех, кроме Эриха. Первая вылазка через Аномалию ознаменовалась не только разорванным флагом со свастикой и последовавшей за этим дракой. Трудно забыть бегство от полицейского патруля, открывшего по антифашисту стрельбу. И убегал Эрих именно мимо этого дома, успев скрыться за углом до того, как его поразили пули. Помнится, они вышибали из стен крошку, отчего стало ясно, что "ряженые" палят не холостыми патронами, а очень даже боевыми. Теперь, в очередной раз нарушив частные владения, Эрих направился прямиком к памятной стене, принявшей на себя залпы полицейских. В

окнах горел свет, но он не обращал на него ни малейшего внимания, целиком и полностью поглощенный грядущим событием. Если хозяева дома чужака и заметят — ну и черт с ними. Пистолет в сумке, конечно, не предполагал знакомство с полицией, но Эрих заглянул всего на минуточку. Минуточку, способную перевернуть всю его жизнь.

И вот она стена. Подойдя к ней почти вплотную, Эрих прикинул маршрут своего бегства, прошел несколько футов и остановился возле того самого угла. Света от уличных ламп было достаточно, но он включил фонарик на смартфоне, чтобы лучше видеть. Яркий луч, оставлявший большое круглое пятно, скользил по серой поверхности, выискивая на ней любые дефекты. Старинная постройка отлично сохранилась, но выглядела, само собой, отнюдь не новой. На ее каменных стенах, потемневших от времени, имелось немало всяких царапин, оставленных самой историей. Эрих словно изучал ее страницу, развернутую под открытым небом, и искал на ней ответы на свои вопросы. И нашел. Сердце, отбивавшее барабанную дробь, подпрыгнуло и замерло. Едва дыша, будто боясь спугнуть бесценную дичь, либо же наоборот, самому не привлечь внимание хищника, Эрих протянул руку. Его пальцы, скользнув по шероховатым камням, прикоснулись к продолговатым выбоинам. Он не сразу их увидел. Заросшие мхом, те скрывались от глаз, пока пристальный взор не наткнулся на характерные очертания. Теперь потревоженный мох осыпался на землю, открывая взору небольшие впадины. В теории, они могли образоваться от чего угодно. Взять те же две мировые войны, прогремевшие над Берлином, и особенно последнюю, чьи бомбежки до сих пор напоминали о себе еще и не такими следами. За долгие годы стену могла повредить любая случайность или дефект вообще содержался на ней изначально. Все эти соображения ураганом проносились в голове Эриха, будто во сне застывшего у старинной кладки. Его пальцы продолжали елозить по ней туда-сюда, стирая налет грибковой плесени и ощупывая каждую выбоину. Холод камня, охвативший ладони, проникал, казалось, в саму душу. Каждое прикосновение болезненно отзывалось на ее до предела натянутых струнах. Каждый взгляд, обращенный на свидетельство стрельбы, жег смятенный разум. Выбоин было несколько, и все они обнаружились там, где пули, выпущенные полицейскими, попали в стену, оставив на ней сколы и царапины.

Изначально очередной поход в Аномалию не планировался. Эрих, даже после поразительной газетной статьи, по-прежнему собирался провести выходные подле Евы, пусть и размышляя над новыми обстоятельствами. Читать исторические хроники и искать

информацию в интернете можно и у постели любимой девушки, переведенной из реанимации в обычную палату. Слова Адама, прозвучавшие сами по себе, привели к пресловутой стене, а та, в свою очередь, внесла в дальнейшие действия непредвиденные коррективы. Стоя в комнате с Аномалией, Эрих глядел на нее так, будто видел впервые в жизни. Он был не из тех, кто принимает все на веру, либо же наоборот — до последнего отрицает очевидное. Отрицает даже тогда, когда оно уже стучится в дверь и заслоняет свет за окнами. Эриху требовались доказательства. Желательно такие, какие опровергнуть просто невозможно. До сих пор все обнаруженные свидетельства взаимосвязи между той стороной и этой могли расцениваться как совпадения. Осколки от разорвавшейся бомбы способны оставить вполне похожие следы, равно как и автоматная очередь во время войны. Номер газеты был обнаружен уже постфактум, а ничто не гарантировало как исходную неизменность, так и последующие метаморфозы его содержания. И то и другое уже не проверишь. Однако существовало нечто такое, чего уже не получится опровергнуть никакими аргументами, а также дать альтернативное обоснование. Оторвавшись от стены, Эрих направил стопы в кирху. Устроившись в притворе, он вытащил из обоймы один патрон, вскрыл его подручными инструментами и высыпал порох. Письменные принадлежности неизменно лежали там же, где и всегда. Взяв лист бумаги, молодой человек отрезал от него небольшую полоску. На этой полоске, вооружившись шариковой ручкой, он вывел предельно простую надпись, содержавшую его имя, отчество, а также сегодняшнюю дату. Скатав бумажную полоску в трубочку, Эрих засунул ее в патрон и старательно приладил пулю обратно. Для стрельбы такой боеприпас уже никоим образом не годился, а вот как вместилище для послания — очень даже. Убедившись, что контейнер с запиской надежно запечатан, Эрих проследовал в подвал и вскоре оказался "на той стороне". Ночь привычно сменилась днем. Выйдя из кирхи, он обошел ее вокруг, выискивая подходящее место. Фундамент старинной постройки интересовал Эриха в первую очередь. В земле ведь может произойти все что угодно, от смещения пластов и течения вод до банальной работы землекопа. Деревья также никуда не годились, не внушая доверия. Не внушали ее и стены, подверженные вибрации, а также оконные рамы, которые однажды могли заменить. Вызывала сомнения и внутренняя часть кирхи, постоянно имевшая дело с рукой человека. Фундамент же незыблемо стоял с незапамятных времен. Если в его расщелину положить что-нибудь совсем небольшое, то там оно, скорее всего, и останется. Отыскав небольшое углубление, Эрих примерил в не-

го патрон. Пришлось повозиться, чтобы расширить пространство подходящей железякой, но молодой человек, в конце концов, преуспел. Патрон втиснулся промеж седых от времени камней, а слой замазки, позаимствованной в притворе, надежно скрыл его от внешнего мира. Песок и щебень, нанесенные поверх вязкого слоя, окончательно довершили маскировку.

Покончив с этой задачей, Эрих отнюдь не испытал облегчения, хотя руки и спина, гудевшие от возни с неподатливым материалом, наконец-то получили передышку. Теперь требовалось подождать, пока Аномалия объявится вновь. Коротая время, Эрих наведался к тому дому, на чьей стене остались следы от выстрелов. Да, они были там, совсем свежие и ни с чем другим не соседствовавшие. Достав смартфон, молодой человек сделал несколько фотографий, стараясь не попадаться на глаза случайным прохожим. Сделал и общим планом, и крупным, и все выбоины вместе и каждую в отдельности. Затем, все еще опасаясь свободно бродить по округе, он осторожно прошел к дому пастора Берга. Тот выглядел каким-то необитаемым. Заглядывая в окна, Эрих надеялся увидеть признаки жизни, однако так никого и не обнаружил. Он испытывал огромный соблазн забраться внутрь, но поймав на себе взгляд какого-то человека, смотревшего на него с улицы с нескрываемым подозрением, поспешил удалиться.

Оставшуюся половину двенадцатичасового цикла Эрих провел в притворе кирхи, пытаясь поспать. Во-первых, так время пройдет быстрее. Во-вторых, сон ему действительно не помешает, поскольку вместо ночи в своей постели Эрих очутился здесь, ставя срочный и чрезвычайно важный эксперимент. Сон, увы, не шел, хотя в этой части кирхи имелась вполне приличная лежанка. Возбужденный разум молодого человека отказывался поддаваться чарам Морфея, продолжая строить одну безумную теорию за другой. Щель в фундаменте, хранившая патрон с посланием, не давала ни минуты покоя. От ее вскрытия Эриха отделяли десятилетия и одновременно всего несколько часов. Ожидание превращалось в настоящую пытку.

Из Аномалии Эрих выскочил как ошпаренный и опрометью бросился наверх. В кирхе, погруженной во тьму, гулким эхом раскатились его торопливые шаги и стук окна, распахнутого до отказа. Выбравшись на улицу, молодой человек едва ли не бегом добрался до заветного участка фундамента. Второпях он даже забыл прихватить какой-нибудь инструмент и был вынужден ковырять-ся в камнях ключом от квартиры. Охваченный чрезвычайным возбуждением, Эрих тыкал и тыкал в тайник полоской металла, силясь проникнуть в углубление. Еще немного, еще чуть-чуть и то-

гда… А что, собственно, тогда? Что именно в действительности хотел обнаружить в тайнике Эрих Сторм? Орудуя ключом, стиснутым дрожавшими пальцами, не желал ли он наткнуться на пустоту и облегченно выдохнуть? Стремился ли он и впрямь отыскать неопровержимое подтверждение своей последней догадки? Подтверждение, приводящее его на совершенно иную грань восприятия происходящего. Точно можно было утверждать лишь одно: молодой человек страшно волновался, боясь признаться самому себе, насколько боится узнать результаты эксперимента. Толстый слой окаменевшей субстанции, заполнявшей пространство меж камнями, мог быть как замазкой, лежавшей десятилетия, так и чем-то иным. Сам по себе он не являлся каким-то доказательством, поэтому Эрих упорно долбил и долбил его до тех пор, пока не сколол большой кусок, упавший на землю. Глазам молодого человека представилась выбоина с остатками цементирующего вещества, не содержавшая более ничего. Из груди Эриха вырвался громкий вздох не то облегчения, не то разочарования. Сунув палец в образовавшуюся пустоту, он провел по ней так же, как давеча по сколам на стене дома. Остатки предполагаемой замазки окончательно искрошились и осыпались. Эрих опустил глаза. Из большого куска, покинувшего фундамент, торчал какой-то тусклый предмет. Несколько секунд молодой человек смотрел на него как кролик на удава, пока не нашел в себе силы поднять свою находку. Ему не требовалось хорошенько ее отчищать, чтобы понять с первого взгляда — это был пистолетный патрон.

Удалив замазку с металлического корпуса, Эрих так вцепился в пулю зубами, что едва не искрошил эмаль. Хорошо засаженный свинец сидел очень плотно, за долгие годы фактически приклеившись к гильзе. Плоскогубцы управились бы с задачей куда эффективнее и безопаснее, но молодой человек не мог больше ждать. Он рвал и рвал пулю из гнезда, рискуя испортить себе не только прикус, но и сломать зуб. Когда же усилия увенчались успехом, на землю упал свернутый клочок бумаги, едва не унесенный налетевшим ветром. Плюхнувшись на него как на ускользавшую рыбу, Эрих нащупал заветную бумажку, вытащил из-под живота и сел прямо на землю, стиснув ее в пальцах. Еще несколько секунд — и вот он уже развернул узкую полоску записки, пожелтевшую от времени. Надпись серьезно пострадала из-за воздействия сырости, металла и перепадов температур, но все же оказалась достаточно разборчивой, чтобы не оставлять сомнений в ее содержимом. Текст записки был точно такой же, какой Эрих собственноручно написал еще сегодня. То есть почти восемьдесят лет назад. Написал, отправив послание самому себе. Ни один летописец в

мире не мог об этом знать, равно как и ни одна Национальная библиотека. Никому не было известно ни содержание записки, ни обстоятельства ее сокрытия, ибо ни одна душа не ведала, когда, что и куда положил Эрих Сторм. В означенных обстоятельствах напрашивался единственный вывод, не имеющий иной трактовки. Это была та же самая записка.

* * *

Карл Шимке, занятый делами, никак не ожидал увидеть полицейского. Точнее, не полицейского вообще, а именно того, с кем однажды уже беседовал, и чьи показания были тщательно зафиксированы. На все просьбы о встрече он заявлял, что занят, и обещал переговорить позже. Вероятно, терпение полицейского истощилось, и тот явился лично, потребовав пропустить его к следователю Шимке. Поморщившись, следователь выслушал дежурного, передавшего ему сообщение настойчивого посетителя, и вдруг изменился в лице. Велев проводить к нему этого человека, он открыл на компьютере нужный файл и бегло освежил в памяти его содержимое. Когда отворилась дверь, глаза следователя уставились на крепкого мужчину среднего роста, одетого в форменный мундир. Его лицо выражало заметное волнение, а взгляд беспокойно бегал по сторонам.

— Присаживайтесь, — пригласил следователь, сделав характерный жест.

Посетитель грузно опустился на стул, по-прежнему продолжая глядеть абы куда, но только не на хозяина кабинета.

— Мне передали ваши слова, — произнес Шимке, нарушая установившуюся паузу. — Если я не ошибаюсь, вы намерены сообщить новые сведения касательно Эриха Сторма.

Полицейский кивнул с выражением внутренней борьбы. То, что привело его сюда, все еще окончательно не победило, и сейчас старалось подавить последнее сопротивление мыслей, державших рот на замке.

— Я вас слушаю. Надеюсь, это нечто очень существенное, раз вы столь настойчиво рвались сюда и отвлекли меня от важной работы, — вежливо, но твердо заявил следователь. — Ваши показания имеются в деле. Что вы намерены к ним добавить?

— Его там не было, — выдавил из себя посетитель.

— В смысле? — не понял Шимке.

— Эрих Сторм. Его не было в квартире, когда мы туда приходили, — выпалил полицейский.

Теперь обратного пути не существовало. Он только что сжег мосты

и вдруг ощутил облегчение, будто сбросил с души тяжкий груз.
— Как вы сказали?! — опешил следователь, откидываясь в кресле.
— Наши прошлые показания — ложь, и я в этом признаюсь. Мы не видели Эриха Сторма — ни я, ни мой напарник. Вместо него нам открыл другой человек, — пояснил страж порядка более уверенным голосом.
— Вы понимаете, насколько серьезно ваше заявление? — помолчав, осведомился следователь. — Понимаете, что лжесвидетельство в означенных обстоятельствах может вам очень дорого обойтись?
— Вот именно потому, что понимаю! — твердо заявил посетитель. — Прежде речь шла о каком-то незначительном алиби ни в чем не обвиняемого гражданина. Сейчас, когда вопрос стоит о терроризме, я не считаю возможным и дальше поступаться своей совестью. Покрывать хулигана — это одно, а того, кто имел контакты с террористами — совсем другое. Я не знаю, в чем именно виноват господин Сторм, я лишь заявляю — в ту ночь его в квартире не было!
— Вы готовы подтвердить это под присягой? — быстро произнес следователь.
— Безусловно. И согласен нести всю полноту ответственности, — кивнул полицейский.
— А ваш напарник? — осведомился Шимке.
— Вот за него я не в ответе, — послышался сдержанный ответ.
— Хорошо, — подумав, сказал следователь. — Давайте начнем с вас. Расскажите все, что знаете, и на этот раз без утайки. Если вы пришли ко мне сделать чистосердечное признание, я приму все меры для того, чтобы ваша прежняя ошибка обошлась минимальными последствиями. Но если вы снова что-то от меня утаите — пеняйте на себя.
Щелкнув на столе какой-то кнопкой, Шимке выжидающе уставился на посетителя. Полицейский, промочив горло стаканом воды, утер губы и призадумался, взвешивая слова.
— Мы с напарником приехали на вызов и поднялись к указанной квартире, — начал он. — Мы звонили и стучали, но дверь долго никто не открывал. Мы уже собрались запросить дальнейшие инструкции, как вдруг щелкнул замок…

Взорам патрульных Кольбе и Майера представился невысокий человек, показавшийся на пороге. Напарники изложили цель своего визита. Человек сообщил, что он не хозяин квартиры, однако полицейские могут увидеть Эриха Сторма, если пройдут внутрь. Радушно распахнув дверь, он отступил в сторонку с самым любезным выражением лица. Патрульные, не усмотрев в предложении ничего предосудительного, вошли в квартиру. Там

они проследовали за незнакомцем, представившимся коллегой господина Сторма. Комната, куда он их привел, была пуста. Точнее, в ней отсутствовали мебель и предметы интерьера, исключая какую-то прямоугольную конструкцию в центре, накрытую красным полотном. Полотно странно отсвечивало, будто по нему пробегали язычки живого пламени, хотя источника открытого огня вокруг не имелось. Комнату освещала обычная потолочная люстра, испускавшая совершенно другой свет. Оглядываясь, полицейские услышали, как за ними закрылась дверь. Закрылась самостоятельно, без всякого внешнего усилия.
— Где Эрих Сторм? — подозрительно осведомился Майер, положа руку на пистолет.
— Здесь, — указал незнакомец и стянул красное покрывало.
Под ним было золото. Много золота. Его кирпичи, отливавшие тусклым желтым цветом, лежали один на другом, приковывая взоры полицейских. Напарники не очень хорошо знали, почем стоил каждый слиток, но сразу становилось ясно, что здесь их на несколько миллионов евро. То, что это именно золото, а не какой-то иной материал, оба полицейских каким-то образом поняли сразу. Чистое, полновесное золото, обычно используемое банками, только маркировка на слитках отсутствовала.
— Что это значит? — сурово спросил Кольбе, потянувшись к своему оружию.
— Это — Эрих Сторм, которого вы хотели видеть. Если вас кто-нибудь спросит, вы видели его именно здесь и именно сейчас, — спокойно произнес незнакомец. — Все, что от вас требуется — придерживаться этой версии. Взамен слитки будут разделены между вами поровну и доставлены туда, куда скажете, в течение суток, начиная с данного момента. Каждый из вас получит по шесть миллионов евро золотом. Если же обещанное не поступит в срок, вы вольны дать любые показания, какие сочтете нужными. Ваше решение?
Майер и Кольбе ошеломленно переглянулись. Груда золота оказалась перед ними столь внезапно, что патрульных покинула обычная уверенность. Майер отступил к двери и потянул ее за ручку. Дверь не поддалась.
— Она заперта, — пояснил незнакомец. — У вас есть два пути отсюда выйти: либо вы принимаете мое предложение, либо вам придется меня застрелить.
Пистолеты полицейских тут же уставились в грудь невысокому человеку, но выстрелов не последовало.
— Это взятка, приятель. Взятка должностному лицу при исполнении, — хмуро сообщил Майер.

— Скорее, вознаграждение за оказанную услугу, — как-то лукаво улыбнулся незнакомец. — Эти шесть миллионов будут ваши, и никто никогда не узнает об источнике их происхождения. Подумайте: шесть миллионов за то, что здесь и сейчас вы видели Эриха Сторма. То есть человека, который ничего особенного не натворил, чтобы его беспокоили всякими нелепыми подозрениями.
— Если он ничего особенного не натворил, с чего бы тогда столь неслыханная щедрость? — не без иронии усмехнулся Майер.
— Это уж мое дело, — отрезал неизвестный. — Но вы сможете проверить по вашей базе данных и убедиться, что я говорю правду. Эрих Сторм чист.
— А если мы вас сейчас не застрелим, а повяжем? — выдвинул предложение Кольбе. — Повяжем вместе с этим золотишком и сдадим куда следует? Что тогда?
— Тогда ваша дочь умрет от рака, господин Кольбе, — неожиданно изрек незнакомец. — Ее сейчас обследуют. Диагноз будет неутешителен. Ей еще не поздно помочь, отправив в израильскую клинику, но лечение будет стоить дорого, а время уходит.
— Что вы сказали?! — обомлел Кольбе.
— Ваша жена вряд ли спокойно воспримет, что вы имели возможность спасти дочь и отринули ее без всяких колебаний. Уж будьте уверены, ей сообщат. Она уйдет от вас вместе с сыном, и вы больше никогда их не увидите. Выбирайте: счастье со здоровой семьей в благоденствии и достатке, или же смерть от алкоголизма в одиночестве, с грузом вины за смерть дочери, — с какой-то непередаваемой интонацией изложил незнакомец.
— Вы!.. — задохнулся смятенный Кольбе, потеряв дар речи.
— Теперь что касается вас, господин Майер, — невозмутимо продолжил невысокий человек, обратив взор на другого полицейского.
— Откуда вы знаете как нас зовут? — вздрогнул тот, ошеломленный речами странного типа.
— Бизнес вашей супруги весь в долгах. Она уже не сводит концы с концами. Скоро кредиторы предъявят вам иск. Ваше имущество будет описано, ваш дом пойдет с молотка. Вы сами объясните это вашим детям, которые учатся в колледже, или это сделать мне? Сделать, когда их отчислят за неуплату и выкинут на улицу? — улыбнулся уголком рта незнакомец. — Ваши ставки на спорт ничуть не улучшили финансовое положение семьи. Шесть миллионов вернут ей утраченное благосостояние и кратно его преумножат. Дети закончат обучение и пойдут на достойную работу, а ваша супруга получит второй шанс упрочить и расширить дело. Каков будет ваш выбор?
Полицейские вконец опешили. Кольбе застыл как изваяние, рази-

нув рот. Пистолет Майера, по-прежнему направленный в неведомого человека, задрожал. Стряхнув оцепенение, Кольбе потянулся к рации и нажал на кнопку. Ничего не произошло. Та молчала, как кусок литого пластика. С таким же успехом полицейский мог давить пальцем на пуговицу мундира.
— Ваша связь сейчас недоступна, — без всяких эмоций сообщил неизвестный. — Вы должны дать мне ответ. Предложение сделано. Последствия я только что озвучил. Выбор за вами.
Палец Майера на курке побелел. То ли намеренно, то ли от избытка чувств он чуть передавил спуск, и в комнате раздался сухой щелчок.
— Осечка, — усмехнулся незнакомец. — Можете попробовать снова, но результат будет тот же. На вашем месте я бы очень серьезно отнесся к тому, кто сумел такое подстроить. Итак, ваше слово? Время идет. Ваши коллеги скоро забеспокоятся, почему вы не отвечаете. Предупреждаю: другого шанса не будет. Вы можете получить по шесть миллионов золотом каждый, а можете уйти восвояси, сказав, что не видели Эриха Сторма. Господин Сторм не маньяк и не международный преступник. Национальная безопасность не пострадает. Так какое вам до этого дело? Вы готовы пожертвовать счастьем своих близких ради какой-то ерунды? Счастьем и даже жизнями?
Полицейские переглянулись. На их лицах отражалась такая внутренняя борьба, что не каждый хороший актер был способен ее воспроизвести.
— Какие гарантии? — с внезапно пересохшим ртом осведомился Майер.
— В течение суток вам доставят золото. Куда — это уж под вашу ответственность, подумайте хорошенько. Если сутки пройдут, а вы ничего не получите — вы вольны поступать как сочтете нужным. Так чего же вы теряете? — картинно развел руками незнакомец.
— Мы можем поступить по-своему и взяв золото, — закусив губу, заметил Кольбе.
— Я бы вам этого настоятельно не рекомендовал, — блеснул глазами незнакомец. — Тот, кто способен с легкостью отдать вам столько золота может заставить за него и заплатить.
Полицейские, придвинувшись друг к другу, о чем-то зашептались. Неизвестный все это время стоял молча и смотрел на них пронизывающим взглядом. Таким, будто в его зрачках было установлено по рентгеновскому аппарату.

Уходили полицейские в большом смятении, силясь ничем не выдавать своих эмоций. Дверь в комнату, отчетливо щелкнув, от-

крылась нараспашку, едва они дали требуемый ответ.

К концу суток каждый из напарников созерцал груду желтых слитков, доставленных точно по указанному адресу молчаливым водителем в черном внедорожнике. Их вес соответствовал обещанному металлу. Пробные надпилы подтверждали его целостность. Последующие проверки, выполненные с величайшими предосторожностями, не оставляли никаких сомнений. Неизвестный человек не обманул, вручив обоим полицейским по шесть миллионов евро золотом. Вручил всего лишь за алиби, которое Кольбе и Майер дали Эриху Сторму, не проходившему ни по одному делу. К каждой груде слитков прилагался конверт с запиской. В ней рекомендовалось не покидать службу хотя бы в ближайшее время, чтобы не вызвать подозрений, а также содержался список адресов, где напарники сумеют реализовать золото по полной стоимости и без каких-либо последствий.

Выслушав рассказ Майера, Карл Шимке был вне себя от волнения. Его глаза горели жаждой деятельности. В нем проснулся гончий инстинкт, почуявший крупную добычу. Шесть миллионов! Каждому! Видимо, этот Эрих Сторм замешан в чем-то ОЧЕНЬ серьезном, раз кто-то заплатил столь внушительную сумму за его алиби. Причем заплатил еще до того, как Сторма начали в чем-то подозревать. Да-а-а, дело-то, оказывается, все интереснее и интереснее. А ну как именно Сторм связан с террористами или чем еще похлеще?! А ну как... Впрочем, стоп! Следствие покажет! Шимке, чувствуя, как его фантазия пустилась вскачь, взял себя в руки, возвращаясь исключительно к фактам.

— Ваш напарник сможет подтвердить ваши слова? — осведомился он, делая себе какую-то пометку.

— Вряд ли, — мотнул головой Майер. — У его дочери действительно обнаружили рак. Там все серьезно. Он не станет рисковать ее жизнью.

— Даже так? — невольно удивился следователь. — Значит, тот человек не солгал? Любопытно. Очень любопытно. Вы можете подробно его описать? Мое ведомство наверняка захочет с ним познакомиться.

Полицейский видимо замялся, потирая пальцами висок.

— Если уж решили говорить, то говорите до конца, — веско заметил следователь, неверно истолковав его реакцию. — Если же вы опасаетесь этого человека, то...

— Нет, тут проблема в другом, — мотнул головой Майер. — Я решительно не помню как он выглядел. Обычная, ничем не примечательная внешность, неброская одежда. Никаких отличительных черт. Какой-то типичный гражданин, прямо-таки образчик серой

незаметной посредственности, о которых забываешь сразу после того, как отвернешься. Я пытаюсь представить его перед глазами и не могу, словно всю фигуру закрывает какое-то мутное пятно, и особенно лицо, — растерянно протянул полицейский. — При встрече я его наверняка узнаю, но описать сейчас не в состоянии. Если я что-то вспомню, то обязательно вам скажу. Только до сих пор мне это не удавалось.
— Надеюсь, вы не лжете, — слегка нахмурился Шимке. — Иначе ваше признание будет расцениваться по-другому. Кстати, а почему вы решили во всем признаться?
— Совесть заела. Да, наши дела не очень, но мы как-нибудь выкарабкаемся, — тяжко вздохнул полицейский. — Я больше не буду делать ставки. Возьму кредит. Ну, если меня не осудят за лжесвидетельство и взятку. Придется отдавать все до копейки — даже на пиво не останется, — но шансы есть. А покрывать террориста, или кто он там, я больше не намерен.
— Понимаю, — кивнул Шимке.
— Как вы намерены поступить? — с заметным напряжением в лице и голосе спросил Майер.
— Полагаю, ваших показаний мне пока хватит, — ответил следователь. — Сейчас я попрошу вас пройти в другую комнату и подробно изложить все на бумаге. Постарайтесь указать хоть что-нибудь о том человеке в квартире Сторма. Не забудьте поставить число и подпись. Потом вы пойдете домой, а я, если вы сказали мне чистую правду, подумаю, как оставить вас по этому делу в качестве свидетеля, а не обвиняемого.

Проводив посетителя, Карл Шимке вернулся на свое рабочее место и принялся что-то писать, открывая файл за файлом. Кнопки клавиатуры тихо стучали, отзываясь на прикосновение его быстро бегающих пальцев. Занося новые сведения, следователь готовился зафиксировать и приобщить к ним письменные показания. В расчете на них он уже вовсю строил планы по делу Эриха Сторма, получавшему неожиданный оборот.

Прошло около часа. Настольная лампа озаряла лист бумаги, где Карл Шимке чертил какие-то замысловатые каракули. Из-за нее лист казался желтоватым, а линии, оставленные синей гелевой ручкой, отливали чернотой. Следователь, выстраивая в голове некую взаимосвязь, отображал ее в схематичном виде. Факты и предположения он обводил кружками, планируемые действия — ромбиками. Взаимообратные треугольники причин и следствий соединялись стрелочками, и эти же стрелочки изгибались туда-сюда, собирая всю конструкцию в единый комплекс. Увлеченный своим занятием, Шимке даже позабыл о времени. Он встрепенул-

ся лишь тогда, когда к нему в кабинет заскочил сослуживец. Взглянув на часы, следователь отметил, что Майер задерживается. Что там можно так долго писать? Переговорив с коллегой, Шимке велел одному из помощников проверить, чего там поделывает свидетель и поторопить его, если тот еще не закончил. Помощник удалился, а следователь продолжил строить наполеоновские планы на бумаге, опутывая сетью Эриха Сторма. Когда дверь распахнулась вновь, он был даже недоволен, что его оторвали от приятных размышлений о разоблачении преступника. Помощник прямо-таки ворвался в кабинет и остановился у стола, дыша так, будто запыхался после бега. Шимке поднял на него вопросительный взор и заметил, что лицо посланца странно перекошено.

— Он мертв! — выпалил помощник.

— Кто мертв? — откровенно не понял следователь.

— Майер. Он мертв, — повторил помощник вне себя от волнения.

— Что?! Как?! Что ты такое несешь?! — опешил Шимке, аж привстав со стула. — А ну говори толком!

Помощник сбивчиво затараторил, пытаясь изложить только что увиденное.

Полицейский, поведавший следователю о своем лжесвидетельстве, действительно умер. Умер в закрытой комнате, куда никто не входил. Его обнаружили лежащим на полу возле отодвинутого стула. На столе находились ручка и девственно чистый лист бумаги, поверх которого было рассыпано нечто похожее на пепел. На лице Майера застыло выражение страха, словно все еще стоявшего в остекленевших глазах. Его пальцы скрючились, не то в попытке кого-то ухватить, не то в приступе внезапной агонии. Явные признаки насилия отсутствовали, да и откуда бы им взяться, если полицейский находился в помещении один. Но пистолет! Почему он лежал рядом с телом, будто его сначала вынули из кобуры, а затем уронили на пол? Неужели Майер, почувствовав себя плохо, уже не мог говорить и пытался позвать на помощь выстрелом, но так его и не сделал, окончательно скрученный приступом? Патрон был в стволе и, что странно, в обойме оставался всего еще один. Куда же подевались остальные? Полицейский ходил с практически разряженным оружием? Шимке, прибежав на место происшествия, растолкал коллег и собственными глазами узрел всю картину. Невероятно! И это в тот самый момент, когда Майер готовился снабдить следствие чрезвычайно важными письменными показаниями! Да что же это такое?! Шимке, быстро провертев в голове рассказанную ему историю, припомнил угрозы того незнакомца, посулившего как золото, так и расплату за нарушение уговора. Майер его действительно нарушил, развязав язык, и лежит

теперь мертвый, так и не успев зафиксировать свои слова на бумаге. Что это?! Совпадение?! Переволновался и получил сердечный приступ или же кто-то и впрямь до него добрался, причем умудрился это сделать прямо в сердце юстиции? Но как?! Все клянутся, что в комнату никто не входил. Неужели яд?! Шимке, взволнованный донельзя, тут же отдал несколько распоряжений, велев проверить возможность отравления, а также затребовав данные с камеры наблюдения. Первое было исполнено в точности, а вот со вторым сразу же не заладилось. Видеозапись показывала, как Майер сел за стол и придвинул к себе лист бумаги, затем подумал немного и явно собрался что-то писать. После этого картинка обрывалась. По неизвестной причине камера дала сбой, передавая только беспорядочный шум. Специалисты лепетали какие-то оправдания, ссылаясь на неполадки в питании. Шимке, отпуская проклятия, не знал что и думать. С одной стороны, все выглядело совершенно естественно, хоть и вызывало немалое потрясение. С другой, в такие совпадения верилось с трудом. Эрих Сторм, едва не изобличенный предоставившим ему алиби полицейским Майером, в последний момент благополучно ускользнул прямо из рук следователя.

— Похоже, этого парня хранит сам дьявол! — в сердцах пробормотал Шимке, раздосадованный дальше некуда. — Ну ничего, господин Сторм, теперь я о вас кое-что знаю! Теперь, рано или поздно, я вас выведу на чистую воду!

Все больше раздражаясь упущенному свидетельству, следователь насел на айти-специалистов, требуя от них любыми средствами восстановить видеозапись из комнаты. Те как только ни старались, пытаясь нащупать в файле хоть какие-то фрагменты изображения, но безрезультатно. Шимке так ничего и не увидел. Вместо него видео с камеры увидел некто совсем другой.

Сидя за своим ноутбуком, полицейский Кольбе просматривал последние сообщения в профиле социальной сети, заодно отвечая знакомым в мессенджере. Внезапно экран замерцал, пойдя полосами, будто нарушился какой-то контакт или систему поразили вирусы. Кольбе, нахмурившись, подвигал взад-вперед экран ноутбука и пошевелил мышкой. Мерцание и полосы исчезли. Вместо них во весь рабочий стол появилось окно, в котором тут же стало воспроизводиться видео. На нем была комната со столом и двумя стульями. За столом сидел какой-то человек и что-то писал на листе бумаги. Когда он поднял голову, Кольбе безошибочно узнал в нем своего напарника Майера. Майер прервался не просто так. К нему кто-то вошел. Из области за пределами кадра объявился человек, находившийся к камере так, что лица не было видно. Не-

сколько секунд Майер смотрел на него, вытаращив глаза. Затем вскочил, опрокинув стул, и выхватил пистолет. Звука не было как в немом кино, но стало абсолютно ясно, что он кричит то ли этому человеку, то ли призывая на помощь. А человек приближался. Полыхнули вспышки выстрелов. Видимо, это они придавали изображению красный отсвет, хотя казалось, что тот исходит от периметра комнаты. Горохом посыпались гильзы. Майер разряжал обойму, и последние пули выпустил в упор. Человек, даже не дрогнув, подошел к искаженному страхом полицейскому, перехватил его оружие и вдруг выбросил руку вперед. Та погрузилась прямо в грудь Майера, пробив ее в области сердца. Брызнула кровь, заструившись по рукаву незнакомца, и закапала на пол. Майер замер как жук, нанизанный на булавку. Черты его лица застыли с приоткрывшимся ртом. Из пальцев выскользнул почти разряженный пистолет, упав возле опрокинутого стула. Скрючиваясь, они бессильно царапнули по одежде убийцы, пока стекленели глаза. Когда неизвестный отдернул руку, напарник был уже мертв и свалился на пол бездыханным трупом.

Оцепенев от ужаса, Кольбе наблюдал за немыслимым видео, плохо отдавая себе отчет о происходящем. Его расширенные зрачки следили за каждым движением на экране, а в голове творилось черт знает что. Незнакомец склонился над телом и приложил ладонь к его развороченной груди. Точнее, не приложил, а провел по ней плавным неторопливым жестом. Кровь исчезла. Исчезла так, будто ее никогда и не было. Будто дизайнер стер ластиком некий графический слой, содержавший пятно красной краски, открыв находившееся под ней изображение. Но это оказалось еще не все. Пропала и дыра в груди. Большая дыра, откуда торчали разорванные сосуды и осколки ребер. На ее месте, как и положено, теперь была материя полицейского мундира, не испорченная ни единой прорехой. Капли крови, пролившиеся на пол, растворялись в никуда, стремительно уменьшаясь в диаметре, пока полностью не испарились. Незнакомец распрямился, по-прежнему не поворачиваясь к камере, и вытянул руку. Пистолетные гильзы, рассыпанные по комнате, неожиданно взмыли в воздух. Взлетев ярда на полтора, они развернулись и поплыли прямиком к его раскрытой ладони, приземляясь на нее как на посадочную площадку. Когда на ладонь улеглась последняя гильза, незнакомец сжал пальцы в кулак, а когда разжал, там уже не было ничего. И тут он развернулся. Не просто развернулся, а приподнял голову и посмотрел в видеокамеру. Кольбе прямо-таки ощутил пронизывающий взгляд, обращенный не просто в его глаза, а, казалось, в самую душу. Незнакомец указал пальцем в направлении стола. Лежавший там

лист, где Майер успел что-то написать, внезапно вспыхнул. Язычки пламени, охватившие его разом со всех сторон, за несколько секунд пожрали всю бумагу, не оставив от нее ни кусочка. Лист превратился в сажу, и эта сажа, полежав несколько мгновений, рассыпалась в порошок, разлетевшийся микроскопической взвесью. Теперь на столе находился только чистый лист, на который оседали крошечные черные точки. И тут незнакомец неторопливо сделал несколько шагов, остановившись перед объективом камеры так, чтобы лицо было очень хорошо видно. Его рот приоткрылся, произнося какие-то слова. Звук по-прежнему отсутствовал, но на экране ноутбука, накладываясь на кошмарное видео, высветилась крупная надпись. Ее переливы красным напоминали некое уже виденное полотно, отсвечивающее так, будто по нему пробегало живое пламя. На этот раз они наполняли текст: "Ты тоже хочешь сделать признание, Кольбе?" Тот, кому адресовалось послание, задрожал так сильно, словно вокруг воцарился арктический холод. Он продолжал дрожать, когда картинка погасла, оставив после себя одно лишь послание, тянувшееся через весь экран. Дрожал он и после того, как надпись испарилась, а рабочий стол обрел свой обычный вид. Кольбе узнал человека на видео. Это был тот незнакомец, который вручил ему и Майеру золото в обмен на алиби для Эриха Сторма.

Карл Шимке выглядел мрачнее некуда. Творилась какая-то чертовщина, состоявшая сразу из нескольких необъяснимых вещей. Следователю очень не нравилось, когда он сталкивался хотя бы с одним явлением, ускользавшим от его понимания. Целый набор выводил Шимке из душевного равновесия. Допустим, Майер скончался от сердечного приступа. Патологоанатом не нашел иной причины. Все признаки указывали на столь банальный вывод, несмотря на отсутствие предпосылок по здоровью. Из пистолета стреляли, но где-то в другом месте, так как звуков выстрелов никто не слышал, равно как в комнате отсутствовали гильзы и пулевые отверстия. Но куда исчез лист бумаги? На последних кадрах видео, прервавшихся в тот момент, когда Майер только собрался писать, было отчетливо видно, что листов два. Когда же обнаружили тело, на столе лежал только один. Черные крошки, подозрительно похожие на пепел, отдали на экспертизу. Результат оказался таков, что лучше бы его не было вовсе. Если кто и сжег показания Майера, то сделал он это при помощи сверхвысокой температуры, разрушавшей саму структуру вещества. Настолько высокой, что вспыхнула бы вся комната разом, а пожар тут же распространился бы на весь этаж, одновременно уходя в перекрытия. Так что же все-таки произошло, когда Майер остался один? Если его

смерть вызвали естественные причины, то куда подевался проклятый лист, впоследствии нигде не обнаруженный? Шимке бы впору хвататься за голову, ломая ее над этой загадкой, только она не шла ни в какое сравнение с другим ребусом. Воспользовавшись кнопкой на столе, следователь записал разговор с Майером, после чего отправил его зафиксировать показания на бумаге. Эта запись бесследно исчезла. Карл Шимке чуть не придушил айтишника, заявившего, что носитель информации не содержит никаких следов нового файла, обязанного образоваться в указанное время. Его там нет и никогда не было. Поставив локти на стол, Шимке сидел, запустив пальцы в волосы, и силился хоть как-то вникнуть в создавшуюся ситуацию. Он ведь уже торжествовал, собираясь вплотную заняться господином Стормом, а тут вдруг выясняется, что у него по-прежнему нет ровным счетом ничего! Сознавшийся Майер умер при загадочных обстоятельствах буквально в полусотне ярдов от его кабинета, свидетелей их разговора не было, а аудиозаписи не сохранилось. Иными словами, историю полицейского Майера теперь знал только Карл Шимке, но при отсутствии доказательств ей грош цена. Ни для суда, ни даже для собственного начальства следователя она ничего не значит, приравниваясь к плоду разыгравшейся фантазии. Впрочем, так ли уж нет доказательств? Надо разыскать то самое пресловутое золото! Тогда показания Майера, пересказанные устами Шимке, обретут реальное подтверждение. Тогда, следующим шагом, можно будет попробовать прижать Кольбе. Проклятье, какая непростительная оплошность, что следователь не успел выяснить у Майера, где тот спрятал слитки! Полицейский, пришедший каяться, обещал сдать их все до единого, но расположение тайника не сообщил, а Шимке упустил это из виду. Они ведь никуда не опаздывали, и любой вопрос можно было прояснить буквально в любое время. Вот и прояснили… Чертыхнувшись в очередной раз, следователь вскочил и, едва не своротив стол, вышел из кабинета. Через час он звонился в квартиру к напарнику Майера.

Дверь открыла жена Кольбе. Выслушав посетителя, она провела его в комнату к мужу. Тот сидел на диване, закутанный в шерстяное одеяло, и пил что-то явно горячительное из большого барного стакана. На столике стояла бутылка, в которой Шимке признал распространенную марку виски. Усевшись рядом с полицейским, он окинул его внимательным взором.

— Что с вами? — спросил следователь отнюдь не с наигранным беспокойством.

— Мне нездоровится, — пробормотал, подрагивая, Кольбе.

Его и правда трясло как в лихорадке. По бледному лицу стекал

пот, который он утирал полотенцем, но при этом, по всей видимости, несчастный испытывал приступ леденящего холода.
— Вам бы к врачу, — посоветовал Шимке, поскольку вид у полицейского был более чем неважный.
— Пустяки. Пройдет, — просипел Кольбе. — Чем обязан вашему визиту?
— Э-э, тут такое дело... Вы в таком состоянии, что я даже и не знаю, стоит ли вам говорить... — замялся обуреваемый сомнениями следователь.
— Говорите уж, раз пришли, — отозвался полицейский. — Можете не волноваться — хуже мне уже вряд ли станет.
— Это как сказать, — качнул головой следователь. — Видите ли, несколько часов назад скончался ваш напарник, Майер.
Заметной реакции не последовало. Полицейский даже не повернулся, не удостоив Шимке ни словом, ни взглядом.
— Почему вы молчите? — удивленно осведомился следователь. — Вы разве не хотите узнать, что произошло?
Кольбе вяло повел плечом, угловато очертившимся под одеялом. Внезапно Шимке осенило.
— Так вы уже знаете! — воскликнул он. — Но откуда?
— Я звонил в ваше ведомство. Там не хотели говорить, но я назвал себя. Мне сообщили, что Майер умер от сердечного приступа, — с явной неохотой выдавил из себя полицейский.
— Вам было известно, что он там? — быстро спросил следователь.
— Мы поддерживали очень хорошие отношения и не делали тайн из того, куда ходим, — расплывчато ответил Кольбе.
— Что ж, тогда вы, вероятно, знаете и зачем он приходил, — неторопливо сказал Шимке, взвешивая каждое слово. — Он сделал признание. Очень важное признание. На его основе будет проведено расследование и всех виновных привлекут к ответу. В том случае, разумеется, если те не явятся с повинной. Время у них есть, но мало, ибо когда мы конфискуем его слитки, станет уже поздно.
— Какие слитки? — скривился Кольбе. — Я и Майер многое друг другу говорили, но отнюдь не все. Я понятия не имею, зачем его к вам занесло.
— Где ваша дочь? — вдруг поинтересовался следователь. — Я слышал, она нездорова.
— Ханна на лечении в Израиле, — глухо изрек полицейский. — Супруга приехала на пару деньков, уладить кое-какие дела, и завтра уезжает обратно к ней.
— Что-нибудь серьезное? — деликатно уточнил Шимке.
— Рак. Врачи сказали, что я вовремя к ним обратился, — стра-

дальчески исказилось лицо Кольбе.
— Искренне вам сочувствую. Должно быть, это очень дорого, — вздохнул следователь, ища, как раскрутить напарника Майера на диалог.
У него ничего не вышло. Как Шимке ни старался, Кольбе вел себя непробиваемо, а если и волновался, то его реакция полностью растворялась в трясущей тело горячке. Вероятно, Майер был прав. Даже под угрозой разоблачения его напарник ни за что не признается, дорожа жизнью дочери. Можно, конечно, сделать запрос в израильскую клинику на предмет суммы, перечисленной больнице, и откуда она поступила, но не факт что врачи согласятся предоставить такую информацию. Нет, если Кольбе и удастся прижать, то только с поличным. То бишь обнаружить золото и припугнуть конфискацией преступно полученных средств, включая арест платежа сделанного в Израиль. Тогда лечение его дочери наверняка прервут, со всеми вытекающими последствиями. Вряд ли Шимке в действительности возьмет в заложники жизнь ребенка, однако надавить на Кольбе таким развитием событий — это вполне реально. Увы, позже. Сперва требовалось отыскать слитки Майера, чтобы получить ордер на обыск у его напарника. Вежливо распрощавшись, следователь, якобы принесший печальную новость, удалился несолоно хлебавши.

Кольбе его не провожал, оставшись сидеть на диване закутанным в одеяло. Он не простудился и не был сражен вирусной инфекцией. Его трясло исключительно на нервах, откровенно сдавших после немыслимого видео. Кольбе узнал, где происходило действие, ибо прежде видел эту комнату, да и надпись на экране читалась недвусмысленно. Немного придя в себя, он тут же позвонил в следственное управление, и там ему подтвердили смерть Майера. Названная причина принципиально отличалась от того, что некто продемонстрировал Кольбе на дисплее, но его сейчас мало волновало, ложь это, скрывающая правду, или нет. Факт гибели напарника подтвердился, а большего и не требовалось. Кошмарная видеотрансляция, невесть как проникшая на компьютер, внушала первобытный страх перед чем-то сверхъестественным, выходящим за рамки всякого восприятия. Никаких ее следов на ноутбуке не осталось, а предъявить кому-нибудь содержимое своей памяти Кольбе не мог. Да и не собирался. Он очень хорошо понял отправленный ему посыл, и трясся в леденящем душу ужасе, гадая, кем был тот страшный человек.

Об изменениях в ходе расследования Эрих не знал. Даром ясновидения он не владел, а Шимке, с тех пор как господин Сторм превратился из свидетеля в подозреваемого, ни о чем ему не со-

общал. Таким образом, все произошедшее с патрульными Кольбе и Майером оставалось для Эриха неизвестным. Следователь, тем временем, мечтал допросить его по существу или, хотя бы, установить личность того человека, открывшего дверь квартиры вместо ее хозяина. Это было весьма затруднительно, так как скончавшийся Майер не предоставил ни имени, ни описания. Шимке попрежнему приходилось действовать вслепую, усилив наблюдение за Эрихом, и надеяться, что тот допустит какую-нибудь оплошность. Как назло, господин Сторм не давал никаких весомых зацепок. Это лишь усиливало подозрения следователя, считавшего молодого человека крайне хитрым и осмотрительным. При этом Шимке и в голову не приходило, что осторожность Эриха вызвана совсем другими причинами, нежели он ему инкриминировал. Шимке очень хотел узнать, каким образом господин Сторм замешан в деле с террористами Отто Шварца и выявить степень его причастности к взятке полицейским. Двенадцать миллионов золотом просто так не дают! Даже если допустить, что Сторм действительно спалил штаб-квартиру неонацистов, сумма была непомерно велика. Значит, ее предложили на более серьезных основаниях. Следователя переполняло жгучее желание докопаться до правды и прояснить всю историю до самого мелкого эпизода; вычислить всю преступную сеть, начиная от главаря боевиков Шварца и заканчивая сообщниками Эриха. В своих мечтах он представлял, как арестовывает Сторма и помещает под стражу. Умелые допросы, психологическое давление, вовремя пущенные в ход улики — и вот уже подозреваемый выкладывает все подчистую. Шимке был уверен — если он возьмет Сторма в полноценную разработку, то сумеет его разговорить, и даже не подозревал, что в данном случае ему не помогло бы и гестапо. Эрих выдержал бы самые лютые пытки, так и не проронив ни слова; умер бы, а не сказал ничего. И дело было не в том, что молодой человек стоически вытерпит все до конца ради своих убеждений или любимой Евы. Просто о взятке полицейским и последующей смерти одного из них, человеке в его квартире и террористах Эрих знал еще меньше самого Шимке. А если быть точным, он не знал об этом ровным счетом ничего. Даже имена патрульных Майера и Кольбе он услышал бы впервые, не говоря уже о происхождении золота и каких-то своих подельниках. Следователь, пытаясь увязать господина Сторма с террористами, делал кардинальную ошибку не только в плане его несуществующих преступлений, а и в том, что никаких террористов Отто Шварца не было вообще. И Эрих и Шимке пребывали в чудовищном заблуждении касательно происходящего. Пока один гонялся за фантомными злоумышленниками, выискивая преступную связь

в том месте, где она априори отсутствовала, другой видел опасность совсем не там, откуда она исходила. Случись вдруг так, что оба открыто и без утайки переговорили бы друг с другом, расставленная сеть, глядишь, и порвалась бы. Увы, полиция была последним местом на свете, где хотел бы откровенничать Эрих. Шимке же попал в плен собственных подозрений, мешавших ему идти на контакт и оценить ситуацию под другим углом зрения. Таким образом, пресловутая сеть, порожденная чьим-то зловещим умыслом, затягивалась все туже, направляя попавших в нее людей как добычу, ведомую флажками и загонщиками.

Спустя неделю после эксперимента со стеной и посланием Эрих был абсолютно уверен, что за ним ведется непрерывное наблюдение. Следили не только за его домом и больницей. Он регулярно видел "хвост", порой ненадолго исчезавший из поля зрения, но всякий раз объявлявшийся вновь. Эрих заметил его при поездках с работы и на работу, после чего стал присматриваться внимательнее и убедился, что этим дело не ограничивается. Стоило ему взять такси — и за ним неотступно следовала какая-нибудь машина; куда бы он ни шел — везде чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Кто-нибудь мог бы сказать, что соглядатаи действуют весьма топорно, раз допустили свое обнаружение. Кто же мешал им менять хотя бы автомобили, направлявшиеся за Эрихом Стормом? Ответ был чрезвычайно прост: ресурсы. Шимке, не имя на руках приличной доказательной базы, не мог запросить достаточно средств, чтобы не просто обложить господина Сторма со всех сторон, а обложить незаметно. Кроме того, Эриху постоянно помогали случайности. То луч света регулярно сверкал на одной и той же легковушке, пока он не отмечал ее назойливость, то ветер сдувал головной убор с какого-нибудь прохожего и Эрих понимал, что этого человека он уже встречал. Кажется, наблюдали даже за его офисом, иначе чем были вызваны подозрительные блики, похожие на блики от оптики, в окне здания напротив? Такое явно усиленное внимание к своей персоне Эриха очень тревожило, ибо у него хватало оснований предполагать, чем оно вызвано. Хорошо что он побывал у Адама прежде, чем попал под настолько серьезный колпак! Только как теперь прикажете претворять в жизнь свои планы? Они ведь не просто никуда не делись — Аномалия, представавшая в новом свете, вносила в них серьезные коррективы.

Эриху пришлось хорошенько постараться, чтобы прибыть в кирху на исходе пятницы. Открыто приехав к своему подъезду поздно вечером, он прошел к себе в квартиру и включил свет. Сам же подхватил вещмешок и поднялся на крышу, откуда по знако-

мой пожарной лестнице спустился вдоль другой стороны дома. Прежде он уже неоднократно проделывал такой трюк, поэтому дорожка, что называется, была хорошо проторена. Волнение, однако, зашкаливало. Теперь Эрих рисковал несравнимо больше. Во-первых, он уже не был уверен, что и этот путь на улицу не под наблюдением. Во-вторых, пистолет в вещмешке грозил очень серьезным сроком, не говоря уже о сопутствующих предметах. Если где-то здесь притаился полицейский, столь нетривиальное появление Эриха наверняка вызовет у него профессиональный интерес. Ступив на землю, молодой человек ежесекундно боялся услышать строгий оклик, грозивший непредсказуемыми последствиями. Боялся он его и тогда, когда удалялся от дома, то и дело оглядываясь по сторонам. Эрих успокоился лишь в такси, после того как прошел пешком целую милю и убедился в отсутствии "хвоста". В поездке ему пришлось сделать приличный крюк, меняя адрес назначения, и для страховки пересесть в другую машину. Из-за этого Эрих прибыл в кирху гораздо позже, чем обычно, зато был уверен, что его вылазка осталась незамеченной.

Опыт с газетой, стеной и запиской в патроне убедил бы многих. Факты, полученные разными способами, почти не оставляли сомнений, но в этом "почти" все и заключалось. Эриху требовалось НАВЕРНЯКА — абсолютно, точно, гарантированно и без всяких малейших "если". Он не в рулетку играл и не строил планы на выходные, основываясь на прогнозе погоды. Теоретически, некий наблюдатель — взять тех же предполагаемых хранителей Аномалии — мог заметить, как Эрих закладывает записку в фундамент, тем более что провозился он с этим довольно долго. Вероятность? Мала. Даже мизерна. Но она существовала! Последний эксперимент должен был окончательно подтвердить или опровергнуть новую теорию, до сих пор не укладывавшуюся в голове. Все необходимые приготовления Эрих совершил заранее, и теперь, снаряженный соответствующим образом, прошел через Аномалию с вполне конкретной целью. Полдень двадцать четвертого июня застал его на пути в Старый Берлин.

До сих пор Эриху не доводилось ездить по железной дороге тех времен. Он видел ее мельком, однако ни в один поезд не садился и в старинных вагонах не путешествовал. Оказавшись на станции, до которой однажды так и не добрался из пивной фрау Греты, он испытал прилив невероятных ощущений. Дыхание самой истории, к которому Эрих уже начал привыкать, вновь овеяло его с удвоенной силой, когда мимо платформы, свистя и дымя, катили паровозы, таща за собой громыхающие составы. Фотографируй молодой человек открыто, он не просто привлек бы всеобщее

внимание, а наверняка сошел бы за шпиона, и объяснялся бы потом даже не в отделении полиции, а совсем в другом ведомстве. Эрих делал снимки очень аккуратно. Почему их не видел никто кроме него — вопрос отдельный, но сами снимки оказывали немалое подспорье при изучении тех же архивов в Национальной библиотеке. Приобретя билет до Берлина, молодой человек коротал время в ожидании поезда, поэтому проявлял интерес ко всему окружающему, и в первую очередь к железнодорожным путям со всем, что по ним перемещалось.

Состав опоздал на шесть минут. Завидя как он ползет еще издали, Эрих прошел по платформе в самый конец, намереваясь сесть в последний вагон. Это у него не получилось, но отнюдь не из-за переполненности или какого-нибудь запрета. Просто в хвосте пассажирского поезда оказались прицеплены две цистерны. В современном Эриху мире такое ассорти из вагонов различного назначения давно уже не допускалось. Допускалось ли оно в тридцать восьмом году — видимо, да. Эрих не разбирался в истории железных дорог до такой степени, чтобы знать подобные вещи. Если железнодорожники так поступили, значит, у них имелись на то основания. Впрочем, за спрос денег не берут. Пока паровоз тормозил, гремя железом и выпуская клубы пара, Эрих подошел к мужчине в характерной форме.

— Вот уж не думал, что поеду в компании цистерн, — сказал он как бы между прочим, кивая на приметные вагоны. — Вдруг там какая химия? Побаиваюсь я этой дряни еще с войны. Вытечет — мало не покажется… Знал бы, дождался бы другого поезда.

— Не беспокойтесь, это порожняк, — ответил мужчина в форме. — Велели прицепить на предыдущем перегоне. Оттого и опоздание в шесть минут. Садитесь смело.

Кивнув, Эрих забрался в остановившийся вагон и занял подходящее место у окна, благо что народу оказалось немного. Вопрос, заданный железнодорожнику, был отнюдь не праздным, поскольку отравление хлором или еще какой жуткой гадостью в планы молодого человека отнюдь не входило. Ему не требовался именно этот поезд, но сел в него Эрих отнюдь не случайно. Когда раздался пронзительный свисток и состав, лязгнув, тронулся, он даже вздрогнул, бросив невольный взгляд на лежавший у ног вещмешок. В его глазах отразилось сомнение, и Эрих уже не был так уверен в целесообразности своей затеи. Он колебался несколько минут, взвешивая все за и против, оценивая риски и прикидывая возможные последствия. В конце концов, оглядевшись вокруг, молодой человек успокоился. Его никто не обязывает доводить начатое до конца. Если Эриха что-то не устроит, он просто вернется за

якобы забытыми вещами и заберет их, перенеся эксперимент в другое место. Запасной план никуда не делся и будет реализован в случае отказа от основного. Рассудив таким образом, Эрих вновь обрел уверенность в себе и уставился в окно, за которым неторопливо проплывали берлинские пригороды. Поезд, перестукивая колесами и качаясь на поворотах, с каждой минутой приближал его к конечной точке своего маршрута.

Вокзал никогда не пустовал. С одной стороны, это осложняло дело, создавая непредсказуемые препятствия. С другой, именно столь людное место было просто обязано привлечь к себе всеобщее внимание. Когда пассажиры стали подниматься, подхватывая багаж, Эрих продолжал сидеть, придерживая вещмешок. Он не то чтобы никуда не торопился — просто ему требовалось уйти из вагона последним. Именно поэтому он не двигался с места, пока состав тормозил. По той же причине Эрих не вставал и тогда, когда поезд замер у платформы, а люди начали высыпать наружу. Он лишь делал вид, что копается в своем вещмешке, ослабив его завязки. Подумаешь, задержится на минутку-другую, приводя поклажу в порядок — кого это удивит? Впрочем, то была не совсем маскировка. Когда вагон покинул последний пассажир, Эрих, запустив обе руки в вещмешок, извлек оттуда мешок поменьше, будто доставал одну матрешку из другой. Этот вложенный мешок составлял львиную долю веса всей ноши, а внутри что-то отчетливо булькало. Пихнув его под сиденье, Эрих встал, убедился, что никто ничего не заметил, и вышел из поезда. Ступив на платформу, он внимательно огляделся вокруг. Кажется, его расчет оправдывался наилучшим образом. Пассажиропоток направлялся к выходу из вокзала, и возле последнего вагона уже никого не было, кроме самого Эриха. Вот на соседней платформе толпился народ, однако это уже не играло никакой роли, равно как и все остальное, находившееся на достаточном удалении. Держа в левой руке приоткрытый вещмешок, Эрих быстрым шагом двинулся вслед за уходившими пассажирами, будто намеревался догнать их. Самых последних он и догнал, но тут же сбавил скорость и поплелся черепашьим шагом, стараясь ничем не выделяться. Обернувшись раз, другой, третий, Эрих наконец-то решил, что отошел на нужное расстояние. Он бы, пожалуй, на всякий случай проделал еще сотню ярдов, только это увеличивало риск. Сейчас около вагона было пусто, но если там объявятся люди — к примеру, какой-нибудь ретивый железнодорожник, — вся затея окажется под угрозой срыва. Отменять ее из-за случайного олуха не хотелось, тем более когда судьба Эриху явно благоволила и его расчет оправдывался наилучшим образом. Запустив правую руку в мешок, моло-

дой человек нащупал там какой-то увесистый предмет, похожий на кирпич. Его пальцы, скользнув по гладкой поверхности, что-то повернули, затем переключили и сняли небольшой колпачок. Эрих действовал вслепую, однако проделал это настолько ловко и быстро, словно неоднократно репетировал свои движения. Но так оно и было. Предметом, спрятанным в вещмешке, молодой инженер пользовался отнюдь не в первый раз. Первый раз приходился на минувшую осень. В частности, когда Эрих ставил своеобразную точку на объекте, прозванном "Журавль". Достань он сейчас этот "кирпич", и глазам окружающих представился бы пульт дистанционного подрыва детонаторов.

Палец на красной кнопке замер. Все предохранители были сняты, но Эрих отчего-то медлил, продолжая неторопливо шагать по платформе. Он вдруг испытал то же чувство, то и тогда, у "Журавля", в очень схожей ситуации. Чувство, что это нажатие способно изменить всю его жизнь. Ну, на сей раз, скорее всего, так оно и было. Если эксперимент закончится предполагаемым доказательством, опровергнуть его будет просто невозможно. Еще раз обернувшись, Эрих убедился, что конец платформы по-прежнему пуст. Затем, глубоко вздохнув, до отказа вдавил кнопку.

Расчет экспериментатора строился следующим образом. Ему требовался очень заметный объект, состояние которого он наверняка будет знать заранее. Действие, совершенное на этом объекте, обязано быть настолько примечательным, чтобы его не обошла вниманием берлинская пресса. Сложность заключалась в том, как сотворить нечто такое, что гарантированно попадет в историю, однако обойдется без массовых жертв. А лучше бы вообще без жертв. Эрих чуть голову не сломал, размышляя над разными вариантами. В конце концов, он остановился на идее с вокзалом и даже побывал на нескольких из них в своем родном Берлине, наблюдая за распределением пассажиропотока. В ожидании поезда люди растягивались по всей платформе, но после прибытия на конечную станцию они удалялись в направлении вокзала и конец перрона пустел. Именно поэтому Эрих сел в последний вагон. Именно поэтому он беспокоился из-за цистерн, очутившихся в хвосте состава и грозивших непредвиденными осложнениями. Ну, раз там порожняк, то и волноваться не о чем. Происшествие на вокзале наверняка попадет в газеты — наиболее надежный источник исторической информации. Надежный в том смысле, что Эрих без всякого труда сравнит содержание прессы ДО и ПОСЛЕ своего эксперимента, воспользовавшись архивом Немецкой национальной библиотеки. Наметив нужное число плюс следующее за ним, он заведомо просмотрел все сохранившиеся выпуски, не

пренебрегая даже самыми незначительными изданиями. С каждого тиража Эрих сделал снимки на смартфон, а заодно хотя бы в общих чертах запомнил, о чем там говорилось. Побуквенная точность не требовалось. Если об инциденте на вокзале прежде не было ни слова, то какая разница, каким именно образом его опишут? Само появление происшествия в газетах послужит абсолютным и неопровержимым доказательством, не требующим никаких других. Однако Эрих не хотел увидеть громкие заголовки, кричащие из глубины двадцатого века о погибших людях. Мешок, оставленный им в вагоне, содержал ровно столько взрывчатки, сколько требовалось для того, чтобы разворотить сам вагон, но ничего более. Булькала же горючая смесь. Та самая, которой Эрих воспользовался в приснопамятную ночь, когда спалил особняк неонацистов. Взрыв, не представляющий опасности для людей поодаль вагона, запалит хорошенький пожарчик. Этот костер, пылающий посреди берлинского вокзала, наверняка попадет во все газетные издания, если и не в вечерние новости, то уж всяко в утренние. Красная кнопка на пульте, нажатая Эрихом в недрах вещмешка, привела означенный план в действие.

Вагон разнесло в мгновение ока. Ударная волна была такой, что людей на соседних платформах раскидало как соломенные куклы. Эриха, получившего могучий тычок в спину, сбило с ног и швырнуло лицом вниз. Со всеми остальными пассажирами, не успевшими удалиться на достаточное расстояние, произошло нечто похожее. Упругий напор воздуха просто снес всех будто мух, прокатив по платформе кубарем. Что-то красное, сверкнув позади Эриха, приняло на себя часть энергии взрыва, поэтому ему досталось куда меньше, нежели окружающим. Оглушительный грохот заложил уши. Этот же грохот, заполонив окрестности, выбил на вокзале все стекла, включая стекла часов и фонарей. Из раскуроченного вагона выплеснулось пламя, обдавая все вокруг красным вихрем. Оно же взмыло вверх, облизывая остатки выбитой крыши. Но то была только первая фаза, произошедшая в доли секунды. Взрыв, обративший последний пассажирский вагон в лохмотья, только им не ограничился. Соседние вагоны также серьезно пострадали. Предыдущий, уже покинутый людьми, долбануло будто кувалдой, выворачивая железо и круша внутреннее убранство. Заднюю часть этого вагона смяло и изодрало. Почти все деревянные сиденья разлетелись в щепки, уцелев лишь в передней части. Крыша вздыбилась, топорщась как полувскрытая консервная банка. Огонь, проникший вместе с воздушным потоком, тут же воспламенил все, что могло гореть. Только все это была сущая ерунда по сравнению с другим вагоном. Цистерны, прицепленные

позади состава, оказались не порожними. Взрыв, искоречивший все с одной стороны, был просто обязан сделать то же самое и с другой. И сделал. Первая цистерна, будто сплющенная чьей-то стальной рукой, не осталась к этому безучастной. Наполненная бензином, она рванула, выбросив сноп бушующего пламени. Вслед за ней, подвергнувшись чудовищной деформации, детонировала и вторая. В хвосте стоявшего у платформы поезда разверзся настоящий ад, откуда повеяло ужасающим жаром. От останков последних вагонов во все стороны хлынуло море жидкого огня, пожирая окружающее пространство. Этот же огонь, разнесенный двойным взрывом, веером накрывал окрестности, падая на соседние рельсы, платформы и людей. Взметнулись оранжево-красные столбы, испепеляющие все на своем пути. Пропитанные шпалы воспламенялись. Под бешеным напором температуры перрон пошел трещинами. Она же раскалила железо, слизывая с него пошедшую пузырями краску и насыщая малиновым светом. К троекратному грохоту взрывов, эхом раскатывавшемуся по вокзалу, добавился дикий рев пламени. Повсюду сыпались осколки камней и фрагменты бесформенного железа, дымящиеся куски дерева и острые стекла. Болты и заклепки свистели пулями, поражая не хуже боевых патронов. Конструкции вокзала завибрировали, резонируя из-за гула взрывов и бушующего огня. Сыпалась штукатурка, обнажая кладку, некоторые участки стен пошли трещинами. Опорные балки угрожающе задрожали.

Вой сирены, возвещавшей о чрезвычайном происшествии, частично привел Эриха в чувство. Голова шла кругом, в глазах все двоилось, а в ушах звенело. Сев на платформу, он, схватившись за виски, поморщился от боли в ушибленных частях тела. Сознание, вогнанное в прострацию ударной волной и оглушенное грохотом, медленно возвращалось. Эрих начинал понимать происходящее. Кругом слышались громкие крики и призывы о помощи. Кто-то бежал прочь от огня, бросая поклажу. Иные спешили к пострадавшим, стремясь вытащить их подальше от лютующего пламени. Вокруг пылавших вагонов, где, казалось, разверзлась сама преисподняя, образовалось множество очагов, куда плеснулся горящий бензин. Они пламенели как костры, распространяя дым и копоть. Дымилась и одежда людей, попавших под капли огненного дождя. Срывая загоравшиеся вещи, они швыряли их на перрон, сбивая хищное пламя. Больше всего досталось пассажирам, оказавшимся ближе всех к взорвавшимся цистернам. Некоторых накрыло огненной волной, другие воспламенялись прямо на глазах, истошно крича и размахивая руками. Окружающие либо разбегались от них в животном страхе, либо бросались спасать несчастных, рис-

ковавших сгореть заживо. Их опрокидывали на платформу и накрывали чем попало, стремясь погасить языки пламени. Лежавших неподвижно оттаскивали прочь наравне с теми, кто пытался отползти самостоятельно. А огонь, вырываясь из разорванных цистерн, все гудел и гудел, набирая мощь.

Поднявшись на ноги, Эрих, в свою очередь, ринулся помогать ближайшим людям. Про вещмешок он не забыл, закинув его за плечи, но в остальном целиком и полностью посвятил себя пострадавшим. И посвятил искренне, ужаснувшись содеянному. Такого просто не должно было произойти! Вообще НЕ МОГЛО произойти! Да, Эрих утащил немного взрывчатки со склада, но ее количества физически не хватало для того, чтобы разнести в клочья даже один железнодорожный вагон. Две бутылки горючей смеси предполагали хороший пожар, видимый издалека, но никак не адское пекло. Цистерны, наполненные бензином, еще хоть как-то объясняли море огня, только откуда взялась ударная волна, сдавившая их как тисками? Ведь это она вызвала детонацию, развороти вшую толстое железо в лохмотья. От вагонных корпусов мало что осталось, а там, где хоть что-то уцелело, сплошь и рядом зияли огромные дыры в обрамлении изрешеченного металла. Знай Эрих к чему приведет "эксперимент", он не пошел бы на него никогда в жизни. Нажимая красную кнопку, он ожидал увидеть основательно разбитый вагон и полыхнувший внутри пожар — не более. То, что произошло в реальности, напоминало какой-то кошмар, будто из бутылки выскочил джинн и обрушил на все вокруг свою бешеную ярость. Эрих не мог исправить сотворенное собственными руками, поэтому отдавал все силы тем, кто расплачивался за его промах. А таковых было много. На неподвижные тела злополучный подрывник старался не смотреть, чтобы не думать о количестве трупов. Он оттаскивал раненых, тушил горевшую одежду и относил на руках детей. И чем больше Эриха грызла мысль, что весь этот кошмар — его работа, тем неистовее он метался по вокзалу, оказывая помощь в самых опасных местах. Пламя овевало его штаны и куртку, искры сыпались на волосы, а огненные языки частенько лизали руки и даже лицо. Странное дело — они не причиняли Эриху никакого вреда. Он ни разу не загорелся и даже дым обходил его стороной, хотя молодой человек регулярно совался туда, куда остальные попросту боялись. Вероятно, он просто не успевал нагреться в достаточной степени, чтобы пламя перекинулось и на него. Так или иначе, самоотверженность Эриха, гонимого совестью, приносила плоды. Он лично вытащил из зоны поражения многих людей, почти наверняка либо сгоревших бы в неистовом пожаре, либо задохнувшихся от дыма. Но он же видел и тех,

кого уже нельзя было спасти. И каждое новое тело уменьшало желание Эриха узнать, где именно он учинил такое ужасное бедствие — в неком ином мире, или мире реальном.

Наконец-то прибыли пожарные расчеты и медицинские бригады, а с ними и крупные силы полиции. Людей с вокзала стали выводить упорядоченно, отправляя их за оцепленную зону. Там суетились врачи, изнемогая под наплывом нуждавшихся в их внимании. Тяжелораненых и обгоревших укладывали на носилки и отправляли в больницы, умеренно пострадавшим оказывали помощь на месте. Полицейские выставили кордон, не пропуская зевак, а также не допускали беспорядков. Они принялись эвакуировать людей вместо стихийно появившихся добровольцев, включая последних. Ловили и мародеров. Даже в такой ситуации всегда найдется негодяй, способный извлечь для себя выгоду. До сих пор добровольцы отводили пассажиров в начало платформ, куда относили и раненых. Дольше с ними возиться было некогда, поэтому, устроив их в безопасной зоне, добровольцы возвращались обратно в пекло. Там же, в этой зоне, помимо людей оставляли и вещи. Эрих в первый же "рейс" снял с себя мешок и поставил его возле багажа других пассажиров, разраставшегося с каждой минутой. Груз за плечами здорово ему мешал, поэтому молодой человек без колебаний расстался с поклажей, даже не заботясь, что может больше ее не увидеть. Какая-то фрау с ребенком обещала за вещмешком присмотреть, но разве можно ее винить, что в такой ситуации она все же куда-то ушла? Эрих находился на вокзале до последнего, пока его настойчиво не потянули к выходу полицейские. Тогда он вспомнил про свой мешок и решил его забрать. Полицейский, сопровождавший добровольного спасателя и какую-то женщину, ему не препятствовал. Пока пожарные тянули мимо толстые рукава шлангов, Эрих быстро подскочил к тому месту, где оставил вещи. Возле его мешка лежал ничком какой-то мужчина, выронивший котомку и чемодан. Перевернув его на спину, Эрих понял, что тот мертв. Мертвецам было уже все равно когда их вынесут с вокзала, поэтому молодой человек подхватил свое имущество и ушел вместе с полицейским. Он не знал, что ни котомка, ни чемодан умершему не принадлежали. Пользуясь обстоятельствами, мародер для виду помог кому-то из пассажиров и усадил возле груды багажа. После этого он облюбовал дорогой, прилично выглядевший чемодан, схватил котомку, привлекшую его внимание, и потянулся к другой ближайшей добыче. Ей оказался вещмешок Эриха Сторма. Пальцы мародера жадно схватились за лямки, собираясь утащить его вместе с остальным добром, но тут произошло нечто неожиданное. Мешок окутало красноватое свечение.

Снизу вверх по нему пробежали кольцами красные пересекающиеся молнии. Собравшись возле кисти мародера, они сеточкой влились в его пальцы и… Если бы мародер одной рукой держался за хороший проводник, а другой ухватился за шину с высоким напряжением, эффект получился бы примерно таким же. Разряд оказался настолько мощным, что в какое-то мгновение убил его на месте. Не было ни дыма, ни грохота. Молния, вонзившаяся в тело мародера, поразила сердце, опалив его изнутри своей чудовищной мощью. Человек, даже не успев оторвать вещмешок от платформы, рухнул ничком и остался лежать неподвижно. Там его и нашел Эрих, вернувшийся за своими вещами. Другим мерзавцам, в суматохе грабившим людей, повезло куда больше. Они преспокойно поживились за чужой счет, играя в некую лотерею кому что достанется внутри чемоданов, узлов, коробок и прочих вместилищ багажа. Какая бы сила ни убила одного из этих гнусных типов, она больше не вмешивалась. Ей явно было наплевать на все, кроме мешка Эриха Сторма.

Хельмут оказался дома. Когда Эрих, усталый и измученный, объявился на пороге, он без слов проводил его в хорошо знакомую комнату. Там он дал гостю умыться, после чего предложил улечься на кровать и отдохнуть. Ложиться Эрих не захотел, но плюхнулся на стул и некоторое время сидел молча, не способный избавиться от душераздирающих видений. Последнее, что он видел, оборачиваясь на вокзале — это как пожарные боролись с огнем, поливая его из множества брандспойтов. Пекло яростно сопротивлялось, плюясь паром будто десяток разорванных паровозных котлов. Белые клубы взмывали над бушующим пламенем и расползались в стороны, затягивая вокзал наравне с дымом и копотью. Кругом стоял запах каленого железа и горелой плоти. Крики и стоны людей, отрывистые команды полицейских и огнеборцев сливались в единый гул, наполнявший уши как звук могучего водопада. Тела на носилках грузили в подходившие машины, немедленно уносившиеся прочь. Некоторые были наглухо закрыты покрывалами. К счастью, Эрих нигде не видел погибших детей. Это зрелище наверняка окончательно надорвало бы его психику, и он пустил бы себе пулю в висок. Увы, других жертв все-таки хватало, хотя, возможно, их насчитывалось гораздо меньше, чем мерещилось горе-подрывнику.

— Вы с того вокзала? — тихо нарушил молчание Хельмут.

— Откуда вы знаете?! — аж подпрыгнул молодой человек, уставившись на него горящим взором.

— По радио передавали. Об этом уже весь Берлин говорит. А вы явились чумазый, как трубочист, с таким лицом, будто привиде-

ние увидели, — пояснил Хельмут.
— А. Да. Я оттуда, — отрывисто произнес Эрих, потупив глаза.
Осталось лишь добавить — "я, собственно, все это и устроил", но после такого признания лучше всего будет пойти и повеситься. Кажется, Хельмут понял, что на душе у молодого человека кошки скребут. Причины знать он никак не мог, но его слова удивительным образом проникли в самую суть терзаний гостя.
— Возможно, это была простая случайность, но если взрыв кто-то устроил намеренно, я надеюсь, что он достиг своей цели, — неторопливо произнес хозяин дома, глядя куда-то в сторону.
Правда, это только казалось, что в сторону. На самом деле он глядел в зеркало, где отражался гость, и в глазах неприметного человека витал странный огонек.
— О чем это вы?! — снова вскинулся Эрих, не веря своим ушам.
— Ну посудите сами, — с расстановкой предложил Хельмут. — Тут либо одно, либо другое. Вагоны могли взорваться сами из-за протечки какой-нибудь химии или горючей жидкости. В противном случае подрыв осуществили с умыслом, и тогда целью наверняка был кто-то из нацистских бонз или высокопоставленных эсэсовцев.
— Почему вы так думаете? — опешил молодой антифашист.
— Потому что я не нахожу других причин для такой акции, — веско заметил антифашист неопределенного возраста. — Враги Германии предпочли бы уничтожить армейские склады или нечто в этом роде. Самим же нацистам нет ни малейшего резона устраивать такой разгром на столичном вокзале. Их провокации носят совсем иной оттенок — во всяком случае, пока. Значит, остаются только те, кто желал уничтожить кого-то из самих нацистов. Ну, если не считать банального несчастного случая, но в последний я не очень верю.
— Боюсь, вы ошибаетесь, — изрек Эрих. Уж кто-кто, а он хорошо знал причины лютовавшего пожарища. — Я там был и не видел каких-то шишек, — быстро добавил он, испугавшись вызвать подозрение необдуманно вырвавшимися словами.
— Откуда вам известно, кто в каком поезде ехал? — скептически заметил Хельмут. — Не все из этих людей перемещаются в сопровождении приметной охраны. Многих вы даже не выявите в толпе. Кроме того, взорвать могли совсем не то, что хотели.
— О чем это вы? — удивился молодой человек.
— Взрыв мог произойти в неурочный час, — пояснил собеседник. — Вы разве в курсе, когда должен был прибыть поезд по соседнему пути? Или следующий после вашего? Предыдущий? Или кто и в какое время собирался приехать на вокзал? Вряд ли. Таким обра-

зом, вполне вероятно, что некто заложил взрывчатку рассчитывая поразить конкретную цель, но допустил технический просчет или изменились какие-то обстоятельства.
— Зато устроил настоящий ад куче невинных людей! — мрачно заявил Эрих, не зная куда деваться.
— Это, безусловно, печально, — кивнул хозяин дома. — Только вряд ли он хотел именно такого развития событий. Что-то могло пойти не так. Даже у профессионалов случаются проколы.
— Да какая разница?! — воскликнул молодой человек. — Даже преуспей он в своем намерении, от столь мощного взрыва и огня все равно пострадала бы масса случайных пассажиров!
— Хотите знать мое мнение? — спросил Хельмут каким-то особенно выразительным тоном.
— Валяйте, — пожал плечами Эрих.
Ему и впрямь было интересно. Разговор с Хельмутом странно на него влиял, заглушая угрызения совести и залечивая свежую душевную рану. Казалось просто поразительным, что этот коренной берлинец, похоже, ничуть не осуждает террориста. А поскольку террористом, хоть и поневоле, выступал сам Эрих, ему такое отношение лилось как бальзам на душу.
— Если бы тому, кто это сделал, удалось уничтожить хотя бы парочку нацистских бонз, я не стал бы его винить, — медленно, будто старательно донося смысл слов до собеседника, изрек Хельмут.
— Сопутствующие жертвы, безусловно, трагедия, только жертв будет еще больше, если позволить этим чудовищам остаться в живых и продолжить творить свое черное дело.
— К чему вы клоните? — озадаченно изрек молодой антифашист.
— Допустим, в поезде едет несколько высокопоставленных нацистов, а с ними еще сотня обычных граждан. Кто-то пускает его под откос, да так, что не выживает вообще никто. Что в результате? Да, сто человек погибло, и каждого следует оплакивать должным образом, зато выжили, возможно, миллионы, — негромко, но очень серьезно произнес Хельмут.
— Миллионы? Но вы не можете этого знать! — опешил Эрих.
У него имелись для этого все основания. Известная ему история именно к тому и вела, поэтому рассуждения антифашиста образца тридцать восьмого года поражали его в самое сердце. Рассуждения, бившие прямо в точку поистине провидческим образом.
— Я могу лишь догадываться, — мрачно, но твердо отозвался Хельмут. — Германия движется к большой войне — этого не понимает только идиот, ослепленный пропагандой и преступными речами Геббельса. Я не знаю, когда она начнется, но рискну предположить, что скоро. Происходящее сейчас с так называемыми ун-

терменшами — это еще цветочки. Можете считать меня сумасшедшим, но я не удивлюсь, что после отъема имущества у них начнут отнимать и жизни.
— Я не считаю вас сумасшедшим! — истово воскликнул Эрих, вскакивая со стула.
Сентябрь тридцать девятого был не за горами. До вторжения в Польшу, положившего начало Второй мировой войне, оставалось чуть больше года. А там, от Атлантики до Урала, взовьется дым от пожаров и бомбежек, смешиваясь с дымом крематориев концлагерей.
— Рад это слышать, — улыбнулся Хельмут, жестом прося собеседника присесть обратно и успокоиться. — К сожалению, даже среди моих единомышленников мне мало кто верит.
— Значит, вы из тех, кто считает, что цель оправдывает средства? — помолчав, спросил опустившийся на стул Эрих.
— Никоим образом! — мотнул головой антифашист. — Нельзя делить мир строго на черное и белое. Но кому-то надо и делать решительный шаг, когда в его руках оказывается возможность пресечь великое зло. За свой поступок этот кто-то до конца жизни будет нести груз вины, расплачиваясь муками совести. Каждый невинный человек, погибший по его вине, будет жечь изнутри каплей раскаленного железа. Оставшиеся в живых, скорее всего, никогда не узнают о его поступке, но разве ради признания и лаврового венка совершаются такие деяния? Человек, поступающий таким образом ради общества, сам приносит себя ему в жертву. Он не гордится содеянным и не оправдывает его громкими словами. Он просто поступает по велению своей совести, хотя она же станет его немым палачом и будет преследовать до последнего вздоха. А вот те, кто заявляет "цель оправдывает средства" — люди совсем другого сорта. Это не герои, спасающие человечество — это закоренелые, прожженные эгоисты без всякой морали, способные одним нажатием на кнопку убить миллионы, лишь бы другим миллионам, с их точки зрения, жилось лучше. Причем то, что думают эти самые миллионы, их обычно ничуть не волнует, так как им, якобы отмеченным самой судьбой, гораздо лучше знать о всеобщем благе.
— Никогда не представлял это с такой точки зрения, — озадаченно пробормотал Эрих.
— А мне вот приходится, — вздохнул Хельмут. — Увы, я мало что могу сделать. Но если бы мне каким-то чудом удалось посадить всех завсегдатаев нынешнего Рейхстага на один корабль, пусть даже до отказа наполненный обычными пассажирами, я бы отправил его на дно без малейших колебаний! И столь обожаемого

фюрера держал бы мертвой хваткой, пока мы оба не исчезли бы в морской пучине.
Эрих, находившийся под глубоким впечатлением от услышанного, взглянул на собеседника совсем другими глазами. Он прямо чувствовал, как меняется в голове привычный ход мыслей. Дело ведь было не только в рассуждениях Хельмута. Эрих, обладавший несравненно большим и достоверным набором знаний, имел возможность видеть ситуацию совсем в ином свете и оценивать ее под другим углом. Пока Хельмут строил одни лишь догадки и рассуждал исключительно философски, Эрих сталкивался с реальностью. То, что для Хельмута являлось по большей части теорией, для Эриха уже по факту сбылось.
— А вы не боитесь, что вас бы за это осудили? — осторожно спросил взволнованный молодой антифашист.
— Боюсь или нет — совершенно неважно. Неважно потому, что обязательно ДОЛЖНЫ осудить. И к этому надо быть готовым. Готовым принести себя в жертву во имя того, на что решаешься, — поразительно спокойно ответил Хельмут. — Предположим, вам известна личность серийного убийцы, но доказательств для его ареста не хватает. Вы знаете, что он продолжит убивать. Более того — он вот-вот совершит новое преступление. Не будем рассуждать о том, как поступит большинство — сосредоточимся на нашем примере. Вы понимаете, что единственный способ его остановить и предотвратить очередную жертву — это убить чудовище. И вы его убиваете. Однако в глазах закона и общества вы становитесь преступником. И вас осуждают как преступника. Справедливо ли это? Я считаю, да. Более того, я бы не стал добиваться для себя оправдания, потому что по факту я совершил преступление, самосуд. И понес бы заслуженную кару. Это и есть жертва. Сознательная жертва, на которую вы, собираясь остановить убийцу, изначально должны быть готовы пойти.
Установилось продолжительное молчание. Хельмут, выговорившись, не говорил более ни слова. Эрих, потрясенный его речами, пытался привести в порядок вихрем вертевшиеся мысли. Доведись ему услышать откровения Хельмута при других обстоятельствах, он, вероятно, отнесся бы к ним совсем иначе. Сегодня же, после лично учиненной трагедии на вокзале, Эрих был склонен воспринимать сказанное особенно остро и нестандартно.
— Мне надо обо всем подумать, — наконец молвил он.
Фактически, его реплика хоть и адресовалась собеседнику, тот не должен был понять ее истинный смысл. Хельмут, тем не менее, выглядел удовлетворенным. Вероятно, ему пришлось по душе, что если он и не нашел единомышленника, то хоть кто-то его наконец-

то не осудил.
— Что вам точно надо — так это хорошенько отдохнуть, — заметил хозяин дома.
Это была сущая правда. Эрих чувствовал огромную эмоциональную и физическую усталость. Каждый раз, когда он после очередного происшествия думал, что тяжелее и быть не может, судьба, словно издеваясь, резко повышала планку, вновь и вновь испытывая его на прочность. Сейчас молодому человеку требовался отдых, и отдых полноценный. В противном случае он рисковал окончательно слететь, что называется, с катушек, и загреметь либо в больницу по соседству с Евой, либо в сумасшедший дом. Хельмут предложил гостю остаться, но тот, поразмыслив, отказался, сообщив, что хочет вернуться к себе домой. Хельмут не настаивал, а Эрих ничуть ему не лгал. После трагедии на вокзале задерживаться в этом мире молодой человек не хотел. Не хотел не в смысле вообще, а не желал ничего предпринимать, пока не доведет свой эксперимент до конца. Для этого требовалось вернуться через Аномалию и ознакомиться с содержанием исторической прессы в архивах Немецкой национальной библиотеки.

На прощание Хельмут влил в гостя стакан какой-то настойки, обещая ее благотворное воздействие. Мол, она хорошо позволит восстановить силы. Эрих не стал отказываться и послушно выпил предложенную порцию. Отравление в планы хозяина дома явно не входило, а его чудодейственные снадобья гость уже успел испытать на себе еще в первое знакомство. Уже в прихожей, собираясь уходить, Эрих вдруг вспомнил одну фразу, прозвучавшую в ходе сегодняшнего разговора.
— Вы упомянули, что среди ваших единомышленников вам мало кто верит, — сказал он. — Значит, все-таки есть те, кто верят? Кто разделяет ваши взгляды на происходящее?
— Да, — кивнул с легкой улыбкой Хельмут. — Если хотите, я вас познакомлю.
— Не откажусь, — без колебаний согласился Эрих. — Я буду здесь в следующую… — едва не сказав "пятницу" он поднял глаза к потолку, подсчитывая дату по Пространственному календарю, — буду первого июля, примерно в полдень.
Вне зависимости от того, что он узнает в библиотеке, наконец-то повидать других антифашистов тридцать восьмого года Эриху представлялось очень интересным и важным опытом. Конечно, если Ева очнется, то ни о каком путешествии в Аномалию не может быть и речи, однако в любом другом случае…
— Значит, договорились. Буду вас ждать, — кивнул Хельмут. — И на вашем месте я бы носил оружие в кобуре под одеждой, а не в

вещмешке. Так безопаснее, да и толку намного больше.
Эрих, уже открывший дверь, так и замер на пороге.
— Гражданские может и не догадаются, а вот наметанный глаз сразу же определит, чем вызваны такие приметные очертания, — усмехнулся Хельмут, указывая пальцем на спину гостя.
Эрих, сообразив, о чем толкует хозяин дома, скинул вещмешок и убедился в правоте замечания. Пистолет не то чтобы слишком очевидно выпирал, но все-таки, неудачно сместившись, давал о себе знать. Сам Эрих вряд ли распознал бы оружие, но Хельмут, судя по всему, к пресловутым гражданским как раз и не относился. Интересно, он бывший военный или действительный? А может он вообще служит где-нибудь в разведке? Что ж, вот в следующий раз, при знакомстве с другими антифашистами, будет о чем спросить.
— Вы не беспокойтесь, у меня тоже есть оружие, — мягко сказал Хельмут. — Я вас не осуждаю. Мало ли, что случится. Просто очень прошу вас быть осторожнее.
Пожав протянутую руку, отдававшую необычным теплом, Эрих покинул дом и вскоре затерялся среди прохожих на улицах Берлина.

Возвращение из Аномалии состоялось через сутки. Уйдя в Старый Берлин около часа ночи субботы, молодой человек прибыл обратно в час ночи воскресенья. Будь его воля, он немедленно рванул бы в национальную библиотеку, но режим ее работы не учитывал пожелания таких энтузиастов. Эриху, сгоравшему от нетерпения, пришлось дожидаться утра. Никаких действий он не предпринимал и в очередные приключения не ввязывался. Вызвав такси, молодой человек остановил его за квартал от дома. Пройдя оставшийся путь пешком, он добрался до пожарной лестницы, вскарабкался на крышу и спустился на свой этаж. У квартиры никто не дежурил, позванивая демонстративно приготовленными наручниками. Также выяснилось, что никто и не приходил. Система скрытого наблюдения, установленная самим Эрихом, работала исправно. Жучок, подключенный к видеофону, позволял записать все происходящее у входной двери. На этой записи ненадолго объявлялись только соседи, а к самой квартире Эриха никто не подходил. Проглотив таблетку снотворного, чтобы уж точно заснуть, молодой человек прошел в спальню, лег и практически сразу отключился. Обычно нервные потрясения не давали ему спокойно спать, но на сей раз накопившаяся усталость сделала свое дело. Организм требовал отдыха и взял свое. Эриху показалось, что он едва успел сомкнуть веки, а на деле пролежал в глубоком сне до самого утра. И пока он пребывал в объятиях Морфея,

по его телу растекалось удивительное тепло, порожденное чем-то в глубине желудка.

В национальной библиотеке Эрих оказался первым посетителем, проторчав у дверей минут пятнадцать, пока их не открыли. Едва ли не бегом добравшись до ближайшего терминала, он тут же отправил в базу данных долгожданный запрос. Список изданий, предназначенных к ознакомлению, был заранее распечатан и теперь лежал подле клавиатуры, на которой Эрих проворно набивал текст. Начинался он, разумеется, с самых распространенных, наиболее известных в Берлине, хотя охватывал вообще все газеты за нужные даты, в частности двадцать четвертое и двадцать пятое июня тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Терминал не стал капризничать, так как систему еще не перегружали пользователи, и быстро выдал на экран запрошенные сведения. Эрих, подавшись вперед, жадно впился глазами в появившееся изображение.

О, да. Взрыв вагонов, приведший к свирепому пожару на вокзале, не прошел для берлинской прессы незамеченным. Все вечерние издания были посвящены разыгравшейся трагедии, пестря всевозможными фотографиями. Снимки с места происшествия перемежались со снимками людей, запечатленные разрушения соседствовали с изображением пострадавших. Одна газета поместила на первой странице вокзал общим планом, над которым поднимались столбы густого дыма; другая предпочла напечатать пожарных, заливавших водой бушующее пожарище. Третья отличилась серией красноречиво накрытых плотном носилок, четвертая дала фото толпы, наседающей на полицейский кордон. Искореженные вагоны, от которых в основном уцелело лишь основание с колесами, шли отдельной серией. Их старательно засняли с разных ракурсов, причем как после пожаротушения, так и в самый его разгар. Оставалось только гадать, каким образом газетчикам удалось пролезть за оцепленный периметр и сделать такие снимки. Что же касалось людей, то фотографиям убитых, раненых и просто свидетелей происшествия не было числа. Вот через полицейское оцепление тащат носилки, а вот пострадавших грузят в машины скорой помощи; иных раненых несут на руках, иных разыскивают ополоумевшие от тревоги друзья и родственники. Столпотворение вокруг вокзала поражало воображение, а полиция выбивалась из сил, чтобы сдерживать напор толпы и обеспечивать движение автомобилей медиков. Солдаты, вызванные на помощь полицейским, сразу же вставали в оцепление. Их прибытие оказалось очень кстати, и попало еще на одну серию газетных снимков, где люди в военной форме выгружались из грузовиков, а затем

плотной шеренгой окружали вокзал.

Статьи, посвященные чрезвычайному происшествию, соревновались одна с другой по части описания трагедии и особенно напирали на показания очевидцев. Последние, не иначе как из-за стресса, рассказывали такое, что волосы вставали дыбом. Порой их слова отличались так, будто речь шла о двух разных событиях. Речевые обороты, использованные газетчиками, превращали всю картину в некое подобие локального армагеддона. На этом фоне заявления пожарных, врачей и полицейских выглядели более сдержанно. Сухие цифры, приводимые поступавшей статистикой, все-таки свидетельствовали в пользу представителей государственных служб. Да, пострадавших было много — есть жертвы, и немало людей получили ранения и ожоги той или иной степени тяжести. Однако их насчитывалось на порядок меньше, чем взахлеб рассказывали некие очевидцы. Ни о каких десятках трупов, сгоревших заживо лишь в одном вагоне, не шло и речи. В потушенных вагонах пожарные вообще не обнаружили ни одного тела. Причиной смертей и травм были исключительно обломки, разлетевшиеся из-за взрывов, а также выброшенный ударной волной воспламенившийся бензин. Радиус поражения оказался относительно небольшим, и никакого полномасштабного возгорания вокзала не произошло. Почти всех, кто не погиб сразу или в первые же минуты, удалось эвакуировать. Большинству людей врачи оказали помощь на месте, порядка шестидесяти человек поступили в больницы Берлина, и только за полтора десятка жизней шла упорная борьба. Причины разыгравшейся трагедии официально еще не назывались. Власти лишь призывали к спокойствию, уверяя, что пожар потушен, и угрозы для безопасности граждан нет. Началось расследование, посвященное удручающему инциденту, и по его результатам будут сделаны соответствующие выводы.

Свои личные выводы, в глубоком потрясении откинувшись в кресле, Эрих Сторм уже сделал. Пару дней назад газетные выпуски, сохранившиеся в национальной библиотеке, не содержали ни слова о происшествии на вокзале. Теперь они же кричали о нем на всех страницах, толкуя о громком инциденте на все лады и строя различные предположения. Предыдущих статей, не упоминавших взрыв и пожар, не было и в помине. Точного сравнения не требовалось. Эрих не страдал тяжелым склерозом, чтобы упустить из виду настолько кардинальные изменения. Кроме того, он ориентировался не только на свою память. Снимки, сделанные на смартфон, все еще хранили прежний вариант печатных изданий за двадцать четвертое июня тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Ни взрыв вагонов, ни море жидкого огня там не фигурирова-

ли. В известной Эриху истории цистерны не разносило в клочья, и вокзал не горел. Той истории, что шла своим чередом, пока он в нее не вмешался, проведя свой разрушительный эксперимент. И это была настоящая история реального мира, измененная Эрихом Стормом. Сомнений не оставалось. Ни одна самая тщательная симуляция не могла повлиять на то, что произошло около восьмидесяти лет назад, хоть отслеживай она каждое движение путешественника сотней шпионящих датчиков. Аномалия в подвале кирхи пастора Берга вела прямиком в прошлое.

– 9 –

Шимке был вне себя, когда ему доложили, что Эрих Сторм избавился от "хвоста" и исчез в неизвестном направлении. Он возмущался бы еще больше, кабы узнал, зачем именно подозреваемому понадобилось ускользать от слежки. Взрывчатка и бутылки с горючей смесью на улице не валялись и на газоне не росли. Взять их со склада в небольшом количестве не являлось препятствием, но вот полицейское наблюдение существенно осложняло всю затею. В свете дела о террористах с таким опасным грузом Эриху лучше стражам порядка не попадаться. Именно поэтому он сначала приехал на склад совершенно открыто, пользуясь служебной машиной, а позднее забрал товар по собой же оформленным документам, но уже тайком от всех. В общей партии, предназначенной сразу для нескольких проектов, позаимствованное Эрихом в личных целях являлось каплей в море. Он ловко замел следы в отчетности, и единственным, кто мог доставить ему неприятности, был Карл Шимке в лице своих подчиненных. К счастью, не слишком расторопных, раз Эриху удалось обвести их вокруг пальца и благополучно прибыть в Аномалию для своего эксперимента с подрывом вагона. По окончанию этого эксперимента Эрих сделал для себя важные выводы, однако сделал их и следователь. Он посчитал, что внимания, уделяемого господину Сторму, явно недостаточно, и утроил усилия. Формально дело о террористах Отто Шварца, до сих пор необнаруженного, у него забрали, но все, что касалось Сторма и его невесты по-прежнему оставалось в компетенции Шимке. Теперь ему еще больше хотелось утереть нос коллегам сверху, потенциально упустившим из виду одного из главных злоумышленников. Вот только без доказательств это было просто невозможно, однако история Майера дала Шимке отличный шанс вывести расследование на новый уровень. И он им воспользовался.

Умерев при загадочных обстоятельствах, патрульный лишил

Шимке письменных показаний, но сами обстоятельства позволили выделить этот инцидент в отдельное производство. В его рамках следователь добился разрешения на доступ в частную собственность Майера под предлогом того, что последний мог быть отравлен. Патологоанатом не нашел следов яда, но Шимке и не требовал обыска, пока не сделают всех анализов. Он лишь запросил возможность побывать у умершего дома, переговорить с родными и прочее в том же духе. А под этим соусом взять образцы из тех мест, которыми пользовался только Майер и где обычно не бывали его домочадцы. Жена полицейского, убитая горем, без всякой задней мысли даже позволила заглянуть в их сейф, чтобы специалист взял оттуда мазки. Никаких слитков там не оказалось, но Шимке на это и не рассчитывал. Сейф был маловат, а Майер не настолько глуп. Вот помещение на складе, арендуемое им в течение многих лет, интересовало следователя куда больше. Помнится, полицейский должен был указать адрес, по которому неизвестный обещался доставить золото. Вряд ли Майер назвал адрес своей квартиры, а его загородный дом находился слишком далеко от Берлина. Гостиничный номер также не годился, зато складская ячейка подходила идеально. Такие ячейки используют многие граждане, кто зачем. Одни хранят там всякий хлам, который и выбросить жалко, и в доме оставлять недопустимо, другие обустраивают в них мастерские для своего хобби, третьи создают укромный уголок для отдыха подальше от родственников. Как бы там ни было, сама по себе аренда помещения на складе никакого удивления не вызывала. Вопрос заключался лишь в целевом назначении, и у Шимке на сей счет имелись вполне себе определенные предположения. Раздобыв у жены Майера заветный ключ, он поехал на склад вместе с парой специалистов и принялся искать там отнюдь не следы какого-нибудь отравляющего вещества.

Долго копаться не пришлось. За старым раритетным мотоциклом, которым Майер занимался на досуге, находился стеллаж с разным хламом, и этот стеллаж, судя по царапинам на полу, явно передвигали. Следователь не желал вскрывать все подряд, поэтому работал более тонко. Мотоцикл откатили в сторону, а стеллаж отодвинули. Пол под ним тут же просветили металлоискателем, и хитрый прибор показал наличие значительной массы характерного диамагнетика. После этого найти, как открывается тайник, не составило труда. Учитывая, насколько беспрепятственно жена Майера разрешила доступ на склад, Шимке был уверен в ее непричастности. Вызвав кого полагалось, следователь запротоколировал находку, а сам взял супругу погибшего полицейского в оборот, но не как подозреваемую, а как инициатора расследования.

Он добивался ее добровольного согласия на открытие дела. Мол, к смерти Майера причастны те, кто подсунул ему слитки, и если жене был дорог погибший муж, она должна помочь ему, Шимке, воздать им по заслугам. Жена Майера согласилась, после чего следователь, взяв от нее как показания, так и заявление, отправился к своему начальству. Золотые слитки, обнаруженные "случайно" при взятии образцов, из незаконно полученной улики превратились в основу всего расследования. А вот уже его суть Шимке изложил исключительно в стенах своего ведомства, не желая посвящать посторонних. Он рассказал о предсмертном визите Майера и прямой связи золота с алиби Эриха Сторма. Учитывая вскрывшиеся обстоятельства, Шимке просил дополнительные ресурсы, а также более широкие полномочия. Отсутствие письменных показаний, так и не полученных от Майера, все еще являлось камнем преткновения, однако следователю удалось добиться своего хотя бы частично. Миллионы в золотых слитках с неба не падают, поэтому Шимке предоставили возможность заниматься этой историей дальше, выделив ему людей и технику. Тучи над Эрихом быстро сгущались, и когда он снова ушел в Аномалию, его отсутствие в квартире уже не прошло для наблюдателей незамеченным.

При виде зубных коронок, выложенных молодым человеком на прилавок, Гюнтер отчего-то не проявил прежнего энтузиазма. Он взглянул на них так, будто подозревал какой-то подвох, но у него никак не получалось выяснить, какой именно. Лавочник неторопливо покатал коронки пальцами, после чего взял одну из них и внимательно рассмотрел со всех сторон, как бы размышляя, брать товар или нет.

— Что-нибудь не так? — обеспокоился Эрих. — Ручаюсь — это не подделка!

В качестве золота он был абсолютно уверен, а Гюнтер до сих пор не проявлял желания узнать, откуда именно то берется. Более того, лавочник имел весьма превратное представление о происхождении коронок, что в данном случае оказывалось только на руку.

— Нет-нет, я не сомневаюсь, что с пробой золота все в порядке, — мотнул головой Гюнтер.

— Что же тогда? — спросил Эрих. — Я же вижу, вы чем-то обеспокоены.

Гюнтер призадумался, сказать или нет, и если все-таки сказать, то что именно. Чистота золота в зубоврачебных изделиях, приносимых этим молодым человеком, сомнений не вызывала. Лавочник неоднократно их проверял, и тут все было чисто. Вопрос вызывало то, куда эти изделия деваются.

Гюнтер заметил пропажу далеко не сразу. Правильнее ска-

зать, он вообще не знал, когда в его закромах произошло загадочное опустошение. Весь получаемый товар, в том числе золотые коронки, он сортировал и раскладывал по разным коробочкам. Часть он прятал в укромное место, часть реализовал по своим каналам. В один крайне неприятный для себя день лавочник готовился продать очередную партию. Тогда-то он и обнаружил, что определенная доля золотых коронок куда-то подевалась. Оторопев от такого открытия, Гюнтер пересчитал кольца, серьги, монеты и прочие вещи. Все было на месте, а восемь коронок как в воду канули. Снова и снова лавочник перебирал то, что собирался продать покупателю из Берлина, и каждый раз убеждался в очевидном. Глаз у Гюнтера был очень наметанный. Пытаясь разобраться, что к чему, он вдруг отметил, что не хватает коронок только одного типа. Того, что приносил молодой человек, в конце мая приведенный Ульрихом. Эти коронки обладали двумя отличительными особенностями. Во-первых, они были новыми. Их никогда не носили и ни с чьих зубов не срывали. Во-вторых, технология изготовления несколько разнилась с другими. Гюнтер даже сходил к знакомому стоматологу, и тот подтвердил, что именно такие коронки ему никогда не попадались. Это было ни хорошо, ни плохо — просто кто бы их не производил, он использовал для этого нестандартную методику. Гюнтеру, в общем-то, было глубоко наплевать на происхождение коронок, а также кто и каким образом их делал. Проблема заключалась в другом — пропали именно они, причем не только в партии на продажу, а вообще везде. Ревизия, проведенная лавочником в своих закромах, доказывала это более чем красноречиво. Все приметные зубоврачебные изделия, полученные строго из одних и тех же рук, испарились бесследно. Гюнтер предположил бы банальное воровство, только отчего оно оказалось столь избирательным? Вор, проникнувший в дом, по всей логике взял бы что-нибудь еще, тем более что за добычей и ходить далеко не требовалось. Так чем же объяснить его поведение: какие-то коронки взял, а все остальное вообще не тронул? Что, лежавшие рядом кольца, монеты и даже другие коронки его не устраивали? Да что же это тогда за вор такой? Видимо, очень специфический, раз он умудрился вскрыть тайники Гюнтера не оставив следов ни на одном замке. Гюнтер мог бы поклясться, что никто не трогал его ларчики, коробочки и футляры. Тем не менее, оттуда невесть как исчезла часть содержимого, причем строго одного типа, и как лавочник ни ломал голову, он так и не понял, где тут собака зарыта. Именно поэтому он и пребывал в столь неоднозначном состоянии, когда Эрих выложил на прилавок еще пяток коронок. Обвинить молодого человека в воровстве он не мог, ибо тому

не было ни доказательств, ни даже внятных объяснений. Тем не менее, отмахиваться от всей этой загадочной истории Гюнтер тоже не собирался. Однако как же прикажете поступить? Катая пальцем золотые изделия, лавочник мучительно размышлял под удивленным взглядом молодого человека.

Эриха реакция Гюнтера озадачила. Добывай он коронки плодами грабежа, было бы о чем волноваться, но золото к нему попадало совершенно законным путем, не связанным ни с криминалом, ни вообще с тридцать восьмым годом. Так отчего же тогда всегда приветливый Гюнтер стоит сейчас мрачнее тучи, будто размышляет, принять уже известного ему клиента или выставить за дверь?

— Если вас что-то беспокоит — говорите прямо, — предложил Эрих. — Если с моим товаром что-то не так, я сам должен об этом знать.

О благополучии нациста, приторговывающего отобранным у людей добром, он беспокоился меньше всего, зато собственная безопасность Эриха очень даже волновала. Особенно после того, как он выяснил ошеломительную особенность Аномалии.

— Видите ли, у меня есть основания полагать, что мою лавку обокрали, — неторопливо ответил Гюнтер, пристально глядя на молодого человека.

— А я здесь при чем? — искренне удивился Эрих.

Лавочник отметил его реакцию. Возможно, этот красавчик здесь действительно не при делах, но какая-то связь все же просто должна быть! Если он не причастен сам, причастен кто-то другой, из его окружения, о чем клиент, не исключено, даже не догадывается.

— Да видите ли какое странное дело — пропажа получилась очень выборочной. Вор утащил только проданные вами коронки, а остальным побрезговал, — с расстановкой произнес лавочник, не спуская глаз с Эриха.

Последний так изменился в лице, что подозрения Гюнтера всколыхнулись с новой силой. Опаньки! Кажется, здесь и впрямь нечисто. Кажется, молодому человеку что-то об этом известно! Иначе с чего бы он вдруг явно занервничал, хотя всячески пытается не подать и виду?

Лавочник, разумеется, не знал, чем вызвано волнение Эриха. Он довольно точно установил причину, однако вывел неправильное следствие. Эрих Сторм действительно имел самое прямое отношение к пропаже коронок, только он их не крал и даже ни о чем таком не помышлял. С точки зрения Эриха, таким образом наконец-то проявилось здешнее влияние Аномалии. Молодой человек

уже давно гадал, отчего взятые ОТСЮДА предметы исчезают в довольно короткий срок, а приносимые СЮДА — сохраняются без каких-либо видимых последствий. Это ставило его в тупик прежде и продолжало ставить даже сейчас, когда он установил, что Аномалия — двусторонний коридор в прошлое. Не знай Эрих про особенность поведения вещей, он бы вообще не понял о чем толкует Гюнтер. Теперь же одно лишь упоминание о пропаже только ЕГО коронок прозвучало пушечным выстрелом, мгновенно пустив мысли по соответствующему руслу. Эрих мгновенно догадался, что могло произойти, и был уверен в этом практически на сто процентов.

— Согласен, очень странно, — изобразив нечто похожее на улыбку, протянул молодой человек. — Только зачем бы мне таскать собственные коронки, рискуя попасться за этим занятием, причем регулярно приносить новые? Уж красть — так сразу все ваши сбережения, и уж точно не приходить снова и снова.

— Я подумал точно так же, — заметил лавочник. — Поэтому не думаю, что это вы. Подобное поведение вполне подходило бы какому-нибудь безумцу, а вы такого впечатления не производите. Однако согласитесь, что ситуация более чем странная, и как-то связана с вами. Поэтому я вынужден задать вам вопрос, способный показаться бестактным. До сих пор я не спрашивал, откуда вы берете золотые коронки, ибо догадывался об источнике их появления, но теперь... Откуда они взялись? Взялись и продолжают браться, учитывая, что я вижу вас снова.

— Даже если я согласился бы рассказать, как это объяснит факт их исчезновения? — пожал плечами Эрих.

— Возможно, очень просто, — без всяких колебаний ответил Гюнтер. — Вы достаете их на каком-то военном объекте. Возможно, секретном. Говорят, наша промышленность творит чудеса. Научились там получать золото каким-то новым способом или что еще — я без понятия, как ничего не знаю и о вашей деятельности. Выносите вы оттуда экспериментальные образцы или сами отливаете коронки из образовавшихся отходов — кто-то мог это заметить. И чтобы замести следы, просто выкрал то, что вы мне продали, не взяв сверху ни грамма моего имущества. Это объясняло бы честность вора, а также доказывало вашу несомненную ценность, раз вас до сих пор не арестовали. Стало быть, и мне нет резона поднимать шум, чтобы случайно не вступить в конфронтацию с очень могущественными людьми. Однако и закрыть глаза на происходящее я не могу — убытки-то несет мой кошелек. Поэтому я и размышляю, как поступить. Вы хотели, чтобы я говорил прямо? Извольте.

Эрих опешил. Для скупщика отобранного у людей имущества Гюнтер рассуждал слишком заумно, строя предположения на уровне фантастики второй половины двадцатого века. Впрочем, вера в чудо германского гения будет поддерживаться в фанатиках вплоть до самого трагического финала.
— То есть, по-вашему, где-то научились получать золото из свинца, но технология крайне секретна, чем и вызвана подчистка улик. Либо же нестабильна, и полученные продукты распадаются сами, — заявил Эрих, вложив в свой голос весь доступный ему сарказм.
Таким образом он рассчитывал ткнуть Гюнтера носом во всю нелепость его безумных предположений, однако неожиданно добился строго обратного результата.
— Распадаются сами?! Даже так?! — прищурился лавочник. — Надо же, о таком я вообще не подумал! Что ж, это бы все объяснило! В том числе сложности с реализацией продукции.
— Вы что, издеваетесь? — помрачнел Эрих, причем помрачнел именно от того, насколько точно нацист попал не в бровь, а в глаз, хоть и по неправильной причине.
— Гораздо важнее другое: не издеваетесь ли вы надо мной? — заметил, сразу став очень серьезным Гюнтер. — Как я уже сказал — я не хочу неприятностей, ибо если моя догадка верна, за вами могут стоять очень влиятельные люди, способные ликвидировать всех свидетелей. Однако же и расплачиваться за исчезающее золото не собираюсь. Таким образом, я вижу только один выход из положения…
— Какой? — насторожился молодой человек.
— Вы расскажете Ульриху откуда у вас золото, либо лучше никогда не переступайте порог моей лавки, — криво улыбнулся Гюнтер, заслышав звук подъехавшей машины.
У входа раздались грузные шаги. Обернувшись, Эрих увидел знакомого штурмовика в компании еще одного квадратного типа в коричневой форме. Вот теперь ему стало понятно, отчего Гюнтер сперва попросил обождать и целых четверть часа отсутствовал, а затем долго тянул время. Не рискуя лично связываться с покупателем, он позвонил по телефону, зовя на помощь штурмовика. Тот, конечно, не СС и не полиция, но так даже лучше. Либо все утрясется к обоюдной выгоде, либо у Ульриха достанет возможностей выбить деньги из этого пройдохи.
— И вот мы снова встретились, — улыбнулся штурмовик, встретившись с Эрихом настороженным взглядом. — Кажется, у нас здесь возникли небольшие осложнения.
— Ваша правда, — кивнул, стараясь казаться спокойным, моло-

дой человек. — Гюнтер тут предположил такое, что я вот думаю: он, часом, шнапса не перебрал? Если его обокрали, при чем тут я, не говоря уже о фантазиях в духе белой горячки?
— Каких таких фантазиях? — еще приветливее улыбнулся Ульрих. — Ну-ка, Гюнтер, поведай, о чем вы тут беседовали?
Лавочник вкратце передал приятелю содержание состоявшегося разговора. При упоминании о самораспаде золота последний кашлянул и как-то странно посмотрел на Эриха.
— Если вы ни при чем, я извинюсь перед вами лично, — улыбка на лице штурмовика поблекла. — Однако согласитесь, что нам надо разобраться. Ситуация щекотливая. Гюнтер — мой хороший друг, и уж коли я вас ему рекомендовал, то чувствую за собой ответственность. Поэтому я и приехал на его вызов безотлагательно.
— И каким образом вы намерены разбираться? — нахмурился Эрих.
— Для начала мне хотелось бы увидеть ваши документы, — прищурился Ульрих. — Учитывая сложившиеся обстоятельства, желание вполне понятное.
— А если я откажусь их предъявить? — невозмутимо осведомился молодой человек.
— Тогда наш разговор продолжится в полиции, — суховато заметил штурмовик. — Лично мне не хотелось бы до этого доводить.
Эрих, к сожалению, тоже не горел таким желанием. Он находился в слишком специфическом положении, чтобы лишний раз привлекать к себе пристальное внимание властей. Особенно теперь, когда выяснилось, что все происходящее не параллельная вселенная и не симуляция. Пытаясь принять наиболее оптимальное решение, Эрих окинул штурмовика оценивающим взглядом. Тот вел себя достаточно корректно и пока не грубил. Положа руку на сердце, Эрих внутренне соглашался, что у этой компании имеются основания задать ему пару вопросов. Проклятые коронки! Вот же некстати Аномалия сыграла с ним дурную шутку… Черт побери, надо было подумать о чем-то таком прежде! Вынув удостоверение личности, молодой человек протянул его Ульриху. Тот, видимо, сделал для себя какие-то выводы, судя по молниеносно мелькнувшему в глазах выражению.
— О, так вы инженер? — протянул штурмовик, ознакомившись с содержимым документов. — И где же работаете?
— Не могу сказать. Даже в полиции, — твердо заявил Эрих.
— Секретный объект? — многозначительно усмехнулся штурмовик. — Что ж, мы как-то так и предполагали. Вы не беспокойтесь, мы не собираемся доставлять вам неприятности. Просто защищаем свои интересы.

— Пока что вы обвиняете меня невесть в чем! Причем даже сами не можете сформулировать, в чем именно! — сердито произнес Эрих, принимая оскорбленный вид.
— А мы вас ни в чем и не обвиняли! — поднял палец Ульрих. — Только вот вопрос происхождения золотых коронок стоит более чем остро. Прежде я не задавал вам вопросов, догадываясь, откуда они взялись. Теперь же у нас появились основания навести кое-какие справки. Вы уж извините, но версия с евреями не выдерживает критики. Ведь это же явно не покойные жиды приходили забрать свое имущество. Откуда у вас коронки, господин Сторм?
— А если я не скажу? — скрестил Эрих руки на груди.
— Ваше право, — помрачнел штурмовик. — Но давайте начистоту. Сейчас у нас есть два варианта: либо мы находим друг у друга понимание, либо я сдаю вас куда положено. Там разберутся.
— С вашим имуществом, отобранным у евреев, тоже? — холодно усмехнулся Эрих.
— Не передергивайте, господин Сторм, не передергивайте, — не услышав и тени насмешки, изрек Ульрих. — Мои дела только приветствуются и открыто никем не возбраняются, а вот чем занимаетесь вы — вопрос гораздо интереснее.
— И чем же я, по-вашему, занимаюсь? — еще холоднее осведомился Эрих.
— Скажите, сколько золота вы можете достать? — неожиданно спросил штурмовик с каким-то нездоровым возбуждением. — Нам, честно говоря, наплевать, куда оно девается — лишь бы не за наш счет! Вы представляете, какие деньги можно сделать на большой партии?! Огромные деньги! И ведь комар носа не подточит! Если оно исчезнет в банковском хранилище, наше какое дело? А когда нас начнут подозревать, мы будем уже далеко и с такими миллионами, что станем жить припеваючи до конца жизни! Вам больше не придется таскать по мелочи, господин Сторм. Кстати, тут только одна наука или все-таки замешан оккультизм? Говорят, там происходят интересные штуки.
— Вы это серьезно?! — остолбенел Эрих.
Он не принял в расчет жадность Ульриха и его компании. Эта жадность, основанная на реально случившемся факте, умудрилась завести нацистов совсем не туда и стала очень опасной. События в лавке, и без того развивавшиеся не лучшим образом, пошли по лезвию ножа.

Выяснилось, что штурмовик действительно говорил начистоту. С его точки зрения, Эрих искал каналы сбыта и пробовал пристраивать золото в неприметных магазинчиках. Все шло просто отлично, пока педантичный, бережливый Гюнтер не заметил про-

пажу, выявив ее строго ограниченный характер. Возможно, Эрих обращался еще куда-то, но случай с Гюнтером — первый, когда схема дала сбой. Схема, где фигурировало некое необычное золото, обладавшее очень специфическими особенностями, чье количество Ульриха живо интересовало. И лучше бы это было так, ибо если речь идет о банальной краже, то Эриху и его сообщникам точно не поздоровится. Впрочем, Гюнтер уверяет, что в его лавке никто не рылся, а он знает в этом толк. Стало быть, предположение штурмовика, так или иначе, близко к истине. Господин Сторм может рассчитывать на услуги и преданность как Ульриха, так и его людей. Ульрих готов взять на себя все хлопоты по реализации золота, и господин Сторм, как поставщик и вообще глава всего предприятия, получит наибольшую долю. Однако если господин Сторм вздумает упрямиться и все отрицать, ни к чему хорошему это не приведет. Ульрих не позволит оставить себя в дураках и упускать отличный шанс разбогатеть не собирается. Так что либо все присутствующие в лавке договариваются по-хорошему, либо…
В качестве демонстрации серьезности своих намерений Ульрих отступил на шаг и положил руку на кобуру, а его напарник закрыл собой дверной проем.
— Нам лучше прийти к взаимовыгодному соглашению, господин Сторм, — предложил, елейно улыбаясь, штурмовик.
Эрих мысленно чертил нациста на все корки. Это же надо намешать в одну кучу секретные технологии и оккультизм, столь распространенный в это время, только намешать не от большого ума, а исключительно под влиянием собственной алчности! Обиднее всего было то, что мерзавец Ульрих оказался очень недалек от истинной природы исчезновения золота и теперь осложнил положение Эриха дальше некуда. Рука на пистолете выглядела слишком красноречиво. Эдак и до полиции дело не дойдет, а если и дойдет, то из двух зол, как говорится…
— А вдруг источник происхождения золота окажется совсем не таким, как вы себе представляете? Если я беру его из вполне обыденных каналов, просто по ряду причин не хочу их афишировать? И к вашим кражам не имею отношения? Что тогда? — уточнил Эрих.
— Если вы сумеете это доказать, тогда мы все дружно извинимся и выплатим вам достойную компенсацию. Однако и в том и в другом случае вам придется убедить нас в своей правоте, — безапелляционно заявил штурмовик.
— Хорошо, будь по-вашему, — неожиданно улыбнулся Эрих так приветливо, что штурмовик даже опешил. — Только здесь, на мой взгляд, говорить не слишком удобно. Мы здесь сеном торгуем или

серьезные вещи планируем? Мало ли кто зайдет! Гюнтер, найдется в этом доме укромное местечко, где мы сможем потолковать по существу?
Сказав так, молодой человек небрежно развернулся к штурмовикам спиной, обратив взор на лавочника. Лицо того сразу же оживилось. На протяжении всего разговора оно то хмурилось, а то загоралось огнем наживы. Реплика Эриха ударила по самому сокровенному. Почуяв, что дело резко пошло на лад, Гюнтер тут же закивал, только что не потирая ладони.
— Тогда не станем терять времени — у меня уйма срочных дел! Если я не появлюсь у своего оберфюрера, вообще ничего может не выгореть! Немедленно заприте лавку и показывайте куда идти! В конце концов, я давно испытывал к вам и Ульриху определенные чувства и хотел их выразить должным образом! — велел Эрих начальственным тоном.
Властные интонации, внезапно прозвучавшие в его голосе, и упоминание некого оберфюрера сыграли свою роль. Подстегнутый Гюнтер переключил внимание на поставленную ему задачу, а штурмовики, удивленные такой переменой, утратили бдительность. Эрих справедливо опасался, что коричневорубашечники вздумают его обыскать, и протяни молодой человек чуть дольше — так бы оно и вышло. Ловкий ход позволил ему отвлечь врага и выиграть несколько драгоценных секунд, а большего Эриху и не требовалось. Когда Гюнтер, стоявший за прилавком, ринулся к двери, перестав таращиться на клиента, антифашист сунул руку за пазуху. Насчет чувств, желаемых выразить должным образом, он сказал сущую правду. Заметив движение молодого человека, Ульрих заподозрил неладное, но оказалось слишком поздно. Когда Эрих развернулся, в его руке был Хеклер сорок пятого калибра. В лавке раздался тихий звук, будто чихнул надышавшийся пыли кот. В груди нациста образовалась дыра, а коричневый мундир тут же стал заливаться кровью. Ульрих приоткрыл рот, но крика не последовало. Лишь слабый хрип покинул его легкие, уже не способные дышать из-за смертельной раны. Пуля попала штурмовику прямо в сердце. Со второй пулей, окончательно развороти вшей грудь, он свалился на пол, так и не вытащив пистолет из кобуры. Не успел закричать и второй штурмовик. Он не имел дело ни с такими эффективными глушителями, попросту недоступными в тридцать восьмом году, ни вообще с оружием Эриха Сторма. Напарник Ульриха даже не понял, что происходит, и лишь увидел, как в руках молодого человека полыхнули почти беззвучные вспышки пламени. Ульрих вдруг упал подобно мешку с отрубями, а глаза второго штурмовика вылезли из орбит, когда пугающе ог-

ромный ствол уставился ему в лоб. Туда Эрих и влепил третью пулю, высадив мозги нациста на дверь. Четвертой уже не понадобилось. Голова, разнесенная сорок пятым калибром, не нуждалась в контрольном выстреле. Повернувшись вполоборота, молодой человек навел пистолет на Гюнтера. Кровь, стекавшая по двери вперемешку с мозгами и осколками черепа, произвела на лавочника глубочайшее впечатление. Застыв столбом, он даже не дышал, парализованный внезапным зрелищем.

— Ни звука! Заорешь — убью на месте! — отчеканил Эрих, нацеливая дуло в лицо Гюнтеру.

Оторвав взгляд от трупов, лавочник посмотрел на молодого человека. Дуло было большим и страшным, а голос стальным и холодным. Изуродованная голова и лужи растекавшейся крови служили им отличной декорацией. Алчный торгаш тут же затрясся, будто его било током. Не сводя пистолет с Гюнтера, Эрих отступил к двери и задвинул засов. Его ладонь скользнула по кровавой массе, успевшей стечь на железный запор. Молодой человек поморщился, стряхивая с руки ошметки мозгов, но сейчас ему было не до брезгливости. Дверь в лавку состояла из цельного дерева и не пропускала посторонних взглядов, чего нельзя было сказать об окнах.

— Опусти шторы! — властно приказал Эрих. — Учти: одно неверное движение, одно слово — и ты покойник! Дашь знак кому-нибудь на улице — и твой череп не соберут даже по кусочкам!

Дрожавший Гюнтер неверными шагами подошел к ближайшему окну и сделал что было велено. Затем он проделал ту же операцию и с другим окном, после чего воззрился на молодого человека в полнейшем ужасе.

— Только не убивайте… — заикаясь, пролепетал он.

Точнее, попытался, поскольку из его рта вырвалось нечто не очень-то членораздельное, однако Эрих понял страстную мольбу лавочника. Он даже нашел забавным такой контраст между помесью самоуверенности с жадностью и стремлением сделать что угодно, лишь бы остаться в живых. Интересно, когда эта шайка грабила евреев, она вела себя таким же образом? Кстати о "что угодно" — сейчас и проверим.

— Теперь ты тихонько ведешь меня в дом и показываешь свои закрома. И молись, чтобы их содержимое оказалось достойно выкупа твоей жалкой жизни! — велел Эрих, мотнув пистолетом.

Снабженный глушителем, Хеклер производил устрашающее впечатление, красноречиво подтвержденное свежими трупами. Гюнтер, даже и не помышляя о сопротивлении, закивал так, будто у него свело шею, и трясущимися руками пригласил человека с большим пистолетом следовать за собой.

Грабежами Эрих не занимался и не планировал, однако из сложившейся ситуации требовалось как-то выпутываться. Банальное ограбление представлялось ему наилучшим выходом. Пока лавочник, едва живой от страха, опустошал собственные кладовые, молодой антифашист мрачно наблюдал, как перед ним растет горка ценностей. Там было все: часы, кольца, браслеты, серьги, брошки, монеты и прочие изделия из драгоценных металлов, с камнями и без, как ювелирные, так и иные. Слитков золота и серебра у Гюнтера не водилось, однако посуда из этих материалов очень даже сыскалась. Цепочки и прочие нательные мелочи шли отдельной чередой, как отдельно высыпались и жемчужины с драгоценными камнями. Последних было немного, но общее разнообразие говорило: Ульрих сотоварищи не брезговали ничем, отбирая чужое имущество до последней ложки. Гюнтер сновал туда-сюда, бдительно сопровождаемый дулом пистолета, и проявлял чудеса расторопности по разграблению своих запасов. На всякий случай Эрих подбодрил его выстрелом, когда заподозрил, что энтузиазм лавочника начал спадать. Пуля разнесла какую-то вазу, а торгаш забегал как ошпаренный, когда к звону керамических осколков добавился звон посыпавшихся из вазы монет. Второй выстрел пришлось сделать в ларец, отчего-то игнорируемый Гюнтером. Брызнули щепки, отливая расколотым перламутром, а из разнесенного ларца вывалились бусы и коробочки.

— И что у нас здесь такое? — холодно осведомился Эрих.

Ассигнации, взметнувшиеся стайкой из поврежденного хранилища, перемешивались с какими-то бумагами.

— Нераспределенный товар и мои записи, — просипел лавочник.

— Покажи! — велел молодой человек.

В ларце сыскался целый каталог. Гюнтер старательно записывал, что откуда взялось и куда впоследствии пошло. Эрих, холодея от ярости, выслушал его пояснения, сравнивая их с проставленными в бумагах метками. Банкноты молодого человека не очень-то заинтересовали, а вот содержимое одной из коробочек приковало внимание. Там были золотые коронки, и довольно много, только явно не те, что приносил Эрих. Дело заключалось не в форме или качестве — просто антифашист никогда бы не стал сдавать их прямо с зубами.

— Это что такое? — побледнел молодой человек, вперив в лавочника горящий взгляд.

— Я ж говорю — нераспределенный товар, — выдавил тот, ужаснувшись выражению сверливших его глаз.

Иными словами, в ларце хранилось то, что Гюнтер еще не успел разобрать и каталогизировать, в том числе снять коронки с зубов

и отмыть пятна крови. Последняя была особенно заметна на белом жемчуге. В пальцы Эриха подвернулась бумажка со списком фамилий. Одна показалась ему особенно знакомой, и он припомнил, как фрау Грета рассказывала об очередном "подвиге" Ульриха, посвященном отчуждению имущества. Карточка с этой же фамилией сыскалась в считанные секунды. Там педантично перечислялись изъятые вещи, включая зубные коронки. Последнее наводило на мысль о том, каким именно образом они были получены.

— Что стало с этими людьми? — жестко спросил Эрих, показав лавочнику карточку.

Тот машинально опустил глаза, и другого ответа уже не понадобилось.

— Смотри на меня, мразь! — рявкнул Эрих в приступе безудержного гнева.

Последнее, что увидел Гюнтер, была короткая вспышка пламени. Пуля снесла ему башку, разлетевшуюся по секретеру.

Эрих изначально понимал, что оставлять в живых такого свидетеля крайне опасно и вообще нежелательно. Будь Гюнтер обычным гражданином, Эрих может и пошел бы на риск, однако к нацисту, спекулирующему отобранными ценностями, никакой жалости он не испытывал. Вспышка гнева лишь ускорила очевидный исход, несколько поторопив события. Стараясь не испачкаться в крови и мозгах, молодой человек собрал все выложенное Гюнтером, исключая забрызганные вещи. Содержимое раскуроченного ларца он также прихватил с собой — вдруг удастся вернуть хоть кому-то из хозяев их законную собственность. Упаковав все в вещмешок, ставший очень тяжелым, Эрих привычным жестом закинул его за спину и удалился, более не собираясь задерживаться в гнусном логове. Молодого человека не интересовало, сколько еще добра оставалось в закромах Гюнтера. Он в принципе не собирался его грабить, а лишь маскировал произошедшее под ограбление. Вот оно и свершилось. Некий преступник, угрожая лавочнику оружием, набивал карманы, пока не грянул выстрел. Испугавшись содеянного, этот преступник стал убегать и по пути наткнулся на привлеченных стрельбой штурмовиков. Еще несколько пуль, два трупа — и злоумышленник окончательно сбежал, не оставив свидетелей.

Как обычно, дверь открылась практически сразу, едва Эрих постучал. Казалось просто невероятным, каким образом Хельмут каждый раз умудряется оказаться у порога, словно поджидает там гостя долгими часами. Впрочем, нечто подобное хозяин дома и заявлял. Эриху, безусловно, льстило такое внимание, особенно тогда, когда он в нем очень нуждался.

— Только не говорите, что рядом с вами опять что-то взорвали, — сказал Хельмут, встретившись с гостем взглядом.
Либо он обладал немалой проницательностью, либо Эрих скрывал эмоции гораздо хуже, чем сам себе представлял.
— Нет. Но кое-что действительно произошло и мне очень нужно с вами переговорить, — последовал взволнованный ответ.
Кивнув, местный антифашист проводил молодого антифашиста наверх. Войдя в знакомую комнату, Эрих увидел двух человек, сидевших за круглым столом. Слева находился мужчина, одетый во все черное. Будучи еще и брюнетом, он прямо-таки сливался со своей одеждой благодаря поднятому воротнику плаща. Даже его глаза из-за природной темноты казались черными, прячась под того же цвета бровями. Каким-то смугловатым выглядел и цвет лица. Справа от мужчины облокотилась на стул женщина. Точнее, девушка. Невысокая и худощавая, она выглядела юной девчонкой в сравнении с долговязым соседом. Зеленые глаза также вступали с ним в резкий контраст, а огненно-рыжие волосы довершали разницу. Настолько огненные, что чудилось, будто по ним нет-нет, а и впрямь пробегают сполохи пламени.
— Не беспокойтесь, это мои соратники, — пояснил Хельмут, когда Эрих замедлил шаг и остановился. — Я знаю их практически всю свою жизнь. Им можно доверять. Они, как и я, помогут вам в достижении цели.
— Откуда вы знаете, какая у меня цель? — усмехнулся Эрих.
На сей раз усмехнулся без недоверия или сарказма. Просто он и сам пока плохо отдавал себе отчет, что именно намерен делать.
— Раз вы здесь — значит, какая-то все же есть, — поднял палец Хельмут. — И раз вы пришли именно к нам, видимо, наши интересы совпадают.
М-да, с такой железной логикой не поспоришь. Эрих приблизился к столу и был представлен единомышленникам хозяина дома.

Человека в черном звали Мориц. Он был явно немногословен, если не сказать нем — на приветствие ответил степенным кивком головы, но без пренебрежения, поскольку протянул руку для пожатия. Его ладонь казалась настолько ледяной, что Эрих невольно удивился, как она вообще могла принадлежать живому человеку. Хельмут, впрочем, дал соответствующие пояснения. Мориц пережил тяжелейшую психологическую травму, из-за чего потерял дар речи и стал холодным, как лед. Он не говорит ни слова, но от этого не становится менее рьяным и ценным соратником, чем другие.

Девушка продолжала являть собой уже упомянутый контраст и в общении. В отличие от Морица она говорила очень бойко, задорно искря глазами, и улыбалась прямо-таки обворожительно. Ее

речь изобиловала бархатными, ласкающими слух интонациями, и Эрих даже устыдился мыслей, невольно пришедших ему на ум в свете отношений с Евой. Мысли он прогнал, но приятное впечатление от девушки осталось. Звали ее Белинда. Хельмут, улыбаясь, сообщил, что реакция Эриха не просто понятна, а и ожидаема. У Белинды был несомненный дар располагать к себе людей и особенно мужского пола. При случае она могла разговорить даже самого непрошибаемого индивида, поэтому шпионка из нее получалась просто замечательная. В гестапо или СД эту девушку с руками бы оторвали, суля ей любое вознаграждение. К счастью, она работала с Хельмутом, и изменять своей идеологии не собиралась. Эрих покраснел, когда упомянули его реакцию, но Хельмут заявил, что стыдиться здесь нечему, поскольку это лишь доказательство профессионализма девушки. Мориц и Белинда отлично выполняют взятые на себя обязанности, а к вниманию людей относятся ровно настолько, насколько им это внимание полезно. Белинда, очаровывая жертву, добывает сведения и подталкивает ее в нужном направлении. Мориц, и не стремящийся быть привлекательным — лучший специалист по проникновению куда-нибудь, да так, что его, несмотря на довольно высокий рост, никто и не заметит. Под покровом ночи молчаливый соратник действует прямотаки бесподобно, будто сливается с тьмой, от которой его даже не отличить.

Биографию новых знакомцев Хельмут не сообщил, но это автоматически означало, что и от Эриха никто не требовал историю его собственной жизни. Морицу и Белинде заранее было сказано, что господин Сторм — как он сам изволил назваться в новых документах — антифашист, ненавидящий нацистов и всю верхушку Третьего рейха. Ненавидящий настолько, что решил вступить с ними в борьбу. Настоящую, вооруженную борьбу, а не словесную фикцию. Он уже успел себя проявить в личном присутствии Хельмута, схватившись сразу с дюжиной врагов, хотя даже не знал ту еврейскую семью. Вероятно, до этого он успел себя проявить и где-то еще, ибо такие поступки с первого же раза не совершаются.
— Скажите, Эрих, чем вы так взволнованы? — мягко спросила Белинда, мерцая зелеными глазами, когда с обменом любезностями было покончено. — Хельмут упомянул, что вы о чем-то хотели с ним поговорить. Мы все здесь единомышленники, так что сказанное ему равнозначно сказанному нам всем.
— Пару часов назад я пристрелил троих закоренелых нацистов, и теперь беспокоюсь о последствиях, — выпалил Эрих, чувствуя внезапный прилив уверенности.
Он хотел поведать об этом более осторожно, начав с малого и про-

должая рассказ на основе реакции собеседников, но ему отчего-то захотелось показать себя с очень серьезной стороны. Эрих даже заподозрил в этом мальчишеское желание блеснуть удалью перед Белиндой, доказывая, что у него слово с делом не расходится. И, кажется, в своем намерении он преуспел. Девушка не отшатнулась с выражением презрения к убийце — наоборот, она подвинулась вперед с выражением крайней заинтересованности. Остальные собеседники также отреагировали на признание дружелюбным образом. Хельмут предложил гостю стаканчик вина, невесть откуда взявшегося, а по лицу Морица промелькнула одобрительная улыбка. Эрих, ободренный таким приемом, выпил вместе с компанией антифашистов и пустился в повествование.

В целом, молодой человек опустил лишь место своего прибытия, то бишь кирху с Аномалией, и кое-какие мелкие детали. В остальном же изложил все как есть, начиная от майского знакомства с Ульрихом и заканчивая грабежом лавки, не забыв упомянуть, сколько раз и зачем туда ходил. Эрих точно знал, что свидетелей устранения нацистов не было. Вот видел ли кто его выходящим из лавки — трудно сказать. Прохожих на улице вроде бы не наблюдалось, однако за окна соседних домов он ручаться не мог. Покинуть тот пригород на автобусе Эрих не счел для себя возможным — еще не хватало стоять на остановке, пока полиция вот-вот поднимет тревогу. Пешком до железнодорожной станции ему также идти не улыбалось — по дороге слишком приметно, а полями и зарослями долго. Новоявленный грабитель поступил довольно радикальным образом — он угнал машину Ульриха, стоявшую возле лавки. Когда ее объявят в розыск, Эрих будет уже далеко, благополучно уехав подальше от того дома, где осталось лежать три трупа. Водить он умел, так что худо-бедно управился с управлением, не устроив по пути ДТП. Теперь эта машина покоилась в водоеме недалеко от Берлина, откуда Эрих прибыл на попутке и сразу же направился к Хельмуту. С собой он принес все, что успел забрать в заведении Гюнтера.

Закончив рассказ, молодой антифашист достал из вещмешка внушительный узел и высыпал его содержимое на стол.

— Вот. Я не знаю, что с этим делать. Оставить эти вещи себе я уж точно не могу, — сообщил он, наконец-то избавившись от тяготивших его ценностей.

В глазах собеседников отражалась внушительная куча изделий самого разного назначения и фасона, а так же материала и стоимости.

— Кровавое золото. Хорошо, очень хорошо, — тихо произнес Хельмут.

Эрих вздрогнул и потупился, приняв его слова на свой счет.
— Он хочет сказать — хорошо, что вы принесли это нам, — быстро прибавила Белинда, метнув на соратника огненный взгляд. — Золото, отобранное нацистами, теперь отлично послужит против самих нацистов. Не терзайте свою совесть — она у вас чиста. Вы забрали эти вещи не ради корысти, а уж мы позаботимся, чтобы они не пропали даром.
— Здесь список людей, у которых было изъято имущество, — воспрянул духом молодой человек, подвинув пальцем сложенную бумагу. — А вот пачка денег. Их я тоже взять себе не в состоянии, хотя…
— Хотя вы в них нуждаетесь, — тут же закончила оборванную фразу на редкость сообразительная девушка. — О, вам не о чем беспокоиться!
От ее участия Эриху враз стало легче, будто он ничего особенного и не совершил, а просто заглянул поделиться с друзьями плодами своих праведных трудов. Молодой человек посмотрел на нее с выражением искренней благодарности и едва не утонул в глубине больших зеленых глаз.
— Белинда, прекрати околдовывать нашего гостя. Прибереги свои чары для нацистов, — усмехнулся Хельмут. — Впрочем, фройляйн совершенно права: беспокоиться действительно не о чем. Вам больше не придется сдавать зубные коронки в лавки всяких Гюнтеров. Озолотить мы вас не озолотим, но средствами на борьбу располагаем. Ваш жест отлично подтверждает честность и моральные качества. Мориц, унеси эти вещи — нашему гостю тяжело на них смотреть.
Человек в черном, кивнув, ловким движением собрал все ценности обратно в узелок и исчез за дверью, появившись обратно так быстро, будто умел телепортироваться. Хельмут тем временем вновь налил всем по стаканчику вина, от которого Эрих ощущал в желудке благостное тепло. Душевные раны притупились, а силы стремительно возвращались. Он и о кровавом золоте уже думал с меньшим отвращением, а слова ворковавшей Белинды воспринимал едва ли не как похвалу своим подвигам. В конце концов, мерзавец Ульрих получил по заслугам, равно как и его подельники, и больше вся эта компания никому не причинит вреда. Здесь, впрочем, возникал небольшой нюанс, беспокоивший Эриха еще со времен взрыва на вокзале. А именно: как это вмешательство повлияет на историю? Ведь теперь Ульрих не ограбит и не убьет тех, кого ДОЛЖЕН БЫЛ ограбить и убить. Его жертвы останутся жить, и вообще события пойдут другим путем, автоматически порождая череду изменений вплоть до глобальных и непредсказуемых по-

следствий. Из всего того, что Эриху доводилось слышать про гипотетическое вторжение в прошлое, больше всего ему запомнилась пресловутая бабочка. Будучи раздавленной в глубокой древности, она якобы была способна изменить весь ход развития цивилизации. Незначительное, казалось бы, действие, сродни брошенному в море камешку, вызывало так называемые круги на воде, в итоге порождавшие приливную волну. Тем не менее, инцидент на вокзале, просто обязанный вмешаться в жизнь множества людей, вроде как ни к чему такому не привел. Оглядываясь вокруг, Эрих не замечал никаких изменений. В теории, они могли произойти автоматически, мгновенно переместив его в обновленный мир, но против этого свидетельствовали снимки на смартфоне и собственная память. Эрих не забыл события ДО взрыва, а значит, изменения не модифицировали воспоминания сами по себе. Таким образом, молодой человек должен был помнить оба варианта существования мира и примечать разницу, а этого как раз и не происходило. Правда, порой он испытывал странное ощущение, будто вокруг что-то не так, но это больше напоминало эффект дежавю, нежели однозначно идентифицированные несоответствия.

Эрих так призадумался, что его вернул к действительности вопрос Белинды. Та спрашивала, не нужно ли гостю чего-нибудь прямо сейчас. Может быть, он устал и хочет отдохнуть, ибо сидит с отсутствующим взглядом, будто засыпает на ходу. Молодому человеку стало неловко. Девушка о чем-то говорила, а он откровенно прослушал, едва и впрямь не усыпленный ее голосом. Тот приятно ласкал слух, усиливая ощущение расслабленности от вина. Белинде бы в спа-салоне работать.

— Нет-нет, я отлично себя чувствую, — мотнул головой Эрих, ничуть не солгав.

К удивлению, он находился в отличной форме, будто только что хорошенько выспался.

— Тогда вы окажете мне это маленькое одолжение? — уточнила девушка, взмахнув рыжими волосами.

По ним пробежал очередной сполох, словно от самого настоящего пламени. Эрих смутился еще больше. Кажется, он и впрямь что-то прослушал, и теперь решительно не знал чего ответить.

— Белинда будет очень рада, если вы проводите ее до одного дома, — весьма кстати пришел на помощь Хельмут. — Она отнесет туда часть раздобытых вами вещей и передаст кому следует. Ей не хочется так быстро с вами расставаться, поэтому Белинда просит продолжить ваше знакомство по пути. Вы, конечно, можете отказаться, но тогда испытаете на себе всю силу уговоров этой рыжей чертовки.

Последнюю фразу хозяин дома произнес со смехом, хотя выражение его глаз скорее подчеркивало подлинную серьезность прозвучавших слов. Белинда тоже задорно засмеялась, и даже молчаливый Мориц соизволил улыбнуться. Эрих, присоединившись к общему веселью, сообщил, что упрашивать его не надо. Он с удовольствием прогуляется в компании с новой знакомой, раз уж их свели такие обстоятельства.

На том и порешили. Белинда обещала вернуть гостя через три часа, чтобы они могли продолжить важный разговор. Сейчас же, после всего пережитого, господину Сторму просто необходимо развеяться, а с кем это лучше всего сделать, как не с ней. Когда они уходили, Эрих, улучив момент, подошел к Хельмуту и, розовея, шепотом напомнил о своей небольшой финансовой проблеме. Хельмут в ответ понимающе кивнул и молча сунул ему пачку купюр. На покупку машины там не хватало, зато о текущих расходах беспокоиться явно не приходилось, даже по меркам Берлина. Ни о каком возврате долга хозяин дома и слышать не хотел. Раз гость теперь присоединился к их маленькому обществу, он может располагать всеми его ресурсами.

Спустя полчаса Эрих болтал с Белиндой так, будто знал ее давным-давно. Похоже, девушка действительно умела разговорить собеседника, поскольку молодой человек выкладывал о себе массу реальных историй, разве что адаптируя их под тридцать восьмой год. Взамен собеседница кое-что рассказывала и о себе. Эрих и представить не мог, что у такого очаровательного молодого создания столь насыщенная жизнь, богатая опасными приключениями и еще более опасным опытом. Чего стоил один эпизод, где Белинда проникла на типографию и устроила диверсию с печатным станком. Вывести его из строя было проще простого, но девушка умудрилась тиснуть в номере статейку, изначально не входившую в содержание выпуска. Статья, разошедшаяся по рукам граждан, вызвала скандал, и кое-кому в той нацистской газетенке здорово досталось.

— Надеюсь, полетели головы! — смеясь, заметил Эрих, когда они присели выпить кофе в небольшой уютной кофейне.

— Не в тот раз, — в тон ему ответила Белинда, устроившись подле спутника и крутя в ладошках стаканчик с напитком.

— В каком смысле? — удивился молодой человек.

— Как-то ко мне повадился приставать один эсэсовец. Этот подонок успел досадить массе девушек, причем многих из них брал силой. Тех, кого позволяло происхождение. У меня он получил решительный отпор, и позволять этому животному бесчинствовать дальше я не собиралась. Однажды он устроил попойку для своих

дружков — та еще собралась компания. Я прокралась и подсыпала им яд, но не всем, а только большинству. Самому эсэсовцу я подложила пузырек с отравой и еще несколько улик. По всему вышло так, будто он из ревности хотел отравить одного собутыльника, а по недосмотру прикончил всех. Когда закончилось следствие, этого ублюдка расстреляли вместе с парой якобы причастных прихвостней — тоже отъявленных мерзавцев, — поблескивая глазками, совершенно невозмутимо поведала Белинда.
— Мать честная, вы это серьезно?! — ахнул пораженный Эрих.
— Абсолютно, — кивнула, встретившись с ним взором, девушка. — И если мне подвернется возможность, я сделаю подобное снова. Кстати, если вы сейчас пожалеете о нашем знакомстве и не захотите дальше со мной общаться — я пойму.
Эрих немедленно заверил собеседницу в своем живейшем расположении. Его же реакция вызвана исключительно неожиданностью, никак не увязав такое серьезное и расчетливое деяние со столь очаровательной внешностью.
— Не в обиду будь сказано, но, кажется, Хельмут был прав — вы настоящий дьявол в юбке. Ваши враги должны бы в холодном поту просыпаться по ночам, — присовокупил Эрих, и тут же испугался, как бы девушка не оскорбилась приведенному сравнению.
— Он упоминал чертовку, только по сути вернее будет "демонесса", — лукаво искря глазами, ничуть не обиделась Белинда. — Но и вам есть чем гордиться. Кстати, что-то мне подсказывает, что и вы не оставили бы ту компанию безнаказанной.
— Разумеется, — пожал плечами Эрих, будто только этим и занимался. — Просто я не додумался бы поступить так хитро, как вы. Я кинул бы им связку гранат — всего и делов.
— И навлекли бы массу подозрений, — неожиданно наставительным тоном заметила девушка. — Нет уж, дорогой соратник, если кого-то и взрывать, то один раз, и чтобы сразу по-крупному. Иначе нас всех выявят и обезвредят из-за каких-то сошек. Бить — так дракону в голову, а не по пальцам. К примеру, у того, кто устроил тогда взрыв на вокзале, другого шанса ударить может и не оказаться.
— Вы что, тоже его одобряете? — поразился Эрих, как-то даже позабыв сначала спросить, откуда бы ей вообще известна причина инцидента, чтобы делать такие категоричные выводы.
Он машинально обернулся, боясь, что их разговор кто-нибудь случайно услышит. К счастью, другие посетители были далеко, а уличный шум заглушал все реплики дальше пары ярдов.
— Если он метил в высокопоставленных нацистов — да, — твердо заявила Белинда, явно разделявшая взгляды Хельмута. — Когда

летчики сбрасывают бомбы на города, а артиллеристы палят по ним из пушек, они ведь понимают, что вместе с воинским гарнизоном и стратегическими объектами гибнут невинные жители. Причем гибнут в гораздо большем количестве, чем солдаты врага. Это их разве останавливает? В случае же с точечной атакой жертвы среди мирного населения минимальны, так почему одно у людей вообще не вызывает нареканий, а другое приравнивается к преступлению?

— Но это же терроризм! — вяло сопротивлялся молодой человек, на деле жаждущий услышать своеобразное оправдание из уст девушки.

— Ничего подобного, — отозвалась та. — Терроризм — это как раз акция против ни в чем не повинных граждан. Уничтожение врага, способного причинить им куда больший вред, нежели армия противника — скорее удаление раковой опухоли.

— Прошу прощения, — помолчав, сказал Эрих, — но сколько вам лет? Вы вроде бы гораздо моложе меня, а порой рассуждаете так, будто это я зеленый юнец. Все, что я от вас сегодня услышал, говорит о большом жизненном опыте.

— О, миллионы! — весело прищурилась Белинда.

Кажется, она ни на что не обижалась, либо же мастерски скрывала малейшие проявления негодования. Молодой человек густо покраснел, устыдившись бестактности своего вопроса.

Выйдя из автобуса, пара новых знакомцев углубилась в лабиринт берлинских улиц. Эрих шел под руку с девушкой, а та оживленно болтала, переключив тему. От ее тела распространялось удивительное тепло, маняще отдававшееся в теле молодого человека. Лишь мысли о Еве, лежавшей в больнице, удерживали его от необдуманных поступков, так как присутствие молодой чаровницы откровенно кружило голову. А та, как ни в чем не бывало, говорила о кино, театре и жизни в столице, словно полчаса назад они и не обсуждали взрывы и уничтожение нацистов. Решительно, эта девушка знала обо всем на свете, и за час общения с ней Эрих узнал больше, чем за несколько дней путешествия по Берлину. Белинда умолкла лишь тогда, когда они свернули в какой-то тупичок и прошли вглубь сотню ярдов. Эрих, внимавший спутнице, даже не понял, отчего та вдруг остановилась, потянув его за руку.

— Что такое? — удивился молодой человек.

— Что-то не так, — беспокойно произнесла девушка, оглядываясь по сторонам.

Эрих тоже повертел головой, но ничего подозрительного не заметил. Двор как двор: обычные дома, выходящие в самый обычный же тупичок, подметенная брусчатка, несколько скамеек, аккурат-

но подстриженные кусты и ухоженные деревья — настоящая идиллия вблизи от оживленных улиц. Тишина и спокойствие прямо-таки умиротворяли.
— Слишком тихо, — пояснила Белинда, сделав ударение на первом слове. — Обычно тут слышны разговоры и играют дети, а сейчас все будто вымерло.
— На улице тоже было отнюдь не шумно, — заметил Эрих. — Отсутствие столпотворения еще не повод волноваться. Впрочем, вам, конечно, виднее. Если думаете, что нам грозит какая-то опасность, давайте уйдем.
— Нет. Вы, пожалуй, правы. Последние месяцы, учитывая обстоятельства, я стала слишком мнительная, — подумав, ответила девушка. — Все равно мы уже пришли, — добавила она, указав на дверь того дома, которым заканчивался тупик.
Улыбнувшись своему спутнику, она прошла с ним последние ярды и остановилась у крыльца, украшенного искусным чугунным литьем. У порога лежал чистенький коврик с приветливой надписью, а на стене висел старомодный колокольчик. Протянув руку, девушка тихонько постучала, отбивая явно условную комбинацию, а затем дважды коротко позвонила. Несколько секунд никто не отзывался. Потом из дома послышался приглушенный шум и чьи-то шаги, лязгнул замок и дверь отворилась. Глазам Эриха представились черные мундиры эсэсовцев.

Убегать было некуда, да и бессмысленно. Дула пистолетов, направленные на антифашистов, выглядели слишком красноречиво. Будь Эрих один, он бы и то не рискнул прыгнуть вперед и атаковать первым, а перед ним стояла Белинда. Не толкать же ее на врагов, используя как живой щит! Эрих напрягся как гепард, готовый броситься на добычу, но при этом внешне сохранял величественное спокойствие айсберга. Пытаясь принять какое-то решение, он также ждал реакции девушки. Одно ее слово — и он ринется на нацистов, даже если за это придется заплатить жизнью. Время, казалось, замедлилось, пока в голове Эриха разом проносились сотни мыслей.
— Что вы делаете в доме моей тетушки? Что-нибудь случилось? — совершенно невозмутимо осведомилась Белинда, будто бы и не замечая наведенного на нее оружия.
— Вопросы здесь задаем мы! — отчеканил эсэсовец с нашивками офицера гестапо. — Кто такие? Предъявите документы!
Девушка, пожав плечами, вытащила потертую книжечку и протянула ему. Эсэсовец, вложив пистолет в кобуру, взял документ, открыл его и принялся изучать. Его холодный взгляд то поднимался, то опускался, внимательно сравнивая написанное с увиденным.

Эрих по-прежнему не двигался. Во-первых, другой эсэсовец не сводил оружия с Белинды. Во-вторых, сама Белинда вела себя непринужденно, отчего молодой человек боялся совершить фатальную оплошность — вдруг она знает, что делает, и все обойдется? Обойдется, если он как раз таки не атакует нацистов, чем выдаст обоих антифашистов с головой? Спросить Эрих не мог, а проявлять инициативу не решался. Он так и торчал столбом, пока офицер не изволил вспомнить о его существовании.
— Ваши документы тоже! — велел он, даже не поднимая взгляда на спутника девушки.
Обернувшись на Эриха, та легонько мотнула головой — давай, мол, выполняй, что говорят. Стараясь выглядеть естественно, молодой человек полез в карман и достал фальшивку Хельмута. Эсэсовец принял книжечку, положив ее на документы Белинды. С ними он, вроде бы, закончил, но девушке обратно не вернул. Та не выказала ни малейшего возмущения, а уж Эрих и тем более. Странное дело — Белинду гестаповец только что взглядом не сверлил, а на ее спутника взглянул всего пару раз, и то будто для профилактики. Только брови офицера чуть шевельнулись, когда он вчитался в удостоверение личности Эриха.
— Господин гауптштурмфюрер, могу я все-таки узнать, что вы делаете в доме моей тетушки? — снова спросила девушка, когда эсэсовец закончил изучать документы молодого человека.
С ними он, кстати, провозился в несколько раз меньше, чем с документами Белинды.
— Ваша тетушка арестована по подозрению в антиправительственной деятельности. В доме идет обыск. Вы не можете войти, — неторопливо сообщил гестаповец, уставившись на девушку недобрыми глазами.
— Должно быть, это какая-то ошибка! — всплеснула руками Белинда, и Эрих поклялся бы чем угодно, что слышит в ее голосе искреннее удивление.
Либо антифашистка была феноменальной актрисой, идеально под стать взятой на себя роли, либо ее родственница и впрямь ни в чем не замешана.
— Возможно. Все так говорят, — в змеиной улыбке скривил губы офицер. — Поставьте ваш рюкзак!
— Что? — опешила девушка.
— Поставьте ваш рюкзак и отойдите на пять шагов назад! Немедленно! Или вас застрелят на месте! — отчеканил эсэсовец.
Белинда медленно стянула свою ношу с плечей и опустила на брусчатку. Затем попятилась, несколько раз переступив ногами.
— Вы отойдите туда! — велел офицер Эриху, указав на точку яр-

дах в трех правее девушки.
Молодой человек подчинился. Текущее развитие событий ему решительно не нравилось, но он все еще ничего не предпринимал. Учитывая качества Белинды, она имела отличные шансы выкрутиться. Ну найдут у нее в рюкзаке золото — и что? Разве граждане не имеют права носить с собой ценности? Обыщут, зададут пару вопросов, пригрозят в надежде взять на испуг, составят протокол и...

А обыск тем временем начался. Эриха никто не трогал, поскольку у него не имелось с собой никакой поклажи, зато вещам девушки уделили самое пристальное внимание. Эсэсовец в чине унтершарфюрера, стоявший рядом с офицером, вышел из дома и занялся ими вплотную. Первым на свет показался небольшой холщевый мешок. Развязав его узел, эсэсовец заглянул внутрь, после чего раскрыл пошире и опустил на брусчатку так, чтобы стали видны драгоценности. Эрих никак не отреагировал на их появление, но его удивило, что почти никак не отреагировали и нацисты, хотя горка золотых и серебряных изделий была довольно внушительной. Отложив украшения как нечто несущественное, эсэсовец продолжил копаться в рюкзаке девушки. Вытащив несколько предметов одежды очень личного характера, он вдруг издал неопределенный возглас. Второй мешок, гораздо больше первого, быстро покинул практически опустевший рюкзак. Эрих и глазом не успел моргнуть, как унтершарфюрер внезапно опрокинул находку на бок. На брусчатку высыпалось несколько брикетов. Человек, хорошо знакомый с образцами военной промышленности, сразу узнал бы их суть по внешнему виду. Для остальных каждая упаковка содержала надпись, напечатанную крупным черным шрифтом. Она читалась даже с того расстояния, где находился Эрих. Это были брикеты динамита.
— Белинда Штайн, вы арестованы! — злорадно воскликнул офицер гестапо, взмахнув ладонью.
Позади Эриха и его спутницы послышался топот сапог. Как по волшебству, там объявились вооруженные солдаты, высыпавшие из дверей соседних домов. Передергивая затворы, они взводили винтовки и направляли их на рыжую девушку и ее компаньона.
— Руки вверх! — скомандовал гауптштурмфюрер. — Оба! — добавил он после небольшой паузы.
Нетрудно было понять, кому адресовались эти слова.
— Мой спутник здесь ни при чем! Мы познакомились в кафе всего два часа назад! Он ничего не знал! — быстро заявила Белинда.
И тут Эрих наконец-то поймал ее взгляд. Он был настолько красноречив, что молодой человек аж вздрогнул. Этот взгляд лучше

всяких слов проник в его душу, объяснив поведение девушки с момента появления гестаповцев. Подозревая, к чему все идет, она изначально собралась взять вину на себя. В чем бы ни обвинили конкретно ее, Эриха никто не знал, и его следовало защитить. Особенно после того, как Белинда попросила стать ее провожатым и при этом утаила опасное содержимое рюкзака.
— Разберемся! — коротко бросил офицер. — Вот теперь ведите обоих в дом. Взрыв нам больше не угрожает. Там их и обыщем, и допросим по существу. С девицей можете не церемониться. С парнем без грубостей. Возможно, он правда ничего не знал.
Два солдата, подскочив к девушке, выкрутили ей руки и потащили к крыльцу. Унтер, копавшийся в рюкзаке, шагнул к Эриху и велел ему следовать в дом.
Молодой человек, как в тумане, пошел за Белиндой, которую грубо толкали перед ним. Эсэсовец топал за Эрихом, держа его на прицеле. Офицер гестапо, стоявший на входе, отошел вглубь прихожей. Туда же одного за другим повели пленников. Набежавшие солдаты остались во дворе. Двое из них заняли пост возле крыльца. Другие с суровым видом рассредоточились вокруг, держа полуопущенные винтовки. Лейтенант, командовавший отрядом, уселся на одну из скамеек и закурил папиросу.

Прихожая была очень просторной. Сюда спускалась лестница, ведущая на второй этаж, справа от нее располагался гардероб с вешалками и подставками для обуви, а впереди виднелось три разных двери. Из самой левой, приоткрытой, тянулись сизые клубы дыма — кто бы там ни находился, он очень много курил. Откуда-то слышались приглушенные голоса.
— Ведите их в гостиную! — указал офицер туда, откуда струился дым, когда солдаты, державшие девушку, остановились, не зная, куда двигаться дальше.
— Прости Эрих, что я тебя обманула! — воскликнула, повернув голову Белинда.
Нормально обернуться она не могла, поэтому говорила как бы в плечо находившемуся рядом солдату.
— Ты такой хороший человек! Инженер! Ты ни в чем не виноват! Мы же познакомились всего два часа назад! — прибавила она с жаром.
Эрих живо расшифровал адресованный ему посыл. У нацистов на него ничего нет. По документам господин Сторм чист. Он должен говорить, что встретился с этой девушкой в кофейне, и та попросила проводить ее до дома. Кто же не захочет проводить красивую молодую особу? Что же касается Хельмута и Морица, то он их вообще в глаза не видал, и ничего ни про каких антифашистов знать

не знает.

Раздался звонкий шлепок. Гестаповский офицер, шагнув к Белинде, влепил ей пощечину.

— Еще одно слово, мерзавка, и я лично попорчу твою смазливую мордашку! Говорить будешь, когда тебя спросят, иначе живо растеряешь все зубы! — злобно заявил он, приподнимая лицо девушки за подбородок

Пощечина была сильной. Должно быть, в голове у Белинды зашумело, но зашумело в голове и у Эриха. Аналогия с Евой, избитой неонацистами, выскочила сама собой. Столь тщательно сдерживаемый гнев вскипел с новой силой и стал наполнять грудь, будто лава жерло готового к извержению вулкана.

— Какие у вас прекрасные манеры, господин гауптштурмфюрер! — с язвительной иронией произнесла Белинда. — Вы всегда так обращаетесь с девушками?

— Как у нас обращаются с девушками вроде тебя — ты скоро лично узнаешь в гестапо, — осклабился офицер. — Там ты живо присмиреешь! И все расскажешь. Или уже не выйдешь оттуда никогда!

— О чем расскажу? — рассмеялась Белинда. — Я дернула рюкзак у одного раззявы! Хотела разжиться золотишком. Знала бы, чего он там еще таскает — в жизни бы связываться не стала! Не ту пташку изволили поймать, господин хороший! С каких пор гестапо интересуется обычными воровками?

Последовала еще одна звонкая пощечина. Лицо девушки запылало.

— С тех пор, фройляйн Штайн, как они имеют отношение к взрывам на берлинских вокзалах! — прошипел гауптштурмфюрер. — Будешь изображать невинность — получишь сполна! И не зли меня, иначе еще до гестапо на тебя и самый последний солдат смотреть не захочет!

Эрих побелел. Услышанное резануло ему уши не хуже бритвы. Он вообще не понимал, что происходит, но одно сейчас осознал точно — если девушку уведут, ей конец.

— Тащите ее, чего встали?! — воскликнул офицер. — Этого пока на кухню, — добавил он, ткнув пальцем в молодого человека.

Ствол эсэсовца, сопровождавшего Эриха, уперся последнему в спину. Это была огромная ошибка — теперь пленник точно знал, где сейчас находится оружие.

Унтершарфюрер и опомниться не успел, как Эрих вдруг резко развернулся и выбил у него пистолет, а в следующую секунду нацист уже летел на пол, брошенный умело проведенным приемом. Офицер, переместив взгляд с девушки на неожиданное дви-

жение, отвесил челюсть. Солдатам, державшим Белинду, зрелища не досталось, поэтому они вообще были не в курсе, что случилось. Они лишь услышали стук упавшего пистолета и шум кувырнувшегося тела. Это тело еще падало, а Эрих уже сунул руку за пазуху. Хеклер покоился в кобуре, где и полагалось, а чтобы он не выделялся, молодой человек заранее разместил под курткой специальные накладки. Так он выглядел несколько толще, чем на самом деле, да и по летнему времени порой становилось жарковато, зато маскировка получилась преотличная. Пока Эриха не обыскали, нацистам и в голову не приходило, что под этой вполне обыкновенной одеждой припрятано оружие, да еще какое. Что ж, в тридцать восьмом году с металлоискателями еще не ходили и в первую же минуту до нижнего белья не раздевали. Эта недальновидность, проявленная в отношении спутника девушки, теперь обходилась врагам по самой высокой цене.

Первую пулю Эрих всадил в затылок тому солдату, что находился справа от Белинды. Конвоир, так и не успев выяснить причину возни сзади, свалился ничком. Выходное отверстие разворотило физиономию, и еще до свидания с полом ее большая часть вылетела на ближайшую дверь. Со вторым солдатом получилось наоборот. Не отпуская пленницу, он повернул голову и получил пулю в лоб. Выбитые мозги плеснулись рядышком с лицевыми костями сослуживца. В итоге оба промедливших нациста не оказали ни малейшего сопротивления, и были убиты на месте в считанные секунды. Вот офицер оказался куда расторопнее. Все-таки он с самого начала заметил выходку Эриха, поэтому успел выхватить оружие и даже навести его на арестованного. Избавившись от своего унтера, Эрих уложил наповал обоих солдат, однако выстрелить в гауптштурмфюрера ему уже физически не хватало времени. Тут бы ему и конец, если бы вмешалась Белинда. Офицер автоматически упустил ее из виду, а девушка, едва освободившись от хватки конвоиров, не теряла ни мгновения. С коротким возгласом она ринулась на врага, полыхнув волной рыжих волос. Удар ребром ладони — и ствол эсэсовца разрядился в пол. Еще удар в кадык — и крик гестаповца захлебнулся хрипом. Присев со скоростью снежной лавины, Белинда врезала офицеру кулаком в пах. Тот согнулся дугой, утратив всякую дееспособность. Казалось, проще было дать ему пинка коленом, а не приседать и бить рукой, но девушка так поступила с умыслом. С кошачьей ловкостью она на лету подхватила оброненный врагом пистолет. Гестаповец, получив его рукояткой в темя, свалился бесчувственным бревном. Все это произошло так быстро, что Эрих только и успел отправить две пули в чертыхавшегося на полу унтера.

— Дверь! — крикнула Белинда.
И вовремя. Глушитель Эриха превращал выстрелы в нечто очень тихое и уж точно на них не похожее. Даже в соседней комнате враги бы и ухом не повели, не говоря о солдатах на улице. Увы, бабахнувший пистолет офицера резко все осложнил, да и его оборвавшийся крик тоже услышали. Со стороны крыльца раздались тревожные возгласы солдат. Кажется, кто-то пришел в движение и в глубине комнат. Эрих взял под прицел входную дверь. Та распахнулась, и на пороге, один плечом позади другого, объявилось двое караульных. Винтовки они навести не успели — громоздкое длинноствольное оружие плохо подходило для ближнего боя в тесном пространстве. Эрих разрядил в них Хеклер так быстро, что два выстрела слились воедино. Он будто стрелял по мишеням в тире, и сейчас эти мишени, как и во время тренировок, показались в дверном проеме. Свалившись друг на друга, солдаты образовали своеобразное препятствие. Эрих, подсчитывая оставшиеся патроны в магазине, ждал появления следующих. А они просто обязаны были появиться, поскольку с улицы слышался топот бегущих ног.
— Динамит! — воскликнула девушка.
Эрих понял ее мгновенно. Дверь осталась открытой, и больше ничто не заслоняло мешок с рассыпанными вокруг брикетами. Рассыпанными прямо напротив входа, где обыскивали рюкзак Белинды. Немного опустив пистолет, молодой человек прищурил левый глаз, прицелился и нажал на курок. Снайпером он, конечно, не был, но стрелял и впрямь хорошо. Впрочем, на этот раз, скорее всего, сказалось обыкновенное везение. Первая же пуля не просто достигла цели, а произвела желанный эффект.

Рассмотреть, как взрывается динамит можно только при замедленной съемке. Для Эриха и остальных это была лишь мгновенная вспышка, тут же разворотившая все вокруг в радиусе нескольких ярдов. Ударная волна смела всех нацистов поблизости, а кого не разорвала в клочья или не убила на месте — отбросила далеко прочь. Самые невезучие ударились о препятствия и умерли под хруст собственных костей. Этими препятствиями в основном оказались стены домов, но одного солдата изломало о скамейку, а другого насадило на ветку дерева. Лейтенанта, командовавшего отрядом, швырнуло в окно. Взрыв выбил все стекла вокруг, но они же прямо в воздухе изрешетили и этого офицера. Упав в чьей-то комнате, он остался истекать кровью из ужасающих ран, откуда торчали большие острые осколки. Выжить удалось лишь тем, кто оказался дальше всего от центра детонации, и кого унесло аж до самой улочки. Упав на брусчатку, они прокатились кубарем будто

перекати-поле, и таким образом постепенно погасили энергию движения. Правда и те из них, кто умудрился при этом не получить переломов, все равно вышли из строя, оглушенные грохотом.

Оглушило и Эриха. Взрывная волна проникла в прихожую и вполне могла бы убить молодого человека, если бы не случайность. Подхваченные ей трупы взмыли в воздух и приняли на себя основной удар, заслонив антифашиста. В них же врезались и тяжелые фрагменты картечью разлетавшейся брусчатки. Эта брусчатка убивала не хуже крупнокалиберных пуль или снарядов из пращи. Часть нацистов, чудом избежавших смерти от других причин, стала жертвой ее дробящих попаданий. Эриха отбросило назад по коридору, где он упал в угол подле одной из дверей. Приземление вышло неожиданно мягким, будто кто-то подстелил ему амортизирующий матрас. Правда, это ощущение прошло мимо осознания молодого человека, поскольку он пребывал в состоянии близком к беспамятству.

Белинду минула чаша сия. Ударная волна, ворвавшаяся в прихожую, ее не задела, так как она стояла над поверженным офицером, а их обоих закрывала лестница. Грохот, оглушивший всех и каждого, также не оказал на нее особого воздействия. Сквозь затененность сознания и шум в голове Эрих видел, как девушка пинком распахнула дверь и столкнулась с несколькими эсэсовцами. Те немного не поспели на помощь своим из-за внезапного хаоса. Взрыв, сотрясший стены дома, высадил окна в гостиной и не сбил нацистов с ног лишь потому, что они вышли из зоны поражения. В комнате все перевернулось вверх дном, мебель опрокинулась, а что только могло разбиться — разбилось. У двери же разрушительное воздействие оказалось минимальным, поэтому эсэсовцы лишь присели, потрясенные звоном и грохотом. Белинда же сохранила полную дееспособность. Вскинув пистолет, отобранный у офицера, она открыла по врагам огонь. Три раза ствол выплюнул свинец, окутанный язычками пламени, и три нациста упали один за другим, получив дырку в голову. Четвертый выстрел бабахнул в того солдата, что все-таки пострадал от динамита и скрючился в углу в полумертвом состоянии. Девушка убрала эту приставку "полу", причем сделала это так небрежно, будто убивала муху. Она даже умудрилась пальнуть на ходу, уже разворачиваясь обратно в прихожую, спустив курок практически вслепую. Пистолет в левой руке не мешал ей сделать такой маневр, только осталось загадкой, как Белинда вообще попала точно в цель.

На этом рыжая антифашистка не остановилась. Пылая огненными волосами, по которым то и дело пробегали сполохи едва ли не живого пламени, она немедленно ринулась в другую комна-

ту. Тамошние нацисты чувствовали себя явно лучше, просто мешкали дольше, доселе занятые обыском. Навстречу Белинде успели грянуть выстрелы, но они угодили в стену прихожей, поскольку распахнув ногой дверь, девушка в мгновение ока опустилась на колено. Пули прожужжали над ее головой, зато сама Белинда не оплошала. Она открыла такую скоростную стрельбу, будто родилась с пистолетом и с младенчества палила во все, что движется. Ни одно свинцовое угощение не прошло мимо. Сколько раз Белинда разрядила пистолет, столько в комнате свалилось трупов.

На лестнице загремели шаги. Сверху кто-то бежал, грохоча сапогами по ступенькам. Ракурс не позволял девушке встретить дорогих гостей, и вся надежда оставалась на Эриха. Стиснув зубы, он попытался прийти в себя, нащупывая оброненный Хеклер. Молодой человек еще плохо соображал, поэтому ему померещилось, будто оружие, лежавшее поблизости, само поползло и скользнуло ему в ладонь. Так или иначе, крайне вовремя, ибо на нижнем повороте лестницы уже показалась фигура в черном мундире, искавшая, кого бы изрешетить. Эрих, зарычав от натуги, оторвал пистолет от пола и выстрелил. Выстрелил едва ли не наугад — просто в направлении врага, — но каким-то образом умудрился не промазать. Пуля вошла эсэсовцу в грудь, и тот рухнул со ступенек в прихожую. Следом за ним объявился еще один. Присев, он начал быстро стрелять, стараясь поразить молодого человека через щели между перил. Возле головы и плеч антифашиста стали вздыматься фонтанчики щепок и извести. Посыпались клочки обоев. Вот второй раз Эрих пальнул уже куда прицельнее. Вскрикнув, нацист выронил оружие и схватился за шею. Пуля разорвала ему сонную артерию, и все вокруг тут же стало заливаться бьющей под напором кровью. В следующий момент Эрих почувствовал, как его поднимают на ноги. Подскочившая Белинда вцепилась в соратника отнюдь не женской хваткой и оторвала от пола не хуже тяжелоатлета, привыкшего тягать штангу.

— Живо наверх! — велела она, толкая Эриха к лестнице.

— А здесь? — хоть и плохо, но все же соображая, указал молодой человек на третью дверь.

Возле нее он только что лежал, опираясь на угол. Вытянутая рука нечаянно толкнула створу и та распахнулась. Глазам Эриха представилась кухня с двумя эсэсовцами. Вероятно, окружающий разгром был организован именно этими молодцами, искавшими среди кастрюль и сковородок какие-нибудь улики. Сейчас они уже не практиковали свое занятие, и отнюдь не потому, что объявился Эрих. Из тел эсэсовцев торчали вилки, ножи и другие острые предметы, прибившие их к стене промеж другой кухонной утвари.

Вне всяких сомнений, они были мертвы. Видимо, ударная волна каким-то образом добралась и до них, хотя оставалось не совсем ясно каким.
— Да шевелись же, сейчас с улицы набегут! Не слышишь — грузовик подъехал?! — подгоняла спутника Белинда.
Кажется, в экстренной ситуации она владела собой куда лучше Эриха. Впрочем, тот уже приходил в себя. Тепло, распространявшееся от прикосновения девушки, быстро приводило его в чувство. Держа пистолет наготове, молодой человек припустил куда было велено, перескакивая через лежавшие тела.

На нижней площадке было скользко от крови. Она забрызгала обои настоящим фонтаном и теперь стекала по ступенькам. Эрих едва не шлепнулся, когда нога поехала в кровавой луже, но все же миновал препятствие и резво выбежал на второй этаж. Белинда поспешала за ним, невесть как успев обобрать гауптштурмфюрера. Тот, кстати, до этого был еще относительно невредим, и за подаренные запасные обоймы девушка всадила ему пулю в живот.

На втором этаже Эрих замедлил шаг, не зная, куда следовать дальше.
— Налево! — скомандовала Белинда.
За распахнутой дверью царил разгром не хуже, чем в гостиной. Взорвавшемуся динамиту было все равно, первый этаж разносить или второй. Правда, второму из-за расположения повезло несколько больше, поэтому кое-какие вещи не превратились в труху и даже остались на своих местах. Белинда уже тащила Эриха через комнату, оказавшуюся проходной, когда тот неожиданно остановился.
— А как же твоя тетушка?! — воскликнул он, припоминая начало головокружительного инцидента.
— Она мне не тетушка! И она уже мертва! — ответила девушка.
— Откуда ты знаешь? — удивился молодой человек.
— У нее в зубе капсула с цианидом. Арестовать ее нацисты могли, а вот допросить — нет, — сердито пояснила Белинда.
— Я думал, такое бывает только в кино! — опешил Эрих. — Ты уверена, что она себя отравила?
— Хочешь проверить?! — сердито бросила девушка.
Молодой человек и опомниться не успел, как спутница втолкнула его в соседнюю комнату. Там, прикованная наручниками к батарее центрального отопления, поникла на стуле женщина. С первого взгляда было ясно, что жизнь уже покинула ее, а некоторые признаки вроде закатившихся глаз и откинутой головы указывали на правоту Белинды. Наверное, гестаповцев здорово раздосадовала такая потеря, поэтому они и проявили в отношении гостей из-

вестную щепетильность — боялись, что и те выкинут какой-нибудь номер. Кстати, реплика офицера про взрыв, который "больше не угрожает", наводила на определенные размышления, однако Эриху сейчас было анализировать недосуг. Собственно, именно поэтому он и не спросил, откуда девушка точно знает, где именно находилось тело отравившей себя женщины.

Когда они вернулись в проходную комнату, к дому уже вовсю приближались солдаты. Заходя в тупик с улочки, они целились винтовками в окна, готовясь выстрелить в любого, кто там объявится.

— Ну вот, дождались гостей! — укоризненно заметила Белинда. — Теперь придется дать им отпор, пока они нам пятки не поджарили.

— Чем? — осведомился Эрих, чувствуя вину за задержку. — Такую ораву нам не перестрелять!

— Отвернись! — велела девушка.

Молодой человек повиновался, а когда повернулся вновь, она уже протягивала ему брикет динамита.

— Ты его откуда взяла?! — вытаращился Эрих.

— Позже покажу. Если захочешь, — лукаво заискрила глазами Белинда.

Даже в таких обстоятельствах к ней уже вернулась ее задорная манера общения. В ней же она велела господину Сторму действовать самостоятельно — мол, кто замешкался, тому и отдуваться. Эрих, взяв динамит, выглянул в окно и сразу шарахнулся обратно. Грянувший ружейный залп не уложил его каким-то чудом.

— Жить надоело?! — с непередаваемой иронией осведомилась девушка.

Она вручила ему зеркало на длинной ручке, подобранное неизвестно когда и где. Второй раз Эрих посмотрел на улицу уже с помощью отражения. Делал он это не просто так — требовалось подгадать наилучший момент. Едва первые шеренги солдат очутились в нескольких ярдах от крыльца, он чиркнул зажигалкой. Стараниями Белинды фитиля осталось секунды максимум на три, поэтому либо Эрих совершал точный и молниеносный бросок, либо разносил себя и ее в клочья. Получилось первое. Динамит, вылетев из окна, упал на брусчатку возле образованной взрывом ямы и тут же соорудил еще одну, поменьше. Судьба нынешних солдат, угодивших под ударную волну, была немногим лучше предыдущих. Их расшвыряло кого куда. Оказавшихся в эпицентре разорвало на части. Конечности разлетелись вместе с клочьями одежды, а внутренности повисли на ставнях домов и ветках деревьев. Убитые и раненые, кричавшие благим матом, валялись тут и там, заливаясь

своей и чужой кровью. Уцелевшие нацисты живо утратили энтузиазм приближаться к дому. Они ринулись искать укрытие в дверных проемах, за скамейками и прочими пригодными для защиты объектами. Стало очевидно, что в ближайшие минуты они на штурм не пойдут, если их офицер не славится ненормальным желанием массово губить подчиненных.

— Теперь бегом! — скомандовала Белинда, потянув Эриха за руку.

Последний отреагировал тотчас, поскольку на сей раз дикий грохот не застал его врасплох. Молодой человек заранее приоткрыл рот и зажмурился, заложив ладонями уши. Эти нехитрые меры позволили избежать поражения звуковой волной, а ударная не достала его через стену. Не теряя более ни секунды, Эрих припустил туда, куда указывала девушка.

Соседняя комната оказалась не пуста. Там, присев за мебелью, прятались два каких-то человека, отличавшихся отнюдь не военной выправкой. Эрих действовал мгновенно. Его пистолет сразил их без промаха, и эти двое, захлебнувшись отчаянным криком, свалились бездыханными на ковер. Тогда-то молодой человек и сообразил, что застрелил отнюдь не обычных эсэсовцев. Кажется, это были эксперты или кто-то в этом роде, приглашенные для следственных мероприятий. Эрих растерянно чертыхнулся.

— Чувствуешь вину? — осведомилась поразительно догадливая Белинда. — Ты предпочел бы оставить пособников нацистов в живых? Пощадить свидетелей, видевших наши лица и вполне способных пустить тебе и мне пулю в спину?

Прикосновение ладони, положенной на его плечо, немедленно вернуло Эриху твердость. В самом деле, взялся спасать подругу, так спасай до конца, а не размазывай сопли! Прекратив думать о всякой ерунде, молодой человек вновь вскинул оружие и побежал дальше, готовый уложить на месте любого.

Вот в следующий раз он выстрелил без малейших колебаний. Когда девушка провела его через дом, чердак, и вывела через слуховое окно на крышу, там объявились вполне подходящие цели. То ли гестаповцы изначально подстраховались, выставив дополнительные посты на этом пути, то ли враги успели явиться по тревоге, когда началась суматоха. Как бы там ни было, на крыше оказались не только голуби, контуженные взрывом динамита.

Первого нациста обезвредил Эрих. В слуховое окно он полез до Белинды, и сделал это достаточно прозорливо. Он высунулся глядя вверх, заблаговременно вытягивая руку с пистолетом. Его глазам тут же представился солдат с винтовкой, занявший позицию аккурат над этим чердачным лазом. Выбирайся Эрих на крышу более традиционным образом, то есть лицом вперед, хва-

таясь руками за оконную раму — и его подстрелили бы как кролика, вылезающего из норы, вогнав пулю в затылок. Солдат, вне всяких сомнений, караулил пути отхода или прихода — в зависимости от того, когда именно его поставили, — но отреагировать на появление молодого человека не успел. Винтовка лишь чуть качнулась в направлении появившейся головы, когда чихнул выстрел. Нациста опрокинуло на бок, и он не поехал вниз лишь потому, что зацепился за какой-то выступ, а его оружие повисло лямкой на ноге. Убрав врага, Эрих понял, насколько сильно он сейчас рисковал, только выбора все равно не было. Быстро оглядевшись, он осторожно вылез из слухового окна, после чего помог сделать то же самое девушке.

— Куда теперь? — шепотом спросил молодой человек.

Белинда молча показала пальцем направо. Там обнаружился еще один солдат. Не сразу, а когда парочка антифашистов прокралась ярдов десять и заглянула за большую печную трубу. Этот дозорный не увидел исчезновение первого, ибо и звука выстрела-то не услышал. Он деловито озирался по сторонам и был неприятно удивлен, увидев молодых людей. Эрих уложил его наповал, продырявив лоб точно по центру. С учетом расстояния, мозги остались в черепе, а мертвый солдат свалился на боковой выступ крыши и остался лежать в несколько нелепой позе. Эрих и Белинда тут же двинулись дальше, стараясь не высовываться за центральный гребень, тянувшийся над всем зданием. Будь на соседней крыше кто-то еще — им пришлось бы туго, поскольку для тамошнего стрелка они оказались бы мишенями в тире. К счастью, нацисты не обложили дом сплошным кольцом поверху и понизу, как наверняка пытались сделать это теперь, отчего антифашистам следовало поторапливаться. Так они и поступали. Приободренные отсутствием врагов, Эрих и Белинда набрали темп, перескочили на смежную крышу и припустили по ней без оглядки, за что чуть и не поплатились. Грохнул выстрел, и пуля прожужжала в каком-то дюйме от уха Эриха. Вторая чиркнула по кирпичу печной трубы в том месте, которое за секунду до этого заслоняла собой Белинда. Плюхнувшись на черепицу, молодой человек потянул за собой и девушку, чем, вероятно, ее спас. Очередной боковой выступ крыши, находившийся впереди, укрыл их от взора стрелка, но дальше пути не было. Эрих проворно спрятался за трубу, куда на четвереньках отползла и Белинда.

— Так, теперь они знают, где мы, — констатировала спутница без особого уныния или растерянности.

Кажется, она пребывала в состоянии нездорового веселья, и Эрих списывал это на нервное потрясение, иначе можно было подумать,

что все происходящее ей даже нравится. Крики солдата, призывавшего на помощь, подтверждали слова девушки красноречивее некуда. Эрих высунулся из-за трубы и тут же юркнул обратно, едва не получив в глаза кирпичной крошкой, выбитой прилетевшей пулей. Солдат держал трубу под прицелом, и перезаряжал оружие очень быстро. Учитывая механизм затвора винтовки образца тридцать восьмого года, он был просто мастером, ведь первые два выстрела прогремели с мизерным интервалом. Выглянув с другой стороны трубы, Эрих пальнул в направлении врага, но тот присел за похожий дымоход. Затем его оружие снова разрядилось в направлении антифашиста. Солдат очень ловко появился из-за укрытия, и Эрих едва успел спрятаться, после чего высунулся вновь и ответил. Перестрелка начинала напоминать какой-то вестерн. У молодого человека никак не получалось достать противника — мешало расстояние. Тот тоже мазал, поскольку цель постоянно смещалась, объявляясь из-за трубы то слева, то справа. Эрих мог бы держать врага под непрерывным огнем, не позволяя высунуться, однако это было бы плохой затеей. Во-первых, он только что расстрелял вторую обойму, и расстрелял фактически в никуда, а их запас не бесконечен. Во-вторых, солдату и не обязательно высовываться. Свою задачу он выполнял — удерживал беглецов на крыше, а остальным займутся его сослуживцы. Те, кстати говоря, и занимались. Пока Эрих играл в ковбоев с окаянным нацистом, позади объявился эсэсовец, не иначе желавший выслужиться. По трубе зацокали пули, а прятаться было уже некуда. Эрих не успел отреагировать, но положение спасла Белинда. Вскочив во весь рост, она принялась разряжать офицерский пистолет, поливая врага свинцовым дождем. Расстояние было большим, но девушка била с поразительной меткостью. И скоростью. Эсэсовец получил пулю в плечо и дернулся в сторону, но другая пуля тут же угодила ему в ногу, заставив качнуться вперед. Третья под углом вошла в грудь, швырнув тело на крышу, откуда оно покатилось по скату и застряло на краю водостока. Эрих обомлел. Памятуя свои упражнения в тире, с такой дистанции он в лучшем случае попал бы только один раз, причем с целой обоймы и то не в "десятку".

— Дорогой друг, ты не мог бы поторопиться? — деловито предложила Белинда, перезаряжая пистолет. — Давай не станем дожидаться, пока сюда явится взвод солдат.

Эрих, разозлившись на свою нерасторопность, тут же повторил прежний маневр и опять не преуспел. Впрочем, не совсем. Ему удалось сбить с головы нациста головной убор — чем не повод для гордости? Молодой человек чертыхнулся, израсходовав еще пару пуль в "молоко". Белинда, пока он развлекался, высунулась с дру-

гой стороны трубы и внимательно оценила диспозицию. Эрих уже приготовился услышать отповедь и готовил оправдание — мол, дистанция немалая, враг хорошо прячется, все такое. Девушка же и не подумала высказывать претензии. Вместо этого, после очередного выстрела Эриха, она открыла огонь сама. Сперва молодой человек решил, что спутница мажет настолько же фантастически, насколько до сих пор удивляла меткостью, однако быстро выяснилось обратное. Скат был довольно крутым и пули девушки интенсивно вышибали черепицу ниже расположения солдата. По крыше, разлетаясь в стороны, щелкали многочисленные осколки до тех пор, пока на ней не образовалась своеобразная плешь. Туда и поползла вся расположенная выше часть кровли, а она, в свою очередь, потянула с собой соседние участки. Секунда-другая — и вдруг сорвался целый пласт, увлекая присевшего на нем солдата. Тот не успел ни зацепиться за что-нибудь, ни перекатиться в сторону. Упав на спину, нацист проехал на лавине из черепицы, набрал скорость, перемахнул через край крыши и с воплями ухнул вниз. Эрих и опомниться не успел, как он и Белинда уже бежали дальше, стараясь добраться до места назначения прежде, чем позади них объявится целая свора стрелков.

Цепочка крыш, в конце концов, кончилась. Преследователи отстали, а окружить весь квартал еще не успели. Девушка привела Эриха туда, где намеревалась спуститься. Сбросив темп, она велела спутнику пригнуться, а до конца последнего ската на всякий случай и вовсе пришлось ползти. Осторожно выглянув на улицу, антифашисты убедились, что вооруженных людей в обозримом пространстве не наблюдается.

— Вон труба, — указала Белинда на водосток.

Тот был очень кстати, поскольку спрыгнуть на уличную мостовую означало переломать ноги. Эрих уже собрался слезать, как вдруг девушка дернула его за рукав и в ответ на вопросительный взгляд ткнула пальцем вдаль. По узкой улице ехал грузовик. В его открытом кузове сидели солдаты с поставленными промеж коленей винтовками. Спускаться у них на глазах было бы равносильно самоубийству. Эрих приник к крыше, собираясь переждать, пока грузовик проедет мимо или свернет в боковую улицу на расположенном внизу перекрестке.

— Держи! — сказала вдруг Белинда, и перед носом у молодого человека замаячил еще один брикет динамита.

— Ты их где берешь вообще?! — опешил Эрих.

— Последний, — улыбнулась она, но тут же посерьезнела, давая короткие инструкции. — Не остановится — ничего не делай. Остановится — кидай в кузов! Если дать им вылезти — нам конец.

Если промахнешься — нам конец.
Эрих, осознав всю серьезность поручения, дрогнувшей рукой взял динамит и приготовил зажигалку. Девушка шепотом пояснила, что в случае остановки солдаты станут опускать борта и потратят на это несколько секунд. За эти секунды соратник должен не оплошать, потому что бежать больше некуда. Если они не спустятся здесь, то не спустятся уже нигде. Путь через другое слуховое окно займет намного больше времени, учитывая двери и запоры в чужих домах, а когда они доберутся до улицы, нацисты наверняка успеют окружить квартал. Эрих уже и сам это понял, как понял, зачем Белинда вела их по крышам в наиболее удаленную точку от тупика. Сжав в одной руке взрывчатку, а в другой зажигалку, он готовился поджечь укороченный фитиль.

Грузовик замедлил ход, неторопливо проехал еще, будто размышляя, повернуть или нет, не повернул, и все-таки остановился. Эрих так надеялся, что не придется доходить до крайности, ставя все на карту, но увы. Едва машина замерла, он чиркнул зажигалкой и запалил фитиль. Самым сложным — архисложным! — было закинуть брикет в кузов, где уже готовились к высадке солдаты. Попробуйте сделать это лежа на крыше, высовываясь лишь над самым ее краем! Расстояние было не слишком большим, но удобства оставляли желать лучшего. Из-за этого замах получился посредственным, а бросок и того хуже. Сердце Эриха екнуло, когда он осознал, что траектория полета динамита несколько не совпадает с желаемой. Толчок рукой получился слабее, чем требовалось, а метательный снаряд увело влево. Если ощущения и глазомер не подводили, динамит в лучшем случае свалится на крышу кабины. И это было еще полбеды, так как всего одна лишняя секунда — и он скатится с нее прочь, непредсказуемо уменьшая эффективность взрыва. Эрих успел испытать горечь фиаско, однако тут случилось нечто неожиданное. Упруго свистнул воздух, как во время урагана. Порыв невесть откуда взявшегося ветра подхватил брикет с горящим фитилем, скорректировал его падение и приземлил в самое яблочко.

Кузов разнесло в клочья. Деревянные борта разлетелись мелкими щепками, а металлические детали засвистели шрапнелью. Изуродовало даже стальные стволы винтовок, не говоря о солдатах. Их изувечило в кровавые лохмотья и раскидало вокруг на десятки ярдов. Кабину с водителем своротило взрывной волной. Сплющенная с капотом, она превратилась в бесформенный железный лом, откуда ручьем текла кровь. Следом взорвался бензобак. В сравнении с брикетом динамита он рванул не очень мощно, зато искореженные остатки грузовика тут же охватил пожар. Сте-

кая на мостовую, горящий бензин разливался вокруг огненными ручейками. Полыхнувшая резина колес начала чадить, испуская черный дым. В воздухе потянуло каленым железом и жженым мясом, пока взвившиеся языки пламени превращали остов машины в полыхающий костер. Не пощадил взрыв и окрестности, хотя прошелся по ним в куда меньшей степени. Вновь вылетели стекла домов и фонарей, массово посыпались ставни и цветочные горшки. Афишную тумбу, стоявшую возле грузовика, сорвало с креплений и покатило по улице подобно порожней бочке. Со всех сторон послышались испуганные крики и визг. К счастью, случайных прохожих оказалось мало, не иначе как из-за предыдущего грохота и стрельбы, но тех, кто очутился неподалеку, посбивало кого куда.

Эрих к картине разрушений не присматривался. Памятуя о словах Белинды, сразу после взрыва он тут же стал слезать по водостоку, а следом за ним спускалась и девушка. Труба угрожающе шаталась, скрежеща жестью, но все же ее крепления выдержали, и молодые люди благополучно достигли тротуара. В воцарившемся хаосе на них никто не обратил внимания.

— Туда! — скомандовала Белинда, и Эрих немедленно припустил за рыжей бестией.

Проскочив перекресток, возле которого пылал, распространяя жар, грузовик, оба во все лопатки понеслись по боковой улице. Молодой человек полностью доверился своей спутнице, всяко лучше него знавшей куда бежать и что делать. Та проявляла прямо-таки чудеса наблюдательности и сообразительности. Заслышав приближавшиеся сирены, Эрих не успел и подумать, насколько все плохо и как поступить дальше, а девушка уже нашла подходящий вариант для побега. Неожиданно изменив траекторию движения, она подскочила к какому-то мужчине. Тот стоял возле легкового автомобиля и испуганно смотрел в направлении прогремевшего взрыва и бушевавшего пожара. Эрих понял на кой этот тип ей понадобился, когда Белинда навела на мужчину пистолет.

— Позвольте ключики от машины, — с очаровательной улыбкой сказала она, щелкнув взводимым курком.

Ну разве можно было отказать в столь пустяковой просьбе такой обворожительной красавице? Затрясшейся рукой мужчина вложил ключи в ее протянутую правую ладонь.

— Садись! — скомандовала девушка, и тут же, распахнув дверцу, сама запрыгнула на водительское сиденье.

Пистолет в левой руке она держала в направлении автовладельца, но тот и не помышлял возмущаться. Палец, приложенный Белиндой к губам, и огонь, сверкнувший в ее глазах, перепугали мужчи-

ну гораздо больше, чем дуло какого-то там оружия. Эрих не заставил себя уговаривать. Пассажирская дверца оказалась открыта, поэтому он живо уселся рядом с девушкой, не думая, что до этого щелкнуло — замок или что-то еще. Белинда завела двигатель с пол-оборота и втопила газ, на ходу захлопывая дверь. Заправски вырулив на проезжую часть, она понеслась по улицам Берлина.

Конечно, машины тридцать восьмого года несравнимо уступали по качественным характеристикам автомобилям эпохи Эриха Сторма, однако и на них, как выяснилось, можно было хорошенько погонять. Эрих даже представлять не хотел, чего бы учинила Белинда за рулем спортивного авто в полтысячи лошадей — ему и без того хватало впечатлений. Для начала девушка едва не столкнулась с полицейской машиной, спешившей к центру событий. Они разошлись впритык, но этого автоледи показалось мало, и она на грани самоубийства проскочила между грузовиком и стеной дома. Дальше — больше. Эрих поражался, как девушка не поднимает на капот пешеходов, лавируя между ними с ювелирной точностью. Со встречными и попутными машинами она играла в шашечки, а в повороты вписывалась исключительно экстремально — не снижая скорости и с диким визгом шин, входя в них под углом в девяносто и больше градусов. Несколько раз Эрих думал, что им настал конец, поскольку лобовые столкновения казались неизбежными, однако Белинда всегда уворачивалась невесть каким образом. Легковушка в ее руках порхала как невесомая, а всю силу инерции девушка использовала до последнего ньютона. Эрих не возмущался и не орал, хотя иногда из его груди был готов вырваться испуганный вопль. Он лишь ругался беззвучным шепотом, боясь оконфузиться перед Белиндой — еще темного пятна на штанах не хватало! Интересно, кто учил эту бешеную лихачку водить? Тут даже не знаешь, врезать ему за это хорошенько или объявить благодарность? Скорее всего, и то и другое.

Иногда начинало казаться, что девушка руководствуется феноменальной интуицией, каким-то шестым чувством. Вроде бы не имея возможности видеть закрытое чем-то препятствие, она либо заранее притормаживала, либо наоборот — ускорялась. Это была не компьютерная игра, и сохранений не предвиделось. Эрих давно бы размазался о что-нибудь непробиваемое вроде стены или каменного парапета, а Белинда словно ехала по заранее известной трассе с заведомо расположенными объектами. Автомобили отчаянно сигналили, прохожие шарахались как ошпаренные, а постовые даже забывали свистеть, вытаращившись на выкрутасы гонщицы. Той же было хоть бы хны. Ей бы сидеть с лицом роботаубийцы, вцепившись в баранку обеими руками, а она непринуж-

денно рулила с таким задорным видом, будто играла в пинг-понг. За ней сталкивался и переворачивался транспорт, автобусы сносили столбы и остановки, из кузовов сыпался груз, а Белинда умудрялась проскакивать между молотом и наковальней, учиняя очередное безобразие. Она гнала так, будто удирала от всадников апокалипсиса, хотя ни о какой погоне давно не шло и речи. Преследователи, даже если таковые и были, отстали на первой же миле. Во всяком случае, наиболее разумные. Самые назойливые наверняка не избежали хотя бы одной из аварий, заграждавших проезжую часть не хуже революционных баррикад.

Эрих почувствовал несравнимое облегчение, когда сумасшедшая гонка подошла к концу. Загнав легковушку в какой-то переулок, Белинда выскочила наружу, и молодой человек покинул салон быстрее ветра, не дожидаясь приглашения.

— Давай за мной! — воскликнула девушка и побежала.

Эрих рванул следом. Через несколько поворотов они перешли на быстрый шаг, затем просто на шаг, и пошли совсем неторопливо лишь тогда, когда окончательно затерялись в лабиринте улиц. Тупик с толпой перебитых нацистов остался совсем в другом районе, поэтому прямо сейчас паре беглецов ничего не угрожало.

— Спасибо, — сказала вдруг Белинда, взяв Эриха под руку.

— За что? — тупо спросил тот, еще не до конца придя в себя от всей недавней круговерти.

— Ну, во-первых, за то, что не орал мне под руку, когда я вела машину, — пояснила девушка. — В таких случаях водителя достаточно чуть отвлечь, чтобы спровоцировать катастрофу.

— Я понял, что тебе лучше не мешать, — изобразил улыбку Эрих, радуясь возможности скрыть пережитый кошмар за проявлением разума и храбрости.

— Во-вторых, за то, что меня спас, — куда проникновеннее добавила Белинда. — Ты проявил себя просто геройски!

— Еще кто кого спас! — честно заметил Эрих, припоминая, как вела себя девушка, уподобившись спецагенту из зрелищного кинобоевика.

— Никогда не умаляй своих заслуг! — сверкнула глазами Белинда. — Мы отлично дополнили друг друга, но если бы не ты, мне бы точно не выпутаться. Гестапо свое дело знает. Так что не вздумай скромничать!

Наклонившись к Эриху, она поцеловала его в щеку — простое, казалось бы, выражение признательности и симпатии, но молодой человек почувствовал себя так, будто очутился на седьмом небе. Чарующе теплое прикосновение губ вызвало в теле волну эйфории, прежде никогда не испытанную.

— Кстати, у тебя очень интересный пистолет, — заметила Белинда, озорно подмигивая соратнику. — Где раздобыл?
— А ты постоянно ходишь по улицам с динамитом, или от случая к случаю? — в тон ей осведомился Эрих.
— Кажется, нам надо многое обсудить, — улыбнулась девушка. — Сейчас вернемся к Хельмуту, выпьем чего-нибудь освежающего и обо всем спокойно поговорим.
На том и порешили, однако и по пути к пресловутому дому оба отнюдь не молчали. Уже успев перейти на "ты", как-то просто и незаметно, они болтали без умолку, стараясь снять накопившееся напряжение. Когда Эрих вновь увидел Хельмута, он был готов к очень серьезному разговору, а также окончательно очарован Белиндой, за которую полез бы в огонь и в воду. Собственно, именно это молодой человек фактически уже сделал, приняв боевое крещение не только пламенем, но и кровью.

* * *

Белинда не солгала — женщина в том доме не приходилась ей не только тетушкой, но и вообще какой-либо родственницей. Эта женщина действительно принадлежала к движению антифашистов, только Белинду никогда не видела. Девушка, впрочем, и не утверждала, что они встречались. Хозяйка дома имела отношение к определенной деятельности, и это сыграло свою роль. Гестапо получило анонимную наводку, но из очень серьезного источника по линии СД. Оперативный отряд действовал незамедлительно. К указанному адресу подтянули роту быстрого реагирования, женщину арестовали, а в доме начался обыск. Там же устроили и засаду. Причина была более чем весомой. Исходя из поступивших данных, хозяйка дома считалась связной у тех, кто устроил взрыв на берлинском вокзале и готовил новую громкую акцию. Гестапо уже подозревало эту женщину, только ее контакты с подрывниками оказались для него полной неожиданностью. Теракт, каковым оказалось ЧП на вокзале, выводил расследование совсем на иной уровень. Женщина, разумеется, все отрицала и делала это настолько убедительно, будто и впрямь не была замешана ни в чем подобном. Разумеется, ей никто не верил. Допрос прямо на месте ничего не дал. Пока эсэсовцы обшаривали дом, его хозяйку приковали к батарее отопления и оставили в запертой комнате — поразмыслить над своим положением. Кто бы знал, что всего через четверть часа ее найдут мертвой. Свои тайны арестованная унесла на тот свет, лишив следствие одной из важнейших фигур. Гауптштурмфюрер, командовавший операцией, больше не собирал-

ся допускать ни единой оплошности. Именно поэтому он лично встретил гостей, явившихся на порог именно тогда, когда и было указано в анонимном донесении. Офицеру помогал доверенный унтер. Оба основывались на полученной информации, ввиду ее серьезности вызубренной ими наизусть. Курьер — девушка с документами на имя Белинды Штайн. В ее рюкзаке, помимо ценностей для нужд антифашистов, будет находиться N-ное количество динамита, предназначенного для очередной диверсии. При обыске требуется соблюдать максимальную осторожность, чтобы не допустить подрыва, поэтому его следует провести на открытом месте. Девушка может явиться — и, скорее всего, явится — со спутником. Как курьер, она часто использует посторонних людей для отвлечения внимания. Для этого девушка располагает к себе состоятельных и имеющих вес в обществе мужчин, желательно чисто арийской внешности. Такие, в случае проверки документов, служат ей дополнительной защитой. В их компании она перемещается по городу, передавая сообщения и доставляя груз, а мужчины ни о чем не подозревают. Таким образом, непосредственную опасность представляет только Белинда Штайн, а ее спутник, скорее всего, случайная жертва обольщения и достойный гражданин Третьего рейха.

Исходя из этих сведений, гауптштурмфюрер лично проверил документы постучавшихся молодых людей. Увидев имя и фамилию фройляйн, он тут же понял, с кем имеет дело, поэтому уделил девушке особое внимание, в отличие от ее спутника. Предъявленное им удостоверение личности полностью вписывалось в картину поведения курьера, изложенную в донесении. Обыск провел заранее проинструктированный унтер и, как ожидалось, обнаружил динамит. Дальше все стало просто. Фройляйн Штайн и так держали на прицеле, но появление солдат поставило в ее преступной деятельности точку. Осталось лишь провести арестованную в дом и предать первичному допросу по горячим следам. Спутника девушки также арестовали до выяснения обстоятельств, только скорее для порядка, нежели с целью выбить показания. Офицеру и в голову не пришло, что подлинная опасность таится отнюдь не в рюкзаке девушки, да и вообще вся эта история имеет совсем другую подоплеку. Невиданный пистолет с глушителем, неожиданно пущенный в ход господином Стормом, не позволил гауптштурмфюреру докопаться до правды. К примеру, что молодые люди совсем не те, за кого себя выдают, причем один из них серьезно заблуждается насчет другого, инцидент на вокзале спровоцирован, но не движением антифашистов, а женщина наверху не кончала жизнь самоубийством.

– 10 –

Головокружительный заезд Белинды по Берлину даже попал в газеты. Там писали про лихача, угнавшего машину и ставшего причиной ряда крупных аварий, а также приводили фотографии с места его "подвигов". О том, что этим лихачом был кто-то из участников событий в тупике, где грянул взрыв и погибло множество эсэсовцев, пресса умолчала. Власти не позволили публиковать подобную информацию во избежание скандала и позора гестапо. А ведь позор был тот еще! Спецотряд и вспомогательные силы понесли такие потери, что волосы вставали дыбом! Убитые исчислялись десятками. Не меньше было и раненых. Случай совершенно вопиющий, учитывая, что исходя из показаний очевидцев, всю эту бойню устроили только два человека, одним из которых была молодая девушка. Командование СС просто не могло допустить, чтобы пресса раздула этот катастрофический инцидент, да еще, упаси небо, связала его с вокзалом. Во избежание огласки были приняты все необходимые меры. Перестрелку объяснили операцией по задержанию антиправительственных элементов, а взрывы списали на баллоны с газом, рванувшие из-за шальной пули в ходе обезвреживания преступников. Грузовик же сгорел из-за детонации неисправного бензобака. Таким образом, в прессе умеренно фигурировали три различные новости, якобы не связанные между собой, и лишь немногие были осведомлены, что произошло на самом деле. Из них еще меньшее число знало подлинный смысл и развитие всей истории.

Вернувшись из Аномалии, Эрих выкроил часок и заглянул в Немецкую национальную библиотеку — просмотреть архивы за первое и второе июля тридцать восьмого года. То, что он и Белинда натворили якобы восемьдесят лет назад, жило в его памяти событиями вчерашних суток. Листая газетные издания и рассматривая черно-белые снимки, Эрих наткнулся на автомобиль, угнанный девушкой, и невольно подумал о том, как в дальнейшем сложилась ее судьба. Жива ли она до сих пор? Вряд ли. Ее тогдашний возраст плюс прошедшие с тех пор годы не оставляли практически никаких шансов встретить ее здесь, в Берлине современном. Скорее всего, Белинда дожила до преклонных лет и покоится где-нибудь на кладбище. Не исключено, Эрих даже проходил неподалеку от ее могилы, когда присутствовал на чьих-нибудь похоронах. Ох, как же это печально!.. Ведь девушка, такая молодая и красивая, веселая и отважная, стоит у него перед внутренним взором в свои двадцать с чем-то лет. Сутки назад он шел с ней под руку, говорил с ней, слышал ее смех и чувствовал тепло ее тела. И он

снова увидит Белинду в следующий раз точно такой же, искрящей глазами и сияющей улыбкой, хотя на самом деле она, вероятно, давно мертва. Эрих даже за голову схватился от происходящего временного парадокса. Две части реальности — настоящее и прошлое — сливались для него в единое целое, и разум отказывался это воспринимать. Внезапно Эриху на ум пришла другая мысль: а что если девушка погибла еще тогда, в нацистской Германии? Последнее, учитывая деятельность антифашистки и ее отчаянную решимость, было вполне вероятно. Погибла во время перестрелки, бомбежек или, что куда хуже, попала в застенки гестапо. Может ли он спасти Белинду? Может ли вмешаться в ее судьбу и предотвратить неизбежное? До сих пор Эрих не сводил с кем-то из тридцать восьмого года близких отношений, отчего и относился ко всем встреченным ТАМ людям с той или иной степенью безразличия. С Белиндой получилось по-другому. Он проникся к ней искренней симпатией, смешивая чувства и как к давней подруге, хотя они были знакомы всего ничего, и как к боевому товарищу. Прежде Эрих не искал в национальной библиотеке сведений о ком-либо из встреченных им людей. Теперь же, под влиянием мыслей о рыжеволосой девушке, его пальцы сами потянулись к клавиатуре.

Сперва молодой человек долго колебался. Он боялся прочесть что-нибудь страшное о судьбе Белинды, либо же узнать печальную весть о ее недавней кончине. Сомнения прошли, когда Эрих вспомнил о своих возможностях. В случае чего, у него есть уникальный шанс повлиять на развитие событий. Взрыв на вокзале и гонка по Берлину это подтверждали. Ведь прежде зеленоглазая угонщица в новостях за первое июля не фигурировала. Эрих знал это точно, поскольку заранее сфотографировал на смартфон архивные выпуски газет за даты грядущего путешествия в прошлое. Стало быть, если он спас ее тогда… Кстати! А ведь действительно спас! Тут Эрих аж задрожал от волнения, так как внезапно осознал степень своего вмешательства. Если бы он не пришел первого июля к Хельмуту, а промедлил с визитом в Аномалию хотя бы на день, Белинду, скорее всего, арестовали бы с грузом динамита и отправили в застенки гестапо! Значит, Эрих УЖЕ изменил ее историю! Значит, он способен делать это и в дальнейшем. Отбросив все сомнения, молодой человек вбил в запрос данные Белинды Штайн, включая предполагаемый диапазон годов ее рождения.

Поиски ни к чему не привели. Из тех, кого Эриху удалось отыскать по заданным параметрам, он ни в ком не узнал рыжеволосую красавицу. Конечно, архив библиотеки не содержал полные сведения обо всех гражданах Германии за первую половину два-

дцатого века, но все же молодому человеку стало как-то не по себе. Что же Белинда, вообще не существовала? Успокоился он тогда, когда подумал, что фамилия Штайн была ненастоящая. Девушка, несмотря на установившиеся между ними отношения, все-таки не рассказала, где живет и откуда родом, и Эрих не имел права ее винить. Ведь он и сам продолжал скрывать свое происхождение, хоть и имел на то очень вескую причину. Он и Хеклер-то с трудом объяснил экспериментальными разработками из Соединенных Штатов — та еще была задачка. Белинда вроде бы поверила, но эта рыженькая бестия могла подумать одно, а сказать совсем другое, и поди определи, что в действительности у нее на уме. Интересно, хватит у Эриха решимости поведать Белинде про Аномалию? В крайнем случае, да. В крайнем случае, если ей будет грозить гибель, он заберет ее с собой в двадцать первый век, а там уж будь что будет.

Эрих глубоко задумался и совершенно не обращал внимания на соседа, устроившегося неподалеку. Тот же украдкой поглядывал на молодого человека и — более того — вел скрытую съемку, стараясь фиксировать экран терминала со всей выводимой на него информацией. Это был соглядатай Шимке. Следователя очень занимало, зачем господин Сторм, учитывая все обстоятельства, периодически наведывается в национальную библиотеку. История Третьего рейха, причем в основном за тридцать восьмой год? Любопытно, очень любопытно. Особенно внимание к строго определенным датам и источникам. Иди речь о другом подозреваемом, Шимке сам назвал бы себя параноиком, если бы усмотрел в таком интересе что-нибудь предосудительное. Вот только речь шла о господине Сторме, конфликтовавшем с неонацистами, а уж взрыв на берлинском вокзале, приключившийся в далеком прошлом, невольно ассоциировался с террористами в ангаре D-16. А не задумал ли господин Сторм повторить деяние минувших дней, воскресив его в современной ипостаси? Шимке пришлось изрядно постараться, чтобы заполучить список запросов Эриха, сделанных им за последнее время. Пришлось долго просматривать записи с камер видеонаблюдения, чтобы определить терминалы, за которыми появлялся господин Сторм. По этим терминалам, на основе установленных часов посещения, поднимались так называемые журналы, где фигурировали отчеты обо всей входящей и исходящей информации. Таким образом, следователь вычислил интерес Эриха в деталях, а теперь и вовсе наблюдал за ним в режиме прямой трансляции через скрытую камеру своего шпиона. Сам по себе этот интерес ему ничего не давал, только Шимке нутром чуял, что вызван он отнюдь не случайно. Уж больно много в деле всяких

странных совпадений. Именно поэтому его сотрудники не спускали с господина Сторма глаз, стараясь примечать любую мелочь.

Соглядатая в библиотеке Эрих прозевал, но в целом о растущем внимании полиции был осведомлен и даже имел тому прямые доказательства. Вернувшись из Аномалии, он первым делом проверил видео, поступавшее на удаленный сервер за время его отсутствия. Видео, отправляемое шпионскими устройствами, приобретенными у Адама и собственноручно установленными в новой квартире. На нем обнаружились незваные гости. Пока Эрих изменял прошлое в компании Белинды, его жилище в настоящем напичкали жучками. Криво улыбаясь, молодой человек наблюдал, как старательно работают техники, устанавливая скрытую аппаратуру, и поздравил себя с дальновидностью. Заключалась она в том, что Эрих заведомо спрятал электронику не там, где недоброжелатели, скорее всего, захотели бы разместить свою. Таким образом, полицейские техники поставили жучки под присмотром камер господина Сторма, и при этом на сами камеры ни разу не наткнулись, оставшись относительно них в полном неведении. Здесь Эрих следователя переиграл, но возникал острый вопрос, что делать дальше. Пока за ним наблюдают, Эрих дома не в безопасности, и ему придется постоянно контролировать каждый свой шаг. Этот вопрос, однако, Эрих решил ненадолго отложить, как решил сейчас не гадать, откуда гости узнали, что его нет в квартире. Он предпочел заняться другими делами. В частности, поехал в национальную библиотеку, чтобы по горячим следам изучить последствия недавних событий, а затем в больницу к Еве. Ведь Эрих вернулся в воскресенье утром, и на работу не спешил.

Телом невеста чувствовала себя хорошо, и никакого беспокойство ее жизненные показатели не вызывали. К сожалению, того же нельзя было сказать о здоровье душевном. Ее сердце билось ровно, грудь вздымалась и опускалась, кожа была теплой, но Ева так и не приходила в себя. Ее мозг не умер — это врачи утверждали единогласно, — однако пребывал в сумерках, и сознание попрежнему не возвращалось. Эриху было просто необходимо увидеть невесту. Рыжеволосая Белинда произвела на него огромное впечатление, поэтому молодой человек чувствовал смущение и даже вину, хотя ничего особенного не сделал. Ну, если не считать некоторых непроизвольно возникавших мыслей. Эрих солгал бы, заявив, что ни разу не хотел обнять Белинду и познать поцелуй ее губ. Кажется, зеленоглазая красотка не пыталась его совратить, поскольку в отношении соратника-антифашиста это попросту не требовалось. Но выдержал бы Эрих испытание верностью, надумай Белинда, к примеру, отблагодарить его за спасение по-

своему? Сумел бы отринуть ее ласки, когда каждое прикосновение пронизывало удивительным теплом, а в теле появлялась предательская слабость? Испытывая угрызения совести, молодой человек не мог дать себе однозначный ответ и приехал искать спасения к своей девушке. Возле ее постели Эриху сразу стало легче. Да, несмотря на все чары Белинды, он по-прежнему любил именно Еву, пускай та и выглядела на больничной койке не так обворожительно, как рыжая красавица. Кажется, он все-таки выдержал искушение. Чувствуя прилив бесконечной нежности, Эрих поцеловал невесту в щеки, лоб и губы, а потом еще долго целовал ее пальцы. Те иногда трепетали, будто девушка отзывалась на прикосновение жениха и пыталась вернуться в мир. Увы, этого так и не произошло. За те долгие часы, которые Эрих наконец-то вновь позволил себе провести у постели любимой, она оставалась в коме.

Заглянул Эрих и к пастору Бергу. Он ловил себя на очень меркантильном вопросе, возникшем с тех пор, как ему открылась суть Аномалии. Этот вопрос затмевал все подлинное беспокойство о здоровье старика, хотя и был напрямую с ним связан. Неужели пастор так и уйдет, не открыв ему ничего про комнату в подвале кирхи, переносящую в прошлое? Теперь Эрих ни в какую не верил, что старик долгие годы служил в своем приходе, а про Аномалию не ведал. Вспоминая поведение наставника, молодой человек припоминал, как тот порой пропадал в подземелье, а иногда отпускал о тамошнем содержимом странные комментарии. Прежде Эрих не обращал на это внимания, но теперь ему начинало казаться, будто пастор хотел что-то рассказать, но откладывал свои откровения на будущее. Кто в своей молодости не слыхал фразы в духе "подрастешь — узнаешь" или "не пришло еще твое время"? И кто придавал им иное значение, ища некий скрытый смысл? Эрих вот слышал и не придавал. До недавних пор. Вглядываясь в морщинистое лицо старика, теперь он будто искал ответы, которые, возможно, так никогда и не прозвучат.

По палате распространялся цветочный запах. К пастору Бергу приходили некоторые прихожане, оставляя букеты и открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления. Вносил свою лепту и Эрих. Львиная доля цветов предназначалась Еве, но кое-что он приносил и старику. Сейчас его цветы стояли в вазочке, а подле них молодой человек поставил на ребро открытку. Картинка была очень симпатичная и надпись ей вполне соответствовала, только суть знака внимания заключалась отнюдь не в содержании. Эту открытку Эрих купил не где-нибудь, в Берлине тридцать восьмого года. Дорого бы он дал за то, чтобы пастор хотя бы на минутку приоткрыл глаза и сказал, видит он ее или нет. Ведь остальные,

судя по всему, не видели. Выйдя утром из Аномалии, Эрих сразу же сделал то, что следовало сделать давным-давно. Покинув кирху, он нашел случайного прохожего, привлек его внимание и кинул этому человеку монетку, прихваченную из прошлого. Прохожий ее не поймал, хотя и отреагировал на движение. Монетка попросту не долетела до его рук, развеявшись прямо в воздухе. Эрих даже опешил, когда кружок металла исчез в никуда, не оставив после себя даже праха. Вещь, которую он только что держал и ощущал каждый ее выступ, в мгновение ока распалась на миллион крошечных гаснущих точек и перестала существовать. Прохожий хмуро осведомился в чем, собственно, дело. Эрих извинился и быстро ушел. Следующим объектом эксперимента он выбрал женщину с коляской. Приблизившись, молодой человек стал восторгаться малышом, а когда мамаша отвернулась, положил поверх одеяльца губную гармошку. Не отреагировать на ее появление именно там женщина просто не могла. Тем не менее, она как раз и не отреагировала. Едва ее глаза обратились к коляске, гармошка испарилась так же, как и монета. Металлический корпус будто сдуло порывом ветра, стирающим его из реальности.

Учитывая вопиющий результат, теперь Эрих даже радовался, что не поставил столь простые эксперименты гораздо раньше. Ведь он уже точно знал — Аномалия не просто существует, а ведет в подлинное историческое прошлое, отчего и реагировал на исчезновение предметов относительно спокойно. Проделай же Эрих такие эксперименты тогда, когда он откровенно сомневался в своем психическом здоровье — и подобный исход наверняка убедил бы его собственном сумасшествии. Особенно после того, как молодой человек долго звенел медным колокольчиком на автобусной остановке, пока стоявшие рядом люди вежливо не поинтересовались, зачем он трясет пальцами. Колокольчик под их взглядами пропал, а никакого испускаемого им звука они не слышали. Дальше — больше. Эрих купил в забегаловке чашку кофе и стал грызть принесенную плитку шоколада, но делал это ровно до тех пор, пока на нее не посмотрел кто-то из посетителей. Плитка сгинула, как ее и не было, причем Эрих ощущал во рту оставшуюся липкую массу и даже продолжал жевать. А чего стоила выходка в метро? Эрих не курил, но ради такого случая вооружился сигарой. Дым вроде бы распространялся самым обыденным образом, но на него никто так и не пожаловался. Ароматная сизая взвесь бесследно растворялась в пространстве, попадаясь на глаза пассажирам, а в конце концов развеялась и сама сигара, не иначе как под чьим-то взглядом. У Эриха аж сомкнувшиеся зубы щелкнули. Оттого сомневаться и не приходилось — проделай он все эти выходки после первых же

свиданий с Аномалией — и его следующей остановкой стал бы кабинет психиатра. Вот Эрих и радовался, что не осмелился на такие опыты раньше. Ему будто что-то мешало — не иначе как подсознательный, так и осознанный страх оказаться сумасшедшим.

Открытка для пастора Берга играла особую роль. Если старик каким-либо образом причастен к Аномалии, возможно, в его присутствии все пойдет иначе. Ведь сам Эрих, в отличие от других, мог владеть вещами, принесенными из прошлого, и даже взаимодействовать с ними. Это убедительно доказывал гвоздь, забитый в стену молотком. Гвоздь Эрих купил в Берлине нынешнем, а молоток принес из Берлина тридцать восьмого года. Перочинный ножик, приобретенный в скобяной лавке вблизи от дома Хельмута, подтверждал всю концепцию. Эрих нацарапал им на дощечке надпись и показал ее знакомому. Тот без труда прочел текст, намеренно составленный провокационным образом, и выразил свое неудовольствие. Кстати, молоток и ножик вскоре исчезли, но Эрих этому уже не удивлялся, ибо успел выявить закономерность. Пока предметы из прошлого находились с ним, и их не видел кто-нибудь еще, они никуда не пропадали. В противном случае, оставленные без присмотра, они бесследно испарялись в пределах двух суток, не оставляя после себя даже песчинки. Вот молодой человек и задался вопросом: если пастор также взаимодействовал с Аномалией, не обладает ли он исключительными возможностями Эриха? Пребывая в коме, старик открытку вряд ли увидит, однако если та продержится в его присутствии более обычного срока, это о многом будет говорить. Эрих специально расположил ее так, чтобы врачи и медсестры не обращали на открытку прямого внимания. Косвенные же взгляды, то есть не направленные на осознанное наблюдение объекта, не приводили к дематериализации трофеев с "той стороны".

Домой Эрих вернулся поздно. Собственно, он уже давно так поступал, поскольку в квартире ему решительно нечего было делать, кроме как спать и предаваться непростым размышлениям. Но ведь думать он мог и где-то еще — например, возле постели Евы, поэтому молодой человек не видел особой необходимости торчать в своих апартаментах дольше очевидно необходимого. Стараясь вести себя естественно, Эрих принял душ и перекусил, после чего уселся посмотреть какую-то ерунду за ноутбуком. Скрытые камеры наверняка отслеживали каждый шаг, и он радовался, что успел избавиться от всех предметов, способных заинтересовать полицию. Даже Хеклер с глушителем и патронами остался по ту сторону Аномалии. Эрих не взял его с собой обратно, положив в те коробки, где хранил всю амуницию, а когда увидел на

записи незваных гостей, устанавливающих жучки, то окончательно решил, что там пистолету и место. Теперь единственное, чего он опасался — это как бы на Аномалию не наткнулся кто другой. К примеру, заместитель пастора Берга по служению в кирхе. Вообще было очень странно, что сменщик до сих пор не проявлял интереса к помещению за железной дверью. Ключ, прежде обжигавший необъяснимым холодом, Эрих давно вынул и спрятал в притворе, чтобы случайно не потерять. Теперь при каждом путешествии он всегда запирал дверной замок и вообще никогда не оставлял его открытым. У нового пастора, однако, могла иметься копия.

Размышляя об этом обстоятельстве, Эрих улегся на расстеленный диван и постепенно его мысли переключились на Белинду и других антифашистов. Интересно, как они там? Что предпринял Хельмут в связи с таким серьезным проколом по части конспирации, и насколько сильно история в тупике сказалась на всей организации? А Белинда? Если ее имя и фамилия стали известны гестапо, теперь девушка будет вынуждена полностью перейти на нелегальное положение…

Мало-помалу глаза Эриха сомкнулись, и он погрузился в сон, к великому неудовольствию следивших за ним людей. Ничего подозрительного он так и не сделал, а проникнуть в его грезы никакая шпионская аппаратура была не в состоянии. Шимке, глядя на дисплей, только что пальцы себе не кусал от злости. Он ведь не догадывался, насколько ловко Эрих его провел, и мысленно ругался на чем свет стоит, не понимая как объяснить непринужденное поведение господина Сторма. Расследование, конечно, продолжалось, однако прямых улик против подозреваемого упорно не хватало. Со своими домыслами и косвенными доказательствами Шимке еще мог убедить начальство, но никак не суд. Начальство это отлично понимало, поэтому, предоставляя следователю запрошенные ресурсы, категорически приказывало проявлять осторожность. Если Шимке допустит серьезный промах и грубо нарушит гражданские права господина Сторма, всю ответственность ему придется нести единолично. Именно поэтому следователь до сих пор открыто не беспокоил Эриха, но по той же причине он все усерднее, что называется, рыл землю, разрабатывая несколько концов сразу, включая упорно молчавшего полицейского Кольбе.

* * *

История в тупике повлияла на антифашистов самым плачевным образом. Когда Эрих, истомившись от гнетущих его подозрений, объявился в Старом Берлине вновь, Хельмут и Белинда рас-

сказали ему о положении дел. Гестапо, взбешенное провалом и массовой гибелью своих сотрудников, инициировало череду арестов. Многих достойных людей бросили в камеры, и не все из них сумели выдержать крайнюю степень допроса. Это немедленно отразилось на их уцелевших связях и далее по цепочке. Антифашистов продолжали хватать даже на улицах, изымалось имущество, проводились обыски и следственные мероприятия. Дом Хельмута пока оставался вне опасности. Прозорливость этого человека, встречавшегося там только с избранными друзьями, наиболее верными его идеалам, себя оправдала. В остальном же он стремительно терял контакты, ресурсы и возможности. Похоже, информаторы гестапо проникли гораздо глубже, чем до сих пор считалось, иначе откуда бы им знать столько адресов и фамилий? На одних допросах так быстро далеко не уедешь, а нацисты обезвреживали антифашистов гораздо оперативнее, чем те успевали реагировать и принимать меры.

Слушая своих новых товарищей, Эрих сидел мрачнее тучи. Он походил на молчаливого Морица, всегда напоминавшего тень самого себя. Мрачнее, чем обычно, выглядел и Хельмут. На его лице поселилось напряженно-сосредоточенное выражение. Лидер антифашистов старался держаться уверенно, но Эрих чувствовал, что тот многое не договаривает и вообще посматривает на него как-то странно. Кажется, одной лишь Белинде все произошедшее ничуть не убавило привычного задора. Она по-прежнему искрила глазами, улыбалась и смеялась, меж тем как девушку объявили в розыск как особо опасного врага. Объявления о ее поимке не висели на каждом столбе, но по линии СС разошлась подробная ориентировка. Предъяви кому Белинда документы на имя фройляйн Штайн — и менее чем через час весь район оцепят такие силы, что и таракан не проскочит. Положение сложилось угрожающее, однако девушке, казалось, даже льстило быть причисленной к когорте самых ярых врагов рейха. Она ходила по краю пропасти и при этом с усмешкой выделывала над ней акробатические номера. Опасность ее не страшила, а воспринималась как вызов, и Белинда охотно его принимала, даже и не думая отступать с выбранного пути. Теперь Эрих был просто уверен, что эта рыженькая бестия действительно не доживет до конца войны. Да, вне всяких сомнений, он ее спас — это подтвердил и Хельмут, причем подтвердил открытым текстом: явившись за Белиндой, гестапо бы ее уже не выпустило, — но надолго ли? Эриху было о чем призадуматься, причем не только о судьбе девушки, но и всем, что с ней напрямую связывалось. Его недавнее вмешательство имело самые плачевные последствия. Ведь именно из-за серии взрывов и кучи

трупов нацисты пришли в бешенство и принялись хватать всех подряд, включая тех, от кого прежде отмахивались как от величины незначительной. Выходило так, что сохранив жизнь одного человека, Эрих расплатился за это судьбами многих, и от осознания этого факта ему становилось не по себе. Он утешался соображением, что гестапо, рано или поздно, и так добралось бы до контактов Белинды, но оправдание звучало так себе. Хозяйка дома предпочла умереть, а не выдать нацистам соратников, и девушка наверняка поступила бы так же. Таким образом, гестаповцев спровоцировали именно действия Эриха, ускорившие разгром движения антифашистов.

Молодой человек настолько об этом переживал, что даже проговорился Белинде. Проговорился тогда, когда они остались наедине. Мориц ушел по каким-то срочным делам. Хельмут также удалился, оставив дом на попечение девушки, нашедшей в нем временное убежище. Разумеется, Эрих ничего не сказал про изменения в самом течении истории, но последствия своей инициативы упомянул более чем красноречиво.

— Понимаю, о чем ты говоришь, — кивнула Белинда. — Однако с врагом надо бороться, а не складывать руки лишь потому, что он в ответ может кого-то убить. Предположим, нацисты берут в заложники население какого-нибудь дома и во всеуслышание приказывают неизвестным подпольщикам сдаться. Предположим, они схватили всех жителей того тупика и объявили, что если члены нашей организации не явятся в гестапо до рассвета, этих людей расстреляют. Что тогда?

В памяти у Эриха живо всплыли перипетии Второй мировой войны. Карательные отряды СС и их прихвостни поступали так сплошь и рядом, не гнушаясь истреблять мирное население не только отдельными домами, но и целыми деревнями. Белинда сейчас говорила гипотетически, а он уже знал, что именно так и будет! Эриха аж передернуло.

— Я не совсем это имел в виду, — смутился он, не зная, что и сказать. — Я подразумевал… Я думал…

Молодой человек окончательно запутался и умолк. Белинда, обладавшая поразительной интуицией, в очередной раз пришла ему на выручку.

— Тебя волнует, что ты, выражаясь фигурально, своими действиями своеобразно переписал историю нашего движения, так? — мягко уточнила она, загадочно посверкивая глубокими зелеными глазами. — Ведь не знай ты меня, ничего бы этого не стряслось, и теперь тебя мучают угрызения совести.

Эрих обомлел. Девушка не попала в "десятку" лишь из-за того, что

понятия не имела об Аномалии, а в остальном выразилась точнее некуда.
— Так вот что я тебе скажу: не вини себя! — продолжила она очень проникновенным голосом. — Все эти люди знали, на что шли. Знал и ты, когда рисковал собой ради меня. Случившееся — просто очередной эпизод в ходе борьбы с враждебными силами. Печальный, но естественный. И говорю я это отнюдь не потому, что свою жизнь ценю больше других и рада такому повороту. Он просто произошел. Я же обещаю, что осталась в живых не напрасно. Любое действие порождает противодействие. Да, те антифашисты, которых арестовали из-за моего побега, теперь не смогут сделать того, что сделали бы, но я постараюсь отыграться на нацистах сторицей. Образно говоря, мои пострадавшие соратники сожгли бы три эшелона. Я, выжившая, сожгу десять!
До Эриха дошло. Слова Белинды он интерпретировал применительно к истории. В одной реальности девушка погибала, а ее товарищи вели дальнейшую борьбу, приносившую, скажем так, плюс десять неких очков полезности. В другой Белинда оставалась жива, что вычеркивало деяния соратников из самого времени, но дальнейшие ее поступки приносили гораздо большее число пресловутых очков. Таким образом, нацисты, в конечном счете, не выигрывали, а проигрывали. Погубив больше антифашистов здесь и сейчас, они убьют меньше людей позднее. Что ж, если изменение истории предстает именно в таком свете, Эрих, пожалуй, смирится с последствиями. Он ведь уже устранил Ульриха и компанию, да и в аптеке постарался. Отчего же не продолжить более масштабно? Десять эшелонов? Да, с этой рыжей станется. Особенно если Эрих и дальше станет ее опекать.
— Скажи, где ты так научилась стрелять и водить? — спросил вдруг он в порыве наступившего облегчения. — Я такое только в кино видел!
В каком именно, молодой человек, само собой, не уточнил, но и по меркам тридцать восьмого года хватало различных фильмов подходящего жанра.
— В вашем мире эти занятия освоить очень даже нетрудно при наличии времени и хороших учителей, — рассмеялась Белинда.
— Что значит — в вашем мире? — откровенно опешил Эрих.
— Ну, к примеру, в мире мужчин, — хитро улыбнулась девушка. — Вообще поживешь с мое — и не тому научишься. За сотню лет палить из пистолета наловчится даже незрячий, а если до этого ты практиковался в стрельбе еще тысячу годков, то попадешь в любую мишень с любого расстояния. Кстати, обычно я предпочитаю не прибегать к столь примитивным средствам, как огнестрельное

оружие, а уничтожаю врагов своими сверхъестественными способностями. Просто не хотела тебя смущать. Потому и машиной воспользовалась, а не подхватила тебя за шкирку и не перенесла на крыльях.
— Юмористка! — обиженно фыркнул Эрих.
Сперва он округлил глаза, но потом понял весь сарказм девушки, изложенный в столь непринужденной форме.
— Не сердись. Ты ведь тоже до сих пор не рассказал, где постоянно пропадаешь, — заметила Белинда, положив ему ладошку на плечо.
Эрих смутился. С этим не поспоришь. С чего бы девушке с ним откровенничать, когда он сам молчит как партизан, строя из себя таинственного незнакомца. Такой дешевый прием больше подходит примитивным донжуанам, охмуряющим жертву в абсолютно безопасной обстановке, но никак не боевому товарищу.
— Дай угадаю — это связано с близким человеком. Жена? Невеста? Она больна, и ты ездишь к ней повидаться? — ласково спросила Белинда.
Вот этого молодой человек совсем не ожидал услышать и даже вскочил, уставившись на собеседницу ошарашенным взглядом. Та, конечно, не попала в самую точку, но в целом ее речи вызывали откровенную оторопь, куда большую, нежели рассуждения про вмешательство в судьбу.
— Ты не можешь этого знать! — потрясенно воскликнул он первое, что пришло ему в голову.
— А я просто рассуждаю, — пожала плечами Белинда. — Мало кто может устоять против моих чар. Ты устоял. Но это возможно только в том случае, если мужчина искренне кого-то любит. Настолько, что не поддается искушению. В этом ты, считай, проверку прошел и доказал — ты тот, кто нам действительно нужен. Но если бы ты долго не видел свою избранницу, то не сумел бы оказать мне достойное сопротивление. Стало быть, ты встречаешься с ней регулярно. А надолго не оставляешь уж точно не по причине исключительного благополучия.
— Поразительно… — прошептал Эрих, вновь усаживаясь рядом с девушкой.
С тех пор, как их оставили наедине, молодые люди устроились за круглым столом в комнате наверху, но не друг напротив друга, а по соседству. Белинда предложила соратнику кофе и сухарики, поскольку от спиртного он отказался, желая сохранять голову ясной. Сама же неторопливо потягивала красное вино, наливая его из большой бутылки, настолько запыленной, будто ей было несколько сотен лет.

— Погоди! — спохватился вдруг Эрих. — Что значит — прошел проверку и доказал?! Вы меня проверяли?!
— Естественно, — как нечто само собой разумеющееся подтвердила Белинда. — И не один раз. От твоих душевных качеств очень многое зависит. Теперь мы точно уверены, что ты нам подходишь.
Знал бы Эрих, о чем в действительности толкует это рыжеволосое создание, и он наверняка реагировал бы совершенно иначе, однако слова девушки он воспринял исключительно в свете мужской психологии.
— Тебя Хельмут подослал? — насупился молодой человек.
— Для того он меня и держит, — Белинда вытянула локоть на стол и картинно подперла голову, свесив с нее водопад полыхнувших огнем волос. — Я способна соблазнить кого угодно. Признайся честно: пойди я в полноценную атаку, ты сумел бы устоять?
Эрих покраснел. Именно об этом он уже неоднократно думал, отчего и искал спасения возле Евы.
— Не отвечай, — усмехнулась девушка. — Ложь я слышать не хочу, а правда кому-то из нас резанет по самолюбию. В любом случае, молчание позволит каждому из нас сохранить лицо, не так ли? Для нашего дальнейшего сотрудничества искренность важнее всего, и я не допущу, чтобы ты считал, будто был мне интересен только ради проверки на прочность.
— А что, разве не так? — проворчал молодой человек.
Сердиться на рыжую бестию ему было очень трудно, поэтому он прямо-таки ждал, чтобы его убедили.
— Ни в коем случае, — чарующе произнесла Белинда, взяв его за руку. — Такие люди как ты — большая редкость, и они нам очень нужны. Благодаря тебе я все еще здесь и приложу все усилия, чтобы твое вмешательство окупилось должным образом, принесло желаемые плоды.
И вновь эта зеленоглазая красавица говорила совсем не о том, что подумал Эрих, но он, околдованный ее проникновенным голосом, враз отбросил все сомнения.
— Что ты теперь намерена делать?! — с жаром спросил молодой человек, всем своим видом выражая готовность помогать.
Тут Белинда в кои-то веки помрачнела. Такая перемена была для нее очень необычной, но из дальнейшего разговора Эрих прекрасно понял, чем она вызвана. Решимость и бесстрашие бойкой девушки — это одно, а вот резко сократившиеся возможности — совсем другое. На одном же голом энтузиазме далеко не уедешь.

В прошлый раз Эрих очень удивился, когда вновь увидел свои документы, вроде как изъятые гауптштурмфюрером, оставшимся лежать в том доме. Белинда, вытащив у гестаповца запас-

ные обоймы для пистолета, ухитрилась прихватить и удостоверения личности. Ее собственное было, конечно, скомпрометировано, раз гестапо уже знало о существовании фройляйн Штайн, однако Эриху на тот момент волноваться не приходилось. Инженер Сторм оставался вне подозрений. Теперь же означенный инженер удивился вторично, увидев протянутые ему документы офицера СС. Раскрыв их, он узнал на вклеенной фотографии собственную физиономию в фуражке, да и мундир соответствовал. Зрелище вызвало вполне естественные вопросы, но Белинда дала подробные пояснения. Из-за многочисленных арестов связи и ресурсы антифашистов стремительно убывают. Ввиду этого Хельмут заранее приготовил множество поддельных документов, не дожидаясь, когда лавочка, что называется, прикроется. На Эриха запасли целую пачку, как запасли ее и для Белинды и других ближайших соратников. Девушка теперь числилась в интендантской службе одной воинской части и могла не бояться проверок на улицах. Что же касалось фотографии в нацистской форме, то Хельмут рассудил следующим образом: в случае крайней необходимости Эрих покажет удостоверение на имя штурмбаннфюрера СС и заявит, что выполняет особое задание. Мало кто осмелится препятствовать такому чину, достаточному, чтобы произвести нужное впечатление, и при этом не слишком высокого, чтобы вызвать подозрения. Во всяком случае, вермахт точно связываться не станет, и даже нижние чины гестапо предпочтут не лезть не в свое дело. Гауптштурмфюрер в том тупике — и тот оказался бы в затруднении. Он, разумеется, сразу попытался бы все выяснить телефонным звонком, но Эрих получил бы гарантированную паузу взамен той счастливой случайности, которой могло и не произойти.

Эрих не очень-то горел желанием увидеть себя в роли эсэсовца, но Белинда, рассмеявшись, сообщила, что у нее тоже есть документы такого рода, и из них выйдет прекрасная пара, когда оба отправятся устроить нацистам веселую жизнь. Эта идея молодому человеку понравилась, после чего "корочки" штурмбаннфюрера перестали вызывать у него отвращение. За них, кстати, следовало благодарить Морица. Под покровом ночи он проник в соответствующее ведомство и похитил оттуда все необходимое. Пришлось умертвить несколько человек, так и не понявших, что именно их убило. Мориц ловко замел следы, и нацисты до сих пор теряются в догадках, что и как произошло.

— Вы прямо спецагенты какие-то, — без тени насмешки засмеялся Эрих. — С твоих слов, так Мориц ночью может проникнуть куда угодно.

— Не только ночью, — лукаво прищурилась Белинда. — Почти в

любую темноту. Только не спрашивай, как он это делает, и не проси показать, а то по ночам кошмары замучают. Считай, что ты увидишь его, только если он сам этого захочет, либо же когда нападет, а тогда станет поздно.
Эрих поежился. Ему на ум вдруг пришел тот жуткий сон с палатой Евы, привидевшийся сразу после того, как девушка впала в кому при невыясненных обстоятельствах. Б-р-р-р! Если Мориц вытворяет что-то подобное хотя бы вполовину, выживший враг станет заикой или начнет мочиться под себя. Впрочем, все это фантазии. Троица антифашистов — реальные люди, а Белинда опять его подкалывает. Выслушав укоризненное замечание Эриха, девушка весело заискрила глазами. Кажется, ей и впрямь нравилось дразнить нового товарища, отчего она и придумывала истории про сверхспособности. С реальными же, как далее выяснилось, все обстояло не столь радужно.

Канал, по которому Белинда получала динамит, был перекрыт нацистами. Более того, другие источники взрывчатки также стали недоступны. Фактически, ячейка Хельмута лишилась возможности пополнять припасы боевого назначения, и где взять новые пока не представляла. А они требовались, причем срочно. Для реализации планов динамита не хватало, а сроки начинали поджимать. Эрих не спрашивал, о чем шла речь — это ему поведали еще в прошлый раз, когда он и Белинда явились к Хельмуту после учиненного разгрома в пресловутом тупике. Хельмут выслушал их со стоической невозмутимостью, после чего девушка поручилась за Эриха, и того посвятили в очень и очень многое. Правда, сегодня она призналась, что заодно испытывала новичка, но в конечном счете это не имело значения. Эриху стало понятно, отчего сначала Хельмут, а затем и Белинда так спокойно отнеслись к происшествию на вокзале и даже находили ему своеобразное оправдание. Сама троица антифашистов не собиралась взрывать мирных жителей, однако для нацистов она готовила соответствующее угощение. Запасаемый динамит должен был послужить для двух крупных операций, способных нанести врагу серьезный ущерб. Хельмут и Белинда не планировали диверсии на поездах или персональном транспорте эсэсовцев — в общей массе это совершенно бесполезно. Нанести удары в их идеологические центры — совсем другое дело. Первым объектом наметили один из рассадников евгеники, откровенно начинавшей сворачивать на преступный путь. Тамошние "специалистов" вместе со всеми их картотеками и исследованиями никакой жалости не вызывали. Вторую цель тоже выбрали не случайно. Хельмут был уверен — нацисты что-то готовят против унтерменшей, причем очень скоро, и собирался поднять на воздух некое

замечательное здание, вплотную занимавшееся еврейским вопросом. Если вывести его из игры с профильными сотрудниками и документацией, есть хорошие шансы спутать планы врага.
— Это их не остановит! — машинально изрек Эрих.
На дворе стояло восьмое июля. До так называемой "Хрустальной ночи" оставалось всего четыре месяца, да и ужасы по части расового отбора, стерилизации и умерщвления заключенных также были не за горами. Никакой взрыв никакого здания, исключая разве что Рейхстаг, ничего особенно не изменит. Кстати, по всей видимости, и не изменил, если принять во внимание известную Эриху историю. Либо Хельмут действительно что-то уничтожил, но без особого толку, либо ячейку антифашистов обезвредили раньше. Последнее выглядело куда вероятнее, раз впоследствии об их акциях официально не было известно. Впрочем, речь могла идти о каком-нибудь секретном объекте, фигурировавшим под другим именем. Так или иначе, "Хрустальная ночь" состоялась, а это было единственное ближайшее крупное событие из разряда преступлений нацистов. Убийства "неполноценных" людей начнутся осенью тридцать девятого года, после вторжения в Польшу, и дым от крематориев взовьется позднее.
— Почему ты так думаешь? — блеснув глазами, живо осведомилась девушка.
— В марте произошел так называемый аншлюс. Думаешь, вы могли бы его предотвратить или хотя бы отстрочить? Ты не настолько наивна, чтобы верить будто диверсия, совершенная кучкой заговорщиков, способна затормозить всю машину Третьего рейха, — мягко объяснил Эрих, стараясь не обидеть Белинду, а заодно не выдать свою необычную осведомленность какой-нибудь оплошностью.
Но девушку, кажется, и впрямь пронять было невозможно. Она дерзко встряхнула головой, отчего рыжие волосы вновь заиграли практически настоящим пламенем.
— Еще как способна! Просто надо знать, куда и когда бить! — с жаром воскликнула она.
— Ты это серьезно? — удивился Эрих.
В ответ полыхнули искры больших зеленых глаз. Молодой человек, сообразив, что Белинда ничуть не шутит, попытался выяснить, что та имеет в виду, однако у него ничего не вышло. Девушка, проявляя невероятное упорство, всячески увиливала от прямого ответа и предлагала Эриху самому поразмыслить над ее словами. Мол, он сам должен дойти до каких-то вещей, ибо только тогда он совершенно искренне, без всяких подсказок и исключительно по собственной воле сможет принять участие в дальнейшей борьбе.

Сможет сделать то, что доступно только ему, и никому другому, и что в случае принуждения станет невозможным.

Эрих окончательно запутался. Белинда говорила вроде бы о простых вещах, но какими-то загадками, постоянно прибегая к иносказательной форме. Складывалось ощущение, будто на устах девушки лежала какая-то печать, и она при всем желании не решалась ее нарушить. Если Белинда не хотела впутывать Эриха в свои авантюры, грозившие мучительной гибелью, и давить на него каким-либо образом, то ее и так не в чем было упрекнуть. Особенно после того, как она честно призналась, что испытывала нового товарища на прочность, но откровенно совращать не стала. В конце концов, Эрих не выдержал, и заявил, что готов помочь Белинде всем, чем только сможет. Девушка умолкла, поглядывая на собеседника как-то очень пронизывающе, не то стараясь проникнуть в глубины его души, не то пытаясь внушить какую-то мысль. Она будто и впрямь колебалась, решая, как именно ей следует поступить.

— Дай, пожалуйста, еще раз посмотреть на твой пистолет, — попросила вдруг Белинда.

Эрих, немало удивленный резкой смене темы, достал оружие из кобуры и протянул ей. Девушка некоторое время вертела его в руках, но как-то неторопливо, будто взяла его с какой-то другой целью.

— Откуда ты, Эрих? — вдруг спросила она. — Откуда ты сюда приходишь?

Вопрос прозвучал настолько внезапно, что молодой человек ответил на него с полной неожиданностью и для себя.

— Ты же мне не поверишь, если я скажу, что из Берлина, — произнес он негромким голосом, и сейчас даже ангелы могли бы подтвердить правдивость его слов.

— Видимо, это какой-то другой Берлин, а не тот, что за окнами, — с особым выражением произнесла Белинда, пристально глядя ему в глаза. — Ты откуда-то не из этих краев — это точно. Твоя история с пистолетом не выдерживает критики. Ты еще можешь провести кого-то вроде Хельмута — он тот еще оружейник, — но не меня. Секретные разработки из Соединенных Штатов? И они позволяют тебе вот так запросто разгуливать по столице Германии, рискуя отправить этот образец прямиком в руки нацистов? И это вместо того, чтобы вооружать им свою собственную армию?

— К чему ты клонишь? — обеспокоился Эрих.

Такой серьезной он Белинду еще никогда не видел, и мог только догадываться, что она задумала.

— Возможно, ты шпион. Или агент чьей-то разведки, присланный

на особое задание. Может быть, ты даже в бегах, и скрываешься от своих хозяев как раз за то, что у них прихватил. Как бы там ни было, у тебя есть доступ к оружию, и оружию очень необычному, — с расстановкой произнесла Белинда. — Отсюда вопрос: там, где ты раздобыл эту штуку, есть что-нибудь еще?

* * *

Уяснив, чего хочет заказчик, Адам даже отложил папиросу с травкой, настолько неожиданной показалась ему заявка.
— Ты что, на войну собрался? — осведомился он с удивленно расползающейся улыбкой.
— Вроде того, — суховато ответил Эрих, вспоминая, не забыл ли он упомянуть еще чего-нибудь.
— Лезть в дела клиентов не в моих привычках, но ты правила знаешь — никаких грабежей и оголтелого криминала, — напомнил эксцентричный торговец, пребывая в большом сомнении.
— А, ты об этом. Не беспокойся, это оружие не будет пущено в ход ни завтра, ни когда бы то ни было в будущем, — махнул рукой покупатель, готовый присягнуть хоть на конституции, хоть перед Создателем.
И он ничуть не лгал. Все покупки отправятся прямиком в тысяча девятьсот тридцать восьмой год, не сделав в нынешнем Берлине ни единого выстрела. Их список действительно был довольно впечатляющим, из-за чего у Адама возникли вполне естественные вопросы.

Три пистолета Heckler and Koch USP Tactical сорок пятого калибра предназначались трем антифашистам: Хельмуту, Морицу и Белинде. Но это только для начала. Следующим шел пистолет-автомат тот же производителя Heckler and Koch MP7A1, обычно используемый спецподразделениями армии и полиции, в количестве четырех штук, ибо один Эрих покупал для себя. Он довольно долго размышлял, не взять ли ему Heckler and Koch MP5SD6 калибра 9 миллиметров, со встроенным глушителей и складывающимся прикладом, но в итоге сделал выбор в пользу MP7 из-за несравнимо меньших габаритов. Последний можно было свободно носить под одеждой и даже в специальной кобуре, в то время как MP5SD6 даже с убранным прикладом был великоват. Это сыграло решающую роль, учитывая, для чего эти пистолеты-пулеметы приобретались. Из-за этого же Эрих не рассматривал автоматы и штурмовые винтовки вроде G36 и HK416. Они обладали несравнимо большей убойной силой и дальностью поражения, однако попробуй пронести их скрытно, а в открытое сражение никто

вступать не планировал. К тому же и дальнобойность в данном случае не требовалась. Не интересовали Эриха и снайперские винтовки, так как из этого оружия он стрелял посредственно, а у остальных антифашистов пока не возникало в нем нужды. Вот по части гранат молодой человек проявил изрядные аппетиты. Он заказал сразу восемьдесят штук, разделив их на две основные группы по дальности поражения, плюс третья зажигательная. Львиная доля пришлась на изделия с наименьшим радиусом разлета осколков, но у оставшихся он был максимальным. Для Эриха все объяснялось просто и понятно: гранаты предполагалось применять в относительно замкнутом пространстве, исключая редкие, но возможные случаи. Адам же ничего простого в таком заказе не усматривал. Ящики с патронами, запрошенные клиентом — это еще туда-сюда, но такое количество гранат вызывало недоумение. Никак Эрих пересмотрел фильмов про зомби-апокалипсис и всерьез решил подготовиться к схватке с живыми мертвецами? Лучше бы так, иначе его намерения не внушали оптимизма. Адаму не улыбалось продавать оружие тому, кто собирается развязать кровавую бойню или устроить серию грабежей. Эрих, однако, дал слово, что ничего подобного не планирует.

— Можешь сдать меня полиции, если я нарушу обещание и закидаю этими гранатами какой-нибудь банк или устрою криминальные разборки! — заявил он. — Клянусь: о том, как я его использую, ты даже не услышишь!

— Что ж, дело твое, — неторопливо все обдумав, пожал плечами тощий продавец.

Кому-нибудь другому он, скорее всего, уже показал бы от ворот поворот, но Эрих числился на хорошем счету и выглядел вроде бы адекватно. Если он вдруг и свихнулся, возжаждав крови, то крайне ловко это скрывает, а о других его проблемах, требующих использования такого внушительного арсенала, Адам не слыхал. Снова затянувшись травкой, он вдумчиво выпустил клубы дыма, после чего вновь обратил взор на покупателя.

— Ты хоть понимаешь, в какую сумму это выльется? — осведомился он, вальяжно откидываясь на спинку дивана.

— Разумеется, — спокойно кивнул Эрих. — Я заплачу, сколько скажешь. Только ничего не забудь. Без глушителей и кобуры мне эти пушки не нужны.

Тощий продавец, посчитав в уме, озвучил цену и потребовал солидный задаток. На сей раз он явно перестраховывался на случай непредвиденных выходок со стороны клиента, но Эрих не стал торговаться. Расстегнув рюкзак, он выложил рядом с пепельницей несколько унций золота в виде небольших пластин.

— Ого! — произнес Адам.
Наклонившись к столику, он взял одну унцию двумя пальцами и принялся ее рассматривать. Какие-либо клейма отсутствовали. Тускло-желтая поверхность не содержала ни малейших отпечатков, свидетельствовавших о пробе или изготовителе.
— Три девятки, — уточнил покупатель качественную долю благородного металла, поймав молчаливый вопрос продавца.
— Не фальшивое? — осведомился Адам, сосредоточенно взвешивая пластину на ладони. — С каких это пор ты стал рассчитываться столь необычным образом?
— Настоящее, — заверил Эрих. — Что же касается оплаты, то мне так удобнее. Только не спрашивай, где я его взял, и я не стану тебе врать. Могу лишь заверить: оно не краденое, и искать его никто не будет. Чище золота сейчас, пожалуй, вообще не бывает.

Эрих ничуть не лгал. Сам он уже не мог вот так запросто вынуть из кармана пару десятков тысяч евро наличными. Несмотря на свой приличный доход, деньги он все же не печатал и из воздуха не доставал. Эрих достал деньги из земли. То есть золото. Выйдя из Аномалии, он нашел приметное место, отвалил камень и воткнул лопату в слежавшуюся почву. Четверть часа раскопок — и вот уже в его руках небольшой металлический ящичек, в которых обычно хранили противогазы, только не с армейской амуницией, а с золотом. Оно оказалось именно в этом месте отнюдь не случайно, положенное туда около восьмидесяти лет назад. Золото дал Хельмут. Движение антифашистов все еще располагало средствами, поэтому он вручил Эриху необходимое количество унций. Определить их источник было нереально. Исходный материал переплавили, превратив в однородные безликие пластины без каких-либо опознавательных знаков. Хельмут не то чтобы не доверял именно Эриху, а просто перестраховывался. В чьи бы руки не попало золото, никто не сумеет проследить, откуда оно взялось. Эриха это устраивало даже больше, чем самого Хельмута. Пущенное в оборот с какими-нибудь оттисками времен Третьего рейха, оно могло привлечь ненужное внимание и даже вызвать ажиотаж. Не в тридцать восьмом году, разумеется, а в двадцать первом веке. Эрих ведь не сказал Хельмуту, где именно он собирается расплачиваться за оружие, а тот не спрашивал, положившись на Белинду. Рыжая девчонка выступила своеобразным посредником. Сперва она уболтала Эриха раздобыть для антифашистов кое-что из нового арсенала, причем обещала не задавать вопросов о его происхождении. Затем насела на Хельмута и умудрилась заполучить необходимую сумму золотом без каких-либо весомых гарантий кроме честного слова герра Сторма. Того как раз заботила несостоятель-

ность рейсхмарок спустя восемьдесят лет, и предложение рассчитаться с продавцом золотыми унциями пришлось как нельзя кстати. Только на сей раз Эрих, не будь дураком, не потащил золото через Аномалию. Облюбовав приметное место, он зарыл его в подходящем контейнере, после чего откопал спустя пару суток и четыре пятых века одновременно. Доставленное в будущее таким естественным образом, золото уже никуда не исчезало, поэтому Эрих смело принес его в берлогу Адама.

Эксцентричный торговец оружием не раз имел дело с благородным металлом. В его жилище нашлись средства проверить подлинность унций, хотя бы предварительно. Проверка прошла вполне успешно, после чего Адам принял заказ. Учитывая его объем, срок поставки был несколько больше, чем обычно, но Эриха это вполне устраивало.

— Ты хоть понимаешь, какой срок тебе влепят, если застукают с таким арсеналом? — поинтересовался тощий тип, делая себе какую-то пометку в настольном календаре.

— Не найдут сразу — не найдут уже никогда, — усмехнулся Эрих, представляя, как полиция переворачивает его квартиру вверх дном и ищет то, что уж восемьдесят лет как в прошлом.

— Ну смотри — мое дело предупредить, — пожал плечами Адам. — Уговор тебе известен: возьмут с моим товаром — ни гу-гу, что он от меня. Хоть от Санта-Клауса, но чтобы про мою лавочку молчок!

— Само собой, — кивнул Эрих. — Мне с тобой, возможно, еще работать и работать.

— Намекаешь на то, что тебе скоро понадобится еще? — приятно удивился и одновременно озадачился Адам.

— Не исключено, — с самым серьезным видом заявил покупатель. — Пока ничего не обещаю, но при случае будь готов принять крупный заказ.

Адам только присвистнул. Герр Сторм начинал удивлять его все больше и больше. Иной на месте тощего продавца решил бы не рисковать, затевая игру с внезапно выросшими аппетитами клиента, но унции золота ласкали взор тусклым желтым блеском, а Адам был достаточно эксцентричен, чтобы наплевать на все и подергать тигра за усы.

От новых игрушек Белинда была просто в восторге. Она и вела себя как ребенок, хватая то одно, то другое. Эрих только диву давался, насколько ловко девушка обращалась с прежде неизвестным оружием. Без всяких вопросов она перещелкала всеми движущимися частями так, будто для нее это было самым обычным делом. Отточенным движениям девушки позавидовал бы и профессионал, а скорость перезарядки обойм и вовсе граничила с

проворством фокусника. Лазерный целеуказатель вызвал у нее прилив еще большего возбуждения, нежели глушители. Последние все-таки были известны и в тридцать восьмом году, пусть и не столь эффективные, а вот луч лазера представлялся настоящей фантастикой. Эриху бы поостеречься с такими штуковинами, но он захотел произвести на Белинду впечатление и рискнул притащить ей нечто совершенно не соответствующее эпохе. К счастью, девушка, как и обещала, не спрашивала, откуда взялись чудеса техники. Не спрашивал и Хельмут. Главное, чтобы в расспросы не пустились и нацисты, если образцы военной промышленности двадцать первого века попадут к ним в руки. Эрих об этом уже подумал, но все-таки решил рискнуть, опьяненный задором рыжей красавицы. Красные лучи, наводимые на цель, вызывали у нее пьянящую радость, и она играла с ними как кошка с клубком. На этом фоне даже бинокли ночного видения показались ей не столь занимательными, хотя Белинда уделила самое пристальное внимание и им.

— Полезная вещица! — заявила она, продолжая наводить пистолет то туда, то сюда. — Морицу, правда, она незачем.

— Почему? — удивился Эрих, завороженный тем, как порхает в ее руках тяжелый Хеклер сорок пятого калибра.

— Он видит в темноте лучше кошки. Пока ты ищешь цель через эти окуляры, Мориц ее уже не только нашел, но и обезвредил, — пояснила Белинда без тени насмешки.

Пока Эрих размышлял, как такое вообще возможно и почему долговязого антифашиста до сих пор не выкрали в клинику для опытов, девушка занялась ящиком с гранатами. У Эриха чуть душа не ушла в пятки, когда он увидел, как рыжая бестия жонглирует сразу пятью взрывастыми кругляшами, способными разнести всю комнату в труху.

— Э-э, ты бы поосторожнее! — испуганно сказал он, боясь непоправимого.

— Не беспокойся, ты слишком нам дорог, чтобы я тебя вот так по глупости угробила! — рассмеялась Белинда. — Эти гранаты взорвутся только если я захочу, и ни секундой ранее.

Цирковое представление, впрочем, она все же прекратила к несомненному облегчению соратника. Деловито изучив ящик с патронами, девушка прикинула боезапас, одобрительно хмыкнула и приступила к десерту. Ее глазам представилась взрывчатка того же типа, которым Эрих столь трагически воспользовался в поезде. Покупать ее не пришлось, ибо молодой инженер воспользовался услугами подотчетного ему склада компании.

— Так-так, это уже интереснее! — потерла ладошки Белинда, из-

влекая из коробки верхнюю упаковку. — Жаль что маловато.
— Она будет посильнее твоего динамита, — пояснил Эрих. — А за один раз мне слишком много не раздобыть — могут заметить. Я же ее не на базаре достаю.
— Понимаю, — проникновенным голосом произнесла девушка. — А насколько посильнее? Как та, что разворотила те вагоны на вокзале?
Эрих онемел. Фраза грянула прямо в лоб. Будь на месте Белинды тот же Шимке, он наверняка заготовил бы ее для подходящего момента, но вряд ли девушка была настолько же коварна, да и выводить Эриха на чистую воду ей не требовалось. Соображая, что ответить, молодой человек попытался обернуть все в шутку и не сумел. Слова застряли у него в глотке, а по лицу разлилась нездоровая бледность.
— Не переживай, я тебя ни в чем не виню, — ласково сказала Белинда, взяв его за руку.
Она каждый раз проделывала такой трюк, если ей требовалось успокоить соратника или выразить ему доверие, и результат у рыжеволосой девушки выходил просто на отлично.
— Если ты сейчас скажешь, что не имеешь к тому взрыву никакого отношения, я тебе поверю. Просто согласись, это очень странное совпадение — ты оказался в том месте и в то время, а теперь приносишь такие вот игрушки, — добавила она с еще более чувственными интонациями.
— Это был несчастный случай! — не выдержав внезапного испытания, с отчаянием рубанул Эрих. — Я планировал взорвать всего один пустой вагон, и то не до основания. Не знаю, что пошло не так. И еще те чертовы цистерны!..
Ощутив бурный прилив угрызений совести, он аж закрыл лицо руками и пришел в себя уже в объятиях Белинды. Та как-то по-матерински обвила его руками и похлопывала по плечу, облегчая душевную боль. И она вдруг чудесным образом унялась, растаяв под разливавшимся от девушки теплом. Отступив от Белинды, Эрих почувствовал себя гораздо легче. С плеч будто свалился гигантский горный пик, который его самоистязание регулярно пыталось покорить.
— Я тебе верю. Ты не похож на того, кто просто так, без всякой причины, способен убить ни в чем не повинных людей. Такой бы нам точно не подошел, — взгляд зеленых глаз Белинды только что не пронзал Эриха насквозь. — И спасибо за то, что сказал правду.
— Давно ты догадалась? — помедлив, осведомился он.
— Практически сразу. Я же не дура, — вновь повеселела девушка.
— Ты явился чумазый как черт, признался, что был там, плюс все

твои странности… Реакция на слова Хельмута… Он же мне потом обо всем рассказал. На тебя никто не давил — мы боялись тебя потерять, а сам ты не признавался. Сейчас я выбрала подходящий момент и рада, что не ошиблась.
— Ну ты натурально дьявол в юбке! — перевел дух молодой человек, испытывая невероятное облегчение.
— Демонесса, — смеясь, поправила его Белинда.

Учитывая темперамент рыжеволосой девушки, Эриху бы сразу догадаться, что испытывать новую амуницию она станет отнюдь не на мишенях, но та пошла дальше. Эрих и опомниться не успел, как Белинда, снарядившись должным образом, прихватила его с собой. Плащи отлично скрывали оружие в кобуре, а гранаты, прихваченные на всякий случай, молодые люди рассовали по карманам. Девушка посвятила соратника в детали уже по дороге, пока они ехали в метро, а затем шли по улицам, Белинда шептала ему на ухо всякие подробности касательно арестов антифашистов, дошедшие до ячейки Хельмута. Сегодняшней целью была конспиративная квартира. Тамошний связной продался гестапо и погубил много хороших людей. На этой квартире сейчас была засада, и если не принять меры, то еще немало антифашистов попадется в сети врага.
— Если не хочешь помогать или боишься, я пойду одна, — с самым невинным видом обронила Белинда, опустив длинные ресницы.
Уязвленный Эрих заявил, что никуда ее без сопровождения не отпустит. Еще чего не хватало! Или с ним, или никак. Девушка благодарно пожала ему пальцы, поскольку на других антифашистов рассчитывать не приходилось. Мориц действовал самостоятельно, а Хельмут, как старший, занимался совсем другими делами. Прежде Белинде помогали различные соратники, но часть из них уже бросили в застенки, а среди оставшихся девушка не знала, кому доверять. Эриху же она верила безоговорочно, поэтому либо с ним, либо соло. Молодой человек, польщенный таким отношением, окончательно отринул все сомнения, хотя рисковал схлопотать пулю и обратно в свое время уже никогда не вернуться. А риск существовал, и немалый. Белинда предупредила, что на квартире может оказаться много вооруженных людей. Тут самое главное — внезапность. А также бесшумность и скорострельность, ставшие возможными благодаря новому оружию и фактически сделавшими осуществимой всю операцию.

До нужного адреса антифашисты добрались на общественном транспорте и на своих двоих. У Хельмута имелся автомобиль, который одалживали Эриху для доставки тяжелого груза, но Бе-

линда решила им не пользоваться. Еще не хватало засветить машину неподалеку от места нападения на гестаповцев. Если понадобится транспорт — лучше воспользоваться угнанным, а не подвергать риску официально зарегистрированный. Уже у дверей квартиры, поднявшись на нужный этаж, Белинда еще раз наклонилась к спутнику.

— Валим всех до единого. Если сомневаешься — еще не поздно уйти, — прошептала она жарким шепотом, коснувшись губами уха молодого человека.

Тот аж задрожал от этого прикосновения и ответил пламенным взором, не намного бледнее того огня, что полыхнул в зеленых очах девушки.

На условный звонок дверь открыл какой-то низенький тип в домашней одежде и задал вопрос, явно предполагавший отзыв. В качестве отзыва Белинда, выхватив Хеклер и Кох MP7, практически беззвучно снесла ему голову. Тело еще не успело осесть на порог, а она уже переступала через него в квартиру. Эрих, достав свое оружие, шагнул следом, стараясь не обращать внимания на безголовый труп и размазанные по дверям мозги.

В прихожей оказалось двое. Заслышав странный шум, они удивились, но, разумеется, не поняли, что произошло. Появление Белинды застало их врасплох. Пальцы этих двоих только и успели, что дернуться к пистолетам, но следом задергались уже в конвульсиях, когда девушка короткими очередями уложила наповал обоих. Из ближайшей комнаты объявился еще один тип. Кажется, он был очень ошарашен, увидев над телами рыжеволосую валькирию, вооруженную чем-то пугающе необычным и испускающим красный луч. Переместившись на его лоб, луч отрисовал на нем красную точку, куда тут же ударила следующая очередь. Все, что находилось выше челюстей, превратилось в фарш.

— Сюда, — шепнула Белинда, указывая на комнату дальше по коридору.

Эрих, пока не сделавший ни единого выстрела, последовал за ней.

За дверью слышались приглушенные голоса. Тут молодой человек и впрямь оценил подарок, сделанный девушке. Они напали на логово предателя, набитое агентами гестапо, и уже прикончили четверых врагов, а оставшиеся даже ни о чем не подозревали. Белинда, как заправский спецназовец, жестами показала, что берет на себя левую часть помещения, а напарник правую. Эрих кивнул. Девушка пнула дверь и оба антифашиста ворвались в комнату.

Внутри находилось семь человек. Кто сидел, поглощенный каким-то занятием, кто негромко переговаривался. Большинство было одето в штатское, но сыскалась и парочка в черных мунди-

рах. Эти люди оказались не готовы к внезапной атаке, поэтому даже не успели выхватить оружие. Они падали быстрее, чем успевали вскочить или поднять пистолеты. Пока Белинда поливала огнем всех, кто слева, Эрих простречивал подвернувшихся справа. Красные линии, метавшиеся по комнате, и необычно тихий звук выстрелов вгоняли нацистов в ступор не меньше, чем само явление антифашистов. Вся сцена напоминала немое кино, где под вспышки пламени один за другим валятся трупы, орошая все вокруг брызгами крови. Гильзы, сыпавшиеся на пол, и то производили больше шума, чем изрыгавшие пули пистолеты-пулеметы.

Белинда не случайно выбрала именно свой сектор. Она была левшой, поэтому отлично сочеталась с правшой Эрихом. Наводя оружие на цель, антифашисты не мешали друг другу, веерообразно накрывая пространство каждый со своей стороны. Получив щедрую порцию свинца, головы врагов взрывались как гнилые арбузы. Одно тело рассекло пущенной наискось очередью. Крутанув на месте, его швырнуло через мебель. Другое, получившее град пуль в грудь, отбросило к стене, где оно сползло на пол, оставляя на обоях кровавый след. Раненых не было. Все выстрелы Белинды разили нацистов сразу насмерть. Эрих тоже не оплошал, хотя один из его эсэсовцев все же успел закричать. Подала голос и последняя жертва валькирии, перед тем как упасть с развороченной грудной клеткой.

Оставшихся гестаповцев добили либо в коридоре, либо по комнатам. Их было еще несколько, и они, предупрежденные криками, успели вооружиться. Эрих едва не схлопотал пулю, когда проморгал появление эсэсовца из дальней комнаты. Тот даже дважды пальнул, прежде чем его уложила Белинда, небрежно вскинув свой Хеклер. Она практически не целилась, но при этом изрешетила врага без единого промаха. Эрих вернул должок, подстрелив другого нациста, пока девушка перезаряжала пистолет-пулемет. Последний выстрел, впрочем, все равно остался за ней. Эрих даже не видел, где спрятался враг, шаря по комнате лазерным лучом. Белинда же наставила оружие на ширму и дала очередь. В ширме образовалось несколько кучных отверстий, а за ней, испустив стон, что-то грузно свалилось на пол.

— Чисто! — заявила девушка, натурально уподобляясь бойцу из спецподразделения отнюдь не первой половины двадцатого века.

— Уверена? — невольно осведомился Эрих.

— Абсолютно! — кивнула она.

Молодой человек не спорил. Белинда обладала невероятной интуицией, будто заранее знала, кто и где находится. Впрочем, раз больше никто не стремился оказать сопротивление и не стрелял,

она, вероятно, как обычно была права.

Когда антифашисты покидали бывшую конспиративную квартиру, там уже разгоралось пламя. Вытолкав соратника, велев ему следить за входной дверью, девушка взяла поджог на себя. Уж что и как она поджигала — Эрих не ведал, однако не успели они пройти и ста ярдов, как из окон, высадив стекла, ударил огонь. Пожрав занавески, он лизнул карниз и стал бурно вздыматься вдоль стены, а из глубины комнат донесся треск пылающей мебели.

— Как бы соседи не пострадали, — озабоченно изрек Эрих, стараясь лишний раз не оглядываться.

Стрельба нацистов, не использовавших глушители, привлекла известное внимание, быстро переключившееся на пожар. Позади слышались истошные крики, забегали люди.

— Это было необходимо, — спокойно ответила Белинда. — Благодаря тебе ликвидация прошла быстро, но гестаповцы вполне могут прибраться и продолжить использование квартиры. Берлинцев узнают о нашей атаке, а приезжие? Пока до них дойдет весть... Нет уж, вот теперь точно никто в этот капкан не попадет!

Уже сидя в угнанной машине, которую девушка, кажется, открыла и завела только что не ногтем, Эрих в очередной раз согласился с убийственно-железными доводами рыжеволосой соратницы. С ее логикой было очень трудно спорить. Правда иной раз ему казалось, будто Белинда нарочно опутывает его сетью умозаключений, стараясь привлечь на свою сторону, но ведь все, что она говорила, соответствовало действительности. Собственные взгляды Эриха были близки к взглядам рьяной антифашистки тридцать восьмого года, и если молодой человек до сих пор не действовал столь радикально, как она, то лишь потому, что его неонацисты — это одно, а настоящие нацисты Гитлера — совсем другое.

Да, вне всяких сомнений, Белинда была рада как ребенок, заполучив смертоубийственные подарки от Эриха. Однако был еще один человек, который, как ни странно, тоже испытывал радость точно по тому же поводу. Им не являлся ни Хельмут, ни Мориц, ни даже сам Эрих, безусловно пребывавший в эйфории от восторженной реакции рыжеволосой девушки. Этим человеком был Карл Шимке, и у него имелись на то все основания. Золото, которым господин Сторм расплатился с неким Адамом, давно снискавшим себе в некоторых кругах определенную репутацию, оказалось идентично золоту, изъятому у полицейского Майера. Дело было не в отсутствии клейм или иных признаков изготовителя — оно заключалось в чистоте драгоценного металла. Эта чистота выходила за обычные пределы, ибо даже слитки в банковских храни-

лищах имеют незначительное содержание примесей. Золото, полученное Майером в качестве взятки, превосходило стандартную пробу 999,9, и специалисты до сих пор пытались высчитать точный коэффициент. Тот же не мог быть стопроцентным, поэтому они упорно воевали с анализами, списывая неестественный результат на погрешности техники и стараясь выяснить, где подвох. Именно ввиду такой примечательной особенности первого образца, второй, полученный из других рук, не вызывал никаких сомнений — откуда бы не взялось это золото, оно имело один и тот же источник происхождения. Узнав столь важную новость, подтвержденную заключением экспертизы, Шимке едва не задохнулся от восторга. Сгоряча он чуть не приказал арестовать господина Сторма, но ему удалось взять себя в руки и прийти к более разумному решению. Во-первых, улик против подозреваемого все еще не хватало. Идентичность золота, бесспорно, служила очень важным свидетельством, но сама по себе еще ничего особенного не означала. Немедленно арестовав Сторма, следователь рисковал упустить более крупную рыбу, если таковая была, либо, как минимум, его сообщников. Учитывая замешанные в деле суммы и прочие обстоятельства, пороть горячку уж точно недопустимо. Деятельность подозреваемого все еще оставалась для Шимке загадкой, поэтому он, успокоившись, предпочел копать дальше с кратно возросшим энтузиазмом. Теперь следователь и сам начал побаиваться, что спугнет Сторма какими-нибудь непродуманными шагами. Хорошенько поразмыслив, он велел подчиненным удесятерить не только бдительность, но и осторожность. Если кто проколется и предоставит объекту слежки пищу для подозрений, Шимке грозился лично отправить растяпу мести улицы. Взвесив все за и против, он не отреагировал на покупку оружия так, как должен был в ином другом случае. Несмотря на соблазн, следователь не повязал господина Сторма и не нагрянул к нему с обыском. Его очень озаботило, для кого Эрих приобрел такое количество стволов и гранат, причем не преминул намекнуть продавцу, что впоследствии, возможно, заказ будет еще крупнее.

Покупка у Адама заботила и самого Эриха, и вот по какой причине. Ему совершенно не хотелось, чтобы оружие исчезло точно так же, как, вероятно, испарились и золотые коронки в лавке Гюнтера. Спустя время, но Аномалия все же брала свое, удаляя очутившиеся не в своей эпохе вещи. Иди речь о деньгах или предметах обихода — еще полбеды, однако если Белинда вдруг останется с голыми руками прямо в разгар какой-нибудь заварушки — этого Эрих никогда себе не простит. Он даже не представлял, что могло быть хуже, приключись такая ситуация в действительности.

Чтобы этого и впрямь не произошло, он решил поступить так, как подсказывал ему опыт взаимодействия с Аномалией. Коронки, проданные Гюнтеру, Эрих больше никогда не видел, чего нельзя было сказать о различных элементах амуниции. Последними, оставляемыми в подвале кирхи, молодой человек регулярно пользовался, либо же хотя бы иногда находился рядом с ними. И до сих пор ничего из содержимого коробок, служивших своеобразным хранилищем в комнате с Аномалией, не исчезло. Таким образом, налицо выявлялась принципиальная разница. Вероятно, личное присутствие Эриха поддерживало стабильное существование приносимых им предметов. Минимально необходимую периодичность этого присутствия он не знал, но наблюдения подсказывали, что двухнедельного срока вполне достаточно. Взяв его за основу, Эрих нашел подходящий предлог, чтобы Белинда не растаскивала новый арсенал по конспиративным квартирам, а хранила его в одном месте, желательно в доме у Хельмута. Мол, он, Эрих, несет ответственность за предоставленную прорывную технологию, и желает за ней присматривать. Девушка не стала спорить и согласилась на поставленное условие. В конце концов, оружие и все остальное предназначалось только для нее, Морица и Хельмута, и ни для кого другого, так отчего же не пойти поставщику на встречу? Хранить все в означенном доме вполне приемлемо и даже довольно удобно. Эрих, обрадованный сговорчивостью Белинды, уже не терзался сомнениями, однако на всякий случай присовокупил, что ему необходимо регулярно видеть весь арсенал, исключая потраченные боеприпасы. Если девушка вдруг надолго унесет куда-нибудь пистолет или гранату, пользоваться ими будет ни в коем случае нельзя, ибо те в любой момент могут выйти из строя. Белинда встретила его слова улыбкой, но Эрих заявил, что он сказал это более чем серьезно. Секретная технология требует его регулярного присмотра, и если Белинда хочет, чтобы пистолет заело прямо во время боя, а граната не взорвалась в самый неподходящий момент, она может пренебречь его предупреждением. Само собой, Эрих не упомянул полное исчезновение оружия, решив ограничиться некой "неисправностью". Девушка пожала плечами, но решила соратнику не перечить. До тех пор, пока он будет ей так здорово помогать, Белинда согласна мириться с его маленькими странностями, даже если считает их чистой воды выдумкой. На том и порешили.

Очередное путешествие через Аномалию прошло у Эриха более чем насыщенно. Белинда, успевшая хорошенько покуролесить в его отсутствие, заявила, что их следующая цель — склад дивизии СС, расквартированной в одном из районов Берлина. Рядовых

эсэсовцев самих по себе уничтожать бесполезно, как бесполезно уничтожать клопов, плодящихся быстрее, чем их давят. Диверсия против амуниции, продовольственных припасов и вооружения также имела эффект капли в море. Четверо антифашистов — ячейка Хельмута плюс Эрих — не могли воевать со всем ведомством Гиммлера в одиночестве. Нападение на склад преследовало совсем другую цель. По сведениям из одного доверенного источника, в нескольких ящиках, надежно укрытых среди прочего имущества, находились золотые слитки. С какой целью — источник умалчивал, но это уже не имело значения. Антифашисты не грабили банки и уж точно не обкрадывали простых граждан, однако их деятельность требовала финансирования, как и любая другая. На личных же пожертвованиях далеко не уедешь. Если в скором времени не удастся раздобыть достаточно средств, Хельмуту будет нечего предложить Эриху за новый заказ, если в таковом возникнет необходимость.

Эрих не горел желанием становиться обыкновенным грабителем, но в данном случае согласился, что акция имеет достаточно веские основания, и по большому счету все равно, в какой именно форме наносить эсэсовцам ущерб. Таким образом, он вскоре очутился на пассажирском сиденье рядом с Белиндой, когда та загнала грузовик в какую-то арку и остановилась у шлагбаума, предъявляя охраннику документы. Документы, разумеется, были фальшивыми, а грузовик недавно угнан, но унтер не нашел никакого подвоха и благополучно пропустил диверсантов на объект.

— Сиди! — велела Белинда, глядя куда-то в боковое зеркало.

— Почему? — удивился Эрих, уже готовый открыть дверцу.

— Сейчас Мориц снимет часовых и откроет нам путь, — пояснила девушка. — Думаешь, мы просто так взяли его в кузов?

Эрих решительно ничего не видел, но нацисты, судя по всему, тоже. Он не заметил, когда долговязый антифашист, традиционно одетый во все черное, покинул грузовик, но во дворе вдруг самым необъяснимым образом начали гаснуть фонари. Должно быть, Мориц добрался до выключателя, либо банально перерезал проводку. Вскоре наступала такая темень, что внутренний двор озарялся лишь светом из немногочисленных окон, да и те вдруг стали погружаться во мрак. Послышались озабоченные голоса, но и они внезапно прервались один за другим, будто кто-то, сначала выключив освещение, выключил и их.

— Вот теперь идем! — скомандовала девушка, смотревшая куда-то в черноту ночи.

Войдя в здание, Эрих тут же наткнулся на часового, все еще сжимавшего в руке винтовку. Было не понять, каким именно об-

разом его сразил Мориц, исключая очевидный факт, что лежащий человек мертв. Эрих невольно удивился, но он удивился бы еще больше, случись ему дотронуться до убитого. Тот был настолько холодным, будто смерть наступила уже давно.

Поодаль обнаружился еще труп. На его лице застыло выражение ужаса, словно перед смертью он увидел какое-то чудовище. Эрих даже вздрогнул, представляя, насколько жутким должен был выглядеть Мориц, чтобы вызвать такие неподдельные эмоции. Задерживаться возле тела ему совершенно не хотелось, тем более что Белинда взмахами ладони звала его за собой.

Вскоре нашлась работа и для них. Похоже, на пребывание внутри здания соответствующих документов не нашлось, раз девушка без проволочек застрелила попавшегося навстречу унтерофицера. Эриху выпала честь оттащить его в сторонку и спрятать под какой-то ветошью. После расчленения тела Отто Шварца это были сущие пустяки, поэтому он и ухом не повел, как не повел и позднее, когда влепил пулю в затылок еще одному эсэсовцу, стоявшему в дверном проеме. Его Эрих быстренько схоронил в подвернувшемся поблизости закутке, пока девушка стояла на страже с оружием наготове.

Дальше все некоторое время шло без осложнений. Оба проникли в длинное помещение, похожее на цех, заставленное множеством коробок, бочек и ящиков. Судя по всему, это и был тот пресловутый склад, который требовалось обнести. Отыскав шестой ряд, Белинда отсчитала шестую секцию.

— И место номер шесть, — не удержавшись, хихикнул Эрих.

Девушка явно оценила сказанное и озарилась улыбкой, но тут же посерьезнела и велела не зевать. Вдвоем с Эрихом они внимательно осмотрели содержимое внушительной груды контейнеров, кое-что передвинули и обнаружили четыре небольших ящика. Чтобы их вскрыть понадобилась стамеска, но запасливая Белинда прихватила ее с собой. Треснули щепки, и едва слетел замок, крышка откинулась, а глазам антифашистов представились три слитка, тускло отливавшие желтым в свете складских фонарей.

— Грузим! — удовлетворенно констатировала девушка.

Нечего было и думать тащить на руках такую тяжесть. Это только в непродуманных фильмах грабители перетаскивают на руках сразу гору золота, а на деле попробуйте унести двенадцать полновесных слитков разом. Неподалеку сыскалась подходящая тележка — нацисты ведь и сами каким-то образом перевозили грузы туда-сюда. Эрих подкатил ее поближе, после чего на пару с Белиндой погрузил ящики. Последний как раз опустился на свое новое место, когда из-за горы всякого добра неожиданно объявился солдат

с винтовкой. Практически наткнувшись на тележку, он замер, округлив глаза. Картина, что и говори, была маслом — парочка ночных грабителей, засучив рукава, занята своим увлекательным делом. Конечно, изящные руки Белинды выглядели очень привлекательно, да и остальное производило впечатление, однако не настолько, чтобы солдат решил проигнорировать вопиющее безобразие. Эрих опомнился первым, вскидывая дуло пистолета. Чихнул выстрел. Солдат инстинктивно успел сместиться, поэтому пуля не попала точно в сердце, а его не отбросило, крутанув на месте. Выронив винтовку, эсэсовец захрипел, уже не в силах кричать. Хватаясь за левый бок, он зашатался и упал прямо на тележку. Он еще не был мертв, поэтому Эриху пришлось его добить еще одной пулей. Солдат дернулся и замер. Не прибегая к помощи Белинды, молодой человек оттащил его подмышки и пристроил неподалеку. На сей раз получилось так себе, поскольку на полу осталась красная дорожка, да и сапоги упорно торчали из импровизированного укрытия. Когда Эрих, утирая выступивший пот, вернулся к тележке, ящики оказались залиты кровью, каплями стекавшей в тот, что был приоткрыт.
— Кровавое золото, — негромко произнесла Белинда с неопределенным выражением.
— Да, символично, — кивнул Эрих, припоминая, что он вроде уже слышал эту фразу.
Похоже, девушке нравилось окроплять золото нацистов их же кровью. Ну, у каждого свои "пунктики". Развернув тележку, молодой человек шустро покатил ее к выходу, пока Белинда прикрывала его отступление.

В целом все прошло гладко, если не считать, что девушка на этом не успокоилась. Прихватив из грузовика солидную порцию взрывчатки, она собралась обратно на склад.
— Ты в своем уме?! — опешил Эрих, уже собравшийся залезть в грузовик.
— Не знаю как ты, а лично я не намерена оставлять это змеиное гнездо в целости и сохранности, — заметила Белинда. — Теперь, когда основная работа сделана, это будет быстро.
Бормоча ругательства, Эрих последовал за ней, и вскоре оба уже устанавливали заряды среди горы амуниции. Глазастая девушка умудрилась приметить ящики с боеприпасами, поэтому часть взрывчатки разместили непосредственно над ними, а другую поставили возле бочек с горючим. Белинда достала моток фитиля и приладила его как положено. Поджечь два конца сразу, находившиеся на значительном удалении друг от друга, один человек не мог, поэтому диверсантам пришлось разделиться. Отсчитывая се-

кунды, Эрих запалил свой фитиль и бросился к выходу, вертя головой в поисках девушки. Та не заставила себя ждать и уже бежала во весь дух, едва касаясь пола. Эрих улыбнулся, но улыбка тут же увяла, когда позади девушки внезапно объявился эсэсовец. Неизвестная девица, устроившая спринт на закрытом объекте, вызвала у него острый приступ недружелюбия. Хватаясь за кобуру, он заорал, чтобы девушка немедленно остановилась.
— Берегись! — крикнул Эрих, когда сообразил, что дело принимает дурной оборот.
— Стоять! Тревога! — вопил эсэсовец, наставляя в спину беглянке пистолет.
Эрих в ответ навел свой, и навел прямо на Белинду. Та, не будь дурой, на всем ходу кувырнулась на пол, открывая линию огня. Грянули выстрелы. Пули эсэсовца ушли в "молоко", просвистев над упавшей девушкой и головой присевшего Эриха. Ответная стрельба накрыла нациста свинцовым дождем. Его отшвырнуло на стеллажную стойку, но он был все еще жив. Пули Эриха рикошетили о металл и впивались в ящики. Эсэсовец, загребая ногами, отполз в укрытие и принялся вопить благим матом, призывая на помощь. Где-то вдали послышался нарастающий топот ног.
— Довольна?! — сердито осведомился Эрих.
Постреливая в направлении раненого врага, чтобы не дать ему высунуться, он прикрывал подбежавшую Белинду.
— БЕГОМ! — выразительно рявкнула та. — Взорвемся же к чертям!
Эрих, живо припомнив про тлеющие фитили, решил, что пилить девушку можно и позднее. Держа пистолет наготове, он во весь дух припустил вместе с соратницей, чьи рыжие волосы развевались за спиной подобно гребню пламени.

Вот так запросто добраться до грузовика не удалось. Молодых людей не изрешетило лишь каким-то чудом, когда они выскочили со склада и стали пересекать широкий боковой коридор. Группа из полдюжины эсэсовцев, объявившихся на шум и крики, открыла по ним огонь. Загремели выстрелы. Вокруг антифашистов посыпалась кирпичная крошка, вдребезги разлетелась настенная лампа. Следовало благодарить ангела-хранителя за то, что стрелки в этой орущей компании оказались так себе. Именно это Эрих и озвучил, юркнув за дверной проем.
— Я сейчас твой хранитель, хоть и не ангел! — сверкнула глазами Белинда, доставая гранату. — А ну-ка!..
Молодой человек, живо уяснив ее замысел, тут же вытащил свою. Оставлять за спиной такую ораву врагов было ни в коем случае нельзя, равно как и вступать с ней в перестрелку. Звякнули сры-

ваемые предохранители, и вот уже два смертоносных кругляша почти одновременно прокатились навстречу приближавшемуся неприятелю. Коридор сотрясли взрывы, слившиеся воедино. Того эсэсовца, что оказался к диверсантам ближе всех, взрывная волна швырнула вперед, и он грохнулся бездыханным практически у ног Эриха и Белинды. Другие остались лежать дальше по коридору, изувеченные и изрешеченные осколками. Их тела были едва различимы из-за наступившего полумрака и взметнувшейся взвеси бетонной пыли.

— Теперь галопом! — скомандовала девушка.

Эрих во всю прыть понесся к уже видневшемуся выходу, готовясь пальнуть в любого, кто возникнет в поле зрения. Белинда прикрывала отход.

— Давай к грузовику! — велела она, притормозив возле двери во двор.

— Спятила?! Я тебя здесь не оставлю! — возмутился Эрих.

— Дуралей! Я тебя прикрою! Ты добежишь до грузовика и оттуда прикроешь меня! — воскликнула девушка, красноречиво поведя оружием внутрь здания.

Там слышались крики и возня множества людей. Эрих, сообразив, о чем она толкует, послушался и побежал. Выход из здания следовало держать под прицелом, чтобы никто внезапно не напал с тыла. Белинда, поигрывая пистолетом, наблюдала, как спутник поспешает к грузовику, припаркованному под навесом. Кажется, у верхних окон сейчас кто-то появился, но о них должен был позаботиться Мориц. В любом случае, Эриху ничего не угрожало. О себе же девушка и вовсе не беспокоилась, хотя ее фигура была довольно хорошо видна из темноты коридора, где лежали сраженные гранатами нацисты. И вдруг оттуда грянули выстрелы. Эсэсовец, отброшенный взрывом, не был убит, а всего лишь упал без сознания. Израненный осколками, он пришел в себя, причем настолько, чтобы поднять зажатый в руке пистолет и сделать несколько выстрелов по Белинде. Его лицо исказила торжествующая улыбка, когда пули продырявили одежду на теле девушки, угодив в бок и в спину.

Заслышав стрельбу, Эрих замер как вкопанный. Глушители антифашистов такого шума не допускали — стало быть, палил кто-то из врагов. Заняв позицию у грузовика, он навел оружие на выход, откуда должна была появиться соратница, и отсчитывал по секунде за три удара бешено бьющегося сердца. Секунды превращались в вечность, а Белинда все не показывалась и не показывалась. Теряя над собой контроль, Эрих собрался бежать обратно, страшась за судьбу рыжей напарницы. Внезапно кто-то схватил

его за локоть. До чертиков перепугавшись, молодой человек едва не всадил пулю в напавшего врага. К счастью, это "едва" уберегло его от убийства союзника. Рядом возвышалась долговязая фигура невесть откуда взявшегося Морица.
— Пусти! Ей нужна помощь! — зашипел Эрих.
Мориц в ответ мотнул головой, указал в направлении двери, а затем сжал кулак и поднял большой палец вверх. Кажется, это означало, что Белинда прекрасно управится и сама, поскольку долговязый продолжал удерживать молодого соратника. От его прикосновения по руке Эриха разливался холод. Должно быть, исключительно на нервах, так как появление Морица чуть не сделало его заикой. Эрих, не желая бросать девушку, только собрался вырваться, как дверь во двор распахнулась и оттуда появилась стрелой несущаяся Белинда. В считанные секунды она очутилась возле грузовика.
— Ты еще не в кабине?! — воскликнула она, запрыгивая на подножку.
Эрих зайцем сиганул на пассажирское сиденье. Мориц же успел забраться в кузов настолько быстро, будто умел телепортироваться. Взревел мотор. Вывернув руль, Белинда дала газ.
— А часовой?! — спохватился Эрих, представив, как их сейчас встретят на выезде.
— Мориц уже обо всем позаботился, — бодро отозвалась девушка, направляя грузовик под арку. — Как ты думаешь, почему не воет тревожная сирена? Сама что ли из строя вышла?
Где-то послышался звон бьющихся стекол. Несколько солдат, занимая позицию у окон, собрались стрелять в ускользавший грузовик. Выстрелов, тем не менее, отчего-то не последовало, как не последовало их и на внешнем посту охраны. Там лежали одни лишь холодные трупы. Белинда, снеся шлагбаум, вырулила на улицу и покатила прочь. Не успела она проехать и сотню ярдов, как окрестности содрогнулись от могучего гула. В глубине ограбленного здания фитили наконец-то догорели до конца. Заряды детонировали, отчего немедленно взорвались ящики с боеприпасами и бочки с топливом. Засвистели тысячами разлетавшиеся пули. Плеснулось море жидкого огня. Склад разнесло к чертям, как разнесло и несколько этажей выше. Перекрытия в зоне поражения рухнули, образовав сквозную дыру почти до самой кровли. В провал посыпалась мебель, а также люди, как убитые, так и еще живые. На месте диверсии немедленно взметнулся свирепый пожар, быстро уничтожая то, что каким-то чудом еще уцелело. Патроны, не взорвавшиеся сразу, устроили такую хаотичную пальбу, будто в стенах здания завязался бой между крупными соединениями про-

тивников.

Уже издали, поглядывая в боковое зеркало, Эрих наблюдал растущее позади зарево. На сей раз Белинда вела машину ровно, чтобы не привлекать внимания, поэтому он спокойно переводил дух.

— Когда ты задержалась, я уж думал, тебя подстрелили! — проникновенно сказал Эрих, вложив в эту фразу все свои лучшие чувства.

— Не на ту напали! — с едкими нотками рассмеялась девушка, встряхнув копной огненных волос. — Очнулся один недобиток. Без сознания валялся, вот я его впопыхах сразу и не учуяла. Ну, ему же оказалось хуже.

— Эй, он тебя не ранил? У тебя кровь! — обеспокоился молодой человек.

У девушки в правом уголке рта и впрямь виднелась тоненькая красная струйка, сразу впопыхах незамеченная.

— Нет, все в порядке. Это не моя. Брызнула, видать, — пояснила Белинда, утираясь запястьем.

Грузовик, покачиваясь на поворотах, покинул освещенные улицы Берлина и скрылся в ночи.

До возвращения в Аномалию Эрих еще дважды принимал участие в вылазках Белинды. Та явно не собиралась сидеть без дела, и скучать с ней уж точно не приходилось. Вот и подвернулся случай примерить эсэсовскую форму. Озорничая, девушка попросила Хельмута их сфотографировать, ибо и сама облачилась в такой же мундир, только женского образца.

— На память! — сказала она, приобняв Эриха за плечо.

Эрих не упрямился. Поворчав, он принял отведенную ему роль и сыграл ее очень даже неплохо.

Собственно, ничего особенного от него не требовалось. Взмахом вытянутой ладони Эрих остановил легковой автомобиль, когда тот свернул в подворотню. Не абы какой, а с заведомо известными номерами.

— В чем дело, штурмбаннфюрер?! — приоткрыв дверцу, высунулся из машины эсэсовец в ранге полковника.

Белинда, мило улыбаясь, оправила черную юбку, выступила вперед, выхватила пистолет-пулемет и расстреляла офицера практически в упор. Следующую очередь она всадила в пассажира на заднем сиденье справа. Одновременно Эрих разрядил свое оружие в водителя, а затем застрелил того, кто сидел сзади слева.

— Все, больше он никого не отправит в лагеря! — заключила Белинда, деловито перезаряжая обойму.

Соратник, глядя через разбитые стекла на изрешеченного нацис-

та, мрачно кивнул.

Другую маленькую операцию осуществили с подачи самого Эриха. Девушка гадала, как прикончить одного гада, который постоянно ездил с охраной. Преградить ему путь так, как давеча ликвидированному штандартенфюреру уже не получалось. Эрих, прикинув в уме диспозицию, подсказал отличный способ, подсмотренный им в кинобоевиках. Когда автомобиль гестаповца остановился на перекрестке, с ним поравнялся мотоцикл с двумя людьми, некоторое время следовавший сзади. Молодой человек, сидевший за девушкой, выдернул чеку и через полуопущенное дверное стекло закинул в легковушку гранату. Девушка тут же выжала газ. Мотоцикл, взревев, выпустил сизые клубы дыма и рванул прочь. Пассажиры в машине даже не поняли, что вообще происходит, а через три секунды граната, свалившаяся им под ноги, взорвалась. Всех находившихся в салоне убило на месте, а стрекочущий мотоцикл, никем не остановленный, благополучно исчез из виду. Шлемы и большие мотоциклетные очки скрыли лица диверсантов, напавших на улице средь бела дня, поэтому многочисленные свидетели не запомнили никаких внятных примет.

Теперь Эрих даже не знал, с какой стороны Аномалии ему безопаснее — в прошлом или настоящем. В тридцать восьмом году он все чаще оказывался в серьезных заварушках с гитлеровскими нацистами, где его в любой момент могли пристрелить и где наверняка искали с фонарями. В своем же веке за ним неотступно следила полиция, доставляя массу неприятных минут. Это, конечно, не гестапо, но хорошего все равно мало. Эрих не понимал, чем вызвано столь пристальное внимание к его персоне. Для одного поджога, пусть и впечатляющего, к нему относились что-то уж слишком серьезно. Вроде бы и следователь от него отстал, прекратив наносить визиты, а скрытое наблюдение заметно усилилось. Теперь Эрих предпринимал поистине титанические усилия, чтобы оторваться от "хвоста", чем неизменно приводил Шимке в бешенство. Следователь никак не мог выяснить, куда господин Сторм пропадает на выходных, и устраивал разнос подчиненным. Те лишь руками разводили. Казалось, подозреваемого хранит некая сверхъестественная сила — то камеру наблюдения закроет, то автобусом улицу перегородит, то двери в метро захлопнет. Вот вроде был человек — и куда-то пропал, словно растворился в объятиях полумрака, или же вошел в подъезд и не вышел. Одним словом, просто чертовщина какая-то! Но, видимо, всякой защите однажды приходит конец. Какой бы дух не оберегал господина Сторма, мало-помалу над головой его подопечного сгущались тучи. Карл Шимке, потирая руки, наконец-то нашел способ продвинуться в

своих изысканиях.

Адам выслушал новое пожелание клиента с каким-то стоическим спокойствием. Должно быть, основательно накурился травы, раз не шутил и не иронизировал. На смех ведь отнюдь не всегда тянет так, что покажи палец — и продолжительная истерика обеспечена. Затягиваясь неизменной самокруткой, испускавшей характерный запах, Адам выглядел невероятно флегматично, будто Эрих каждый день заказывал у него пачку дистанционных детонаторов.

— Тебе как скоро? — только и спросил он, черкнув пометку в настольном календаре.

— Чем быстрее, тем лучше, — несколько удивленно ответил клиент.

Обычно Адам не торговал такими штуковинами, ибо они относились к продукции крайне специфического назначения. Неслучайно Эрих, взрывая вагон, воспользовался кирпичеподобным пультом, позаимствованным на работе. Только вот Белинде его габариты и вес уже не подходили. Девушке требовалась максимальная компактность и мобильность, а такое обеспечивала лишь специальная военная амуниция. Эрих уже пожалел, что не снарядил соратницу соответствующим образом, когда Белинда использовала запальные шнуры — дикий архаизм по меркам двадцать первого века. Дистанционные взрыватели на порядок повысят эффективность диверсий, не говоря уже о безопасности самой диверсантки. Однако на дороге они не валялись, а громоздкое строительное снаряжение Эрих решил предложить антифашистам лишь в крайнем случае, если Адам откажется продавать товар. Он и ожидал, что Адам откажется или, как минимум, начнет задавать неудобные вопросы, а уж цену наверняка взвинтит просто заоблачную. Эрих заранее приготовил достойную плату, рассчитывая, в случае чего, соблазнить тощего торговца внушительной суммой. Тот, на удивление, не сделал ни того, ни другого. Он принял заказ как нечто совершенно естественное, даже не удосужившись поинтересоваться, чего там Эрих опять удумал.

— К четвергу устроит? — выпустил клубы дыма Адам.

— Лучше опять в пятницу, в одиннадцать вечера, — предложил Эрих.

Ему было гораздо удобнее скрываться от шпиков один раз и сразу надолго, чем изобретать трюки с исчезновением часто и по отдельности. Забрав у Адама товар, он сразу отправится в Аномалию и вернется уже в понедельник.

— Как пожелаешь, — отчего-то вздохнул эксцентричный продавец.

Нет, определенно сегодня он пребывал в удрученном настроении, из-за чего Эрих даже осведомился о его самочувствии. Уж не заболел ли драгоценный поставщик?
— Да нет, все в порядке, — отмахнулся Адам. — Смотри сам не простудись, а то мало ли откуда надует. В камерах, говорят, такие сквозняки… — добавил вдруг он, невидящим взором уставившись куда-то в стену.
— Ты это о чем? — удивился Эрих.
— Да так, легавых нынче развелось. Хватают всех, кого ни попадя после той громкой истории в промзоне. Ты будь поосторожнее со своими заказами, — пояснил он не то в качестве доброго совета, не то констатируя факт.
Гость и так знал, что со своими покупками ему лучше полиции не попадаться, поэтому счел предупреждение излишним. Определенно сегодня Адам был не в своей тарелке — даже цену не заломил, накинув вполне себе умеренный процент. Следуя привычному уговору, Эрих выложил несколько золотых унций задатка.
— А, ты опять с этими кастаньетами, — продавец глянул на желтый металл как-то без особого энтузиазма.
Эрих несколько занижал текущий обменный курс, чтобы компенсировать Адаму издержки при продаже золота. Должно быть, у него возникли какие-то хлопоты с реализацией, о которых он, однако, не сообщил. На обеспокоенный вопрос клиента Адам ответил, что все в порядке. Мол, он еще не привык к новой форме оплаты Эриха, свалившейся как снег на голову.
— Не зная тебя, я бы решил, что ты кого-то грабанул, а чтобы замести следы переплавил золотишко в безликие пластины, — улыбнулся тощий знакомец, но улыбка получилась какой-то вымученной. — Даже удивляюсь, где ты их берешь. Не расскажешь?
— Я бы рассказал, да ты все равно не поверишь, — усмехнулся Эрих, посчитав вопрос риторическим. — К тому же из того источника все равно могу брать только я.
Адам пожал плечами с таким видом, что его дело спросить, а клиента ответить так, как тот считает нужным. Остальное же продавца не касается.
— Будут еще заказы? — только и поинтересовался он, когда покупатель уже уходил. — Если узнаю заранее, быстрее все приготовлю, — как-то излишне поспешно объяснил он.
— Будут, — твердо ответил Эрих. — Только что именно — пока и сам не знаю.
Это была чистейшая правда, ведь пополнение арсенала зависело исключительно от планов Белинды и компании.

В назначенный час Эрих получил все сполна. Адам вручил

ему упаковку дистанционных взрывателей, приложив к ним три пульта активации. Фактически, Эриху требовался только один, но два других он прихватил заранее — мало ли что. Ведь в тридцать восьмом году запчастей для такой электроники не найдешь, в ремонтное бюро не обратишься и новый пульт уж точно не купишь. Рассовав по карманам всякую мелочевку, прихваченную, что называется, до кучи, Эрих распрощался с чудаковатым продавцом и удалился. Поймав такси, он доехал до одной из станций метро и пустился в привычное запутывание следов. Эрих был уверен, что добрался до Адама без" хвоста", просто взял себе за привычку никогда не перемещаться прямыми маршрутами от точки до точки. И "хвост" действительно отстал, однако не благодаря ловкости молодого человека. Его не было изначально. Сопровождение помаячило лишь для виду, а потом благополучно позволило себя одурачить. Именно сегодня в прямой слежке за господином Стормом отсутствовала всякая необходимость. Более того, его ни в коем случае нельзя было спугнуть, отчего Эриха и впрямь не преследовала ни одна живая душа. Он петлял совершенно напрасно, меняя такси и пересаживаясь из поезда в поезд. В конечном счете, ему все равно надлежало прибыть к месту назначения, а в этом-то и заключалась главная проблема, о которой Эрих даже не подозревал.

Проводив клиента, Адам заперся в своей берлоге и снова уселся на потрепанный диван. Настроение у него было крайне паршивое. Настолько, что ему не помогали ни хорошая порция травки, ни пара стаканов доброго шнапса. На душе у Адама, что называется, кошки скребли. Марихуана и алкоголь не помогали заглушить чувство вины, смешанное с ощущением откровенного предательства. И было отчего. Ведь один из детонаторов только выглядел как обычно, а на деле представлял собой искусно замаскированный радиомаячок.

Сигнал прервался, когда Эрих, добравшись до кирхи, привычным путем спустился в подвал и прошел через Аномалию. Знай он о происходящем, лично для него в этом не было бы ничего необычного, но только не для Карла Шимке. Последний с горящими глазами наблюдал за перемещениями господина Сторма, отображавшимся на электронной карте в реальном времени. Карта выводилась на дисплей, где по улицам Берлина ползла большая красная точка, испускавшая разбегавшиеся круги. Когда она вдруг перестала двигаться, следователь не волновался. Это всего лишь означало, что объект находился примерно на одном месте, так как круги продолжали пульсировать. Внезапно, спустя пару минут, пульсация прекратилась. Шимке чертыхнулся. Зафиксиро-

вав адрес, он запросил по нему подробную справку, а затем отправил на местность группу наружного наблюдения. Вскоре его взгляд вновь оказался прикован к экрану, преисполненный надежды узреть ожившую точку. Увы, время шло, а надежда таяла. Шимке хмурился. Почему прервался сигнал? Неужели Сторм догадался, что в упаковке детонаторов жучок и уничтожил его? Нет, вряд ли. Если он настолько хитер, то скорее выложил бы шпионящее устройство где-то в другом месте, чтобы сбить полицию с толку. Даже не выбросил, а выложил! Минуточку… А может, он так и поступил? Какого черта ему понадобилось в старинной кирхе, седой, как само время, да еще за полночь?! Шимке, бегло ознакомившись со справкой по указанному адресу, недоумевал. Господин Сторм не был религиозен, так чего он забыл в этом здании? А! Может быть, именно там и собираются члены некой организации? Но тогда почему пропал сигнал? Глупо выводить жучок из строя прямо в своем логове! Не просто глупо, а фатально глупо! Но ведь жучок замолчал. Что, радиоволна не в состоянии пробиться через толстые каменные стены? Ерунда! Вот подземелье, если очень глубокое, уже способно повлиять на работу миниатюрного устройства, но только если оно и впрямь уходит далеко в глубину.

Теряясь в догадках, Шимке ждал доклада наземной группы — это опытные ребята, разберутся. Тут либо сигнал и впрямь что-то заглушило — допустим, злоумышленники включают специальную аппаратуру, — либо Сторм все-таки нашел жучок. Нашел, заехал в кирху, выложил его и уничтожил, после чего отправился дальше. Впрочем, не исключена и банальная техническая неисправность, вызванная, помимо прочего, саботажем со стороны господина Адама. Тот не больно-то охотно пошел на сотрудничество, и согласился лишь тогда, когда ему пообещали влепить громадный срок за пособничество террористам. Он мог каким-либо образом предупредить Сторма, либо испортить подложенный ему маячок. Ну, если так, герр Адам очень сильно об этом пожалеет. Шимке, глотнув крепкого кофе, продолжил глядеть на красную точку, ожидая вестей от высланных наблюдателей.

Адам не предавал Эриха. Отпрыск знатного рода слыл знатным чудаком, но не подлецом и не сволочью. Фактически, частично вина за происходящее лежала на самом Эрихе. Из-за слитков Майера полиция стала проявлять особую бдительность по части золота. Следователь Шимке предпринимал максимум усилий, чтобы выяснить происхождение желтого металла, врученного полицейскому в качестве взятки. Ему в этом активно помогали спецслужбы, завязанные в деле террористов Отто Шварца. Негласно проверялись скупщики, каналы нелегальной поставки вызывали

повышенное внимание. Стукачи и платные информаторы сообщали обо всех крупных сделках, а ряд дельцов был вынужден удовлетворять интерес правоохранителей. Прояви Адам большую осторожность, он, вероятно, избежал бы неприятностей, однако ему и в голову не пришло, насколько примечательным золотом расплатился Эрих Сторм. Адам сдал золотые унции одному из солидных перекупщиков, получив хорошую цену, а вскоре к нему нагрянули силовики. Безликие пластины без пробы попали в поле зрения агентов полиции, а проведенная экспертиза показала идентичность этих унций с золотом Майера. Адама живо взяли в оборот. В ином другом случае он показал бы незваным гостям средний палец и послал в соответствующее место, но на сей раз все обстояло иначе. С террористами и их пособниками не церемонятся. Адаму заявили прямо: он, вероятно, действительно ни при чем, но даже если так, за отказ сотрудничать его упекут по полной программе. Ни родственники, ни деньги, ни адвокаты ему уже не помогут. Бизнес Адама будет ликвидирован, а репутация навсегда уничтожена. Под жестким и безапелляционным давлением эксцентричный торговец был вынужден согласиться. Ему пообещали: взамен за помощь в деле Сторма никто не узнает об этом маленьком одолжении для полиции. Само собой, Шимке и компания не поверили тощему любителю травки на слово и напичкали его берлогу жучками, пригрозив, что если Адам попытается предупредить Сторма — ему конец. Оттого чудаковатый малый и вел себя несколько необычно, когда Эрих явился заказать детонаторы. Согласно инструкции, он даже не заламывал цену, чтобы не спугнуть покупателя. Адам, внешне храня спокойствие, сидел как на иголках. Он был бы и рад подать Эриху какой-нибудь сигнал, да за ним пристально следили из множества скрытых камер. Вопросы и ответы, задаваемые заказчику, были заранее обговорены и тщательно контролировались. К счастью, Эрих ни о чем не проболтался, но маячок, помещенный в коробку с детонатором, должен был сыграть роль пресловутого Троянского коня, и Адам ничего не мог с этим поделать. Именно поэтому, проводив клиента, он и чувствовал себя просто ужасно, безуспешно пытаясь облегчить груз вины травкой и алкоголем.

Тем временем, пока Эрих уходил в Аномалию, Шимке за ним следил, а Адам терзался угрызениями совести, произошло еще одно событие, о котором все трое, хоть и замешанные в одной и той же истории, понятия не имели.

Полицейский Кольбе сидел дома в полнейшем одиночестве. Дочь лечилась в израильской клинике, а жена находилась рядом с ней. Уставившись в телевизор, он неторопливо потягивал виски и

был удивлен припозднившейся трели дверного звонка. Кого это черт принес в такой час?! Неужели опять какой-нибудь назойливый Шимке или кто-то из его аппарата? Видимо, да, ибо последнее время Кольбе никого домой не приглашал, а подружки супруги не заглядывали по причине отсутствия последней. Одиночество Кольбе более чем устраивало. После того видео со смертью Майера он пребывал не в лучшем эмоциональном состоянии. Он бы и с работы ушел, или, хотя бы, перевелся в более спокойное место, но патрульный боялся мести страшного незнакомца. Именно поэтому Кольбе в основном торчал дома, предпочитая компанию в виде бутылки виски. Поэтому же он и не спешил открывать дверь, язвительно проклиная незваного гостя. Гость, тем не менее, проявлял настойчивость. Он звонил и звонил с какой-то заевшей периодичностью, и уходить явно не собирался. Кольбе взяла злость. Пойдя на принцип, он решил ни за что не двигаться с места. Пускай катятся к дьяволу! Нет его — и все тут!

Звонки, в конце концов, прекратились. Полицейский облегченно вздохнул и залпом допил оставшийся в стакане виски. Некоторое время он молча смотрел в телевизор и уже начал забывать про назойливого посетителя, как вдруг прямо-таки затылком ощутил, что рядом кто-то есть. С екнувшим сердцем Кольбе резко обернулся и так изменился в лице, будто увидел привидение. В известном смысле, так оно и было. Перед комнатной дверью стоял какой-то человек и молча смотрел на хозяина квартиры. Стоял перед ЗАКРЫТОЙ дверью, которая, как и входная, не открывалась. Кольбе мгновенно его узнал. Это был тот самый незнакомец, который всучил ему золото, а затем немыслимым образом убил беднягу Майера.

— Очень невежливо, господин Кольбе, игнорировать гостей, пришедших к вам по важному делу, — спокойно изрек невообразимый посетитель.

Из груди полицейского послышались нечленораздельные клокочущие звуки. Он попытался вскочить — не для нападения, а с перепугу, — однако ноги отказались повиноваться.

— Не вставайте, сидите спокойно. Я к вам ненадолго, — сообщил незнакомец.

Пройдя в комнату, он придвинул стул к тому столику, что находился подле Кольбе, и уселся напротив хозяина квартиры, заслонив собой телевизор. Последний того уже не интересовал, даже показывай он последние часы Земли. Глаза полицейского были прикованы даже не к незнакомцу, а к стулу, который подъехал к нему сам собой.

— О, я вижу, вы пьете, — непринужденно продолжил незваный

гость. — Позволите угоститься стаканчиком?
Ответа не последовало. Кольбе молчал, словно разбитый инсультом, да и чувствовал себя не лучше.
— Говорят, молчание — знак согласия, — заметил неизвестный.
Вооружившись барным стаканом, он плеснул себе виски. Первый появился на столе просто из ниоткуда, а бутылка взмыла в воздух, накренилась и совершенно самостоятельно наполнила его до середины. Подхватив стакан пальцами, полуночный гость сделал им вежливый жест, присущий застолью, и одним махом опрокинул в себя содержимое.
— Признаться, не очень хороший виски, — заключил он, когда опустевшая посудина развеялась таким же образом, как и появилась. — Я бы порекомендовал вам один отличный сорт, но боюсь, что в вашу эпоху достать его нереально. Впрочем, дареному коню…
Кольбе видимо затрясся, чувствуя приступ нервной горячки. Незнакомец окинул его изучающим взглядом, затем сунул руку за пазуху и как по волшебству извлек оттуда винную бутыль, которая в принципе не могла уместиться под его одеждой. Бутыль скользнула к пустому стакану полицейского и налила его до краев, после чего вернулась к владельцу и исчезла.
— Выпейте, — предложил гость, поводя открытой ладонью. — Выпейте, вам полегчает. Не бойтесь, я не желаю вас отравить — вы мне еще нужны. К тому же вы не так давно наблюдали, что убить неугодного человека мне очень даже нетрудно и другим способом.
Трясущийся полицейский принял стакан, едва не расплескав содержимое, и кое-как осушил его несколькими судорожными глотками. Внезапно ему стало намного легче. По телу разлилось удивительное тепло, руки перестали дрожать, а нервная горячка отступила. Кольбе все еще было страшно до чертиков, но болезненные телесные ощущения почти прекратились.
— Вот и отлично, — удовлетворенно кивнул незнакомец, наблюдая за хозяином квартиры. — Теперь вы готовы меня выслушать.
— Чт-то вам уг-годно? — слегка заикаясь, выдавил полицейский.
— О, для начала сообщить вам хорошую новость. Ваша дочь полностью исцелились от рака, и болезнь к ней уже никогда не вернется, — послышался пугающе доброжелательный ответ.
— Откуда вы можете это знать?! — невольно поразился Кольбе.
— А что, до сих пор какие-то мои действия показались вам неубедительными? — улыбнулся неизвестный. — Завтра вам позвонит жена и сообщит радостную весть. Все врачебные исследования подтвердят стопроцентное выздоровление, а отсутствие рецидива я вам гарантирую, поскольку лично удалил раковые клетки из тела

вашей дочери. Я ведь только что из палаты Ханны. Кстати, очаровательное создание.
— Вы вообще кто?! — вытаращил глаза Кольбе.
— Это не имеет значения, — еще шире улыбнулся гость. — Важно лишь то, не станете ли вы сами причиной возвращения недуга дочери.
— Что?! О чем вы говорите?! Нет!.. — ужаснулся полицейский.
— Не беспокойтесь, с ней все будет в порядке. В порядке раз и навсегда, если вы в точности выполните все мои инструкции, — чуть ли не ласково изрек ночной гость.
— Что я должен делать?! — выпалил Кольбе, придя к простому умозаключению, что с этим человеком лучше ни о чем не спорить и никоим образом ему не перечить.
— Вот это уже разговор! — одобрительно кивнул незнакомец. — На счет вашей жены, открытый мной в Израиле, поступила сумма, эквивалентная оставшимся у вас золотым слиткам. Номер счета она получит по почте. Таким образом, вы без всякого сожаления сдадите золото властям и расскажете, что дали ложные показания. Расскажете тому человеку, который к вам уже заглядывал. Я позабочусь, чтобы вы проходили по делу как свидетель, а не обвиняемый — мне ни к чему забирать у Ханны отца. Должен же у вас быть дополнительный стимул. Таким образом, уголовное преследование вам не грозит, а ваша семья останется здоровой и обеспеченной. С миллионами на счету вы сможете оставить службу и все вместе уехать куда пожелаете. Неплохо, не так ли? Я ставлю только одно условие: вы сделаете признание тогда, когда получите от меня весточку. Сделаете сразу и безотлагательно, даже если будете находиться на дежурстве. Кстати, я пришлю ее уже скоро. Договорились?
— А если я случайно эту весточку не замечу? — нетвердым голосом спросил полицейский.
— Уверяю вас, вы ее не пропустите. Или вам напомнить про видео с вашим напарником? — подмигнул ночной гость.
Кольбе по-лошадиному замотал головой, давая понять, что все прекрасно понял.
— Значит, мы договорились? — строго осведомился незнакомец.
Полицейский снова истово закачал головой, но уже в другой оси координат.
— Вот и славно! — подытожил неизвестный. — Меня не провожайте, я знаю дорогу. Пейте свой виски и лучше не забивайте голову, что здесь к чему. Сделаете все как надо — и вы меня больше никогда не увидите.
Поднявшись, немыслимый гость вежливо кивнул на прощание и

вышел из комнаты, хоть и через дверь, но не утруждаясь открывать ее створу.

Вновь оставшись в одиночестве, Кольбе несколько минут сидел неподвижно, даже не моргая. Потом налил себе полный стакан виски, изрядно расплескав содержимое бутылки, и залпом влил в глотку. На его голове и так хватало седых волос, а теперь, из-за всей этой чертовщины, их значительно прибавилось. Ох, лучше бы больше никогда не видеть этого страшного человека, кем бы он ни был! Безусловно, надо поступить как велено, и надеяться, что незнакомец сдержит свое слово. Кстати, он не уточнил, может ли Кольбе рассказывать кому-то об их встрече или обязан держать язык за зубами. Полицейский, само собой, и не помышлял изливать душу кому попало — еще не хватало сойти за сумасшедшего, — но мало ли чего по пьяни не сболтнешь. Впрочем, а чего он, собственно, может сболтнуть? Кольбе даже не помнил лица незнакомца, хотя только что с ним говорил, да и вообще ничего о нем не знал, как наверняка не знал и кто-нибудь другой. Ведь этот жуткий тип управлял предметами силой мысли, проходил сквозь двери и, кажется, мгновенно перемещался на огромные расстояния. С такими способностями он вряд ли значился в чьей-нибудь картотеке, поэтому даже будь у Кольбе свидетель недавнего разговора, способный подтвердить, что полицейский не спятил — это наверняка ничего бы не изменило.

Так думал Кольбе, решив ни в чем не перечить воле страшного незнакомца, однако кое в чем он все же ошибался, ибо существовал на свете один человек, способный узнать полуночного гостя. Этим человеком был Эрих Сторм. Он уже видел собеседника Кольбе, и отнюдь не в своей квартире, где предлагалась взятка золотом. Он даже знал его по имени, хотя был бы безмерно удивлен и даже ошарашен встретить этого неприметного гражданина в гостях у полицейского. Ведь Эрих Сторм неоднократно видел его в тысяча девятьсот тридцать восьмом году.

– 11 –

Эрих уже давно не лазал в кирху через окно, а открывал малый вход своим ключом. Изготовить копию оказалось проще простого, когда он раздобыл запасную связку, хотя для этого пришлось сделать не очень порядочную вещь. Рассудив логически, однажды Эрих забрался в дом пастора Берга, пользуясь тем, что жилище одинокого старика пустовало. Там, после недолгих поисков, он и обнаружил заветные ключи от кирхи, подходившие ко всем дверям кроме железной. Молодой человек преследовал сразу

две цели. Во-первых, ему надоело пользоваться окном, рискуя сойти за воришку, да и как бы он впоследствии тащил в Аномалию тяжеленные ящики с патронами и гранатами. Во-вторых, содержимое запертых подвальных комнат оставалось неизвестным, а взломщик из Эриха не получился. Комнаты, как позднее выяснилось, не содержали ничего особенно интересного, зато ключ от малого входа очень даже пригодился. Теперь Эрих спокойно путешествовал через Аномалию и знал наверняка, что в подвале не установлено какое-нибудь фантастическое оборудование. Что бы ни вызывало коридор в прошлое, наука не имела к этому никакого отношения, если, конечно, под кирхой не врос в землю космический корабль высокоразвитой цивилизации инопланетян. В последнее верилось с трудом, зато причастность пастора Берга к Аномалии выглядела куда вероятнее. Открытка родом из тридцать восьмого года и впрямь продержалась дольше положенного срока, исчезнув примерно тогда, когда сиделка убирала увядшие цветы. Эриху, установившему сей примечательный факт, еще больше захотелось задать старику несколько животрепещущих вопросов. К сожалению, шансов на это становилось все меньше. Врачи заявили, что старик начал медленно угасать. Его тело, давно уже не молодое, было плохо приспособлено к длительному пребыванию в коме. К тому же что-то будто высасывало из него жизненные силы, не успевавшие восполняться в достаточной степени. Поворачивая ключ в замке малого входа, Эрих как раз думал о том, какую роль в истории с Аномалией играл пастор Берг, когда нос к носу столкнулся с каким-то человеком. Отступив на шаг, этот человек издал испуганный возглас. Эрих, после очередных похождений со стрельбой и взрывами, приготовился дать отпор и даже машинально сунул руку за пазуху, как вдруг признал в неизвестном пастора. Не Берга, разумеется, а его сменщика. Не то чтобы молодой человек хорошо запомнил лицо, но сутана говорила сама за себя, а мельком виденные черты всплыли в памяти уже автоматически.

— Вы кто такой?! Что вы здесь делаете?! — напряженным голосом осведомился мужчина лет сорока пяти.

Эрих, выходивший через малую дверь из полумрака кирхи, доверия у него явно не вызывал. К счастью, пастор не счел для себя достойным тут же истошно голосить на весь квартал, призывая полицию.

— Здравствуйте, пастор Кляйн! — быстро сказал молодой человек, стараясь говорить вежливо и непринужденно. — Не пугайтесь, я не жулик и не грабитель.

— Вы меня знаете? — удивился мужчина в сутане.

— Конечно. Вы замещаете пастора Берга, пока он лежит в больнице. А я его воспитанник, Эрих Сторм. Видите, у меня даже свои ключи есть. Прежде я часто приходил сюда заниматься по книгам из его библиотеки, пока с ним не случилось несчастье. Теперь мой наставник, увы, в коме, и врачи дают неутешительные прогнозы, — пояснил Эрих самым приветливым тоном.

Услышав вполне правдоподобное объяснение, пастор Кляйн заметно расслабился и глядел на молодого человека уже не как на потенциального преступника.

— А что вы все-таки здесь делаете в столь поздний час? — осведомился он, имея на то все основания, поскольку на дворе только что пробило полночь.

Эрих, вернувшийся из Аномалии на исходе воскресенья, как раз собирался покинуть кирху и вернуться домой, когда произошла эта неожиданная встреча. Сумев избежать непредсказуемого конфликта, молодой человек тут же взял быка за рога и принялся обрабатывать пастора Кляйна. Мол, никаких дурных намерений у него не было. Он всего лишь заскочил посмотреть кое-что в библиотеке, ибо пастор Берг ему это всегда позволял, а за поздним часом решил никого не беспокоить и воспользоваться своим ключом. Раньше он приходил регулярно, но теперь, пока наставник в больнице, навещать стало некого. Оттого пастор Кляйн никогда лично Эриха не встречал, хотя последний, безусловно, сожалеет, что не улучил время представиться более подходящим образом.

В завершении своей истории Эрих показал документы, а также сообщил, что больничный медперсонал может подтвердить его частые визиты в палату старика. Впрочем, пастора Кляйна больше всего убедила фотография, кстати оказавшаяся на смартфоне молодого человека, где тот был запечатлен с пастором Бергом непосредственно в притворе. Учитывая специфический интерьер и выражения лиц, в подлинности снимка сомневаться не приходилось.

— Что ж, рад познакомиться с воспитанником моего духовного брата, пусть и при таких обстоятельствах, — вполне доброжелательно изрек пастор Кляйн, пожимая Эриху руку. — Вы меня успокоили, а то уж я подумал, что в кирху повадился кто-то посторонний. Собственно, я потому сейчас и вернулся — хотел посмотреть, не шастает ли кто внутри.

— Нет-нет, это был я, — заверил молодой человек, запирая за собой дверь. — Я приходил в пятницу и вот сегодня.

— В пятницу? — озадаченно переспросил пастор Кляйн. — Вы уверены? Мне казалось, тут кто-то побывал на выходных.

Эрих обеспокоился. Стараясь усыпить подозрения собеседника, он

одновременно начал раздувать свои. Это кого же приносила нелегкая, пока антифашист разгуливал по Берлину в тридцать восьмом году? Неужели вернулись неонацисты? Те самые, что одной темной ночью и загнали его в подвал кирхи как дикого зверя? Ловко развивая разговор, Эрих дошел с новым знакомым до его машины, стараясь выведать подробности. К сожалению, он толком так ничего и не выяснил. По ряду признаков пастор Кляйн начал подозревать, что за последние дни в кирхе несколько раз кто-то побывал. Он не был уверен наверняка и поэтому явился затемно, чтобы все проверить самому. Тут-то он и встретил Эриха Сторма, с которым в данный момент разговаривает. Стало быть, все утряслось и опасениям конец. На том, собственно, история и закончилась.

Молодой человек, пожелав пастору доброй ночи, удалился, обменявшись с ним номерами телефонов. Пастор Кляйн сел в машину и уехал, вполне удовлетворенный своим расследованием. Эрих, отклонивший предложение его подвезти, напротив — пребывал в сомнениях. Он-то точно знал дни, когда наведывался в кирху, и сообщенные ему сведения вселяли известную тревогу. Неторопливо шагая по тротуару, Эрих размышлял, кем могли быть незваные гости, и чем больше об этом думал, тем больше волновался. Он заволновался бы еще сильнее, кабы узнал, что кирху действительно посещали, причем неоднократно, и что эти посетители пристально наблюдают за ним прямо сейчас.

Когда господин Сторм бесследно исчез, оперативная группа, посланная Шимке, проникла в кирху и обшарила ее сверху донизу. Результаты получились неутешительными. Подозреваемого нигде не нашли, как не нашли ни его сообщников, ни чего бы то ни было еще. Оперативники были в этом уверены, так как при поисках использовали тепловизоры. Именно благодаря им они убедились, что в кирхе никого нет. Благодаря им же силовики осторожно обыскали подвал и не обнаружили никого, кроме нескольких крыс. Собственно, тепловизоры пускались в ход и раньше, при наблюдении за квартирой господина Сторма. Чего и удивляться, что техники точно знали, когда можно поставить жучки, а само отсутствие Эриха перестало быть для соглядатаев секретом. Его вылазки через крышу отследили, о чем подозреваемый даже не догадывался. К сожалению, даже выбравшись столь заковыристым путем, он и дальше проявлял величайшую осторожность, неизменно стряхивая "хвост". Ему уж и нужное такси пытались подсунуть, где сидел "свой" водитель, но здесь, как докладывали агенты, регулярно вмешивалась та самая чертовщина. Господин Сторм упорно ускользал из расставленных сетей, из-за чего Шимке терял покой и

сон. История с маячком слежения, так хорошо начавшаяся, довела следователя до белого каления, особенно после того, как опергруппа вернулась ни с чем. Железная дверь, обнаруженная в подвале кирхи, внушала известные надежды, но за ней не нашлось ничего кроме пустой комнаты, исписанной заковыристой латынью. Специалисты умело вскрыли хитрый замок и, как выяснилось, совершенно напрасно. Все подвальные помещения не содержали ничего криминального. Раздосадованному Шимке только и оставалось ждать понедельника, когда господин Сторм традиционно возвращался либо к себе домой, либо в офис. Он и ждал, когда ему наконец-то поступил срочный звонок. Пост наружного наблюдения, дежуривший у кирхи на всякий случай, неожиданно засек какое-то движение. Сначала это оказался всего лишь пастор Кляйн, зачем-то явившийся затемно обходить свой приход. Потом объявился и кто-то еще. Пастор Кляйн столкнулся с ним у малого входа, а затем, переговорив, прошел в его компании к личному автомобилю. Этим человеком был Эрих Сторм.

Шимке, услышав новость, аж подпрыгнул от радости. В такие совпадения он не верил. Подозреваемый исчез в кирхе в ночь на субботу, и объявился там же через двое суток, когда наступил понедельник. Тут либо Шимке дурак, либо в этом старом здании есть скрытое подземелье! Куда господин Сторм подевал детонаторы с маячком, заглохнувшим невесть по какой причине — вопрос уже отдельный. Приоритетная задача изменилась. Сперва требовалось отыскать секретный коридор, или выводивший за пределы кирхи, или спускавшийся очень глубоко под землю, откуда не пробивался сигнал шпионящего устройства. Сделать это требовалось быстро и притом незаметно, чтобы про визит силовиков не прознала ни одна душа. Эрих еще не приехал домой, а Шимке уже распорядился оснастить оперативную группу георадарами для поиска пустот и массой другого оборудования.

Рабочая неделя протекала как обычно. Эрих, прибывая в офис к положенному часу, занимался своими проектами и инспектировал чужие. Он изучал документацию, работал с пакетами бумаг, чертил, подписывал и активно взаимодействовал с большой группой специалистов. До офиса его любезно провожали полицейские соглядатаи, после чего они же весь день бдительно таращились в окна из здания напротив. Вечером шпики сопровождали Эриха в больницу к Еве или в национальную библиотеку, а затем молодой человек всю ночь ворочался под объективами камер скрытого наблюдения. Словом, все шло своим чередом, пока в четверг утром Эриха не позвал герр Марсдорф — уточнить один вопрос. Когда молодой человек уселся в кресло, шеф некоторое

время говорил о каких-то пустяках, отчего на лице Эриха малопомалу начало выражаться недоумение. Это они могли обсудить и по телефону, либо же через корпоративную систему обмена сообщениями. В конце концов, старший инженер не выдержал и спросил, какова все-таки причина вызова, если таковая вообще есть. Герр Марсдорф, замявшись, помолчал. Потом, как-то беспокойно оглядев собственный кабинет, спросил, заметно понизив голос:
— Эрих, ты чего-нибудь натворил?
Молодой человек оторопел. По существу за ним числилось столько сомнительных подвигов, что хоть отбавляй, только он никак не ожидал, что это каким-либо образом дойдет до непосредственного шефа. Быстро отринув заведомо не относившиеся к фирме эпизоды, вроде диверсий против гитлеровских нацистов и неприятностей с покойным Отто Шварцем, Эрих сконцентрировался на оставшихся. Неужели всплыли его маленькие махинации с отчетностью на складе, откуда Эрих таскал взрывчатку? Вряд ли. Он действовал очень аккуратно, ловко пряча концы в кипы документов по разным проектам. Отследить все до последней унции могла только целая команда профессионалов, хорошо разбиравшихся в специфике работы Эриха. В его бумагах обнаружили какие-то недочеты? Да, это куда вероятнее — в конце концов, все ошибаются, только шеф стал бы решать такие вопросы в обычном служебном порядке, а не вести себя как заговорщик. Так чего же он поглядывает на Эриха так, будто подозревает, не он ли стащил его любимое малахитовое пресс-папье, которое, кстати говоря, лежит себе полеживает на своем законном месте. Понимая, что с ответом затягивать явно не стоит, Эрих попросил герра Марсдорфа уточнить, о чем, собственно, идет речь.
— Вообще-то я не должен говорить, — снова как-то нервозно оглянулся шеф, и молодому инженеру сразу же припомнились многочисленные жучки. — Ко мне тут приходил один человек… Гм… Скажем так, со значком. Он поведал, что власти озабочены определенными проблемами на нескольких объектах, которыми мы занимались. Мол, есть подозрения против ряда должностных лиц в нецелевом использовании средств, превышении служебных полномочий и всякое такое.
— А я здесь причем? — удивился Эрих, когда герр Марсдорф что-то опять умолк.
— Он попросил предоставить ему по этим объектам кое-какую документацию, — продолжил шеф. — Полуофициально. Власти, видите ли, не хотят портить репутацию нашей ни в чем не повинной фирмы, поэтому для всех будет лучше, если обе стороны обойдутся без ордера и судебного предписания. В рамках по делу о коррупп-

ции, инкриминируемой, разумеется, отнюдь не нам, документацию изучат, специалисты сделают отчеты и приобщат их к следственным материалам. Человек со значком заверил, что коммерческая тайна будет соблюдена — ничего из предоставленных ему данных никоим образом не передадут третьим лицам.
Молодой инженер обратился в слух, сообразив, что шеф к чему-то ведет, причем к чему-то связанному непосредственно с Эрихом. Так оно и вышло. Герр Марсдорф не стал давать посетителю от ворот поворот. Тот ведь уже заручился поддержкой руководства фирмы, приславшего распоряжение оказывать властям всяческое содействие. Агент вручил ему письмо, составленное кем-то из его ведомства, как гарантию законного ознакомления с документацией в интересах следствия. В ответ герр Марсдорф распорядился открыть ему доступ к базе данных. Разумеется, не полный, а строго в оговоренных рамках. Человек со значком поблагодарил его и ушел, обещав держать в курсе.
— И это все? — осведомился Эрих, прекрасно понимая, что история, разумеется, не закончена — просто из шефа приходилось вытягивать слова.
Продолжение не заставило себя ждать. Герр Марсдорф поведал, что позвал доверенного айтишника, умевшего держать язык за зубами, и попросил его проследить за всем, к чему проявит интерес этот агент или кто-либо с ним связанный. Шеф же обязан знать, что происходит в его филиале, плюс он не очень-то поверил в рассказанную ему байку. Айтишник не подкачал и составил подробную сводку по всем запросам агента и поднятой им информации.
— Это были твои проекты, Эрих, — совсем тихо сказал вдруг герр Марсдорф, подаваясь вперед. — Все до единого. Из всего того, что упомянул этот тип, он взял документацию только по твоим проектам, и ни файлом больше.
— Вот теперь я вас понимаю, — протянул Эрих. — То есть, понимаю, зачем вы меня позвали, — быстро поправился он, испугавшись создать у шефа превратное впечатление. — Но почему их так интересует моя работа?
— Вот и я задал себе точно такой же вопрос, — кивнул герр Марсдорф. — Эрих, ты знаешь, я очень хорошо к тебе отношусь. Ты был моим лучшим молодым специалистом, и — чего уж там — протеже. Я сам помогал тебе занять нынешнее место, помогал осаживать завистников и считаю, что ты отлично справляешься со своими обязанностями. Таким образом, как мне кажется, я имею право откровенно спросить тебя так, как спросил в самом начале разговора: ты ничего не натворил? В интересах фирмы, я обязан это знать. У тебя точно все чисто? Да, я читал все твои отчеты по про-

ектам — они блестящи. В головном офисе они тоже никогда не вызывали нареканий. Однако, как ты понимаешь, история с тем агентом серьезно меня беспокоит.
Молодой человек невольно усмехнулся. В душе, естественно, чтобы не оскорбить шефа, когда тот присвоил себе покровительство и даже назвал Эрих своим протеже. На деле ведь все обстояло несколько иначе, ибо герр Марсдорф изначально волновался лишь о себе, хотя уже и сам успел уверовать в собственную легенду. Он и сейчас заботится отнюдь не о господине Сторме и благополучии фирмы, а о своей шкуре. Если Эрих где-то проштрафился, несдобровать и самому герру Марсдорфу. Вызвав старшего инженера для приватной беседы, он преследовал простейшую цель: дать подчиненному возможность подчистить концы, если тот и впрямь в чем-то замешан, и подготовиться к неприятностям. Предупрежден — значит вооружен. Эрих, принимая меры самозащиты, автоматически снизит ущерб и для самого герра Марсдорфа.
— Могу я узнать, какие именно проекты интересовали того агента? — великолепно сохраняя спокойствие, осведомился Эрих. — Уверяю вас, герр Марсдорф, у меня нет никаких нарушений. Пусть копаются, сколько захотят — невозможно найти черную кошку в темной комнате, если ее там нет. Просто мне любопытно.
— Разумеется, — кивнул шеф.
Пощелкав по клавиатуре, он вывел на печать лист бумаги и передал подчиненному. Эрих принял его совершенно невозмутимо, хотя тут же впился глазами в строчки текста.
— А что это в самом низу за пометка в виде сочетания *all напротив моей фамилии? — уточнил он, шелестя распечаткой.
— Это фильтр, который применял агент, — пояснил герр Марсдорф. — Он-то меня больше всего и обеспокоил. Это означает, что агент сразу сделал запрос по ВСЕМ твоим проектам. Лишь потом он произвел указанную выборку.
Да, вот теперь Эрих встревожился всерьез. Виду он, разумеется, не подал, но под испытующим взглядом шефа пережил несколько не самых приятных минут.
— Кстати, а у вас еще есть то письмо? Ну, которое оставил этот тип? — полюбопытствовал молодой человек будто так, между прочим.
— Само собой, — ответил герр Марсдорф. — Я как раз хотел у тебя спросить, не доводилось ли тебе слыхать про того, кто его прислал? Может быть, ты его знаешь или вы где-нибудь встречались? Вообще-то я не должен показывать тебе этот документ, но мы же здесь все свои люди…
Порывшись в ящике стола, шеф выудил означенную бумагу на

официальном бланке и протянул Эриху. Тот бегло ознакомился с ее содержанием, опустил глаза в самый низ и вздрогнул. Рядом с должностью, печатью и зигзагообразной подписью стояли имя и фамилия следователя, ведущего дело о нападении на Еву. Звали его Карл Шимке.

Да, Эриху было с чего волноваться. Никаких финансовых преступлений он, конечно, не совершал, взяток не брал и вообще работал честно да на совесть, однако имелось в его позиции одно уязвимое обстоятельство. А именно — присвоение N-ного количества взрывчатки, вывезенной с подотчетного ему склада, и емкостей с агрессивными химическими субстанциями. Для фирмы это была капля в море, которую никто бы никогда и не заметил. Совесть Эриха не мучила, ибо он считал свой поступок не кражей, а вынужденной и даже благородной мерой, каковой представлялось снабжение антифашистов тридцать восьмого года. К сожалению, полиция вряд ли разделит его точку зрения. Если за проекты Эриха взяться всерьез и скрупулезно изучить их документ за документом, специалисты выявят расхождение между списанным со склада и использованным по существу. Эрих, конечно, мастерски замел следы, но чародеем он все же не был. В большинстве проектов следователь не обнаружит ровным счетом ничего, однако те, что использовались для сокрытия присвоенной взрывчатки и химикатов могут вызвать у него прямой интерес. И суть этого интереса становилась более чем ясна. Ведь именно Шимке вел дело о нападении на антифашистов, включая Еву. Он неоднократно приходил к Эриху с вопросами, а потом ему же поведал о террористах Отто Шварца. Именно Шимке позднее вдруг перестал извещать Эриха, отделываясь дежурным "следствие продолжается", зато вокруг мало-помалу объявлялось все множество соглядатаев, а вскоре еще и жучки установили. Что ж, вот все и прояснилось. Шимке либо подозревает его в устранении Отто Шварца, либо полагает, что они и вовсе заодно. Учитывая доступ Эриха к определенным ресурсам и муниципальным службам, следователь вполне мог вообразить, что теракты планировались не без помощи старшего инженера-взрывотехника, а историю с избиением антифашистов, как и поджог особняка, вообще провернули для отвода глаз. Банальный конфликт идеологически враждебных группировок — отличное прикрытие для подлинного преступления. Пока полиция, высунув язык, бежит по ложному следу, она упустит из виду по-настоящему масштабную акцию. М-да, положеньице…

В своих размышлениях, озабоченно уставившись в компьютерный дисплей, Эрих даже не подозревал, насколько близок к истине. Шимке, правда, не сам додумался проверить, чем там зани-

мается подозреваемый на своей работе, хотя такая мысль рано или поздно пришла бы ему в голову. Его в этом направлении подтолкнули. Разбирая электронную почту, следователь открыл письмо, примечательно озаглавленное "Совет по делу Эриха Сторма". Отправитель был неизвестен, однако заголовок звучал достаточно красноречиво, чтобы заключить — письмо послал кто-то из своих, посвященный в тайны следствия. Шимке открыл его и прочел короткий текст, вызвавший немалое волнение:

"Эрих Сторм — старший инженер-взрывотехник в известной вам строительной фирме. Он обладает отличными навыками по сносу зданий с использованием значительного количества взрывчатых веществ. Рекомендую вам поразмыслить, нет ли в его профессиональной деятельности какой-либо связи с планами якобы исчезнувшего Отто Шварца, который до сих пор не обнаружен".

Письмо не было подписано, а впоследствии выяснилось, что и адреса отправителя не существует, но Шимке такие мелочи не беспокоили. Анонимку мог послать тот же человек, который снабдил следствие обширным досье на террористов из неонацистской организации. Невероятно запутанное преступление в очередной раз начало представать в ином свете. Шимке клял себя за недальновидность — сам он до сих пор не подумал, насколько любопытной выглядит профессия господина Сторма в паре с намерениями Отто Шварца и его боевиков взорвать несколько крупных объектов. Ведь и в самом деле: опытный инженер соответствующего профиля, да еще с доступом к чертежам зданий, способен мастерски рассчитать, куда и сколько заложить взрывчатки для достижения максимального поражающего эффекта. Какой-нибудь неуч и целым контейнером дом не обрушит, в то время как специалист разнесет его до основания кратно меньшим количеством зарядов. А тут еще господин Сторм давеча приобрел пачку взрывателей с дистанционным управлением… И это с учетом того, что он куда-то регулярно исчезает по выходным! Шимке, взбудораженный дальше некуда, распорядился взять кирху под круглосуточное наблюдение и напичкать жучками каждый ее квадратный ярд, а сам немедленно придумал, как получить доступ к рабочим материалам господина Сторма. Все еще не имея возможности вооружиться ордером, да и вообще боясь спугнуть подозреваемого, следователь действовал скрытно и аккуратно, зайдя кошачьей сапой. Откуда же он мог знать, что герр Марсдорф, убоявшись за собственную шкуру, посвятит господина Сторма в то, во что посвящать был никоим образом не должен.

На "той стороне" дела также не располагали к спокойствию и безопасности. Белинда, заполучив от Эриха уникальный арсенал,

серьезно разошлась, а вооруженная взрывчаткой с дистанционными взрывателями и вовсе пустилась во все тяжкие. Эрих знал это очень хорошо, так как регулярно принимал участие в ее диверсионной деятельности. Дым, что называется, стоял коромыслом, обойма разряжалась за обоймой, а то здесь, то там периодически гремели взрывы. Первый опыт наглядно показал, насколько широки возможности для применения усовершенствованной техники. Кому нужны громоздкие и ненадежные мины, когда брикет со взрывчаткой, оснащенный радиодетонатором, превращался в чудодейственное средство ликвидации, послушное одному касанию пальца. Притом касанию, сделанному с безопасного расстояния. Белинда, устроив импровизированную гончарную мастерскую, замаскировала заряд под обычный булыжник и сунула его в выбоину на дороге. По улице катила машина за машиной, дорогу переходили пешеходы, а бомба полеживала себе да полеживала, пока к ней не приблизился вполне определенный грузовик. Белинде, ворковавшей с Эрихом в кафе неподалеку, только и оставалось, что нажать на кнопку, даже не доставая пульт из сумочки. На глазах у перепуганных свидетелей под грузовиком вдруг полыхнуло пламя и его с диким грохотом швырнуло вверх. Швырнуло без всяких видимых причин, ибо нигде ничего подозрительного не наблюдалось. Перевернувшись в воздухе, искореженный грузовик рухнул колесами к небу, придавив уже мертвые тела водителя и пассажира. От содержимого кузова осталась сплошная труха. Белинда, была в восторге. Эрих радовался куда меньше, поскольку взрывом зацепило пару случайных людей, но на войне как на войне. Во всяком случае, так уверяла девушка, тем же вечером утащившая соратника в очередную вылазку.

Да, гестапо долго не забудет ту посылочку. Белинда заботливо оформила ее надлежащим образом, после чего снарядила курьера доставить бомбу куда следует. Приняв подношение, нацисты горько пожалели, что не проявили должной бдительности. Корзинка с фруктами оказалась с сюрпризом. Впрочем, откуда они могли знать, что содержимое большого ананаса не соответствует задуманному природой? Орех не тикал и дымящийся фитиль из него не торчал. Корзинку доставили офицеру из следственного отдела, немало удивленному вниманием "от друзей", а Белинда, выждав положенное время, активировала взрыватель. Эрих понятия не имел, как она точно угадала подходящий момент, но рвануло знатно. Из выбитых окон плюнуло огнем, окрестности хорошенько тряхануло, а по всей улице закружили, подобно умирающим птицам, обгорелые листы бумаги. Отдел, где детонировала посылочка, разнесло вдребезги, а все находившиеся там сотрудники отправи-

лись на тот свет.

Белинда, и без того обворожительная, прямо-таки расцвела. Эрих, хоть и считавший, что она перегибает палку, был очарован ее неукротимой энергией, бившей ключом тем больше, чем отчаяннее девушка проворачивала диверсию за диверсией. Весь Берлин потрясло, когда под парадом нацистов, организованным с той еще помпой, обрушился мост! Сотни две коричневорубашечников отправились к дьяволу в лапы, прихватив с собой оркестр и машины сопровождения. Эрих прочел об этом вопиющем инциденте в газетах, прямо-таки пестревших кричащими заголовками и фотографиями с места происшествия. Акция была настолько громкой, что по сравнению с ней меркли и взрыв в гестапо, и расстрелы эсэсовцев. Правда, Эриху она запомнилась не шумихой в прессе, хотя последняя, безусловно, сыграла свою прямую роль. Молодой антифашист наконец-то четко констатировал влияние новых событий прошлого на изменение будущего. Констатировал осознанно и безошибочно. Мост, который позже восстановили, несколько отличался от оригинала и — более того — получил иное наименование, отражавшее память о "погибших сынах отечества". Эрих и прежде подозревал, что какие-то незначительные детали ускользают от его внимания — то фасад дома кажется странным и непривычным, то сквер вроде бы отличается, а это дерево вообще росло здесь или нет? Несколько раз он путал имена малознакомых людей, которых в действительности звали совсем иначе. Эрих списывал это на свою забывчивость, но вдруг он и впрямь помнил их прежними, какими они были до изменений в истории? Ведь какой-то машины, давеча проезжавшей перед офисом, прежде могло не существовать вовсе, как уже не существовало того грузовика, отправленного в непродолжительный полет огненноволосой Белиндой. Всех жителей Германии, не говоря уже об эмигрировавших, Эрих тем более не знал наперечет, чтобы делать точные выводы. Именно поэтому случай с мостом стал для него очень важным и примечательным. Углубившись в изучение вопроса, молодой человек вскоре пришел к простому и вполне логичному выводу: чем значительнее и громче событие в прошлом, тем заметнее оно сказывается в будущем. Эрих даже сумел отыскать следы того взрыва на вокзале, оставленные им в истории, но они не шли ни в какое сравнение с уничтоженным мостом, сменившим вид и название. И наверняка чьи-то судьбы.

Эрих никак не мог понять, к лучшему эти изменения или к худшему. Их масштаб был слишком мал, а статистических данных недостаточно, чтобы проводить сравнительный анализ силами одного человека, причем человека заведомо пристрастного. Его все

чаще подмывало рассказать обо всем Белинде, но Эрих каждый раз удерживался от столь рискованного шага. Неизвестно, как поведет себя Аномалия, если в ней пересекутся люди прошлого и будущего одновременно. Зная, что ей подвластно переписывать историю, рыжеволосая девушка, и без того не сидевшая сложа руки, способна натворить такого, что мало не покажется. И это она, а ведь Эрих и сам все чаще задумывался о том, чтобы внести в исторические реалии кардинальные коррективы. Прежде, когда он воображал, что имеет дело с параллельной вселенной или путешествует в некой симуляции, молодой антифашист не планировал ничего серьезного, занимаясь исключительно исследованиями. Теперь, окончательно и безоговорочно осознав суть Аномалии, связующей настоящее с прошлым, Эрих стал смотреть на вещи иначе. Палач, повинный в смерти множества людей, мог пасть от его руки, а нацистский идеолог, сеявший в сердца немцев зерна ненависти, никогда не произнести свои преступные речи. Белинда, упоминавшая пальцы и голову некоего фигурального дракона, по факту сама и колотила по этим пальцам, в то время как чудовищу ничего особенно не делалась. Но девушку трудно было винить. Не обладая фундаментальными знаниями Эриха о своей собственной эпохе, она действовала, как умела, находясь под впечатлением от подаренных ей чудес техники. Эрих же был просто обязан мыслить глобальнее, не только помогая антифашистам, но и направляя их должным образом. Белинда сама заявляла, что ячейка Хельмута не в состоянии воевать со всем ведомством Гиммлера в одиночестве. Так может, и не стоит воевать? Может, само ведомство надо оставить в покое, а уделить внимание его главе?..

Эрих, размышляя о перипетиях истории, порой задумывался так глубоко, что полностью уходил в себя. Это бывало в самых разных местах: в национальной библиотеке, у постели Евы и даже на рабочем месте. Соглядатаи, бдительно фиксировавшие каждый его шаг, приходили в недоумение. Шимке, получая фотографии господина Сторма, прямо-таки мечтал проникнуть в его мысли, чтобы узнать, о чем инженер-подрывник там размышляет. Уж не о каком-нибудь ли теракте, который он, Шимке, обязан предотвратить? И следователь даже не подозревал, насколько близок к истине. Эрих действительно прикидывал одну акцию серьезнее другой, и раз за разом его планы заходили все дальше и дальше. Чем дольше он находился в обществе Белинды, воздавая нацистам должное, тем больше понимал, насколько глобально может повлиять на развитие событий. На ВСЕ дальнейшее развитие событий! Раньше молодой антифашист не до конца отдавал себе отчет, какая уникальная ему подвернулась возможность. Ныне, вступив в

прямое противоборство уже не с неонацистами, а их идеологическими основателями, Эрих внезапно осознал, что в его руках очутилась сама история. Очутилась не безликой сводкой событий с пожелтевших печатных страниц, а живым ручьем, журчащим меж плескавшихся в нем пальцев. Соблазн, зародившийся в глубине души, быстро разгорался под влиянием очевидных логических умозаключений. Помнится, он сам как-то сказал Белинде, что предотвратить тот же аншлюс кучка заговорщиков не смогла бы никакими силами, не говоря уже обо всей машине нацистской Германии. Соратник из будущего был абсолютно прав — кучки и не требовалось. Чтобы нанести такой удар, способный изменить весь ход истории, достаточно всего одного человека, и этим человеком был Эрих Сторм.

На очередную встречу с Белиндой, произошедшую двенадцатого августа, молодой антифашист прибыл в большом волнении. Следствие начинало наступать ему на пятки, в то время как сам Эрих стал прямо-таки одержим идеей вмешательства в прошлое. На соглядатаев, преследовавших его повсюду, и старания людей Шимке он смотрел как-то сквозь пальцы. Их потуги превращались для Эриха в мышиную возню на фоне того, что зависело исключительно от его прозорливости и воли. Пока Шимке рыл землю носом, пытаясь уберечь Германию от жалких террористов, Эрих размышлял, как изменить саму Германию. Он не думал над тем, насколько целесообразно вмешиваться в сложившийся порядок вещей и вправе ли он вообще брать на себя такую миссию. УЖЕ не думал. Эриха теперь заботило лишь то, каким именно образом ему следует вмешаться. Молодой антифашист понял, что если Аномалия вдруг исчезнет из его жизни так же, как и появилась, он себе этого никогда не простит. Говорят, есть такие случаи, которые выпадают людям только раз. Вероятно, это был тот самый случай, причем со всей планеты отчего-то доставшийся именно ему. И его ни при каких обстоятельствах нельзя было упускать! Эрих, всей душой ненавидевший нацистов и как немец испытывающий чувство вины за деяния немцев Третьего рейха, внезапно обрел способность повлиять на кровавые преступления, оставившие глубокий и болезненный отпечаток в мировой истории. Так неужели он просто отмахнется от уникальнейшего шанса пресечь их на корню, предпочтя продолжить уличный мордобой с неонацистами — суть порождений чудовищ прошлого. Прошлого, которое он навсегда способен изменить. Зачем бороться с последствиями, терзаясь за деяния своих предков, когда их можно попросту не допустить? Следовало лишь скрупулезно рассчитать удар и нанести его с точностью скальпеля хирурга, чтобы пустить под от-

кос всю военно-идеологическую машину нацистов. Рассчитать так, чтобы преуспеть за один раз, поскольку неудача грозила сделать всю исключительную возможность неосуществимой. Эрих понимал, что если он допустит ошибку, второго случая может и не представиться, когда его арестуют, а то и вовсе застрелят. Явившись к Белинде, он убедился, насколько эти опасения небезосновательны.

В принципе, было нетрудно догадаться, что деяния антифашистов не останутся без внимания. Диверсии Белинды и Эриха поставили на уши все берлинское гестапо. Дерзких диверсантов ловили круглосуточно, а на их поимку были брошены крупные дополнительные силы. Рыжеволосая девушка с одной стороны испытывала гордость за то, что доставила гитлеровцам, объявившим ее врагом нации, столько бедствий. С другой, она пребывала не в самом радужном настроении. Антифашистов обложили со всех сторон. Контакты между ними стремительно обрывались. Ячейка Хельмута по-прежнему оставалась для врагов в недосягаемости, но было неизвестно, как долго она протянет. Один неверный шаг и... И это не говоря уже о том, что эффективные возможности Хельмута, Морица и Белинды начали напрямую зависеть от помощи Эриха. Зеленоглазая девушка так прямо и заявила. При виде молодого человека ее лицо озарилось радостью — какой-то глубокой, необычной, будто доселе затаенной и внезапно вырвавшейся наружу. Это казалось несколько странно, учитывая, что физиономия у Эриха, обуреваемого мыслями о прошлом и будущем, была, прямо скажем, так себе. Белинда пронзала его глазами, словно пытаясь проникнуть в самую душу, и при этом выглядела едва ли не счастливой. Польщенный Эрих приписал ее реакцию исключительно своим достоинствам, пусть и основанным не столько на личностных качествах, сколько на возможностях добывать оружие и взрывчатку. Впрочем, он имел право гордиться и боевой помощью антифашистам, и в первую очередь Белинде, чьим неизменным напарником он выступал всякий раз, как появлялся в Старом Берлине. Девушка его хвалила, и было видно, что она делает это искренне. Обняв вошедшего Эриха, она оттеснила Хельмута и лично провела соратника наверх — обсудить насущные дела.

А дела были так себе. Эрих, ощущая ежедневно растущую опасность в своем времени, пришел к выводу, что и в тридцать восьмом году положение обстояло не намного лучше. Конечно, если антифашисты залягут на дно и прекратят приводить нацистов в бешенство, гроза пройдет над их головами и развеется. Вот только Белинда не собиралась отступать, намереваясь бить врагов до конца. Хельмут разделял ее энтузиазм, хоть и не выражал его

столь же открыто и эмоционально. Мориц так вообще мало проявлял чувства на людях, но девушка заверила, что и он не забьется в нору как последний трус, а продолжит уничтожать нацистов с неизменной решимостью. Мориц, кстати, и уничтожал. Пока Белинда и Эрих осуществляли основную часть операций, долговязый антифашист обеспечивал им прикрытие, и в этом прикрытии он выкашивал врагов как сама смерть. После себя человек в черном неизменно оставлял одни лишь трупы, умудряясь убивать абсолютно бесшумно и незаметно. Рыжая бестия составляла ему прямой контраст, устраивая нацистам знатную резню. Очереди, выпускаемые в упор, порой заливали ее кровью, а она, даже не утираясь, осыпала врагов градом свинца и улыбалась так, будто наслаждалась каждой секундой схватки. Зеленые глаза сверкали неземным блеском, а волосы развевались волнами практически живого огня. Эриху все чаще чудилось, будто он бок обок воюет с какой-то валькирией, спустившейся с небес и безжалостно громящей простых смертных, оставаясь для них неуязвимой. Неуязвимым, кстати, оставался и сам Эрих, но он все же получал синяки и ссадины, обдираясь об острые углы да набивая шишки, а вот Белинда лезла прямиком в пекло и была целехонька. Молодой антифашист усматривал в этом волю самого провидения, отводившего от отчаянной парочки огонь и пули. Так разве можно им пренебречь, когда судьба хранит тебя для исторической миссии, а ты разменываешься по мелочам, регулярно подвергая себя опасности.

Выслушав Белинду, Эрих попросил ее быть осторожнее. Иначе, если так пойдет и дальше, в свой следующий визит он может узнать об ее аресте, а вытащить девушку из гестапо даже ему со всем его техническим арсеналом не под силу. Белинда обещала.

— Чтобы ты знал: без тебя я вообще ничего не предпринимаю — только планирую, — неожиданно сказала она, одаряя соратника ласковой улыбкой. — Поэтому у нас с тобой настолько насыщенный график, когда ты наконец-то появляешься.

— Если честно, очень рад такое слышать! — заявил Эрих. — Каждый раз, возвращаясь к себе, я открываю газеты и боюсь прочесть в них о твоем аресте.

— Вряд ли там об этом напишут, — усмехнулась девушка. — Гестапо предпочтет не афишировать ничего из связанного со мной. Создавать героический образ молодой антифашистки, нанесшей нацистам столь огромный ущерб, им совершенно ни к чему. В лучшем случае ты увидишь безликую новость и даже не поймешь, о ком шла речь.

Эрих думал точно так же, копаясь в национальной библиотеке после возвращения из Аномалии. Связь с Белиндой и другими анти-

фашистами он поддерживал только при личных встречах, и тут не помогали даже исторические хроники.
— Послушай, Эрих, ты не мог бы в следующий раз привезти побольше взрывчатки? — немного застенчиво спросила девушка. — Хельмут не оставил планов уничтожить тот объект, где занимаются евгеникой. То, что мы с тобой делаем, само по себе неплохо, но ты был абсолютно прав, когда говорил, что машину нацистов это не остановит. Мы наказываем за преступления конкретных людей, убираем функционеров, уничтожаем предателей, но на их место всякий раз заступает кто-то другой. Фамилия непосредственного исполнителя не имеет значения. Какая разница, как именно его зовут, если само дело живет и процветает.

Тут Белинда попадала в самую точку. Эрих как раз об этом и размышлял, когда начал догадываться, отчего их диверсии не приносят никаких ощутимых исторических изменений. Эсэсовцы просто сменяли друг друга, и общий процесс продолжал развиваться прежним путем. Конкретные исполнители не значили ровным счетом ничего.
— Эй, ты еще со мной? — озабоченно произнесла девушка, помахав перед глазами собеседника пальцами.
Эрих встрепенулся. Мысли, обуревавшие его по свою сторону Аномалии, вдруг накатили с новой силой, будто спровоцированные речами рыжеволосой соратницы. Он отнюдь не собирался игнорировать заданный ему вопрос, ибо тот был более чем актуален.
— Прости, Белинда, но у меня возникли кое-какие сложности, — ответил он, встретившись с девушкой глазами. — Я стараюсь, как могу, но я здорово рисковал, добывая для тебя сегодняшнюю партию. Если честно, я не знаю, как долго смогу доставать взрывчатку. Не подумай, что я струсил или расхотел тебе помогать. Просто все может обернуться для меня крайне непредсказуемым образом.
Эрих ничуть не кривил душой. Если люди Шимке распутают проектную документацию и докопаются до сути, лазейка со складом наверняка накроется. Более того, если такое произойдет, Эрих вообще может Белинду больше никогда не увидеть.
— Плохо, — потупилась девушка.
У Эриха даже сердце сжалось, когда на его глазах поблекла вся ее живость, угас искрометный задор. Не желая видеть Белинду такой поникшей, он тут же пустился в пылкие объяснения, пытаясь обрисовать ситуацию и одновременно не выдать себя с головой.
— Эрих, я тебя ни в чем не виню! — остановила его словоизлияния антифашистка. — Кому будет лучше, если тебя схватят при попытке достать для меня этот груз? Уж точно не мне! Я же понимаю, что взрывчатку ты не на базаре покупаешь, и тебе грозит

большая опасность. Как я это поняла? В противном случае ты бы уже пригнал целый грузовик, благо что у Хельмута нашими стараниями имеется достаточно золота. Оттого я и не напрашиваюсь с тобой, хотя меня постоянно подмывает это сделать, а я умею добиваться своего. Вероятно, у тебя есть основания держать свой источник в секрете, и мое появление может вызвать непредсказуемые осложнения.

И вновь Белинда была права. Правда, по неправильной причине, но конечные выводы Эриха очень даже устраивали. Он был еще не готов рискнуть и рассказать девушке про Аномалию. Последствия такого временного казуса непредсказуемы. Человек из будущего, знающий прошлое, все-таки не то же самое, что житель прошлого, точно осведомленный о будущем. Минувшее и грядущее, переплетясь столь сложным образом, вполне способны вызвать исторический коллапс, породив сразу несколько временных линий, существующих одновременно. Или что-то в этом роде. Белинда, добровольно не желавшая выведать все тайны Эриха, казалась последнему настоящим ангелом и самым понятливым существом во вселенной.

— Я сделаю все, что в моих силах! — твердо заявил Эрих, ободренный отношением девушки. — Просто теперь нам надо точно понимать: что, когда и зачем. Если уж и рисковать, то ради чего-то действительно стоящего, а не кучки золота или взорванного моста. И да простит меня Хельмут, но центр евгеники также не самая достойная цель.

Белинда не возражала. Она вся обратилась в слух, желая узнать, какие именно идеи соратник готов предложить ее вниманию.

— Я долго думал над твоими словами. О том, что я должен все решить для себя сам, — неторопливо отозвался Эрих. — По мере развития событий они стали приобретать для меня особый смысл. Ты была абсолютно права, хотя я сейчас и не могу тебе объяснить почему. Суть, однако, от этого не меняется. Я не просто готов оказать максимальную помощь — я точно знаю, какую именно; и что именно я готов сделать, чтобы раз и навсегда положить конец этому злу, нынешнему и грядущему.

Лицо Белинды озарилось настолько ярко и эмоционально, что Эрих, невольно удивившись, умолк. Откровенная радость, вполне сейчас естественная, смешивалась уже не с задором, а каким-то совсем другим выражением. Выражением золотоискателя, наконец-то обнаружившего сверкающую жилу, охотника увидевшего долгожданную дичь. Черты девушки отразили величайшее возбуждение. В ее взгляде, заблестевшем сильнее обычного, читался азарт. Не азарт игрока в казино, намеренного спустить последние

средства либо выиграть состояние — азарт хищника, готового броситься на добычу. Нечто подобное Эрих уже наблюдал, когда Белинда, залитая кровью, крушила врагов направо и налево, но там это было более-менее понятно. Однако сейчас-то с чего? Он даже толком еще ничего не сказал, а девушка реагирует столь примечательно, словно в ее жизни происходит самое важное событие. Впрочем, тому быстро нашлось объяснение.

— Ты ведешь себя так, будто знаешь, что я сейчас скажу, — заметил с легкой улыбкой Эрих.

— Извини, меня переполнили эмоции, — неожиданно потупилась Белинда, пряча глаза, а это бывало с ней крайне редко. — Просто я надеюсь услышать от тебя то, что ожидала.

Вспышка, озарившая ее лицо, угасла. Оно приняло прежнее выражение, из-за чего стало казаться гораздо тусклее, чем обычно. Должно быть, реплика соратника смутила девушку, и она устыдилась проявлению своего, как ему могло показаться, эгоизма.

— Будет просто здорово, если именно так и произойдет! — еще шире улыбнулся Эрих, наблюдая за собеседницей. — Давай, подними глаза и не смотри в стол, а то ты реагируешь как агент гестапо, едва не выдавший себя с головой.

Белинда вздрогнула. Посмотрев на Эриха, она ответила ему улыбкой. Слегка растерянной, словно девушка и впрямь сейчас оказалась в шаге от провала.

— Шуточки у тебя! — фыркнула она, встряхивая рыжими волосами, что каждый раз вызывало волну удивительного огня. — Просто я уверена: ты скажешь мне нечто очень важное для нашего общего дела, потому и обрадовалась раньше времени.

— Так и есть, — кивнул Эрих, довольный тем, что угадал причину столь бурного всплеска ее эмоций. — Отныне я не собираюсь бить дракона по пальцам, ибо это лишь еще больше его злит. Того дракона, которого ты как-то образно упомянула и была, признаться, чертовски права. Я намерен нанести удар ему прямо в голову. Смертельный удар, от которого он уже никогда не оправится.

Приняв окончательное решение, антифашист из будущего изложил свой замысел антифашистке из прошлого. Той, чью подлинную причину взрыва эмоций он не угадал даже приблизительно.

На словах замысел звучал куда проще, нежели оказывался на деле. Белинда, выслушав соратника, была вне себя от восторга, но живой ум девушки тут же внес в идею Эриха рациональные коррективы. Подготовку требовалось осуществить куда серьезнее, чем молодому антифашисту представлялось изначально. Так же, помимо прочего, удар по нацистской верхушке следовало расширить максимально возможным образом. Чем больше высшего руково-

дства гитлеровской Германии будет уничтожено одновременно, тем выше вероятность, что машина Третьего рейха немедленно рухнет и уже никогда не поднимется.

Эрих отнесся к замечаниям девушки самым внимательным образом. Вернувшись в родное время, он приступил к своей части подготовки, пока Белинда, надо полагать, давно осуществила свою. Увы, в газетах об этом не писали, поэтому Эриху приходилось действовать исходя из имевшихся с ней договоренностей. Отложив все прочие дела, которые, по правде говоря, он и так давно забросил, Эрих долгими часами копался в архивах национальной библиотеки, выясняя, в какой день и час будет находиться каждый из нацистских бонз. Шимке изгрыз себе все ногти до локтей, соображая, на кой ляд подозреваемый столь усердно копает подобного рода информацию. Она ведь не имеет никакого отношения к нынешним реалиям и тем более террористической деятельности. Неужели молодой инженер настолько одержим Третьим рейхом, что тратит дни напролет на изучение истории исключительно для личного удовольствия? Вот чокнутый антифашист! Применить-то эти знания на практике он никак не сможет, даже если увешается пластидом по самые уши! Следователю и в голову не приходило насколько сильно он заблуждается, поскольку Эрих как раз и собирался реализовать почерпнутую в библиотеке информацию самым непосредственным образом. Забыв про шпиков, он делал выписку за выпиской, стараясь свести весь план воедино. Получалось так себе. Цели, намеченные им с Белиндой, единовременно не сходились в одной географической точке даже наполовину. Там же, где это все-таки происходило, либо внушительная охрана, либо сама местность воздвигали перед диверсантами практически непреодолимые препятствия. Эрих, чертыхаясь, исчертил уйму блокнотов, стараясь разложить все по датам, и никак не мог выбрать подходящий вариант. Наилучшим из них выглядел Мюнхен, где тридцатого сентября будет подписано соглашение о разделении Чехословакии в виде передачи Судетской области под контроль Германии. Что отрадно — это произойдет до Хрустальной ночи, которую, помимо прочего, Эрих таким образом рассчитывал предотвратить. Сама по себе мюнхенская идея выглядела очень даже неплохо и по ряду факторов оказывалась предпочтительной, учитывая присутствие Муссолини. Только вот попробуй ко всем намеченным целям проберись! Четверо антифашистов, включая Эриха, чудес творить не умеют, и к месту исторической встречи попросту не пробьются. Возможно, следовало ограничиться более умеренной версией плана? Допустим, разработать тот же условный Мюнхен, но на подступах к главному объекту, чтобы накрыть

крупных нацистов Третьего рейха во главе с его идеологическим и фактическим лидером где-то по пути. Грызя карандаш, Эрих посылал в базу данных запрос за запросом, стараясь оперативно проверять все приходившие ему на ум мысли. К сожалению, это занимало уйму времени. Вы попробуйте на раз-два выяснить, где и когда изволила остановиться та или иная нацистская шишка, если речь не идет о знаковом событии, упомянутом в каждом учебнике истории. Обычные справочники, выражаясь фигурально, и понятия не имели, в какой день и час тот или иной бонза зашел в тот или иной дом, или где проехал его кортеж, следовавший от аэродрома.

Работа в архиве отнимала у Эриха все силы, а плодов, к сожалению, особо не приносила. Вероятно, ему придется огорчить Белинду и предложить сосредоточиться на варианте попроще, отрабатывая приоритетную цель, а уж с ней прихватить кого получится. Кстати о Белинде! У молодого человека возникала вполне естественная проблема, каким именно образом он сообщит девушке о своей необычайной осведомленности. Видимо, все-таки придется разыграть из себя шпиона, действующего в интересах врагов гитлеровских нацистов. Американского, к примеру, подтвердив уже как-то высказанное предположение соратницы. Советский тут точно не подходил — Эрих по-русски был ни бе, ни ме, да и вообще немедленно проколется практически на любом вопросе о тогдашней России. Со Штатами выходило несравнимо правдоподобнее, хотя разговорный английский "спецагента" также звучал отнюдь не идеально. К счастью, Белинда не пыталась заговорить с новым товарищем на этом языке, иначе, прояви она вдруг знания в лингвистике, Эрих погорел бы с потрохами. Решив придерживаться легенды про США, молодой человек, помимо прочего, освежил в памяти важные исторические вехи этой страны и просмотрел немало дополнительной информации. Еще не хватало проявить незнание кто там в тридцать восьмом году президент или начальник спецслужбы.

Шимке прямо-таки шипел как рассерженный кот, учитывая, что и дома подозреваемый проводил время за тем же необъяснимым занятием. Экран ноутбука господина Сторма то и дело просматривался камерами скрытого наблюдения, а уж его запросы в интернет уже взяли под колпак на уровне провайдера. Учитывая, что средства информационной защиты Эрих не использовал, все его действия внутри сети вскоре поступали в виде отчета следователю. Тот напрасно радовался беспечности подозреваемого, надеясь на какую-нибудь его ошибку — молодому человеку попросту нечего было скрывать. Оружие он покупал у Адама, а вся его "пре-

ступная деятельность" сводилась к уничтожению нацистов в прошлом, о чем Шимке, разумеется, не догадывался. К сожалению, одну ошибку Эрих все же допускал. Ему требовалось держать ухо востро как никогда, а он окончательно наплевал на потуги следователя и вообще полиции как на нечто несущественное. И совершенно напрасно. Шимке продолжал раскручивать его дело, тем паче, что оно превращалось в первостепенное. И вот по какой причине. Неонацисты, схваченные в больнице и у дома Эриха, так ни в чем и не признались, кроме того, что выложили непосредственно по насолившему им антифашисту и его подружке. Более того, следствие начинало заходить в тупик. Нестыковки в деле росли с каждым днем. Все проверки, экспертизы и прочие мероприятия упорно свидетельствовали в пользу невиновности арестованных. Да, кое-что им все же можно было инкриминировать, но никак не масштабный терроризм и вообще ничего из того, о чем сообщил в подробном досье аноним. Ожесточенное сопротивление, оказанное людьми в ангаре D-16, безоговорочно подтверждало причастность только их самих, но никак не сообщников, взятых под стражу у палат антифашистов. Кстати, касательно ангара также возникали вопросы. Оружие там было, и стрельба велась — против очевидных фактов не мог возражать даже законченный идиот. Вот только как оно туда попало? Пытаясь проследить его путь, следствие не приобретало новые доказательства, а теряло. Люди Отто Шварца отсеивались по мере того, как агенты носом землю рыли, выискивая кто из них, как и когда приложил руку к транспортировке. А получалось, что никто. Липовые документы вроде накладных — это одно, а показания свидетелей и посмертное алиби — совсем другое. Нити обрывались одна за другой. Ситуация стала поворачиваться таким образом, что если кто и был причастен к хищению с армейских складов и вооружению террористов, то сам Отто Шварц и какие-то до сих пор неизвестные следствию личности. Личности, которые заблаговременно попытались подставить своих сообщников, оформив на них соответствующие документы. Вот только Отто Шварц бесследно исчез, а его неведомые соучастники как в воду канули. В этой связи следствие все больше интересовала персона самого анонима, приславшего досье. Нет, насчет предупреждения об ангаре D-16 и злоумышленниках он не солгал — с этим никто не спорил, — однако не исключено, что аноним поведал только часть правды, а то и вовсе намеренно исказил некоторые факты с неизвестными намерениями. В свете этого начинал подниматься вопрос: а не он ли стоял за крупной взяткой золотом, обеспечившей алиби Эриху Сторму? Зачем? А чтобы заблаговременно пустить полицию и спецслужбы по ложному пути! Пока те

станут прорабатывать покойных террористов, принесенных в жертву ради конечной цели, живые нанесут настоящий удар. Удар, который готовят Отто Шварц и Эрих Сторм, разыгравшие всю эту комедию с взаимной неприязнью, драками, поджогами и даже убийствами. С учетом этой новой неожиданной версии Карлу Шимке выделяли все больше средств, чтобы он держал господина Сторма под непрерывным наблюдением и раскручивал подозреваемого в полной мере. Спецслужбы не забирали у следователя дело, пока не находя для этого достаточно оснований, но взяли его на контроль, чтобы вмешаться в любой момент, когда это потребуется. Шимке, понимая всю особенность сложившихся обстоятельств, стал вести двойную игру. С одной стороны, он рьяно занимался персоной Эриха. С другой — проворачивал это таким хитрым образом, чтобы у него не выхватили изо рта лакомый кусок как раз тогда, когда он сделает всю основную работу. Нет уж, Карл Шимке сам разберется, что здесь к чему, и сам доложит руководству. Тогда уж пусть агенты поступают так, как сочтут нужным — лавры-то по раскрытию достанутся кому? Правильно — Карлу Шимке. В итоге сложилась довольно специфическая ситуация. Следователь подбирался все ближе к Эриху, и он же одновременно уберегал его от немедленного запуска нещадной машины спецслужб.

В пятницу, готовясь к очередному путешествию через Аномалию, Эрих зашел по служебному вопросу к герру Марсдорфу и был принят довольно холодно. Было нетрудно догадаться, что причина тому крылась в сути недавнего разговора, состоявшегося тет-атет. Вот только с тех пор положение заметно ухудшилось, о чем герр Марсдорф молодому инженеру уже не говорил. Очередная бумага, подписанная очень серьезной государственной инстанцией, затребовала куда большую часть информации, нежели прежде. Уже не запросила, а именно затребовала. На сей раз к герру Марсдорфу никто не приходил и его ни о чем не извещали. Он бы вообще не узнал о происходящем, если бы не старый товарищ из числа руководителей фирмы. Тот, на чье покровительство герр Марсдорф всегда рассчитывал. В приватном письме этот товарищ обо всем сообщил и заодно поинтересовался, чего там творится у его давнего знакомца и не наломал ли он каких-нибудь дров? Фактически, повторялась ситуация между Эрихом и его шефом, только на сей раз в роли Эриха выступал сам герр Марсдорф, а в его собственной роли — уже собственный босс. Само собой, новости герру Марсдорфу очень не понравились, что немедленно отразилось на реакции к подчиненному. Поскольку господина Сторма пока ни в чем не обвиняли даже на словах, шеф не решился от-

крыто откреститься от него и вообще дистанцироваться от происходящего. Вдруг за молодым инженером нет никакой вины? С другой стороны, если тот и впрямь преступил закон, тут как бы не притянули самого герра Марсдорфа за возможное соучастие или, как минимум, недальновидность. Последнее грозило лишением поста, вне зависимости от общего хода дела. Следовало найти какое-то решение, и, поразмыслив, герр Марсдорф придумал его исключительно в своем духе. Он предложил Эриху уйти в отпуск до тех пор, пока все не утрясется. Последний тут же сообразил, откуда ветер дует. Если господин Сторм окажется чист, шеф с удовольствием встречает его обратно с распростертыми объятиями, прикидываясь сущим благодетелем. Если же сотрудник совершил некое преступление, герр Марсдорф сразу поспешит заявить, что заведомо устранил его с работы, чтобы тот не подчистил следы и не уничтожил какие-либо документы. Сохраняя сдержанный вид, Эрих обещал подумать. Герр Марсдорф помрачнел, явно рассчитывая на немедленное согласие, и стал еще более холоден. Приказывать, однако, не осмелился, ибо это противоречило его вышеуказанной политике осторожности. Отпустив инженера восвояси, он сорвал злость на секретарше и отправился домой раньше времени, собираясь отвлечься от забот в любимой пивной. Что же касалось Эриха, то он досидел до положенного часа, а затем отправился по обычной схеме — сначала в больницу к Еве, а затем в Аномалию.

К тому времени, как Эрих прибыл в кирху, ту уже опутывала сеть мастерски замаскированной аппаратуры. Осмотревшись по сторонам, он отпер дверь своим ключом и прошел внутрь, не заметив пристально следивших за ним наблюдателей. Появление подозреваемого у кирхи в предполагаемый день и час воодушевило Шимке дальше некуда. Потирая руки, он внимательно следил за экранами видеонаблюдения. Вот господин Сторм прошел через малую дверь, вот он уже в притворе, а вот... Очередного "вот" не последовало. Вместо этого Шимке нецензурно выругался, не слишком стесняясь подчиненных. На всех дисплеях одновременно внезапно возник так называемый белый шум. Сигнал из кирхи прервался. Более того, как тут же выяснилось, прервался он и от всех других устройств, начиная от сенсоров движения и заканчивая датчиками тепла. Шимке, багровея, потребовал от специалистов немедленно разобраться в происходящем. Те только руками развели. Линии связи оставались подключенными, индикация аппаратуры показывала полную ее исправность, а результат наблюдения при этом напрочь отсутствовал.

— Проклятье! — прорычал следователь. — Этот негодяй использует

глушилку!
— Исключено! — мотнул головой один из специалистов.
Шимке потребовал объяснений, и их ему тотчас предоставили. Глушилка, способная разом вывести из строя все оборудование по всему старинному зданию, была просто обязана обладать определенной мощностью, а тогда ее излучение засекла бы аппаратура слежения, расположенная в фургончике наблюдателей. Этот фургончик припарковался неподалеку, находясь через пару домов от кирхи, и его пассажиры бдительно следили за окружающим пространством во всех доступных волновых диапазонах. Ничего необычного там не наблюдалось.
— Тогда каким же дьяволом ему удалось вырубить ваши дурацкие железяки?! — окончательно разгневался следователь.
Ответа он не получил, ибо специалисты и сами были немало озадачены происходящим. Все попытки достучаться до техники оборачивались ничем. Та упорно не подавала никаких сигналов, при этом нахально докладывая о своей исправности. Шимке был вне себя. Он возлагал на визит господина Сторма большие надежды, и на то у него имелась веская причина. Обыск кирхи даже с использованием георадаров ничего не дал. Оперативникам удалось обнаружить в подвале одну секретную комнату, расположенную в конце коридора. Она оказалась небольшой, а ее содержимое носило исключительно церковный характер, разве что со спецификой не то экзорцизма, не то какого-то культа внутри лютеранского религиозного течения. Этой комнатой, никуда не ведущей, заканчивался подвальный коридор, а на ней заканчивались и открытия оперативников. В итоге становилось абсолютно неясно, куда, собственно, девался господин Сторм, и Шимке рассчитывал это прояснить с помощью установленного оборудования.

Внезапно камеры видеонаблюдения заработали. Прекратив перебранку с подчиненными, следователь немедленно приник к экранам, выискивая, где там подозреваемый. А его и не было. Судя по показаниям датчиков, он как в воду канул. Вся электроника хором уверяла, что в данный момент в кирхе не находится ни единой живой души. Протерев глаза, Шимке переводил взгляд с одного дисплея на другой, а потом в сердцах велел нескольким оперативникам немедленно отправляться в кирху. Это было не слишком разумно, учитывая немалую вероятность выдать себя объекту слежения, но в данный момент Шимке был слишком раздражен, чтобы отнестись к инциденту менее импульсивно. В случае нежелательной встречи прикрытие для посланных людей было проще некуда. Мол, поступил звонок, будто в кирху проник злоумышленник, и полиция заглянула проверить, соответствует ли это дейст-

вительности. Пользуясь тепловизорами и приборами ночного видения, оперативники зашли на объект и приступили к поискам. Шимке внимательно слушал их переговоры, наблюдая на экранах за всеми перемещениями своих людей. Те приложили максимум усилий, чтобы обнаружить признаки жизни, однако это ни к чему не привело. Спустя час наблюдатели к своей полнейшей растерянности были вынуждены констатировать, что подозреваемый вошел в кирху и бесследно исчез.

Эрих плохо понимал, чем он занимался вместе с соратниками целых два дня. На сей раз он разъезжал по Берлину в компании не только Белинды, но и Хельмута. Антифашисты заходили то в один дом, то в другой, причем не только в разных районах столицы, но и ближайших пригородах. Эриху лишь объяснили, что это связано с подготовкой к генеральной операции. Нужно было задействовать оставшиеся контакты, провести рекогносцировку, дернуть за нужные ниточки и прочее в том же духе. Кому-то следовало напомнить о долге и обещаниях, где надо — посулить взятку, а иной раз даже припугнуть. При этом никто из тех людей, которых посещали Хельмут и Белинда, не догадывался даже о конечной цели конкретной просьбы, не то что обо всей картине в целом. Суть приводимой в движение системы знали только четверо антифашистов, а остальным надлежало заниматься исключительно своим узким вопросом. Впрочем, из этих четверых Эрих слабо ориентировался в происходящем. Белинда и Хельмут поясняли ему, зачем совершают тот или иной рейс, но обычно в общих чертах. Здесь, мол, живет человек, который поможет с нужными документами, а сюда надо заглянуть, чтобы обеспечить выход к необходимым линиям связи. Тот гражданин владеет информацией о патрулях Берлина, а этот имеет доступ к подземным коммуникациям.

— Не слишком ли много человек вы пытаетесь использовать одновременно? Рискованно. Сейчас на нас объявили охоту — как бы чего не вышло, — выражал сомнение Эрих.

Соратники соглашались, но уверяли, что у них все под контролем. Ради Одной, Последней, Решающей операции они готовы рискнуть, соблюдая при этом максимальную осторожность. Если кто-то из этих людей скомпрометирован — с ним тут же прервут всякое общение. Отказавшимся помогать найдут альтернативу. Откровенно опасных Мориц и вовсе уберет, чтобы не ставить под угрозу чрезвычайно важный план.

— А я-то вам зачем? — пожимал плечами Эрих. — Я же по большей части сижу в машине, дожидаясь вас, либо сопровождаю до подъезда, но не дальше. Вы бы и без меня справились.

— Ты даже не представляешь, насколько для нас важен! — с жа-

ром дышала ему в ухо Белинда. — Идея — твоя, ресурсы — твои, а помощь от тебя гораздо важнее, чем ты сам себе представляешь! Пока мы с Хельмутом обрабатываем нужных личностей, ты просто необходим нам поблизости!

Эрих, поправляя оружие в кобурах на левом и правом боку, польщено улыбался. Похоже, соратники верили ему безгранично, раз брали в прикрытие только его и никого другого. Либо он с Белиндой страховали Хельмута, либо на встречу уходила девушка, а ее патрон оставался с Эрихом. Что ж, разумно. В случае чего два человека с бесшумным автоматическим оружием положат столько нацистов, сколько их полезет на рожон, а заведенный автомобиль живо унесет антифашистов прочь. Молодой человек не обижался на соратников, не раскрывавших ему все карты, тем более что они, так или иначе, отвечали на задаваемые вопросы. Эрих понял, отчего Хельмут и Белинда были немногословны. Ну назовут они ему фамилию того или иного человека — а толку? Ему это что-то скажет или как-то повлияет на ход операции? Разумеется, нет. Когда девушка давала пояснения, эти фамилии в голове у Эриха обычно не задерживались, равно как порой и род занятий посещаемых граждан вызывал изумление. Он никак не мог сообразить, зачем для их замысла понадобился тот или иной человек, но Белинда уверяла — Хельмут знает, что и зачем делает. А если придется идти на крайние меры, то конкретно она предпочла бы не смущать совесть Эриха тягостными подробностями.

— Ради того, что мы с тобой задумали, лично я пойду на все! — заявила Белинда с подчеркнутой жесткостью.

При этих словах взгляд девушки был настолько выразительным, что молодой человек разгадал направленный ему посыл: меньше знаешь — лучше спишь. Похоже, соратница щадила его чувства и в случае чего не хотела, чтобы он потом нес груз вины за содеянное. Что ж, за это ей, пожалуй, и впрямь стоило сказать спасибо. Ведь щепетильность Эриха здорово страдала, когда во время их совместных диверсий гибли невинные люди. Как случайные жертвы, разумеется, а не целенаправленные объекты уничтожения. Увы, на войне как на войне, говаривала та же Белинда, и молодой человек постепенно переставал остро воспринимать сопутствующий ущерб, но и совсем про него не забыл.

На удивление, на сей раз обошлось без эксцессов. Эрих даже ни в кого не выстрелил, хотя пару раз казалось, что без очередной схватки сейчас не обойдется. То патруль с проверкой документов некстати объявится, то какие-то подозрительные личности начнут проявлять слишком уж заметный интерес. Белинда показала себя с неожиданной стороны. Когда и сам Эрих уже тянулся за пазуху,

готовясь выхватить оружие, она удерживала его взмахом ладони и каждый раз ситуация разрешалась мирным путем. М-да, кто бы мог предположить такую дипломатичность у разошедшейся огненноволосой бестии!
— Думаешь, мне не хотелось разнести черепушку-другую? — усмехнулась девушка, угадав его мысли. — Очень хотелось! Но нельзя. У нас другая задача. Грохни я кого — и потом Хельмут устроил бы мне выволочку на пару сотен лет. Если не тысяч.
— Неужели он такой суровый?! — рассмеялся Эрих, поглядывая на хозяина дома.
Молодой антифашист уже собирался отбывать в Аномалию, и перед его уходом вся компания распивала графинчик вина, устроившись в знакомой комнате.
— Болтала бы ты поменьше, — проворчал Хельмут, наливая гостю чудодейственной красной жидкости.
Эрих с удовольствием осушил предложенный ему стаканчик. Он понятия не имел, где старший антифашист брал свое красное вино, но оно растекалось по телу прямо-таки волшебным теплом, а усталость снимало как рукой.
— Еще раз прошу прощения, что явился с пустыми руками — привозить с собой груз было бы для меня слишком опасно, — пояснил он, с одобрением наблюдая, как ему наливают вторую порцию.
— Вот и правильно! — наставительно заметил Хельмут. — Мы уже обо всем условились. В нужный день ты достанешь то, что необходимо, а до этого — никаких поставок! Не вздумай подвергать себя лишнему риску! Еще не хватало сорвать всю операцию из-за прихотей вот этой рыжей особы!
— Подумаешь! Уж и взорвать никого нельзя! — фыркнула Белинда, театрально отведя голову. — Хельмут, разумеется, прав! — тут же добавила она совсем другим тоном. — Эрих, не рискуй! Делай ровно то, о чем мы договорились, и ни одного лишнего шага! Кто-то тебя, безусловно, хранит от врагов, но не прибавляй ты ему работы!
— Намекаешь на моего ангела-хранителя? — усмехнулся молодой человек, потягивая второй стаканчик.
— Сейчас мы твои ангелы-хранители. А ты нам нужен как никогда, — хитро прищурилась девушка.
— Понял, никакой самодеятельности, — рассмеялся Эрих.

Напоследок обсудили предполагаемые сроки операции. Поскольку у антифашиста из будущего все еще не было на сей счет хоть какой-то ясности, он лишь вскользь упомянул конец сентября, ссылаясь на свои источники, но без конкретики. Конкретику

он обещал сообщить позднее, когда получит больше нужных сведений. Антифашисты из тридцать восьмого года заверили его, что будут ждать ровно столько, сколько потребуется, пока их верный товарищ не заявит о своей готовности, а пока продолжат подготовку. Эриха такой вариант устраивал. Про Мюнхен он им еще не говорил, а других идей пока не нащупал. Так пусть прорабатывают Берлин — всяко лишним не будет. Время пока терпит, а уж за недельку-другую что-нибудь точно подвернется. Вот только прощаясь с Хельмутом и Белиндой, Эрих не знал, что как раз времени-то у него практически не осталось.

Появление господина Сторма из кирхи обрадовало и разозлило Шимке одновременно. В ночь на понедельник вся тамошняя электроника вновь дала общий сбой, и включилась как раз тогда, когда подозреваемый очутился на пороге малого входа в здание. Специалисты отказывались что-либо понимать, не имея ни малейшего представления о причинах возмутительного поведения дорогой и высококлассной техники. Следователь составлял им компанию, но на свой лад. Поведение господина Сторма окончательно ставило его в тупик. Неведомым образом вырубая камеры, он вроде бы автоматически давал понять, что знает о ведущемся наблюдении. При этом как ни в чем не бывало появлялся на улице и преспокойно возвращался домой. Что это? Простая наглость или дерзкий расчет? Но зачем тогда господин Сторм продолжает лазать по пожарной лестнице и сбрасывать хвост, если позволяет себе открыто появляться в кирхе?! Бред какой-то! Выходит, он знает, что за ним следят, но не знает где именно? А кто и зачем тогда вопиюще нахально вырубает шпионящую аппаратуру?! Так, на всякий случай что ли? Да, такое, конечно, возможно, однако Шимке нутром чувствовал насколько здесь все не так просто, как кажется. Тут он был крайне недалек от истины, только даже представить себе не мог, в чем именно она заключалась. Иначе, пожалуй, сбежал бы на край света, лишь бы не встречаться с теми, с кем столкнулись Кольбе и Майер.

У Адама изменилось лицо, когда он выслушал очередное пожелание Эриха.

— Пластид? Ты серьезно?! — отвесил челюсть эксцентричный продавец, не веря своим ушам, по которым резанула ошеломительная заявка.

Уши же тех, кто прослушивал берлогу Адама, живо навострились, придя от слов подозреваемого в приятное возбуждение.

— Да. И много, — кивнул Эрих.

Тощий любитель травки вконец опешил. Шпики — наоборот, пришли в бурный восторг.

— Ты, часом, не спятил? — мрачно осведомился Адам.
Эрих отрицательно мотнул головой.
— Я такое не продаю. Ты меня знаешь. Как мне кажется, пластид не покупают для самозащиты и частных коллекций. Особенно МНОГО, — выразительно произнес продавец к вящему неудовольствию невидимых слушателей.
По инструкции, Адам был обязан соглашаться на все. Если же речь шла об особо крупной или опасной сделке, он должен был сознательно затянуть срок исполнения заказа, чтобы предварительно получить консультацию агентов спецслужбы.
— Три миллиона золотом! — не моргнув глазом, заявил Эрих.
Адам поперхнулся самокруткой. Незримые слушатели возликовали.
— Да откуда у тебя вообще столько золота?! — совершенно искренне воскликнул эксцентричный торговец.
Шпики, и без того взбудораженные дальше некуда, окончательно обратились в слух. Ответ их разочаровал. Господин Сторм заявил, что его интересует заказ, оплата поступит точно в срок, а источник финансирования, по его мнению, не суть важен, как лично ему не важно, где Адам достанет пластид.

Насчет оплаты Эрих ничуть не лгал. В тридцать восьмом году уже был разработан план экстренного финансирования. В случае необходимости Белинда и Хельмут позаимствуют у нацистов золото в одном из банков. Так себе, конечно, работенка, ибо они не грабители, но ради великой цели… Эрих был вынужден согласиться, прекрасно понимая, что без средств ему ничего не достать. Значительных средств! В конце концов, он же не положит эти миллионы себе в карман, чтобы жить с Евой припеваючи, а пустит на благое дело.

Адам, видимо, не разделял его точки зрения. Он понятия не имел, во что впутался один из его прежде самых безобидных клиентов, но вся эта история ему порядком осточертела. Сначала Эрих не иначе как свихнулся, потом легавые заставили работать на себя, а теперь еще и вот такие чудеса. Ну уж хватит! Пластиковую взрывчатку Адам не продаст потому, что не продаст. И не важно, какие суммы или угрозы будут пущены в ход, чтобы заставить его передумать. Если агенты его руками подсунут Эриху пластид да для пущей убедительности еще позволят что-нибудь взорвать, кровь окажется и на руках посредника. Так вот фигу вам!
— Нет, старина! Даже не мечтай! — жестко заявил Адам, вызвав великое неудовольствие невидимых слушателей. — Я не помогаю ни полицейским, ни террористам! Разбирайтесь друг с другом сами, а я лучше отправлюсь на нары, чем стану участвовать в этом

безумии! Я, конечно, курю травку, но не до такой же степени!
Эрих попробовал настаивать. В принципе, он ожидал получить отпор, но три миллиона золотом — большая сумма. Сумма, за которую он рассчитывал купить лояльность продавца. Адам был непреклонен. За все деньги мира он наотрез отказывался участвовать в затее гостя. Отказывался, даже если тот поклянется на всех священных книгах разом, что приобретает пластид ради утилизации оного во благо человечества.

Его непривычно обильные словоизлияния прервала телефонная трель. Свой мобильник Адам прятал в свинцовый чехол сродни тому, что сам продал Эриху. Звонил обычный телефон, проводной. Схватив трубку, эксцентричный продавец приложил было ее к уху, но не прослушал звонившего и нескольких секунд.
— Пошел к черту! — взревел он с несвойственной ему злостью. — Сами разбирайтесь! А я умываю руки! И плевать мне на все!
Закончив орать, Адам швырнул телефон с тумбочки и вырвал шнур из розетки.
— Видимо, ты сегодня не в настроении, — озадаченно заметил Эрих, не привыкший к столь бурному поведению торговца запретным товаром. — Может, я зайду в другой раз?
— Лучше вообще не приходи! — резко отозвался Адам.
Эта фраза, несмотря на избыток эмоций, далась ему с трудом. Он еще не растерял симпатии к Эриху Сторму и решил заявить такое для его же блага. Если легавые и прихватят старого знакомца, то уж всяко не в этом доме и не по вине Адама.

Эрих не стал увещевать. Продавец был явно на взводе, поэтому он попрощался и ушел, даже не зная, на какую жертву сейчас шел этот чудаковатый человек, решив больше не заманивать его в ловушку. Адам же остался ждать дорогих гостей со значками, вытащив из банки запас своей лучшей травки. Он накурился до полнейшего одурения и, в конце концов, вырубился, а проснулся уже наутро. К нему так никто и не пришел. Немедленный арест торговца оружием мог внушить господину Сторму определенные подозрения. Кроме того, связи Адама были не такими уж незначительными, чтобы спецслужбы и впрямь выполнили свою угрозу. Все-таки подозреваемого удалось отследить при помощи жучка в детонаторах, так что пусть этот наркоман и дальше сходит с ума в своей захламленной берлоге.

Настроение у Эриха здорово испортилось. Он очень рассчитывал на пластид, а после отказа Адама поди вот так запросто найди где его купить. Говорят в теневом интернете можно приобрести что угодно, только пока Эрих найдет продавца, выйдет на контакт и договорится о сделке — сколько воды утечет. Кроме то-

го, этим способом он скорее купит себе огроменный срок, нежели пару ящиков нужной ему взрывчатки. Размышляя, как ему следует поступить, молодой антифашист продолжил вести привычный ритм жизни, то есть ходить на работу, ездить к Еве и часами просиживать в национальной библиотеке.

Размышлял, как следует поступить, и Шимке. Одновременное упоминание пластида и золота окончательно сводило для него концы с концами. Вот вы и попались, господин Сторм! Сумма в три миллиона, озвученная вашим голосом, да еще при множестве свидетелей — от этого уже не отвертишься! Какая досада, что этот чокнутый Адам отказался продавать взрывчатку! Впрочем, может оно и к лучшему. Еще не хватало, чтобы господин Сторм исчез вместе с ней прямо под носом у наблюдения, как он уже неоднократно делал. Тогда, в случае хотя бы одного взрыва, Шимке получит по шее так, что без всякой детонации долетит от Берлина до Парижа. Эх, прямо голова идет кругом! Услышать такие слова из уст самого господина Сторма — это вам уже не беспочвенные подозрения, это практически признание в тяжком преступлении. Осталось лишь установить, насколько именно тяжком, и в какую конкретно форму оно выливается. А заодно выявить круг сообщников, включая Отто Шварца, местонахождение которого этому молодому подрывнику наверняка известно. Стало быть, не стоит снабжать господина Сторма пластидом, ибо как бы чего не вышло. Давайте сперва узнаем, где он пропадает на выходных, а там уж и видно будет. Главное, чтобы эти чертовы агенты, устроившие перепалку прямо в следственном управлении, не испортили всю проделанную работу. Ведь заявление про золото и пластид их тоже задело за живое, и теперь — ишь, устроили дискуссию!

* * *

В пятницу все шло как обычно, исключая ставшего совсем неприветливым герра Марсдорфа и притормаживающего компьютера. И первое и последнее имело одни и те же корни — продолжавшееся расследование. Герру Марсдорфу окончательно разонравилось и вмешательство в дела фирмы со стороны правоохранителей и поведение сотрудника, не желавшего идти на компромисс. Впрочем, Эрих и впрямь подумывал, не взять ли ему отпуск, чтобы целиком посвятить себя важной и благородной цели, поэтому не отказывался от предложения, а только тянул время. Отпуск стал выглядеть не такой уж плохой идеей, когда выяснилось, что на компьютере старшего инженера-взрывотехника установлена шпионящая программа. Вызвав специалиста по компьютерам,

Эрих пожаловался на странные подвисания, которых прежде не было. Специалист, покопавшись в системе, долго изучал журналы программ, затем что-то добавил и удалил, перезагрузил компьютер и произвел какие-то изменения в настройках.
— Порядок, — заключил он, собираясь уходить.
— А что было-то? — задал вполне резонный вопрос Эрих.
Специалист, поколебавшись, объяснил. Почти каждый компьютер фирмы подключен в общую сеть, организованную соответствующим образом. Находясь в едином информационном пространстве, такие компьютеры без труда получают доступ к различным службам, а все настройки и в том числе обслуживание администраторы осуществляют удаленно. Например, антивирусные проверки, контроль запуска программ, защиту целостности системы, обновления и всякое такое. Иными словами, у ограниченного круга лиц есть доступ извне почти на любую машину, но по строго заданным правилам. Обычно компьютерные специалисты не вмешиваются в дела сотрудников и не следят за ними. К сожалению, кто-то воспользовался имеющимися привилегиями и установил в систему господина Сторма шпионящую программу. Она отправляла все содержимое экрана на удаленный сервер, включая отслеживание нажатий клавиш и перемещение курсора мыши. Средства защиты пропускали такую деятельность, поскольку этот некто задал им соответствующие исключения. Именно работа означенной программы, излишне усердствовавшей в слежке за пользователем, и вызывала притормаживания в самых обычных операциях. Теперь эта программа удалена, а специалист, обнаруживший ее присутствие, по своей линии разберется, кто вообще воспользовался доступом и грубо нарушил профессиональную этику.
— Так это может повториться? — обеспокоенно спросил Эрих, догадываясь, где собака зарыта.
— В данный момент — нет, — мотнул головой специалист. — Когда такое происходит — я обязан реагировать. Сейчас я ограничил внешний доступ к вашей машине, пока не выясню в чем дело. Больше никто ничего сюда не установит. Во всяком случае, пока. Однако имейте в виду — на уровне мониторинга ваших действий в корпоративной сети система все еще работает. Так что по сайтам для взрослых я бы вам отсюда лазать не рекомендовал.
— Спасибо! — заявил Эрих с таким чувством, что компьютерщик даже удивился.
Еще больше он удивился, когда старший взрывотехник достал из шкафчика бутылку дорогого виски и вручил ему в качестве благодарности. Не став отказываться от подношения, айтишник расплылся в улыбке и ушел, пообещав выяснить, кто из его коллег

приложил руку к установке подозрительного софта.

Оставшись один, Эрих понял, что и на работе он больше не в безопасности, хотя бы относительной. Теперь его рабочий компьютер был скомпрометирован. Домашний же не так давно уже успел утратить всякое доверие. Карл Шимке времени даром не терял. После недавнего исчезновения подозреваемого в кирхе он направил к нему домой людей и те что-то сделали с ноутбуком Эриха. Последний узнал об этом по записям с камер скрытого наблюдения, все еще остававшимся для следователя в недосягаемости. Записи он просматривал с телефона, чью сим-карту заблаговременно позаимствовал у одного из знакомых.

— Кажется, тучи сгущаются, — озабоченно пробормотал молодой инженер, глядя на экран компьютера, который теперь воспринимался им как минное поле.

Подумав, он выключил систему, записался в служебную командировку, а сам отправился в больницу, решив, что на сегодня с него работы хватит.

К сожалению, там тоже все шло как обычно, только никаких исключений не было. Ева выглядела абсолютно здоровой и за ее жизнь врачи давно уже не опасались. Между тем она оставалась в беспамятстве, хотя волны, излучаемые ее головным мозгом, вызывали недоумение. Никак не характерные для комы, они скорее соответствовали состоянию глубокого сна. Девушка будто спала и никак не могла проснуться. Даже ее глазные яблоки порой двигались под веками, а пальцы трепетали. Медики устроили целый консилиум, решая, ввести ей препараты, способствующие пробуждению, или нет. Следуя правилу "не навреди" у них никак не получалось договориться, а единолично никто не хотел брать на себя ответственность. Эрих терпеливо ждал пробуждения невесты, но его опять так и не последовало. Вздохнув, он несколько раз поцеловал Еву и ближе к полуночи удалился. Шпики за ним не последовали — они знали, куда направляется подозреваемый.

В час ночи Эрих переступил порог кирхи и сразу же спустился в подвал. Уверенной походкой он приблизился к железной двери, отпер ее и вошел внутрь. Нашарив ладонью выключатель, он зажег свет и уже собрался запереть за собой вход, как вдруг застыл на месте. Аномалии НЕ БЫЛО! Вытаращив глаза, Эрих уставился туда, где должен был колебаться воздух, за которым обыкновенно виднелась статуя с опущенными крыльями. Ничего подобного не происходило. Атмосфера в помещении выглядела вполне обыденно, а изваяние отсутствовало. Мгновенно похолодев, молодой человек сделал несколько неуверенных шагов вперед. Вытянув руку, он водил ей перед собой туда-сюда, будто нащупывал

некую незримую субстанцию. В конце концов, он добрался сначала до центра помещения, а затем прошел его до конца. Прошел так, как всегда проходил через Аномалию, чтобы оказаться на "другой стороне", но на этот раз всего лишь добрался до противоположной стены. Пальцы, коснувшись ее камней, обожгло неумолимой реальностью не хуже раскаленной лавы. Молодой человек отпрянул, будто его толкнули. На висках выступили бисеринки ледяного пота, и он же заструился по спине, намочив рубашку и стекая к пояснице. Эрих ощутил такой мощный удар по нервной системе, что его затрясло как в лихорадке. Что?! Как?! Не может быть! Неужели все?! ВСЕ! Чувствуя, как у него шумит в голове, молодой человек забегал по комнате, кружа и вдоль стен и у центра, словно это что-то могло изменить. Словно взгляд, обращенный из какой-то особенной точки, способен воплотить куда-то запропастившуюся Аномалию.

— Проклятье, только не это! Нет! Только не сейчас! — приговаривал дрожавший Эрих побледневшими губами.

Он вообще весь побледнел, начиная смахивать на ожившего мертвеца. Еще бы! Как раз тогда, когда он готовился к столь важному событию, способному перевернуть судьбы целого мира, канал в прошлое неожиданно прервался. В сотый раз покрутив головой, Эрих как ошпаренный выскочил из помещения и запер дверь на ключ. Потом вновь ее открыл и заглянул внутрь. Без изменений. Еще трижды он проделал эту операцию, прежде чем отступил назад, созерцая железную створу блуждающим взором. Силы оставляли до крайности взвинченное тело. Эрих ощутил такую слабость, что у него зазвенело в ушах, колени подогнулись, и он был вынужден прислониться спиной к стене, чтобы не упасть. Ну, вот и все! Закрыв глаза, Эрих пребывал в состоянии полнейшей подавленности, смешанной с абсолютной растерянностью. Он не просто не знал, что ему делать — в известном смысле он только что фактически лишился смысла жизни.

В чувство Эриха привел слабый скрип, раздавшийся откуда-то справа. Глянув затуманенным взором в конец коридора, молодой антифашист увидел какую-то фигуру. Она появилась в тупичке под аркой, где стоял большой шкаф с одеждой. Сейчас этот шкаф уехал в стену, а человек, объявившийся на его месте, неторопливо приблизился к Эриху.

— Неважно выглядите, господин Сторм, — заметил он каким-то полунасмешливым тоном. — Что-нибудь случилось?

Эрих, пребывавший в глубокой прострации, встрепенулся. Ох, неужели наконец-то объявился один из тех, кто имел самое прямое отношение к Аномалии? Кто он? Ученый? Пришелец? Гость из

иного мира? Эта мысль придала ему новых сил, достаточных, чтобы вернуться к реальности. К сожалению, она преподнесла совсем иной сюрприз, нежели можно было рассчитывать в данных обстоятельствах. Эрих, сфокусировав взгляд, узнал Карла Шимке.

Второе потрясение все-таки оказалось поменьше первого. На фоне исчезнувшей Аномалии несостоявшемуся диверсанту стало все равно, даже если его прямо сейчас потащат на расстрел. Придя в себя, он протянул руку и дотронулся до следователя, словно пытался убедиться, что ему не мерещится.

— Вы ожидали увидеть здесь кого-то другого? — елейно осведомился Шимке, правильно истолковав жест. — Возможно, Отто Шварца? Помнится, у вас с ним были довольно интересные отношения.

— Что вы здесь делаете? — наконец-то обрел дар речи Эрих.

— Я мог бы задать вам тот же вопрос, — заметил следователь. — Однако, так и быть, скажу. Я очень хотел с вами переговорить, да вот незадача — вы постоянно куда-то исчезаете. Сначала мне это казалось довольно забавным, но потом заставило призадуматься. Согласитесь — если человек входит в здание и не выходит, а в самом здании его при этом нет, сложно остаться безучастным к такому небезынтересному факту.

— Как вы меня нашли? Зачем вы вообще за мной следите? — продолжал вопрошать Эрих.

Он спрашивал скорее машинально, поскольку в принципе сейчас не знал, как ему поступить, да и вообще не был уверен, НАДО ЛИ как-то поступать.

— Как я вас нашел — не суть важно, — с холодком заметил Шимке. — Вот на второй вопрос я отвечу куда охотнее. Меня интересует, зачем вам взрывчатка, а также где вы берете золото, которым собрались за нее расплачиваться. Об этом золоте я уже наслышан. Миллионы с неба не падают, так что мой интерес, знаете ли, вполне оправдан. Итак, вам есть что мне сообщить?

— Вообще не понимаю о чем вы, — отозвался Эрих. Он уже физически не мог нервничать сильнее, поэтому его эмоции утонули в уже довлевших над телом симптомах. — Бред какой-то!

— Я ожидал это услышать, — усмехнулся Шимке. — Хотите узнать, почему я здесь и вообще сейчас с вами говорю?

— И почему же? — пожал плечами Эрих.

— Агенты спецслужбы, курирующие ваше дело, собираются прижать вас по полной программе. Они впаяют вам такой срок, что вы до старости не покинете тюремных стен, если вообще когда-нибудь их покинете, — неторопливо произнес следователь. — Скажу откровенно: мне на это глубоко наплевать, даже если они за-

стрелят вас при попытке к бегству. Однако эта компания собирается отнять у меня дело и присвоить себе все лавры! А ведь именно я вел его с самого начала! Я заподозрил именно вас, я раскрыл ваши махинации и вообще ВСЕ СДЕЛАЛ Я!

Здесь Шимке прервался, задохнувшись от возмущения. Эрих, невольно забыв про Аномалию, слушал его со все возрастающим вниманием. О чем вообще этот человек? Да, зарвавшийся антифашист успел немало натворить и действительно рисковал схлопотать длительное тюремное заключение, но при чем тут спецслужбы-то? Впрочем, если гипотетически сложить инкриминируемое ему убийство Отто Шварца, поджог, покупку оружия и хищение взрывчатки с химикатами со склада фирмы, то и впрямь выходила довольно неоднозначная картина…

— Говорю без обиняков — я пришел предложить вам сделку! — заявил, несколько успокоившись, Шимке. — Если вы сейчас во всем сознаетесь, расскажете о своих планах и выдадите сообщников, я оформлю вам явку с повинной и добьюсь минимально возможного наказания в рамках сотрудничества со следствием. Зачем мне это? Я успею раскрыть дело САМ, и сам вручу его своему руководству. Вы же взамен получите мои ходатайства в суде, поручительство моих коллег и все необходимые свидетельства от следственного управления. Это немало, уверяю вас, особенно в вашем положении. В противном случае я вам не завидую. Я с удовольствием понаблюдаю, как агенты упекут вас не хуже пирога в духовку и сожгут до черной корочки. А еще на вашем месте я бы подумал, какой позор падет на голову вашей невесты. Кажется, вы ее и впрямь любите, а она вполне честная и порядочная девушка. Как вы думаете, какую историю из всего этого раздует пресса?

При последних словах кровь бросилась Эриху в голову. Оторвавшись от стены, он качнулся в сторону Шимке. Тот живо отступил на шаг и выхватил пистолет, направив его на молодого человека.

— А ну без глупостей! — сердито заявил следователь. — Даю вам две минуты на размышление! Либо вы сейчас мне все рассказываете, и я выполняю свою часть сделки, либо вам не поздоровится!

— Что? Арестуете меня? Или вообще застрелите? — криво усмехнулся Эрих, которого сейчас если что и беспокоило, то лишь благополучие Евы.

— Ни то, ни другое! — неожиданно мотнул головой Шимке. — Я уйду и предоставлю вас своей судьбе. Мне нет смысла вас арестовывать. Какая разница, кто приведет вас в наручниках, если я потеряю дело? Зато в случае вашего дальнейшего запирательства и прочих проблем все это на меня же еще и свалят — мол, поспешил,

преждевременно сунулся к подозреваемому и все испортил. Агенты присвоят себе успех. Неудачу они с радостью спихнут на меня.
— Вы что, и впрямь пришли сюда одни?! — изумился Эрих.
— Именно так, — кивнул Шимке, считая излишним упоминать про шпионящую аппаратуру и своих людей снаружи. — Я спрятался вон в той потайной комнате, рассчитывая, что и вы там появитесь. Вы же, однако, проявили интерес к этому пустому помещению, исписанному латынью, и вышли оттуда немногим краше покойника. Кстати, если позволите, я бы хотел узнать, в чем тут дело и что вас привело в столь примечательное состояние. Когда вы оттуда вышли, на вас лица не было.
— Значит, вы не в курсе про Аномалию? — чисто рефлекторно осведомился молодой антифашист.
— Про что? — поднял брови Шимке. — Так называется ваша террористическая организация?
— Какая-какая организация? — в свою очередь открыл рот Эрих.
— А как еще именуется сообщество людей, которые добывают оружие и взрывчатку, чтобы взрывать дома и невинных людей? — едко произнес следователь.
В голове у молодого антифашиста моментально промелькнули события тридцать восьмого года. Он хотел было заявить, что ни о каком убийстве мирных граждан не шло и речи, как вдруг осознал всю принципиальную ошибочность этих аргументов. Минуточку! А откуда Шимке вообще знает про его похождения в прошлом?! Если он не в курсе про Аномалию, тогда о чем он, черт побери, толкует?! Какая, к дьяволу, террористическая организация?! Это Белинда-то с Хельмутом и Морицем террористы?! Ну, если только в глазах гитлеровских нацистов, но никак не людей двадцать первого века.
— Постойте-постойте! — вскинул ладонь Эрих, начиная понимать, что здесь какая-то нестыковка. — Вы сейчас о чем вообще говорите? Да, я не безгрешен, но я могу все объяснить, хотя вы мне вряд ли поверите. Только какой, к чертовой матери, терроризм?! Вы меня ни с кем не перепутали?
— Такой! — хмуро отозвался Шимке, отступая еще на шаг и оказываясь в центре коридора. — Или вам напомнить про Отто Шварца? Только не лгите мне, что не знаете где он!
О да, Эрих знал. Очень хорошо знал! Вот только его представление о местонахождении неонациста кардинально отличалось от видения следователя, о чем оба, разумеется, даже не догадывались. На сердце молодого человека потяжелело. Что ж, видимо, ему все-таки придется отвечать за содеянное и поди теперь доказывай свою невиновность, когда труп Отто растворен в кислоте.

— Так вы что, знали о нем с самого начала? — как-то вдруг спокойно спросил Эрих.
Исчезнувшая Аномалия лишила его грандиозных планов в тридцать восьмом году. Значит, оставалось смириться с действительностью и не бегать от очевидного. Раз ему больше не уйти в прошлое, возможно, стоит принять сделку, предложенную следователем, чтобы хоть как-то урегулировать настоящее.
— Ну не с самого, — улыбнулся Шимке, явно довольный переменой в поведении господина Сторма. — Но я довольно быстро заподозрил неладное. Ваше поведение, некоторые несоответствия и пробелы в истории, регулярные исчезновения из дома… В общем, если вы готовы признаться, нас ждет долгий разговор. Можете быть уверены — я выполню свою часть сделки. И раз уж вы только что подтвердили свою связь с Отто Шварцем, признавайтесь уж до конца. Где он находится?
Эрих фыркнул. Где-где? Да ищи его теперь по молекулам в коллекторе! И нигде и везде — иначе и не скажешь. Похоже, следователь все еще не в курсе, каким именно образом Эрих избавился от трупа. Его люди не успели установить связь между химическими субстанциями, взятыми со склада фирмы, и исчезновением Отто.
— Лучше скажите прямо сейчас, — заметил следователь, наблюдая странную реакцию молодого человека. — Скажите — и я немедленно отправлю людей, чтобы взять его под арест. Если агенты схватят Шварца раньше моих оперативников, он вполне может свалить все на вас, а тогда мне будет гораздо сложнее оказать вам обещанную помощь как во время следствия, так и на суде.
Эрих разинул рот, не веря своим ушам. Что?! Так Шимке считает, что Отто жив?! Тогда о чем он вообще болтал все это время?! В чем предлагал сознаться?! Проклятье, да что тут происходит?! Окончательно опешив, Эрих уставился на следователя так, будто видел его впервые. Тот, невольно пораженный эмоциями, отразившимися на лице господина Сторма, в свою очередь смотрел на него выжидающим взглядом. С уст обоих вот-вот должны были сорваться слова. Слова, способные начать конструктивный диалог и навести полную ясность в происходящем, разрешить всю сложившуюся ситуацию, разрубить пресловутый гордиев узел. Но этому не суждено было случиться.

В те далекие годы, когда строили кирху, об электричестве не было известно и в помине. Помимо дневного света, внушительное здание освещалось исключительно свечами, факелами, и иногда отблеском костров снаружи. Много позднее наступила эпоха газификации, но кирху она миновала. Трубы к ней не тянули и к газгольдеру не подключали. Лишь в двадцатом веке стены старинной

постройки наконец-то озарились новым типом огней. В кирхе засияли электрические лампы, аккуратно установленные так, чтобы не нарушать общую торжественность обстановки и сложившийся церковный уклад. Установили их и в подвале. Поскольку толстые каменные стены не располагали к скрытой прокладке коммуникаций, проводку тянули открытым способом. А именно — прикрепили ее к потолку, где и располагались лампы освещения. Толстый кабель подключался где-то наверху, уходя в распределительный щиток, а внизу тянулся по центру свода коридора, разветвляясь на каждую комнату. Именно этот кабель, внезапно оборвавшись, упал с потолка прямо на голову Шимке.

Зрелище ужаснуло Эриха до глубины души. Он никогда не видел как человек умирает от удара током и больше никогда не хотел бы это видеть. Следователь не упал замертво в одно мгновение. Его страшно трясло, будто через тело проходила не пара сотен вольт, а на порядок больше. Мышцы, сведенные судорогой, не давали Шимке упасть, а кабель, обвившись вокруг шеи, жег кожу аж до дыма, густо расползавшегося по плечам. Изо рта следователя выступила пена, глаза вылезли из орбит. Волосы встали дыбом, а все лицо исказила страшная гримаса. В дальней половине коридора, лишившегося электропитания, лампы погасли, но в той, что располагались ближе к лестнице, они странным образом продолжали гореть. И мерцать. Мерцать в такт ударам тока, сотрясавшим свою несчастную жертву. Вокруг, особенно на затененной стороне, разбегались голубоватые блики от вспышек электричества. Пространство наполнил насыщенный гул, перемежающийся характерным треском. В воздухе потянуло паленым мясом. Несколько секунд Эрих, будто разбитый параличом, смотрел на творившийся кошмар, не в силах двинуться с места. Затем, осознав происходящее, ринулся вперед, движимый чисто человеческим состраданием. Понимая всю опасность для себя, он рассчитывал ударом тела сбить Шимке с ног, избавив от убийственной хватки кабеля. Других-то средств у него под рукой не имелось, а каждая лишняя секунда грозила человеку смертью. Ожидая получить электрошок, Эрих столкнулся со следователем и рухнул с ним на пол. К удивлению молодого человека, ничего страшного не произошло. Его даже ни разу не тряхануло. То ли подача тока ненадолго прервалась как раз тогда, когда он коснулся Шимке, то ли замкнувшаяся цепь избегала более высокого сопротивления Эриха. Как бы там ни было, спасатель ничуть не пострадал. Увы, это не относилось к следователю. С первого же взгляда становилось ясно, что он мертв.

Эрих не был врачом, только не надо обладать великими по-

знаниями в медицине, чтобы констатировать очевидное. Дымящееся, обожженное тело с выкаченными, остекленевшими глазами если кто и мог вернуть к жизни, то уж точно не люди. Отползя назад, молодой человек плюхнулся на пол и прислонился к стене. Три шокирующих события подряд в очередной раз испытывали его психику на прочность. Если не четыре. И что теперь прикажете делать?! Стараясь не глядеть на труп, Эрих схватился за голову. Да кто ему поверит, что это не он убил следователя, с учетом всей истории! Уж всяко не полиция и не спецслужбы. Да и какой они могли сделать вывод из случившегося? Шимке явился переговорить один на один с подозреваемым; Шимке мертв, на подозреваемом ни царапины. Проклятье, да Эрих сам себе бы не поверил! Куда ж ему теперь деваться?! Оставить тело здесь и сбегать за полицией? Во всем сознаться и рассчитывать на снисхождение? Или куда-нибудь спрятать труп, прикидываясь, что и знать ничего не знает? Последнее, между прочим, выглядело не такой уж плохой идеей. Если следователь действительно пришел один и сказал правду, то, возможно, никто и не осведомлен об этой встрече. А раз так... Да, но только куда спрятать? Оторвав глаза от пола, Эрих обвел диким взглядом коридор, а затем посмотрел перед собой. Он сидел прямо напротив входа в комнату за железной дверью. После всех его бесплодных манипуляций та осталась открытой. Лампа внутри все еще горела, так и не погашенная Эрихом. В ее свете было отчетливо видно колебавшееся пространство и статую с опущенными крыльями.

Целую минуту молодой человек пребывал в неподвижности, будто боясь поверить собственным глазам, прикованным к изваянию. Затем вскочил, схватил тело Шимке за ноги и потащил внутрь комнаты. Лязгнула железная дверь, с тихим скрежетом повернулся внутренний запор. Вновь приподняв погибшего следователя, Эрих проволок его через Аномалию.

Избавиться от тела на "той стороне" было существенно проще. Запущенность кирхи говорила о том, что в ней давненько никто не бывал. Кроме того, даже если труп следователя обнаружат, кто свяжет его с господином Стормом, родившимся лишь полвека спустя? Вытащив следователя из комнаты за железной дверью, Эрих огляделся, соображая, куда его пристроить дальше. Бросать умершего просто так не хотелось. Шимке, несмотря на все доставленные неприятности, все-таки не собака. Чисто по-человечески с ним требовалось поступить цивилизованно, а не выкинуть абы как. Посмотрев по сторонам, Эрих стал прикидывать, куда спрятать бедолагу, павшего жертвой несчастного случая. Последний, кстати, наводил на размышления своим феноменальным совпаде-

нием. Что это вообще было? Какие-то жучки перегрызли кабель или он прохудился со временем? К примеру, прохудился там, где изначально имелся некий производственный дефект. Странно все это. Вероятность того, что произошло, оценивалась где-то в районе нуля. Не иначе как пресловутый ангел-хранитель постарался, хотя такая жестокая выходка больше подходила его полной противоположности.

В целом, ситуация действительно вызывала немало вопросов, однако сознание Эриха на них не зацикливалось, обуреваемое совсем другими вещами. Вытаскивать труп наверх, чтобы закопать его где-нибудь на улице, было слишком рискованно. Значит, как минимум до поры, его требовалось укрыть в кирхе, и лучше всего в подвале. Рядом находилось несколько комнат. Оставалось лишь выбрать наиболее подходящую. Покрутившись туда-сюда, Эрих облюбовал одну из них, где имелось небольшое пространство за рядом каких-то бочек. Вернувшись к телу, он потащил его к месту назначения и вдруг остановился, кое-что припомнив. Взгляд молодого человека обратился в конец коридора, где под аркой виднелся большой шкаф с одеждой. Ведь именно оттуда появился Шимке, упомянув про секретную комнату. Опа! А прежде ее существование оставалось неизвестным! Ну-ка… Оставив труп лежать на полпути, Эрих прошел к шкафу и принялся внимательно его разглядывать. Какая жалость, что он не спросил следователя как тот попал в тайник. Теперь требовалось обнаружить скрытый механизм самостоятельно. Хорошенько проверив тупик, Эрих открыл дверцы тяжелой старинной мебели и стал ощупывать внутри каждый дюйм. Спустя полчаса ему удалось наткнуться на заветную пластину.

Потайная комната выглядела не запущеннее кирхи. Здесь некоторое время никто не бывал, но вряд ли дольше, чем в других помещениях. Кто бы ни покинул кирху, он сделал это сразу отовсюду, включая отлично замаскированный закуток. Подтащив тело Шимке поближе, Эрих с любопытством стал изучать содержимое тайника. Ведь теперь ему торопиться было особо некуда.

Утварь, книги и прочие предметы, отыскавшиеся в секретной комнате, носили строго церковный характер, но это ничуть не удивляло. Иное впечатление оставляли иллюстрации в ряде книг да странным образом подобранная коллекция вещей. К примеру, рукоятку кинжала, не иначе как выполненного из серебра, украшала голова какого-то чудовища, а большие песочные часы на столе поддерживали два демона. Демоны образовывали подставку, а часы переворачивались в их вытянутых руках. Пара картин, висевших на стене, так же вызывала удивление некими изобра-

женными на них кошмарами, не то альтернативного видения Страшного суда, не то разлома самого времени. Глобус звездного неба — очень древний и наверняка невероятно раритетный экземпляр — дополняли странные символы, вроде как не имевшие отношения к астрономии. Нечто похожее на секстант если кому и предназначалось, то явно не мореплавателям. Компас, сыскавшийся в одном из ящиков, только на первый взгляд казался таковым. Куда он указывал на самом деле — оставалось только гадать. В целом, убранство потайной комнаты больше подходило тому, кто занимался астрономией, демонологией и хронологией одновременно, нежели почтенному служителю самой обычной кирхи. Странное, надо сказать, хобби. Впрочем, Эриху было все равно, за исключением причастности пастора Берга. Интересно, знал тот об этом закутке? Да наверняка знал! Тогда чем старик тут занимался? Ох, расспросить бы его, но увы... Что ж к вопросам об Аномалии прибавился и вопрос о закутке, причем их взаимная связь не исключалась.

Копаясь в ящиках стола, Эрих извлек небольшую коробку — нечто среднее между ларцом и простым ящиком. Замок на ней отсутствовал, поэтому он без труда осмотрел содержимое находки. Внутри содержалась всякая всячина религиозного характера: четки, распятия и тому подобное. Разложив их на столе, молодой человек с интересом разглядывал вещицы, потенциально имевшие историческую ценность. По ряду признаков им было много лет, и очутись на месте Эриха бесчестный человек, он бы наверняка присвоил их себе, чтобы потом выгодно продать. Эрих так не поступил. Он всего лишь изучал найденные предметы. Некоторые оказались именными. Буквы были либо выгравированы, либо даже отлиты, если речь шла о металле. К примеру, одно из серебряных распятий, дюйма три длиной, увенчивалось колечком, а на колечке в качестве крепления для шнура или цепочки использовалась маленькая пластина. На ее передней стороне значилась какая-то фраза на латыни. Обратная содержала имя владельца. Таких распятий, заботливо уложенных в собственные маленькие коробочки, обнаружилось несколько. После осмотра Эрих аккуратно возвращал их на место, даже и не думая присваивать. Исключение он сделал лишь для одного. Того, на котором значилось имя пастора Берга.

Вот и еще одна загадка. Каким образом в тридцать восьмом году распятие могло принадлежать тому, кто едва родился? Формально, конечно, могло, однако оно выглядело очень старым, что автоматически наводило на известные размышления. Однофамилец? Скорее всего, иначе дело приобретало совсем уж мистиче-

ский оборот. Впрочем, у Эриха хватало забот и без таких головоломок. Прихватив коробочку с означенным распятием, все остальное он вернул туда же, где и взял, после чего затащил тело Шимке в потайную комнату. Холстина, сыскавшаяся в подвале, надежно скрыла умершего в два слоя до будущего погребения. Эрих пока плохо отдавал себе отчет, как именно оно будет выглядеть. Возможно, придется попросить Белинду, чтобы та приехала на машине и помогла избавиться от тела. Понятливая девушка не задавала лишних вопросов, совершенно не укладываясь в стереотип о пресловутом женском любопытстве. Есть хорошие шансы, что так произойдет и на сей раз. В крайнем случае, придется наплести подходящую легенду об устранении вражеского агента. Как бы там ни было — это уже после, а пока, заперев бренное тело бедняги Шимке в секретном закутке, Эрих отправился на встречу с антифашистами. До активации Аномалии все равно оставалось часов десять, так зачем почем зря время терять?

Эриху никто не открыл. Обычно Хельмут или Белинда умудрялись распахнуть дверь буквально после нескольких стуков. Сегодня же в доме стояла полнейшая тишина. У молодого антифашиста екнуло сердце. Вновь и вновь он стучал и стучал, забыв про всякую осторожность. Ведь если его соратников и впрямь повязало гестапо, то ему лучше бы не барабанить почем зря, а отойти подальше и хорошенько обо всем поразмыслить. Вместо этого Эрих продолжал наседать на дверь, а также заглядывать в окна. Те были плотно закрыты пожелтевшими занавесками, и сквозь них ничего не просматривалось. Эрих, не слыша ничего, кроме своего сильно бьющегося сердца, растерялся. Как-то так получилось, что этот дом был единственным связующим звеном между ним и антифашистами Хельмута. Других контактов они ему до сих пор не оставили. Мало-помалу растерянность Эриха сменилась испугом. Испугом за новых друзей и особенно за рыжеволосую девушку. Белинда в лапах гестапо представлялась ему худшим ночным кошмаром, наравне с кошмаром про Еву. Силы небесные, что же теперь делать?! Не иначе как от безысходности Эрих то и дело начинал барабанить на разные лады, будто все еще надеялся пробудить Хельмута и компанию.

— Что вы здесь делаете? — послышался вдруг за спиной чей-то настороженный голос.

Эрих, обернувшись, увидел женщину лет пятидесяти, одетую в характерный наряд домохозяйки тридцатых годов. Стоя от молодого человека в пяти шагах, она как-то странно на него смотрела.

— Кажется, моего друга нет дома, — улыбнулся Эрих, стараясь выглядеть непринужденно.

— Вы нездешний? — вдруг осведомилась женщина.
— Э-э, да, — не стал отрицать антифашист. — А как вы узнали?
— Просто вы явно ошиблись адресом! В этом доме давно никто не живет, — пояснила женщина, окидывая собеседника с головы до ног изучающим взглядом.
Юноша, обладавший чисто арийской внешностью, внушал симпатию, поэтому она отнеслась к происходящему вполне житейски, не подозревая в незнакомце проходимца или злоумышленника.
— То есть, как? — изумился Эрих.
— А вот так, — пожала плечами женщина. — С тех пор, как произошла резня, желающих поселиться в этом доме так и не сыскалось. Оно и понятно — я бы тоже не стала тут жить.
— Какая резня? — вконец опешил молодой человек.
— Вот я и поняла, что вы нездешний, — усмехнулась женщина. — Моя квартира по соседству. Это случилось уже при мне. Хозяин спятил и зарубил все свое семейство. Говорят, крови было столько, сколько и на бойне не встретишь. Полиция его не арестовала — он перерезал себе глотку. Жуткая история. Вы какой адрес ищете? Может, я вам помогу?
У Эриха хватило ума назвать тот же номер, но на созвучной улице. Женщина окончательно просветлела, избавившись от последних подозрений.
— А, так это совсем в другом месте! — воскликнула она, улыбаясь. — Давайте я вам расскажу, как туда пройти.
Молодой человек изобразил самое любезное выражение, на которое был способен, и пару минут слушал пространные объяснения, даваемые больше руками, нежели языком этой коренастой особы. Затем поблагодарил за подсказку и двинулся в указанном направлении, делая вид, что уходит. На деле же Эрих лишь отошел подальше и остановился за несколько домов поодаль, соображая, как теперь поступить. Ситуация складывалась просто отвратительная. Мало ему было проблем в своем времени, так теперь еще и антифашисты как сквозь землю провалились. Только бы их не арестовали! Тогда всему конец! Да пес с ним, с концом — людей жалко! Особенно рыжую Белинду!

Погруженный в тревожные мысли, Эрих не сразу понял, что кто-то дергает его за рукав. Вернувшись к действительности, он повернул голову и увидел мальчишку лет двенадцати, настойчиво претендовавшего на внимание.
— Тебе чего? — удивленно спросил молодой человек.
— Вы Эрих Сторм? — заговорщицким шепотом осведомился мальчишка.
— Он самый, — кивнул антифашист, внезапно осененный, в чем

тут может быть дело. — А что?
— Покажите документы! — заявил вдруг мальчик. — Мне велено передать сообщение только штурмбаннфюреру Эриху Сторму в собственные руки!
Эрих, ощутив всплеск огромного волнения, показал то, что требовали. Его имя и фамилия в тридцать восьмом году были мало кому известны. Еще меньшее число людей знало его в роли офицера СС. Удостоверение последнего он с некоторых пор всегда таскал с собой, чтобы при случае отвадить нежелательных личностей, о чем прекрасно знали в ячейке Хельмута. Мальчишка, убедившись в подлинности адресата, сунул лже-эсэсовцу запечатанный конверт и убежал, прежде чем его о чем-либо спросили. Эрих живо вскрыл послание и пробежал его глазами. Это была записка от рыжеволосой девушки.

"Эрих, не волнуйся. Сегодня мы не можем прийти на встречу по не зависящим от нас обстоятельствам. С нами все в порядке. Возвращайся к себе, увидимся через неделю. Белинда.

P.S. Нет, нас не арестовало гестапо — ручонки у него коротки".

У Эриха как гора с плеч свалилась. Конечно, это могла быть уловка нацистов, но по языку постскриптума он понял, что автор этих строк намеренно добавил их в присущей ему манере как доказательство своей искренности. Сложив записку, молодой антифашист убрал ее в карман, после чего с чистой совестью отправился обратно в кирху. Проводить время праздно он не собирался. Теперь, когда все помыслы Эриха были обращены к исполнению главной задачи, остальными приходилось жертвовать, в том числе туристическими прогулками. Он больше не растрачивался по пустякам и, по уговору с Белиндой, не делал и шагу в сторону, чтобы почем зря не подвергать риску важнейший замысел.

Аномалия появилась как обычно. Эрих не без трепета ждал, когда колебания пространства возобновятся вновь спустя двенадцатичасовой цикл. На сей раз неприятного сюрприза не произошло. Вернувшись в свой год, молодой человек запер железную дверь и бросил взгляд в направлении потайной комнаты. Несколько секунд он колебался, размышляя, не заглянуть ли туда прямо сейчас. И решил не заглядывать. Хватит с него на сегодня приключений! Еще успеется проверить, не лежат ли там до сих пор бренные останки Шимке, и соответствует ли прошлое убранство нынешнему. Вообще над всем произошедшим требуется хорошенько поразмыслить, но — позже, после отдыха и в более спокойной обстановке. Вздохнув, Эрих развернулся и поднялся в притвор. Оттуда, не задерживаясь, он прошел к малому выходу, от-

крыл дверь и ступил на улицу. Там его тут же окружили какие-то люди.
— Эрих Сторм, вы арестованы по обвинению в терроризме и убийстве следователя Карла Шимке! — заявил чей-то суровый голос под звук защелкнувшихся наручников.

– 12 –

Больше всего Эрих ненавидел агентов не потому, что те его арестовали, а за то, что пока он находился взаперти, Ева приходила в себя. Узнай он об этом своевременно, молодой человек бросил бы все дела и быстрее ветра примчался в больницу. Увы, когда это стало возможно, девушка вновь находилась в глубоком сне, на сей раз медикаментозном. Эриху не рассказывали подробности об ее пробуждении — у него и без того хватало неприятностей, чтоб отягощать себя еще и этим. Девушке также не говорили о беде, постигшей ее жениха. Во-первых, разум бедняжки был вряд ли готов к очередному потрясению. Во-вторых, из сказанного она наверняка ничего бы не поняла. Отец Евы, дежуривший в ее палате, пробудился среди ночи от пронзительного крика. Бросившись к дочери, он увидел, что та сидит на постели и смотрит куда-то расширенными глазами. Смотрит и кричит. Отец, до смерти перепугавшись, вызвал врачей, а сам стал успокаивать Еву, полагая, что она все еще в беспамятстве. Тут-то и выяснилось, что нет. Обратив взор на отца, девушка вцепилась ему в руку и сбивчиво заговорила такое, что у пожилого мужчины волосы под кипой зашевелились.
— Демон! Это был демон! — восклицала бедняжка, дрожа всем телом. — Он напал на меня и душил! Я блуждала во мраке! Я хотела вернуться, но мне не давали! Они держали меня! Они угрожали! Мне было так страшно!
— Ева! Ева! Все хорошо! Сейчас ты в безопасности! — увещевал отец, негодуя на продолжительное отсутствие медиков.
— Ты не понимаешь! Он и СЕЙЧАС ЗДЕСЬ! — вскрикнула девушка, делая попытку соскочить с кровати.
Отец еле ее удержал, прижимая к груди. Дочери ненадолго полегчало. Содрогаясь всем телом, она обвила отца руками и некоторое время тихо всхлипывала, слушая успокаивающий голос. Отец убедился, что дочь в сознании, поскольку ее реакция на слова не оставляла никаких сомнений. Он успел немного рассказать о матери и об Эрихе — как те будут рады, когда увидят ее очнувшейся.
— Эрих! — резко отпрянула Ева. — Ему грозит опасность! Он не должен… не должен… не должен делать то, что делает!

— А что он делает? — невольно спросил отец.
— Я… Я не знаю! Просто не должен! Это все они! — снова разволновалась девушка.
Отцу вновь кое-как удалось ее успокоить, но тут вошли врачи. Увидев состояние пациентки, они собрались вколоть ей снотворное и успокоительное. Поняв их намерения, Ева как с ума сошла. Они принялась вырываться и кричать.
— Нет! Нельзя! — надрывалась она, сопротивляясь с невиданной силой. — Вы не понимаете! Вы вернете меня обратно! Они только того и ждут! Ждут, чтобы снова схватить меня!
Дальше она понесла какую-то полную околесицу. Из ее обрывочных фраз выходило так, будто в беспамятстве ее удерживали демоны. Ева вышла из темноты, но они не давали девушке пробудиться окончательно, водя по жутким лабиринтам. Демоны не собирались ее убивать, но и не позволяли вернуться к полноценной жизни. Ева была нужна им как заложница. Они нарочно удерживали ее в таком состоянии, чтобы держать на крючке ее жениха. Чтобы не давать им общаться. Они что-то задумали. Что-то очень плохое, что-то очень страшное! Погибнет много людей! Очень много! И демоны рядом. Они всегда рядом! Один из них, сливаясь с темнотой, не спускает с Евы глаз. Другой совращает души, суля разные блага, до смерти запугивая. Третий… он… она… оно… Ева сорвалась на крик, начав городить нечто совсем уж бессвязное. Что-то про кровавые жертвы и время, огонь и взрывы. Опешили даже врачи, привыкшие ко всяким психозам. Быстро посовещавшись, они ввели пациентке психотропные вещества, ибо бред и галлюцинации были налицо. Ева, истошно вопя, указывала куда-то на затененный угол палаты, где свет падал меньше всего. Там, разумеется, никого не было, но девушка уверяла, что демон слился с тенью, а видит она его потому, что уже видела раньше и научилась распознавать.

Успокоительное пришлось дать и отцу Евы, пережившему сильное потрясение. Он никогда не видел дочь такой безумной, и это безумие пугало именно тем, что глаза дочери выглядели совершенно нормально, если не считать сквозившего в них ужаса.
— Вероятно, это последствия пребывания в коме, — пояснил один из врачей, наблюдая за действием лекарств. — Не волнуйтесь, мы ее вылечим. Главное, что она наконец-то пришла в себя. С остальным мы уж всяко справимся.
— Мор… Морок… Морокаунхолловиц, — шептали губы засыпавшей Евы. — Хел… муазор… сфорт… Бе… Бе… Белинзиармгда… Эрих… Нет… Ты не должен… Не должен… Не…
Веки ее окончательно сомкнулись и лишь ресницы еще некоторое

время продолжали трепетать, пока дыхание не выровнялось. Задышав спокойно, девушка обмякла на постели и более не произносила ни звука. Она погрузилась в глубокий медикаментозный сон.
— Невероятно сложный бред, — покачал головой старший врач. — Даже удивительно. Причуды сознания, иначе и не скажешь. Однако такие симптомы все-таки не редкость. Полагаю, после надлежащего курса лечения ваша дочь о своих кошмарах и не вспомнит. Просто мы были не готовы к такому развитию событий. Пусть она пока поспит и отдохнет, а мы подготовим для нее профильного специалиста. Когда Ева снова очнется, мы сразу окажем ей надлежащую помощь.
Отец сдержанно поблагодарил доктора. Оставшись в палате вместе с медсестрой, присматривавшей за пациенткой, он набрал номер супруги и сообщил ей о пробуждении дочери без душераздирающих подробностей.

Не сообщил он их и Эриху, чтобы почем зря его не травмировать. Об аресте жениха Евы ее отец уже знал, однако ни на секунду не поверил, что тот был причастен к терроризму. Да, прежде пожилой иудей не слишком жаловал этого молодого человека, однако успел достаточно его изучить, чтобы составить собственное мнение. Следователи, вероятно, совсем спятили, если инкриминируют Эриху Сторму нечто подобное. Драки, о которых рассказывала дочь — это одно, а убийства и терроризм — совсем другое. Он верил своей Еве, а та достаточно разбиралась в людях, чтобы не связаться с подобным подонком. Дочь неизменно характеризовала своего избранника как хорошего, участливого человека, которому не безразличны судьбы других людей. Он скорее поможет ближнему, нежели нанесет ему какой-либо вред. Бывали, конечно, и исключения, но дальше определенной черты Эрих никогда не заходил. Отец Евы даже договорился со своим адвокатом, чтобы тот подобрал кандидатуру для защиты будущего зятя, но этого не потребовалось. Эриха вскоре отпустили, что послужило лучшим подтверждением ошибочности возведенных на него обвинений.

Адвокат, явившийся защищать господина Сторма, обладал внушительными связями, раз ему удалось вмешаться в такое серьезное дело. Обычно с подозреваемыми в терроризме разговор особый, но в данном случае следствие было вынуждено допустить его до подозреваемого. Вероятно, кто-то очень могущественный нажал на кнопки, раз этот пронырливый тип с портфелем, набитым всякими бумагами, сидел теперь подле своего клиента и бесстрастным юридическим тоном вставлял следствию палки в колеса. Слушая его, агенты мрачнели с каждой минутой, одновременно

размышляя, кем мог быть высокопоставленный покровитель, приславший сюда этого зловредного гада.
— Итак, вы инкриминируете моему клиенту убийство сотрудника следственного управления Эриха Шимке, в то время как его тело до сих пор не обнаружено, а уликами в причастности моего клиента вы также не располагаете? Я вас правильно понял? — говорил прилизанный адвокат, нарочито неторопливо перелистывая бумажки.
— Они оба вошли в одно здание. Господин Сторм вышел оттуда спустя двенадцать часов, господин Шимке исчез, — зло отозвался агент. — Что вам еще надо?
— Тело. Следы борьбы, капли крови. Разорванной одежды, вырванных волос. Словом, чего-нибудь более вещественного, нежели ваши домыслы, — невозмутимо отозвался адвокат, даже не поднимая взгляда.
— Тогда пусть объяснит, где он пропадал эти двенадцать часов! Мы обшарили всю кирху и ни черта ни нашли! Вероятно, там же, где он прятался, он спрятал и тело! — взъярился агент.
— Мой клиент утверждает, что испугался вашего появления и спрятался в одном из подвальных помещений. Если ваши люди не обнаружили его при обыске — значит, они так хорошо искали, — прежним тоном произнес адвокат. — Ему было страшно. Он сидел, пока не прошел ступор. Затем он вышел наружу, где вы его и арестовали. Никакого Карла Шимке он в подвале не видел. Вы можете доказать обратное?
— Нет, — процедил агент, посовещавшись с коллегами.
— Значит, с этим обвинением мы разобрались. Если вы продолжите держать моего клиента под стражей по этому поводу, я обращусь к судье, и в течение двадцати четырех часов для вас наступят последствия, — констатировал адвокат.
— У нас достаточно поводов для его задержания, — раздраженно прищурился агент.
— Кстати об этом. На каком основании было предъявлено обвинение в терроризме? — неизменным тоном осведомился адвокат, снова переложив какие-то бумажки.
У агента возникло труднопреодолимое желание хорошенько врезать этому очкастому поганцу, но он сдержался. Одна затрещина — и все это проклятое дело даже до суда не доживет. Стараясь держать себя в руках, агент коротко изложил все обстоятельства. Адвокат, наконец-то подняв взор, слушал его с мерзкой змеиной улыбкой, раскладывая перед собой лист за листом. Когда агент закончил, он взял один из них и не глядя ткнул пальцем в какую-то строчку.

— Что ж, давайте по порядку, — сказал адвокат, явно не впечатленный монологом силовика. — Начнем с приобретения оружия, якобы совершенным моим клиентом…

Эрих в процессе всего разговора молчал, наученный этим пронырливым типом, всю дорогу ведущим беседу от его имени. А тот явно был мастером своего дела. Оружие? Полиция его нашла? Нет. Некий Адам, который якобы продал его господину Сторму, дал признательные показания? Нет. У агентов есть свидетельства о том, что господин Сторм применял якобы приобретенное оружие при каких-то обстоятельствах? Нет. Тогда, простите, о чем вообще речь? С такими "доказательствами" агенты сами рискуют пойти под суд за неправомерный арест, превышение должностных полномочий и стряпанье липовых дел.

Агенты снова переглянулись, став мрачнее тучи, но адвокат только начал. Взрывчатка и детонаторы. Да, следствие располагает записью, где господин Сторм приобретает их для неких целей. Сами по себе такие детонаторы представляют опасность? Нет. Они были обнаружены в ходе обыска? Нет. Значит, в распоряжении следствия имеется только аудиозапись, которая для суда является довольно сомнительным доказательством в отсутствие других. Это же относится и к желанию господина Сторма купить пластиковую взрывчатку с намерением расплатиться за нее тремя миллионами золотом. За само желание, насколько известно адвокату, еще никого не сажали. Вот если бы господин Сторм действительно ее приобрел, получив товар и передав за него золото — состав преступления был бы налицо. Запись ЖЕЛАНИЯ на пленке — это пустышка. Тем более что пресловутого золота, кажется, также не нигде нашли. Стало быть, вся сделка вообще могла быть розыгрышем, которым господин Сторм хотел позабавиться над пресловутым Адамом. Кстати, увлекающимся наркотиками, что заведомо делает его так себе свидетелем. Да и вообще единственная связь господина Сторма с неким золотом — это жалкие унции, полученные якобы из его рук. Слова вышеупомянутого господина Адама против слов господина Сторма — нетрудно догадаться, кому больше поверит суд, тем паче, что господин Адам, кажется, не торопится давать письменные показания. Заявление же патрульного Майера — кстати заметить, ПОКОЙНОГО патрульного Майера — вообще не имеет под собой оснований. Некто неизвестный в квартире господина Сторма посулил ему и напарнику взятку по шесть миллионов золотом, доставив его на черной машине куда было указано… Это что, развлекательная история из какой-нибудь книги? Показания есть? Хотя бы запись признания? Нет? О чем тогда говорить! Золото, которое у нашли у господина Майера, могло

быть получено откуда угодно. Что же касается некоего Отто Шварца, то здесь господин Сторм и вовсе выступает пострадавшей стороной, а служители закона наносят ему душевную травму в столь непростой жизненный период.

Адвокат говорил довольно долго, но точно по существу. Эрих только диву давался, как этот прилизанный проныра разбивает в пух и прах все выдвинутые обвинения. Сами-то обвинения, конечно, никуда при этом не делись, однако доказательная база, мягко говоря, оставляла желать лучшего. В ином другом случае, возможно, обвиняемому все равно бы не поздоровилось, однако адвокат обладал очень серьезным весом, а его законные действия грозили агентам большими неприятностями.

— Не волнуйтесь, они выпустят вас в течение суток, либо же я потребую этого через суд! — заявил на прощание мастер юриспруденции, ободряюще похлопав Эриха по плечу. — Они, конечно, могут оспорить решение суда, но вряд ли осмелятся. У них против вас почти ничего нет, зато они отлично понимают, каковы будут последствия в случае их столь самонадеянного поступка.

— А все-таки, кто вас прислал? — задал Эрих тот же вопрос, с которого и началось их непродолжительное знакомство.

— Это не имеет значения, — улыбнулся адвокат. — У вас есть могущественный покровитель, и за это вам следует благодарить судьбу. Иначе эта компания в черных костюмах вполне могла бы упечь вас пожизненно.

— Как мне вести себя дальше? — волнуясь, уточнил Эрих.

— Очень хороший вопрос! — кивнул адвокат. — Слушайте меня внимательно.

Юрист не стал ходить вокруг да около. Неприятности для господина Сторма отнюдь не закончились. Если следствие добудет новые улики, и на сей раз подойдет к делу куда основательнее, все может обернуться довольно скверно. Господину Сторму необходимо держать язык за зубами, вести себя спокойно и непринужденно, соблюдая обыкновенный образ жизни, и не общаться с представителями закона без адвоката. Телефон последнего указан на визитной карточке. В случае повторного задержания или допроса господину Сторму надо сделать положенный ему звонок. От всех неофициальных разговоров он должен отказываться, требуя либо вызвать его на допрос в присутствии адвоката, либо оставить в покое. На все попытки давления он тут же должен составлять жалобу. Три такие жалобы — и агенты уже не сунутся к нему без абсолютно законной причины.

Дав еще несколько полезных наставлений, адвокат удалился, а Эрих остался коротать время в камере одиночного заключения.

Прилизанный проныра не солгал. Спустя несколько часов за Эрихом явились агенты и выкинули его на улицу в прямом и переносном смысле слова. Оттуда-то Эрих сразу помчался в больницу, где нашел Еву мирно спящей на своей кровати. С тех пор, как ей вкололи целый коктейль из лекарств, девушка снова не приходила в себя, окончательно поставив врачей в тупик.

На Эриха жалко было смотреть. События последних дней вновь и вновь испытывали его на прочность. Психика молодого человека выдержала и смерть Шимке, произошедшую на его глазах, и странное поведение Аномалии, и последующий арест. Однако он пребывал, что называется, на грани, и это было видно невооруженным взглядом. Отец Евы, видя состояние Эриха, не стал ему передавать слова дочери, считая их бессмысленным порождением бреда и галлюцинаций. Зачем же еще больше травмировать несчастного молодого человека разговорами о демонах, крови, взрывах и прочих ужасах. Бедняжка Ева пребывала в плену кошмаров, откуда ее обещали вызволить врачи, и не стоило проецировать их на жениха, у которого и без того хватало неприятностей. Что же касалось врачей, то те в принципе не рассказывали на каждом углу о жутковатых речах пациентки. Во-первых, не позволяла профессиональная этика. Во-вторых, медики не находили ничего занимательного в таком поведении бедной девушки, чтобы еще и судачить о ее состоянии, пока та лежит без сознания. В результате Эриху так никто и не сообщил о предостережении невесты, сделанном столь нетривиальным и сумбурным образом. Все, что он знал — это что Ева приходила в себя, после чего, из-за бреда и галлюцинаций, ей ввели успокоительное и погрузили в медикаментозный сон, откуда она почему-то снова не выходила. А Эриху так хотелось поделиться с невестой своими тяготами, поведать ей обо всем, сообщить про Аномалию и путешествия в тридцать восьмой год! Наконец, посоветоваться с ней о том, что он задумал сделать в компании тамошних антифашистов. Несмотря на кажущуюся правильность поступка, Эрих ощущал какие-то смутные сомнения, будто некая сила пыталась удержать его от решающего шага. Именно поэтому он очень хотел переговорить с Евой, чтобы та либо успокоила его, выразив свое согласие с планом, либо отговорила. Увы, это было невозможно. Фигурально выражаясь, складывалась ситуация между небом и землей. Если бы девушка умерла, Эриху стало бы настолько на все наплевать, что он и думать бы забыл про Аномалию, а то и вовсе покончил с собой. Живая Ева стала бы для него лучшим советчиком и доверенным лицом, на пару с которым он способен утвердиться в любом решении. Та Ева, что сейчас лежала в больничной палате, была ни жива, ни

мертва, оставляя Эриха наедине со своими проблемами и непростым выбором. Ну, видимо, все-таки придется решать самому. Ведь второй человек, способный принять участие в судьбоносных свершениях Эриха, также оставался недоступен. Этого человека он навестил сразу после Евы.

Пастор Берг угасал. И без того суховатый, он похудел еще больше. Глаза, обрамленные темными кругами, сильно ввалились, щеки опали, лицо осунулось. Тонкие руки старика стали еще тоньше. Под полупрозрачной кожей, словно выполненной из тонкой восковой бумаги, едва заметно трепетали синеватые сосуды. Пульс был ровным, но слабым, и его частота потихоньку падала с каждой неделей. Врачи разводили руками. Если в случае Евы молодой организм боролся, желая вернуться к полноте жизни и любимому человеку, то старик не обладал таким запасом прочности. Природа брала свое. Где бы сейчас ни находился престарелый пациент, шансы на его возвращение почти исчезли.

Эрих провел у пастора с полчаса, сосредоточенно размышляя об Аномалии. Находясь в заключении, он о чем только ни передумал, поэтому сейчас, что называется, подытоживал свои предположения. Кажется, Эрих понял, куда вдруг подевался коридор в прошлое и отчего он потом возник снова. Шимке! В тот момент рядом находился следователь, а по его собственным словам комната была ПУСТА. Не заметить странный пространственный эффект и статую было бы просто невозможно. Стало быть, Шимке Аномалию не видел, однако не потому, что такое зрелище доступно лишь избранным. Аномалия, судя по всему, в принципе исчезала, если рядом оказывался кто-то посторонний. Вот как она определяла кто есть кто — отдельный вопрос, но пастор Берг для нее явно был "своим", раз предметы из прошлого не пропадали подле него так, как исчезали в случае с другими людьми. Вероятно, и старик и Эрих обладали какой-то особенностью, позволявшей им взаимодействовать с проходом в прошлое, но какой — оставалось теряться в догадках. Эта версия вполне объясняла внезапное возвращение Аномалии. Умерев, Шимке перестал быть человеком. Его тело в известном смысле превратилось в вещь, а вещи Эрих свободно таскал с собой туда-сюда без всяких осложнений. Именно поэтому труп следователя удалось перенести на "ту сторону" и спрятать в тамошней секретной комнате. Учитывая все предыдущие обстоятельства, вероятно, никакого погребения и вовсе не понадобится. Спустя какое-то время останки Шимке должны разделить судьбу золотых коронок в лавке Гюнтера, то есть бесследно раствориться в пространстве. Если так, проблема решалась сама собой. Тело испарится, будто его и не было, а все что требуется от

Эриха — не подходить к нему слишком близко. Ну, с этим, скорее всего, проблем не будет, если агенты по той или иной причине не допустят Эриха в подвал кирхи. Последнее, кстати, отнюдь не исключено, а это автоматически создавало серьезное препятствие на пути в тридцать восьмой год.

К сожалению, то была не единственная проблема, свалившаяся на Эриха. Прибыв в среду утром на работу, он не успел и компьютер включить, как его вызвал герр Марсдорф. Вид у шефа был настолько неприветливым, что было нетрудно догадаться — о поощрении по службе речь точно не зайдет. Так оно и вышло.

— Руководство фирмы серьезно обеспокоено вашими проблемами с законом, господин Сторм, — заявил герр Марсдорф, ответив на приветствие холоднее некуда.

— Обвинения против меня беспочвенны. Мой адвокат убедительно это доказал. Меня потому и отпустили, — заметил Эрих, стараясь держаться уверенно.

— Возможно. Однако дыма без огня, как вы, должно быть, слышали, не бывает, — сухо сказал босс. — Репутация фирмы не должна пострадать от того, что ее сотрудника подозревают в терроризме. Строительной фирмы, которая занимается не только возведением, но и ПОДРЫВОМ объектов!

— Я не виноват, что полиция взяла ложный след или ищет козла отпущения, — снова прокомментировал Эрих.

— Вы меня не слышите! — еще менее любезно заявил герр Марсдорф. — Репутация фирмы не дол-жна по-стра-дать! Иными словами, руководству совершенно не важно, виновны вы или нет. Вся эта история способна нанести фирме существенный вред. Ни один муниципалитет не захочет заключать договор с теми, у кого работают потенциальные террористы. Так понятнее?

— Вполне, — нахмурился Эрих. — И к чему вы ведете?

— Сегодня среда, — указал босс на календарь. — Вы работаете до пятницы, после чего мы с вами прощаемся. Приказ о вашем увольнении уже поступил с самого верха. Настоятельно рекомендую вам привести дела в порядок, чтобы не получить претензий уже от нашей фирмы.

— На каком основании? Это незаконно! — заявил молодой инженер, чувствуя, как в нем закипает справедливый гнев.

— Возможно, — неприятно усмехнулся герр Марсдорф. — Но я бы не рекомендовал вам обращаться в суд.

— И что мне помешает? — прищурился Эрих. — Надеетесь, что следствие упрячет меня раньше, чем мой иск будет удовлетворен?

— В том числе, — кивнул шеф. — Но это же и в ваших интересах. Если вас полностью оправдают и все обвинения будут сняты, ком-

пания даст вам шанс вернуться обратно.
— Откуда вы знаете, что меня до сих пор не оправдали? — нахмурился молодой человек.
— А иначе с чего бы спецслужбам продолжать копаться в наших файлах исключительно по вашу душу? — криво улыбаясь, ответил герр Марсдорф. — Все заявления про неких муниципальных служащих и взятки — это все фикция. Они интересуются ВАМИ, господин Сторм. И нашу фирму это более не устраивает.
— Есть какая-то альтернатива? — осведомился Эрих, решив прямо сейчас не устраивать скандал.
— Вы можете написать заявление по собственному желанию с сегодняшнего дня. Тогда приказ, извещающий вас об увольнении за трое суток, не будет иметь силы. Тогда вы уйдете отсюда не уволенным, а уволившимся. В дальнейшем это послужит вам заметно лучшей характеристикой, — неторопливо изложил герр Марсдорф.
— Понятно, — отозвался Эрих. — Я подумаю, как мне поступить.
— Воля ваша, — сделал босс жест ладонью. — В любом случае, я сейчас ничего не решаю, так что спорить и злиться персонально на меня попросту бесполезно. Все претензии вы можете направить в адрес руководства.
На этом разговор был закончен.

Положение, в котором очутился Эрих, было хуже некуда. У него имелись сбережения в банке, но их хватало на насущные расходы, а не регулярную оплату ипотечной квартиры. Если за четыре месяца ситуация не стабилизируется, так и до банкротства недалеко. Подать в суд? Герр Марсдорф упомянул возможность вернуться на работу, если следствие оставит Эриха в покое. Предъявив фирме иск, Эрих автоматически лишится предложенного шанса с непредсказуемыми последствиями. Даже если он выиграет процесс, даже если ему присудят компенсацию и восстановят на работе, руководство найдет за что его потом уволить. Если уж и восстанавливаться, то как раз ради компенсации, чтобы сразу уйти самому. В противном случае круглосуточная жизнь на ножах с руководством просто обеспечена, а это еще никогда ни к чему хорошему не приводило. Впрочем, так ли уж важен этот иск в сравнении с реальной угрозой угодить за решетку? Интересно, почему экспертиза уверяет, будто золотые унции Эриха по составу совпадают с какой-то там взяткой полицейскому Майеру, которого Эрих и в глаза никогда не видел! Что это, уловка следствия? Золото было родом из тридцать восьмого года — Эрих сам его закапывал. И выплавлял унции Хельмут. Так какие тут, к чертовой матери, могут быть совпадения?! М-да, странно, очень странно. Однако и это все ерунда, если принять во внимание практически со-

рвавшийся план по свержению нацизма Третьего рейха. Где Эрих теперь найдет взрывчатку, оказавшись в столь беспомощном положении?! Даст объявление в газеты или одолжит у спецслужбы, державшей его под колпаком? Возможности молодого антифашиста быстро стремились к нулю, а дальнейшие перспективы выглядели мрачнее некуда. Всего три дня и... Стоп! Тут мысль Эриха, невидящим взглядом уставившегося в компьютерный дисплей, заработала со все возрастающей энергией. Что там сказал герр Марсдорф? "Фирма занимается не только возведением, но и подрывом объектов". Так всего три дня или ЦЕЛЫХ три дня?! За три дня можно очень многое успеть! Эрих все еще наделен всеми должностными полномочиями. Значит, склад фирмы по-прежнему находится в его ведении. Значит, он волен поступать с ним так, как сочтет нужным. Герр Марсдорф рекомендовал ему привести дела в порядок — видимо, именно за этим у Эриха и не отобрали должностные обязанности и привилегии. Что ж, тогда именно этим самое время заняться. Только не собственными делами и не делами фирмы, а интересами антифашистов тридцать восьмого года. Сняв телефонную трубку, Эрих набрал чей-то номер. Когда на том конце ответили, он заговорил донельзя бодрым голосом, будто в его жизни ровным счетом ничего плохого не случилось.

Трех дней оказалось достаточно, чтобы состряпать липовый проект, ловко увязав его с уже имеющимися, и сделать под него несколько материальных перемещений. Эрих, разумеется, понимал, что за каждым его действием следят. Он не стал работать напрямую, а поступил хитрее. Свои полномочия он в электронном виде присвоил одному из коллег, находившемуся сейчас в отпуске. Беспечный коллега оставлял логины и пароли в памяти компьютера, поэтому Эрих без труда зашел от его имени в систему и провернул все необходимые операции. Свою подпись он ставил в качестве согласующего, а не инициатора, что не позволяло сразу выйти на его след. Ведь файлы и процессы создавались не господином Стормом. Стараясь планировать на два шага вперед, Эрих подготовил пачку соответствующих документов опять же на чужое имя. Вскроется это не сразу, а когда вскроется, либо дело будет сделано, либо, в случае неудачи, последствия перестанут иметь значения. Во всяком случае, в глазах Эриха.

В пятницу вечером он покидал офис с гордо поднятой головой, слыша за спиной перешептывание недоброжелателей. Те, прознав про немилость молодого выскочки, немедленно оживились, а теперь, поди, и вовсе устроят праздник. Ну, еще посмотрим, кто станет торжествовать последним. Эрих уходил, оставляя должность, но запущенные им задачи успешно выполнялись, пре-

следуя одну конечную цель. Цель, которую сейчас знал только сам Эрих. Эта цель и привела его в одну ненастную ночь к хорошо знакомым воротам, за которыми располагался склад строительной фирмы.

То был последний шаг, который Эрих собирался осуществить в своем времени. Он, что называется, подводил черту, разом ставя все на карту. Накануне ему позвонил адвокат и сообщил, что следствие вновь ходатайствует об аресте господина Сторма. Судья подпишет бумагу в среду, после чего господина Сторма немедленно поместят под стражу. В деле объявился некий полицейский Кольбе, ранее фигурировавший исключительно в показаниях Майера и домыслах Шимке. Кольбе дал письменное признание, что получил взятку в шесть миллионов золотом на квартире Эриха Сторма в обмен на создание последнему алиби. Этот полицейский в точности подтверждал слова покойного напарника. Напрямую заявление Кольбе не упоминало господина Сторма как лицо, причастное к подкупу обоих патрульных. Тем не менее, сам факт подобного преступления на квартире Эриха автоматически вооружал следствие новыми уликами, с учетом золотых унций Адама и слитков Майера. Агенты намеревались держать господина Сторма под арестом, пока специалисты изучают его служебную деятельность в строительной фирме. А там начали всплывать некоторые нестыковки по части расхода опасных материалов. Адвокат настоятельно рекомендовал господину Сторму сохранять молчание и говорить только в его присутствии. Эрих выслушал наставления, как надо себя вести, и особенно в процессе задержания. Он согласился выполнить все указания адвоката, однако, повесив трубку, следовать им отнюдь не собирался. Более того, Эрих был намерен поступить с точностью до наоборот, однако не потому, что советы юриста ему претили. Дожидаться ареста он попросту не станет. Тщательно разработанный план пришлось ускорить. Быстро собравшись, молодой человек покинул дом не оглядываясь.

Последние часы вторника Эрих провел подле Евы. Теперь он даже не знал, увидит ли ее вновь. Если его арестуют до ухода в Аномалию, агентам хватит доказательств на десятерых, и на сей раз никакой адвокат не поможет. Если же в тридцать восьмом году что-то пойдет не так, Эрих рисковал расстаться не только со свободой, но и жизнью. Выбор, однако, был очевиден. Кардинальные изменения в прошлом самым прямым образом повлияют на будущее. Успешно проведенная операция позволит вернуться в свое время с надеждой на более благоприятную обстановку, нежели сложившуюся ныне. Кто знает, как все выйдет? Может быть, никакого следствия, зависшего над головой как дамоклов меч, не

окажется и в помине. Или же все уладится само собой. Эрих был не в состоянии предсказать, что именно произойдет в результате его вмешательства и в какой форме. Он лишь надеялся на лучшее, полагая, что устранение многоглавого чудовища нацизма в любом случае благо, и хуже уж точно не станет. Жаль, что Ева не могла ему ничего сказать. Эрих так хотел бы, чтобы она произнесла слова напутствия, либо же остановила его прямо сейчас, схватив за руку, пока ее избранник не ушел. Увы, он оставался в одиночестве. Пальцы девушки трепетали, когда Эрих брал ее за руку, как трепетали и ресницы, будто глаза вот-вот откроются. Губы чуть приоткрылись, словно и впрямь были готовы что-то произнести. Казалось, девушка сейчас проснется, и от возвращения к реальности ее отделяют какие-то последние мгновения, но она так и не пробудилась. Эрих был почти уверен, что Ева его слышит и даже пытается реагировать, однако все попытки привести любимую в сознание не возымели успеха. Он покидал палату с чувством глубокой горечи. Уже остановившись в дверях, Эрих посмотрел на дорогое ему лицо и слегка вздрогнул. Во сне девушка повернула голову и сейчас смотрела бы на молодого человека, не будь ее глаза закрыты. Эрих обождал несколько минут, все еще надеясь, что веки разомкнутся, и он вновь увидит ее живой взгляд. Когда этого так и не произошло, он вздохнул и ушел. Ушел прямо перед внутренним взором Евы, которая видела его и беззвучно кричала что было мочи. Кричала, чтобы Эрих не делал то, что собирался. Но он ее не услышал. Цепкие лапы демона прочно удерживали девушку у самого порога пробуждения, не давая всплыть над поверхностью океана забвения, а рот ей зажимали холодные щупальца, будто сотканные из самой тьмы.

Выйдя из больницы, Эрих двинулся по городу настолько запутанным маршрутом, что "хвост", следовавший за ним по пятам, в очередной раз остался с носом. К пастору Бергу воспитанник уже не заходил. Он посетил старика непосредственно перед Евой, желая провести последние часы именно с любимой девушкой. Состояние наставника опять ухудшилось. Врачи давали ему максимум неделю. Эрих просидел у пастора с полчаса, ни на что особенно не надеясь. Один из двух близких людей, только и остававшихся у молодого человека, уходил, и с этим ничего нельзя было поделать. Эрих просто отдавал последнюю дань, шепотом благодаря за все, чем он был обязан старику. Скорее всего, это была их последняя встреча. Перед тем, как покинуть палату, Эрих вложил в руки пастора серебряное распятие, обнаруженное в потайной комнате кирхи тридцать восьмого года. Пусть оно вернется к своему хозяину если и не при жизни, то хотя бы в смерти. Сделав этот про-

щальный жест, Эрих почтительно склонил голову, а затем удалился, сопровождаемый бдительными соглядатаями. Он не обращал на них внимания и избавился от опеки лишь тогда, когда в этом возникла прямая необходимость. Агенты были вне себя от злости, но утешались завтрашним арестом господина Сторма, который от них уже никуда не денется. Что ж, пусть погуляет напоследок — авось чего и натворит для пользы дела. Господин Сторм и творил. Добравшись до заранее приготовленного грузовика, он залез в кабину, завел мотор и покатил в хорошо известном направлении.

Да уж, ночь на среду выдалась тем еще испытанием. Сидя за рулем, Эрих мало что видел из-за проливного дождя. Дворники работали как сумасшедшие, а через лобовое стекло едва-едва просматривалась будка охранника. Тот даже не сразу заслышал сигнал клаксона, заглушаемый раскатами грома. Сопровождая яростно сверкавшие молнии, они бабахали так, будто склад находился на окраине артиллерийского полигона, где велись интенсивные стрельбы. Охранник Эриха не узнал, тем более что тот постарался изменить внешность и накинул на голову капюшон толстовки. Сердце молодого человека сильно стучало, когда сонный страж проверял его документы, сверяясь с базой данных. Зеленый свет, зажегшийся у будки, возвестил, что махинацию бывшего старшего инженера-взрывотехника до сих пор не раскрыли. Ворота медленно распахнулись. Получив документы обратно, Эрих выслушал инструкцию о своем дальнейшем маршруте, но выслушал исключительно для виду. Он и сам хорошо это знал. Миновав въезд, молодой человек проехал вглубь складской территории и притормозил у одного из дальних ангаров. Там, выкрутив руль, он дал задний ход и остановился у широкой двустворчатой двери.

Ящики погрузили быстро. По вполне понятным причинам Эрих прибыл один и воспользовался услугами местных рабочих. Те живо взбодрились, ощутив в пальцах по хрустящей купюре. Их сонливость и раздражение как рукой сняло. Увесистый груз был энергично перетащен в грузовик, причем рабочих тут же перестало интересовать, насколько правдивую историю поведал им водитель, отчего-то прибывший без помощников. Заперев дверь ангара, складские сотрудники удалились, радуясь внезапно свалившемуся вознаграждению, а Эрих без всяких осложнений покинул огороженную территорию тем же путем, каким и приехал.

Следующей остановкой стал ничем не примечательный гараж, арендованный на несколько суток. Загнав туда грузовик, Эрих вскрыл ящики и принялся перекладывать их содержимое в другую тару. Во-первых, груз в его изначальной упаковке едва перемещался усилиями одного человека. Во-вторых, прежде чем дос-

тавить его к месту назначения, содержимое ящиков требовалось хорошенько замаскировать. Что Эрих и сделал. Пришлось изрядно повозиться, однако все получилось наилучшим образом. Когда он, спустя два часа, прибыл в следующую точку своего маршрута, никому бы и в голову не пришло заподозрить, что именно скрывается внутри коробок с гуманитарной помощью.

Совесть Эриха не мучила. Да, он использовал прикрытие в виде благотворительности, но ведь делал это во благо, а не ради личной корысти. Все спрятанное пойдет на великое дело, из-за которого вполне можно поступиться какими-то промежуточными элементами. Совершая предварительные телефонные звонки, Эрих знал, к кому следует обращаться. Прежде он встречал кое-кого из волонтеров, бывавших у пастора Берга, и теперь задействовал их целенаправленно, явившись в хорошо знакомую миссию. Явился он, разумеется, от лица пастора, заявив, что исполняет пожелание старика, по-прежнему лежащего в коме. Гуманитарный груз надо доставить в кирху и разгрузить в подвале, откуда его потом распределят по нуждающимся. Для пущей убедительности Эрих показал липовые накладные и даже пару бумаг за настоящей подписью пастора, которые сохранились у антифашиста дома по какому-то случаю. Тот не имел отношения к сегодняшнему замыслу, но бумаги подвернулись крайне кстати, хотя их все равно никто не смотрел. Волонтеры также помнили Эриха, неоднократно контактировали с пастором Бергом и, разумеется, согласились оказать помощь — всего-то разгрузить коробки из грузовика не абы куда, а в складские помещения кирхи. План Эриха, однако, учитывал и еще одно обстоятельство. Его грузовик отказался заводиться, неожиданно выйдя из строя. Мучая стартер, молодой человек отпускал по его адресу нелестные комментарии и регулярно нырял под капот, копаясь под ним с видом механика-любителя. Толку с того не выходило. Мотор отказывался заводиться, несмотря на все манипуляции водителя. Точнее, именно благодаря им. Эрих уже собирался спросить, нельзя ли воспользоваться машиной волонтеров, как те вдруг предложили это сами. Мол, если молодой человек обеспечит бензин, подлежащий строгому учету, они возьмут грузовичок миссии и доставят товар куда надо. Эрих, само собой, не стал ломаться и отказываться, поскольку именно такого развития событий и добивался. Канистра с бензином немедленно сыскалась в кузове. Волонтеры заправили свой грузовичок, быстро перетащили все коробки из одной машины в другую, усадили Эриха промеж себя на пассажирское сиденье и бодро выехали на улицу в лучах занимавшегося рассвета.

Агенты не закрывали доступ к кирхе. Ввязываться в скандал

с религиозным заведением им очень не хотелось, чтобы на пустом месте схлопотать обвинения в притеснении верующих. Во-первых, у них не было доказательств, что в подвале старинного здания произошло хоть какое-нибудь преступление. Вообще никаких! Карл Шимке как сквозь землю провалился, потайных ходов не нашли и за все время поисков не было обнаружено ни малейшей зацепки. На этом фоне заклеивать подвал лентами с надписью "полицейское расследование" выглядело не самой удачной идеей. Во-вторых, Эрих задействовал пастора Кляйна. Встретившись с ним тет-а-тет, он сообщил, что догадка пастора соответствует действительности. В кирхе и впрямь бывают посторонние. Именно эти посторонние разместили там шпионящую аппаратуру. Пастор Кляйн был крайне оскорблен подобной новостью. Кирха — не место для игр в полицейских и бандитов! Агенты и глазом моргнуть не успели, как по линии церкви на них пришла жалоба о неправомерных действиях в стенах строения сугубо религиозного назначения. Тут позиция силовиков была довольно уязвимой. Жучки, установленные еще по распоряжению Карла Шимке, фактически установили незаконно. Конечно, можно оформить необходимое разрешение задним числом, но стоит ли связываться с церковниками при столь слабо аргументированной позиции? Ведь в подвалах кирхи до сих пор никто не нашел ничего подозрительного, хотя агенты применяли новейшую аппаратуру. В случае раздувания скандала оправдываться им будет решительно нечем. К тому же оборудование регулярно давало сбой, причина которого оставалась неизвестной, и его эффективность вызывала оправданные сомнения. В итоге, под гневным взором пастора Кляйна, явившиеся техники сняли всю электронику, а один из агентов пообещал ничего впредь не предпринимать без согласования со служителем церкви. Таким образом, двери кирхи оставались открыты для всех посетителей, а спецслужбы вели только наружное наблюдение, стараясь никому не попадаться на глаза.

Грузовичок Красного креста, спозаранку подъехавший к малому входу, не вызвал у наблюдателей ни малейшего энтузиазма. Промозглая ночь, пропитавшая все окрестности жуткой сыростью, испортила им настроение дальше некуда. Кофе и пирожки скрашивали дежурство весьма посредственно. Желающих высунуть нос наружу, где наконец-то прекратился проливной дождь, особо не находилось. После неприятностей с пастором Кляйном агентам меньше всего на свете хотелось досаждать сотрудникам благотворительной организации, чья машина законно проходила по соответствующей базе данных. Пока волонтеры бодро таскали какие-то коробки с приметными наклейками, все, что сделали наблюда-

тели — это запросили инструкции у своего начальства. Как назло, аппаратура вновь начала чудить. Мобильные телефоны агентов издавали неразборчивый треск, обрывая соединения с адресатами. Изображение на дисплеях дергалось, датчики барахлили, а с видеокамер вместо прямой трансляции пошел белый шум. Агенты рискнули, оставив немного хитро спрятанных устройств в подвале кирхи, и вот проклятое барахло опять дало сбой. Чертыхаясь, они пытались связаться с руководством, параллельно обращаясь "наверх" через компьютер. Телефоны молчали, но в компьютерной системе из авторитетного источника вскоре пришел четкий ответ: НЕ ВМЕШИВАТЬСЯ! Система все еще вела себя безобразно, однако этот ответ читался на экране более чем ясно. Успокоившись, агенты в очередной раз осыпали руганью техников и без всякой задней мысли принялись смотреть, как волонтеры заканчивают разгрузку грузовичка.

За Аномалию Эрих не переживал. Его догадка полностью подтвердилась. Пока два ничего не подозревавших добровольца переносили коробки в подвал, она бесследно исчезла. Эрих, не желая почем зря светиться на улице, принимал груз непосредственно в подземном коридоре и укладывал его у стены за железной дверью. Молодой антифашист не знал о регулярных сбоях в работе аппаратуры слежения, поэтому подстраховывал себя исключительно самостоятельно. В итоге ему удалось благополучно переместить коробки из грузовичка в заветную комнату, причем провернуть это под самым носом у агентов. Прощаясь с волонтерами, Эрих выразил им самую искреннюю признательность. Ведь эти двое даже не подозревали, в каком великом деле приняли участие и какую колоссальную помощь оказали по факту. Волонтеры откланялись, передав пожелания скорейшего выздоровления пастору Бергу, и уехали. Оставшись в одиночестве, Эрих увидел, как пространство в центре подземной комнаты вновь заколебалось, а напротив двери объявилась статуя с опущенными крыльями. Аномалия вернулась.

Перетащить в прошлое четыре десятка коробок разом было той еще задачей. К счастью, Эрих давно установил, что ему не обязательно лично доставлять предметы туда-сюда — достаточно их проталкивать или даже бросать. Опыты с монеткой, некогда проведенные в первый же день знакомства с поразительным явлением, наглядно это доказали, что впоследствии неоднократно подтверждалось. Выстроив коробки в три ряда эдаким паровозом, Эрих, обливаясь потом, поочередно сдвинул их к центру комнаты. Затем, стараясь не переходить условную границу, он принялся кидать их одну за другой в направлении статуи. Коробки, увеси-

сто падая на пол, образовывали кучу-малу, но образовывали ее по другую сторону Аномалии. Эрих почти выбился из сил, когда с двумя из трех рядов было наконец-то покончено. С последним можно было поступить иначе. Все, что требовалось — это упереться в нижнюю коробку и толкать перед собой всю конструкцию через коридор в прошлое. Переведя дух, именно это Эрих и собрался сделать, как вдруг Аномалия, колыхавшаяся прямо возле него, вновь исчезла.

Несколько секунд молодой человек таращился в область сгинувшего изваяния как баран на новые ворота, уставившись в пространство ошеломленным взглядом. Затем, осененный догадкой, на цыпочках прокрался к двери и приложил ухо к железной створе. Откуда-то из подвала, не иначе как от лестницы, отчетливо доносились чьи-то тихие шаги. Эрих обратился в слух. Шаги приближались. Эрих затаил дыхание. Шаги, зашуршав совсем неподалеку, остановились. На некоторое время наступила такая тишина, что молодой человек слышал только биение своего сердца.

— Говорю тебе, он где-то здесь, — негромко произнес чей-то голос.

— Уверен? Если нас застукает пастор, начальство по головке не погладит, — раздался приглушенный ответ.

— Абсолютно уверен, — заявил первый голос. — В машине приехало трое, а уехало двое. Считать я умею. Куда подевался третий? Тот самый, который, как мне показалось, похож на Сторма.

— Если ты ошибаешься, у нас будут крупные неприятности, — заметил второй.

— Третий в любом случае куда-то пропал. А до сих пор в этой треклятой кирхе исчезал только Сторм. Наводит на размышления, не правда ли? — подчеркнуто выразительно произнес первый.

Эрих похолодел. Запертая железная дверь надежно отделяла его от агентов, только вот толку от этого было негусто. Аномалия исчезла и не появится вновь, пока рядом присутствуют посторонние. Оставалось надеяться, что агенты вскоре уберутся восвояси, однако эта надежда угасла очень быстро.

— Предлагаю остаться здесь и подежурить, — помолчав, сказал первый. — Обыщем подвал и займем наблюдательный пост. Если пастор сюда не сунется, что вряд ли, мы долго сможем оставаться незамеченными. Исходя из анализа наблюдений, Сторм появляется не раньше, чем через двенадцать часов и в пределах двух суток. По правде говоря, это смахивает на какое-то колдовство, но в колдовство мы с тобой не верим. Стало быть, есть какая-то другая закономерность, и как раз наша задача установить, в чем тут дело. Мы вполне можем устроиться в потайной комнате. В крайнем случае, если нас обнаружит пастор или кто-нибудь из его помощ-

ников, скажем, что пришли снять забытое оборудование. Пришли потихоньку, чтобы не вызвать новый конфликт из-за своей ошибки, о чем очень извиняемся и сожалеем. Третий человек был — факт! Давай его найдем!
— Дельная мысль! — одобрил второй. — Будем дежурить по очереди, или как?
— Вместе. Только вместе! — настоял первый. — Или ты забыл про Карла Шимке? Он уже сходил в одиночку. Если что, воду и сэндвичи нам принесут следующей ночью, а для остального здесь наверняка сыщется какое-нибудь ведро. Ну что, договорились?
— Договорились, — согласился второй.
Эрих был категорически против, но его мнения, понятное дело, никто не спрашивал. Условившись между собой, агенты, судя по звукам, принялись методично обшаривать подвальные помещения. Прильнув к прохладному металлу, нагреваемому теплом тела, Эрих прислушивался к их манипуляциям, одновременно пытаясь сообразить, что ему предпринять. И это у него откровенно не получалось. Какие, собственно, имеются возможности? Да никаких! В Аномалию не уйдешь, наружу не высунешься. Все, что оставалось застрявшему в подвале антифашисту — это сидеть и ждать, пока агенты удалятся на достаточное расстояние. Те же ничего подобного делать не спешили. Строго наоборот — дюйм за дюймом осматривая подземные помещения, они упорно приближались к железной двери. Ее ручка уже разок шевельнулась, но агенты, столкнувшись с закрытым замком, оставили дверь в покое. Как вскоре выяснилось — на время. Обыскав все остальное, они вернулись к металлической створе.
— Его нигде нет, — констатировал второй голос.
— Мы еще не проверяли эту дверь, — напомнил первый. — Либо он там, либо опять исчез. В последнем случае будем караулить его в тайнике.
Дверная ручка снова задергалась, заставив Эриха здорово занервничать. Утирая рукавом выступивший пот, он сам себя успокаивал, мысленно приговаривая, что просто так агенты в эту комнату не войдут. Следующая реплика ему совершенно не понравилась.
— У тебя ключ есть? — деловито осведомился первый голос.
— И не было. От этой чертовой двери у нас нет дубликата, — послышался раздраженный ответ.
Эрих облегченно вздохнул.
— Я прекрасно открою ее отмычкой. Не впервой ведь, — добавил тот же человек.
Эрих ужаснулся. Оглянувшись как затравленный зверь, он ин-

стинктивно привалился всем телом к железной створе, будто это могло помешать агентам войти. В замочной скважине послышался характерный скрежет. Кто-то с той стороны, шипя и поругиваясь, пытался вскрыть замок. Гадать, получится у него или нет, долго не пришлось. Щелк! Внутренний запор сделал первый оборот. Эрих, вцепившись пальцами в шишковатую ручку, попытался вернуть ее в прежнее положение, но у него ничего не вышло. То ли отмычка агента блокировала механизм, то ли замок необъяснимым образом взбунтовался, отказываясь подчиняться попавшему в западню антифашисту. Щелк! Вот и второй оборот. Эрих похолодел. Чувствуя, как сердце вот-вот выпрыгнет из груди, он уставился на дверь как на последний занавес, отделявший от неизбежного финала. Финала, который наступит с третьим оборотом и разом перечеркнет всю его жизнь вместе со всеми ее большими и малыми планами. И это всего в одном шаге от успеха!.. Мучительно застонав, Эрих сжал кулаки и окинул помещение затравленным взглядом. Окинул так, словно надеялся в последний момент отыскать какое-нибудь средство, способное выручить его в критической обстановке. Увы, на глаза ожидаемо не попалось ничего, кроме коробок, а их содержимое уж точно для спасения не подходило. Разве только для самоубийства, учитывая замкнутость пространства. Внезапно зрачки Эриха расширились, а дыхание прервалось. На самой верхней коробке, находившейся практически у центра исчезнувшей Аномалии, лежал хорошо знакомый предмет. Эрих заморгал, силясь понять, мерещится ему или нет, и даже потер ладонями лицо, чтобы стряхнуть внезапное наваждение. Однако ни о каком наваждении не шло и речи. Там, где ничего не должно было быть, лежал его Хеклер сорок пятого калибра, всегда оставляемый на "той стороне" перед возвращением в свое время. Чувствуя, как у него голова идет кругом, Эрих сделал несколько нерешительных шагов, приблизился к коробкам и протянул руку. Пальцы коснулись вороненого металла крупнокалиберного пистолета. Так это не галлюцинация! Но как он сюда попал?! Что это за мистика?! Как оружие могло самостоятельно переместиться из коробок у двери в прошлом на коробку из будущего, да еще при отсутствии самой Аномалии? Вероятно, ответ на этот вопрос стоило поискать позднее. В третий раз щелкнул замок. Тяжелую створу более ничего не сдерживало.

Железная дверь медленно распахнулась, и на пороге показался агент, убиравший в карман отмычку. За его плечом виднелся напарник, заглядывавший внутрь открывшегося помещения. Увиденное им обоим решительно не понравилось. В нескольких ярдах от входа они увидели бледного, как смерть, Эриха Сторма. В руке

тот держал большой пистолет с глушителем, и дуло этого пистолета уставилось прямо на непрошеных гостей. От неожиданности агенты выпучили глаза. Вроде бы привыкшие ко всему, они остолбенели, пораженные представшим зрелищем. Опомниться им уже никто не дал. Чихнул выстрел. Пуля ударила в грудь первому агенту, опрокидывая его навзничь, и уже падая на напарника он получил еще две, выпущенные вдогонку. А следом летели еще и еще. Взъерошенный, покрытый испариной Эрих, похожий на выходца из могилы, неистово опустошал обойму. На сей раз это было убийство. Самое настоящее убийство, совершаемое им собственноручно. Но выбора у Эриха не оставалось. Либо лапки кверху и пожизненный срок, либо смерть этих людей от его руки. Времени на раздумье не было и Эрих, перешагнув в своей душе очередной внутренний барьер, посылал в агентов пулю за пулей, устраняя возникшее на его пути препятствие.

Второму агенту повезло больше. Его лишь легко ранило в плечо, пока первые выстрелы принимал на себя его напарник. Последнему уже ничем нельзя было помочь. Раны, полученные им с близкого расстояния, не оставляли никаких шансов выжить. Упав на пол, он умирал на глазах, испуская хрип и булькая выступившей изо рта кровью. Второй агент рванулся в сторону, стремясь укрыться за стеной, и вдруг рухнул на пол. Ноги, споткнувшись о какое-то препятствие, отказались ему повиноваться. Шнурки черных ботинок абсолютно непонятным образом переплелись, лишив человека подвижности. Это вам уже не электрический кабель, упавший с потолка и позднее починенный электриком. На простую случайность такое поразительное явление никак не походило, только агент так и не узнал причин ни первого случая, ни второго. Отчаянно призывая на помощь, он пытался повернуться так, чтобы вытащить оружие. Связь молчала. В наушнике раздавалось лишь тихое потрескивание. Коллеги, дежурившие в фургоне, не видели и не слышали ничего из того, что происходило сейчас в подвале кирхи. Пистолет, однако, агент все же вытащить успел. В конце концов, регулярные тренировки делали свое дело. Когда Эрих Сторм показался из-за двери, оперативник спецслужбы навел на него ствол. Навел туда, где очутился подозреваемый, поскольку совершенный им маневр никого не обманул. Эрих не просто высунулся из-за косяка как последний олух — он сделал кувырок, прокатившись через лежавшее в проходе тело. На исходе этого кувырка Хеклер нацелился на второго агента. Но агент успел раньше. Пожелав господину Сторму отправляться в ад, он спустил курок. Дважды. Однако под сводами подвала не прокатился грохот, сопровождающий выстрелы без глушителя. Тому была прямая

причина, ибо ни одна пуля не вылетела из ствола. Боек лишь сухо щелкал, ударяясь металлом о металл. Пистолет агента превратился в кусок бесполезного железа. На лице оперативника отразился ужас. Ужас от осознания собственной беспомощности и всего происходящего. Только пребывал он в таком состоянии недолго. Чихнул сорок пятый калибр. Агент, получив пулю в основание шеи, лишился возможности кричать и задергался на полу, выронив свое оружие. Приподнявшийся Эрих вытянул руку и разрядил пистолет еще дважды, целясь в область сердца. Агент выгнулся и обмяк. Голова его свесилась на бок, а в уголке рта показалась струйка крови. Он умер еще быстрее, чем его уже мертвый напарник.

Эрих встал на ноги как робот. Его даже не трясло. Лишь мелкая дрожь иногда пробегала по пальцам, да левый глаз моргал чаще правого. Молодой человек находился в состоянии аффекта. Кровь бурлила от избытка адреналина, холодившего плоть, а мысли в голове словно принадлежали кому-то другому. Эти мысли обратились в сторону Аномалии. Глянув в дверной проем, Эрих увидел, что та вернулась и пространство вновь колеблется соответствующим образом. Путь в прошлое был открыт. Сунув тяжелый пистолет за пояс, Эрих затащил первого агента в комнату и уложил рядом с коробками. Затем, схватив за ноги второго, проволок туда же и его. Почему этот человек вдруг упал, лишившись львиной доли боеспособности, он даже не размышлял, да и никаких свидетельств тому не осталось. Шнурки на ботинках убитого были в полном порядке, словно их никогда и не связывали.

Темной ночью к стенам кирхи подъехал грузовой автомобиль. Эрих, выпрыгнув с пассажирского сиденья, обошел машину и откинул заднюю стенку кузова. Из-под его брезента вылезли двое.

— За мной! — скомандовал молодой антифашист, увлекая их к малому входу.

Копия старинного ключа, которой он пользовался в своем времени, прекрасно подходила к замку тридцать восьмого года. Проведя спутников в подвал, Эрих показал им на сорок коробок и велел перетащить их в грузовик. Сам же схватил ближайшую и понес ее наверх. Поставив свою ношу возле машины, он приблизился к водительской дверце. Белинда, сидя за рулем, смотрела вперед так сосредоточенно, будто всячески избегала созерцания кирхи.

— Не поможешь? — усмехнулся Эрих.

— Ты хочешь заставить девушку таскать тяжести? — недовольным тоном осведомилась Белинда, чуть повернув голову.

— Разумеется! А для чего еще нужны девушки? — пожал плечами Эрих и рассмеялся. — Шучу я, шучу! Все спокойно?

— Вполне! — отозвалась Белинда. — Давайте поторапливайтесь, а

то торчать здесь у меня нет ни малейшего желания.
Поняв намек, Эрих тут же убежал обратно в подвал.

Коробки перетаскали довольно быстро. Конечно, на сей раз носильщикам приходилось куда труднее, нежели волонтерам, ибо те спускали груз, а не поднимали, но два дюжих молодца отлично управились со своей задачей. Белинда специально подыскала мужчин покрепче, чтобы они не испытывали никаких проблем с переносом тяжестей. Кандидатуры Хельмута и Морица девушка заведомо отклонила. Парочка антифашистов никак не годилась для грубой физической работы и в погрузке не участвовала. Сама же Белинда уже бывала у кирхи, когда помогала Эриху грузить ящики с боеприпасами. Она и тогда уклонилась от того, чтобы зайти внутрь здания, но Эрих, хоть едва не надорвался, не возражал. Ведь и в самом деле — не заставлять же девушку таскать тяжелые предметы, которые и мужчина-то едва поднимал! Так вышло и на сей раз. Правда, конспирация была нарушена привлечением посторонних, но Белинда, как выяснилось, предусмотрела и это. Когда грузовик прибыл на место назначения — к старому кирпичному зданию на окраине Берлина — она загнала машину внутрь и наконец-то вылезла из кабины. Наблюдая за разгрузкой, девушка в какой-то момент отозвала Эриха в сторонку.
— Пора рассчитаться с этими ребятами, — тихо сказала она, кивнув на дюжих грузчиков.
— А сколько ты им пообещала? — спросил молодой человек, удивленный выражению ее лица.
— По одной пуле в затылок им вполне хватит, — жестко заявила Белинда.
Эрих опешил. Оглянувшись на двух мужчин, он вновь посмотрел на девушку и понял, что та и не думает шутить.
— Ты с ума сошла! — ахнул он, всплеснув руками.
— Да неужели? — прищурилась Белинда. — Конспирацию надо соблюдать! Или ты желаешь, чтобы про твою кирху узнали все кому не лень? Сплетни быстро расползаются, а гестапо не зря свой хлеб ест.
— Да, соблюдать надо, но не таким же способом! — простонал Эрих. — На мне уже и так два трупа, а ты еще сверху хочешь добавить!
Не выдержав, он уже успел поведать рыжеволосой соратнице об убийстве агентов. Конечно, опустив часть деталей, а часть адаптировав под реалии тридцать восьмого года, но все же поведал. Ему было необходимо излить кому-нибудь душу, и признание существенно облегчало тяжесть свалившейся ноши. Белинда, как обычно, проявила сердечное участие. Она умудрилась успокоить

Эриха, на котором, когда тот появился в доме Хельмута, лица не было, и оправдать его преступление суровой необходимостью. Не застрели он тех людей — и не видать бы антифашистам взрывчатки, а вместе с ней пошел бы прахом и весь важнейший план. Не прояви Эрих достаточно решимости — сидеть бы ему сейчас в каталажке, а фюрер сотоварищи по-прежнему уверенно вели бы Германию к катастрофе. После рассуждений Белинды, изложенных спокойным, проникновенным голосом, Эриху стало гораздо легче. Чувство вины притупилось, а убитые стали восприниматься как жертва, принесенная ради высшей цели. Каким-то внутренним чутьем молодой человек подозревал, что у Евы, возможно, была бы на сей счет иная точка зрения, но невеста, увы, оставалась недоступна. Белинда же мастерски развеивала сомнения Эриха, и порой казалось, будто рыжая чертовка действительно способна совратить кого угодно, выдав даже самый тяжкий грех за ангельское благочестие. Вот только против очередного жестокого убийства молодой антифашист чуть не взбунтовался, однако Белинда учла и это.

— Думаешь, я не подумала про твою совесть? — улыбнулась она с непередаваемым огоньком в глубоких зеленых глазах. — Как ты думаешь, кто эти молодчики?

— Понятия не имею, — пожал плечами Эрих, заподозрив какой-то подвох.

— Два отъявленных мерзавца. Грабители и насильники, нашедшие отличное прикрытие на поприще штурмовиков НСДАП. За ними числится немало преступлений, за которые ни один немецкий суд их не осудит, — пояснила девушка. — Я специально подбирала именно таких, чтобы по окончании работы убрать подонков без малейших колебаний. Ну так что, все еще будешь нос воротить или как?

Соратник, уяснив суть ее слов, взглянул на ситуацию совсем под другим углом. В самом деле, чем эта парочка лучше нацистов в сгоревшей аптеке или того же Ульриха? Что ж, Белинде в очередной раз удалось все разрешить самым удачным образом. Встретившись с ней взглядом, Эрих тихонько кивнул.

— Как обычно, твой правый, мой левый, — шепнула девушка.

Мило улыбаясь, она вместе с Эрихом вернулась к машине и оба стали наблюдать за окончанием разгрузки. Когда дюжие мужчины подхватили по последней коробке и понесли их к общей куче, молодые люди практически синхронно вытащили пистолеты. В просторном гараже чихнуло два выстрела, слившихся воедино. Смерть наступила мгновенно. Выронив ношу, грузчики упали на бетонный пол, сквозь трещины в котором пробивалась осенняя

травка. Да, осенняя, ибо на дворе наступило первое сентября, и ее тонкие стебельки, жадно тянувшиеся к скудному свету, окропило красными каплями крови, брызнувшей и на сложенные грудой коробки. Убитых Эрих ничуть не жалел, хотя об их личностях он знал только от Белинды. Сказанное ей молодой антифашист не подвергал ни малейшему сомнению, даже не задумываясь, насколько предложенная ему версия может быть далека от действительности. Насколько ВСЕ, что предлагала и делала рыжеволосая девушка, могло быть далеко от действительности. Тяжело вздохнув, Эрих подхватил очередной труп и потащил во внутренний двор, где Белинда уже успела присмотреть подходящую яму.

* * *

Это напоминало огромный бескрайний океан. Его заполняла некая прозрачная субстанция, чье присутствие угадывалось по преломлению света и слабому колыханию волн, идущих сквозь призрачную материю. Субстанция представляла собой нечто среднее между водой и воздухом, и обладала такой же условной средней плотностью. Где-то далеко наверху переливалась сиянием поверхность, раскинувшаяся от одного края бесконечности до другого. Лучи, ниспадавшие оттуда, пронизывали океанскую толщу насквозь и тонули в глубине кромешного мрака. Того, который виднелся далеко внизу и куда ни в коем случае нельзя было опускаться. В толще имелись образования. Одни напоминали рукотворные постройки, порой сливавшиеся в масштабные комплексы, другие выглядели как острова, а иной раз даже архипелаги. Третьи походили на причудливые миражи, одновременно и полупрозрачные и заслонявшие собой горизонт. Они были словно сотканы из чистой энергии и колебались в такт несуществующему ветру. Все эти объекты витали в пространстве, находясь на разных высотных уровнях, и иногда перемещались друг относительно друга. Последнее становилось особенно очевидно, когда после очередного лабиринта наступал другой, против ожидания находившийся не выше, а ниже предыдущего. Эти лабиринты выматывали. Их будто нарочно придумали для того, чтобы лишать сил, тяготить мятущийся разум и терзать попавшую в ловушку душу. Так оно и было. Путь наверх — туда, где плескалась далекая и вожделенная поверхность, пролегал либо напрямую, либо через сеть запутанных путей. В первом случае цель достигалась относительно быстро, если никто не оказывал никаких помех. Призрачная проекция тела, обладавшего значительным запасом жизненной силы, с той или иной скоростью выныривала к свету, оставляя под собой

мрак и забвение. Многим другим, раненым и настрадавшимся, приходилось бороться за жизнь через путь в лабиринтах, порой растягивавшимся на долгие годы. Умирающие же и вовсе тонули, опускаясь в бездну будто под тяжестью привязанного свинцового ядра. Таковы были исходные правила игры, но та не всегда шла честно. Демон, чьи очертания тянулись из самой тьмы, мог удерживать готовую всплыть душу, чтобы не дать ей покинуть океан. Тогда избавление зависело от целого ряда факторов, где не последняя роль отводилась происходящему в реальности. Отсутствие рядом близких людей резко снижало плавучесть. Снотворное или успокоительное значительно ослабляло телесную проекцию, оставляя ее во власти демона. Сильные души, жаждавшие вернуться в мир, отчаянно сопротивлялись, и хватка демона начинала слабеть. На избавление от холодных щупалец могло уйти много времени, и последнее зависело исключительно от личностных качеств и здоровья жертвы. Цели же демон преследовал разные, в зависимости от того, кого удерживал. Порой он отпускал душу без видимых причин, а порой тянул ее вниз до последнего. На каждый случай у него имелся свой расчет. Кто-то вообще его не интересовал, предоставленный своей судьбе, а кого-то порождение мрака не выпускало из поля зрения. Демона могли отпугнуть лишь обереги. Не те, что создают знахари и колдуны, а обереги веры. Они сияли в душах болезненным для него светом. Их лучи жгли его темную сущность и демон ретировался, не в силах совладать с подобным явлением. Но таких счастливчиков обычно встречалось немного. Большинство выкручивалось как умело. Одни всплывали довольно быстро, либо же проходили тернистый путь в короткие сроки. Другие годами блуждали в лабиринтах, погружаясь все глубже, и в итоге исчезали в бездонной пучине. Возврата оттуда уже не было.

Эта Душа почти сгинула. Она уже бродила в пограничной зоне, где царили вечные сумерки. Ниже, совсем близко, мрак становился густым, как черное молоко, и от окончательного погружения Душу отделяли последние усилия воли. Эта Душа не всплывала — она тонула. Тонула медленно, но верно, и парить в открытом пространстве для нее было смерти подобно. Единственным путем спасения оставались лабиринты. Успешное их преодоление вело на ярус вверх. Неудачное уводило уровнем ниже. Сами лабиринты могли состоять из чего угодно — неестественной растительности, вычурной архитектуры, неведомых развалин или несуществующих природных нагромождений. Степень их сложности отличалась в зависимости от ситуации, в которую попала душа. Этой Душе приходилось тяжелее некуда. Долгие месяцы она бесплодно пыталась выбраться на поверхность, но с каждым разом лишь прибли-

жалась к черной пучине. Демон, прочно опутавший ее своими оковами, давил гнетущей тяжестью, лишая естественной плавучести и медленно утягивая во мрак. Привыкшая бороться, Душа сопротивлялась до конца, но без чуда ее попытки были обречены. Грядущий исход становился очевиден. Последний лабиринт закончился, а под бесплотными ногами уже осыпался край причала, под которым зияла непроглядная бездна. И вдруг чудо действительно произошло! В руке внезапно зажегся, засиял белый свет. Взявшись откуда ни возьмись, он ярко лучился, разгоняя сгустившиеся сумерки. Эти лучи пронзали все окружающее пространство, струились сквозь саму Душу. И тут она почувствовала облегчение. Демон, приникший к бесплотному телу, взревел и рванулся прочь. Черными каплями он вытек из призрачной проекции и осел в глубину, испуская злобное бессильное рычание. Душа тут же перестала тонуть. Свет в ее руке наполнял всю ее сущность удивительной легкостью, и эта легкость немедленно начала поднимать ее к далекой поверхности, едва видневшейся где-то высоко-высоко наверху. Расстояние было очень большим, и подъем занял немало времени. Оно, как таковое, в океане забвения текло по-своему, поэтому никто толком не знал, сколько часов, дней и недель проходило в реальности. Не знала и Душа. Она лишь чувствовала, что его прошло довольно много, прежде чем там, в вышине наконец-то показалась заветная граница, над которой разливалось спокойное мягкое сияние. Свет в руке уверенно вел Душу к поверхности, выталкивая ее из глубины подобно поплавку. И вот уже поверхность прямо над головой. Демон, доселе гнездившийся вокруг Души и уже потерпевший поражение, сделал последнюю попытку утянуть ее вниз. Всплывая из тьмы, он протянул щупальца к ускользавшей жертве, но обжегся и развеялся вокруг нее темными клубами. Душа сделала последний рывок. Ее физическое тело пробуждалось. Сознание, влекомое к свету, возвращалось в бренную плоть. И вот голова Души наконец-то показалась над поверхностью бескрайнего океана. Легкие вдохнули воздух, долгожданный и упоительно свежий. Пастор Берг открыл глаза.

Врач, прибежавший на срочный вызов медсестры, был вне себя от изумления. Престарелый пациент, на котором уже и крест поставили, внезапно очнулся. Более того, он чувствовал себя вполне удовлетворительно, если не считать некоторого истощения из-за продолжительного питания через трубки. Осматривая старика, врач лишь дивился на чудесное возвращение из небытия, произошедшее на пороге смерти. Пастор сохранил полную ясность мысли. Единственное, что заставляло усомниться в его полном здравии, это маниакальная настойчивость, с которой он допытывался,

кто принес ему серебряное распятие. Врач спросил у медсестры. Та в свою очередь опросила коллег. Одна из них припомнила, что распятие оставил молодой человек по имени Эрих, регулярно навещавший старика в больнице. Пастор Берг, уже вполне порозовевший, побледнел так, что напугал окружающих. Медики успели вообразить самое худшее, но старик вскоре взял себя в руки и мертвенная бледность исчезла. Совершенно спокойным голосом он осведомился, как долго его собираются здесь держать. Точного ответа врач не знал. Сперва требовалось взять все необходимые анализы и понаблюдать за здоровьем пастора, а тогда уже и делать какие-то прогнозы. Старик согласился с приведенными доводами и вел себя покладистее некуда. Тем неожиданнее оказалась его последующая выходка. Медсестра, поутру явившаяся проверить практически воскресшего пациента, обнаружила, что кровать пуста, а одежда исчезла. Пастор Берг, воспользовавшись отсутствием медперсонала, облачился в свою сутану и покинул больницу до наступления рассвета.

В отличие от Эриха Сторма, старика никто не преследовал. Он же не был ни преступником, ни подозреваемым, равно как не находился на принудительном лечении. Дежурный врач лишь сделал отметку о происшествии и послал одного из служащих проверить, не объявлялся ли сбежавший пациент дома. О том, что его не похитили, свидетельствовали записи с камер видеонаблюдения. На них пастор Берг совершенно самостоятельно уходил из больницы, двигаясь на удивление энергичным шагом. Ясность его ума была зафиксирована специалистом, а поведение скорее соответствовало эксцентричности и старческим причудам, нежели помрачению рассудка. Что ж, если пастор так жаждет отказаться от дальнейшего лечения и вернуться к своим обязанностям — его право. Пусть только служащий получит у старика подпись, снимающую с медицинского учреждения всякую ответственность за дальнейшую судьбу пациента. Собственно, в основном именно за этим дежурный врач его и отрядил, однако дома посыльный пастора не застал, ибо тот первым же делом отправился искать Эриха Сторма.

Прежняя квартира воспитанника пустовала, а про новую пастор вообще ничего не знал. Мобильный телефон молодого человека не отзывался, поэтому старик был вынужден прекратить поиски до выяснения обстоятельств. Запропастившийся Эрих внушал ему огромную тревогу, но беготня по улице, заламывая руки, пользы уж точно не принесет. Недолго думая, пастор остановил попутку и поехал в свою кирху, куда и прибыл, когда солнце уже оторвалось от горизонта.

С кирхой была ситуация особая. Пастор Берг прекрасно сознавал, кто совершил на него нападение, и теперь оставалось лишь выяснить каким образом. В свете серебряного распятия, принесенного Эрихом, возможная причина выглядела весьма зловещей. Ведь это распятие хранилось в потайной комнате, о наличии которой молодому человеку никто не рассказывал. Значит, он побывал в подвале. Значит, мог видеть то, что до поры видеть был ни в коем случае не должен! Впрочем, имело это отношение к Эриху или нет, но сам по себе факт нападения выглядел вопиющим. Нечистая сила не могла проникнуть в кирху, если ей не помогали изнутри. Приближаться к ней она не осмеливалась, болезненно воспринимая даже созерцание здания. Кто-то должен был пронести в кирху некий сосуд, хранивший настоящее зло и служивший вратами для проникновения в недоступное пространство. Но кто? И как? Войдя в притвор, пастор Берг сразу же спустился в подвал и прошел в секретное помещение. Там он вооружился странным приспособлением, похожим на металлическое блюдце с торчавшей по центру полусферой дюйма полтора в диаметре. По краям белого блюдца были высечены различные знаки, оплетенные надписями на латыни, а непрозрачная полусфера казалась выполненной из полированного матового стекла. Выйдя из тайника, старик принялся бродить туда-сюда, внимательно вглядываясь в полусферу, будто рассчитывал найти там ответ на свой вопрос. Так оно и произошло. Уже у самой лестницы в глубине стеклянной выпуклости внезапно появился слабый красный огонек. Пастор, заметив его мерцание, вдвое замедлил движения, осторожно водя "блюдцем" вокруг себя. Поскольку подвал был осмотрен, он принялся неторопливо подниматься по ступенькам, и явно находился на верном пути. Огонек разгорался. Когда "блюдце" очутилось в притворе, его полусфера уже испускала мерное красное свечение, становившееся тем более насыщенным, чем ближе странный радар оказывался к цели. Пастор Берг перерыл практически весь притвор, прежде чем приблизился к одному из шкафов. Стеклянная сердцевина прямо-таки огнем заполыхала. Открыв тяжелые створки, старик перебрал все содержимое, поочередно выкидывая вещи наружу, но "блюдце" ни на что особенно не реагировало. Достав последний предмет, пастор задумчиво уставился в пустой шкаф, на который указывал хитроумный прибор, сделанный в далекие века одним его сведущим предшественником. Ошибка была исключена, однако никаких видимых причин для красноречивой индикации не наблюдалось. Держа "блюдце" в вытянутой руке, старик принялся описывать им круговые движения, а затем сделал несколько шагов назад. "Маячок" в центре "блюдца" заметно потускнел. Воз-

вращение к шкафу вновь вернуло его свечение к прежней интенсивности. Пастор Берг поднял прибор под самую верхнюю полку — никаких изменений. Переложив "блюдце" из затекшей руки в другую, он опустил его до самого основания шкафа. Полусфера, выполненная из субстанции под названием "Слеза ангела", испустила ярко-красные лучи, прямо-таки заколосившиеся от близости источника злой энергии. Старик опустился на колени и заглянул под шкаф. Там, укрывшись в темноте между полом и старой мебелью, лежала какая-то плоская лакированная коробка. Извлечь ее оттуда много времени не понадобилось. Прибор отреагировал на нее более чем ясно. Едва белый металл коснулся коробки, как "Слеза ангела" озарилась густым снопом красных лучей, во множестве идущих из сиявшего центра. Озарилась так, будто зажглась маленькая звезда. Открыв коробку, пастор Берг увидел старинное распятие и сразу все понял.

С уничтожением проклятой вещи, носителем чистого зла, хлопот не возникло. Вооружившись обыкновенным жестяным ведром, старик сунул туда осквернённое распятие, предварительно разрубленное на четыре части, залил керосином и поджег. Мореное дерево, все еще сочившееся черной жижей нечестивой смолы, вспыхнуло и окуталось едким дымом. Пастор чихал и кашлял, зажимая нос платком, но стоически выдержал процедуру очищения до конца, поправляя пылавшие фрагменты железным прутом. Когда распятие обратилось в угли, он долил керосина и обождал, пока те окончательно не прогорят. Тогда, истолчив их в порошок, старик вышел из кирхи и развеял пепел по ветру. Вернувшись в подвал, он сжег и коробку, также основательно пропитавшуюся злом, а на всякий случай и вложенную в нее записку. Ту, что оставил Эрих. По нескольким словам, адресованным ему, пастор Берг понял, кто принес в кирху источник зла, но также он утвердился в мысли, что воспитанник сделал это по незнанию, без дурного умысла.

Об эффективности трудов старика свидетельствовала "Слеза ангела". Когда коробка сгорела вслед за распятием, она, уже основательно потускнев, окончательно угасла. Внутри матовой полусферы более не тлело ни единого огонька. Кирха была чиста, а пастор мог не опасаться очередного нападения с наступлением ночи. Облегченно вздохнув, он прошел в секретную комнату и положил "Слезу ангела" на прежнее место. Затем, озабоченно оглядевшись, достал небольшой ларчик и заглянул внутрь. Прекрасно зная, где Эрих раздобыл серебряную вещицу, спасшую наставника от объятий тьмы, пастор Берг хотел проверить, что все остальное находится в неприкосновенности. Он не допускал и мысли,

что воспитанник присвоил находки себе, но мало ли зачем тот прихватил что-нибудь еще, как именное распятие старика. Содержимое ларца обладало исключительным значением, неизвестным непосвященному. Все хранившиеся в нем вещи принадлежали как самому пастору Бергу, так и его предшественникам, и хотелось верить, что однажды там окажется серебряный крест с именем Эриха Сторма. Убедившись, что все лежало там, где и полагалось, старик заметно успокоился и вернул было ларчик обратно, как вдруг замер, так и не закрыв ящик стола. Где положено действительно лежало ВСЕ. Все до последнего предмета! Дрогнувшими руками старик вновь раскрыл ларец и вытащил из него один из футляров. Внутри покоилось знакомое серебряное распятие, выполненное по единому образцу с другими. Под чтение молитв, его выплавляли особым образом, чтобы оно служило не просто надежной защитой от нечистой силы, но и могло стать священным орудием против зла. Именно поэтому его брали только в крайних случаях и с вполне конкретной целью. Рисковать священной вещью в повседневной жизни, подвергая ее опасности деформации или кражи, считалось недопустимым. На лежавшем в футляре распятии значилось имя пастора Берга. При этом другое, точно такое же, сейчас находилось у него за пазухой. Вне себя от волнения, старик достал то распятие, которое оставил ему Эрих, и поднес к тому, что извлек из коробки. Простой, казалось бы, жест, однако он немедленно привел к крайне примечательному результату. Оба серебряных креста внезапно исказились, будто отталкивались друг от друга всеми атомами. В воздухе возникло сильнейшее напряжение. Запахло электричеством. Контуры распятий стали неясными, словно просматривались через затуманенное стекло, а их основа начала раздваиваться, троиться, десятериться. Вещицы подергивались так, как подергивается изображение на старой видеопленке, целыми фрагментами расплываясь то в одну, то в другую сторону. И чем ближе распятия подносились друг к другу, тем значительнее возрастал искривляющий эффект. Когда они оказывались совсем вплотную, начинали сыпаться мелкие искры, а искривление становилось настолько сильным, будто существованию серебряных крестов сопротивлялась сама реальность. Пастор Берг прекрасно знал, что это означает, ибо так оно и было. Его пальцы сжимали не разные распятия, похожие как две капли воды, а одно и то же. А один и тот же предмет из разных исторических периодов не мог находиться в одном и том же месте в один и тот же момент времени. Распятие, принесенное Эрихом, происходило откуда-то из прошлого.

Пастор Берг, охваченный величайшей тревогой, едва подавил

желание пуститься на поиски воспитанника незамедлительно. Поднявшись в притвор, он раскрыл одну из книг, принесенных из тайника, и принялся вдумчиво ее изучать, освежая в памяти некоторые нюансы. Старик не бездействовал — он дожидался своего сменщика, чтобы задать тому ряд вопросов. Вскоре ему представилась такая возможность. Грохнула дверь центрального входа. По кирхе раздались чьи-то шаги, неторопливо приближавшиеся к притвору. Подняв глаза, пастор Берг увидел, как на пороге объявился какой-то человек в одежде самого обычного гражданина. Нетрудно было догадаться, что сюда он заглянул переодеться в сутану, поскольку в этом человеке старик узнал пастора Кляйна.

— Пастор Берг! — воскликнул прибывший с удивлением и радостью. — Счастлив видеть вас в добром здравии! Мне говорили, что вы лежите в коме и надежды на ваше возвращение почти не осталось. Я молился за вас и рад, что Господь услышал если и не мои молитвы, то чьи-нибудь другие!

— И я рад видеть вас, пастор Кляйн, — приветливо улыбнулся старик, соблюдая приличия, хотя у него на душе кошки скребли. — Я очень рад, что все это время кирха была в достойных руках.

Некоторое время хорошие знакомые обсуждали насущные дела, поскольку старик решительно ничего не знал с тех пор, как его обнаружили лежащим без сознания в подвале. Затем он аккуратно перевел разговор на волновавший его вопрос.

— В мое отсутствие здесь кто-нибудь бывал? — осведомился пастор Берг с самым невозмутимым видом.

— Да. Ваш воспитанник. Он пользовался своим ключом, ссылаясь на ваше разрешение, и я не стал ему препятствовать, — ответил пастор Кляйн. — А что, не стоило его пускать? — тут же озаботился он.

— Нет-нет, все в порядке, — замахал руками старик. — Просто я хотел узнать, как часто приходил Эрих. Его обучение в самом разгаре, и мне было бы отрадно узнать, что он им не пренебрегал.

— М-м, трудно сказать, — пожевав губами, отозвался пастор Кляйн. — Я видел его всего несколько раз. Агенты — и те куда чаще попадались мне на глаза.

— Какие агенты? — поднял брови старик.

Пастор Кляйн вкратце поведал ему о последних событиях в кирхе, заодно упомянув, что воспитанника пастора Берга, похоже, назойливо преследуют какие-то спецслужбы. Последние даже не погнушались понатыкать везде жучков и лишь убоявшись скандала свернули свою возмутительную деятельность. Услышанное старику не понравилось чрезвычайно. Он понял, что Эрих попал в какую-то беду, и что эта беда наверняка имеет самое прямое отношение

к тому месту, откуда он принес серебряное распятие. Все, больше тянуть было нельзя. Соблюдая приличия, старик попытался вежливо отделаться от собеседника, ссылаясь на неотложные дела. Пастору Кляйну, мол, пора приступать к своим обязанностям, а пастору Бергу еще требуется навести кое-какой порядок в подвале, закончив прерванное приступом занятие.

Старик уже ступил на лестницу, когда сменщик его окликнул.
— Дырявая моя голова! Совсем забыл! Ведь Эрих оставил для вас письмо! — воскликнул он, хлопнув себя ладонью по лбу.
Старик вернулся с проворством восемнадцатилетнего юноши. Порывшись в своих вещах, пастор Кляйн достал запечатанный конверт. Сомневаться в его отправителе не приходилось, поскольку адресат был выведен хорошо знакомым почерком Эриха Сторма. Пастор Берг, взбудораженный до крайности, даже не стал уединяться, чтобы ознакомиться с содержанием послания, и распечатал его в присутствии пастора Кляйна, переодевавшегося в сутану. Письмо оказалось довольно продолжительным.

"Дорогой наставник! Дорогой Фридрих! Я хотел бы рассказать тебе обо всем лично, но это, увы, невозможно. Врачи говорят, что ты больше не придешь в сознание и скоро уйдешь в мир иной. Я пишу эти строки в надежде, что ты все-таки поправишься и сможешь их прочесть. Я ведь не знаю, вернусь обратно или нет. У меня к тебе было столько вопросов, но я полагаю, что ты понимаешь, о чем сейчас пойдет речь. Я отправляюсь в тысяча девятьсот тридцать восьмой год. Я бывал там уже неоднократно, прежде чем выяснилось, что мне не мерещится, что это происходит на самом деле. Это настоящее прошлое! Фридрих, почему ты мне не говорил про Аномалию в подвале? Почему ты скрывал ее от меня? Я уже понял, что она открывается не абы кому, а только каким-то избранным людям, и мы с тобой в их числе. Я не знаю, что во мне такого особенного, но я собираюсь воспользоваться шансом, дарованным самой судьбой. В тридцать восьмом году я познакомился с тремя антифашистами: Морицем, Хельмутом и Белиндой. Вместе с ними я собираюсь положить конец ужасам Третьего рейха, обезглавив гидру нацизма. Обезглавив до того, как она сотворит свои чудовищные преступления и приведет Германию к катастрофе. Адольф Гитлер и несколько его ближайших приспешников будут уничтожены. Ради этого я готов пожертвовать всем, даже жизнью. Ради изменения ошибок прошлого я уже пожертвовал своим настоящим. Тебе будут говорить, что я убийца, взяточник и террорист — не верь этому! Я понятия не имею, кто опутал меня паутиной лжи, но я абсолютно невиновен в том, в чем меня обвиняют. Да, я виновен кое в чем другом, но все мной содеянное было толь-

ко ради великой цели. Надеюсь, что я преуспею, и мне удастся вернуться обратно, уничтожив гитлеровский нацизм. Тогда, возможно, мы снова встретимся при более благоприятных обстоятельствах. А может, мы больше не увидимся никогда. Не важно, сложу я голову или нет — я просто обязан попытаться, невзирая ни на какие обстоятельства. На пути к этой цели я уже принес немало жертв, и отступать от нее больше не могу хотя бы во имя них. Если я не вернусь, позаботься о моей любимой Еве. О том, что с ней случилось, ты узнаешь у ее родителей и врачей в больнице. Она все еще не приходила в себя, поэтому я отправляюсь в прошлое так и не услышав ее напутствия. То, что я хочу совершить, я совершу и ради Евы, чтобы уже никто и никогда не осквернял ее чело звездой Давида. Засим прощаюсь. Помолись за успех моего дела, дорогой Фридрих. Ты знаешь, сам я не верующий, но если существует некая высшая сила, она наверняка тебя услышит.

Надеюсь, до скорой встречи! Твой Эрих, благодарный за все воспитанник".

Дочитав до конца, пастор Берг мучительно застонал, едва не выронив письмо. Пастор Кляйн, уже выходивший из притвора, остановился и взволнованно посмотрел на старика. Неужели тому вновь стало плохо?!

— Нет-нет, все в порядке. Просто зуб прихватило, — нашел в себе силы улыбнуться пастор Берг, приложив руку к щеке. — Вы случайно не знаете, что случилось с невестой моего молодого друга?

Сменщик оказался довольно подробно осведомлен. Эрих, прибегая к помощи пастора Кляйна, завоевал его расположение душещипательным рассказом о беде, постигшей несчастную девушку. После этого впечатленный пастор обрушился на агентов спецслужбы с удвоенным гневом.

Выслушав трагическую историю, старик разволновался еще больше. Мозаика начинала складываться. Поблагодарив сменщика за содержательное повествование, он вежливо с ним раскланялся. Пастор Кляйн ушел исполнять свои обязанности, а пастор Берг опрометью бросился в подвал.

— Почему?! Ну почему я не посвятил его раньше?! — приговаривал он, ворвавшись в секретное помещение. — Я все думал, что он не готов! Я все чего-то ждал! Вот и дождался, старый осел!

Продолжая причитать, старик собирал различные вещи, кидая их в наплечную кожаную сумку. Выдвигая ящики и открывая дверцы, он устроил в потайном закутке настоящий бардак, однако второпях не обращал на него ни малейшего внимания. Несмотря на преклонные годы, он двигался с проворством солдата, вскочившего по сигналу тревоги или скаута, выполнявшего задание на

скорость.

Через четверть часа загремел замок железной двери, отпираемый запасным ключом. Этот ключ хранился в тайнике, и на сей раз пастору Бергу уже ничто не помешало попасть в заповедную комнату. Проклятое распятие было уничтожено. Зло, проникнувшее в кирху через его скверну, уже не могло ни заблокировать вход, ни воспрепятствовать как-либо иначе. Дверь распахнулась, открывая пустое помещение, чьи стены, пол и потолок были исписаны странно переплетавшейся латынью. Воздух в его центре приметно колебался, а за ним виднелось изваяние с опущенными крыльями. Зев ожидал на том же месте, где возник с незапамятных времен. Сегодня пастор Берг наконец-то решился его пройти, но отнюдь не к своему искушению, от которого успешно воздерживался на протяжении полутора сотен лет. Заперев за собой железную створу, он крепко сжал в руке серебряное распятие, принесенное Эрихом, и решительным шагом проследовал через Зев, очутившись прямо напротив статуи.

— Ты еще не победил, падший ангел! Ты еще не победил! — горячо прошептал он, бросив горящий взгляд на крылатую скульптуру.

Затем резко развернулся и покинул таинственную комнату с традиционно исчезнувшим коридором во времени. Последнее пастора Берга ничуть не удивляло. Зев снова появится спустя двенадцать часов — минимально необходимый период, чтобы человеческий разум адаптировался, не сойдя с ума из-за слишком частых перемещений в ходе самой истории.

– 13 –

Раздобыв взрывчатку, Эрих считал, что больше ничем не мог помочь соратникам, превратившись в обычную боевую единицу, пусть и наделенную несколько специфическими знаниями. О возвращении в свой родной год не шло и речи. Там его наверняка караулят с фонарями, а если и нет, то уж точно повяжут где-нибудь в национальной библиотеке. Собственно, Эриху больше всего не хватало именно ее архивов, чтобы продолжить чрезвычайно важные изыскания. Он так и не успел подобрать оптимальные день и место, где следовало нанести решающий удар. Теперь приходилось полагаться лишь на уже имеющуюся информацию, а ее явно не хватало для четкого понимания дальнейших действий. Хорошо хоть, что вариант со снайперской винтовкой отпадал, поскольку подпольный магазинчик Адама окончательно стал недоступен. Эрих не держал зла на эксцентричного продавца, выяснив, что тот его с одной стороны вроде бы сдал, а с другой отказался от

письменных показаний. Спецслужбы, прихватив любителя травки, могли не оставить ему выбора, и если он не подвел клиента под монастырь со всеми потрохами, то уже за одно это его стоило благодарить. Эрих уже понял, отчего Адам столь жестко отреагировал на его желание приобрести пластид и выставил прочь в довольно грубой форме. Согласись он тогда продать Эриху желаемое — и последний уже сидел бы в тюрьме, без всякого шанса выйти на свободу хотя бы до суда. Стало быть, Адам все-таки сделал доброе дело, искупив свою вину за содействие полицейским ищейкам, и не надо поминать его дурным словом.

Да, крупнокалиберная дальнобойная винтовка из двадцать первого века могла поразить цель с огромного расстояния, но после продолжительной дискуссии с антифашистами надобность в ней исчезла. Во-первых, Эрих хорошо стрелял лишь вблизи, используя пистолеты и пистолеты-пулеметы. С ними он демонстрировал изрядное мастерство, но когда доходило до снайперского оружия точность и скорострельность молодого человека оставляли желать лучшего. Последнее автоматически порождало во-вторых. Антифашисты давно решили, что убрать одну цель, пусть и самую приоритетную, недостаточно. Необходимо прихватить с ней как можно больше бонз из нацистской верхушки, а для этого требовалось выпускать пулю за пулей, причем в кратчайшие сроки. Эрих заявил, что справиться с такой задачей ему не под силу — он, того и гляди, и в главного-то врага не попадет, не говоря уже о последующих выстрелах. А только неудачного покушения антифашистам и не хватало! Неспособный справиться с ролью снайпера, Эрих предложил ее Белинде. Та наотрез отказалась. Эрих не до конца понял, чем мотивировалось неожиданное упрямство девушки, но она настаивала, что не возьмет на себя такую единоличную ответственность. Не возьмет, даже если стрелков будет несколько. Мориц в принципе избегает обращения с огнестрельным оружием, а Хельмут, как и Эрих, хорошо поражает мишени только в относительной близости. Таким образом, из четырех стрелков двое фигурировали практически условно, а оставшиеся имели больше шансов завалить всю операцию, нежели достичь хотя бы частичного успеха.

Варианты с отравлением и прочими экзотическими штучками также не годились. Имей антифашисты такую возможность, они давно бы ее осуществили и без помощи нового соратника. Нет, здесь требовался совсем другой подход — надежный и радикальный, способный поразить все объекты одновременно и с минимальным риском оплошать. А таковым представлялся только взрыв, обладавшей достаточной мощью, чтобы разом накрыть

большую площадь, не оставив от нее камня на камне. Именно поэтому Эриху понадобился пластид. Тротиловые шашки из тридцать восьмого года для такой задачи не годились. Их пришлось бы навалить целый вагон, а где его раздобыть ячейке Хельмута, если она и динамит-то получала малыми порциями. После инцидента в тупике все поставки взрывчатки стали зависеть от Эриха, и он исправно пополнял запасы антифашистов, пока лавочка не прикрылась. Кроме того, большой объем тротила требовалось где-то разместить и сделать это незаметно, что представляло известную проблему. Конечно, Белинда могла организовать налет на какой-нибудь армейский склад, но воинская часть — это вам не банк ограбить. Там много солдат, и стрелять они будут сразу и на поражение. В результате Эрих решил, что пластид, обладавший значительно большим фактором относительной эффективности, автоматически снижавшим общий физический объем заряда — лучший выход из положения. Это соображение и привело его к Адаму. Оно же едва и не погубило. Сделка не состоялась, однако Эрих нашел, как выпутаться из положения. Пользуясь своими служебными полномочиями, он заказал на склад изрядное количество взрывчатки, несколько уступавшей желаемой по параметрам, зато в достаточном количестве. Здесь ему помог один полезный контакт, имевший отношения к поставкам в Бундесвер. С точки зрения закона товар был, что называется, на грани фола, но Эрих и не собирался продолжать карьеру с такой сомнительной сделкой за плечами. Он рассчитывал прихватить взрывчатку и улизнуть, а там уж хоть трава не расти. Именно эту взрывчатку, своевременно поступившую на склад строительной компании, он и вывез накануне своего грядущего ареста, заранее решив вопрос с накладными и прочими документами. В фирме, поди, уже хватились опасного груза и подняли тревогу, ну да ищите теперь бывшего старшего подрывника в тридцать восьмом году. Белинда, пересчитав драгоценные брикеты, была прямо на седьмом небе от счастья, однако Эрих не до конца разделял ее восторги. Взрывчатку-то он добыл, спору нет, да много ли с того толку, если вопрос целевого применения оставался открытым. Иными словами, внушительный заряд требовалось куда-то заложить, а куда — Эрих до сих пор не знал. Вот тогда-то и пришло время порадоваться, что антифашисты Хельмута вели свою подготовку, пока он копался в архивах немецкой национальной библиотеки. Белинда даже и не думала унывать, услышав от Эриха, что он теперь в известном смысле отрезан от внешнего мира и больше не имеет доступа ни к арсеналу, ни к источникам информации.

— А вот это как раз и не беда! — заискрила она зелеными глазами.

— Да, но я теперь не в состоянии назвать точное время и место операции. Я подумывал о Мюнхене, где в конце сентября намечается встреча с диктатором Муссолини и несколькими иностранными министрами, но моих сведений о ней недостаточно. Разве это не проблема? — хмурился Эрих.
— Ничуть. Если мы не можем воспользоваться каким-то известным событием, мы создадим его сами! — хитро прищурилась девушка.
— Разве это возможно? — искренне удивился молодой антифашист.
— Еще как! — заявила Белинда с какой-то незыблемой уверенностью. — Хельмут еще и не на такое способен! Думаешь, мы просто так катались по всему Берлину? Полдела, считай, уже сделано. Дергая за невидимые нити, мы привели в действие целую систему, и она вскоре принесет свои плоды.
— Погоди-погоди! Ты хочешь сказать, что вашими стараниями мы не станем подгонять операцию под какие-то условия, а сами создадим их в заранее выбранном месте операции?! — откровенно опешил Эрих.
— Именно так! — кивнула девушка, полыхнув огнем рыжих волос. — Мы соберем все яйца в одну заранее размещенную нами корзину. Поверь, это не так сложно, как кажется. Правильно выбранные люди, в нужный момент нажимающие на нужные кнопки, и грамотно созданные обстоятельства способны усадить на один пароход всех желаемых пассажиров. Образно выражаясь. И мы пустим этот пароход на дно!
— Тогда почему вы не сделали такое раньше? — задал вполне резонный вопрос Эрих.
— А толку? У нас не хватило бы взрывчатки, чтобы поднять на воздух целое здание! Теперь она у нас есть, — пояснила, ослепительно улыбаясь, Белинда. — Есть благодаря тебе. И именно тебе мы предоставим честь привести в действие детонатор, ибо без твоего участия мы были не в состоянии осуществить что-либо подобное.
— Надеюсь, ты не заблуждаешься насчет наших возможностей, — протянул молодой человек, завороженный ее неистовым пылом.
— Скоро сам увидишь, — как-то загадочно отозвалась девушка.
Этот разговор состоялся в то же утро, когда коробки со взрывчаткой прибыли в старое кирпичное здание на окраине Берлина, где их окропили очередной жертвенной кровью. С тех пор Эрих только и делал, что сопровождал Белинду в различных вылазках, посвященных грядущей операции.

Вылазки отличались изрядным разнообразием. Больше всего

Эриху нравилось сидеть где-нибудь в пивной или кафе на пару с рыжеволосой спутницей, пока Хельмут обрабатывал по соседству очередного человека. Уж как он это делал — ведало одно небо, однако по его словам дело продвигалось вполне успешно.
— А что за людей он посещает и чем их подкупает? — спрашивал Эрих, совмещая приятное с полезным, то есть угощаясь различной снедью, напитками, и при этом бдительно поглядывая по сторонам.
— Подкупает в основном золотом, — отвечала Белинда. — После налета на банк, который мы все-таки сделали в твое отсутствие, у нас его предостаточно. Раз уж не удалось заплатить за взрывчатое вещество, пусть слитки послужат в качестве взятки.
При упоминании последней Эрих хмурился, автоматически вспоминая неприятности в своей жизни по другую сторону Аномалии. Он вообще ни черта не понимал в той темной истории с какими-то миллионами, якобы кому-то посуленными на его квартире. Это звучало полнейшим бредом, но агенты были уверены в обратном, и, судя по словам адвоката, располагали некими доказательствами, раз собирались произвести арест. Эрих понятия не имел, откуда взялось это никогда не виденное им золото, кто такие Майер и Кольбе, и даже каким образом на него свалился влиятельный адвокат, присланный неизвестным покровителем. Все происходящее отдавало какой-то мистикой и заставляло предположить чей-то зловещий умысел, однако Эрих, размышляя о перипетиях своего времени, никоим образом не приплетал туда ячейку Хельмута. Да, антифашисты тоже оперировали золотом, но подозревать их не приходилось. Обычные люди из тридцать восьмого просто физически не могли быть замешаны в событиях двадцать первого века. К тому же, даже если на мгновение допустить, что они проходят туда через какую-то свою Аномалию, с чего бы им злонамеренно вредить соратнику, практически ставя его на грань выживания? Вредить как раз тогда, когда он был им нужен не в тюрьме, а на воле, не обремененный слежкой и с полным доступом к новейшему арсеналу. Впрочем, имей антифашисты свой коридор в будущее, на кой бы ляд им вообще сдался господин Сторм? Следуя такой нехитрой логике, Эрих не вел и ухом, когда Белинда говорила о золотых слитках. Ведь всяко не эта рыжеволосая красавица загнала его в западню и натравила агентов. Та, кстати, тоже не торчала за столиком без дела, совмещая задание с отдыхом. Ее любимым блюдом было мясо с кровью, причем такой слабой прожарки, что Эрих бы его точно есть не стал. Белинда объясняла свою страсть низким уровнем гемоглобина и большой потребностью в железе, что несколько не вязалось с ее бьющей ключом бодростью.

Пиво же она и вовсе пила как лошадь, проворно опустошая кружку за кружкой. Эрих давно бы под стол свалился, а она ничего — сидит себе посиживает, и хмеля ни в одном глазу. На редкость удивительная девушка!
— Как в тебя только лезет? — усмехаясь, приговаривал Эрих.
— Я большой знаток в плотских утехах, — лукаво подмигивала Белинда.
Эрих краснел и отворачивался, стараясь изгнать из мыслей объявлявшиеся там соблазны. К счастью, соратница не предпринимала попыток его совратить, а молодой человек не забывал о своей Еве, поэтому парочка диверсантов сохраняла прекрасные дружеские отношения.

Порой на задание уходила Белинда, применяя искусство обольщения на практике. Тогда Эрих оставался в компании Хельмута и оба неторопливо обсуждали берлинскую жизнь, а также текущие события в Германии. Хельмут, в отличие от рыжей девушки, едой и выпивкой не злоупотреблял, ограничиваясь небольшими порциями красного вина. Он вообще вел себя степенно и рассудительно, периодически ворча на Белинду за чрезмерные активность и болтливость. С его точки зрения, она была слишком молода и не сдержана, отчего регулярно ходила, что называется, по краю. Польза от нее, однако, перевешивала все недостатки, из-за чего Хельмут терпел все выходки девушки, и лишь иной раз грозился устроить ей хорошую взбучку. Эрих, представляя себе, чего там сейчас поделывает Белинда, испытывал чувство похожее на ревность. Манера убеждения, к которой та прибегала, наверняка отличалась от способов Хельмута самым очевидным образом. Он облегченно вздыхал, когда девушка возвращалась, и порой не мог удержаться от вопросов.
— О, я всего лишь покоряю сердца, — лукаво улыбалась Белинда чуть ли не до ушей. — Ну, или съедаю — это уж как получится. Ведь я та еще сердцеедка.

Некоторые выезды разительно отличались от времяпрепровождения в забегаловках. Пользуясь дистанционными взрывателями, рыжая бестия несколько раз подняла на воздух чьи-то легковые автомобили. Их владельцы отказались сотрудничать и грозили выдать антифашистов властям. На пару с ней Эрих однажды заминировал целый гараж, разнесенный в пух и прах строго по установленному таймеру. Пришлось хорошенько постараться, но ячейка Хельмута еще располагала запасами взрывчатки, оставшейся от прежних поставок Эриха. Новую берегли как зеницу ока, но старую активно пускали в дело при первой же необходимости, а таковая нет-нет, да и возникала. В случае с гаражом все объяс-

нялось просто. Два десятка служебных машин, приведенных в полную негодность, привели к отставке некоего должностного лица. Его преемник относился к предложению Хельмута лояльно и, получив новое назначение, тут же стал исполнять взятые на себя обязательства. Какие именно — Белинда Эриху не говорила, обещая лишь то, что в надлежащий день "все яйца соберутся в одну корзину". Ради означенного сбора диверсанты сожгли целое поместье, устранив неугодного плану чиновника, причем во время званого банкета. Расстрел и взрывы тут не подходили. Все должно было выглядеть как несчастный случай, иначе, мол, цепочка событий пойдет не в том русле. Эрих понятия не имел, как вообще можно просчитать настолько сложную схему, чтобы натворить дел в одном месте и при этом получить желаемый результат в другом. С его точки зрения, Хельмут и Белинда играли в какую-то рулетку с неясным исходом, но оба антифашиста уверяли, что дело движется, и движется именно так, как задумывалось. Вовремя сгоревший особняк вписывается в общую схему и к нужному часу даст желанный результат. Даст точно так же, как ничем вроде бы не примечательное почтовое отделение, сожженное незадолго до него. Смена должностных лиц, нарушенные взаимосвязи, вовремя не доставленные донесения и подложные рапорты — все это становилось элементами одной большой мозаики, складывавшейся по мере того, как близилась конечная цель. Правда, пожар в особняке Эриху не понравился. Наутро он прочел в газетах, что в огне погибла вся семья того чиновника вместе с львиной долей слуг. Белинда выразила сожаление и пояснила, что не могла предусмотреть столь трагический исход. Накануне чиновник должен был отправить домочадцев к родственникам, и их наличие в доме оказалось для нее полной неожиданностью. Эрих заподозрил, что девушка, щадя его совесть, честна с ним не до конца, но внезапно осознал — ему едва ли не все равно. Он настолько стал привыкать к взрывам, стрельбе и убийствам, что каждая новая жертва начинала восприниматься как нечто малозначимое. Восприниматься как сопутствующий ущерб — печальный, но неизбежный на пути к великой цели. Эрих уже не реагировал столь остро, как прежде, когда гибли случайные прохожие или шальная пуля сражала ни в чем не повинного человека. Он стал смотреть на вещи через призму суровой необходимости. Эрих не упивался кровью врагов, как это порой делала Белинда, но живые люди постепенно превращались для него в неодушевленные препятствия, и он сметал их с доски будто шахматные фигуры. Сметал в многоходовой попытке добраться до короля.

Изменения, происходившие в его морали и взглядах, особен-

но наглядно подчеркнула диверсия в одном доме, расположенном в тихом спальном районе. Заложенная бомба должна была имитировать взрыв газового баллона. Эрих, зная, что могут пострадать соседи, лично нажал на кнопку, взяв пульт у Белинды. Мол, он не белая ворона и тоже согласен нести часть ответственности за происходящее. Белинда посмотрела на него каким-то особенным взором. Ее лицо отразило непередаваемую игру эмоций. Кажется, она была рада и удовлетворена произошедшей трансформации. Переднюю стену дома разнесло по кирпичику, внутри взвилось жаркое пламя, а девушка под истошные крики пострадавших обвила Эриха руками и жарко поцеловала. У молодого человека аж голова пошла кругом, и некоторое время он ничего не видел кроме бездонных зеленых глаз, суливших неземное наслаждение. Одним поцелуем рыжая бестия его едва с ума не свела, и позднее Эрих радовался, что та не зашла дальше, ибо он сохранил верность невесте. Последней, возможно, вновь удалось бы пробудить в нем прежнюю человечность, не допускавшую убийств и насилия, но Ева была далеко. Рядом же находилась Белинда, успешно заводившая Эриха на кровавый путь с массовой гибелью людей. Гибелью, к которой все шло, ибо устранить одни лишь намеченные цели без сопутствующих разрушений было просто невозможно. Эрих узнал об этом тогда, когда Белинда посчитала, что он наконец-то готов услышать конечный замысел приводимого в действие плана.

Близилась середина сентября. До Мюнхенской сделки оставалось рукой подать, поэтому Эрих проявлял заметное волнение. Белинда его успокаивала, говоря, что удар будет нанесен прежде, чем представители нескольких стран подпишут соглашение о разделе Чехословакии. Рыжая девушка вообще взяла молодого соратника под свой личный патронаж и практически не отходила на него ни на шаг. Эрих жил и ночевал в той комнате, где, очнувшись, впервые увидел Хельмута. Белинда обитала там же, поставив по соседству еще одну кровать. Кажется, она не собиралась спускать с него глаз даже ночью, и Эрих только дивился ее заботливому вниманию. Впрочем, он был рад обществу девушки, поскольку это позволяло ему не оставаться наедине с тягостными мыслями.

— Ты не спишь? — шепнул Эрих как-то за полночь, битый час проворочавшись на постели.

В полумраке блеснули зеленые глаза, сейчас больше походившие на кошачьи, нежели человеческие. Белинда отозвалась каким-то совсем не сонным голосом. Эрих вообще не видел, чтобы она спала. Да, ее веки порой оказывались закрытыми, но он был готов поклясться, что девушка как максимум дремлет, держа ухо вос-

тро.
— Слушай, давно хотел спросить… В тот день, когда я никого из вас не застал, а ты передала мне записку… — не договорив, Эрих умолк, пытаясь сформулировать фразу.
— Да? — осведомилась девушка со странным напряжением в голосе.
— Тогда мне встретилась какая-то женщина. Она сказала, что я ошибся адресом. Мол, в этом доме никто не живет после того, как в нем произошло жестокое убийство. Прежний хозяин зарезал всю свою семью и покончил с собой, — сообщил Эрих, больше констатируя, нежели спрашивая.
— Так и есть. Именно поэтому мы его и выбрали, — неожиданно заявила Белинда уже вполне спокойным тоном.
— В смысле? — привстал на локте молодой человек.
— В прямом. Люди его избегают — чем не подходящее место для конспиративной квартиры? — пояснила Белинда. — Раньше мы и огней не зажигали. Светонепроницаемые шторы повесили только ради тебя, чтобы никто не заподозрил, будто здесь кто-то поселился.
— А почему почти все двери заперты? — не унимался Эрих.
— Потому и заперты. Там бардак жутчайший — смотреть страшно. На обоях до сих пор следы крови, — отозвалась Белинда. — Мы привели в порядок только эту комнату, да и то к твоему появлению. А заодно кухню, ванную и то помещение, где хранится наш арсенал, который ты регулярно навещаешь. С остальным слишком много возни. Или ты предпочитаешь заниматься шумным ремонтом в ущерб важнейшей операции?
— Конечно нет! — ответил Эрих, вновь откидываясь на подушку. — Просто я должен был спросить. А то наше убежище стало казаться мне каким-то… зловещим.
— А, так вот что тебя беспокоило! — протянула Белинда. — Что ж, теперь ты знаешь — волноваться не о чем. Выкинь соседские сплетни из головы. Ну, сам дом, конечно, дыра знатная, но здесь ты в полной безопасности, уж будь уверен. Все, теперь давай спи! Завтра важный день. Хельмут почти все подготовил. Сегодня ночью Мориц на разведке и по ее результатам мы прикинем, когда начать последнюю фазу операции.
Эрих, и впрямь успокоенный полученными объяснениями, повернулся на бок и почти сразу засопел. Разумеется, он уже не видел, как зеленые глаза Белинды то и дело мерцали в сгустившемся мраке, фосфоресцируя совершенно непонятным образом.

Разложив на столе план какого-то строения, Хельмут обратился к Эриху как к сведущему специалисту-подрывнику. Большое

количество взрывчатки — это хорошо, без этого вообще никуда, но грамотное ее расположение способно многократно усилить полезный эффект. Эрих, взглянув на схематично изображенный объект, узнал в нем один из берлинских театров. Кажется, впоследствии он изрядно пострадает от бомбежек, но сейчас это здание процветало и, как тут же выяснилось, готовилось принять под свои своды цвет нацистов Третьего рейха.
— Ты в этом уверен? — поразился Эрих, копаясь в своей памяти. Там не содержалось даже намека о таком историческом событии. Конечно, он не знал наизусть все содержимое архивов национальной библиотеки, но чтобы уж совсем ничего не слышать о столь знатном сборище…
— Еще месяц назад никто из участников грядущей постановки о ней и понятия не имел, — пояснил, слабо улыбаясь, Хельмут. — Устранить всех этих людей поодиночке здесь и сейчас мы трое не в состоянии, но вот собрать их вместе, чтобы ты разнес всю компанию своей взрывчаткой — совсем другое дело. Это нам по плечу. Ведь именно за этим мы и разъезжали по всему Берлину и пригородам.
— Вот оно что! — ахнул Эрих, все еще не веря, что такое вообще возможно.
Какой же расчетливостью и связями обладала троица антифашистов, чтобы устроить настолько крупное и важное мероприятие!
— Это проще, чем тебе кажется, — рассмеялась Белинда, угадав причину оторопи молодого соратника. — Зная все переменные, не так уж сложно вычислить конечный результат, а уж подстроить под него обстоятельства — дело техники.
— Не отвлекаемся! — строго сказал Хельмут. — Эрих, ты как специалист должен рассчитать, куда лучше всего заложить заряды.
— Нужен план подземных коммуникаций, — подумав, заявил инженер-подрывник.
— Разумеется! — кивнул Хельмут, раскладывая на столе еще один большой лист. — Думаешь, зачем нам понадобился тот тип с соответствующим доступом к подземной части Берлина?
Эрих, начиная многое понимать, только присвистнул.

Производить вычисления в тридцать восьмом году было куда сложнее, нежели в эпоху мощных компьютеров. Программой тут не воспользуешься и на экране трехмерный процесс не смоделируешь. Даже про самый обыкновенный калькулятор люди еще и слыхом не слыхивали. В распоряжении Эриха имелись только архаичные счеты да арифметическая машина, где требовалось вращать ручку, а к ним прилагались тетрадь и карандаш. У него чуть ум за разум не зашел высчитывать на бумаге то, что обычно в не-

сколько нажатий делалось с помощью ЭВМ. К счастью, слишком мудреных расчетов не понадобилось. Эрих, ориентируясь на свой опыт, производил лишь самые основные, исходя из данных чертежей и указанных в документации материалов. У него ушло целых два дня, но результат того стоил. Тетрадь, полностью исписанная цифрами, закончилась столбиком чисел, расписанных строго напротив контрольных точек с указанием позиционирования. Ориентируясь на свои записи, Эрих сделал пометки на генеральном плане здания, отмечая места, направление и емкость подрывных зарядов. То же самое он проделал со схемой подземных коммуникаций, тянувшихся под театром. Несущие конструкции, уходившие в землю, вплотную граничили с тамошними тоннелями, и это было диверсантам на руку. Ведь взрывчатку требовалось заложить так, чтобы ее никто не обнаружил. Перед визитом нацистской верхушки здание наверняка будут проверять, поэтому заряды должны быть полностью скрыты от глаз. К счастью, проверяющие не станут осматривать каждый квадратный дюйм, да и служебные собаки, натасканные соответствующим образом, появятся только спустя много лет. Осмотр будет относительно поверхностным, на предмет всяких там бомб, ящиков с динамитом и спрятавшихся злоумышленников. То, что весь театр окажется заминирован целиком, никому и в голову не придет. Не придет, в том числе, потому, что антифашисты заминируют его заранее. Это давало им существенную фору, возможность хорошенько подготовиться к грядущему спектаклю в прямом и переносном смысле слова. Пронести огромное количество взрывчатки на некий закрытый объект и разместить ее там незаметно под носом у охраны — та еще задачка. Тайком напихать заряды в подвал культурного заведения и прикрыть их заведомо продуманным образом — совсем другое дело. Эрих, полностью закончив расчеты, все больше понимал, зачем антифашистам были нужны те или иные люди. Сменившийся директор театра и пара его доверенных служащих обеспечили доступ ко всем помещениям. Должностные лица из соответствующего департамента выдали официальное разрешение на проведение работ в подземных тоннелях Берлина. Арендованный грузовик доставил коробки с взрывчаткой по нужному адресу, где они благополучно переместились в подвальную кладовую уже на целевом объекте. Подходящий человек исполнял новый контракт на ремонт и через реально существующую фирму привлек для этого необходимых специалистов. Рабочие, нанятые окольными путями, принялись пробивать ниши и возводить различные конструкции, даже не ведая, для чего все это делалось. Эрих только диву давался, сознавая, как быстро и эффективно

осуществляется последний этап подготовки масштабной операции. Прекратив дергать за ниточки, антифашисты пожинали плоды своей долгоиграющей стратегии. Впрочем, не совсем прекратив. Как-то утром, на исходе второй декады сентября, Белинда разбудила Эриха раньше обычного. Заботливо сунув ему поднос с завтраком и кофе, она уселась рядышком с очень хитрым видом.
— Что за срочность? — осведомился молодой человек, осваивая ароматное содержимое кофейника.
— Давай жуй быстрее и одевайся. Сегодня мы отправляемся туда, где ты еще не бывал, — сообщила девушка, смахивая на рыжую лису, собиравшуюся забраться в курятник.
Эрих едва успел доесть, как соратница протянула ему тщательно выутюженную эсэсовскую форму.

О да, Белинда была абсолютно права. В правительственном квартале молодой антифашист появлялся нечасто, и уж точно ни разу не переступал порог сердца Третьего рейха. Даже в пути, пока девушка вела машину, Эрих до конца не верил, куда они едут. Ему пришлось признать очевидное, когда он, Хельмут и рыжая бестия вошли в Рейхстаг.

Белинде уже доводилось носить черный мундир, в котором она, кстати, смотрелась впечатляюще, но лидера подпольной ячейки Эрих видел в таком наряде впервые. Вся троица была замаскирована под офицеров СС, и Хельмут, как старший, щеголял в чине штандартенфюрера. Уж как он раздобыл документы, позволявшие явиться в святая святых нацистов, одному черту было известно, но факт оставался фактом — их беспрепятственно пропустили. Эрих, стараясь не слишком откровенно озираться по сторонам, жадно таращился во все глаза. Уже вроде бы попривыкнув к тридцать восьмому году, он вновь испытал невероятную жажду исследований. Вокруг была сама история — центр грядущих событий, протрясших мир столь тяжким и ужасным образом. С трудом сохраняя невозмутимое выражение лица, Эрих даже увидел нескольких высокопоставленных нацистов, чьи имена навсегда войдут в учебники, и войдут отнюдь не с героическим ореолом. В какой-то момент он испугался только одного — увидеть Адольфа Гитлера. Такая случайная встреча могла поставить на всей затее крест, если нервы антифашиста сдадут, и он попытается пристрелить чудовище на месте. Пристрелить если и не своим оружием, то отобранным у ближайшего охранника. Вероятно, именно поэтому рядом с Эрихом всегда находился кто-то из спутников — либо Хельмут, либо Белинда. Последние оживленно сновали по Рейхстагу, заходя куда-то туда, куда их, по идее, не должны были подпускать и на пушечный выстрел.

— Помнишь взорванный дом одного эсэсовского генерала? Новый все устроил наилучшим образом. Хельмут на золото не скупился. Наши пропуска — подлинные, а когда всплывет подлог со званиями, для нацистов станет уже поздно, — шепотом поясняла Белинда изумлявшемуся Эриху.
Когда же она удалялась сама, чтобы охмурить очередную жертву, комментарии молодому человеку давал Хельмут.
— Тот особняк с чиновником вы сожгли не просто так. Его преемник очень способствовал продвижению спектакля, на премьеру которого соберется нацистская верхушка, — тихо говорил он, когда поблизости не оказывалось посторонних. — Зрелище обещает быть идейно выдержанным и поистине грандиозным. Это, разумеется, не так — вот нам еще возиться с какими-то ничтожными постановками! — но оно и не важно.
До Эриха, слушавшего старшего товарища, окончательно начинал доходить весь хитроумный замысел. Антифашисты могли подготовить настоящий спектакль, насыщенный всеми необходимыми составляющими до отказа, однако в этом не было нужды. Главное, чтобы в эпическое действо по мотивам идеологии Третьего рейха верили все привлеченные лица; главное, чтобы в него поверили будущие зрители. То, что в результате развернется на сцене, уже не сыграет никакой роли, поскольку пьеса не дойдет даже до конца первого акта. Публика успеет увидеть декорации, но не более. Едва поднимется занавес, как на преступном пути лидеров Третьего рейха будет поставлена точка. Таймер, выставленный на первую минуту представления, не подведет, а в случае чего Эрих подстрахует его на расстоянии самим же раздобытым пультом.
— Так это все фейк! Подделка! — поразился молодой человек, слушая во все уши.
— Именно так! — усмехнулся Хельмут, мастерски изображавший из себя полковника. — Подделка, в которую поверили решительно все, начиная от театрального сторожа и заканчивая нацистскими бонзами. Кажется, Геббельс собирается сделать из нашего спектакля очередного монстра пропаганды, если он будет соответствовать его ожиданиям. Что ж, флаг со свастикой ему в руки. То, что наш обожаемый доктор окажется поражен до глубины души — вот это я точно обещаю. Правда, мои и его представления о причинах этого потрясения кардинально расходятся. Ну, преподнесем ему маленький сюрприз.
Эрих едва удержался от гомерического хохота, представляя, как ожидания нацистской верхушки внезапно расходятся с действительностью. Нервное возбуждение, в котором он пребывал, провоцировало повышенное проявление эмоций. Хельмут, внимательно

оглядев молодого соратника, сунул ему офицерскую фляжку, наполненную знакомым красным вином неизвестной марки. Основательно приложившись к ее содержимому, Эрих почувствовал, как ему здорово полегчало. Нервы перестали играть, а сам он расслабился, начиная воспринимать окружающее более сдержанно и флегматично.

Вернувшаяся Белинда доложила, что все в порядке. Помимо прочего, антифашисты разносили именные приглашения и имели разговоры тет-а-тет с несколькими очень важными людьми. Уж кого там рыжая бестия околдовывала, Эрих не знал, но по ее лицу было видно, что девушка весьма довольна результатом.

— Этот похотливый боров чуть слюной не изошел, когда я пообещала ему совместные каникулы после спектакля, — сообщила она Хельмуту, одновременно подмигивая Эриху.

Эрих зарделся, а старший антифашист одобрительно похлопал Белинду по плечу.

— Вот потому я и терплю все твои выходки — ты способна соблазнить кого угодно, и кого угодно можешь заставить плясать под свою дудку, — совершенно серьезно заявил он к вящему удовольствию девушки.

— Меня тоже? — полушутя осведомился молодой человек.

— Тебя мы уже совратили, раз ты с нами здесь и сейчас, — тихо рассмеялась Белинда, искря глубокими зелеными глазами.

Хельмут нахмурился, бросив на нее сердитый взгляд, но Эрих оценил юмор по достоинству и послал ответную улыбку. Вот только он понятия не имел, что Белинда и не думает шутить.

На долю Эриха так и не выпало никаких особенных дел, не считая нескольких врученных им конвертов, адресованных неким чиновникам Рейхстага. Пока Хельмут и Белинда сновали в жизненном центре нацизма, он по большей части разглядывал достопримечательности, ведя себя скорее как турист, нежели заговорщик. В конце концов, он не выдержал и прямо спросил об этом Белинду. Та не стала отпираться и призналась: основные роли отводились ей и Хельмуту, а Эриха взяли за компанию. Мол, она знала, что молодой соратник мечтает побывать в Рейхстаге, и поэтому уговорила Хельмута прихватить его с собой. Самому же Эриху девушка об этом не сообщила, чтобы тот, чего доброго, не обиделся и не отказался ехать.

— Экая ты расчетливая, — без всякой досады заметил лже-штурмбаннфюрер. — Но я не в обиде. Я и впрямь мечтал здесь побывать. Жаль только, что мы наметили театр, а не этот вот рассадник нацизма.

— Театр проще, — отозвалась Белинда. — А сюда труднее про-

браться, да и взрывчатка понадобилась бы вагонами. Я бы и сама с удовольствием устроила здесь фейерверк, но Хельмут велел заниматься театром. Вообще у меня хватало разных идей. Например, угнать самолет и спустить на Рейхстаг мощную бомбу. Хорошую такую, чтобы накрыла всех и каждого. У нас такой нет, но вот ты, учитывая технологии уже принесенного оружия, наверняка сумел бы раздобыть что-нибудь подходящее.
Учитывая масштабы, Эрих машинально подумал про ядерный арсенал. Да, небольшая атомная бомба была способна стереть весь правительственный квартал с лица земли, одним махом уничтожив руководство Третьего рейха от верхушки до промежуточных исполнителей. Только где ж ее взять? Разве только в американских бункерах, расположенных на территории Германии, но вряд ли армия США вот так запросто поделится такой штуковиной.

Белинда украдкой глядела на невольно задумавшегося Эриха, и на ее лице витало весьма примечательное выражение. Со стороны могло показаться, будто она читает мысли своего соратника. Ее же собственные проецировались в некую виртуальную форму. Одно за другим там появлялись яркие, красочные видения, настолько реалистичные, словно они и впрямь произошли на самом деле, а теперь их показывали в виде объемного кино. Вот военный конвой умудряется потерять секретный груз при транспортировке. Скандал, разумеется, скрывают, чтобы не шокировать общественность, но груз, однако, так и не находят. Он попадает в руки совершенно посторонних людей, якобы случайно оказавшихся в нужное время в нужном месте. Затем цепочка подстроенных событий приводит туда некоего молодого человека, и этот груз достается ему. Далее — просто. Мотивированный должным образом, он хватает многотонный боеприпас подмышку и приносит его соратникам. Те, разумеется, откровенно игнорируют все степени защиты атомной бомбы, предохраняющие от незапланированной детонации, и сбрасывают ее на Рейхстаг.

Рыжеволосая девушка поморщилась. Очень даже миленькая получалась картинка, если не принимать во внимание последние два обстоятельства. Молодой человек не трактор — таскать тяжеленную бомбу не способен. Ту, которую требовалось конструктивно изменить, адаптируя к реалиям тридцать восьмого года, иначе она попросту не взорвется. Конечно, при желании можно решить и эти затруднения, но чем усложнять задачу, проще остановиться на варианте с взрывчаткой. К тому же последствия атомного взрыва не очень-то вписываются в желаемое развитие событий. А жаль. Впечатляющее было бы зрелище, обставленное с соответствующим размахом…

Размышления Белинды и Эриха, вертевшиеся об одном и том же, но в невероятно разном представлении прервал вернувшийся Хельмут.

— Так, не обошлось и без осложнений, — сообщил он, оттащив молодых людей в сторонку. — Кажется, сегодня ночью для Морица будет работа. Белинда, давай заканчивай свои дела — твой клиент только что прибыл.

Девушка тут же умчалась, а Эрих со старшим антифашистом отправился в очередное путешествие по Рейхстагу. Он уже вполне освоился и перестал опасаться разоблачения, начав поглядывать на офицеров охраны с некоторой долей юмора. Ох как оживилось бы гестапо, проведай оно, что диверсанты, которую неделю разыскиваемые по всему Берлину, сейчас преспокойно разгуливают в самом сердце Третьего рейха.

Ночью легковой автомобиль трижды останавливался у разных зданий, два из которых пришлись на правительственный квартал. Эрих оставался в машине на пару с сидевшей за рулем Белиндой. Мориц бесшумно выскальзывал с заднего сиденья и исчезал в ночи, да так ловко, будто растворялся во тьме, сгущавшейся вокруг фонарей. Каждый раз он отсутствовал в пределах получаса. Вернувшись, традиционно молчаливый антифашист лишь кивал Белинде, смотревшей на него через зеркало заднего вида. Девушка удовлетворенно улыбалась и увозила всю компанию прочь. Мориц работал чисто, не оставляя никаких следов. Три человека, которых он посетил, невесть каким образом миновав всю охрану, умерли от сердечного приступа, так и не успев расстроить планы диверсантов. Уж как ему это удалось, Эрих вообще не понимал, но по возвращению в штаб-квартиру Белинда доложила Хельмуту об успехе ночной операции. Мориц откланялся и удалился, а Эрих, утомленный массой грандиозных впечатлений, упал на кровать и заснул как убитый.

Поздним утром выяснилось, отчего девушка позволила своему напарнику проваляться в постели гораздо дольше обычного. Она дала ему хорошенько отдохнуть, прежде чем тащить на очередное мероприятие. Подземные тоннели дожидались появления специалиста. В отмеченных местах рабочие уже выдолбили полости, куда требовалось заложить рассчитанные порции взрывчатки. За последней дело не стало. Эрих перекладывал ее из коробок в корзину и через люк в подвале театра отправлял Белинде. Та подхватывала увесистую ношу и тащила к точке минирования. Девушка проявляла изрядную прыть, хотя прежде она отнюдь не горела желанием носить тяжести из кирхи. Вероятно, сказывался растущий энтузиазм, вызванный приближением часа Х. Во вся-

ком случае, так думал Эрих, спуская ей на веревке очередную порцию опасного груза.

Управились молодые люди довольно быстро, хотя работали только вдвоем. Для закладывания взрывчатки привлекать посторонних было недопустимо. Компанию Эриху и Белинде составлял лишь Хельмут, но он, прикидываясь штандартенфюрером СС, обеспечивал прикрытие на случай чьего-либо непредвиденного вмешательства. Впрочем, где-то неподалеку кружил и Мориц. Эрих его ни разу не видел, но Белинда уверяла, что тот притаился в полумраке тоннелей и уберет любого, кто не вовремя сунется к диверсантам. Обезвредил Мориц кого или нет — Эрих не знал, но за все время возни под землей антифашистов ни разу никто не побеспокоил. А повозиться пришлось. Молодой подрывник, облаченный в рабочий комбинезон, тщательно укладывал им же раздобытые брикеты, после чего орудовал мастерком, замазывая их слоем цемента. Он действовал очень аккуратно, чтобы не допустить какой-нибудь оплошности. Белинда внимательно следила за его стараниями и помогала, как могла. Она готовила раствор, передавала из рук в руки взрывчатку и даже регулярно отирала напарнику лицо чистым носовым платком, стирая грязь и капли пота. Кирпич за кирпичом, выстраиваясь в единый монолит, скрывали притаившиеся в пустотах заряды, а Эрих, покончив с одной закладкой, переходил к другой. Маскировкой занималась девушка. Приготовив какую-то невообразимую смесь, куда она черт знает что намешала, Белинда размазывала ее по всей поверхности новообразования. Смесь тихо шипела, испуская едкий дым, но когда процесс завершался, даже сам Эрих не мог однозначно определить, где он только что наносил цемент. Старая поверхность полностью сливалась с новой, собственноручно обработанной рыжеволосой девушкой. Все выглядело так, будто в тоннеле никто и не выдалбливал никакие полости. Взрывчатка была сокрыта просто идеально.

Спустя несколько часов Эрих, чумазый как кочегар, выбрался обратно в подвал театра. Белинда, скептически оглядев напарника, отправила его умыться, после чего устроила перерыв на обед. Чудодейственное вино, налитое Хельмутом, как обычно вернуло молодому антифашисту невероятную бодрость. Закончив трапезу, он с новыми силами продолжил минирование.

На сей раз Эрих и Белинда работали непосредственно в подвале, раскладывая взрывчатку возле несущих стен и опорных колонн. Точки размещения были заранее указаны молодым инженером на плане здания, но он туда даже не заглядывал, помня их наизусть. Рабочие, хорошенько потрудившиеся в предыдущие

дни, уже смастерили для диверсантов все необходимое. Опорные колонны опоясывали новые конструкции. Их появление объяснялось желанием заказчика дополнительно укрепить фундамент, но на деле внешний каркас выполнял совсем другую функцию. Внутри него диверсанты размещали брикеты, пользуясь оставленными окошками. Также строители возвели и ложные колонны, внешне ничем не отличавшиеся от уже имеющихся. Они, разумеется, предназначались исключительно для взрывчатки в тех местах, где для нее не нашлось подходящего укрытия. Молодые люди, подхватывая очередную коробку, тащили ее к месту назначения и отправляли содержимое в заблаговременно подготовленное для него вместилище. Затем Эрих вновь вооружался мастерком и ловко заделывал дыру. Здесь, учитывая новострой, особая маскировка не требовалась, поэтому работа шла быстрее, нежели под землей. В целом же она заняла куда больше времени, поскольку количество расчетных точек кратно увеличилось. Под самый конец Эрих здорово вымотался, и лишь хорошая порция вина вернула ему бодрость. Белинда тоже потягивала великолепный напиток, однако она выглядела такой же свежей, как и в самом начале минирования. Кажется, рыжую бестию вообще ничего не брало — ни пули врагов, ни физический труд. Эрих завидовал ей прямо-таки почерному, не понимая, откуда соратница черпает неиссякаемую энергию.

Часть закладок сделали и на первом этаже театра. Ориентируясь на лоджии для важных персон, молодой инженер перестраховался и внес в общую схему подрыва несколько дополнительных элементов. Что бы ни случилось, эти лоджии сложатся как карточный домик, поскольку их опорные конструкции будут разрушены сразу в трех местах. Декоративная облицовка отлично скрыла замазанные раствором пустоты, где до условного часа притаилась хорошая порция взрывчатки. На нескольких служебных лестницах, проходивших вдоль критически важных участков, диверсанты соорудили ложные ступеньки, ничем не отличавшиеся от остальных. Точнее, они всего лишь их использовали, ибо рабочие заранее сняли якобы прохудившиеся элементы и подготовили замену. В эту замену Эрих и напихал хорошую порцию брикетов, после чего вместе с Белиндой придал ступенькам соответствующий внешний вид.

Последние заряды молодой подрывник разместил над потолком зрительного зала, пользуясь доступом в верхние служебные помещения. Даже если все здание каким-то чудом устоит, она все равно рухнет, придавив оказавшихся внизу людей. Спрятать взрывчатку под полом было проще простого, но Белинда и здесь

навела марафет, чтобы ни одна живая душа не заметила подвох. После ее стараний половицы выглядели так, словно их не тревожили со времен постройки тетра.

Стояла глубокая ночь, когда Эрих, едва живой от усталости, плюхнулся на заднее сиденье легковушки антифашистов и тут же задремал. Он проработал почти сутки, использовав всю взрывчатку до последнего брикета. Театр, заминированный серьезнее некуда, ждал дорогих гостей, которые войдут под его своды и уже никогда оттуда не выйдут. На этом работа Эриха была закончена, но это не означало, что она заканчивалась вообще.

На следующий день вновь прибыли строители. Соблазненные солидным гонораром, они в поте лица красили и штукатурили, приводя стены и опорные колонны в надлежащий порядок. Разумеется, им и в голову не пришло, что накануне кто-то разместил внутри конструкций зловещий сюрприз, дожидавшийся своего часа. Рабочие честно выполнили свой долг. Когда они закончили, подвал театра сиял новизной, полностью соответствуя ожиданиям от проведенного ремонта. Все, что оставалось — это сдать его специальной комиссии, прибывшей вскоре после ухода мастеров. Эрих, опять переодетый штурмбаннфюрером, следовал за инспекторами, внимательно изучавшими качество проведенных работ и их соответствие плану. Комиссию водил один из сотрудников театра, отряженный директором. Оба были заинтересованы Хельмутом и оба выказывали ему полнейшую лояльность. Эти люди, разумеется, даже не догадывались о подлинном смысле конструктивных нововведений. Они были уверены, что щедрый эсэсовец, вручивший им немалое вознаграждение, куда больше получит с курируемого им государственного контракта. Этот эсэсовец в чине штандартенфюрера также присутствовал при сдаче объекта, обладая всеми верительными бумагами.

Комиссия, обойдя подвал и часть первого этажа, без проволочек выдала одобрительное заключение. С этим несколько подсобила Белинда, успевшая о чем-то жеманно поворковать с некоторыми инспекторами. Очарованные обворожительной девушкой, они больше смотрели на ладную эсэсовку, нежели на принимаемый объект. В результате за подписями и печатями дело не стало.

Когда чиновники удалились, Эрих облегченно выдохнул, а его соратники рассмеялись. Судя по их реакции, в благополучном исходе сомневался только молодой инженер, а Белинда и Хельмут были абсолютно уверены в успехе.

— Людьми очень легко управлять, когда знаешь все их чаяния и слабости, — пояснила девушка. — Решать за них мы, увы, не можем, как бы нам ни хотелось, но вот направить в нужную сторону

— это обычно удается.
— Теперь — все? Теперь можно не беспокоиться? — осведомился впечатленный ее словами Эрих.
— Не совсем, — мотнула головой Белинда, вызвав очередную огненную волну волос. — Тебе еще придется какое-то время носить эту форму.
Долго объяснять, зачем, ей не пришлось. До Эриха и самого дошло, что после проверки технической последует проверка совсем иного рода.

Наутро театр наводнили сотрудники гестапо. Расхаживая с важным видом, они заглядывали практически в каждую щель, беседовали с персоналом и изучали различную документацию. Все служащие проверялись досконально, начиная от должностных обязанностей и заканчивая характеристиками ближайших родственников. Здание осматривалось на совесть. Эрих, учитывая свой послужной список диверсанта, отнюдь не горел желанием присутствовать в гуще событий, опасаясь разоблачения. В конце концов, ориентировки на наглых преступников разошлись далеко за пределы Берлина. К счастью, их точность оставляла желать лучшего, но все же почем зря соваться в волку в пасть явно не стоило. Однако отсидеться дома Эриху не удалось. Его притащила Белинда и поручила щеголять в мундире штурмбаннфюрера возле Хельмута, по-прежнему изображавшего полковника СС. Молодой человек не переставал волноваться, что их кто-нибудь раскроет. Хельмут — ладно, у него вообще какая-то незапоминающаяся физиономия. Кроме того отнюдь не он устраивал стрельбу и взрывы по всей столице, но вот сама Белинда! Было просто поразительно, отчего никто и никогда не узнавал рыжую бестию, обладавшую красивой и яркой внешностью. Огненные волосы, прямо-таки полыхавшие пламенем, она порой прятала под головной убор, но как вообще можно забыть это лицо и эти зеленые глаза, если хоть раз их увидел?! На месте неугомонной девушки Эрих держался бы подальше от гестапо, а та преспокойно разгуливала меж его агентов и даже ухом не вела. Кажется, Белинда и тут не упустила случая устроить очередной сеанс охмурежа, из-за чего несколько ответственных офицеров СС практически утратили всякую бдительность. Неотлучно следуя за Хельмутом, взявшим на себя общение с гестапо, Эрих видел, как девушка развела кипучую деятельность, то появляясь, то исчезая в самых разных местах. Впрочем, по части эффективности старший антифашист от нее уж точно не отставал. Было просто поразительно, как в разговоре с агентами он будто невзначай отпускал какие-то важные слова или упоминал нечто явно хорошо знакомое собеседнику. Оставалось непостижимым,

откуда он обладал столь обширной информацией, если только заранее не изучил личные дела всех прибывших нацистов. Как бы там ни было, бдительность агентов оказалась усыплена. Тщательная проверка культурного заведения не выявила ничего подозрительного. Техники, специально приглашенные на этот случай, доложили, что объект в полном порядке. Старший гестаповец сообщил директору театра и штандартенфюреру Хельмуту о положительном результате инспекции. Это означало, что отныне и до самого конца грядущего мероприятия в здании будут дежурить агенты имперской безопасности, отвечающие только перед своими разводящими офицерами. Практически на каждом углу обустраивались посты СС, а в театр допускались только лица с соответствующим пропуском.

Для антифашистов это не стало неожиданностью. Теперь было абсолютно неважно, сколько на объекте окажется круглосуточной охраны. Дело было сделано, и взрывчатка, надежно укрытая прямо под носом у нацистов, дожидалась своего часа. Производить с ней какие-либо действия больше не требовалось. Техники искали мины, подрываемые бикфордовым шнуром, и прочие характерные вещи. Заряды, наглухо замурованные в несущих конструкциях, не требовали открытого доступа, управляясь совершенно неизвестной им электроникой. Зная точное время, приходившееся на начало спектакля, Эрих заранее настроил все взрыватели должным образом. Три синхронизированных таймера вели обратный отсчет, а в случае чего он мог осуществить подрыв или его отмену дистанционно. За прохождение сигнала молодой инженер не опасался. Все детонаторы были связаны между собой. Даже если пульт не достанет до взрывчатки под театром, что было, учитывая толщу земли и бетона, вполне вероятно, радиоволна достигнет надземных зарядов, а этого вполне достаточно. Те мгновенно передадут управляющую команду соседним детонаторам, и далее по цепочке. Таким образом, одно нажатие на кнопку в какую-то секунду приводило в действие всю систему с вполне очевидным результатом. Что же касалось запрограммированного таймера, то на этой мере предосторожности особенно настояла Белинда. Вдруг по каким-то причинам пульт не сработает или же вмешаются непредвиденные обстоятельства? Форс-мажор никто не отменял, и тогда, в случае чего, вся затея пойдет прахом. Автономное срабатывание взрывчатки подстрахует антифашистов, если что-то пойдет не так. Даже если их арестуют, дело будет сделано.

— А ты еще говорил, зачем нам теперь нужен! — ласково укоряла Белинда, повиснув у Эриха на шее. — Кто бы еще так замечательно справился?!

Тот краснел от удовольствия и боялся только одного — чтобы шустрая девица случайно не уселась на пульт и не разнесла театр раньше времени. Он бы вообще запер его куда-нибудь от греха подальше, однако, памятуя об исчезавших вещах, предпочитал перестраховаться и держать контрольное устройство при себе. О безопасности пульта побеспокоился и Хельмут, поручивший заветную кнопку исключительно заботам молодого инженера.

День Х настал всего за неделю до подписания мюнхенского соглашения. С раннего утра театр оцепили усиленные подразделения СС, а также соединения вермахта. От крупных чинов, видневшихся там и тут, рябило в глазах. Еще не настали времена, когда простых людей станут держать вдали от власть имущих. Граждане, привлеченные грядущим мероприятием, постепенно собирались рядом, рассчитывая увидеть фюрера и прочих высокопоставленных руководителей Третьего рейха. Что бы в будущем ни говорили про Адольфа Гитлера, на тот момент его действительно многие любили, и значительное число немцев испытывало к нему живейшую симпатию. Ведь ужасы Второй мировой войны, концлагеря и газовые камеры были еще впереди, равно как и неизменно близившаяся катастрофа для Германии. Пока же государство процветало, стремительно набирая мощь, и простой народ, не ущемленный в правах, не мог этого не замечать, приписывая все достижения исключительно фюреру и НСДАП. Таким образом, не требовалось слишком много солдат, чтобы удерживать растущую толпу в рамках приличия. Охрана, выставленная из соображений безопасности, не ожидала никаких выходок от горожан и скорее выполняла функции дорожных направляющих. Путь от проезжей части к театру должен быть свободен, чтобы прибывавшие гости беспрепятственно проходили внутрь. Так и получилось. К тому моменту, как подъехал первый автомобиль, за солдатами скопилось целое море людей, заполонившее тротуар и всю улицу на целую милю. Пустовал лишь широкий оцепленный коридор между дверями и местом парковки машин.

Эрих устроился в кафе неподалеку, заняв столик у окна. Оттуда, несмотря на толпу, был хорошо виден подъезд к главному входу. Мундир штурмбаннфюрера позволял лже-эсэсовцу расположиться с достаточным комфортом, учитывая, что вокруг ощущался серьезный дефицит свободного пространства. Эрих волновался чрезвычайно. От исполнения грандиозного замысла, способного покончить с монстром нацизма, его отделял всего какой-то час. И он покончит с ним до того, как этот монстр принесет миру неисчислимые беды. Пульт дистанционного управления покоился у Эриха за пазухой. Пальцы антифашиста едва заметно дрожали,

когда он прихлебывал вполне недурной кофе. Белинда сидела рядом. Как и соратник, она пребывала в чрезвычайном возбуждении. Ее зеленые глаза горели прямо-таки дьявольским огнем, а рыжие волосы испускали сполох за сполохом, пылая в свете ламп и ярких солнечных лучей. Молодые люди практически не разговаривали. Взгляды обоих были прикованы к театру, где уже начинала собираться высокопоставленная публика.

Где находился Хельмут, Эрих не знал. Старший антифашист и Мориц курсировали где-то неподалеку, чтобы вмешаться в происходящее, если вдруг что-нибудь пойдет не так. Мориц ожидаемо взял на себя подземные коммуникации. Их уже неоднократно проверяли сотрудники гестапо, но береженого, как говорится… Если вдруг кто-то случайно заметит неладное и попытается поднять тревогу, Мориц его тут же уберет. Само собой, незадолго до взрыва он покинет тоннели и удалится на безопасное расстояние, как поступит и Хельмут. Последний должен был подать Эриху сигнал, в случае необходимости досрочно подорвать заряды радиосигналом. Эриху хотелось верить, что таковая не возникнет. Во всяком случае, пока не прибудет Гитлер. Каждый раз, когда подъезжала очередная машина, молодой антифашист напрягался как гончая, почуявшая добычу, и жадными глазами смотрел, кто из нее выходит. Кажется, план удавался наилучшим образом. На премьеру явилась целая плеяда нацистских бонз, носивших характерные светло-коричневые мундиры. Напрягая зрение, Эрих то и дело узнавал будущих подсудимых Нюрнбергского трибунала. Генеральских погон было не сосчитать. Черная эсэсовская форма соседствовала с формой всех родов войск. Многие нацисты явились с женами, а некоторые даже с детьми. К великому удовлетворению Белинды, по поводу последнего обстоятельства Эрих даже глазом не моргнул. Жертва, приносимая на алтарь великой цели, уже не имела для него каких-либо ограничений. Взрыв должен был унести жизни множества людей, в том числе не причастных к преступлениям нацизма, но несравнимо большее их число он спасет в будущем.

Хватало и лиц в гражданской одежде. Это были промышленники, поддерживавшие правящий режим, представители творческих профессий Третьего рейха и даже сотрудники различных посольств, приглашенные лидерами национал-социалистов. Само собой, присутствовала и пресса, готовившаяся запечатлеть каждый момент знаменательного события. Белинда посмеивалась, что режиссер постановки раструбил о ней на всю Германию, находясь под воздействием дьявольского вдохновения. Он дал спектаклю отличную рекламу, и, само собой, это полностью входило в планы

антифашистов, в нужный момент потянувших за нужные нити. Помимо прочего, действовало золотое правило: чем больше обман, тем легче люди в него верят. Это относилось и к нацистской верхушке, самой регулярно прибегавшей к влиянию на массы устами министра пропаганды. Разумеется, еще до середины спектакля надувательство было бы раскрыто, но зрители до этого попросту не доживут. Пока же, заинтригованные обещанным действом, они продолжали собираться, и вскоре Эрих понял — наконец-то появился тот, кто изначально являлся приоритетной целью.

Гитлер ехал совершенно открыто, не заслоняемый даже телохранителями. Теоретически, в него попал бы и Эрих, займи он подходящую позицию, но зачем рисковать, когда руководители Третьего рейха самостоятельно набивалась в искусно расставленную западню. Завидев фюрера, народ начинал оживляться и выкрикивать приветственные лозунги. Повсюду взмывали характерно вскинутые руки. По этой реакции Эрих и догадался, кто именно приближается к театру. Он волнения он даже встал и замер у окна, уставившись на проезжую часть во все глаза. Расположение кафе позволяло наблюдать за происходящим как на ладони, при этом оставаясь в безопасности, когда произойдет детонация. Главное — вовремя укрыться в глубине кафе, чтобы избежать поражения осколками стекла и камня.

И вот Эрих увидел того, кому с удовольствием перегрыз бы глотку голыми зубами, подвернись ему такая возможность. Мог ли он предполагать, вступая в противостояние с неонацистами двадцать первого века, что судьба подарит ему столь уникальный шанс. Шанс разделаться с их идолом и кумиром до свершения им большинства злодеяний. Молодой антифашист почувствовал, как у него пересохло во рту, а все тело охватило величайшее возбуждение. Вот эта невысокая фигура в характерном мундире, вошедшая в учебники истории! Гитлер был давно мертв, и вместе с тем прямо на глазах у Эриха Сторма выходил из машины, приветствуя толпу небрежно поднятой рукой. За ним тут же последовали два адъютанта и несколько генералов, а через несколько шагов к Адольфу присоединился и рейхсфюрер СС Гиммлер, как тень заняв позицию за спиной вождя. Эрих заскрежетал зубами и почувствовал, что Белинда, стоявшая рядом, дернула его за рукав. Не оборачиваясь, молодой антифашист понял намек и попытался придать своему лицу если и не восторженное, то хотя бы нейтральное выражение. Остановившись, Гитлер обернулся и еще раз поприветствовал народ, выказывая ему расположение. Тот ответил радостными криками, размахивая флажками с нацистской свастикой. Куда большие, прямо-таки исполинские полотнища ук-

рашали театр, свешиваясь практически до самой земли. Промеж двух из них, своеобразно обрамлявших вход, фюрер и вошел в здание, откуда уже никогда не должен был выйти. Эрих, глубоко вздохнув, опустил руку со смартфоном. Не выдержав всей уникальности момента, он наплевал на все предосторожности, достал мобильник и сделал снимок, когда Адольф Гитлер находился к нему лицом. Белинда не могла этого не заметить, но она никак не отреагировала. Лишь на ее губах появилась легкая улыбка, да в глазах промелькнул огонек какого-то затаенного коварства. Окружающим же и вовсе не было дело до того, чем занимается офицер СС, пока они могли лицезреть фюрера.

Когда Гитлер скрылся в театре, напряжение в толпе пошло на убыль, а Эрих уселся обратно за столик, бросив взгляд на часы. Ждать оставалось совсем недолго. Вся история с Аномалией подходила к благополучному концу.

— Спокойнее, мой друг, спокойнее, — ласково увещевала Белинда. — Все идет как по маслу. Еще немного и…

Внезапно ее речь прервалась каким-то змеиным шипением, совершенно не свойственным устам красивой девушки. Вздрогнув, Эрих повернул голову, желая узнать, что именно вызвало такую странную реакцию. За столиком Белинды не оказалось. Лишь опрокинутый стул лежал там, где только что сидела рыжая бестия. Сама же она, вскочившая как ужаленная, отыскалась несколько поодаль. Ее глаза, уставившись на кого-то из посетителей кафе, яростно пылали, источая жгучую неукротимую злобу. Эрих, пораженный до глубины души, невольно перевел взгляд туда, куда смотрела Белинда, и увидел подходившего к нему человека. Увидел и сразу же узнал. Его появление здесь и сейчас было настолько неожиданным, что молодой антифашист заморгал, силясь определить, не мерещится ли ему. Лишь спустя несколько секунд, когда этот человек оказался совсем рядом, стало ясно, что он не призрак и не галлюцинация. Зрачки Эриха расширились. Перед ним, облаченный в типичный наряд берлинца тридцатых годов, стоял пастор Берг.

Разинув рот, воспитанник вытаращился на наставника как на нечто совершенно сверхъестественное. На некоторое время он потерял дар речи, поэтому разговор начал старик. Не дожидаясь приглашения, он поднял стул, опрокинутый девушкой, и уселся напротив того, кого желал видеть своим преемником.

— Здравствуй, Эрих, — негромко сказал пастор Берг, окидывая молодого человека внимательным взглядом. — Что бы ты сейчас ни делал, прошу тебя — остановись! Ты не понимаешь, что творишь!

— Фридрих! Это в самом деле ты! Значит, я был прав! Значит, ты тоже можешь проходить через Аномалию! — воскликнул Эрих, изумленный дальше некуда. — Белинда, куда ты убежала?! Подойди, я познакомлю тебя со своим наставником! — забыв про осторожность, сгоряча добавил он, подзывая рыжеволосую девушку.
Та даже не пошевелилась, свирепо сверкая огромными зелеными глазами, в которых, кажется, заполыхал самый настоящий огонь.
— Не зови попусту, Белиндиармгда не подойдет. Не подойдет, пока рядом вот это, — изрек пастор, положив на стол именное серебряное распятие.
— Кто? — невольно переспросил Эрих.
— Белиндиармгда. Та, кого ты зовешь Белиндой, — пояснил старик, кивнув головой в сторону лже-эсэсовки. — Полагаю, Морокаунхолловиц и Хельмуазорсфорт тоже где-то поблизости.
— О ком ты, черт побери, говоришь?! — вконец растерялся молодой человек, и без того ошарашенный появлением наставника.
— О тех, кого ты упоминал в своем письме. Я прочел его. Эрих, они не те, за кого себя выдают. Это никакие не антифашисты, и ни к какому сопротивлению они отношения не имеют. Это даже не люди, — с расстановкой изрек пастор, искоса поглядывая на рыжую бестию.
— А кто же они? — тупо спросил Эрих.
— Демоны. Все трое. Их единственная цель — совратить тебя. Направить к самому величайшему искушению в твоей жизни и подстроить все так, чтобы ты ему поддался, — неторопливо произнес старик, тщательно выговаривая каждое слово.
Молодой человек отвесил челюсть. Некоторое время он молча таращился на нежданного собеседника. Потом несколько раз перевел взгляд с него на рыжеволосую девушку, по-прежнему стоявшую поодаль.
— Фридрих, ты несешь какой-то бред! — воскликнул, в конце концов, Эрих. — Белинда — демон?! Пребывание в коме помрачило твой рассудок!
— Как ты, по-твоему, сюда попал? Сюда, в прошлое, — невозмутимо осведомился пастор Берг.
— Через Аномалию в подвале твоей кирхи. Ту, за железной дверью, где колеблется воздух. Ту, которую ты скрывал от меня все эти годы! — в последней фразе молодого человека отчетливо прозвучало возмущение.
— А тебе не приходило в голову, ПОЧЕМУ я ее скрывал? — нахмурился старик. — То, что ты зовешь Аномалией, имеет совсем другое наименование.
— Да мне, в принципе, без разницы, как она называется! — сер-

дито заявил Эрих. — Главное, что я здесь. Главное, что скоро я сделаю то, зачем пришел!
— Молю тебя, остановись, что бы ты ни задумал! — с тревогой воскликнул пастор. — Я сказал тебе это сразу, повторяю сейчас! Остановись! Ты не понимаешь, что делаешь!
— О нет, я очень даже хорошо понимаю! — горячо зашептал Эрих, наклонившись к старику, чтобы не слышали окружающие. — Через полчаса вон тот театр взлетит на воздух вместе со всей нацистской верхушкой. Взлетит вместе с Адольфом Гитлером и целой толпой его сподвижников! Третий рейх перестанет существовать!
На лице старика отразился ужас. Обернувшись, он окинул взглядом обреченное здание, после чего, бледный как покойник, воззрился на воспитанника.
— Эрих, ты не знаешь, что творишь! Ты думаешь, что поступаешь правильно, избавляя мир от зла, но сам преумножишь его многократно! — глаза пастора лихорадочно заблестели. — Уничтожив этих нацистов, ты сделаешь только хуже!
— Да неужели? — холодно прищурился Эрих. — Я сотру с лица земли всех этих чудовищ до того, как они совершат свои преступления, и тем самым совершу гораздо большее зло?
— Именно так! — кивнул старый наставник. — Именно в этом и заключается твое искушение! Именно для этого демоны и вели тебя всю дорогу, создавая различные обстоятельства!
— Фридрих, ты несешь какую-то чушь, — процедил молодой антифашист, смерив собеседника взглядом.
— Не слушай его, Эрих! — подала голос Белинда, остававшаяся на расстоянии трех ярдов. — Твой друг рехнулся — это же очевидно!
Лицо молодого человека прояснилось, когда он взглянул на рыжеволосую соратницу. Из этих двоих он, при всей симпатии к пастору Бергу, был склонен верить именно девушке, вернувшей свой обычный красивый облик. Ее глаза больше не источали злобу, и в них поблескивали очаровательные искорки.
— Эрих, Белиндиармгда тебя обворожила! Это ее основная задача, с которой она успешно справляется! — жестко заявил старик. — Готов присягнуть — телом она тебя не совратила, но лишь потому, что это расстроило бы весь их план. Демонам было необходимо, чтобы ты продолжал любить свою невесту! Чтобы ты желал рассчитаться за ее унижение! Чтобы и ради нее ты делал то, что делаешь! Они бы ее убили, исключая риск вашего общения, способного им помешать, но горе сделало бы тебя безразличным! А соврати тебя Белиндиармгда — и ты забыл бы свою Еву, опять же потеряв должную мотивацию. Демоны поступили хитрее. Твоя невеста ни жива, ни мертва. Они держат ее в беспамятстве, не позволяя

прийти в сознание. Держат, как держали меня! Но меня они медленно убивали, а Ева для них заложник!
Молодой человек слушал наставника, не веря своим ушам. Тот говорил какие-то совершенно несуразные вещи, граничившие с полной ахинеей. Лишь уважение к старику заставляло Эриха не одергивать его в грубой форме, а терпеть всю эту нелепицу.
— Фридрих, ты сам-то понимаешь, какую ерунду городишь? — вздохнул он, нахмурив брови. — Не надо приплетать сюда Еву, а то я вообще прекращу этот разговор. Прекращу, даже если не узнаю от тебя все про Аномалию.
— Твоя реакция ожидаема, — помрачнел пастор Берг. — Но я знаю, как тебя убедить. Позови Белиндиармгду еще раз. Если я неправ, она подойдет и сядет за наш столик. Сядет и возьмет распятие в руки. Согласись, это очень простой и безобидный тест. Если она все это проделает, я позволю тебе отправить меня в сумасшедший дом.
— Белинда, можно тебя попросить? Из уважения к моему старому другу, давай докажем ему, что он немного не в себе, — усмехнулся Эрих, повернувшись к девушке.
— Вот еще! Не стану я потакать капризам свихнувшихся стариков! — фыркнула рыжая бестия, изображая оскорбленную невинность. — Я лучше в сторонке постою, чтобы не мешать вам болтать о всякой чепухе.
— Да ладно тебе! Сделай мне маленькое одолжение! — улыбнулся молодой человек.
Ладонь пастора потихоньку легла на серебряное распятие, лежавшее на столе. Белиндиармгда допустила ошибку, не сбежав сразу. Вероятно, она хотела контролировать свою жертву до конца, приглядывая за ней непрерывно, чтобы та не выкинула какой-нибудь номер. Этим следовало воспользоваться. Демонесса как раз собиралась что-то ответить смотревшему на нее Эриху, когда старик сделал резкое движение. Распятие, брошенное его рукой, полетело прямиком в обворожительную девушку. Физически цели оно не достигло, а вот логически — очень даже. Белинда внезапно взревела жутким, наводящим дрожь голосом. Вся ее фигура окуталась пламенем, не только обрамлявшим очертания тела, но и струившимся из глаз. Рыжие волосы превратились в потоки настоящего живого огня. Лицо, прежде такое очаровательное, исказилось лютой злобой. Распятие не достигло ее груди. За мгновение до того, как оно коснулось демонической плоти, Белинда исчезла.

Эрих обомлел. Посетители кафе испуганно переглядывались, пытаясь сообразить, что это вообще было, однако они всего лишь волновались, а молодой человек пребывал в состоянии шока. Пас-

тор Берг, поднявшись, сходил за упавшим распятием, после чего вернулся обратно за столик. Воспитанник воззрился на него так, будто видел впервые.
— Белиндиармгда не выносит прикосновение освященного символа веры. Все они не выносят. Они к нему даже приблизиться не смеют и всячески избегают, чтобы не показать свою истинную сущность, — пояснил старик, повинуясь немому вопросу воспитанника.
— Так значит, она не шутила, когда представилась демонессой! — обескуражено выдохнул Эрих.
— Не шутила. Эта рыжая любит поиграть со своими жертвами и порой рассказывает им чистейшую правду. Правду, в которую, разумеется, жертвы ни капельки не верят, — кивнул пастор, удовлетворенный реакцией молодого человека.
— Проклятье! Теперь я даже не знаю, что и думать! — воскликнул потрясенный Эрих.
— Я полагаю, у тебя множество вопросов. Я все тебе расскажу, но… Сколько у нас осталось времени? — быстро осведомился старик. — Времени до того, как…
Оборвав фразу на полуслове, он мотнул головой в сторону театра.
— Двадцать три минуты, — ответил Эрих, сверившись со своими наручными часами. — Но я могу все отменить, если ты меня убедишь.
— Тогда выслушай своего старого наставника внимательно! Выслушай и останови это, пока еще не поздно! — призвал пастор, встретившись с ним проникновенным взглядом.
Кивнув, Эрих обратился в слух. Старик заговорил, и по мере того, как развивалось его повествование, молодой антифашист все больше менялся в лице. Он, вероятно, усомнился бы в ясности ума пастора Берга, если бы не наглядная демонстрация с Белиндой.

* * *

В давние времена, много веков назад, в дремучую тогда еще Европу пришло христианство. Первые священники, пришедшие крестить язычников, сталкивались с огромными трудностями, но дело их постепенно продвигалось. Все больше людей принимало новую веру, пришедшую из Палестины, и все больше народов ступало на новый культурный путь, отказываясь от прежних, подчас очень жестоких и кровавых традиций. Но там, где появились первые христиане, появились и первые дьяволопоклонники. Среди тех, кто обращался к свету, находились и такие, кто давал обет тьме. Зло многолико и всегда ищет себе жертвы, чтобы совратить

их обещаниями богатства и ложного могущества. Колдовство давало видимость сверхъестественных возможностей. Сделки с нечистой силой приносили эфемерную власть или выполняли какие-то суетные желания. Ведьмы и колдуны, в угоду своим страстям, сбивали с толку других, и сами все больше погрязали в черной магии. Они постоянно искали новые способы для обретения нечеловеческих возможностей, воплощения своих замыслов. Кто-то жаждал вечной жизни, кто-то мечтал править ближними. Одни надеялись заполучить горы золота, а другие рассчитывали овладеть энергией стихий. Находились и такие, кто вредил людям без всякой награды, следуя зову своей отравленной злобой души. Эксперименты и обращения к нечистой силе заходили все дальше. Адепты тьмы пробовали различные способы воззвания к иному миру. Их нечестивые знания, порой полученные ужасающим путем, старательно заносились на бумагу, которой временами служила человеческая кожа, как чернилами кровь. Так появлялись колдовские книги и различные ритуалы. Так появилось то, что Эрих Сторм, родившийся столетия спустя, называл Аномалией. Для немногих посвященных она именовалась "Зев дьявола".

Никто толком не знал, какое чудовищное злодеяние совершили поклонники сатаны, чтобы добиться настолько уникального результата. Если бы Зев мог возникать сам по себе, он регулярно объявлялся бы в разных местах по всей земле, а не был привязан к какой-то конкретной точке. Там, где некогда свершилось великое зло, намеренно сотворенное руками людей, он появился в первый раз и с тех пор уже никогда не исчезал. Все попытки его закрыть ни к чему не приводили, поскольку оставалось неясным, каким образом Зев был изначально создан. Посвященные в его суть могли сделать лишь одно — уберегать остальных от соблазна. А соблазн был велик, ибо "Зев дьявола" взывал к самой человеческой природе.

Практически каждый человек в своей жизни всегда хотел бы что-нибудь изменить. Изменить важное решение, направившее его судьбу по другому пути, исправить какую-то ошибку, имевшую нежеланные последствия, сделать то, чего некогда не было сделано. Однако об этом оставалось лишь сожалеть. События, оставшиеся в прошлом, не подлежали корректировке. История не знает сослагательного наклонения. Но то касалось лишь людей. Падший ангел обладал совсем иными возможностями. В отличие от смертных, он и его слуги могли перемещаться в события минувших дней, заглядывая в любую точку времени и пространства. Вот изменить там что-либо они были не в состоянии, оставаясь простыми наблюдателями. В противном случае дьявол всегда пе-

рекраивал бы мир по своему усмотрению, никого особенно не спрашивая. Казалось бы, складывалась тупиковая ситуация, не позволявшая ему вмешиваться, однако он нашел хитрый способ вредить человечеству. Люди обладали уникальным даром — самостоятельно вершить свою судьбу. Любое их действие происходило исключительно по доброй воле и не подвергалось никаким ограничениям. За это падший ангел их ненавидел, но этим же он решил и воспользоваться. "Зев дьявола" вел в прошлое, но не абы куда. Он вел туда, где какой-либо отдельно взятый человек больше всего хотел бы что-нибудь изменить. Сатану не интересовали мелкие страстишки людей, заключавшиеся в переписывании их собственной жизни. Он обращал взор лишь на тех, кого волновали преобразования масштабные, способные кардинально повлиять на судьбы целого мира. На то у него имелись самые прямые основания. Незначительные изменения в прошлом уподоблялись камешку, брошенному в океан. Круги от его падения ничтожны, и быстро растворяются в огромной массе воды. Чем больше проходит лет, тем меньше последствия от такого события, вплоть до их полного нивелирования. Другое дело, когда в пресловутый океан падает огромный метеорит. Он поднимает гигантскую волну — настоящее цунами. Это цунами, достигая береговой линии, еще больше набирает мощь и прокатывается по континентам сокрушительным валом, разрушая все на своем пути. Его последствия носят глобальный характер и подчас полностью меняют развитие всей цивилизации. Иными словами, небезызвестная теория "кругов на воде" работает с точностью до наоборот. Маленький камешек не вызывает приливную волну — его падение полностью поглощается океаном. Размер этой волны и ее дальнейший хронологический эффект зависят от габаритов и массы упавшего объекта. Таковым объектом становилось критически важное вмешательство в историю, которое желали совершить люди.

Но и тут не всем подряд открывался "Зев дьявола". Душа, способная с ним взаимодействовать, должна обладать специфическим качеством. Дурной человек не годился, как не годился и праведник. Первый заведомо совершал плохие вещи, и его приземленная, слабая душа не обладала должной силой, чтобы преодолеть эфирные барьеры. Второй в принципе был несовместим с творением сатаны. Таким образом, дьяволу подходил лишь тот, кто балансировал на тонкой грани добра и зла. Тот, кто в зависимости от сделанного им выбора мог как достичь вершин света, так и пасть в самые глубины ада; кто мог стать либо ангелом во плоти, либо кровавым чудовищем. Только для них, встречавшихся довольно редко, появлялся "Зев дьявола". Только их он пропускал в

прошлое, исчезая в присутствии всех остальных. Дьявол мог путешествовать в ходе самой истории, но не мог ее менять. Человек не имел возможности перемещаться во времени, но владел даром вершить свою судьбу. Зев совмещал эти две особенности, подвергая избранных людей величайшему искушению. Искушению изменить самое заветное событие на свете. У каждого оно было свое, поэтому один человек, уходивший в Зев, попадал в совсем иное место, нежели другой. Исключение составляли случаи, если путешественник брал с собой какую-то вещь, взятую из прошлого не им. Тогда он мог оказаться не в своем искушении, а в искушении принесшего эту вещь, ибо время не позволяло более сложные перемещения. Реальность едва переносила двойственное существование какого-либо предмета, а его троекратное присутствие в одно и то же единое мгновение заведомо не допускалось.

Испокон веков, практически с самого его возникновения, "Зев дьявола" охраняли немногочисленные посвященные, называвшие себя Секуратумами. Все они были из числа избранных, поскольку только такие могли увидеть сверхъестественное явление и воочию убедиться, что все это не сказки. В течение всей своей жизни Секуратум искал подходящую кандидатуру, способную заменить его на столь ответственном посту. Лучшим индикатором служил сам Зев, не исчезая при приближении потенциального ученика. Однако мало было найти такого человека — сначала требовалось его хорошенько подготовить. Соблазн был слишком велик, и кандидат, преждевременно узнав о возможностях "Зева дьявола", мог сотворить большую беду, отправившись в прошлое и не устояв перед искушением. Именно поэтому им далеко не сразу раскрывали тайну, откладывая посвящение до положенного срока, а многим, отсеянным в процессе отбора, не раскрывали и вовсе. Лишь тогда, когда Секуратум был окончательно уверен в будущем преемнике, ему рассказывалась вся правда. В специально выбранный день преемник ненадолго отправлялся в Зев, откуда приносил какой-нибудь предмет. После этого на посещение прошлого накладывался строгий запрет, а предмет запирался в особый ларец, способный хранить материю из другого времени. Большинство, однако, рано или поздно не удерживалось от любопытства и снова входило в Зев, своими глазами желая увидеть, что там дальше. К счастью, такие вылазки обычно заканчивались без особых эксцессов. Путешественники либо возвращались сами, либо их приводил наставник. Для этого в распоряжении Секуратумов имелся специальный компас, Адветемпус. Он не указывал на север — его стрелка всегда была направлена в сторону того, кто не принадлежал прошлому. Пропуском в чужое искушение как раз

и становились предметы, заблаговременно запертые в ларце. С помощью Адветемпуса Секуратум, как правило, успевал разыскать слишком задержавшегося ученика и сопровождал его в родной год. Как правило… Случалось, что ученик противился возвращению, и это могло закончиться убийством кого-то из двоих, ибо странствующий во времени быстро попадал под влияние нечистой силы. Практически всегда ее представляли одни и те же существа.

Старшим был Хельмуазорсфорт — древний и могущественный безликий демон, обладавший абсолютно незапоминающейся внешностью. При следующей встрече человек запросто мог его не узнать, даже если в прошлый раз хорошенько рассмотрел. Хельмуазорсфорт отлично умел воздействовать на людей, читая все их желания и слабости, кому суля богатство и власть, а кого запугивая наиболее эффективным образом. Человеческие страсти были для него как открытая книга. Помощниками ему служили Морокаунхолловиц и Белиндиармгда. Первый был порождением первозданной тьмы, с которой он сливался воедино. Низкая освещенность позволяла этому демону появляться будто из ниоткуда. Его леденящая хватка проникала в живые тела, останавливая сердца, либо же замораживая до смерти. Вторая, относительно молодая демонесса, была мастером обольщения. Редкий мужчина и даже женщина выдерживали натиск ее чар. Она могла совратить почти кого угодно, затуманивая разум и превращая жертву в свою верную марионетку. В отличие от Морокаунхолловица, Белиндиармгда предпочитала убивать более прозаическим способом, наслаждаясь видом, вкусом и запахом крови. Порой она вырывала у человека еще бьющееся сердце и пожирала его как голодный хищник, испытывая удовольствие от сочившихся по губам красных капель. Кровь вообще играла для этой троицы важную составляющую. Она усиливала их возможности, наращивая уровень присутствия нечистой силы. Все трое умели воплощать неживую материю, и особенно хорошо это получалось с тем, что возбуждало в людях алчность. Даже Хельмуазорсфорт был не в состоянии создать простое цветущее дерево, зато сотворить целую гору слитков золота, столь желанного многими смертными, ему было раз плюнуть. Особенно после кровавой жатвы. Также демоны могли перемещать предметы во времени — во всяком случае, вблизи от "Зева дьявола". Последний неспроста заключили в глухую комнату, исписанную оберегающими молитвами, но внутри нее демонические явления были вполне возможны. Правда, перемещение требовало присутствия избранного, как, впрочем, и все остальное. Находясь в прошлом, демоны обретали силу только если рядом находился искушаемый. Только тогда они получали возможность являться

людям и взаимодействовать с окружающим миром. Без искушаемого троица становилась абсолютно недееспособной, ограничиваясь простым наблюдением за происходящим. Именно поэтому демоны старались держаться как можно ближе к столь важному для них человеку, в случае необходимости приглашая его с собой.

Убить Хельмуазорсфорта, Морокаунхолловица и Белиндиармгду простому смертному было невозможно. Они, порой, прикидывались ранеными, но по факту обладали полной неуязвимостью. Человеческое оружие вредило им так же эффективно, как солнце слушалось приказов людских царей. Единственное, чего боялись демоны — это оберегов веры. На людей, находящихся под защитой света, напасть напрямую они не могли, стараясь действовать чужими руками. Тот же, кто добровольно вверял себя тьме, занимаясь колдовством или оккультными науками, всегда и везде оказывался в их полной власти. Проклятые места, насыщенные болью и страданием, служили демонам отличным пристанищем. Освященных же мест они всячески избегали. Поговорка "шарахается как черт от ладана" возникла отнюдь не случайно. На храмы, — суть дома Создателя, — они старались даже не смотреть, не то что к ним приближаться, а про войти под их своды не шло и речи. Таким образом, от демонов существовала вполне надежная защита, но во всех остальных случаях мало что мешало им пытаться достигнуть своей цели.

Задача у этой несвятой троицы была только одна — направлять очередную жертву к ее искушению. Направлять, подстраивая обстоятельства как в прошлом, так и настоящем; вести ее от самого начала до самого конца. При этом демоны не могли открыто предлагать искушаемому совершить заветное деяние. Им вообще было нельзя говорить ему критически важные вещи, связанные с истинной целью прибытия в прошлое. Нельзя ни в коем случае. Одно неосторожное слово — и все искушение разрушалось, поскольку происходило известное посягательство на свободу воли. "Зев дьявола" терял свою силу, и человек возвращался обратно. Жертва сама должна была принять решение без подсказок, и демоны старательно помогали ей окольными путями, просчитывая каждую мелочь. Они хранили искушаемого как зеницу ока, оберегая от любой напасти, но они же одновременно могли коверкать ему жизнь таким образом, чтобы шаг за шагом толкать на нужный им путь.

Секуратумов демоны обычно не трогали. Более того, "Зев дьявола" значительно продлевал им годы жизни, рассчитывая, что рано или поздно кто-то из них поддастся соблазну. Хранители порой проживали сотни полторы-две лет и даже больше. Нападение

на Секуратума, защищенного светом, обычно происходило только в исключительных случаях и только если тот почему-либо оказывался уязвим. К примеру, каким-нибудь источником скверны, притаившимся поблизости, или из-за скомпрометированного убежища, каковым всегда являлись храмы.

Долгие годы Секуратумы пытались закрыть Зев раз и навсегда, но у них ничего не вышло. Его заваливали камнем — камень рассыпался. Его пробовали закопать, но земля вокруг дьявольского образования неизменно вскипала и испарялась. Тогда Секуратумы поставили вокруг Зева стены, заключив его внутрь комнаты, а наверху построили церковь. За долгие века эта церковь неоднократно разрушалась и перестраивалась, меняя свой облик. Ныне там стояла старинная кирха, возведенная в незапамятные времена. Ее подвал надежно хранил свою тайну от посторонних глаз, а латынь на стенах повествовала об истории "Зева дьявола", одновременно не давая силам зла разрушить убежище. Путь в прошлое был скрыт от посторонних глаз, и только Секуратумы с их учениками знали об истинном предназначении кирхи. Знали они и о том, почему нельзя поддаваться искушению.

Все, что свершилось в мире, свершилось по воле Создателя. Все, что произошло, произошло в наилучшем варианте развития событий. Но людям неведом великий замысел. Исходя из пределов своего ограниченного мировоззрения и не имея понятия о недоступных им материях, многие вещи они считали несправедливыми. Слишком многие. Люди брались судить о том, чего не понимали. Движимые благими намерениями, они были способны навредить еще больше. Так и получалось с "Зевом дьявола". Меняя историю, путешественники во времени направляли ее по другому пути, и, несмотря на кажущееся исправление очевидного зла, этот путь ВСЕГДА был хуже предыдущего. В этом и заключалось искушение.

* * *

Когда пастор Берг умолк, Эрих сидел белый как мел, боясь пошевелиться. Услышанное поразило его до глубины души. Вспоминая воздействие Белинды, он сознавал, что стоило той положить ему руку на плечо — и все речи старика тут же воспринялись бы совершенно иначе. Но зеленоглазой чаровницы здесь не было. Не выдержав оберега веры, выполненного в виде серебряного распятия, демонесса исчезла, чем тут же ослабила на Эриха свое влияние. Освободившись от обольщающих уз, молодой человек был склонен прислушаться к словам пастора Берга, какими бы фантастическими они ни казались. В конце концов, коридоры во

времени действительно на каждом шагу не встречаются, да и девушки обычно не исчезают в языках пламени. Если все это правда, то… Эрих невольно взглянул на часы. До исхода обратного отсчета оставалось шесть минут.
— Значит, ты нашел меня с помощью этого… как его там… Адветемпуса? — спросил он, понимая, что времени на принятие решения у него в обрез.
— Да. Было нелегко, но стрелка всегда указывает точное направление, — сказал старик, давно уже положив на стол означенный прибор, некогда созданный одним очень сведущим Секуратумом.
— Но как ты очнулся? Врачи давали тебе не больше недели, — невольно удивился Эрих.
— Моя болезнь была вызвана отнюдь не немощью тела, не физической природой. Меня убивал демон, тянувший на дно океана забвения. Распятие, принесенное тобой из прошлого — оно спасло меня, — пояснил старик, тревожно поглядывая на стрелки часов.
— Год его происхождения был в данном случае неважен, зато именно он и дал мне возможность проникнуть сюда. Кстати, Эрих, где ты взял лакированную коробку с распятием? Ту, что я нашел в кирхе вместе с запиской от тебя.
— Мне передали ее по завещанию герра Бауэра, благодаря которому я получил неожиданное повышение в фирме. Уж даже не знаю, почему именно ее и чем я ему вообще так приглянулся. Мне распятие было ни к чему, но я сразу подумал, что из этой антикварной вещицы выйдет отличный подарок для тебя, — припомнив обстоятельства, ответил молодой человек.
— Да уж, отличнее просто некуда, — грустно скривил губы пастор Берг. — Именно через это намеренно осквернённое распятие демон и проник в кирху. Тот демон, что напал на меня и погрузил в океан забвения. Без "Слезы ангела" — субстанции, реагирующей на присутствие чистого зла, я бы до сих пор искал его в щели под шкафом.
— Осквернённое?! Демон?! Напал на тебя?! — опешил Эрих. — Минуточку, какая щель под шкафом?! Я положил ее на стол!
— Не удивлюсь, если она переместилась туда сама, чтобы надежно спрятаться, — совершенно серьезно произнес старик. — Я даже не удивлюсь, если твое быстрое возвышение по службе было подстроено демонами, как и скоропостижная кончина герра Бауэра — так им было бы проще замести следы своего вмешательства.
Воспитанник выпучил глаза. Он хотел было что-то сказать, но осекся и схватился за голову, силясь унять разбегавшиеся мысли. После всего услышанного те пустились вскачь как табун диких лошадей, напуганных приближением волков. Некоторое время на

его лице витала сложная гамма чувств.
— Но если все это правда, почему же ты не сказал мне обо всем сразу?! — простонал, терзаясь сомнениями, Эрих. — Почему не сказал про Зев?!
— Ты был не готов. Бывали случаи, когда ученики, слишком рано узнававшие тайну, пренебрегали предупреждением. Они брались решать судьбы мира исходя из своего видения, побуждаемые своим эго, — как-то глухо отозвался пастор. — Некоторых удавалось остановить. Некоторые преуспевали.
— Как это — преуспевали? — опешил молодой человек.
— А вот так. Известная тебе история уже менялась, и менялась отнюдь не к лучшему, — все тем же тоном изрек старик.
— Минутку! Если это правда, тогда откуда ты об этом знаешь? — резонно заметил Эрих. — Помнить такое никто не может!
— Люди, поддавшиеся искушению, оставляли об этом записи в комнате с "Зевом дьявола". Латынь на полу, стенах и потолке содержит не только молитвы и барьеры для нечистой силы. Они описывали, что было до их вмешательства и что произошло после. Эти записи служили предупреждением потомкам. Непосвященные не могут их прочесть, — с нескрываемой горечью сообщил пастор.
— И что это было? — не удержался от любопытства Эрих.
— Не могу сказать, но ты узнаешь, если станешь моим преемником, — мотнул головой наставник. — Пока я лишь подкину тебе пищу для размышлений. Ты никогда не обращал внимания, что некоторые исторические события свершились на удивление в нужное время в нужном месте? Такие события, после которых происходил резкий поворот в каком-либо глобальном процессе мирового уровня. Например, внезапно умирает монарх, и его армия, уже практически покорившая неприятеля, отступает. Сменяется власть, а преемник ведет страну противоположным курсом, заключая альянс с прежними врагами. Налетевший шторм губит флотилию, заплутавшая армия не поспевает к полю битвы, а чьи-то матримониальные похождения имеют поистине колоссальные последствия для целых народов. Если внимательно проанализировать такие случайности, их естественная вероятность находится где-то около нуля. Неделей раньше или позже — и ситуация была бы совершенно иной. Да какой там неделей! Порой, всего одним днем, а то и часом.
— Кажется, я понимаю, о чем ты говоришь, — немного подумав, протянул Эрих, которому на ум тут же пришло несколько подходящих исторический соответствий. — Ну ладно, а ты сам? — добавил он. — В чем заключалось твое искушение? Ты его видел или ни разу не заходил далеко в Анома… в "Зев дьявола"?

— Позже расскажу. Сперва давай разберемся с твоим, — напряженно ответил старик, указывая на часы.
— Хорошо, допустим. Но почему меня не остановил никто из других Секуратумов, пока ты пребывал в коме? — скептически осведомился Эрих.
— Потому что их нет, — вздохнул пастор Берг. — Я последний. Мой учитель погиб от рук нацистов, которых ты сейчас пытаешься остановить. Нас выгнали из кирхи. Полагаю, ты видел ее состояние в нынешнем тридцать восьмом году. Вот уж не думал, что и я увижу его снова. Первое время я проникал в нее через главный вход, ловко перекусив замочную цепь. К сожалению, ходить таким путем было слишком заметно, поэтому я немного повозился с окном, сделав так, что оно, выглядя запертым, на деле всегда оставалось открытым. Какое-то время я лазал через него, пока однажды меня не поймали. Вместе со своей семьей я прошел через семь кругов ада. Все мои родные и близкие умерли. Я выжил. Думаю, ты спросишь, каким образом я мог иметь семью, учитывая мой возраст и сколько с тех пор прошло лет. Эрих, я родился еще в девятнадцатом веке. Все эти годы Зев продлял мою жизнь, как всегда продлял ее Секуратумам. Я долго искал себе преемника и однажды нашел того, кто мог бы им стать. Того, кто постоянно лазал в кирху через окно, что послужило мне своеобразным знамением. Ведь это было то же самое окно, через которое некогда лазал и я. В память о прошлом я так и оставил его незапертым. Преемником я хотел сделать тебя, Эрих. Тебя, на которого реагировал "Зев дьявола". Надеюсь и сделаю, если ты примешь правильное решение и отменишь взрыв.
Эрих колебался. На его лице отразилась внутренняя борьба, способная оказать честь любому драматическому актеру. На одной чаше весов находились нацисты, породившие ужасы Третьего рейха, на другой — рассказ старика, звучавший слишком уж фантастично.
— Все-таки я не понимаю, — протянул Эрих. — Не понимаю, как я могу причинить еще большее зло, уничтожив этих чудовищ. Ведь я уничтожу их до того, как они принесут в мир великие беды.
— Это не надо понимать, в это надо верить! — горячо воскликнул пастор. — Дорога в ад устлана благими намерениями! Пытаясь исправить нечто пусть даже очень плохое, ты сделаешь только ХУЖЕ! Хуже, Эрих, пойми! Я не знаю, что именно произойдет, но дьявол не просто так подсунул тебе свой Зев! Он ведь имеет свой интерес. Он пожнет многие жизни, заполучит гораздо больше душ! Число исковерканных судеб кратно увеличится. Столь ненавидимому им человечеству будет нанесен немалый вред, который ля-

жет на твою совесть. И на мою, поскольку я, как Секуратум, недостаточно берег и Зев, и своего воспитанника. Ради этой жатвы он и привел тебя сюда! Ради нее так старались трое демонов! В этом и заключается твое искушение!
Эрих шумно выдохнул, чувствуя, как бешено бьется его сердце. Пошла предпоследняя минута. Если он сейчас остановит взрыв, впереди будет раздел Европы, газовые камеры для всех признанных неполноценными, Вторая мировая война, десятки миллионов унесенных жизней и черное трагическое пятно на всей Германии, вынужденной много лет расплачиваться за позорные деяния своих граждан. А другого шанса предотвратить этот кошмар уже наверняка не представится. Эрих посмотрел на пастора, но тот молчал, впившись в него стальным взглядом. Молодой человек вздрогнул. Он понял, что старик, возможно, решился бы его устранить, если бы знал, как предотвратить детонацию. Похоже, положение было и впрямь серьезнее некуда, раз такой человек, как пастор Берг оказался в одном шаге от убийства.
— Если ты меня обманул, я никогда тебе этого не прощу! — изрек, наконец, Эрих, доставая из-за пазухи пульт дистанционного управления.
Красные цифры, стремясь к нулю, только что миновали оставшиеся сорок пять секунд. Еще раз глубоко вздохнув, антифашист откинул защитный колпачок, подержал пару секунд занесенный палец и нажал на кнопку отмены. Внезапно его глаза расширились. Цифры продолжали уменьшаться! Оторопев, Эрих вновь и вновь посылал сигнал "стоп", но совершенно безрезультатно.
— Не останавливается! Я не могу остановить взрыв! — воскликнул он с внезапно всколыхнувшимся отчаянием.
— Господь всемогущий! — прошептал побелевший пастор.
— А ты как думал? — раздался вдруг чей-то насмешливый голос.
Повернувшись, Эрих увидел вновь появившуюся Белинду. Она стояла в трех ярдах от столика, а ее зеленые глаза горели поистине дьявольским огнем.
— Думаешь, я просто так настояла, чтобы ты поставил автономный таймер? — рассмеялась Белиндиармгда, полыхая огненными волосами. — Оставь кнопку в покое — она бесполезна. Радиоволну мы очень легко можем подавить. Так же легко, как мы подавляли работу ваших компьютеров. Давай, кричи во все горло, что театр заминирован! Беги, ломай кувалдой стены! Извлекай поодиночке десятки тобой же заложенных зарядов! Только, боюсь, времени на это у тебя не осталось.
Ужаснувшийся Эрих понял все, но исправить свою ошибку он уже не успел. Таймер, отсчитав последние цифры, вышел.

Взрыв был такой силы, что повредило даже соседние здания. Его воздействие распространилось на десятки домов окрест, где вышибло почти все стекла и побило посуду. Землю тряхануло так, что люди попадали с ног, а вокруг них сыпалась домашняя утварь и разбивались хрупкие предметы. На улицу же хлынул целый дождь из осколков, порожденных разлетевшимися вдребезги витринами и окнами. Падая в толпу, они ранили тесно стоявших горожан, а некоторых даже убивали. На головы берлинцев вываливались целые оконные рамы, обрушивались кирпичи и дождевые трубы. Люди, страшно перепугавшись, разразились истошными криками и ударились в панику. Поднялась несусветная давка, еще больше увеличивающая число пострадавших. Впрочем, все это были сущие мелочи по сравнению с тем, что творилось в эпицентре детонации.

Крыша театра полностью рухнула на расположенный под ней этаж. Все перекрытия сложились будто карточный домик. Фактически от внушительного строения остались только внешние стены, покрытые множеством глубоких трещин и зияющие пустыми провалами окон. Внутри образовалась бесформенная масса, состоявшая из кусков кирпича и бетона. Большие и малые, они громоздились друг на друга в бесформенную кучу. Изломанные плиты вздыбились как ледяные торосы. Лестничные пролеты, утратив часть ступенек, торчали короткими путями в никуда. Обломки несущих конструкций ощерились изогнутыми железными прутьями. Стройное воплощение архитектурной мысли превратилось в безобразную груду строительного мусора. Элементы лепнины и внутреннего убранства, перемешанные с ее наслоениями, придавали искореженным фрагментам постройки особенно жуткий вид. Части огромной люстры рассыпались хрустальным ручьем поверх свисавшего куска поверженного перекрытия. На кургане из кирпичей восседал невесть как уцелевший стол. Из окон топорщились некогда пышные, а теперь в клочья изодранные занавеси. Красивые декоративные панели обратились в труху, но некоторые очутились на бетонном крошеве, контрастно подчеркивая окружающий хаос. Бешено искрила проводка. Вода из лопнувших трубопроводов била настоящими фонтанами.

Картину разрушения дополняли мертвые тела. В мундирах и платьях, они виднелись повсеместно, выглядывая из руин как полностью, так и отдельными частями. Немногим посчастливилось сохранить практически нетронутый облик. Повсюду были раскиданы оторванные конечности. Сплющенные торсы соседствовали с безобразно изувеченными головами. Туфли и сапоги, сорванные взрывом, валялись рядом с ногами владельцев, а те в свою очередь

лежали неподалеку от туловищ. Руки вздымались к небу судорожно сведенными пальцами, причем часть этих пальцев раскидало отдельно от ладоней. Зияли проломленные ребра. Кости торчали из обезображенной плоти сломанными ветками. Сорванные парики топорщились спутанными волосами подле настоящих скальпов. От некоторых людей осталась одна лишь тошнотворного вида каша, похожая на ту, что вываливалась из раскроенных черепов. Человеческие останки обильно усеивали развалины, превращая их в настоящий кошмар. А кровь! Она была повсюду! Красные капли сочились промеж расколотых плит, собирались в густые темные лужи, целыми ручьями текли по наклонным пандусам лакированного паркета. Разбрызганная по стенам, кровь разукрасила их множеством оползающих пятен. Клочья обоев пропитались ей так, что изменили цвет и стали влажными как после дождя. Она капала с торчавших обломков, стекала из окон, тонкими струйками бежала в пустых дверных проемах. Покидая погибший театр, кровь прочерчивала в пыли длинные изгибающиеся дорожки и обильно вытекала на улицу.

Однако все эти ужасы стало хорошо видно лишь позднее, когда осели густые клубы мелкого щебня. До поры вокруг уничтоженного здания были слышны только стоны и крики тех, кто каким-то чудом уцелел вблизи от взрыва. А таковых было очень мало. Оцепление погибло почти полностью, как погибло и большинство находившихся рядом горожан. Ударная волна неслась с такой силой, что убивала людей на месте, даже если их не задевало осколками камня или кусками железа. Отброшенные прочь, они падали уже мертвыми. Парадные двери выбило настолько мощно, что тяжелые створы практически расплющили всех, кто подвернулся им на пути. Их смертоносный полет закончился на другой стороне улицы, где они врезались в стену тамошнего здания и рассыпались в щепки. Глыбы кирпича и бетона, разносимые взрывом, падали на мостовую и крыши соседних домов как авиационные бомбы. Крыши страдали мало, отделываясь вмятинами, а вот людей они давили и калечили. Убитых было не счесть. Раненых же оказалось на порядок больше. Их число значительно падало по мере удаления от взрыва, полностью сходя на нет где-то в радиусе мили, но внутри зоны поражения люди пострадали не только внутри и вокруг театра. Кто-то, придавленный мебелью, расстался с жизнью в собственном доме, иные лежали бездыханными на полу пивных и магазинов.

Кафе, где находился Эрих Сторм, досталось очень сильно. Толстые стекла, отделявшие посетителей от улицы, разнесло вдребезги. Те, кого они всего лишь ранили, еще очень легко отделались.

Пронзенным крупными осколками повезло куда меньше. Впиваясь вплоть, стеклянные лезвия наносили ужасающие раны. Одному несчастному перерезало сонную артерию, и он заливал все вокруг фонтанами брызжущей крови. Другой сразу умер без мучений, ибо ему отрезало голову. На ногах не устоял никто. Посетителей кафе расшвыряло кого куда, а с улицы в помещение забросило множество стоявших там людей. Чистенькое и опрятное заведение выглядело так, будто взрыв произошел непосредственно в нем, и в нем же теперь лежали его многочисленные жертвы.

Несмотря на то, что в момент детонации Эрих сидел у самого окна, он выжил. Более того, на нем не оказалось ни царапины. Фрагменты стекла дождем пролетели рядом с ним, но не задели молодого человека ни единой бритвенно-острой гранью. Эриха зашвырнуло вглубь кафе, где он приземлился на мягкое кресло, подвернувшееся невесть каким образом. Рядом с ним обвалилась часть потолка, придавив ближайшего человека, а вокруг вперемешку с опрокинутой мебелью виднелись убитые и раненые. Штукатурка, щедро присыпавшая тела будто мукой, быстро темнела, насыщаясь кровью.

Когда Эрих поднялся, в его голове некоторое время здорово шумело, а перед глазами все плыло и качалось. Сказывались последствия ударной волны, не убившей его каким-то чудом. Малопомалу он пришел в себя. Пошатываясь, молодой человек сделал несколько нерешительных шагов, борясь с головокружением. Под носом и возле ушей ощущалась какая-то влага. Утерев ее рукавом, он понял, что это были капельки крови, прочертившие быстро высыхавшие дорожки. Оглядевшись, подрывник ужаснулся окружающим разрушениям и количеству пострадавших. Их подлинное число вскрылось позднее, но зрелища в кафе ему хватило более чем с лихвой. Оказав помощь двум ближайшим женщинам, Эрих спохватился и принялся искать пастора Берга.

Старик как в воду канул. Следуя элементарной логике, продиктованной направлением ударной волны, живым или мертвым он был обязан находиться в кафе, однако тщательные поиски ни к чему не привели. Параллельно помогая людям, Эрих оглядел всех невредимых и раненых, а затем внимательно осмотрел погибших. Никто из них не был обезображен до такой степени, чтобы не поддаваться идентификации. Приходилось признать очевидное — пастор бесследно исчез, словно растворился в пространстве. В ином другом случае воспитанник не нашел бы этому рационального объяснения, но только не теперь. Вспоминая слова старика, прозвучавшие незадолго до взрыва, Эрих заподозрил, что это исчезновение стало первым свидетельством произведенного вмеша-

тельства в историю.

На улице творилось черти что. Морги и больницы не справлялись с наплывом убитых и раненых. Надрывались сирены карет скорой помощи и полицейских машин. Пожарные расчеты спешно заливали вздымавшееся пламя, не позволяя ему распространяться и охватывать соседние дома. Со всех сторон к развалинам театра стекались все городские службы. Поднятые по тревоге, прибывали берлинские подразделения вермахта и СС. Новость о покушении на фюрера и все высшее руководство Третьего рейха стремительно разносилась по всей Германии и далее за ее пределы. Взвыли сирены массового оповещения. В столице, а затем и в стране объявили чрезвычайное положение.

Эрих не отдавал себе отчет, как выбрался за пределы зоны поражения, а затем шел по улицам Берлина. Он брел как в тумане, лишь краем глаза отмечая испуганных прохожих и проносившиеся туда-сюда автомобили. Совсем недавно молодой антифашист готовился торжествовать, праздновать победу над ненавистными нацистами, и в мгновение ока все перевернулось с ног на голову. Триумф обернулся подлинным кошмаром. Впрочем, хуже всего были не реки крови и не длинная вереница трупов, накрытых белыми простынями. Количество жертв и степень разрушений, безусловно, обескураживали, но основной причиной болезненного состояния Эриха служило отнюдь не это. Все его существо охватило ужасное предчувствие чего-то непоправимого. Чего-то такого, что уже нельзя было отменить, повернуть вспять. Взрыв театра, поставив крест на былом, одновременно породил нечто новое, и несчастный подрывник начинал ощущать его непосредственно внутри себя. Ощущать какие-то физические и психологические изменения, смутные, но очень и очень тревожные. Часть воспоминаний становилась зыбкой, словно чужой и навеянной откуда-то извне. Одновременно в голове зазвучали неведомые голоса, появлялись прежде не существовавшие эпизоды из собственной жизни. Все это походило на бред и галлюцинации, вызванные легкой контузией, но Эрих нутром чувствовал, что дело было совсем в другом. История, которую он знал, заметно поблекла, но по-прежнему оставалась в его памяти, однако на нее будто начинала наслаиваться новая, еще едва различимая. Наслаиваться постепенно, как медленно проявлявшаяся фотопленка. Силясь разобраться в своих мыслях, круживших в поистине сумасшедшем вихре, Эрих шел как робот, практически не различая окружающего.

Он решительно не помнил, как добрался до кирхи. Должно быть, его привело туда подсознание, желавшее поскорее покинуть

место сотворенной им трагедии, а также узнать, к каким последствиям она привела. "Зев дьявола" ждал путешественника на прежнем месте. Не снимая формы штурмбаннфюрера, молодой антифашист прошел через него в свое время. Выбравшись из подвала, он поднялся в притвор. Кругом царило подозрительное запустение. Кое-где угадывалось присутствие человека, но в основном вся обстановка носила запущенный характер. В прошлом Эрих ушел в Зев затемно, поэтому прибыл в настоящее уже утром, и в золотистых лучах, падавших из окон, кружили многочисленные пылинки. Забыв ключ от малого входа, он направил стопы к главным дверям. Те, надсадно заскрипев ржавыми петлями, распахнулись, звякнув сорвавшейся на камни цепью. Выйдя наружу, Эрих некоторое время щурился, закрываясь ладонью, пока глаза привыкали к яркому солнечному свету. Когда же это произошло, он глянул прямо перед собой и испытал мощный эффект дежавю. На фонарном столбе, располагавшемся вблизи от кирхи, висело большое красное полотнище, в центре которого, поверх белого круга, чернела нацистская свастика.

Заморгав, Эрих сделал несколько шагов вперед. Некоторое время ему казалось, что все это какая-то галлюцинация вызванная перенесенной контузией. Протерев глаза, он встряхнул головой и вновь посмотрел на фонарный столб. Флаг никуда не делся. Лениво трепыхаясь в дуновении легкого ветерка, он насыщенно отсвечивал красным, по-прежнему демонстрируя главный символ нацизма. Эрих остолбенел. Неужели Аномалия не сработала? Неужели он не вернулся в свое время? Вероятно, да, иначе чем объяснить неважное состояние кирхи и этот зловещий стяг. Задрожав от волнения, молодой человек опрометью ринулся обратно в подвал. "Зев дьявола" отсутствовал. Исчез он навсегда или же появится спустя двенадцать часов, необходимых для адаптации человека, Эрих не знал. Он лишь убедился, что статуи и коробок не наблюдалось, а старый календарь, сыскавшийся в секретной комнате, не соответствовал тридцать восьмому году. Снова поднявшись в притвор, молодой человек наконец-то заметил некоторую разницу со знакомой ему обстановкой, но она выглядела не слишком кардинальной. Вот общая запущенность кирхи уж точно пугала, ибо становилось ясно — службы здесь давным-давно не проводились. Но как же так? Неужели Эрих попал не в свое время, а куда-то еще? Попал в какой-то совсем другой год, направляемый прихотью "Зева дьявола"? Охваченный этой мыслью он вновь вышел наружу и приблизился к фонарному столбу. Полотнище со свастикой его не интересовало. Стараясь не обращать на него внимания, Эрих огляделся вокруг, ища любые примечательные особенности

исторической эпохи. Беглый осмотр оставил двоякое впечатление. С одной стороны, он вроде бы очутился именно в родном времени; с другой, на улице произошли разительные перемены. Преобразился внешний вид многих домов. Деревья и клумбы опять выглядели иначе, изменившись расположением и количеством. Иначе выглядела и проезжая часть, снабженная непривычной разметкой, а остановка общественного транспорта щеголяла не только свастикой, но и характерным немецким орлом. Этот же орел горделиво раскидывал крылья на капоте многих автомобилей, где обычно располагались металлические эмблемы производителей. Нацистская символика отыскалась и в других местах. Оглядывая перспективу улицы, Эрих замечал ее на фоне приметных несоответствий с известным ему кварталом, окружавшим кирху. Не обошел он вниманием и горожан. Одежда немногочисленных прохожих отличалась специфическим покроем, а среди них виднелись и люди в форме, до боли напоминавшей форму вермахта и эсэсовцев Третьего рейха. И те и другие носили значки, где красовалась свастика. Квартал выглядел чистым и ухоженным, но вокруг, проскальзывая во всяких мелочах, словно витал дух какого-то милитаризма. Тревожное чувство, появившееся в груди Эриха, росло и ширилось по мере того, как он находил вокруг все больше элементов, не совпадавших с хорошо знакомым Берлином.

Технологический уровень вроде бы подходил первой четверти двадцать первого века, но резал глаз спецификой воплощения, и пока было не ясно в лучшую или худшую сторону. Электрические провода тянулись вдоль улицы каким-то нестандартным образом, уличные фонари и автомобили не походили на прежние, а в небесной дали парили дирижабли, украшенные все той же свастикой. Впрочем, техническое развитие волновало Эриха уж точно не в первую очередь. Больше всего на свете его сейчас заботило, куда он вообще попал, ибо, судя по окружающим реалиям, уж точно не к себе. Да, на дворе стояла осень, но осень какого года? Не решаясь задать столь дикий вопрос прохожим, Эрих пошел другим путем. Заприметив мусорную корзину, он решил изучить ее содержимое на предмет каких-либо печатных изданий. Одно из таковых там действительно нашлось. Это была простенькая цветастая газета, какие обычно раздавались бесплатно. Новости и реклама молодого человека не интересовали. Выудив находку, он тут же впился взором в верхнюю часть заглавной страницы. Впился и обомлел. Незатейливым типографским шрифтом там была проставлена дата, полностью соответствующая пространственному календарю Эриха. Та дата, куда он и должен был вернуться из прошлого. Сердце антифашиста болезненно сжалось. Внезапно

неподалеку что-то сверкнуло. Подняв глаза, он увидел, как ожила боковая стенка автобусной остановки, оказавшаяся большим экраном. Там, под звуки легкой музыки, отобразилось расписание движения транспорта, после чего сменилось несколько изображений информационно-развлекательного характера. Одно из них призывало публику на некое мероприятие, причем призывало сегодня, с указанием того же календарного дня, что и на газете. Эрих обомлел. Чувствуя, как у него закружилась голова, он был вынужден опереться рукой о скамейку и неожиданно заметил, что на ней кто-то сидит. Сидит, появившись из ниоткуда. У Эриха перехватило дыхание. Не узнать этого человека он попросту не мог. Тот повернул голову и из-под прядей полыхнувших огнем волос на молодого человека глянули глубокие зеленые глаза.

— Ты вернулся, в свое время, не сомневайся! Вернулся туда, куда и полагалось! — ехидно щурясь, сказала Белиндиармгда. — Кстати, твоя форма здесь очень ко двору, хоть и устарела по покрою.

Эрих, вконец смятенный происходящим, молча смотрел на нее ошеломленным взором, не в силах произнести ни слова.

— Что, дар речи потерял? — усмехнулась демонесса. — Разве ты ни о чем не хочешь меня спросить?

— Что происходит?! — изрек, наконец, Эрих, чувствуя себя не лучшим образом.

— Ты изменил прошлое, как и хотел. Чего же ты удивляешься, что изменилось настоящее? — лукаво сверкнула глазами Белиндиармгда.

— Но что именно я изменил?! — воскликнул, предчувствуя беду, молодой антифашист.

— О, я с удовольствием тебе расскажу! Ведь именно поэтому я сейчас здесь! — демонесса послала бывшему напарнику обворожительную улыбку.

— С чего бы вдруг? — недоверчиво осведомился Эрих. — Если пастор Берг прав, то ты ничего не делаешь просто так!

— Разумеется, — охотно кивнула Белиндиармгда. — Ты, безусловно, вскоре все узнаешь и сам, но я хочу, чтобы ты услышал новости от меня. Это доставит мне огромное удовольствие. Хельмуазорсфорта ты больше не интересуешь. Я же хочу насладиться твоими душевными страданиями, когда ты выяснишь, что натворил. Имей в виду — ты можешь меня проигнорировать, но есть вещи, на которые ты узнаешь ответы только из моих уст. Так что спрашивай, не стесняйся. Окажем друг другу последнее одолжение.

— Что произошло?! — выпалил, не удержавшись от соблазна, Эрих. — Я же взорвал Гитлера с целой толпой нацистов! Почему

здесь свастика?!
— Благодаря тебе она никуда и не исчезала, — насмешливо ответила демонесса. — Присядь, не бойся, я тебя не разорву. Присядь и послушай.

Со смертью Адольфа Гитлера и ряда его ближайших соратников Третий рейх отнюдь не рухнул. Развитие нацистской Германии пошло по новому пути. Взрыв убил очень многих высокопоставленных нацистов, но отнюдь не всех. Неведомым образом спаслись Мартин Борман и Йозеф Геббельс, а немало министров и высших функционеров, включая Германа Геринга и Рейнхарда Гейдриха, в театре и вовсе не было. Выбравшись из развалин вместе с другими уцелевшими, Борман понял, в каком положении оказалось правительство Германии, разом лишившейся и фюрера и внушительной части руководителей Третьего рейха. Также он осознал, что нельзя терять ни минуты. Во власти образовался вакуум. В интересах страны его требовалось немедленно заполнить, и заполнить не без выгоды для себя. Пользуясь объявленным чрезвычайным положением, Борман привел в действие все подразделения СС, благодаря своему авторитету и связями с выжившими заместителями Гиммлера. Ему удалось заручиться поддержкой гестапо и СД. Борман, как начальник штаба заместителя фюрера, напирал на то обстоятельство, что Адольф Гитлер убит, как убит и его заместитель Рудольф Гесс. Стало быть, именно он, Борман, становится физическим и идеологическим преемником фюрера, а не тот же Геринг. Последний, понятное дело, был недоволен таким развитием событий, но пока он раскачивался, хитрый и расчетливый Борман его опередил. В кратчайшие сроки он сумел добиться полной лояльности нацистской верхушки. Геббельс оказывал ему всяческую поддержку. Выступив с пламенным обращением к нации, министр пропаганды уже объявил их спасение чудом, вмешательством самого провидения. Не мог же он теперь сказать, что провидение сохранило только его, а Борман спасся за компанию так, между прочим. Уж или все, или ничего. Этим двоим удалось договориться, в результате чего Геббельс успел во всеуслышание объявить Мартина Бормана наследником убитого врагами фюрера. На стороне Геринга было большинство армейских генералов, но они оказались перед выбором — либо принять сложившуюся ситуацию, либо вступить с эсэсовцами в вооруженное противостояние. Последнее выглядело чреватым, учитывая, что Третий рейх держался на определенной идеологии, и олицетворением этой идеологии было как раз СС. После гибели фюрера положение Германии и так повисло на волоске, чтобы усугублять его еще больше. Внешние враги наверняка воспользуются внутренними распрями,

и страна, вместо того чтобы и дальше набирать мощь, стремительно покатится назад к уровню развития периода Версальского договора. Хорошенько все обдумав, генералы отказались от противостояния, и армия не стала вступать в конфликт с СС. Все структуры Третьего рейха официально признали Мартина Бормана рейхсканцлером.

Раздел Чехословакии все равно состоялся, просто не тридцатого сентября тридцать восьмого года, а чуть позже. Борман, понимая, что нельзя отпускать вожжи, добился мюнхенской встречи, на сей раз со своим участием вместо покойного Адольфа Гитлера, похороненного с величайшими почестями. Нападение на Польшу также произошло практически в тот же срок. Война началась осенью тридцать девятого, только теперь она развивалась иначе. Борман, в отличие от бесноватого фюрера, игнорировавшего здравый смысл в пользу своих якобы озарений свыше, действовал куда умнее и расчетливее. Поделив с Советским Союзом восточную Европу, он не стал нарушать пакт о ненападении, понимая, к чему это может привести. Вместо этого он укрепил его еще больше. Произошло то, чего так опасался Уинстон Черчилль — Германия и СССР договорились. Двадцать первого июня сорок первого года эти страны не начали войну. План Барбаросса канул в лету, так и не родившись. Пользуясь невмешательством Сталина, Борман, еще в сороковом году успешно занявший Францию, всерьез занялся Англией, с которой Германия по-прежнему находилась в состоянии войны. Рудольф Гесс, чьим начальником штаба он некогда был, желал союза с британцами и наверняка не пошел бы по такому пути, но Гесс погиб вместе с Гитлером. В отличие от последнего, Борману удалось решить вопрос с правительством Виши, после чего французский флот, некогда остававшийся нейтральным, достался немцам. Также он осуществил сухопутную отправку войск в Италию, как через присоединенную еще Гитлером Австрию, так и через юг Франции. Итальянцы изначально не считались серьезными союзниками, но они обладали отличным стратегическим расположением, а также мощными кораблями. Под предлогом переброски армии для войны с англичанами, немецкие войска походным маршем прошли на Апеннинский полуостров, но уходить оттуда и не собирались. Это позволило договориться с Муссолини политикой кнута и пряника. Либо Рим остается в Оси, либо вермахт оккупирует Италию так же, как он оккупировал Францию. Муссолини выбрал первое. Итальянский флот, считавшийся на тот момент одним из самых грозных в мире, перешел в полное распоряжение Третьего рейха. Это немедленно пошатнуло морские позиции Англии, до сих пор не встречавшей со стороны

Италии достойного сопротивления. Адмиралы, назначенные в итальянские эскадры прямиком из Берлина, действовали куда эффективнее и решительнее. Муссолини очень не нравилось, что итальянскими военными командуют немецкие военачальники, но выбора у него не осталось. Британские суда, хозяйничавшие в Средиземном море, были отброшены, но не это являлось главной целью Бормана. Теперь он располагал достаточным количеством кораблей, чтобы начать сухопутное вторжение. К тому же Советский Союз предоставил немало барж. Они пришли в порты Германии, осуществляя различные поставки, но там и задержались. В результате Третий рейх получил все необходимое, чтобы форсировать Ла-Манш достаточным количеством войск под надежным морским и воздушным прикрытием.

Англия, лишенная своей естественной защиты в виде пролива, была неспособна сопротивляться так же долго и упорно, как Советский Союз в прежнем развитии истории. У нее не хватило ни сил, ни ресурсов. У нее не оказалось ни Сталинграда, ни Курской дуги, чтобы сломать хребет вермахту. Соединенные Штаты не смогли оказать ей должной помощи — у них хватало проблем с Японией, воевавшей тем напористей, чем громче становились успехи немцев. Кроме того, сухопутные силы Англии были серьезно ослаблены Дюнкерком. Борман не совершил ошибки Гитлера, видевшего в англичанах расово естественного союзника, и не позволил армии противника эвакуироваться. Немецкие войска не остановились в одном шаге от побережья. Они смяли все эшелоны защиты и уничтожили практически весь континентальный корпус британцев. После десанта на берега Туманного Альбиона окончательное поражение Англии стало лишь вопросом времени. И вскоре оно свершилось. Лондон перешел под управление гауляйтера, контролировавшего лояльное правительство, составленное из английских нацистов. Британская империя рухнула, открыв Германии моря и океаны.

Захватив всю Западную Европу, Третий рейх обратил взор на другие страны. На востоке находился СССР, с которым ему воевать решительно не хотелось. Сталин также проявил благоразумие. Имея дело не с Гитлером, а с Борманом, он сумел сохранить мир к вящей выгоде обоих. По взаимному соглашению Германия и Советский Союз разделили сферы влияния и действовали с учетом интересов друг друга. Скандинавия пала первой жертвой этого политического альянса, размежеванная между Берлином и Москвой. Третий рейх начал экспансию на юг, в то время как Сталин обратил взоры к Азии. Тем временем США остались один на один с Японией, которой СССР не мешал, а Германия помогала оружием

и технологиями. Утратив позиции на море, Штаты перешли к глухой обороне на Северо-Американском континенте. У Бормана не было желания отправлять через океан десант. США — не Англия, их военная мощь и территория были несравнимы, да и расстояние до них оставляло желать лучшего. Япония, захватив контроль над всем Тихим океаном, также не сунулась на сушу, не располагая достаточными для этого войсками. Таким образом, война перешла в "сидячее" вялотекущее состояние, а после и вовсе закончилась сепаратным миром. Это позволило Третьему рейху развить бурную деятельность в Африке и Латинской Америке. Последнюю он делил с СССР, желавшем получить свой плацдарм в этой части света. Взамен Германию допустили к берегам юго-восточной Азии.

Изобретение атомного оружия резко изменило и без того перекошенный баланс сил. Борман испытывал огромный соблазн ударить по Советам, но сдержался. В процессе глобального разделения мира такая война могла поставить обе страны на грань обоюдного истощения, чем немедленно воспользовались бы третьи лица. Сталин же, понимая, насколько опасны притязания Германии, вооруженной такими бомбами, также не лез на рожон. Во всяком случае, до тех пор, пока Советский Союз не обрел собственные. Это же произошло и с Соединенными Штатами, успешно сдерживавшими внешнюю агрессию. Здесь ключевую роль сыграли ученые, намеренно снабдившие атомной технологией всех крупных игроков. Перед угрозой взаимного уничтожения они станут воздерживаться от применения катастрофически разрушительных боеприпасов, предпочитая решать конфликты другими методами. Так и произошло. Дальше показательных испытаний дело не зашло. США, объединившимся с Канадой в военный альянс, удалось удержать весь Северо-Американский континент. Южная Америка перешла под влияние Третьего рейха и частично СССР, в то время как Азия по большей части оказалась под патронажем Советского Союза, уступившего некоторые земли Германии и Японии. После этого союзники в полной мере обратили взоры на Африку, обладавшую огромными запасами ценнейших ресурсов. По взаимной договоренности они разделили территории по интересам и принялись активно осваивать Черный континент.

Разумеется, мирное сосуществование бесконечно долго продолжаться не могло. Суммарная мощь Германии и СССР, контролировавших львиную долю земного шара, кратно превосходила США, но атомное оружие до поры сдерживало стороны от нападения. При этом как в Берлине, так и в Москве понимали, что в случае падения Штатов они останутся друг с другом наедине. При всех преимуществах глобального союза, соблазн мирового господ-

ства был слишком велик. Таким образом, отношения между новыми империями постепенно охлаждались. К тому времени, как они основательно пошатнулись, Бормана и Сталина давно не было в живых. Оба покоились в мавзолеях, один рядом с Гитлером, а другой с Лениным. Сменившие их люди оценивали устоявшиеся взаимоотношения несколько по-иному. Соединенные Штаты очутились в роли третьей стороны, способной склонить чашу весов в пользу того или иного противника. Все трое, наращивая техническую мощь, размышляли, с кем им заключить новый альянс, и заключать ли его вообще. Страны, вооруженные до зубов, оказались на пороге Третьей мировой войны, только в отличие от прежней линии истории она и впрямь грозила уничтожением всей цивилизации.

Когда Белиндиармгда закончила, на Эриха было страшно смотреть. Он побледнел как мертвец, а по его лицу стекали капли холодного пота. Зрачки расширились до предела, волосы взъерошились. Молодой человек мелко дрожал, будто его било током. Тело охватила чудовищная слабость, а ноги стали такими ватными, что он непременно бы упал, если бы не сидел на скамейке рядом с демонессой. Та явно наслаждалась произведенным эффектом и была само очарование. Лишь в ее глазах то и дело мелькало злое и жестокое выражение, да временами вспыхивал огонек живого пламени.

— Боже, что я натворил! — простонал Эрих, испытывая страшную душевную боль.

Лицо Белиндиармгды, чутко улавливавшей эти терзания, озарила хищная улыбка.

— Тебе теперь с этим жить, — ласково сообщила она, блаженствуя от страданий жертвы, ради которых и явилась. — Поверь, все муки ада просто ничто в сравнении с тем, на что ты сам себя обрек. Кстати, это я спасла тебя в том кафе, когда грянул взрыв, как спасала и раньше, уберегая от малейшей царапины. Ты был настолько наивен, что упорно не замечал свой уникальной неуязвимости, равно как и запредельной меткости. Враги допускали осечку за осечкой, а ты разил их наповал едва ли не вслепую.

— Спасла? Зачем?! Я же вам больше не нужен! — всплеснул руками Эрих.

— Затем! Да, ты отработанный материал, но я пожелала вкусить десерт. Я спасла тебя от смерти, чтобы ты хорошенько прочувствовал все последствия содеянного, а я сейчас могла упиваться твоими страданиями! — расхохоталась рыжая бестия.

Ее волосы пылали живым огнем, но прохожие не обращали на исчадие преисподней ни малейшего желания, поскольку то затума-

нивало им взгляд.
— Ты чудовище! — прорычал Эрих, едва не вцепившись Белиндиармгде руками в горло.
— Я ли?! Из нас-то двоих?! — еще больше развеселилась демонесса. — А кто шел по кровавому пути, усеивая его трупами? Да, я тебя провоцировала, заманивала на скользкую дорожку. Да, мне было необходимо толкнуть тебя на стезю насилия; заставить принять так называемые сопутствующие жертвы, необходимые для достижения "великой цели"; погрязнуть по уши в убийствах, под конец включавших женщин и детей, и серьезно пошатнуть твою мораль, чтобы в итоге привести к тому театру. Вот только это моя работа, а свой выбор ты делал ДОБРОВОЛЬНО!
— Будь ты проклята! — прошептал трясущийся Эрих.
— П-ф-ф-ф! Тоже мне новость! — фыркнула Белиндиармгда. — Как ты прозаичен. Хоть придумал бы что-нибудь новенькое, а то веками слышу одно и то же.
Она откровенно издевалась над несчастной жертвой и отчего-то продолжала это делать, хотя вроде бы все уже сказала.
— Кстати, в новом мире ты неплохо устроился! — добавила вдруг она. — Тебя никто не преследует. Ты вполне уважаемый человек с хорошими связями и достатком. Можешь наслаждаться жизнью.
— Только не говори, что это вы расстарались! — процедил Эрих.
— А кто же еще? — демонесса подарила собеседнику ослепительную улыбку. — Между прочим, в прошлый раз именно мы обеспечили тебе стремительный служебный рост, а заодно предусмотрительно устроили доступ к складу с взрывчаткой. Похлопотала не только я, но и Морокаунхолловиц и Хельмуазорсфорт. Это было необходимо, чтобы направлять тебя к искушению. Известную сложность доставляла материя, перемещаемая из настоящего в прошлое и наоборот. Принадлежа другому времени, она разрушалась, не выдерживая конфликта с реальностью, и лишь присутствие избранных удерживало ее от распада.
Пользуясь вниманием молодого человека, рыжая бестия вкратце поведала ему смысл недавних событий, включая привлечение неонацистов.
— По правде говоря, это было очень расточительно — истреблять таких полезных людей. Что старые, что новые нацисты в своей расовой ненависти служили отличным орудием нашей воли. Один из нас даже выступал их таинственным и могущественным покровителем, тебе же и приславшим адвоката. Однако в твоем случае, мой дорогой антифашист, овчинка стоила выделки, и пришлось пойти на некоторые жертвы, — закончила повествование довольная собой Белиндиармгда. — Кстати, с Отто Шварцем у нас

едва не вышел прокол, когда ты случайно увидел ту видеозапись из ангара. Все-таки мы не вездесущи, и абсолютно за всем порой уследить не можем. К счастью ты, дурачок, так ни о чем и не догадался.
— Допустим, — угрюмо произнес Эрих, пропуская обидный эпитет мимо ушей. — А сейчас зачем расстарались?
— Кто-то должен охранять творение Люцифера, — внезапно огорошила его демонесса. — Собственно, потому мы обычно и не трогали Секуратумов. Оберегая смертных от искушения, они автоматически хранили его от ненужного внимания, допуская лишь избранных. Такое вот взаимовыгодное сотрудничество! И теперь ты станешь следующим хранителем Зева. Это вторая причина, по которой я тебя спасла.
— Пастор Берг об этом знал?! — ужаснулся молодой человек.
— Разумеется, знал, — пожала плечами рыжая бестия. — Потому он и помалкивал до поры, хорошо понимая, что не готовый к правде ты почти наверняка наломаешь дров. А мы этим воспользовались. Кстати, в измененной жизни вы не были с ним знакомы, и не познакомитесь уже никогда, потому что сегодня он умер не без помощи Морокаунхолловица. Поэтому, хочешь не хочешь, а теперь ты станешь новым Секуратумом, если желаешь уберечь Зев от посторонних. Да, теперь ты сможешь прочесть послания, оставленные теми, кто тоже не выдержал искушения. Полагаю, для тебя это будет довольно познавательно.
— Боже мой! Что же я натворил! — возопил Эрих, захлебываясь нахлынувшими эмоциями. — Что теперь скажет Ева?! Она будет ненавидеть меня до конца своих дней!
— Кто?! — насмешливо спросила демонесса.
Сначала молодой человек не отреагировал на ее реплику, но потом, почуяв в голосе Белиндиармгды откровенное издевательство, воззрился на нее с предчувствием новой беды.
— Ева. Моя невеста, — тихо уточнил он едва шевельнувшимися губами. — Это ее вы держали в коме, как и пастора Берга!
— О, я же тебе еще не все рассказала! — снова улыбнулась демонесса, играя с человеком, как кошка с мышкой. — Расовая политика Адольфа Гитлера была продолжена его преемником, просто в несколько видоизмененной форме. В отличие от прежнего фюрера, у Бормана хватило ума не объявлять славян и некоторые другие народы неполноценными, чтобы не вступать с ними в неразрешимый идеологический конфликт. Но вот цыган и евреев он продолжил истреблять столь же безжалостно, и эта политика продолжается Третьим рейхом до сих пор. Рейнхард Гейдрих, имевший самое прямое отношение к "окончательному решению еврей-

ского вопроса", не умер в Праге в сорок втором году. Он основательно преуспел на поприще борьбы с "внутренними врагами рейха". Его дело живет и процветает. Человечество должно было извлечь жестокий урок из гитлеровского нацизма, чтобы впредь никогда его не допустить, а ты своим вмешательством не дал ему этого сделать. Число жертв нацистского режима многократно превосходит прежнее. Предки твоей Евы сгинули в концлагерях. Она никогда не рождалась.

Эрих почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Последний удар, нанесенный Белиндиармгдой, едва не свел его с ума. Качаясь как пьяный, он сполз со скамейки на мощеную дорожку и, закрыв лицо руками, затрясся в беззвучных рыданиях. Демонесса поднялась. Она стояла молча, глядя на запредельно страдавшую жертву, и в ее взгляде сквозило поистине дьявольское удовлетворение.

Когда молодой человек немного пришел в себя, Белиндиармгды уже не было. Она получила что хотела, и утратила к Эриху Сторму всякий интерес. Лишь на скамейке, под взглядом несчастной, обрекшей себя на величайшие муки души угасали огненные буквы одного-единственного слова — Секуратум.

Эрих не покончил с собой. Много дней он бродил как зомби, созерцая окружающий мир, полностью соответствовавший услышанному от демонессы. Политика и общество, идеология и взгляды находились точно в том состоянии, в котором их описала Белиндиармгда. Озвучивая исторические реалии, она не солгала ни единого слова. Не солгала она и про судьбу самого Эриха. В берлинском обществе он и впрямь обладал немалым авторитетом и достатком. Людей из своего окружения Эрих никогда не знал, зато те откровенно удивлялись, отчего уважаемый герр Сторм ведет себя очень странно и реагирует на все так, будто видит впервые. Любимая Ева сохранилась в памяти Эриха как живая, и вместе с тем она действительно никогда не существовала. В конце концов, он едва не пустил себе пулю в лоб, но потом нашел в себе мужество смириться со своей участью. Ведь единственное, что он мог сделать теперь — это не допустить, чтобы в "Зев дьявола" ушел кто-нибудь еще. Эрих стал пастором и принял под свое начало ту самую кирху. Книги из секретной комнаты открыли ему все знания Секуратума. Надписи на латыни, испещрявшие стены за железной дверью, посвятили его в трагические истории предшественников. К ним Эрих Сторм добавил и свою, начертав на стене, к чему привело не выдержанное им искушение.

К О Н Е Ц